This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 86 375

Д. К. Зеленинъ.

UNIVERSITY OF CA
MAY
LIBRARY

ВЕЛИКОРУССКІЕ ГОВОРЫ

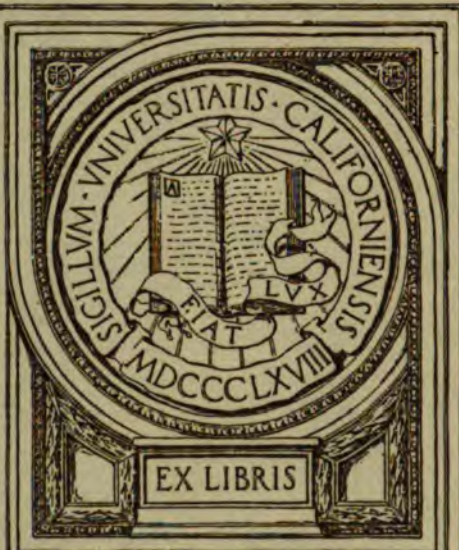
СЪ НЕОРГАНИЧЕСКИМЪ И НЕПЕРЕХОДНЫМЪ СМЯГЧЕНІЕМЪ ЗАДНЕНЕБНЫХЪ СОГЛАСНЫХЪ

въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. В. Орлова. Вас. Остр. Средній пр., д. 6/13.
1913.

EXCHANGE



EX LIBRIS

835
Z49

Д. К. Зелениnъ.

VELIKORUSSKIE GOVORY

ВЕЛИКОРУССКІЕ ГОВОРЫ

СЪ НЕОРГАНИЧЕСКИМЪ И НЕПЕРЕХОДНЫМЪ СМЯГЧЕНІЕМЪ ЗАДНЕНЕБНЫХЪ СОГЛАСНЫХЪ

въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. В. Орлова. Вас. Остр. Средній пр., д. 6/13.
1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*. 30 октября 1913 г.

EXCHANGE

PG 2711
Z4
1913
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе . . . . . XIII—XVI

Введеніе:

§ 1. Задача и методъ работы . . . . . 1— 4

§ 2. Источники. . . . . 4— 7

§ 3. Планъ. . . . . 7— 7

Глава I. Физіологія неорганическаго смягченія задненебныхъ:

§ 4. Физіологическая причина неорганическаго смягченія; прогрессивная ассимиляція не-задненебныхъ; вторая палатализація задненебныхъ . . . . . 8—10

§ 5. Законъ неорганическаго смягченія задненебныхъ; смягченіе послѣ *ч* и *ш*; рѣдкіе случаи . . . . . 10—12

§ 6. Смягченіе звука *г*; другое *г* изъ йота . . . . 12—13

§ 7. Смягченіе звука *х*. . . . . 13—13

§ 8. Переходъ смягченныхъ *к* и *г*. . . . . 14—15

§ 9. Случаи смягченія задненебныхъ по аналогіи съ случаями м. к; случаи мягкихъ задненебныхъ, не имѣющіе ничего общаго съ изслѣдуемымъ явленіемъ. . 15—18

§ 10. М. к у малоруссовъ и у бѣлоруссовъ . . . 18—19

Глава II. Исторія неорганическаго смягченія задненебныхъ:

§ 11. Первыя двѣ палатализаціи въ славянскихъ языкахъ; отсутствіе сочетаній задненебный+палатальный гласный въ древнерусскомъ языкѣ и причины появленія такихъ сочетаній впослѣдствіи; сравнительная новизна появленія м. к въ великорусскихъ говорахъ. . 20—22

§ 12. Случаи м. к въ письменныхъ памятникахъ XVI—XVIII вв.:

1) Можайская грамота 1500 г. . . . . 22—23

2) Рязанская запись 1510 г. . . . . 23—24

3) Грамота 1517 г. . . . . 24—25

4) Розыскное дѣло 1521 г. . . . . 25—26

5) Коширскій протоколъ 1543 г.. . . . . 26—26

907369

СТРАН.

6) Муромская сотная 1574 г. . . . . 26—26
7) Тотемская явка 1586 г. . . . . 26—27
8) Воронежская купчая 1631—32 г. . . . . 27—28
9) Книга 1647 г. . . . . 28—28
10) Доѣздъ 1673 г. . . . . 28—28
11) Брянскій актъ 1732 г. . . . . 28—28
12) Списокъ духовной 1548 г. . . . . 28—29

§ 13. Сомнительные случаи м. к въ старыхъ письменныхъ памятникахъ: Псковскій прологъ 1383 г., Псковскія лѣтописи и окончанія прилагательныхъ на -ей, письмо Герасима 1489 г., списокъ Домостроя XVI в. . . 29—32

Глава III. Этнографическій составъ южновеликорусскаго населенія:

§ 14. Запустѣніе степи и значеніе его въ исторіи русскихъ говоровъ . . . . . 33—35

§ 15. Полѣхи; монастырскіе крестьяне; Рязанское полѣсье . . . . . 35—37

§ 16. Новая колонизація степи—вольная и правительственная; военно-служилые люди и ихъ разряды; смѣщеніе этихъ разрядовъ . . . . . 37—40

§ 17. Однодворцы; Новосильскіе казаки; процессъ сліянія военно-служилаго люда въ одинъ этнографическій типъ . . . . . 40—44

§ 18. Низшій разрядъ военно-служилаго сословія; вольные люди; выходцы изъ-за рубежа; дѣти боярскіе; три разныхъ культурныхъ вліянія въ бытѣ однодворцевъ . . . . . 45—49

§ 19. Частыя служебныя передвиженія военно-служилаго люда и другіе факторы объединенія его въ одинъ этнографическій типъ . . . . . 49—51

§ 20. Двѣ группы современныхъ однодворцевъ; новое Московское вліяніе; однодворческій говоръ; отличіе его отъ полѣсскаго и барскаго; „щекуны“ . . . 51—54

§ 21. Исторія великорусской одежды; понева; однодворческій костюмъ; отличіе костюма Рязанскихъ однодворокъ и причины того; западный элементъ въ однодворческомъ костюмѣ . . . . . 54—61

§ 22. Особенности однодворческаго жилища . . . 61—65

§ 23. Мелкія отличія однодворцевъ: отсутствіе старовѣрчества, сословная гордость и др. . . . . 65—68

§ 24. Цуканы—позднѣйшіе переселенцы въ степь; дѣленіе ихъ на группы; говоръ, костюмъ; костюмъ помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . 68—72

§ 25. Сословныя группы—носители южновеликорусскихъ говоровъ . . . . . 72—73

СТРАН.

Глава IV. Воронежская губернія:

§ 26. Обиліе въ губ. однодворцевъ; демократическій составъ служилаго сословія въ Воронежѣ, пестрота его . . . . . 74—76
§ 27. Клички: талагаи, галманы, щекуны. . . . . 76—80
§ 28. Монастырская колонизація Коротоякскаго у.; поглощеніе ея правительственною колонизаціей. Воронежскіе цуканы; свидѣтельства о нихъ старыхъ авторовъ; мѣстожительство ихъ; цуканы изъ помѣщичьихъ крестьянъ; прежнее цоканье цукановъ. . . . . 80—87
§ 29. Отношеніе говора Воронежскихъ однодворцевъ къ говору цукановъ. Востокъ Нижнедѣвицкаго у., какъ особенно типичная однодворческая мѣстность; описанія мѣстнаго говора, который надо признать чистымъ однодворческимъ. . . . . 87—94
§ 30. Говоры помѣщичьихъ крестьянъ Нижнедѣвицкаго у. . . . . 94—94
§ 31. Двѣ группы среди Нижнедѣвицкихъ однодворцевъ: щекуны и іонки + ягуны, ихъ характеристика . . . . . 95—98
§ 32. Свидѣтельство Филатова о м. к въ Воронежскихъ говорахъ. Говоры монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ. . . . . 98—102
§ 33. Бирюченскій у. . . . . 102—102
§ 34. Бобровскій у. . . . . 102—104
§ 35. Богучарскій у. . . . . 104—104
§ 36. Валуйскій у. . . . . 104—105
§ 37. Воронежскій у. . . . . 105—107
§ 38. Задонскій у. . . . . 107—107
§ 39. Землянскій у. . . . . 107—108
§ 40. Коротоякскій у. . . . . 108—111
§ 41. Новохоперскій у. . . . . 111—111
§ 42. Павловскій у. Заключеніе о Воронежскихъ говорахъ. . . . . 112—113
§ 43. Одежда Воронежскихъ однодворцевъ; одежда помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . 113—117

Глава V. Курская губернія:

§ 44. Группы великорусскаго населенія Курской губ. и говоры этихъ группъ. Полѣсскій говоръ горюновъ, ихъ одежда, кличка, происхожденіе . . . . . 117—123
§ 45. Говоры Рыльскаго у. съ малорусскими примѣсями. . . . . 123—124
§ 46. Однодворцы Курской губ. . . . . 124—124
§ 47. Машкинъ и его матеріалы изъ Обоянскаго у.; отличіе городского и деревенскаго Обоянскихъ го-

СТРАН.

воровъ; чигоканье и чагоканье; формы 3 л. ед. ч. глаголовъ . . . . . 124—128
§ 48. Говоръ помѣщичьихъ крестьянъ Обоянскаго у. . . . . 128—129
§ 49. Обоянское аканье, кагоканье. . . . . 129—131
§ 50. Однодворческій Обоянскій говоръ. . . . . 131—132
§ 51. Однодворческіе нивелированные и иные говоры уу. Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Суджанскаго. 132—134
§ 52. Шигровскій у.; Дмитріевскій у. . . . . 134—136
§ 53. Тимскій у., Фатежскій, Курскій. . . . . 136—138
§ 54. Старо- и Ново-Оскольскій уу. . . . . 138—141
§ 55. Перевертни Новооскольскаго у. и шепелявые говоры Курской губ. . . . . 141—143
§ 56. Саянскіе говоры; одежда саяновъ . . . . . 143—146
§ 57. Кличка саяны; цуканы западнаго происхожденія; говоры съ *с* изъ *ц*. . . . . 146—148
§ 58. Цуканы помѣщичьи. . . . . 148—150
§ 59. Льговскій у. . . . . 150—151
§ 60. Отличіе одежды Курскихъ однодворцевъ и прочихъ крестьянъ; Курское жилище. . . . . 151—153

Глава VI. Орловская губернія:

§ 61. Число и мѣстожительство Орловскихъ однодворцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ; память о прошломъ однодворцевъ. . . . . 153—155
§ 62. Отличія въ одеждѣ Орловскихъ однодворцевъ . . . . . 155—158
§ 63. Происхожденіе Орловскихъ однодворцевъ . 158—158
§ 64. Помѣщичьи крестьяне Орловской губ.: окальщики, цуканы и др. . . . . 158—161
§ 65. Монастырскіе крестьяне. . . . . 161—162
§ 66. Вопросъ объ Орловскихъ полѣхахъ и степнякахъ; граница лѣса и степи теперь и прежде . . . 162—167
§ 67. Одежда Орловскихъ полѣховъ—мужская и женская; два типа полѣсской поневы; малорусское вліяніе въ одеждѣ юго-запада Сѣвскаго у. и что имъ вытѣснено. Поневы Брянскаго у.—безъ прошвы и съ прошвою. Заключеніе объ одеждѣ Орловскихъ полѣховъ . . . . . 168—180
§ 68. Особенности жилища Орловскихъ полѣховъ; ихъ телѣга . . . . . 180—183
§ 69. Прошлое полѣсскаго населенія; пестрота его . . . . . 183—184
§ 70. Діалектологическое дѣленіе Орл. губ. Говоры Болховскаго у. . . . . 185—187
§ 70а. Брянскій у. . . . . 187—189

СТРАН.

§ 71. Дмитровскій у. . . . . 189—190
§ 72. Елецкій у. . . . . 190—192
§ 73. Карачевскій у. . . . . 192—194
§ 74. Кромскій у. . . . . 194—196
§ 75. Ливенскій у.; говоръ однодворцевъ и барскихъ; мысли о происхожденіи Ливенскихъ говоровъ; с изъ ц; красный цвѣтъ юбокъ. . . . . 196—203
§ 76. Малоархангельскій у. . . . . 203—206
§ 77. Мценскій у.; мысли о происхожденіи Мценскихъ говоровъ. . . . . 206—210
§ 78. Орловскій у. . . . . 211—213
§ 79. Сѣвскій и Трубчевскій уу. . . . . 213—216
§ 80. Кагоканье въ Орловскихъ говорахъ. . . . 216—218
§ 81. Соканье (с изъ ц) въ Орловскихъ говорахъ . 218—221

Глава VII. Калужская губернія:

§ 82. Составъ населенія . . . . . 222—224
§ 83. Полѣсье и полѣхи. . . . . 224—226
§ 84. Одежда полѣховъ. Жилище Калужск. губ. . 226—231
§ 85. Говоръ полѣховъ. . . . . 231—233
§ 86. „Карѣлы" Медынскаго у.: исторія, говоръ, бытъ. . . . . 233—239
§ 87. „Карамыши", что ихъ объединило. . . . . 239—240
§ 88. Цокающіе говоры Калужской губ.; помѣщичьи крестьяне; монастырскіе . . . . . 240—246
§ 89. Боровскій у. . . . . 246—248
§ 90. Малоярославецкій у. . . . . 248—249
§ 91. Медынскій у. . . . . 249—251
§ 92. Тарусскій у.; Калужскій у. . . . . 251—252
§ 93. Р. Угра, какъ граница говоровъ; говоры Мещовскаго у. съ м. к . . . . . 252—255
§ 94. Перемышльскій у. . . . . 256—256
§ 95. Лихвинскій у., Козельскій у. . . . . 256—257
§ 96. Жиздринскій у. . . . . 258—260
§ 97. Мосальскій у. . . . . 260—263
§ 98. Заключеніе о м. к въ Калужскихъ говорахъ. 263—265

Глава VIII. Тульская губернія:

§ 99. Число и судьба тульскихъ однодворцевъ . 265—268
§ 100. Взаимоотношеніе однодворцевъ и барскихъ; одежда однодворцевъ . . . . . 268—270
§ 101. Новосильскіе казаки: ихъ исторія и мѣстожительство . . . . . 270—273
§ 102. Одежда Новосильскихъ казаковъ; гипотеза о ихъ происхожденіи . . . . . 273—274
§ 103. Жилище Новосильскаго у. . . . . 274—276

стран.

§ 104. Говоръ Новосильскихъ казаковъ; вопросъ о ихъ цоканьѣ, сходство съ Бѣлевскими монастырскими 276—280
§ 105. Полѣсскіе говоры Новосильскаго у.; мысли о волнѣ соканья (*с* изъ *ц*) . . . . . 280—282
§ 106. Говоры помѣщичьихъ крестьянъ Новосильскаго у. . . . . 282—283
§ 107. Монастырскіе крестьяне Бѣлевскаго у.; прошлое ихъ . . . . . 284—287
§ 108. Монастырскіе крестьяне Одоевскаго у., Новосильскаго и др. уу. . . . . 287—288
§ 109. Сѣверно-великорусскіе и иные говоры Богородицкаго у.; составъ населенія и одежда въ этомъ у. 288—291
§ 110. М. к въ говорахъ Тульской губ.; Коширскій у.; Алексинскій у. . . . . 291—295
§ 111. Тульскій у. . . . . 295—296
§ 112. Веневскій у. . . . . 296—299
§ 113. Одоевскій у. . . . . 299—300
§ 114. Крапивенскій у. . . . . 300—301
§ 115 Епифанскій у. . . . . 302—304
§ 116. Ефремовскій у. . . . . 304—305
§ 117. Чернскій и Бѣлевскій уу. . . . . 306—307

Глава IX. Рязанская губернія:

§ 118. Общій очеркъ . . . . . 308—309
§ 119. Географическое дѣленіе губерніи и исторія Мещерской стороны . . . . . 309—312
§ 120. Исторія и составъ населенія Рязанской степи . . . . . 312—314
§ 121. Различіе въ говорѣ казенныхъ и барскихъ крестьянъ Рязанской губ. . . . . 314—316
§ 122. Отличіе въ одеждѣ казенныхъ и барскихъ. Жилище Рязанской губ. . . . . 316—320
§ 123. М. к въ Рязанскихъ говорахъ . . . . . 320—324
§ 124. Егорьевскій у. . . . . 324—325
§ 125. Данковскій и Раненбургскій уу. . . . . 325—326
§ 126. Сапожковскій у. . . . . 326—327
§ 127. Скопинскій и Пронскій уу. . . . . 327—328
§ 128. Рязанскій и Зарайскій уу. Заключеніе о м. к въ Рязанскихъ говорахъ . . . . . 328—330

Глава X. Тамбовская губернія:

§ 129. Число однодворцевъ. Заселеніе края русскими. . . . . 330—336
§ 130. Тамбовскіе однодворцы въ ихъ отношеніи къ инымъ группамъ мѣстнаго населенія. . . . . 336—338
§ 131. Темниковскій и Елатомскій уу. . . . . 338—340

стран.

§ 132. Шацкій у. . . . . 340—341
§ 133. Моршанскій у. . . . . 341—342
§ 134. Козловскій у. . . . . 342—344
§ 135. Тамбовскій, Липецкій, Усманскій и Борисоглѣбскій уу. . . . . 343—344

Глава XI. Юго-востокъ Европы:

§ 136. Пензенская губернія. . . . . 345—347
§ 137. Саратовская губ. . . . . 347—349
§ 138. Самарская губ. . . . . 349—352
§ 139. Донскіе казаки . . . . . 352—355
§ 140. Некрасовцы, Уральскіе казаки, Гребенскіе, Терскіе . . . . . 355—358
§ 141. Харьковская губернія . . . . . 358—359

Глава XII. Колонизація сѣвера и Архангельская губернія:

§ 142. Общій ходъ колонизаціи на сѣверѣ Россіи, въ связи съ системою земледѣлія; что упорядочивало эту колонизацію. . . . . 360—363
§ 143. М. к въ Пустозерскѣ и откуда оно туда проникло . . . . . 363—370
§ 144. Вопросъ о м. к въ другихъ мѣстахъ Архангельской губ.; названіе юго-западнаго вѣтра „шелонникомъ“ и Новгородская колонизація. . . . . 370—372

Глава XIII. Вятская губернія:

§ 145. Этнографическій составъ великорусскаго населенія Вятской губ.; пути проникновенія въ Вятскіе говоры м. к . . . . . 373—375
§ 146. Колонизація Вятскаго края . . . . . 375—382
§ 147. Котельническій у. Чокающіе, безъ цоканья, великорусскіе говоры . . . . . 382—387
§ 148. Вятскій у. . . . . 388—390
§ 149. Слободской у. . . . . 390—392
§ 150. Глазовскій у. . . . . 392—393
§ 151. Нолинскій у. . . . . 393—399
§ 152. Орловскій у. . . . . 400—404
§ 153. Яранскій у. . . . . 404—412
§ 154. Уржумскій у. . . . . 412—417
§ 155. Малмыжскій у. . . . . 417—421
§ 156. Сарапульскій у. . . . . 421—423
§ 157. Елабужскій у. . . . . 423—425
§ 158. Заключеніе о м. к въ Вятскихъ говорахъ. Pro domo sua. Формы типа ляхче . . . . . 425—428

стран.

Глава XIV. Вологодская губернія:

§ 159. М. к въ Вологодскихъ говорахъ: Вологодскій у., Грязовецкій у. . . . . 428—430
§ 160. Кадниковскій у. . . . . 430—431
§ 161. Тотемскій у. . . . . 431—433
§ 162. Великоустюжскій у., Никольскій у. . . . . 433—435
§ 163. Колонизація Вологодскаго края; Двинскіе говоры съ неслоговымъ у. . . . . 435—444

Глава XV. Ярославская губернія:

§ 164. М. к въ Ярославскихъ говорахъ; Ростовскій у. . . . . 444—447
§ 165. Ярославскій и Ром.-Борисоглѣбскій уу. . . 447—449
§ 166. Рыбинскій у. . . . . 449—451
§ 167. Пошехонскій у. . . . . 451—455
§ 168. Даниловскій и Любимскій уу. . . . . 455—456
§ 169. Мышкинскій и Угличскій уу. . . . . 456—457
§ 170. Моложскій у. . . . . 457—465
§ 171. Заключеніе о м. к въ Ярославской губ. . . 465—467

Глава XVI. Владимірская губернія:

§ 172. Александровскій и Покровскій уу. . . . . 468—469
§ 173. Переяславскій у. . . . . 469—472
§ 174. Юрьевскій у. . . . . 472—474
§ 175. Владимірскій и Суздальскій уу. . . . . 474—475
§ 176. Вязниковскій у. . . . . 475—477
§ 177. Ковровскій у. . . . . 477—478
§ 178. Гороховецкій у. . . . . 478—480
§ 179. Муромскій у. . . . . 481—483
§ 180. Судогодскій у. . . . . 483—485
§ 181. Меленковскій у. . . . . 485—488
§ 182. Заключеніе о м. к во Владимірскихъ говорахъ. Дзекающіе великорусскіе говоры; Лукояновскіе „паны“. . . . . 488—497
§ 183. Пути проникновенія въ Владим. губ. м. к; южное вліяніе въ бытъ Владим. губ.; давнія связи съ Москвою . . . . . 497—499
§ 184. Взаимное отношеніе Владимірскаго и Новгородскаго говоровъ. . . . . 499—504

Глава XVII. Новгородская губернія:

§ 185. Череповецкій уѣздъ. . . . . 505—506
§ 186. Кирилловскій у., Бѣлозерскій, Боровичскій, Тихвинскій и прочіе. . . . . 507—509
§ 187. Колонизація; Волжскіе бурлаки, ягутки . . 509—513

стран.

Глава XVIII. Костромская и другія губерніи:

§ 188. Костромской уѣздъ; Кинешемскій у. . . . 514—515
§ 189. Буйскій у. и Галичскій . . . . . 515—516
§ 190. Солигаличскій у.; м. к и несложовое у. . . 516—518
§ 191. Прочіе уѣзды; факторы распространенія м. к 518—518
§ 192. Пермская губ. и путь въ нее м. к; Сибирь . 518—523
§ 193. Олонецкая губ. . . . . 523—524
§ 194. Тверская губернія. . . . . 524—525

Глава XIX. Московская губернія:

§ 195. Коломенскій уѣздъ. . . . . 525—527
§ 196. Бронницкій уѣздъ . . . . . 527—528
§ 197. Верейскій, Богородскій и др. уѣзды; Гуслица . . . . . 528—530
§ 198. М. к въ старой Москвѣ и на западъ отъ нея; исчезновеніе его тамъ; Москва, какъ исходный пунктъ м. к; переходъ м. к изъ южновеликорусскихъ говоровъ въ сѣверновеликорусскіе . . . . . 530—532

Главныя положенія. . . . . 533—535

Сокращенія. . . . . 537—538
Предметные указатели:
1) лингвистическій . . . . . 539—541
2) этнографическій . . . . . 541—543
Опечатки . . . . . 544—544
Замѣчанія къ картѣ . . . . . 544—544
Карта распространенія великорусскихъ говоровъ съ м. к особое приложеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій русская діалектологія сдѣлала очень большіе успѣхи. Главный изъ нихъ — собраніе весьма обильнаго матеріала, рисующаго современное состояніе разныхъ русскихъ говоровъ.

Но пока русская діалектологія все еще разработывается только, такъ сказать, съ двухъ своихъ концовъ: съ одной стороны изучается современное состояніе русскихъ говоровъ, данныя XIX—XX вв., съ другой — изслѣдуется, по памятникамъ, начальная исторія тѣхъ же говоровъ, факты XI — XV вв. Промежутокъ между двумя этими моментами, средніе вѣка русской діалектологіи остаются наименѣе выясненными. Если нѣкоторые, чисто лингвистическіе, вопросы изъ исторіи этихъ среднихъ вѣковъ русской діалектологіи еще болѣе или менѣе выясняются, то параллельные имъ вопросы этнографической діалектологіи остаются въ полномъ туманѣ (если не считать немногихъ смѣлыхъ и недоказанныхъ гипотезъ), — вслѣдствіе чего и лингвистическіе выводы висятъ, такъ сказать, въ воздухѣ, не пріурочены къ опредѣленному мѣсту и времени.

Предлагаемая работа имѣетъ своею цѣлью пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію этихъ именно среднихъ вѣковъ русской — въ частности великорусской — діалектологіи. Автора одинаково интересуютъ и лингвистическая, и этнографическая стороны вопроса. Но лингвистическое прошлое изслѣдуемаго явленія (неорганическаго и непереходнаго смягченія задненебныхъ въ великорусскихъ говорахъ) очень не сложно и просто; зато этнографическая, внѣшняя исторія даннаго діалектическаго явленія чревата выводами.

Картина современнаго распространенія великорусскихъ говоровъ съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ поражаетъ изслѣдователя своею неправильностью и причудливостью. Тутъ представлены говоры самыхъ разнообразныхъ типовъ, но почти ни одинъ изъ нихъ не вошелъ цѣликомъ, а только частями.

Историческое прошлое того населенія, которое является теперь носителемъ этой своеобразной діалектической черты, должно выяснить, гдѣ и при какой обстановкѣ оно могло усвоить данную черту. Въ результатѣ изслѣдованія должны болѣе или менѣе опредѣленно выясниться группировка и взаимоотношеніе разныхъ великорусскихъ говоровъ въ періодъ распространенія среди нихъ данной діалектической черты, т. е. въ XV—XVII вв.

Для достиженія отмѣченной цѣли мы поступаемъ такъ: изложивъ всѣ имѣющіяся фактическія данныя относительно распространенія въ извѣстной мѣстности изучаемаго діалектическаго явленія, мы стараемся выяснить, какъ давно живетъ теперешнее населеніе въ данной мѣстности, откуда оно сюда пришло и, главное, какимъ культурнымъ вліяніямъ подвергалось въ разное время. Культурныя вліянія, — съ которыми такъ необходимо считаться діалектологу всегда и вездѣ, — выяснялись нами, главнымъ образомъ, при помощи этнографическихъ и историческихъ данныхъ. Одновременное изученіе каждой данной мѣстности съ трехъ сторонъ—діалектологической, этнографической (культурно-сословной) и исторической (историко-колонизаціонной) — давало возможность повѣрять и взаимно дополнять однѣ данныя другими, черезъ что выводы, конечно, выигрывали въ своей прочности.

Предлагаемая работа начата мною и частью написана десять лѣтъ тому назадъ. Въ своемъ отчетѣ оставленнаго при Юрьевскомъ университетѣ за 1904—1905 годъ я уже излагалъ большую часть тѣхъ положеній, которыя являются главными выводами настоящей моей книги. Опубликованію работы мѣшала недостаточность фактическихъ данныхъ, вслѣдствіе которой выводы представлялись лишенными желательной доказательности.

Въ Юрьевѣ я располагалъ только печатными матеріалами, и то не всѣми: Губернскихъ Вѣдомостей и многихъ другихъ провинціальныхъ изданій въ библіотекахъ гор. Юрьева нѣтъ. Въ Петербургѣ я поспѣшилъ ознакомиться съ богатыми рукописными матеріалами (теперь уже частью опубликованными), хранящимися въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки И. Академіи Наукъ; разумѣю отвѣты на по-

дробныя и краткія программы Академіи и такъ назыв. бумаги И. И. Срезневскаго. Почерпнутый мною отсюда діалектологическій матеріалъ, въ связи съ извѣстнымъ мнѣ прежде, оказался болѣе или менѣе достаточнымъ для моей цѣли; но параллельнаго этнографическаго матеріала было все еще мало. И только пересмотрѣвъ Губернскія Вѣдомости за старые годы, а также рукописи архива И. Р. Географическаго Общества, я сталъ располагать матеріаломъ, болѣе или менѣе достаточнымъ для того, чтобы обосновать свои положенія, и выпускаю теперь въ свѣтъ свою работу.

При всемъ томъ, фактическихъ данныхъ у меня меньше, чѣмъ было бы желательно; особенно мало параллельныхъ діалектологическихъ и этнографическихъ описаній однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей: часто, зная говоръ того или иного селенія, мы не знаемъ его прошлаго и быта, и наоборотъ. Отчасти вслѣдствіе этой недостаточности фактическаго матеріала, я избралъ такой планъ своей работы: для каждой данной мѣстности я излагаю сначала всѣ извѣстные факты о говорахъ съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ, потомъ—этнографическія и историческія свѣдѣнія, и въ заключеніе объясняю появленіе въ данномъ говорѣ неорганическаго и непереходнаго смягченія съ точки зрѣнія своей гипотезы. Основныя же положенія моей гипотезы слѣдующія: неорганическое смягченіе было одною изъ отличительныхъ особенностей говора Московскихъ „дѣтей боярскихъ“; отъ нихъ эту черту переняли низшіе разряды военно-служилаго сословія, слывшіе потомъ однодворцами и передавшіе свой говоръ нѣкоторымъ изъ своихъ сосѣдей. Изъ своей предполагаемой колыбели (мѣстности около Коломны или Рязани) неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ рано проникло въ Москву, откуда потомъ распространялось, какъ черта модная, на сѣверѣ и на югѣ — вмѣстѣ съ общимъ культурнымъ вліяніемъ политическаго центра. Когда населеніе южно-великорусской степи, спасаясь отъ набѣговъ крымцевъ и ногаевъ, прихлынуло за Оку, тогда оно здѣсь перемѣшалось съ сѣверно-великоруссами и части послѣднихъ передало интересующую насъ черту своего говора. Изъ Ростовско-Суздальской области потокъ поздней коло-

низаціи унесъ разсматриваемую діалектическую черту на Сухону и на Вятку, а отчасти и на Бѣлое озеро. Коноводы и бурлаки на Волгѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ рѣкахъ, бѣжавшіе изъ Москвы старовѣры и переселяемые помѣщиками крѣпостные изъ южно-великорусскихъ губерній были второстепенными факторами распространенія интересующей насъ черты.

Особыхъ доказательствъ въ пользу такого именно объясненія данныхъ фактовъ часто совсѣмъ не имѣется. Приходится довольствоваться тѣмъ, что наша гипотеза болѣе или менѣе удовлетворительно объясняетъ всю сумму извѣстныхъ намъ фактовъ и нигдѣ не противорѣчитъ этимъ фактамъ. Когда будетъ дано лучшее объясненіе тѣхъ же фактовъ, тогда предложенное нами объясненіе само собою отпадетъ.

Въ началѣ своей работы я смотрѣлъ на нее, какъ на первый томъ цѣлаго ряда изслѣдованій, посвященныхъ отдѣльнымъ явленіямъ великорусской діалектологіи. Послѣ неорганическаго смягченія задненебныхъ, черты новѣйшей и наиболѣе ясной, должны были слѣдовать говоры съ неслоговымъ ў, затѣмъ — говоры съ произношеніемъ *с* вм. *ц*, говоры кагокающіе и т. д. Но теперь, когда для перваго тома потребовалось десять лѣтъ, я уже оставилъ эти свои намѣренія.

Наибольшее участіе въ настоящемъ трудѣ принималъ акад. А. А. Шахматовъ. Бесѣды съ академиками Ѳ. Е. Коршемъ, А. И. Соболевскимъ и Ф. Ѳ. Фортунатовымъ также помогали мнѣ разобраться въ изслѣдуемыхъ языковыхъ процессахъ. Наконецъ, не могу не вспомнить здѣсь своихъ университетскихъ учителей, профф. Д. Н. Кудрявскаго и Л. К. Мазинга, съ которыми я бесѣдовалъ о данной темѣ еще при первомъ зарожденіи у меня мыслей, легшихъ въ основу настоящаго труда.

Приношу всѣмъ названнымъ лицамъ свою сердечную благодарность.

Авторъ.

17 октября 1913 года.

Введеніе.

1: Задача и методъ работы.—2: Источники.—3: Планъ.

§ 1. Задача нашей настоящей работы—прослѣдить ходъ и исторію постепеннаго распространенія въ различныхъ великорусскихъ говорахъ одной діалектической черты, а именно неорганическаго и непереходнаго смягченія заднеязычныхъ звуковъ, по-просту говоря—„мягкаго *к*“ (въ такихъ случаяхъ, какъ Ванька, чайку).

Область распространенія этой черты въ великорусскихъ говорахъ очень велика. На сѣверѣ она простирается до Пустозерска Архангельской губерніи и до Вельскаго уѣзда Вологодской, на югѣ—до Кавказа (казаки Ставропольск. губ.), Дона (донскіе казаки-верховцы) и великорусскихъ слободъ Харьковской губерніи, на востокѣ—до Енисея и на западѣ—до границъ Черниговской губерніи. Правда, въ эти предѣлы входятъ также и отдѣльные, одиноко стоящіе островки интересующей насъ черты; но если взять и одну только область непрерывнаго, сплошного распространенія м. к (мягкаго *к*), такъ и тогда мы увидимъ громадную полосу, тянущуюся на картѣ отъ Воронежской губерніи до Вологодской и отъ Орловской до Вятской.

Уже одна обширность этой области говоритъ о томъ, что м. к встрѣчается въ говорахъ не одного какого-нибудь типа, а въ говорахъ очень разнообразныхъ. И дѣйствительно, м. к мы видимъ одинаково какъ въ говорахъ акающихъ, такъ и въ окающихъ, въ говорахъ цокающихъ и не цокающихъ, въ говорахъ дзекающихъ (сицкари Моложскаго уѣзда), въ говорахъ, въ которыхъ гласные *е* и *и* не

смягчаютъ предшествующей имъ согласной (полѣхи Калужской губ.), и т. д. и т. д. Словомъ, область распространенія м. к не совпадаетъ съ областью распространенія ни одной другой діалектической черты въ великорусскихъ говорахъ.

Очевидно, интересующая насъ діалектическая черта жила какой-то особенной жизнью; исторія и условія распространенія ея были какими-то иными.

Наши изысканія въ этомъ направленіи привели насъ къ выводу, что область распространенія м. к въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ границами тѣхъ мелкихъ этнографическихъ группъ, на которыя дѣлится теперь великорусское племя; появленіе же и обособленіе этихъ мелкихъ этнографическихъ группъ обусловлено въ свою очередь прежними историко-колонизаціонными и культурно-сословными отношеніями. Здѣсь же, значитъ, нужно искать и тѣ причины, которыя опредѣлили собою ходъ и исторію распространенія въ говорахъ изучаемой нами діалектической черты.

Отмѣченныя соображенія заставили насъ изучить 1) дѣленіе великорусскаго племени на мелкія этнографическія группы и 2) тѣ историко-колонизаціонныя и культурно-сословныя отношенія, въ результатѣ коихъ указанное дѣленіе сложилось. Для первой цѣли намъ пришлось много и часто углубляться въ область этнографіи, для второй—въ область исторіи. Вотъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ историко-этнографическій элементъ занялъ въ нашей работѣ слишкомъ много мѣста, казалось бы, въ ущербъ собственно-лингвистическому элементу.

Мы предвидимъ, что это преобладаніе въ діалектологической работѣ историко-этнографическаго элемента можетъ вызвать упреки со стороны нѣкоторыхъ лингвистовъ, и, предупреждая эти возможные упреки, возразимъ на нихъ слѣдующее:

Во 1-хъ, лингвистическая сторона избранной нами задачи проста и понятна, и сама по себѣ, безъ историко-этнографическаго освѣщенія, дать цѣнныхъ выводовъ не можетъ. Мы, кромѣ того, убѣждены, что безъ историко-этнографическаго освѣщенія черта эта—говоря точнѣе: ея распространеніе—и не можетъ быть понята. Что же было необходимо сдѣлать въ лингвистическомъ отношеніи, то мы сдѣлали,

главное—собрали весь имѣющійся діалектологическій матеріалъ по данному вопросу.

Во 2-хъ, выясненіе этнографическаго дѣленія великоруссовъ на мелкія группы, въ связи съ историческими причинами этого дѣленія, можетъ и вообще имѣть очень большое значеніе для русской діалектологіи. Вполнѣ удовлетворительной классификаціи великорусскихъ говоровъ до сихъ поръ нѣтъ; главные пункты имѣющихся классификацій (виды аканья, цоканье, великорусское дзеканье) висятъ, такъ сказать, въ воздухѣ, географически не фиксированы. Попытка сопоставить діалектологическое дѣленіе съ историко-этнографическимъ во всякомъ случаѣ не лишня. Быть можетъ, этому принципу принадлежитъ будущность.

Что же касается до исторической діалектологіи, то для ея задачъ историко-этнографическое изученіе мелкихъ подраздѣленій великорусскаго племени—дѣло первой необходимости: только оно можетъ заполнить ту—никѣмъ не пройденную пока—пропасть, которая отдѣляетъ собою два этапныхъ пункта нашихъ діалектологовъ: а) XIX-ый вѣкъ, для котораго извѣстна картина живыхъ говоровъ, и б) IX-ый вѣкъ, къ которому относится извѣстная этнографическая картина лѣтописца Нестора. До сихъ поръ эту пропасть наши діалектологи заполняли лишь созданіями своего творческаго воображенія.

Нашъ методъ, въ сущности, не новъ. Почти всѣ русскіе діалектологи пользуются этнографическими и историческими данными и придаютъ этимъ даннымъ большое значеніе. Акад. Соболевскій въ своемъ первомъ „Опытѣ русской діалектологіи“ приводитъ цѣлый рядъ народныхъ прозвищъ и присловій, акад. Шахматовъ чередуетъ свои лингвистическія работы съ чисто историческими изслѣдованіями и заявляетъ, что крестьянская „одежда обыкновенно идетъ рука объ руку съ говоромъ: паневы смѣняются сарафанами, сарафаны—платьями на городской ладъ, а вмѣстѣ съ сарафанами и платьями и въ говоръ проникаетъ мѣщанская или городская струя“ [1]), профф. Халанскій и Будде сопровождаютъ свои діалектологическія статьи описаніями мѣстныхъ народныхъ одеждъ и другихъ

[1]) Н. Дурново, Діалектологич. карта Калужской губ. 22.

сторонъ народнаго быта. Даже лингвистъ чистой воды, проф. Богородицкій пишетъ: „Для генеалогіи говоровъ необходимо совмѣстное изученіе языка и быта“ (Говоръ дер. Бѣлой).

§ 2. Одинъ изъ первыхъ, по времени, русскихъ діалектологовъ, проф. Колосовъ пишетъ: „Лингвистическія данныя для этнографическихъ выводовъ нуждаются въ помощи исторіи, и безъ нея не приведутъ къ прочнымъ заключеніямъ. И важно въ этомъ случаѣ знать не давній только ходъ заселенія края, а позднѣйшее движеніе населенія въ немъ, въ него и изъ него. Гдѣ найти такого рода свѣдѣнія, я не знаю“ [1]).—Здѣсь, такимъ образомъ, поставленъ и—крайне важный для насъ—вопросъ объ источникахъ, хотя, какъ видимъ, почтенный ученый и отказался совсѣмъ дать какой-нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Наши источники могутъ быть подраздѣлены на два главныхъ разряда: 1) источники этнографическіе и 2) источники историческіе. Первые для насъ важнѣе, такъ какъ мы считаемъ болѣе надежнымъ исходить отъ современной картины, отъ той группировки населенія, которая намъ извѣстна по непосредственному наблюденію; эту современную картину мы стараемся освѣтить историческими данными, и въ своихъ розысканіяхъ идемъ отъ настоящаго, всегда лучше намъ извѣстнаго и понятнаго, къ прошлому, пятясь, такъ сказать, ракомъ въ глубь исторіи.

Изъ этнографическихъ источниковъ мы должны поставить на первомъ мѣстѣ собственное народное дѣленіе великорусскаго населенія разныхъ губерній и областей. Дѣленіе это выразилось гл. обр. въ видѣ прозвищъ и кличекъ, присловій по адресу сосѣдей. Присловья-прозвища даются прежде всего новымъ переселенцамъ въ данную мѣстность со стороны прежнихъ, старыхъ жителей этой области. Переселенцы, въ свою очередь, осмотрѣвшись и обжившись на новомъ мѣстѣ, даютъ какую-нибудь кличку своимъ сосѣдямъ. Такимъ образомъ, разные колонизаціонные потоки и слои выдѣляются подъ особыми именами [2]). Иногда—

[1]) М. А. Колосовъ, Замѣтки о языкѣ и нар. слов. на сѣв. 307—308.

[2]) Срв. Д. Зеленинъ, Великорусск. народн. присловья, какъ матеріалъ для этнографіи (Жив. Стар. 1904, с. 60—62).

тамъ, гдѣ позднѣйшаго прилива населенія не было—присловье-прозвище отличаетъ другъ отъ друга представителей разныхъ древнихъ княжествъ и удѣловъ (это относится, наприм., къ присловьямъ Тверской губ.), а иногда даже и старыхъ административныхъ подраздѣленій—волостей и становъ, ведущихъ, правда, свою исторію отъ тѣхъ же удѣловъ (Московская губ.). Иногда при этомъ народная память просто-на-просто сохраняетъ старые юридическіе термины, которые въ офиціальномъ языкѣ давно успѣли исчезнуть; таковы „однодворцы“ на всемъ югѣ великороссіи, „Гуслица, Вохна, Гжель“ въ Московской губерніи, „Красная Водога“ въ Ярославской и др. Во многихъ случаяхъ народныя присловья даютъ также и характеристику данной группы населенія въ этнографическомъ или діалектологическомъ отношеніи [1]).

По вопросу о томъ, *откуда* пришла въ данный край та или иная новая волна населенія, источниками служатъ народныя преданія, фамиліи географическаго происхожденія (наприм., наличность на Вяткѣ многочисленныхъ „Устюговыхъ, Двиняниныхъ, Южаниныхъ“ и т. п. безспорно свидѣтельствуетъ о приливѣ населенія съ рр. Юга и Двины) и имена селеній въ томъ же родѣ. Изъ послѣднихъ мы отмѣтимъ два разряда: 1) Географическія имена, начинающіяся предлогомъ за-, очень ясно говорятъ о ходѣ общаго колонизаціоннаго теченія въ данную мѣстность [2]); классическіе примѣры: Заволочье, Забайкалье, Задонскъ, Закавказье. Мелкихъ селеній съ названіями такого типа весьма много, и они даютъ довольно богатый матеріалъ по интересующему насъ вопросу; исключеніе составляютъ лишь имена нѣкоторыхъ подгородныхъ селеній, которыя давались съ точки зрѣнія горожанъ, а также имена нѣкоторыхъ административныхъ единицъ, главнымъ образомъ старинныхъ становъ,—въ томъ случаѣ, когда онѣ созданы были искусственно, а не взяты изъ народныхъ устъ.

2) Второй разрядъ интересныхъ для насъ географическихъ именъ является, въ сущности, прозвищами, кличками.

---

[1]) Срв. тамъ же, с. 62—68.

[2]) Срв. С. Максимовъ, Обитель и житель (Древн. и Нов. Россія 1876, № 6, с. 129).

Таковы, напримѣръ, имена *Ляхово*, *Литвиново* и т. п.; обиліе ихъ говоритъ объ обиліи въ данномъ краѣ переселенцевъ изъ западнаго края, что доказывается, напримѣръ, примѣромъ Тверской губерніи: въ ней 13 названій населенныхъ мѣстъ, связанныхъ съ именемъ Литвы, и 7—съ именемъ Ляховъ [1]). Историческіе акты свидѣтельствуютъ, что въ предѣлахъ этой губерніи дѣйствительно были поселены въ XVII-мъ вѣкѣ польскіе полоняники [2]).

Наконецъ, для опредѣленія сословныхъ подраздѣленій современнаго крестьянства нѣкоторую помощь оказываютъ „Списки населенныхъ мѣстъ", изданные Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ; въ нихъ для каждаго селенія есть отмѣтки о составѣ крестьянъ по рубрикамъ: казенные, удѣльные, владѣльческіе; подъ общимъ названіемъ „казенныхъ" тутъ соединены бывшіе однодворцы, дворцовые, монастырскіе и владѣльческіе, отпущенные на волю ранѣе 1860 г.; вотъ почему этотъ источникъ неособенно надеженъ.

Само собою разумѣется, что этнографическія описанія отдѣльныхъ мѣстностей послужили для насъ главнымъ матеріаломъ; такихъ описаній много разсѣяно въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, а также сосредоточено въ Архивѣ Географическаго Общества.

Что касается историческихъ источниковъ, то писцовыя книги и различные акты стараго времени даютъ особенно богатый и важный матеріалъ по вопросу о заселеніи южно-великорусскихъ „степныхъ" губерній. Здѣсь усиленная колонизація „степи" происходила въ XVI—XVII вв. по иниціативѣ и подъ ближайшимъ руководствомъ Московскаго правительства. Діалектологъ въ данномъ случаѣ можетъ пользоваться уже готовыми изслѣдованіями нашихъ историковъ, наприм. Бѣляева [3]), Багалѣя [4]) и др. Для

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ Тверской губ. Спб. 1862. См. указатель.

[2]) О возможныхъ ошибкахъ при пользованіи такого рода именами см. у А. И. Соболевскаго, Матеріалы и изслѣдов. въ обл. слав. филол. и археологіи. Спб. 1910, с. 224—227.

[3]) Бѣляевъ, О сторожевой и станичной службѣ (Чтенія Общ. И. и Др. Р. 1846, № 4).

[4]) Багалѣй, Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства. М. 1887.—Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства. Харьковъ. 1886.

исторіи населенія въ центрѣ Московскаго государства важны труды Рожкова [1]) и Готье [2]). Колонизаціи Поволжья посвящены извѣстныя работы Перетятковича, но мы этого вопроса почти не касались, такъ какъ изучаемой нами діалектической черты въ Поволжьѣ вообще нѣтъ.—Нѣкоторый свѣтъ на исторію колонизаціи проливаетъ также исторія монастырей и вообще церковная исторія отдѣльныхъ епархій: колонисты-переселенцы поддерживали обыкновенно церковно-религіозную связь съ своею метрополіею.

§ 3. Область распространенія въ великорусскихъ говорахъ м. к рѣзко распадается на двѣ половины: 1) область говоровъ акающихъ, южно-великорусскихъ, и 2) область говоровъ окающихъ, сѣверно-великорусскихъ. Мы будемъ разсматривать эти половины отдѣльно, сначала первую—югъ великороссіи, гдѣ нужно предполагать и исходную точку изслѣдуемаго нами явленія. Въ рамкахъ же каждой изъ двухъ указанныхъ половинъ, мы воспользуемся, въ цѣляхъ практическаго удобства, обычнымъ административнымъ дѣленіемъ, и разсмотримъ интересующія насъ явленія по отдѣльнымъ губерніямъ. При этомъ мы начинаемъ въ обоихъ случаяхъ съ губерній, лежащихъ на крайнихъ точкахъ интересующей насъ области: это ближе ведетъ насъ къ цѣли—установить направленіе и условія распространенія интересующей насъ черты.

Но предварительно, двѣ первыхъ главы своей работы мы посвятимъ общимъ вопросамъ: первую—физіологіи м. к и вторую—исторіи этой черты.

---

[1]) Н. А. Рожковъ, Сельское хозяйство Московск. Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1899.

[2]) Ю. Готье, Замосковный край въ XVII вѣкѣ. М. 1906.

I. Физіологія неорганическаго смягченія задненебныхъ.

4: Физіологическая причина неорганическаго смягченія; прогрессивная ассимиляція не-задненебныхъ; вторая палатализація задненебныхъ.—5: Законъ неорганическаго смягченія задненебныхъ; смягченіе послѣ *ч* и *щ*; рѣдкіе случаи.—6: Смягченіе звука *г*; другое *г* изъ йота.—7: Смягченіе звука *х*.—8: Переходъ смягченныхъ *к* и *г*.—9: Случаи смягченія задненебныхъ по аналогіи съ случаями м. к; случаи мягкихъ задненебныхъ, не имѣющіе ничего общаго съ изслѣдуемымъ явленіемъ.—10: М. к у малоруссовъ и у бѣлоруссовъ.

§ 4. „Мягкимъ *к*“ (м. к) мы, для краткости называемъ неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ звуковъ въ такихъ случаяхъ, какъ Ванька.

Физіологическою причиною м. к служитъ такъ называемая прогрессивная ассимиляція звуковъ, т. е. тотъ видъ уподобленія звуковъ, когда извѣстный звукъ уподобляется своимъ качествомъ не слѣдующему за нимъ (это будетъ ассимиляція регрессивная) звуку, а звуку предшествующему [1]). Въ случаѣ Ванька конечное *а* сдѣлалось мягкимъ подъ вліяніемъ предшествующаго ему мягкаго *к*, а это послѣднее смягчилось подъ вліяніемъ предшествующаго ему мягкаго *н*. Физіологически такое явленіе очень понятно: органы рѣчи, принявъ данное положеніе при артикуляціи извѣстнаго звука, остаются въ этомъ положеніи на нѣкоторое время и послѣ произношенія этого звука, во время произношенія слѣдующихъ за нимъ звуковъ, хотя эти послѣдніе данной артикуляціи совсѣмъ не требуютъ. При произношеніи палатальнаго *н* кончикъ языка приблизился къ мягкому нёбу (velum palati) и, вмѣсто того чтобы опуститься, остался въ приподнятомъ положеніи также и на время произношенія слѣдующаго за *н* звука *к*; языкъ въ данномъ случаѣ, такъ сказать, полѣнился или, быть можетъ, обнаружилъ недостаточную подвижность—причины, какъ видимъ, вполнѣ понятныя, но не неустранимыя; вотъ почему черта эта физіологически совершенно не необходима, не обязательна: человѣкъ, въ говорѣ котораго обычно наблюдается неорганическая палатализація звука *к*, всегда можетъ

[1]) K. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik d. indogermanischen Sprachen, 66, § 58.

произнести этотъ звукъ, въ томъ же самомъ сочетаніи и положеніи, и безъ такой палатализаціи. Съ другой стороны, и у человѣка, которому данное произношеніе вообще чуждо, оно можетъ встрѣтиться, такъ сказать проскользнуть незамѣтно.

Другіе звуки, кромѣ задненебныхъ, также поддаются прогрессивной ассимилязаціи, хотя и не часто. Въ великорусскихъ говорахъ намъ извѣстенъ рядъ случаевъ прогрессивной ассимиляціи звука *н* и одинъ случай—звука *д* и *з*: въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ встрѣчается произношеніе льдю, льдёмъ, льню (ТрМДК. II, 58), въ Кирилловскомъ: льню, больнёй, похвальнёй, остальнёй, сильняя и т. д. (тамъ же II, 168), въ Тихвинскомъ: больнё, сильнёй (II, 111), въ Череповскомъ: льдю, льдёмъ, льню, больняя, я больня, больніе вм. болъные, я вольня, сильни (Жив. Стар. 1893, № 3, с. 374; Сборн. 2 Отдѣл., т. 87, № 3. с. 2), въ Весьегонскомъ: больнё, льню (II, 157 и 158), въ Пошехонскомъ: больнё (Библ. А. Н., № 171), въ Мышкинскомъ: льню, льни (прогр. № 78, Черемхинъ), въ Пошехонскомъ: въ пользю (кр. прогр. № 215), въ Холмогорскомъ: кольнюлъ (Грандилевск. 21); о случаяхъ кажній (=каждый) и колодній см. въ Слов. II Отд., т. 4, с. 84 и 1528.

Что касается задненебныхъ, то они поддаются данной ассимиляціи всѣ; случаи съ мягкимъ *г* и *х* см. ниже (§§ 6 и 7).—Прогрессивная ассимиляція задненебныхъ не есть нѣчто новое въ исторіи фонетики славянскихъ языковъ. Такъ, общеславянское слово *князь* звучало нѣкогда **кънягъ*, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся форма княгиня (цсл. кънягыни); прагерманскій источникъ славянскаго слова *kuningas также не оставляетъ въ томъ сомнѣнія. Подъ вліяніемъ палатальности предшествующаго носового звука звукъ *г* сдѣлался также мягкимъ, вслѣдствіе чего и перешелъ въ звукъ *з*: съ твердымъ *г* такого рода переходъ произойти, конечно, не могъ. Смягченіе это наблюдается во всѣхъ славянскихъ языкахъ, почему его приходится относить еще къ праславянской эпохѣ. Оно извѣстно подъ именемъ такъ называемой „второй палатализаціи задненебныхъ" (о первой палатализаціи см. ниже, § 11) и встрѣчается какъ въ заимствованныхъ словахъ, напр. кладязь, пѣнязь, склязь, и др., такъ и въ туземныхъ: лицо (при

ликъ, обликъ), подвизаться (при двигать), отецъ (суфф.-ьц- соотвѣтствуетъ греч. ikó и санскр. ika); въ послѣднихъ случаяхъ, какъ это выяснено проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ [1]), палатализація находилась въ зависимости отъ положенія въ словѣ ударенія.

§ 5. Законъ неорганическаго смягченія задненебныхъ можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: когда сочетанію задненебный + твердый гласный непосредственно предшествуетъ палатальный согласный или йотъ, тогда, подъ вліяніемъ прогрессивной ассимиляціи, задненебный становится также палатальнымъ и смягчаетъ слѣдующую за нимъ гласную.

Чаще всего встрѣчается это смягченіе въ сочетаніяхъ: нька (нько, ньку), лька(о, у), д(т)ька(о, у), с(з)ька (о, у), йка(о, у); нѣсколько рѣже въ сочетаніи чка (чко, чку): есть говоры, въ которыхъ рядомъ съ *нькя* и т. д. сохраняется *чка*, хотя *ч* произносится съ обычною мягкостью.

Въ предѣлахъ Калужской губ. намъ удалось установить границу между двумя типами м. к: 1) *к* смягчается и послѣ *ч*, 2) *к* послѣ *ч* не смягчается. Граница эта проходила здѣсь по р. Угрѣ (см. § 91 и 93), служащей діалектологическою границею и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Разница указанныхъ типовъ не зависитъ здѣсь отъ различія въ произношеніи звука *ч*: тамъ и здѣсь оно одинаково мягко; но есть всѣ основанія полагать, что говоры, не смягчающіе *к* послѣ *ч* (это говоры полѣсскіе), познакомились съ этою чертою гораздо позднѣе, нежели говоры, знающіе такое смягченіе. М. пр., въ послѣднихъ довольно обыченъ переходъ м. к въ т, чего въ первыхъ никогда не бываетъ.— Подобная же граница проходитъ, повидимому, и въ предѣлахъ области Войска Донского (§ 139).

Смягченіе въ сочетаніяхъ ш(ж)ка(о, у) встрѣчается лишь въ немногихъ говорахъ—въ тѣхъ, гдѣ шипящіе мягки или же еще недавно были мягкими. Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ солнышкѣ (Матер. IX, 169), въ Яранскомъ: овечюшькя,

[1]) И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Два вопроса изъ ученія о „смягченіи" или палатализаціи въ славянскихъ языкахъ, 15—16 (Учен. Записки И Юрьевск. Унив. 1893, № 2).—Ко второй же палатализаціи относятся и случаи регрессивнаго смягченія: цѣна, бози и т. п., о которыхъ мы здѣсь умалчиваемъ.

гумнёшькѣ, въ Нижнедѣвицкомъ: Марьюшкя, заюшкя (Ворон. Г. В. 1857, № 15, Малыхинъ), въ Козловскомъ: мальчишькя, мальчишкю (кр. прогр. Корягина, с. Хоботецъ), въ Курской губ.: лукошкя, акошкя, кадушкю (Халанск. 25), въ Шацкомъ: гарнюшькя, Машкя (Изв. 2 Отд. V, 1900, с. 926, Дурново), въ Новосильскомъ у.: бабушкя, батюшкю (прогр. № 77, Сучковъ), въ Болховскомъ: Грушкя (кр. прогр. № 85, Скибневская). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тутъ можно предполагать вліяніе аналогіи со стороны другихъ уменьшительныхъ (срв. ниже § 9). Но во всякомъ случаѣ не правъ былъ проф. Будде, который усомнился въ приведенной у Даля Курской формѣ Петренеюшкя (Р. Ф. В. 1892, № 2, с. 224).

Столь же не правъ былъ проф. Будде, заподозривъ правильность случаевъ: сахаркю, кваскю, головкю, Лагуткя, съ верхю (тамъ же). Всѣ эти формы вполнѣ возможны; сахарькю, столь естественное при народномъ произношеніи сахарь [1]), отмѣчено также въ Курской губ. (Халанск. 25), въ Буйскомъ у. (Жив. Стар. 1895, с. 406; прогр. № 18); въ Котельническомъ (Матер. V, 161), Петрозаводскомъ (Матер. IV, 118), въ Малмыжскомъ (прогр. № 103) и др. Травкя: Моложскій у. (Этн. Сборн. I, 134), Вологодскій (прогр. № 278, Дьяконовъ), Грязовецк. (прогр. №. 36), Яранск. (прогр. № 59), Малмыжск. (прогр. № 103). Козлятка: Вологодск. у. (Жив. Стар. 1898, с. 241, пѣсня № 12), крохотка, меледкё: Моложск. у. (Этн. Сборн. I, 134). Ягадкя, ва горенкю: Нижнедѣвицк. у. (Ворон. Г. В. 1857, № 15 и 16); кускёмъ, дитятка, каровкю: Курск. губ. (Халанск. 25), милкю: Новосил. (прогр. № 77). Сходкя: Боровскій у. (АГО. XV, 40).

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ палатальность обязана вліянію аналогіи, но выдѣлить такіе случаи мы лишены возможности; наприм. милкю могло возникнуть и фонетически, если въ данномъ говорѣ обычно среднее европейское *л*, широко распространенное во многихъ говорахъ.

---

[1]) Наприм., „Не по сахарю рѣчинька бѣжитъ, по изюму розливается“ въ пѣснѣ Крестецкаго у. (Новгородск. Сборн. IV, 1866, с. 23); сахарю въ разговорной рѣчи Вологодск. у. (Матер. IX, 47); въ Боровическомъ у.: сахирь, сахирю, съ сахиремъ (АГО. XXIV, 29).

Безусловно фонетически возникли случаи: руцкямъ, покупоцькю, годоцкёвъ, соколоцкёмъ въ Нолинскомъ у., въ говорѣ съ мягкимъ ц: кокушицю (Матер. VIII, 416—417).

Отмѣтимъ еще случаи, гдѣ смягченный задненебный звукъ стоитъ въ исходѣ слова: метелёкь, крючокь въ Уржумскомъ у. (Магницкій, 34), четверькь въ Ярославскомъ у. (Р. Ф. В., т. 24, с. 54), Васькь въ Калужскомъ у. (Дурново, Діал. карта, 35), Сенькь въ Щигровскомъ у. (Халанск. 31).—Случаи въ родѣ пятачкёвый (въ Тульск. у.: Р. Ф. В. X, 26) доказываютъ, что интересующее насъ смягченіе вполнѣ возможно и въ серединѣ слова.—Разсуждая теоретически, м. к вполнѣ возможно и въ началѣ слова, на почвѣ сліянія двухъ слѣдующихъ одно за другимъ словъ, что такъ обычно въ произношеніи; наприм. коль куры; но въ такихъ случаяхъ смягченія никѣмъ не отмѣчено.

Въ односложныхъ словахъ м. к встрѣчается крайне рѣдко, конечно только вслѣдствіе рѣдкости такихъ односложныхъ словъ, въ которыхъ имѣлось бы нужное для даннаго явленія сочетаніе звуковъ. Мнѣ извѣстенъ только одинъ такой случай, слышанный мною же въ Яранскомъ у. Вятской губ.: ськёль вм. сколь.

Никакой зависимости отъ мѣстоположенія въ словѣ ударенія разсматриваемое нами явленіе не подлежитъ; въ этомъ его отличіе отъ аналогичной ему „второй палатализаціи“ задненебныхъ (см. § 4 и 11).

§ 6. Смягченіе другихъ задненебныхъ встрѣчается нѣсколько рѣже, конечно только потому, что меньше встрѣчается словъ съ требуемымъ для него сочетаніемъ звуковъ. Будде отмѣтилъ въ Скопинскомъ у. качярьһя, но не придалъ значенія этому „единичному примѣру“ и склоненъ былъ считать его ошибкою слуха (Р. Ф. В. 1892, № 2, с. 226). Въ Буйскомъ у. отмѣчено: дерьгять, съ деньгямъ, деньгю, деньгёй, дергяю, дерьгяешь (прогр. № 248, Ѳ. Покровскій), въ Костромскомъ: четверьгёмъ, кочерьгёй, дерьгять (Сборн. т. 68, с. 46, Виноградовъ), въ Владимірской губ.: зерьгяло (Изв. 2 Отд. XI, 1, с. 251, Соколовъ), въ Костромскомъ еще: с. Шуньгя, въ Вятской губ.: съ четвергя, деньгями, паленьгёвый (=пудлинговый); въ Грязовецкомъ у. Вологодской губ.: дерьгяю, деньгямъ (Р. Ф. В. 1912, № 4, с. 273, Мансикка). — Случай м. г по аналогіи:

надолгѣ въ Котельническомъ у., гдѣ средняго европейскаго *л* нѣтъ (Матер. VIII, 321, срв. 319).

Ничего общаго съ разсматриваемымъ нами явленіемъ не имѣютъ отмѣченные въ Коломенскомъ у. случаи: сватгя (вм. сватья), свингя, судгя, бѣлге, платгя, згяйцами (вм. съ яйцами) (кр. прогр. № 49, А. Покровская), гдѣ г явилось на мѣстѣ йота. Срв. съ этимъ гичко (вм. яичко) въ с. Юрлѣ Чердынскаго у. (сообщ. Конина, полученное мною отъ о. Кедрова); гиси вм. ѣшь (иси, ѣси), погидёмъ вм. поѣдемъ, не гидятъ вм. не ѣдятъ—у обрусѣвшихъ корелъ Кирилловскаго у. (Вѣстн. Географ. Общ. XI, 1854, отд. 2, с. 148 и 149); гили вм. ѣли, гиль вм. ель въ томъ же уѣздѣ (Матер. IX, 168); гихъ, гимъ, гима вм. ихъ, имъ—въ с. Кижи Петрозаводскаго у. (Олон. Г. В. 1898, № 56); Геги-боба вм. Яги-баба въ Бѣлозерскомъ у. (Матер. IX, 168). И здѣсь болѣе обычнымъ придыханіемъ является не г, а й (jот): йиль вм. ель, йиздятъ, йись вм. ѣсть, йіе вм. ее, йихъ, йимъ, йиси, съйиси (Матер. IX, 171, 183—185), йихъ, ьихъ, йего йиме, йищо, мойи, твойи (тамъ же, с. 168). Переходъ йота въ г понятенъ. Такъ какъ всѣ эти случаи отмѣчены у обрусѣвшихъ финноугровъ, то мы склонны относить ихъ на счетъ финно-угорской фонетики.

§ 7. Мягкое *х* встрѣчается главнымъ образомъ въ словѣ верхъ (чаще произносится съ мягкимъ *р*, слѣдствіемъ чего и является смягченіе *х*): на верхю въ Богородицкомъ у. (прогр. № 225), Вологодскомъ (прогр. № 278), верхёмъ въ Орловскомъ у. (с. Салтыки, кр. прогр. № 96, Москвитинъ), вверьхю, верьхя, верьхёмъ въ Костромскомъ у. (Сборн., т. 68, с. 46, Виноградовъ), вверхь брюхомъ въ Угличѣ (Р. Ф. В., 1898, № 3—4, с. 150, Шляковъ). Около Ярославля м. *х* въ этомъ случаѣ отмѣчено для мѣстности, гдѣ м. к теперь нѣтъ (Р. Ф. В., т. 34, с. 54, Тихвинскій); мы думаемъ, что м. к здѣсь было, но уже успѣло вымереть.—Другіе случаи: на ольхю, на пасхю въ Вологодск. у. (Матер. IX, 47), ольхя въ Грязовецкомъ у. (Р. Ф. В. 1912, № 4, с. 273).—Будде нѣкогда сомнѣвался и въ существованіи такихъ формъ, какъ вверхю (Р. Ф. В. 1892, № 2, с. 224)—обстоятельство, свидѣтельствующее, конечно, только о томъ, какъ мало знали мы о русскихъ говорахъ всего четверть вѣка назадъ.

§ 8. Хотя изучаемая нами палатализація задненебныхъ и носитъ общепринятое названіе „непереходной", но иногда и она бываетъ переходною: смягченное *к* переходитъ въ *т*. Это довольно обычное явленіе въ Ярославской губ., особенно въ Ростовскомъ у. (см. ниже § 164); въ Рыбинскомъ у.: Катьтя, Дарьтя, а по аналогіи и Зиньтя (уменьшит. христіанскія имена; дер. Больш. Заболотье, Срѣтенской вол.); въ Переяславскомъ у. Владим. губ. (§ 173); въ гор. Галичѣ: Ваньтя (прогр. № 55). Нѣсколько рѣже встрѣчается этотъ переходъ м. к въ *т* въ южновеликорусскихъ говорахъ; здѣсь мы видимъ эту черту прежде всего въ мѣстностяхъ, гдѣ много недавнихъ переселенцевъ съ сѣвера: въ Богородицкомъ у. (см. § 109), у цукановъ Карачевскаго у.: Ваньтя, авечтя (Р. Ф. В. 1905, № 3, с. 41, с. Никольское, гдѣ рядомъ смычное *г*, 3л. на -тъ, м. к нѣтъ), у помѣщичьихъ крестьянъ Ливенскаго у., среди коихъ есть окальщики: кружтя (вм. кружка), Вантя (устное сообщеніе Е. Лебедевой). Въ Боровскомъ у.: печтю, горьтяя (Дурново, Діал. карта, 7, при сильномъ аканьи), въ Перемышльскомъ у.: Васьтя (Соболевскій, Оп. діал. 15), въ Тарусскомъ у.: Дуньтя, мучтя, (рядомъ молочкя; Асоинская волость; кр. прогр. № 310, Кулагинъ); въ Новосильскомъ у.: мъладайтя, миляньтяй, Ваньтя (Будде, Сборн. 76, с. 33; прогр. 77), въ Орловскомъ у.: тольтя, Ваньтя, Пеття (кр. прогр. № 93. Бородинъ, с. Лаврово; Будде, тамъ же. с. 41 и 42); въ Коротоякскомъ у.: Васьтя, яблачтямъ, чайтю (§ 40).

Въ разсматриваемомъ явленіи перехода м. *к* въ *т* не наблюдается теперь рѣшительно никакой правильности. Большею частью встрѣчается рядомъ м. к безъ перехода и съ переходомъ его въ *т* (§ 173 и др.). Очень рѣдко всякое м. к перешло въ *т*, такъ что м. к совсѣмъ нѣтъ (§ 109, 164, 181; срв. гуцулы § 10): рядомъ съ Ваньтя видимъ форму чайку; т. е., непереходное м. к вымерло, а переходное сохранилось.

Обычно переходная палатализація звука *к* наблюдается тамъ, гдѣ въ *т* переходитъ и обычное м. *к*, т. е. гдѣ говорятъ *тислый* вм. кислый, тинуть, но и это не всегда. Бываетъ и такъ, что произношеніе тислый, тинуть и т. п. въ говорѣ обычно, а переходъ интересующаго насъ м. к

въ т совершенно неизвѣстенъ (§§ 73, 77, 169, Мышкинскій у.; § 173), что доказываетъ, конечно, новизну здѣсь м. к.

Что касается переходнаго смягченія звука *г*, то оно дало йотъ; произношеніе Олья вм. Ольга встрѣчается довольно часто въ великорусскихъ говорахъ, м. пр. оно отмѣчено въ Костромскомъ у., гдѣ также и Шунья (=Шуньга) (Сборн. т. 68, с. 22, Виноградовъ).—Переходъ м. *х* нигдѣ не отмѣченъ.

§ 9. Слѣдующій рядъ случаевъ имѣетъ только весьма отдаленное отношеніе къ интересующему насъ явленію: они образованы по аналогіи съ тѣми случаями, гдѣ м. к явилось фонетически. (Съ такими явленіями по аналогіи мы уже встрѣчались выше: § 5). 1. Прилагательныя и мѣстоимѣнія, оканчивающіяся на кёй вм. кій или кой: гадкёй (угадчикъ) въ Моложскомъ у. (Этн. Сборн. I, 183), экёй Ваньтя! въ Галичѣ (прогр. № 55): формы эти возникли по аналогіи съ прилагательными мірьскёй, польскёй и т. п., гдѣ м. к. явилось по общему правилу. Изъ какёй деревни? (Котельническій у.), гдѣ форма род. пад. женскаго рода была замѣнена, по смѣшенію, однозвучною формою имен. пад. ед. ч. муж. рода *).

2. Формы повел. накл. съ смягченною частицею ко не жди-кё (Яранскій у.) явились по аналогіи съ формами повелит. глянь-кё, сядь-кё, не ругай-кё, гдѣ м. к законно.

Гораздо чаще встрѣчаются случаи, гдѣ сочетаніе *к* и другихъ задненебныхъ съ палатальными гласными не имѣетъ

*) Колосовымъ высказано было мнѣніе, что формы сѣверно-великорусскихъ говоровъ: руськой, деревеньской и др. (Вологодской губ. и др.) всѣ образовались отъ соотвѣствующихъ формъ съ мягкимъ *к*, на почвѣ отвердѣнія этого *к* (ёй: ой; срав заморьскёй, молодецкёй); такое же отвердѣніе произошло де и въ глагольныхъ формахъ запрягомъ, сожготъ и т. д. Никольск., Тотемскій у. и др.), возникшихъ изъ формъ запрягёмъ, сожгётъ (Зам. о яз. и нар. слов. 329). Колосовъ тутъ и тамъ говоритъ не объ аналогіи, а о фонетическомъ образованіи. Если согласиться съ нимъ, тогда нужно признать, что весь великорусскій сѣверо-востокъ, гдѣ только извѣстны формы прилагательныхъ на ой (руськой и т. д.-, зналъ прежде м. к. Гораздо проще и вѣроятнѣе, конечно, объяснять эти формы аналогіею другихъ прилагательныхъ на ой: слѣпой, плохой и т. п.

рѣшительно ничего общаго съ интересующимъ насъ явленіемъ. Таковы: а) *кялейникъ* вм. *келейникъ* въ акающемъ говорѣ Псковскаго у. (Жив. Стар. 1890, № 3, с. 205; говоръ м. к не знаетъ), по аналогіи съ случаяли бяреза, впяредъ.

б) Очень широко распространенныя, едва ли не во всѣхъ великорусскихъ говорахъ глагольныя формы въ родѣ: соткётъ, волокётъ, отсѣкёмъ (Ончуковъ, Сѣв. сказки, 136, 142, 41), пекётъ, сѣкётъ, стерегётъ въ Пинежскомъ и Холмогорск. уу. (Библ. А. Н., № 6. Пругавинъ), пътикёть въ Мценскомъ у. (Сборн., т. 76, с. 49, Будде), *тикёш*, *бирягёш* (Халанск. Нар. гов. Курск. губ. 15) и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ древнія формы звучали съ *ч* и *ж*: печотъ, стережошь. Потомъ, подъ вліяніемъ 1-го лица ед. ч. и 3 лица мн. ч., основы съ *ч* и *ж* замѣнены основами съ *к* и *г*, а окончаніе осталось прежнее. Эти формы суть, такимъ образомъ, результатъ сдѣлки. На сѣверѣ, особенно въ Вятской губ., распространены теперь рядомъ формы въ родѣ пекотъ, стерегомъ и т. п.

в) Въ Архангельской губ. отмѣчено дѣепричастіе *могя* вм. стараго мога: какъ могя въ карбасъ снесла (Библ. А. Н., № 4). Такія формы встрѣчаются уже и въ древнихъ Двинскихъ грамотахъ: могя, ркя *), а также въ Погодинскомъ спискѣ Псковской лѣтописи, XVI в.: ркя (Каринскій, Языкъ Пскова, 82). По справедливому замѣчанію акад. Шахматова, формы эти явились вмѣсто старыхъ рька, мога подъ вліяніемъ формъ водя, ходя, нося.

г) Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ встрѣчаются особыя образованія превосходной степени, въ родѣ: широ*кящій* (Онежскій у., прогр. № 260), гдѣ сочетаніе *кя* явилось подъ вліяніемъ аналогичныхъ случаевъ: новящій, корогящій, здоровящій; долгяющій (Пинежскій у., Библ. А. Н., № 6) по аналогіи съ крѣпчающій; сладкя́нной (Холмогорскій у., Грандилевскій, На род. Ломоносова, 71), дикяньскій (=очень дикій) въ Вытегорскомъ у. (Куликовскій, Слов. обл. олон. нарѣчія, 145); долгянной въ Екатеринбургскомъ у. (А.Г.О. XXIX, 15).

---

*) А. А. Шахматовъ, Изслѣдов. о двинскихъ грамотахъ, 81, №№ 86, и 99; въ концѣ обоихъ словъ малый юсъ.

д) Рѣдкій случай сравн. степ. баскя́е, отъ баской „хорошій", встрѣтился мнѣ въ Сарапульскомъ у. рядомъ съ болѣе обычными здѣсь формами: бастяе и бассяе; къ основѣ баск- присоединено обычное здѣсь окончаніе -яе, какъ новяе, тепдяе.

е) Случаи твор. и мѣстнаго пад.: собакями, разбойниками (Котельническій у.; прогр. № 46), по аналогіи мягкихъ основъ: бровями; срв. формы: дровями, за воротями, къ воротямъ (Вятск. Г. В. 1854, № 27, с. 204, Савиновъ), общераспространенное въ глазяхъ, по дворямъ во Владимірской губ. (Библ. А. Н., № 16).

ж) Формы род. пад. мн. ч.: тройникёвъ (Пошехонскій у., Жив. Стар. 1893, № 4, с. 512, Баловъ), порткёвъ (Гильфердингъ, Онежск. был. II, 385), прутикявъ, ахотникявъ (Халанскій, Нар. гов. Курск. губ. 25). Аналогіями послужили акающія формы: радителявъ и т. п. (Халанскій, тамъ же) и окающія деньковъ, пенькёвъ. Въ род. пад. ед. ч. встрѣтились нѣсколько сомнительныя формы: дудошника, балалаешника (Вологодскій у., Жив. Стар. 1898, с. 241, № 12). Въ Орловскомъ у. Вятск. губ. при род. пад. молокя намъ встрѣтился и им. пад. молокё, т. е. слово это стало склоняться по образцу именъ полё, имё, сѣмё. Въ Уржумскомъ у. клюкя (Изв. Казан. Общ. V, 28), по аналогіи съ кочергя, семья. Въ Курской губ. рукёй (Халанскій, Нар. говоры, 25), какъ семьёй и т. п.

з) Въ звательномъ пад. ед. ч. дѣдже, Ивашже. въ Петрозаводскомъ у. (Н. Е. Ончуковъ, Сѣверн. сказки, 263 и 323, записи А. А. Шахматова); срв. клопъ-краске и мышь-сѣрке (тамъ же, с. 324), гдѣ, повидимому, въ качествѣ именит. падежа употребляется звательный. Здѣсь простая аналогія зват. пад. такихъ случаевъ, какъ Боже!

и) Въ свадебныхъ причетахъ Яранскаго у. я записалъ случаи: высокёхонькё, широкёхонькё, гдѣ кёх явилось по аналогіи съ милёхонько, бѣлёхонько, малёхонько, радёхонька; подобный случай отмѣченъ и въ говорѣ, не знающемъ м. к, въ причетѣ шенкурской невѣсты: она баскимъ-баскехонька, что риѳмовано съ честнымъ-честнехонька (Пам. кн. Арханг. губ. 1907, с. 31). Чесноkёськёй, прилагательное отъ собственнаго имени деревни, по образцу Василёвской и т. п. (Яранскій уѣздъ).

і) Наиболѣе часто встрѣчаются формы тольки, скольки, въ которыхъ иногда видятъ формы съ неорганическимъ смягченіемъ задненебныхъ (Каринскій при описаніи говора С.-Петербургской губ.: Р. Ф. В., т. 40, 1898 г., с. 117). Между тѣмъ эти формы широко распространены въ говорахъ, которымъ неорганическая палатализація задненебныхъ совершенно чужда, между прочимъ въ говорахъ малорусскихъ, бѣлорусскихъ (наприм. въ Оршанскомъ у.: Жив. Стар. 1902, № 3, с. 416), въ Архангельской губ. (прогр. № 41; Библ. А. Н., № 6, Пругавинъ), Олонецкой, Новгородской (Жив. Стар. 1898, с. 407) и др. Рядъ цитатъ см. въ Слов. 2 Отд. (т. IV) под. сл. кольки (=сколько). Вѣрнѣе, конечно, предполагать древнюю форму толь(и)кы.

§ 10. Изучаемое нами діалектическое явленіе можетъ быть названо спеціально великорусскимъ: въ другихъ главныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка—бѣлорусскомъ и малорусскомъ—его вообще нѣтъ. Но вотъ маленькое исключеніе. У бойковъ Стрыйскаго округа, въ Галиціи, встрѣчается неорганическое смягченіе звука *н*, всегда переходное: доньтя, соненьтё, паненьтё (=паненько, зват. пад.), господароньтю, службоньтю (А. И. Соболевскій въ Жив. Стар. 1892, № 4, с. 59, со ссылками на „Пѣсни“ Головацкаго, II, 22, IV, 3, 17, 66—68 и др. и Studien Огоновскаго, 65). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ явленіе, вполнѣ тожественное съ изслѣдуемымъ нами; доньтя возникло изъ прежняго донькя, что обычно и въ великорусскихъ говорахъ.

Но вообще малорусскіе говоры совершенно не знаютъ этой черты. Въ предѣлахъ Россіи она, сколько намъ извѣстно, рѣшительно нигдѣ не отмѣчена, даже „перевертни“ изъ малоруссовъ, говорящіе уже по великорусски, не знаютъ этой черты, обычной у ихъ сосѣдей-великоруссовъ (наприм. въ Дмитріевскомъ у. Курской губ., въ селѣ Меньшиковѣ: прогр. № 236, Успенскій). Да и исторія интересующей насъ черты (см. главу II-ую), равно какъ и географическое распространеніе ея весьма плохо мирятся съ предположеніемъ, что эта черта была свойственна малорусскимъ говорамъ.

Вотъ почему мы думаемъ, что несмотря на полное тожество явленій бойковское м. к ничего общаго не имѣетъ

съ тою же великорусскою чертою: оно появилось и развилось внѣ всякой связи съ великорусскою чертою. Тутъ просто-на-просто тожественныя условія привели къ совершенно одинаковымъ результатамъ.

Иначе обстоитъ дѣло со столь же почти рѣдкими бѣлорусскими говорами съ м. к. Такихъ мы знаемъ три: 1) говоръ с. Нижнее, Нижневской вол. Стародубскаго у. Черниговской губ., гдѣ при свинія, суддя, рыю, мыю, аканье и м. к: Ванькя, помаленькю (кр. прогр. № 209 а, свящ. Іоаннъ Рублевскій); 2) говоръ с. Глядина на Ю.В. Сѣвскаго у. Орловской губ., гдѣ толькя (но: съ печкаю), рядомъ съ формами: у рызя (=въ ригѣ), на паталоцѣ, у калпацѣ (кр. прогр. № 86, Г. Платоновъ); 3) говоръ с. Сукромли Прыщанской вол. Рославльскаго у. Смоленской губ. (Тр.М.Д.Ком. II, с. 76—77). Два первыхъ говора нельзя назвать чистыми бѣлорусскими, они смѣшанные или переходные. Село Глядино является островкомъ среди преобладающаго въ Сѣвскомъ у. великорусскаго населенія; въ Стародубскомъ же уѣздѣ расположенъ цѣлый рядъ великорусскихъ старовѣрческихъ слободъ. Заимствованіе бѣлоруссами великорусской діалектической черты въ томъ и другомъ случаѣ представляется вполнѣ естественнымъ. Заимствованіемъ же объясняется и третій случай.

Что же касается такихъ случаевъ, какъ смерькь (вм. смерть) въ гуцульскихъ говорахъ, то они конечно, ничего общаго съ разсматриваемымъ нами явленіемъ не имѣютъ. Переходъ мягкаго *т* въ *к* кое-гдѣ встрѣчается и у великоруссовъ, наприм. лѣса кёмные въ Вятской губерніи, чкеніе (Великолупкій у.; кр. прогр.; с. Загарье), киски вм. тиски (Шенкурскій у.; прогр. № 275) и др.; эта же черта и въ кайкавскомъ нарѣчіи сербохорватскаго языка, и въ древнемъ Кіевскомъ говорѣ.

II. Исторія неорганическаго смягченія задненебныхъ.

11: Первыя двѣ палатализаціи въ славянскихъ языкахъ; отсутствіе сочетаній задненебный+палатальный гласный въ древнерусскомъ языкѣ и причины появленія такихъ сочетаній впослѣдствіи; сравнительная новизна появленія м. к въ великорусскихъ говорахъ.—12: Случаи м. к въ письменныхъ памятникахъ XVI—XVIII вв.: 1) Можайская грамота 1500 г.; 2) Рязанская запись 1510 г.; 3) грамота 1517 г.; 4) розыскное дѣло 1521 г.; 5) Коширскій протоколъ 1543 г.; 6) Муромская сотная 1574 г.; 7) Тотемская явка 1586 г.; 8) Воронежская купчая 1631—32 г.; 9) Книга 1647 г.; 10) доѣздъ 1673 г.; 11) Брянскій актъ 1732 г.; 12) списокъ духовной 1548 г.—13: Сомнительные случаи м. к въ старыхъ письменныхъ памятникахъ: Псковскій прологъ 1383 г., Псковскія лѣтописи и окончанія прилагательныхъ на -ей, письмо Герасима 1489 г., списокъ Домостроя XVI в.

§ 11. Изучаемое нами великорусское смягченіе задненебныхъ можетъ быть названо „третьею палатализаціею задненебныхъ въ славянскихъ языкахъ". Первыя двѣ палатализаціи произошли еще въ праславянскую эпоху, хотя и въ очень отдаленное одна отъ другой время; онѣ отразились во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Обѣ первыя палатализаціи были переходными; первая дала въ результатѣ смягченія задненебныхъ шипящіе звуки: ч, ж и щ, вторая—свистящіе: ц, з (зѣло, а не земля) и с. Слѣды первой палатализаціи можно видѣть въ случаяхъ: чадо, заимствованное изъ германскаго kind, зват. пад. Боже, слова: жена, червь и др. Слѣды второй: церковь, цѣна, бози, звѣзда (польское gwiazda и вообще западно-славянское слово, соотвѣтствующее русскому звѣзда, не подверглось палатализаціи, изъ чего можно заключать, что вторая палатализація происходила въ самомъ концѣ праславянской эпохи, когда отдѣльные языки уже отдѣлялись отъ своего общаго корня), упомянутое уже нами выше (§ 4) князь, отецъ, цсл. и малор.-бѣлор. въ руцѣ, на версѣ.—Первая палатализація была только регрессивною, вторая—какъ регрессивною (цѣна, бози), такъ и прогрессивною (отець, князь).

Указанныя палатализаціи — первая и вторая—устранили изъ славянскихъ языковъ сочетанія: задненебный+палатальный гласный, и русскій языкъ въ наслѣдство отъ праславян-

скаго такихъ сочетаній не получилъ. Здѣсь доказательство того, что изучаемое нами явленіе никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ прославянской эпохѣ: если бы въ праславянскую эпоху существовала форма донькя, то она перешла бы въ *доньчя (при первой палатализаціи) или же въ *доньця (при второй палатализаціи); между тѣмъ ничего подобнаго въ русскихъ формахъ мы не видимъ.

Мало того, на основаніи изложенныхъ фактовъ можно смѣло заключать, что сочетанія въ родѣ кя, кю, гя и т. п. (т. е. и разсматриваемое нами явленіе) и не могли появиться въ русскомъ языкѣ *вскорѣ* послѣ выдѣленія его изъ славянскаго праязыка. Такого рода сочетанія были тогда совершенно чужды, не свойственны русскому языку, въ которомъ не было тогда даже сочетаній *ки, ги* и т. п.: кислый звучало кыслый, Кіевъ — Кыевъ и т. д. Между тѣмъ, произношеніе въ родѣ Ванькя и т. п., гдѣ мягкость *к* не была физіологически необходимою, могло возникнуть только при томъ условіи, если въ данномъ языкѣ сочетанія задненебный + палатальный гласный обычны и ухо говорящаго къ такимъ сочетаніямъ вполнѣ привыкло.

Съ теченіемъ времени это и дѣйствительно произошло; теперь въ русскомъ языкѣ такого рода сочетанія очень обычны, если даже взять одно литературное произношеніе, не принимая во вниманіе народныхъ говоровъ съ м. к; мы говоримъ: кислый, Кіевъ, волки, о волкѣ, гибель и т. д. Эта привычка языка къ нѣкогда совершенно чуждымъ ему сочетаніямъ могла произойти только постепенно, въ теченіе очень продолжительнаго времени. Причинами появленія въ языкѣ сочетаній задненебный + палатальный гласный были разнаго рода аналогіи въ склоненіи именъ, въ спряженіи глаголовъ, въ словообразованіи, а также заимствованныя слова, въ которыхъ было такое сочетаніе. Съ теченіемъ времени вмѣсто общерусскаго на бе́резѣ великоруссы стали произносить на бере́гѣ и т. п., а вмѣсто сочетаній *кы, гы, хы*, съ лабіализованнымъ произношеніемъ гласнаго *ы*, стали говорить: ки, ги, хи. Когда именно произошла эта замѣна, мы не знаемъ, но на основаніи письменныхъ памятниковъ можно заключать, что въ XV-мъ вѣкѣ во многихъ русскихъ говорахъ еще продолжало существовать лабіализованное

произношеніе звука ы, т. е. жили сочетанія кы, гы, хы [1]).

Для насъ особенно важно знать, что данная замѣна въ произношеніи задненебныхъ требовала весьма продолжительнаго времени; въ этомъ можно видѣть доказательство того, что неорганическая палатализація задненебныхъ не могла возникнуть въ глубокой древности, напр. въ XII или XIII-мъ вѣкѣ.

О томъ же свидѣтельствуютъ и данныя письменныхъ памятниковъ. Несомнѣнные случаи м. к въ памятникахъ начинаютъ встрѣчаться лишь съ самаго конца XV-го вѣка.

Случаи эти вообще очень немногочисленны: писцы легко избѣгали въ письмѣ такого рода ошибокъ. Случаи эти почти всѣ перечислены въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ А. И. Соболевскаго (с. 130 по 3-му изданію). Приведенный здѣсь списочекъ ихъ мы могли дополнить лишь немногими случаями, хотя и перечитали много актоваго матеріала XVI—XVII вв.

§ 12. Ниже мы приводимъ всѣ извѣстные намъ случаи м. к въ актахъ XVI—XVII вв. и стараемся выяснить, говоръ какой мѣстности могъ отразиться въ каждомъ данномъ актѣ. Случаи XV, а особенно XIV в., приводимые акад. А. И. Соболевскимъ, всѣ болѣе или менѣе сомнительны; ихъ мы укажемъ ниже (§ 13). Древнѣйшій изъ вполнѣ достовѣрныхъ извѣстныхъ намъ случаевъ относится къ 1500-му г.

1. Въ Можайской правой грамотѣ по спорному дѣлу между крестьянами Усошской волости и Симановымъ монастыремъ о принадлежности послѣднему поженъ Степановской деревни Ватолинскаго села, отъ 27 ноября 1500 г. [1]), находимъ 6 разъ написаніе Тимонкю и только одинъ разъ Тимонку, много разъ Тимонка, Тимонко, съ Тимонкою. Бывшій на судѣ отвѣтчикомъ, Тимонка—крестьянинъ Кобылинской деревни Усошской волости. Судилъ Можайскій судья и воевода Иванъ Бортеневъ. Истцомъ и представителемъ монастыря на судѣ былъ поселковый старецъ монастырскаго села Вато(а)лина (теперь Ватулино, Рузскаго у), Фегнастъ.

[1]) А. А. Шахматовъ, Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в., с. 81.

[1]) Напечатана у Н. П. Лихачева, Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ. Спб. 1895, с. 124—128.

Судъ происходилъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія— на спорной землѣ, которая оказалась принадлежащею Симонову монастырю и на которой насильно выкосили сѣно крестьяне сосѣдней дер. Кобылинской. Мѣсто это находилось тогда въ станѣ „Усохъ и Берестово" Можайскаго уѣзда, а теперь тутъ Рузскій уѣздъ; но большей части упоминаемыхъ въ грамотѣ деревень теперь уже не существуетъ, исключая казенной дер. Ватулино (№ 4981 по „Списку насел. мѣстъ" 1859 г.; въ 5 верст. отъ гор. Рузы) и бывшей владѣльческой дер. Берестово (№ 5010; въ 12 верст.). Въ смутное время, около 1620 г., монастырское сельцо Ватолино съ деревнями запустѣло; Симоновъ монастырь жалобился по этому поводу правительству, и грамотою 1622 г. ему были даны особыя льготы [1]).

У насъ нѣтъ данныхъ для опредѣленія того, отражаетъ ли правописаніе данной грамоты (въ частности, написаніе Тимонка) произношеніе писавшаго ее Можайскаго (?) писца, или же этотъ послѣдній находился въ данномъ случаѣ подъ давленіемъ участниковъ суднаго дѣла, а если такъ, то кого именно — монастырскаго ли старца изъ Ватолина или же Кобылинскихъ крестьянъ? Возможно, конечно, и то, что говоръ городского писца совпадалъ въ данномъ случаѣ съ говоромъ мѣстныхъ сельскихъ жителей. Во всякомъ случаѣ, наличность 6-и случаевъ ошибочнаго написанія съ м. к, при общей правильности въ орѳографіи писца, не оставляетъ сомнѣнія, что здѣсь отразилась черта дѣйствительнаго произношенія. Необходимо признать, что на порогѣ XVI в. въ западной половинѣ Московской губ. было м. к, и притомъ было тамъ, гдѣ теперь его нѣтъ. Исчезновеніе этой черты нѣтъ необходимости связывать съ общею нивеллировкою мѣстнаго говора: оно могло быть также и слѣдствіемъ запустѣнія здѣшнихъ селеній въ началѣ XVII вѣка.

2. Слѣдующій по времени случай относится къ 1510 году, къ Рязанской области. Это „запись Ѳениныхъ на помѣстье: Ройкинская Поляна, пожалованное имъ Солотчинскимъ Архимандритомъ Досиѳеемъ", напечатанная въ книгѣ Пискарева „Древнія грамоты и акты Рязанскаго края" (Спб. 1854, с. 10—11, № 10) и отмѣченная впервые проф. Будде

[1]) В. Пассекъ, Историческое описаніе Московскаго Симонова монастыря. М. 1843, с. 145.

(Р. Ф. В., т. 27, с. 225). Рукоприкладство къ этой записи одного изъ послуховъ гласитъ: „Къ сей записи язъ Ларкя послухъ руку свою приложилъ".—Солотченскій монастырь находится въ Рязанскомъ уѣздѣ. Запись писана, по всей вѣроятности, въ Рязани. Мы не знаемъ, былъ ли „Ларкя" (Ларя Фроловъ сынъ Бачманого) Рязанскимъ уроженцемъ, но узнаемъ изъ записи, что онъ принадлежалъ къ сословію „дѣтей боярскихъ", а эти послѣдніе находились тогда обычно на военно-сторожевой службѣ въ украинныхъ городахъ, къ числу коихъ принадлежала и Рязань. Въ качествѣ военно-служилаго человѣка Ларя былъ, конечно, мѣстнымъ жителемъ.

Изъ данной „записи" можно съ увѣренностью заключать, что въ говорѣ „дѣтей боярскихъ" (это было особое сословіе)—предковъ нынѣшнихъ однодворцевъ—уже въ самомъ началѣ XVI вѣка было м. к.

3. Весьма большой интересъ представляетъ для насъ коротенькая жалованная грамота вел. князя Василія Ивановича, выданная 9 апрѣля 1517 г. нѣкоимъ Степанку, Осифку и Володькѣ Ѳедоровымъ да Ромашку Фролову на дикіе лѣса въ Устюжскомъ уѣздѣ. Грамота эта напечатана съ подлинника въ Актахъ Археографич. Экспедиціи (т. I, № 163, с. 132—133).

О писцѣ грамоты мы ничего не знаемъ, но есть всѣ основанія полагать, что онъ служилъ въ Москвѣ, гдѣ, конечно, и выдана грамота. Орѳографія писца вообще очень интересна: въ ней видна сильная борьба бозграмотнаго написанія съ традиціей. Въ 3-мъ л. мн. ч. глаголовъ писецъ нѣсколько разъ пишетъ на концѣ *ть*: прикажуть, ни всылають, ни съѣзждають (с. 133), рядомъ: судятъ, будетъ; душогубства. Въ качествѣ им. пад. ед. ч. для имени Степанъ писецъ употребляетъ туже самую форму, что и для вин. пад.: Степан*кя*; оба падежа встрѣчаются въ грамотѣ подважды; предложный пад. на Степанкѣ. Напротивъ, имена Ромашко и Осифько склоняются правильно, на манеръ окающихъ говоровъ, по мужскому склоненію (им. пад. на *о*, вин. на а); предложный пад.: на Ромашкѣ, на Осифькѣ. Уменьшительное же къ имени Владиміръ измѣняется по падежамъ такъ: им. пад. Володж*е* (2-жды), вин. пад. Володж*ю* (2-жды), предл. пад. на Володж*и*.

Относительно написанія „Володке“ (им. п.) могутъ быть разныя предположенія: или здѣсь конечное *е* стоитъ вмѣсто ѣ—въ виду ли отсутствія у писца для этого звука особаго знака, въ виду ли того, что такъ подписался самъ проситель, конечно окальщикъ (вѣрояно, изъ Великоустюжскаго у., Вондокурской вол.); или же это написаніе предполагаетъ форму Володь*кя*, изъ которой явилось фонетически, если не какъ звательный падежъ (срв. современное дядинь*ке*). Во всѣхъ случаяхъ необходимо предполагать м. *к*, что съ безусловностью явствуетъ изъ вин. пад. на *кю*. Въ предложномъ пад. конечное *и*, безспорно, изъ ѣ́.

Заслуживаетъ вниманія, что тогда какъ имена Володке (ю) и Степанкя писецъ послѣдовательно пишетъ безъ *ь* передъ *к*, въ имени Осифько это *ь* мы встрѣчаемъ у него во всѣхъ рѣшительно случаяхъ. Въ Ромашк*ю* опять нѣтъ *ь*, но тамъ *ш* и было, повидимому, твердымъ, какъ твердымъ и слѣдующее за нимъ *к*. Относительно же послѣдовательнаго написанія Осифько съ *ь* мы склонны предполагать, что *ь* здѣсь является показателемъ мягкости слѣдующаго за нимъ *к*: Осифько вм. предполагаемаго * Осифкѣ явилось результатомъ сдѣлки писца между его собственнымъ произношеніемъ и тѣмъ написаніемъ этого имени, которое онъ видѣлъ въ бумагѣ просителя?

Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что говоръ Московскаго (?) писца въ данномъ случаѣ былъ акающій, съ м. *к* и съ произношеніемъ 3л. глаголовъ на-ть. Написаніе душогубства — неудачная уступка традиціонной орѳографіи, вмѣсто произносимаго *душагубства?

4. „Отрывокъ изъ Розыскнаго Дѣла о бѣгствѣ изъ Москвы Рязанскаго князя Іоанна Іоанновича“, писанный скорописью 31 авг. 1521 года (Акты Историч. I, № 127, с. 187). Кто-то сообщаетъ, какъ они искали бѣглеца, при чемъ ѣхали *изъ Москвы* въ Коломну и Рязань. „И мы, господине, поѣхали къ Резани Боровскою дорогою; и какъ отъѣхали верстъ 15 отъ Москвы, и насъ, господине, розгоняли Татарове да и насъ поимали; язъ, господине, у Татаръ утекъ..., а *Наскя*, господине, сказываетъ, утекъ на четвертую ночь да на Коломну жъ пришолъ“. Наскя—уменьшительное отъ имени Анастасій. Посланы были въ погоню за бѣглецомъ

скорѣе всего, конечно, *москвичи*; правописаніе акта должно отражать Московскій говоръ того времени.

5. Протоколъ суднаго дѣла 7051 (1543) г. 25 сентября; писано скорописью, похожею на полуустав; напечатано въ книгѣ „Акты Ѳедотова-Чеховскаго“ (т. I. Кіевъ, 1860, с. 101). По случаю тяжбы Троицкаго монастыря съ посадскими людьми Коширянами и др. „сіи судъ судили *Коширскаго* намѣстника... тиунъ его... И писцы вспросили ищеиныхъ старожилцевъ Игната Богоноса и его товарищевъ: вы крестъ целуете ли и на поле противъ *Ѳедкя* Зикѣева и его товарищевъ, которы передъ нами стоятъ, битися лѣзете ли?“— Писцы были, вѣроятно, мѣстными, Коширскими; имя „Ѳедкя“ (винит. падежъ, тожественный съ именит.? какъ Степанкя выше въ грамотѣ 1517 г., у насъ пунктъ 4) писцы могли взять въ этомъ видѣ и изъ устъ его „товарищевъ“—безусловно мѣстныхъ жителей—коширянъ.

6. Случай м. к въ актѣ 1574 г.—первый по времени, относящій къ области говоровъ сѣверно-великорусскихъ, окающихъ. „Сотная на Муромскій посадъ“, напечатанная, съ подлинника 7082 (1574) г., въ „Актахъ Юридическихъ“ (№ 229, с. 247). Выдали сотную„ Муромскіе писцы Михайла Ивановичъ Шишеловъ да Богданъ Григорьевъ“, подписи коихъ и значатся ниже.

Въ числѣ живущихъ въ Муромѣ на посадѣ, за городомъ, значится, между прочимъ, дворникъ „Ивашкя Шевякъ, неремественой человѣкъ“.—Другихъ случаевъ съ м. к, равно какъ и отраженій иныхъ какихъ-либо чертъ говора въ сотной нѣтъ: правописаніе традиціонное. Сомнѣваться въ томъ, что написаніе Ивашкя отражаетъ мѣстную черту Муромскаго говора второй половины XVI в., мы основаній не имѣемъ. Въ современномъ Муромскомъ говорѣ м. к также извѣстно и притомъ отмѣчено какъ разъ въ городѣ же Муромѣ (прогр. № 93).

7. Въ актахъ Юридическихъ издана по современному списку, писанному скорописью на лоскуткѣ бумаги, „явка прикащика Смирнаго Иванова на крестьянина Шестунку объ угрозахъ“—документъ 1586 г. [1]). Прикащикъ „отъ Пятници“

[1]) Акты Юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. Изданы Археографическою Комиссіею. Спб. 1838, с. 93—94, № 47.

бьетъ челомъ „Николскому строителю Васіяну да черному священнику Іонѣ, на Устьстрѣлици, на Шестунку Пятницкого крестьянина“, который грозитъ убить прикащика. Однажды написано: „Шестункя“ (с. 94). Случаи „доспію ти“ (доспѣю тебѣ) и „Пятници“ говорятъ всего скорѣе о сѣверно-великорусскомъ происхожденіи даннаго документа. Упоминаемые въ актѣ географическіе термины подтверждаютъ эту догадку: р. Стрѣлица протекаетъ по Тотемскому у. Вологодской губ. и впадаетъ въ р. Сухону слѣва [1]). При впаденіи ея въ Сухону стоитъ и теперь дер. Усть-Стрѣлицкая слободка (№ 9033, каз., въ 111 в. отъ у. г.), а рядомъ съ нею дер. же Никольское, Сельцо тожъ (9032, каз., при р. Сухонѣ), въ имени коего можно видѣть память о „Николскомъ строителѣ“ нашего акта. Неподалеку дер. съ именемъ „Пятницкое село“, Матыри тожъ (9024, разновѣдомств., при р. Сухонѣ), въ которой не трудно увидать старую „Пятницу“. — Т. о., почти несомнѣнно, что данный актъ относится къ Тотемскому у.; писанъ онъ, конечно, мѣстнымъ писцомъ (приказныхъ дьяковъ въ этой глуши не могло быть), и въ этомъ отношеніи прозрачнѣе предшествующаго, Муромскаго, акта, гдѣ все таки можно думать объ иногороднемъ происхожденіи писцовъ.

Для насъ эти акты крайне интересны, какъ доказательство древности м. к въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

8. Въ изданныхъ Воронежскимъ Губ. Статистическимъ Комитетомъ „Воронежскихъ актахъ“ [2]) напечатаны, между прочимъ, 10 Воронежскихъ купчихъ описей 1631—32 гг. Всѣ онѣ относятся къ одному году, скрѣплены однимъ губнымъ старостой и даже рукоприкладчикъ на всѣхъ одинъ—„Дмитровской попъ Игнатей“. О писцахъ ничего не извѣстно, но акающій говоръ ихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Конечно, аканье борется въ письмѣ съ традиціоннымъ правописаніемъ: рядомъ съ Антонъ пишется Онтонъ, отаманъ, на прово (вм. право; очевидно, удареніе на предлогѣ), к*а*былу, липов*ай*, берд*а*, суконная, опалн*ай*, Кондрашкав*ъ*, жеребенак*ъ*, списак*ъ* (сс. 205—208, №№ 1, 4, 6 и 8).

Въ одной изъ этихъ купчихъ (№ 8, с. 208; купчая 18 сент.)

[1]) Семеновъ, Географическій словарь, IV, 768.

[2]) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Т. I. Воронежъ. 1887.

читается: „Губной Староста Неустрой Тарарыковъ продалъ Воронежевскомъ уѣздѣ въ Усмонскомъ стану въ селѣ Собакинѣ Усмонскому отаману... изъ Богдашковыхъ животовъ Тарасова стойкю". Ниже послѣднее слово повторяется въ томъ же самомъ видѣ: „да за стойкю"; очевидно тутъ не описка, а отраженіе произношенія. Очевидно, въ Воронежѣ 1632 г. м. к было извѣстно и притомъ въ акающемъ говорѣ.

9. А. И. Соболевскій приводитъ изъ „Книги о ратномъ строеніи" 1647 г. случай *стнкю*. Какой говоръ отразился въ данномъ случаѣ, мы не знаемъ.

10. Такъ называемый „доѣздъ" (доѣздная о объявленіи указовъ и разныхъ постановленій) 1673 г., напечатанный въ изданіи „Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства" (Спб. 1838, с. 389—390, № 365), не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ говорѣ „подъячихъ Тулской площеди" этого времени было извѣстно м. к. Подпись гласитъ: „Къ сему доѣзду Тулской площеди подъячей Кузкя... вмѣстa Тулскихъ стрѣльцовъ..." Въ самомъ „доѣздѣ, писанномъ, какъ изъ него видно, другимъ подъячимъ той же Тульской площади и дошедшемъ до насъ въ подлинникѣ, названъ, между прочимъ, Тульскій стрѣлецъ „Анискя Сизовъ".

Аниска, — конечно, уменьшительное отъ Анисимъ. Другихъ случаевъ м. к въ актѣ нѣтъ, хотя они и могли быть (Васка, Афонка). Правописаніе вообще историческое. Объ аканьи писцовъ можно заключать изъ написаній: вмѣстa и многожды.

11. П. Н. Тихановъ въ своей статьѣ „Брянскій говоръ" (Сборн. 2 Отд., т. 76, № 4) приводитъ, между прочимъ, цитату изъ Брянской „Книги кабацкаго сбору 1732 года", хранящейся въ Архивѣ Брянской Городской Управы: „Къ тѣмъ (пивнымъ) варямъ въ покупкѣ на площади хмелю кулькями и мѣшками двѣ четверти" (с. 19). Книга писана мѣстными, городскими писцами.

12. Въ „Актахъ Юридическихъ" (№ 420, с. 452—3) напечатана „Духовная князя Никиты Александровича Ростовскаго" 1548 г., гдѣ читается: „далъ своихъ людей, Ѳедькя Лаптя, съ женою съ Уляшкою". Но грамота эта напечатана не съ подлинника, а взята издателями „изъ рукописи Ру-

мянцовскаго Музеума, писанной *новѣйшимъ* (курсивъ нашъ) почеркомъ и содержащей въ себѣ разные юридическіе акты, *списанные* съ подлинниковъ". Увѣренности въ томъ, что списывающій строго сохранялъ правописаніе подлинника вообще и сохранилъ его въ данномъ случаѣ („Ѳедькя") въ частности, мы имѣть не можемъ; вотъ почему данный случай не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ неизвѣстно, говоръ какой мѣстности и какого времени тутъ отразился.

§ 13. До сихъ поръ мы имѣли дѣло со случаями, относительно которыхъ почти не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они отражаютъ м. к говора писцовъ. Теперь переходимъ къ случаямъ сомнительнымъ, относительно которыхъ возможны споры.

Къ такимъ мы относимъ и древнѣйшій изъ отмѣченныхъ акад. Соболевскимъ случаевъ, а именно написаніе „пагубу еретичьскю" въ Псковскомъ прологѣ 1383 г. (рукопись Московской Типографской Библіотеки, № 367, листъ 32 об.; описано А. И. Соболевскимъ въ его „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка". Кіевъ, 1884, с. 127). Въ этомъ прологѣ отразился древній Псковскій говоръ, съ его мѣною *ж* и *з*, *ш* и *с*, *ч* и *ц*. Этотъ древній Псковскій говоръ, по изслѣдованію того же акад. Соболевскаго, „исчезъ около XVI в." (Лекціи, с. 254 и 256, по 2 изд.). Въ виду этого полное отсутствіе м. к въ современныхъ Псковскихъ говорахъ не можетъ еще служить доказательствомъ того, что этой черты не могло быть въ Псковѣ и въ XIV-мъ вѣкѣ. Полное отсутствіе м. к и у всѣхъ *сосѣдей* Пскова имѣетъ уже большее значеніе: черта, распространенная въ XIV-мъ в., должна же была гдѣ-нибудь сохраниться. Но и на это намъ могутъ возразить, что и другія черты древняго Псковскаго говора исчезли также безслѣдно.

Большее значеніе имѣетъ полное отсутствіе этой черты во многихъ другихъ Псковскихъ памятникахъ, изъ коихъ нѣкоторые отразили мѣстный говоръ довольно хорошо. Новѣйшій изслѣдователь древняго Псковскаго говора, Н. М. Каринскій не знаетъ этой черты совсѣмъ [1]). Если же къ

[1]) Н. Каринскій, Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ. Спб. 1909.

этому прибавить, что единичное написаніе въ Псковскомъ прологѣ еретичьскю легко можетъ быть объяснено, какъ ошибка писца — столь естественный пропускъ передъ конечной *ю* буквы *у* (вм. нужнаго еретичьскую), то крайняя сомнительность разсматриваемаго нами случая будетъ, намъ думается, очевидною.

Вотъ почему мы рѣшительно отвергаемъ этотъ случай. Въ крайнемъ же случаѣ признаемъ его индивидуальною и случайною ошибкою въ произношеніи даннаго писца, но отнюдь не фактомъ мѣстнаго говора.

Изъ того же Псковскаго говора, но уже позднѣйшаго акад. Соболевскій приводитъ им. пад. ед. ч. Опоцкей, сопоставляя его съ современнымъ сѣверно-великорусскимъ молодецкѣй и т. п. (Лекціи, изд. 3-ье, с. 130). Рядомъ приведены аналогичныя формы изъ Двинскихъ грамотъ XIV—XV вв.: купечкей и др. Въ послѣднихъ видитъ м. к также проф. Е. Ѳ. Карскій [1]).—Подобныя написанія встрѣчаются также и въ синодальномъ спискѣ 1-ой Новгородской лѣтописи: свьискеи кнзь, неревьскеи коньць [2]). Какъ видимъ, формы эти встрѣтились въ древнерусскихъ памятникахъ какъ разъ для мѣстностей, въ которыхъ теперь м. к нѣтъ. И уже одно это обстоятельство заставляетъ усомниться въ томъ, дѣйствительно ли тутъ отразилось неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ.

Другія соображенія еще усиливаютъ эти сомнѣнія. Въ Псковскихъ памятникахъ весьма обычны вполнѣ аналогичныя формы им. ед. членныхъ прилагательныхъ, въ которыхъ окончанію *ей* вм. *ой* не предшествуетъ задненебный: въ палеѣ 1477 г. котореи, въ сборникѣ синодальной библіотеки № 154 в новеи городок, въ Погодинскомъ спискѣ Псковской лѣтописи красноеи городець, рѣчнеи, другеи, стареи, въ сборникѣ синодальной библіотеки № 53/255 котореи [3]). Для большей части этихъ случаевъ думать о прогрессивной ассимиляціи никакъ нельзя.

Къ этому можно еще прибавить, что теперь окончаніе

---

[1]) Р. Ф. В., т. 51, с. 324, рецензія на „Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в." А. А. Шахматова.

[2]) В. М. Ляпуновъ, Изслѣдов. о языкѣ синод. сп. 141; А. А. Шахматовъ, Изслѣдов. въ обл. русск. фонетики, 42—43.

[3]) Каринскій, Языкъ Пскова, с. 60, 74, 87, 119 и 189.

им. пад. ед. ч. членныхъ прилагательныхъ на -ей обычно какъ разъ въ говорахъ, которымъ м. к совершенно неизвѣстно: въ говорахъ бѣлорусскихъ, Олонецкихъ (въ Вытегорск. и Петрозаводскомъ уу.), въ говорѣ с. Илькина Меленковскаго у. (прогр. № 247, Ив. Побѣдоносцевъ).—На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы отказываемся видѣть въ Псковскихъ, Новгородскихъ и Двинскихъ формахъ прилагательныхъ на -кей неорганическое смягченіе задненебныхъ, а соглашаемся съ объясненіемъ этихъ формъ, даннымъ акад. Шахматовымъ [1]).

Къ сомнительнымъ же мы принуждены отнести и этотъ случай 1489 г. Русскій книжникъ конца XV в., игуменъ Герасимъ Поповка пишетъ къ игумену Волоцкому Іосифу Санину: „Послалъ есми... тебѣ и всѣм старцем.... бочкю лососек, да полтора луба соли. Въ лѣто 7997 из Новагорода, мѣсяца генваря 26“ [2]). О происхожденіи и первоначальной судьбѣ инока Герасима ничего не извѣстно [3]), но вообще его дѣятельность связана гл. обр. съ Новгородомъ. Если признать,—возможность чего не исключена,—что написаніе бочкю отражаетъ дѣйствительно говоръ писавшаго, такъ и тогда останется не яснымъ, какой мѣстности принадлежитъ этотъ говоръ. Тѣсныя связи Герасима съ Новгородомъ плохо мирятся съ предположеніемъ м. к въ его говорѣ (въ Новгородѣ и его колоніяхъ этой черты мы вообще не находимъ), хотя въ то время въ Новгородѣ уже могли быть москвичи. Подпись Герасима въ другомъ случаѣ „Паповка“ [4]) говорила бы словно о смѣшеніи имъ *а* и *о*?—Вообще же, все здѣсь не ясно, такъ что этотъ случай почти ничего намъ не даетъ.

Въ спискѣ „Домостроя“ XVI в. (изданіе Забѣлина) встрѣчаются написанія: легонке, толке, колке, сколке. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ первый случай, легонке. Что до написаній колке, толке, то онѣ встрѣчаются

---

[1]) А. А. Шахматовъ, Изслѣдов. о двинск. грамотахъ, 93—94; срв. Изслѣдов. въ обл. русск. фонет., его-же, 42—43; Ляпуновъ Изслѣд. о яз. синод. сп. 141 и слѣд.

[2]) Рукопись Моск. Дух. Академіи, № 144; цитуемъ по статьѣ Л. Н. Майкова въ Изв. 2-го Отдѣл. V, 1900, кн. 2, с. 375.

[3]) Л. Майковъ, тамъ же, с. 373.

[4]) Тамъ же, с. 375.

въ рукописяхъ XVI в. не рѣдко. Между прочимъ и въ грамотѣ Новгородскаго архіепископа Геннадія 1490 г. читаемъ: „и толке покаются, да будутъ милости достойны" (Русск. Историч. Библіотека, издав. Археографич. Комиссіею. Т. VI. Спб. 1880, № 115, с. 767). Въ путешествіи Даніила игумена (по изданію А. С. Норова. Спб. 1864, с. 88): кольке лѣтъ есть тому дубу.

Эти формы объяснялъ неорганическимъ смягченіемъ задненебныхъ А. А. Шахматовъ [1]). И для случая легоньке это, мы думаемъ, вѣрно. Что касается до толже, сколке, то для нихъ возможны иныя объясненія, болѣе вѣроятныя. Въ малорусскихъ говорахъ встрѣчаются формы тілке, стіке, скіке [2]), хотя неорганическое смягченіе задненебныхъ малорусскому нарѣчію не свойственно. Акад. Шахматовъ склоненъ теперь объяснять данныя формы изъ мѣстнаго падежа тольцѣ, что представляется намъ наиболѣе вѣроятнымъ.

III. Этнографическій составъ южновеликорусскаго населенія.

14: Запустѣніе степи и значеніе его въ исторіи русскихъ говоровъ.—15: Полѣхи; монастырскіе крестьяне; Рязанское полѣсье.—16: Новая колонизація степи—вольная и правительственная; военно-служилые люди и ихъ разряды; смѣшеніе этихъ разрядовъ.—17: Однодворцы; Новосильскіе казаки; процессъ сліянія военно-служилаго люда въ одинъ этнографическій типъ.—18: Низшій разрядъ военно-служилаго сословія; вольные люди; выходцы изъ-за рубежа; дѣти боярскіе; три разныхъ культурныхъ вліянія въ бытѣ однодворцевъ.—19: Частыя служебныя передвиженія военно-служилаго люда и другіе факторы объединенія его въ одинъ этнографическій типъ.—20: Двѣ группы современныхъ однодворцевъ; новое Московское вліяніе; однодворческій говоръ; отличіе его отъ полѣсскаго и барскаго; „щекуны".—21: Исторія великорусской одежды; понева; однодворческій костюмъ; отличіе костюма Рязанскихъ однодворокъ и причины того; западный элементъ въ однодворческомъ костюмѣ.—22: Особенности однодворческаго жилища.—23: Мелкія отличія однодворцевъ: отсутствіе старовѣрчества сословная гордость и др.—24: Цуканы—позднѣйшіе переселенцы въ степь; дѣленіе ихъ на группы; говоръ, костюмъ; костюмъ помѣщичьихъ крестьянъ.—25: Сословныя группы—носители южновеликорусскихъ говоровъ.

---

[1]) Шахматовъ, Изслѣдов. въ обл. русск. фонетики, 193.

[2]) Жив. Стар. 1895, с. 113—114.

§ 14. Во второй половинѣ XV-го вѣка, съ паденіемъ Золотой Орды, на югѣ Россіи укрѣпились Ногаи и Крымскіе татары. Вскорѣ послѣ того, главнымъ образомъ послѣ смерти Менгли-Гирея, мирныя отношенія у русскихъ съ татарами разстроились, и „русское населеніе, спокойно сосѣдившее (?) съ татарами, должно было быстро отодвинуться на сѣверъ, подальше отъ степи. *Весь югъ Россіи,* начиная съ Орловской губерніи, *представлялъ уже* и безъ того *совершенную пустыню* въ XIV и XV-мъ вв. Теперь и на сѣверъ отъ Орловской губерніи, въ Тульской и Рязанской, населеніе старалось держаться поближе къ Окѣ, — преимущественно между Окой и Проней съ Упой, а дальше на востокъ— между Окой, Волгой, Пьяной и Тешей“ [1]).

Въ этихъ словахъ коротко изложено общепризнанное мнѣніе нашихъ историковъ о запустѣніи степи въ XIV—XVI-мъ вѣкахъ; только развѣ относительно сѣверной границы запустѣлой степи возможно сомнѣніе: нѣкоторые историки называютъ такою границею не Проню и Упу, а р. Оку [2]); во всякомъ случаѣ во время Крымскихъ набѣговъ населеніе всегда спасалось за Оку, такъ какъ только эта широкая рѣка, съ расположеннымъ на ней рядомъ городовъ, была болѣе надежной защитой. — Но этимъ фактомъ запустѣнія цѣлаго ряда южновеликорусскихъ губерній и притомъ запустѣнія не на одно столѣтіе, наши діалектологи обычно пренебрегаютъ, во всякомъ случаѣ не придаютъ ему должнаго значенія.

Когда, гдѣ и какъ началось запустѣніе, мы точно этого не знаемъ, да для нашей задачи это и не важно. Установимъ однако же нѣкоторыя этапные пункты. Въ 1389 г. митрополитъ Пименъ ѣдетъ рѣкою Дономъ, начиная отъ Чуръ Михайловыхъ, т. е. нынѣшняго гор. Епифани, Тульской губерніи. И что-же?—вплоть до земли Донскихъ казаковъ путешественники видѣли кругомъ одну пустыню:

[1]) П. Милюковъ, Очерки по ист. русск. культуры, I, с. 53, изд. 3. Курсивъ нашъ. Вопросъ послѣ слова „сосѣдившее“ поставили мы: въ виду пустынности юга, о „сосѣдствѣ“ можно говорить развѣ только крайне условно.

[2]) В. О. Ключевскій, Боярская дума, 311—312, изд. 1-ое; срв. Курсъ русск. ист. его-же I, с. 68, изд. 1-ое; Ю. Готье, Замосковный край въ XVII в., 270.

И влѣзше„ въ суды и поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ. Бысть же сіе путное шествіе печально и унынливо. Бяше бо пустынязѣло; не бяше бо видѣти тамо ни града, ни села. Аще бо и быша прежде грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, точію мѣста—пустошь все и ненаселено; не бѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество“ [1]).

Прошло почти ровно два столѣтія: въ 1571-мъ году, послѣ нашествія Крымскаго хана Девлетъ-Гирея, рѣшено было, въ цѣляхъ спасенія отъ степныхъ кочевниковъ, выжечь „поле“, т. е. степь, и оно было выжжено почти на сплошномъ пространствѣ отъ Дона до Днѣпра; дѣло это было поручено служилымъ людямъ городовъ: Мещеры, Данкова, Дѣдилова, Крапивны, Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля [2]); каждый городъ, конечно, жегъ около себя, и изъ перечня городовъ можно заключать о пространствѣ выжженой степи. Ясно, насколько пуста была степь въ эту пору: при сколько-нибудь значительномъ населеніи выжигать ее на столь большомъ пространствѣ было немыслимо. Однако населеніе въ степи уже существовало; о томъ краснорѣчиво говоритъ хотя бы существованіе здѣсь „городовъ“. Приливъ населенія въ степь въ это время явствуетъ и изъ факта отлива населенія изъ центральныхъ областей государства; начало этого отлива одни историки относятъ къ 1540-мъ годамъ [3]), другіе — къ 1550 и 1560-мъ [4]).

Запустѣніе степи происходило въ русской исторіи, вѣроятно, не одинъ разъ; возможно, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ послѣднимъ (и самымъ большимъ?) этапомъ такого запустѣнія. Какъ бы то ни было но отливы населенія изъ степи имѣли громадное значеніе въ исторіи образованія русскаго народа: вслѣдствіе этихъ отливовъ и переселеній отдѣльныя мелкія племена и группы перемѣшивались между собою, сливались и создавали новый типъ. Появленіе среднерусскихъ говоровъ мы считаемъ прямымъ послѣдствіемъ такой именно перетасовки разно-

[1]) Руской Времянникъ, сирѣчь Лѣтописецъ. М. 1790, ч. I, с. 243—244.

[2]) И. Бѣляевъ, О сторожевой, станичной и полевой службѣ, 5.

[3]) Ключевскій, Боярская дума, 323, изд. 1-ое.

[4]) Рожковъ, Сельское хозяйство Московск. Руси въ XVI-мъ вѣкѣ, 300.

шерстнаго населенія. Перенесеніе интересующей насъ діалектической черты, м. к, съ юга на сѣверъ мы объясняемъ также внѣдреніемъ южнаго, степного населенія въ центральныя области, на сѣверъ отъ Оки.

Въ древнѣйшую же эпоху степное населеніе отливало, вѣроятно, болѣе на западъ, и на этой почвѣ произошло смѣшеніе степняковъ съ „полѣхами" и съ предками нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. Во время и послѣ замиренія степи многіе изъ этихъ — какъ сѣверныхъ, такъ и западныхъ переселенцевъ (говоря точнѣе: конечно, потомки невольно переселившихся степняковъ) возвращались назадъ въ свою родную степь, но ихъ уже здѣсь плохо узнавали: такъ сильно измѣнились они на чужой сторонѣ.

Здѣсь объясненіе тому, почему мы встрѣчаемъ теперь въ южно-великорусскихъ губерніяхъ такую пеструю смѣсь населенія и почему распространеніе здѣсь разныхъ этнографическихъ и діалектологическихъ признаковъ подчиняется здѣсь не географическому принципу, а какому-то иному.

§ 15. Кромѣ степи, о запустѣніи коей мы только-что говорили, въ южно-великорусскихъ губерніяхъ имѣются еще лѣса, болотныя „полѣсья". Они не должны были запустѣть; даже наоборотъ, они должны были привлечь къ себѣ населеніе, если его прежде тутъ не было: въ болотахъ и лѣсахъ жилось не такъ привольно, какъ въ степи, за то было безопаснѣе отъ внезапнаго набѣга степныхъ кочевниковъ. Вотъ почему остатки древнѣйшаго населенія нужно искать, въ современныхъ южно-великорусскихъ губерніяхъ, въ полѣсьяхъ. Для обитателей лѣсовъ здѣсь существуетъ спеціальный народный терминъ (прозвище-присловье) „*полѣхи*". Съ ними мы встрѣтимся, когда будетъ рѣчь о губерніяхъ Орловской (§ 66—68) и Калужской (§ 84—85). Тамъ будетъ обрисованъ и ихъ этнографическій типъ.

Историкъ, спеціально занимавшійся вопросомъ о колонизаціи великорусскаго юга въ XVI-мъ вѣкѣ, замѣчаетъ: „наибольшей скудостью отличаются данныя источниковъ о населеніи Поднѣпровья" [1]), при чемъ „Поднѣпровьемъ" онъ называетъ, между прочимъ, западъ губерніи Калужской.

[1]) Рожковъ. Сельск. Хоз. Моск. Р. 346.

Орловской и Курской, гдѣ и лежатъ полѣсья. Здѣсь можно видѣть лишнее доказательство того, что въ полѣсьяхъ дѣйствительно сохранилось старое населеніе.

Въ близкомъ родствѣ съ этими полѣхами стоятъ мелкія группы монастырскихъ крестьянъ въ губерніяхъ Курской и Тульской. Это „горюны" (§ 44), „мананки" (§ 107) и „саяны" (§ 56). Относительно первыхъ есть возможность предполагать, что они такіе же аборигены края, какъ и полѣхи. По остроумному предположенію акад. Соболевскаго, и самое имя ихъ близко, по значенію, съ именемъ полѣховъ: *гарюнъ*—обитатель гарей, сгорѣвшихъ лѣсовъ. Что же касается „мананокъ" и „саяновъ", то они, безспорно, не коренные жители, хотя и возможно, что предки ихъ жили тамъ же, только ушли въ свое время на западъ, откуда возвратились ихъ потомки.

И вообще, древнѣйшій сливъ монастырскихъ крестьянъ, особенно на западѣ разсматриваемой нами области, довольно близокъ, по типу, къ полѣхамъ; на теперешнія мѣста они пришли съ запада, гдѣ отчасти подпали вліянію Литвы и разнымъ другимъ вліяніямъ. Разбредшіеся въ лихолѣтье, какъ овцы безъ пастыря, степняки возвращались на свою родину прежде всего туда, гдѣ на старомъ пепелищѣ возставалъ древній монастырь, подъ святой кровъ коего и собирались бѣглецы.—Что же касается новѣйшаго слива монастырскихъ крестьянъ, особенно въ восточной половинѣ разсматриваемой нами области,—то они ничего общаго съ полѣхами не имѣютъ. Это большею частью выходцы изъ подмосковныхъ губерній, переселившіеся въ степь послѣ секуляризаціи церковныхъ имѣній. Съ ними мы столкнемся главнымъ образомъ въ Воронежской губерніи, гдѣ они слывутъ подъ кличкою „цуканы" (§ 28).

На востокѣ разсматриваемаго края, въ Рязанской губерніи, есть также лѣса и болота. Есть всѣ основанія полагать, что и здѣсь должно было сохраниться древнѣйшее степное населеніе. Но здѣсь типъ стараго населенія сохранился несравненно хуже, чѣмъ на западѣ. Въ лѣсахъ „Мещерской стороны", въ уѣздахъ Касимовскомъ, Егорьевскомъ и Спасскомъ прежніе степняки сильно перемѣшались съ выходцами сѣверно-великорусскихъ губерній, а также и съ обрусѣвшей мещерой, и всѣ вмѣстѣ слывутъ теперь въ

народѣ подъ именемъ „мещеряковъ“ (зовутъ ихъ также поки, цупари) (§ 118—120). Другая, бо́льшая часть вошла въ составъ однодворцевъ, о которыхъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь. — Въ составъ однодворцевъ также вошла и та часть степняковъ, которая хлынула, спасаясь отъ крымцевъ, за Оку въ предѣлахъ нынѣшней Тульской губерніи.

§ 16. Какъ мы уже говорили выше, съ половины XVI-го вѣка замѣчается отливъ населенія изъ центральныхъ областей Московскаго государства: это начинается новая колонизація нѣкогда запустѣвшей степи. По мнѣнію историковъ, „первыми колонистами новыхъ областей бывали обыкновенно *вольные* выходцы, бѣглые холопы, ушедшіе безъ расчету съ землевладѣльцемъ крестьяне, посадскіе и мелкіе служилые люди, которымъ плохо жилось. Вслѣдъ за вольной колонизаціей подвигалась колонизація *правительственная*“ [1]). Но въ данномъ случаѣ, при заселеніи степи въ XVI—XVII вв., неравномѣрность этихъ двухъ колонизацій— вольной, безсистемной и довольно случайной, и правительственной, строго планомѣрной и очень настойчивой, была столь велика, что первая скоро растворилась въ послѣдней: древнѣйшій сливъ вольныхъ колонистовъ въ степь скоро почти всецѣло былъ поглощенъ правительственною колонизаціею. Ниже, когда зайдетъ рѣчь о заселеніи Коротоякскаго уѣзда (§ 28), мы встрѣтимся съ подробностями взаимной борьбы эти двухъ колонизацій.

Правительственная колонизація степи заключалась въ томъ, что правительство строило въ степи города́, располагая ихъ кордонными линіями, и населяло ихъ военно-служилыми людьми. Послѣдніе получали помѣстья или землю и занимались также сельскимъ хозяйствомъ. Иногда въ степные города отряжались и посадскіе люди—для занятій торговлею и ремеслами.

Линіи сторожевыхъ городовъ начинались почти у самой Москвы и потомъ постепенно подвигались къ югу, въ глубь степи, захватывая все большее и большее пространство этой послѣдней. До самаго конца XVI в. „первая“ или „внутренняя“ оборонительная линія отъ крымцевъ и ногаевъ шла по р. Окѣ и ея притокамъ, заключая въ себѣ

[1]) Готье, Замосковный край, 270—271.

города: Нижній, Муромъ, Касимовъ, Переяславль Рязанскій, Каширу и Серпуховъ. Слѣдующая линія, вторая, слывшая еще подъ названіями „передовой“ или „украинской“, шла съ большими изломами, выступами, а на западѣ, въ сѣверской украйнѣ, и съ развѣтвленіями; тутъ стояли города: Алатырь, Темниковъ, Кадомъ, Шацкъ, Рязкъ, Данковъ, Пронскъ, Михайловъ, Епифань, Дѣдиловъ, Тула, Мценскъ, Новосиль, Орелъ, Рыльскъ, Путивль и Новгородъ Сѣверскій. При Ѳедорѣ Ивановичѣ построена третья, „польская“ (т. е. степная) украинная линія; на ней города: Курскъ, Елецъ, Ливны, Воронежъ, Осколъ, Валуйки, Бѣлгородъ. Наконецъ, при царѣ Борисѣ, въ 1599 г., начали строить городъ Царево-Борисовъ на Осколѣ, вскорѣ запустѣвшій [1]). Во время смуты дальнѣйшее развитіе линій прекратилось. правительству было не до того, и большая часть сторожевыхъ войскъ была, какъ кажется, вызвана въ Москву. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ укрѣпленіе и распространеніе сторожевыхъ линій возобновилось, но въ качествѣ новыхъ военно-служилыхъ людей являются уже большею частью „черкасы“, т. е. малоруссы.

Какъ строились сторожевые города, объ этомъ можно судить по слѣдующему краткому сообщенію въ Никоновской лѣтописи подъ 1593-мъ годомъ: „Того же году Ѳеодоръ Ивановичъ виде отъ крымскихъ людей своему государству войны многіе и помысля поставить по сакмамъ (т. е. по дорогамъ, тропамъ) татарскимъ городы и посла воеводъ своихъ со многими ратными людьми; они же шедше поставиша на степи городы Бѣлъгородъ, Осколъ, Валуйку и иные городы, а до тѣхъ городовъ поставиша на Украинѣ городы: Воронежъ, Ливну, Курескъ, Кромы и *насади ратными людьми казаками и стрѣлцами и жилецкими людьми*; тѣ же городы ево праведною молитвою укрѣпились и нынѣ стоятъ“ (Никон. Лѣтоп., ч. 8, с. 26—27).

„Составъ украинскаго служилаго сословія представляется довольно разнообразнымъ. Высшій его слой составляли дворяне и дѣти боярскіе; но число ихъ было невелико сравнительно съ остальными низшими классами, каковы стрѣльцы, казаки, пушкари, затиньщики, воротники, засѣч-

[1]) Иловайскій, Исторія Россіи, III, 373.

ные сторожа и пр. При основаніи Цареборисова въ 1599 г. туда отправлено было 46 дворянъ+214 дѣтей боярскихъ, а прочихъ—2.700 человѣкъ" [1]). Но въ большей части городовъ, лежавшихъ ближе къ Москвѣ, пропорція была нѣсколько иною: аристократическихъ слоевъ было не такъ мало.

Вообще, военно-служилые люди на степной украйнѣ раздѣлялись на два разряда: 1) служилые люди „по отечеству", высшій разрядъ, состоявшій изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и 2) служилые люди „по прибору", низшій разрядъ, въ который входили стрѣльцы, казаки, пушкари, ямщики, разсыльные и т. п. Оба разряда были наслѣдственными: какъ званіе „сына боярскаго" переходило отъ отца къ сыну, такъ и стрѣлецкіе дѣти прибирались, по общему правилу, въ стрѣльцы, казацкіе дѣти—въ казаки и т. д. Но этотъ низшій разрядъ не имѣлъ той наслѣдственной замкнутости, какою характеризовался высшій разрядъ, а постоянно пополнялся притокомъ новыхъ силъ изъ различныхъ классовъ: въ стрѣльцы и казаки время отъ времени прибирались всякіе вольные люди. „Приборные служилые люди отличались отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ также и тѣмъ, что они не владѣли вотчинами и помѣстьями. Они поселялись не въ уѣздахъ, но въ городахъ слободами и надѣлялись мелкими земельными участками казенной земли, причемъ ихъ земельные надѣлы весьма схожи были съ тяглыми надѣлами посадскихъ людей" [2]). Городовые казаки и стрѣльцы состояли при Иванѣ IV-мъ въ вѣдѣніи Стрѣлецкаго приказа, а дворяне и дѣти боярскіе—въ вѣдомствѣ Разряда [3]).

Хотя, такимъ образомъ, *юридическая* разница двухъ этихъ разрядовъ служилаго класса и была очень большою, но жизнь часто и сильно сглаживала эту разницу. „Несмотря на желаніе правительства оградить классъ служилаго дворянства отъ вторженія посторонихъ элементовъ, во второй половинѣ XVI в. въ составъ дѣтей боярскихъ южныхъ уѣздовъ начинаютъ проникать казаки, а затѣмъ и разные

[1]) Иловайскій, Ист. Россіи, III, 379—380.

[2]) Павловъ-Сильванскій, Государевы служилые люди 242—243.

[3]) Бѣляевъ, О сторожевой и станичной службѣ, 3.

неслужилые элементы, наприм. холопы (Сторожевъ, Десятни, 89—91, 93 и слѣд.), бобыли [1]). Съ другой стороны и безпомѣстные дѣти боярскіе обращались въ казаковъ (тамъ же, 248) [2]). Старшіе, начальные чины стрѣльцовъ и казаковъ, сотники, головы и атаманы, владѣли помѣстьями; въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ были помѣстья и рядовыхъ казаковъ [3]). „На украинѣ въ дѣти боярскіе верстались и черкасы, и казаки, и всякіе вольные люди, и даже крестьяне“ [4]).

Смѣшенію этихъ двухъ разрядовъ на югѣ степи особенно сильно способствовало отсутствіе здѣсь крестьянскаго населенія. У дѣтей боярскихъ были помѣстныя земли, но не было крестьянъ, крѣпостныхъ, которыхъ достать здѣсь было совсѣмъ нельзя. Такой помѣщикъ безъ крестьянъ естественно обращался изъ землевладѣльца въ земледѣльца [5]), самъ принимался за соху и слылъ „однодворцемъ“. „Въ писцовой книгѣ Хотмыжска 1686 г. дѣти боярскіе, рейтары и солдаты уже совершенно смѣшаны и всѣмъ имъ вмѣстѣ принадлежитъ земля деревень“ [6]).

Чѣмъ дальше на югъ подвигалась сторожевая укрѣпленная линія, тѣмъ все менѣе и менѣе аристократическимъ становился на ней составъ служилыхъ людей; дѣтей боярскихъ и дворянъ уже не хватало, а съ насиженныхъ мѣстъ на линіяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ (гдѣ крестьянъ было много, и помѣщики въ однодворцевъ не превращались), они шли туго.

Для насъ это смѣшеніе двухъ разрядовъ военно-служилаго класса особенно интересно потому, что объясняетъ намъ, почему изъ военно-служилаго сословія развился *одинъ* общій типъ однодворцевъ, а также: какіе элементы вошли въ образованіе этого общаго типа и гдѣ какіе элементы преобладали.

§ 17. Прямые потомки этого военно-служилаго класса составляютъ теперь главную массу населенія во многихъ

---

[1]) Пясецкій въ Трудахъ Орловск. Архивн. Комиссіи 1893, III, 113.

[2]) Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в. Спб. 1897, с. 254.

[3]) Тамъ же, с. 236.

[4]) И. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйств. быта Моск. госуд. 15.

[5]) Рождественскій, тамъ же, с. 363.

[6]) Миклашевскій, тамъ же, с. 208.

южно-великорусскихъ губерніяхъ. Они числятся теперь государственными крестьянами и юридически ничѣмъ не отличаются отъ прочей массы крестьянства. Въ народѣ они слывутъ подъ именемъ „однодворцевъ“, какъ звались прежде и въ официальномъ языкѣ.

Терминъ *„однодворецъ“* встрѣчается уже въ актахъ XVII в. и означаетъ тамъ помѣщика (т. е. владѣющаго землею на помѣстномъ правѣ), у котораго не было даже и пустыхъ крестьянскихъ дворовъ; „живетъ однодворкомъ“. говорятъ про такихъ помѣщиковъ акты [1]), — и здѣсь мы имѣемъ ясную и безспорную этимологію этого слова, созданнаго отнюдь не искуственно. Ясно, что тогда однодворцы были, хотя и захудалыми, но аристократами — дворянами и дѣтьми боярскими. Послѣ же этотъ терминъ получилъ очень широкое и общее значеніе. Всѣ однодворцы, доказавшіе свое дворянское происхожденіе, были перечислены въ дворяне, но такихъ оказалось не такъ то много: у многихъ были потеряны грамоты, другіе не стали „искаться“ вслѣдствіе своей бѣдности. Повидимому, среди такихъ, недоказавшихъ своего дворянскаго происхожденія, однодворцевъ были и лица, владѣвшіе крѣпостными крестьянами; во всякомъ случаѣ, ко времени освобожденія крестьянъ оказался немногочисленный классъ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ однодворцамъ. Такихъ однодворческихъ крестьянъ больше всего было въ Курской губ. (1479 м. и 1485 женщ.), затѣмъ въ Орловской (629 м. и 618 ж.) и въ Воронежской (204 м. и 216 ж.); въ Тульской губ. было 63 м. и 63 ж., въ Тамбовской 26 м. и 36 ж., въ Рязанской 25 м. и 24 ж. [2]). Относительно жизни крѣпостныхъ крестьянъ у однодворцевъ существуетъ такая народная побасенка: „Собралась однодворка обуваться и кричитъ (крѣпостной дѣвушкѣ): дѣвка! подай-ка *лапоть-то*! [3]).

Какъ наслѣдіе прежняго помѣстнаго владѣнія землею, у однодворцевъ сохранилось особое, такъ называемое „четвертное“ землевладѣніе (отъ сл. *четверть*, какъ называлась

---

[1]) Миклашевскій, Къ ист. хоз. быта, 200—207.

[2]) А. Тройницкій, Крѣпостное населеніе въ Россіи, по 10-ой народной переписи, 46.

[3]) Е. А. Чудинскій, Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки. М. 1864, с. 141.

земельная мѣра); но уже въ серединѣ XIX в. 533 тс. душъ однодворцевъ перешли къ общинному землевладѣнію, и только 540 тс. душъ сохранили владѣніе четвертное, частное [1]).

Низшій разрядъ военно-служилыхъ людей, приборные казаки, стрѣльцы и др. большею частью также вошли въ классъ однодворцевъ. Названіе „однодворцы“ примѣняется къ нимъ уже у старыхъ авторовъ; такъ, *Болотовъ* [2]) въ 1772 г. называетъ однодворцами жителей села, бывшаго города, Лысыя Горы (теперь въ Тамбовскомъ у., №№ 14—17 по „Списку населен. мѣстъ“), гдѣ живутъ солдаты, казаки и др. Мы знаемъ только одну группу прямыхъ потомковъ прежнихъ служилыхъ людей по прибору, которая выдѣляется изъ общаго класса однодворцевъ и носитъ особое названіе: это Новосильскіе „казаки“. Прежде они, какъ и вообще приборные люди, жили въ городѣ и только впослѣдствіи выселены въ уѣздъ, гдѣ и надѣлены землею. Они еще недавно и въ официальномъ языкѣ звались „казаками“; теперь это названіе общеупотребительно здѣсь въ просторѣчіи—какъ у самихъ „казаковъ“, такъ и у ихъ сосѣдей. Характерно, что цѣлый рядъ мѣстныхъ авторовъ, только по поводу этого названія, выводитъ данную группу населенія изъ Запорожья!

Принадлежность однодворцевъ (точнѣе выражаясь: ихъ предковъ) къ одному военно-служилому сословію, одинаковыя условія жизни въ „степи“, на окраинѣ государства, однородная военно-полевая служба съ частыми кочеваніями и съ постепеннымъ передвиженіемъ все дальше и дальше въ глубь степи,—все это привело къ тому, что изъ *сословія* однодворцевъ образовался особый *этнографическій типъ*. Здѣсь произошло то же самое, что съ нашими старыми казацкими войсками: Донскимъ, Уральскимъ и др.; составившись изъ разнороднаго и даже разноплеменнаго сброда,

---

[1]) П. Милюковъ, Оч. по ист. русск. культ. I, 215, изд. 3.

[2]) А. Т. Болотовъ, Записки, т. III, столб. 79—80. Срв. А. Кирѣевъ въ Памятн. Книжкѣ Тамбовской губ. 1866 г., с. 20: здѣсь однодворцами названы казаки пригородныхъ селеній Лебедяни: Волотова, Слободки, Куймани, Старыхъ Донскихъ Избищъ, Копыла и др.

донцы, уральцы и др. также дали въ результатѣ особые, и очень характерные, этнографическіе типы. Съ однодворцами это произошло скорѣе, всего на протяженіи двухъ какихъ-нибудь столѣтій и даже менѣе, такъ какъ здѣсь было особое сословіе, выдѣленное и надѣленное привилегіями со стороны государственной власти.

Съ возникновеніемъ новыхъ этнографическихъ типовъ, лишь въ меньшемъ объемѣ, мы сталкиваемся вездѣ, гдѣ только новыя условія быта объединяютъ разнородныя группы населенія, какъ напримѣръ въ селеніяхъ, образованныхъ переселенцами изъ разныхъ мѣстностей. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать процессъ такого рода сліянія разныхъ элементовъ въ новую этнографическую единицу [1]). Я убѣдился, что при такомъ сліяніи побѣдительницею въ борьбѣ за культурное преобладаніе нѣсколькихъ группъ населенія остается далеко не всегда самая многолюдная группа. Оказывается, что большее значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ не количественное многолюдство, а нравственный вѣсъ каждаго изъ борющихся элементовъ. Одна изъ группъ молчаливо и покорно пріемлется прочими какъ основное ядро, какъ образецъ для подражанія; прочія *сознательно примѣняются* къ быту этой почетной группы, которая „задаетъ тонъ“: говоръ, одежда, поведеніе ея сознательно перенимаются всѣми прочими.

Мнѣ приходилось наблюдать описываемый процессъ въ новыхъ казацкихъ поселкахъ, образованныхъ свѣжеиспеченными казаками. Въ такихъ случаяхъ выборъ образца для подражанія совершается очень просто: образцомъ признаются старые казаки, приписавшіеся къ этому сословію прежде другихъ; преклоняясь передъ всѣмъ „казацкимъ“, новые казаки презираютъ все „мужицкое“, неказацкое. Въ другихъ случаяхъ первенство достается наи-

---

[1]) Я наблюдалъ это въ станицѣ Благословенкѣ Оренбургскаго казачьяго войска, и результаты этихъ своихъ наблюденій изложилъ въ двухъ статьяхъ: „О говорѣ Оренбургскихъ казаковъ“ (Р. Ф. В. 1906. № 3—4) и «У Оренбургскихъ казаковъ» (Этнографич. Обозрѣніе, 1905. № 4). Другой разъ я наблюдалъ то же въ станицѣ Зерендѣ Сибирскаго войска (въ Кокчетавскомъ у. Акмолинской обл.); здѣсь старый казачій элементъ побѣждаетъ два прочихъ, болѣе многолюдныхъ, элемента: хохловъ и мордву.

болѣе культурной группѣ населенія, въ третьихъ—наиболѣе многолюдной. Результатомъ того же самого процесса явилось, какъ извѣстно, распространеніе городского (въ однихъ случаяхъ Московскаго, въ другихъ—Питерскаго) говора и городской одежды во многихъ великорусскихъ губерніяхъ; напомнимъ, что Чухломскій уѣздъ весь усвоилъ Московское аканье, находясь среди окальщиковъ. Здѣсь, такимъ образомъ, возобладала болѣе культурная (точнѣе, пожалуй, выразиться: болѣе модная) изъ боровшихся сторонъ; въ результатѣ вновь сложившагося порядка вещей здѣсь смѣются надъ *деревенскимъ* говоромъ, надъ *деревенскою* одеждою, и „сѣрые" носители этихъ послѣднихъ сознательно спѣшатъ одѣться по-городскому и заговорить „па-масковски", чтобы только избѣжать насмѣшекъ отъ сосѣдей; одни сильные духомъ старики остаются вѣрны прадѣдовской старинѣ. Напротивъ, въ глухихъ уголкахъ Вятской и Вологодской губерніи смѣются не надъ деревенскимъ говоромъ, а надъ тѣми деревенскими жителями, которые начинаютъ говорить по-городскому, и эти насмѣшки побуждаютъ новаторовъ забросить свою новую моду; „сѣрая" старина беретъ пока верхъ.

Мы остановились на описанномъ процессѣ сліянія различныхъ элементовъ въ современныхъ, доступныхъ непосредственному наблюденію, группахъ населенія, чтобы легче понять и представить себѣ, что́ происходило въ XVI—XVII вв. въ толщѣ военно-служилаго сословія. Тамъ должно было происходить, конечно, то же самое; такую же большую силу долженъ былъ имѣть чисто сознательный выборъ того, кому подражать, подобно кому говорить и одѣваться. Выборъ этотъ не могъ возбуждать никакихъ сомнѣній, такъ же какъ онъ не вызываетъ споровъ у нынѣшнихъ свѣже-испеченныхъ казаковъ Оренбургскихъ или Сибирскихъ. Основное, главное ядро сословія было естественнымъ и безспорнымъ образцомъ для всеобщаго подражанія военно-служилыхъ людей.

А мы знаемъ, что такимъ главнымъ и основнымъ ядромъ даннаго сословія были дѣти боярскіе. Въ ихъ бытѣ и говорѣ мы и должны, конечно, искать главныхъ элементовъ того новаго этнографическаго типа, который подлежитъ нашему изученію въ видѣ однодворцевъ.

§ 18. Какъ ни сильно значеніе основной, задающей онъ группы всякаго новаго сословія, но и прочіе составные элементы новаго организма не пропадаютъ безслѣдно; и они всегда несутъ извѣстную долю *своего*, своей культуры въ общую сокровищницу. Чѣмъ многолюднѣе и разнороднѣе по составу новое сословіе, и чѣмъ на бо́льшую территорію оно раскинулось,—тѣмъ большее значеніе сохранится за этими второстепенными группами. И чтобы понять этнографическую физіономію такового сословія, необходимо знать *всѣ* тѣ элементы, изъ коихъ оно составилось.

Изъ кого же, кромѣ дѣтей боярскихъ, составилось военно-служилое сословіе степной окраины Московскаго государства XVI вѣка?

У историковъ находимъ на этотъ предметъ лишь очень неопредѣленное общее замѣчаніе, что населеніе двигалось на югъ, въ степь, изъ центральныхъ областей Московскаго государства [1]). Но если такъ, то почему въ степныхъ южно-великорусскихъ губерніяхъ мы находимъ совсѣмъ, иной этнографическій типъ населенія, нежели въ губерніяхъ центральныхъ? Этотъ вопросъ ни однимъ изъ историковъ даже и не поставленъ.

Посмотримъ, ка́къ набирались служилые люди на городовую службу. Въ 1653 году царь Алексѣй Михаиловичъ выдалъ грамоту воеводѣ новаго Черкаскаго города, Д. Д. Остаѳьеву; въ ней повелѣвалось: „въ Черкаскомъ Острогожскомъ городѣ устроить въ стрѣлецкую службу 150 человѣкъ, да въ пушкарскую службу 25 человѣкъ вольныхъ людей". „А ималъ бы еси,—гласитъ грамота,—въ стрѣлецкую и пушкарскую службу *вольныхъ людей*, отъ отцовъ дѣтей и отъ братьевъ братью, и отъ дядь племянниковъ, и внучатъ, и *всякихъ вольныхъ*, а не съ служебъ и не съ тегла и не съ пашенныхъ крестьянъ и не крѣпостныхъ въ стрѣлецкую и пушкарскую службу ималъ". Это общій мотивъ всѣхъ подобныхъ грамотъ. И всѣ историки согласны съ тѣмъ, что „вольные люди" составили главный элементъ въ

[1]) Ключевскій, Боярская дума, 311—312; его же, Курсъ русск. ист. I, 68; Рожковъ, Сельск. хоз. Моск. Руси, 343, 345 и др.; Готье Замосковный край въ XVII в. 271—274.

такого рода добровольныхъ наборахъ служилыхъ. Конечно, живая жизнь плохо подчинялась мертвымъ юридическимъ формуламъ; вопреки грамотамъ, въ пушкари и въ казаки попадали, конечно, тяглые и крѣпостные: это были бѣглецы; но такихъ не могло быть очень много: гораздо удобнѣе было бѣжать имъ въ Сибирь или на Вятку и въ „поморскіе города", гдѣ „отъ царя было дальше" и гораздо легче можно было укрыться отъ преслѣдованія властей; да и бѣжавшіе на югъ далеко не всегда могли поступить здѣсь въ служилые: не всякій же воевода спѣшилъ нарушать царскій указъ; большій просторъ былъ для бѣглецовъ юга у казаковъ на Дону.

Итакъ, главнымъ элементомъ для пополненія военно-служилаго класса людей на степной украинѣ были „вольные люди". Изъ кого же состоялъ этотъ послѣдній разрядъ населеній?—По словамъ весьма компетентнаго историка Московской Руси, академика М. А. Дьяконова, *„вольными людьми* прежде всего считались *отпущенники*, т. е. получившіе свободу холопы и освобожденные на волю крестьяне. Это несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе многочисленныхъ элементовъ въ составѣ вольныхъ людей. Затѣмъ, особымъ элементомъ въ составѣ вольныхъ людей являются *выходцы изъ-за рубежей* Польско-Литовскаго и Нѣмецкаго. Число такихъ выходцевъ особенно возрастаетъ со второй половины XVII в., послѣ счастливыхъ походовъ русскихъ войскъ въ предѣлы Литвы и Польши. Наконецъ, значительную группу вольныхъ людей составляютъ дѣти и родственники тяглыхъ людей, *не занесенные еще ни въ какія официальныя описи*, на свой страхъ отдѣлившіеся отъ семей или покинутые своими родственниками" [1]).

Цитованная нами грамота, очевидно, больше всего имѣетъ въ виду эту послѣднюю группу вольныхъ людей—не занесенныхъ еще въ официальные списки. Однако, нѣтъ никакихъ основаній полагать, что этотъ классъ былъ въ центральныхъ областяхъ особенно многолюднымъ. Что касается выходцевъ изъ-за рубежа, то съ ними мы встрѣтимся не разъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи; этотъ

---

1) М. Дьяконовъ, Очерки по исторіи тяглаго населенія, 86.

разрядъ населенія, безспорно, далъ изъ своей среды очень много военно-служилыхъ людей.

Относительно же *главнаго* элемента, изъ котораго составился классъ приборныхъ военно-служилыхъ людей на степной окраинѣ Московскаго государства, мы предполагаемъ слѣдующее. Выше (§ 14) мы говорили, что населеніе запустѣвшей степи двинулось въ свое время на сѣверъ и на западъ. Двинувшіеся на сѣверъ группировались здѣсь около р. Оки, бывшей границею мирной, болѣе безопасной области государства. Здѣсь и прежде прихода степняковъ было довольно многолюдное населеніе; теперь оно еще болѣе сгустилось, и было тѣсно. На степняковъ смотрѣли, конечно, косо, какъ на занявшихъ чужія мѣста. Главное же, степняки были всецѣло выбиты изъ своей соціальной колеи: тяглые не могли тянуть тягла, такъ какъ теперь, на новомъ мѣстѣ, въ сущности не имѣли своей земли; крѣпостные, при спѣшномъ передвиженіи, похожемъ на бѣгство, легко могли потерять своихъ господъ, равно какъ и наоборотъ: помѣщикамъ не легко было разыскать своихъ крестьянъ. Словомъ, всякаго рода общественныя отношенія были нарушены. Въ сущности, почти всѣ переселившіеся степняки оказались „вольными людьми“ (по третьей группѣ акад. Дьяконова): ихъ офиціальныя записи сразу устарѣли и, въ сущности, потеряли свою силу, такъ какъ онѣ относились къ совсѣмъ другой территоріи государства.

Вотъ здѣсь то конечно, среди выбитыхъ изъ колеи переселенцевъ степняковъ царскіе биричи, кликавшіе вольныхъ людей на государеву службу въ степи, должны были находить себѣ особенно богатую жатву. Сказать и то, что если кому, такъ именно степнякамъ было совершенно не страшно идти на степную службу: степь, чуждая москвичамъ, была этимъ людямъ родиною.

На западѣ было, конечно, то же самое, что́ и на сѣверо-востокѣ. И тамъ на степную службу должны были идти прежде всего тѣ же степняки, покинувшіе свою родную степь подъ угрозой враговъ. Но здѣсь многіе степняки-переселенцы оказались уже за рубежомъ Русскаго государства, въ предѣлахъ Литвы и Польши. Вотъ почему здѣсь они извѣстны подъ новымъ именемъ „выходцы изъ

за рубежа". Вмѣстѣ съ недавними переселенцами изъ степи тутъ оказались, вѣроятно, и представители древнѣйшаго слива изъ степи на западъ—степняки, покинувшіе родную степь еще во времена первыхъ татарскихъ нашествій. Всѣ эти выходцы переходили рубежъ б. ч. большими группами, равно какъ и поступали на русскую степную службу то-же чаще, кажется, не единицами, а массами. По крайней мѣрѣ, теперь въ степныхъ губерніяхъ мы ихъ находимъ чаще группами.

Такимъ образомъ, есть основаніе полагать, что въ качествѣ военно-служилыхъ людей на степную окраину Московскаго государства поступали, если не главнымъ образомъ, то въ очень значительномъ количествѣ—прежніе жители этихъ же самыхъ степей, т. е. аборигены края или, чаще, ихъ прямые потомки. Такъ что, казалось бы, запустѣніе степи, о коемъ мы говорили выше, особенно большого измѣненія въ составѣ мѣстнаго населенія не произвело.—Но это можетъ показаться лишь на первый взглядъ. Отливъ прежняго степного населенія и временная жизнь его на сѣверѣ, а особенно на западѣ, за рубежомъ, произвела въ этомъ населеніи очень большія перемѣны. Въ XVI—XVII вв. въ степь явилось, въ сущности, уже новое населеніе, хотя это и были прежніе же степняки. Выходцы съ сѣвера принесли съ собою слѣды Московскаго вліянія, выходцы съ запада—еще болѣе сильные слѣды своего пребыванія за рубежомъ, у литовцевъ или поляковъ.

Все сказанное относится лишь къ одной группѣ военно-служилаго сословія, къ служилымъ людямъ по прибору; что же касается высшаго разряда служилыхъ людей, не приборнаго, то онъ былъ сословно-дворянскимъ: представители его почерпались изъ дѣтей боярскихъ и дворянъ—изъ сословій, которыя были особенно многолюдны въ Москвѣ. Вотъ почему эту группу служилаго класса можно смѣло называть Московскою: если она и не всегда жила въ Москвѣ, то всегда была носительницею чисто Московской, сословно-дворянской культуры, что́ для насъ особенно важно.

Были, конечно, въ военно-служиломъ степномъ сословіи и еще иные элементы, наприм. разные выходцы съ сѣвера Руси, но всѣ эти элементы были немногочисленны и, ко-

нечно, тонули въ массѣ тѣхъ трехъ группъ, о которыхъ мы говорили выше. Группы же эти, говоря кратко, слѣдующіе: 1) дѣти боярскіе и дворяне, 2) бывшіе степняки, отхлынувшіе не такъ давно передъ тѣмъ изъ степи на сѣверъ, къ Окѣ, и 3) бывшіе степняки же, отхлынувшіе въ разное время изъ степи на западъ и оказавшіеся за рубежомъ. Первые несли въ степь чисто Московскую культуру, вторые—старую степную культуру, подвергшуются лишь слабому Московскому вліянію, и третьи—старую степную культуру, подвергшуюся весьма сильному западному вліянію—литовско-польскому и малорусско-бѣлорусскому.

Такимъ образомъ, въ культурѣ предковъ нынѣшнихъ однодворцевъ—военно-служилыхъ людей на степной окраинѣ Московскаго государства—должны были сказаться три разныхъ культурныхъ вліянія: 1) Московское, главнымъ образомъ дворянское, 2) старое степное и 3) западное. Первое вліяніе было ссобенно сильно тѣмъ, что представители его стояли во главѣ новаго военно-служилаго степного сословія и, какъ старшіе, „задавали тонъ“. Второе вліяніе было также очень сильно—главнымъ образомъ по многолюдству своихъ представителей. Третье вліяніе было слабѣе прочихъ; на востокъ степи проникнуть ему было нельзя; слѣды его мы находимъ только на западѣ степи.

§ 19. Мы уже знаемъ (§ 16), что носители этихъ трехъ культуръ, оказавшись членами одного сословія, должны были въ сильной степени слитья между собою. Кромѣ указанныхъ нами выше факторовъ такого смѣшенія, необходимо указать еще на слѣдующій: по мѣрѣ проникновенія государственной границы къ югу, въ глубь степи, военно-служилые люди также подвигались постепенно къ югу—съ такимъ расчетомъ, что часть ихъ оставалась на прежнихъ мѣстахъ, а другая часть передвигалась къ югу, на новую границу, и только пополнялась здѣсь новоприборными людьми (недостатокъ дѣтей боярскихъ при этомъ пополнялся тѣмъ, что въ дѣти боярскіе „верстались“ приборные служилые люди). Укажемъ нѣсколько примѣровъ такихъ передвиженій: первые насельники сторожевого города Карпова (разумѣется, съ его уѣздомъ; городъ этотъ находился въ предѣлахъ нынѣшняго Бѣлгородскаго уѣзда)

были переведены изъ Мценска, Курска, Орла, Одоева Переяславля, Сапожка и Москвы [1]), разумѣется опять таки съ ихъ уѣздами; въ 1648 г. присоединены къ нимъ 199 семей Орловскихъ дѣтей боярскихъ, 39 семей Курскихъ дѣтей боярскихъ и 59 семей Орловскихъ стрѣльцовъ и пушкарей [2]). Когда, послѣ, основанъ былъ гор. Нежегольскъ, то часть Карповскихъ служилыхъ людей переведена была въ него, вмѣстѣ съ Бѣлгородскими, Болховскими и Корочанскими [3]); другая часть Карповскихъ же служилыхъ переведена была въ новообразованный Колонтаевъ, вмѣстѣ съ служилыми изъ Вольнаго, Хотмыжска и Обояни [4]). Въ Обоянь, въ свою очередь, дѣти боярскіе были сведены изъ Орла, Курска и другихъ мѣстъ [5]). Въ Бѣлгородѣ 1629 г. мы видимъ, между прочимъ, слободы: Ряжскую, Михайловскихъ и Пронскихъ казаковъ, названныя такъ по имени тѣхъ городовъ, изъ которыхъ сюда выселились служилые люди [6]). Въ Новый Осколъ въ 1649 г. были переведены изъ Ельца 200 семей казаковъ [7]). Въ Осколѣ (Старомъ) 1615 г. на посадѣ мы видимъ 111 дворовъ Дѣдиловскихъ и Данковскихъ сведенцовъ [8]). При постройкѣ, въ 1600-мъ году, гор. Валуйки, служилые люди для новаго города взяты были изъ Оскола, Дѣдилова, Новосили и другихъ украинскихъ городовъ [9]). Болховецъ (теперь село въ Курской губ.) образованъ въ 1648 г. переселенцами изъ Карачева [10]).

Такія передвиженія военно-служилыхъ людей изъ однихъ украинскихъ городовъ въ другіе, новые города, весьма понятны: въ новыхъ пограничныхъ крѣпостяхъ нужны были люди опытные, привычные къ условіямъ степ-

---

[1]) Миклашевскій, Къ исторіи хозяйств. быта, 152.

[2]) Миклашевскій, тамъ же, с. 159.

[3]) Багалѣй, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной Украйны, 231.

[4]) Багалѣй, тамъ же.

[5]) Миклашевскій, тамъ же, 153, прим. 4.

[6]) Миклашевскій, тамъ же, 68.

[7]) Тамъ же, 163.

[8]) Тамъ же, 85.

[9]) Багалѣй, Матеріалы для ист. колониз. и быта, II, № 1; срв. Миклашевскій, тамъ же, 24.

[10]) Миклашевскій, тамъ же, 155.

ной жизни и крѣпостной защиты; а этой опытности и привычки у боярскихъ дѣтей изъ центральныхъ и сѣверныхъ областей государства, какъ давно уже замиренныхъ, конечно, не доставало [1]).

Что такого рода перетасовыванья служилыхъ людей должны были сильно способствовать сліянію вошедшихъ въ составъ этого новаго сословія различныхъ элементовъ,— въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Другое послѣдствіе такого рода передвиженій менѣе очевидно; разумѣемъ разжиженіе высшаго, аристократическаго разряда интересующаго насъ сословія на югѣ: прежнихъ дѣтей боярскихъ, которыхъ для подмосковныхъ городовъ было вполнѣ достаточно, на югѣ, конечно, не хватало: ихъ нужно было и оставить въ старыхъ городахъ, требовались они и въ каждомъ изъ новыхъ городовъ, которыхъ было такъ много. Вотъ почему на югѣ степи въ разрядъ дѣтей боярскихъ щедро верстались приборные служилые люди. Этотъ фактъ общеизвѣстенъ у нашихъ историковъ. Для насъ онъ интересенъ, какъ причина возможнаго ослабленія на югѣ степи Московскаго дворянскаго культурнаго вліянія: главнымъ проводникомъ этого вліянія были, конечно, аристократы, а такихъ на югѣ степи было гораздо меньше, чѣмъ на степномъ сѣверѣ.

Изъ сказаннаго объясняется и причина того, почему теперь на сѣверѣ степи, наприм. въ Тульской губерніи, такъ мало однодворцевъ, тогда какъ въ южныхъ губерніяхъ, наприм. въ Воронежской, ихъ очень много. Съ сѣвера, какъ мы видѣли, значительная часть военно-служилыхъ людей (т. е. прямыхъ предковъ нынѣшнихъ однодворцевъ) была переведена на югъ; оставшіеся же здѣсь дѣти боярскіе не попали въ число однодворцевъ, такъ какъ въ крѣпостныхъ крестьянахъ у нихъ недостатка никогда не было, а у многихъ—у знатныхъ и богатыхъ— оказались даже, вмѣсто помѣстій, вотчины.

§ 20. Хотя, какъ явствуетъ изъ выше сказаннаго, различные элементы военно-служилаго сословія на степной украйнѣ должны были сильно перемѣшаться между собою,— однако же полнаго сліянія ихъ не произошло. Да и трудно

1) Срв. Готье, Замосковн. край, 278. 4*

было произойти такому сліянію на столь громадномъ пространствѣ и въ столь, сравнительно, непродолжительное время. Вотъ почему и теперь среди однодворцевъ различаются двѣ главныхъ, отличныхъ по типу, массы: 1) однодворцы изъ западныхъ выходцевъ и полѣховъ (ихъ особенно много въ Орловской губ.) и 2) однодворцы изъ рязанцевъ (т. е. тѣхъ степняковъ, которые въ свое время прихлынули къ Окѣ). Третьей группы, соотвѣтствующей Московскимъ дѣтямъ боярскимъ, мы не находимъ; слѣды ея, конечно, остались, и они довольно сильны, но особой группы нѣтъ. И это объясняется очень просто: Московская аристократическая группа къ крестьянскому сословію теперь не принадлежитъ, а будучи дворянскою, давно усвоила новую, западно-европейскую культуру, которая этнографическаго интереса не представляетъ.

Правда, въ населенной однодворцами области мы сталкиваемся кое-гдѣ съ новымъ Московскимъ вліяніемъ, но это послѣднее ничего общаго съ Московскимъ сословіемъ дѣтей боярскихъ не имѣетъ. Это вліяніе, новѣйшее и чисто культурное, одинаково коснулось какъ однодворцевъ, такъ и не однодворцевъ, сосѣдящихъ съ Москвою; самый характерный слѣдъ его—Московское слабое аканье, съ его иканьемъ (т. е. съ произношеніемъ видѝ вм. литературнаго ведѝ и степного вядѝ). Однодворцевъ, подвергшихся этому новому Московскому вліянію, можно также выдѣлить въ особую группу, но она не будетъ характерною, а главное—не будетъ однородною съ двумя другими, указанными группами, такъ какъ это факты совсѣмъ разныхъ эпохъ.

Ниже мы попытаемся дать общую характеристику этнографическаго типа однодворцевъ въ его современномъ видѣ, при чемъ, конечно, столкнемся, со всѣми этими группами.

Болѣе чистые однодворческіе говоры характеризуются, какъ это видно будетъ изъ нашего дальнѣйшаго изложенія, слѣдующими чертами: аканье диссимиляціонное (хорошо сохранилось, напр., въ Обояни) или т. наз. Рязанское; въ консонантизмѣ: м. к, шш вм. щ, иногда *с* вм. *ц*, при отсутствіи цоканья и чоканья (черта западная, но свойственная, какъ кажется и тѣмъ рязанцамъ, которые смѣшались

съ мещерою?); въ морфологіи кагоканье (т. е. произношеніе род. пад. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій съ сохраненіемъ звука *г*: яго, каго), преобладаніе формъ 3 л. ед. ч. глаголовъ безъ конечнаго -ть (тъ); въ лексикѣ *щё* вм. что, *каё* вм. гдѣ. Въ большей чистотѣ однодворческій типъ говора сохранился въ Нижнедѣвицкомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Воронежской губ., въ Обоянскомъ и Оскольскомъ уѣздахъ Курской губ., въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ с. Остролучьѣ Козловскаго у. Однодворческій говоръ западнаго типа (съ *с* изъ *ц*) въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губ. и въ Новосильскомъ—Тульской губ.

Полѣсскіе говоры отличаются отъ однодворческихъ главнымъ образомъ наличностью тѣхъ чертъ, коими характеризуется бѣлорусское нарѣчіе: удвоенныя согласныя въ такихъ случаяхъ, какъ свинння, Илля; рыю, мыю вм. рою, мою; ёсть вм. есть; отсутстіе м. к, которое, правда кое-гдѣ привилось и полѣхамъ отъ сосѣдей однодворцевъ; болѣе послѣдовательное употребленіе неслогового ў; сохраненіе старинныхъ свистящихъ вмѣсто задненебныхъ въ предложномъ падежѣ (на порбзѣ и т. п.).

Говоры помѣщичьихъ крестьянъ отличаются отъ однодворческихъ отсутствіемъ кагоканья, преобладаніемъ формъ 3 л. ед. ч. глаголовъ съ окончаніемъ -ть, болѣе слабымъ аканьемъ, отсутствіемъ (правда, далеко не всегда) м. *к*, отсутствіемъ *ще* (вмѣсто того говорятъ чаще *што*), отсутствіемъ *каё* въ значеніи „гдѣ“ (вм. того *идѣ*), иногда отсутствіемъ шш вм. щ.—Подвергшійся новѣйшему Московскому вліянію, нивелированный однодворческій говоръ (обычный теперь въ подмосковныхъ мѣстностяхъ) близокъ къ этому говору помѣщичьихъ крестьянъ.

Народъ отличаетъ однодворцевъ по говору, но подчеркиваетъ въ однодворческомъ говорѣ б. ч. одну лишь лексическую черту, это произношеніе мѣстоименія что какъ *щё*. За это однодворцы слывутъ *„щекунами“* — прозвище, наиболѣе распространенное въ Воронежской губерніи (§ 27). И сами однодворцы считаютъ эту лексическую черту своего говора и даже самую кличку „щекуны“ очень характерною для себя. По крайней мѣрѣ Путивльская горюха (Курской губ.), желая доказать заѣзжему барину свое одно-

дворческое, дворянское, происхожденіе, горделиво говорила ему: „мы аднадворцы, дворянскаго роду, сцакуны“ (проф. М. Халанскій, Народн. говоры Курской губ. 28 и 114), т. е. щакуны = щекуны. Замѣчательно, что эта горюха не „щекала“ и, весьма возможно, только кичилась своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, не будучи въ дѣйствительности однодворкою („горюны“ вообще монастырскіе крестьяне, но, конечно, женщина могла быть взята замужъ и изъ однодворокъ).—Другая народная кличка по поводу говора однодворцевъ, имѣетъ въ виду ихъ кагоканье; это: „ягуны, кагаи, кагокалы“; но кличка эта примѣняется далеко не къ однимъ однодворцамъ.

§ 21. Переходимъ теперь къ однодворческому костюму; но прежде принуждены сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ исторіи великорусской одежды: къ тому побуждаетъ насъ полное отсутствіе сочиненій, на которыя можно было бы въ данномъ случаѣ сослаться.

По костюму великоруссы дѣлятся на двѣ болшихъ половины—точно такъ же, какъ они дѣлятся по языку и жилищу: сѣверъ и югъ. Главная отличительная черта южнаго костюма—женская понева, сѣвернаго—„сарафанъ“. Что до головныхъ женскихъ уборовъ, которымъ этнографы придаютъ обычно очень большое значеніе, то въ нихъ далеко нѣтъ той правильности. Головные уборы изготовляются далеко не всегда дома, а б. ч. покупаются въ готовомъ видѣ, иногда въ отдаленныхъ мѣстностяхъ; напримѣръ, женщины Сѣвскаго уѣзда покупали свои „златоглавы“, шитьемъ коихъ занимались монахини, на Коренной ярмаркѣ подъ Курскомъ (Живая Стар. 1910, № 1—2, с. 7); сказать и то, что въ пестромъ разнообразіи женскихъ головныхъ уборовъ, мѣняющихся часто по отдѣльнымъ селеніямъ, этнографы еще совсѣмъ не разобрались, и ихъ развитіе не ясно. Впрочемъ, нѣкоторая правильность намѣчается и тутъ: поневѣ сопутствуетъ чаще рогатая кичка (съ сорокой и другими принадлежностями), сарафану—кокошникъ съ его видоизмѣненіями и суррогатами (будничная замѣна кокошника—повойникъ, почепешникъ и др.), а также простой головной платокъ.

Москва въ отношеніи костюма (точно такъ же какъ и въ отношеніи къ жилищу) принадлежитъ всецѣло къ сѣверу.—И вообще, смѣшанно-переходной полосы на серединѣ великорусской области, какъ то наблюдается въ говорахъ, въ распространеніи одежды и жилища почти нѣтъ; а если изрѣдка и замѣтно нѣчто въ родѣ переходной полосы, то элементы ея очень ясны. Вотъ почему, детальное изученіе типовъ великорусской одежды и жилища, вмѣстѣ съ ихъ географическимъ распространеніемъ, должно пролить сильный свѣтъ на такъ называемые среднерусскіе говоры.—Если кое-гдѣ въ Московской губ. и носили недавно поневы (у шуваликовъ Верейскаго у., въ Подольскомъ уѣздѣ [1]), то это легко объясняется вліяніемъ степняковъ, прихлынувшихъ въ центръ во время запустѣнія степи.—Въ частности, сарафанъ (или „шубка"—одна изъ разновидностей сарафана) съ кокошникомъ и душегрѣйкой былъ до Петра В. обычнымъ костюмомъ нашихъ боярынь, т. е. былъ дворянскимъ сословнымъ костюмомъ, который отъ крестьянскаго сѣвернаго костюма отличался главнымъ образомъ пышностью и богатствомъ, а отъ крестьянскаго южнаго—и по существу. Одинъ изъ видовъ сарафана доселѣ носитъ техническое наименованіе „Московскаго".

Что до поневы, то постепенное развитіе ея очень ясно и различныя ступени этого развитія доселѣ характеризуютъ отдѣльныя группы южновеликорусскаго населенія. Древнѣйшій видъ поневы, очень близкій къ малорусской запаскѣ, есть простой кусокъ ткани, облегающій задъ и оставляющій незакрытую прорѣху напереди; это понева „безъ прошвы". Появленіе „прошвы", т. е. иноцвѣтной полосы, вшитой въ переднюю прорѣху, характеризуетъ дальнѣйшую стадію въ развитіи поневы (это понева съ прошвой или глухая понева) и сближаетъ ее съ юбкой. Когда прошва дѣлается одного цвѣта и изъ одной ткани съ прочею поневою, тогда получается уже юбка, которая и представляется ни чѣмъ инымъ, какъ простымъ развитіемъ поневы.

---

*) В. Чернышевъ въ Изв. 2 Отдѣл. X, 1905, кн. 2, с. 364; В. Орловъ и И. Боголѣповъ, Промыслы Московской губерніи. Вып. I. М. 1879, с. 285.

Хотя однодворки, среди коихъ преобладали степнячки, конечно, были нѣкогда „поневницами“, т. е. носили поневы и рогатыя кички,—но уже давно б. ч. ихъ перешла къ тому костюму, который въ до-Петровское время былъ дворянскимъ, т. е. надѣла сарафаны, кокошники и душегрѣйки. Прежде всего, какъ кажется, исчезла у однодворокъ рогатая кичка, исчезающая теперь и у прочихъ классовъ южновеликорусскаго населенія. Если кое-гдѣ (наприм. въ селѣ Новоживотинномъ Воронежскаго у.: АГО. IX, 23, Адамовъ) однодворки и продолжаютъ носить кички, то это не прежнія рогатыя кички, а „простыя полукруглыя“, болѣе или менѣе приближающіяся по своей формѣ къ кокошнику; рядомъ помѣщичьи крестьянки носятъ, попрежнему, „разлатыя кички съ двумя рожками“. Вообще же для однодворокъ болѣе характерны, въ качествѣ головныхъ уборовъ, кокошники и платки, равно какъ вмѣсто поневъ—сарафаны и юбки, и въ качествѣ верхней одежды—душегрѣйки. Особенно широко распространенъ этотъ дворянскій костюмъ однодворокъ въ Орловской губерніи, гдѣ по костюму всегда легко отличить однодворку отъ не-однодворки „поневницы“ (см. § 62, гдѣ нами собранъ рядъ свидѣтельствъ о женскихъ костюмахъ этой губерніи). Въ другихъ губерніяхъ встрѣчается немало исключеній изъ общаго правила о томъ, что однодворки носятъ старый дворянскій костюмъ, но много также и соотвѣтствій этому правилу. Укажемъ нѣкоторыя: Старинный дворянскій костюмъ отмѣченъ у однодворокъ Тульской губерніи въ уѣздахъ: Одоевскомъ [1]), Крапивенскомъ [2]) и Чернскомъ [3]); во всѣхъ трехъ случаяхъ живущія рядомъ помѣщичьи крестьянки носятъ иной костюмъ—поневы и рогатыя кички; то же самое въ Курской губерніи: въ Тимскомъ уѣздѣ [4]) и въ Бѣлгородѣ [5]); изъ Тамбовскаго

[1]) Труды Комиссіи по изслѣдов. кустарн. промышленности въ Россіи VIII, 1882, с. 1310, статья Н. Нечаева.

[2]) АГО. XLII, 29, В. Знаменскій.

[3]) Устное сообщеніе студ. Боголюбова о с. Чичеринѣ-Покровскомъ (№ 368 «Списка насел. мѣстъ»), гдѣ въ слободкѣ однодворцевъ носятъ юбки, а въ слободкѣ барскихъ—поневы.

[4]) АГО. XIX. 10, І. Сверчевскій, 1848 г.

[5]) Халанскій, Народн. говоры Курск. губ. 43 (Бѣлгородскія однодворки носятъ только сарафаны и чепцы).

уѣзда есть свидѣтельство 1863 г. о с. Пахотный уголъ: у здѣшнихъ однодворокъ юбки и сарафаны, душегрѣйки, платки и кички „приличныя“, безъ роговъ. [1]) Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, съ его преобладающимъ однодворческимъ населеніемъ, крестьяне называютъ „паневой“, по старой памяти, клѣтчатую черную юбку; настоящія поневы, съ прошвой, сохранились здѣсь только въ селѣ Роговатомъ (Прогорѣлое тожъ [2]). Къ Рязанской губерніи, вѣроятно къ Данковскому уѣзду, относится слѣдующее свидѣтельство А. Т. Болотова 1792 г. относительно какой-то однодворческой деревушки, расположенной на дорогѣ отъ Данкова къ Раненбургу неподалеку отъ села Толстого (№ 2374 по „Списку насел. м.“): „Платьецо и юпченки было на нихъ (дѣтяхъ однодворца) изрядное и *не похожее на крестьянское*, а такое, какое носятъ въ дворянскихъ домахъ дворовыхъ людей дѣти; а такое-жъ имѣли и взрослыя женщины [3]). Вообще же въ Рязанской губерніи, точно такъ же какъ и въ Воронежской, немало исключеній изъ изложеннаго нами выше правила объ однодворческомъ костюмѣ; проф. Е. Ѳ. Будде характеризуетъ даже костюмъ мѣстныхъ однодворцевъ и не-однодворцевъ совершенно противоположными чертами: „По костюму крестьянки (Рязанской губ.) можно навѣрное сказать,—пишетъ онъ,—принадлежитъ ли она къ вольному или барскому селу... Въ нѣкоторыхъ селахъ (преимущественно барскихъ) носятъ сарафаны.... въ другихъ (преимущественно вольныхъ)—поневы,... рожки или кичку, пушки въ ушахъ, шушпанъ и коты или лапти“ [4]). Изъ этого правила проф. Будде мы знаемъ немало исключеній, существованіе коихъ извѣстно и автору правила, какъ видно изъ его оговорки „преимущественно“. Кромѣ того, проф. Будде говоритъ не объ однихъ однодворцахъ, а о „вольныхъ“ селахъ вообще; населеніе же вольныхъ селъ можетъ состоять, помимо однодворцевъ, изъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ,

[1]) Тамбовскія Г. В. 1863, № 36; рядомъ у дворцовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ поневы и кички съ рожками; у монастырскихъ «костюмъ средній» между однодворческимъ и дворцовымъ.

[2]) Устное сообщеніе студента Ѳ. И. Поликарпова.

[3]) Болотовъ, Записки, т. IV, с. 975—976.

[4]) Р. Ф. В., т. 27, с. 174—175.

изъ бывшихъ дворцовыхъ (удѣльныхъ) и изъ крестьянъ нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствъ. Среди государственныхъ крестьянъ Скопинскаго у., который въ цитованномъ трудѣ Б у д д е послужилъ главнымъ предметомъ изученія, особенно много бывшихъ коннозаводческихъ крестьянъ (§ 127), которые съ однодворческимъ сословіемъ имѣютъ немного общаго. При всемъ томъ, дѣйствительно, едва ли не большинство Рязанскихъ однодворокъ носятъ не старинный дворянскій костюмъ, а старую степную одежду—поневы и рогатыя кички. Объясненіе этому можно находить въ томъ, что однодворцы здѣсь оказались въ меньшинствѣ; въ 1859 г крѣпостные крестьяне составляли здѣсь 56½ % всего крестьянскаго населенія губерніи [1]) при, чемъ въ остальную, меньшую половину не-крѣпостныхъ крестьянъ входятъ, кромѣ однодворцевъ, также и бывшіе коннозаводческіе, дворцовые (удѣльные), монастырскіе, отпущенные на волю изъ крѣпостной зависимости прежде 1859 г. и инородцы.

Другую п р и ч и н у можно усматривать въ особыхъ условіяхъ жизни мѣстныхъ военно-служилыхъ людей, прямыхъ предковъ нынѣшнихъ однодворцевъ. Если въ Орлѣ, Курскѣ и т. п. служилый человѣкъ былъ „не дома", находился вдали отъ своей родины и потому очень легко разставался съ традиціями своей родной деревни,—то въ Рязани служилый человѣкъ былъ если и не дóма, то очень близко къ дому, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своей родной деревни. Дѣло въ томъ, что Рязанская область, сѣверъ ея, была однимъ изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ, гдѣ степняки находили убѣжище отъ кочевниковъ и куда прихлынули они, спасаясь отъ своихъ враговъ; хотя среди откочевавшихъ на сѣверъ Рязанской страны степняковъ могли быть и степняки разныхъ областей, но главную массу ихъ составляли, конечно, свои, Рязанскіе же степняки; о томъ ясно говоритъ географія края. Когда кликнули кличъ о записи въ сторожевые казаки и въ другіе разряды приборныхъ людей, то на защиту своей родной страны первыми пошли, конечно, сами рязанцы, эти вышибленные изъ колеи жители степной половины Рязанской области. Вотъ почему, болѣе чѣмъ естественно ожидать, что среди

1) А. Т р о й н и ц к і й, Крѣпостное насел. 49.

Рязанскихъ служилыхъ людей преобладали мѣстные жители и уроженцы, чего въ другихъ степныхъ областяхъ вообще не было. Въ Рязани сравнительно мало было Московскаго элемента, Московскихъ дѣтей боярскихъ, которые оказали громадное вліяніе на образованіе однодворческаго сословія въ другихъ южновеликорусскихъ губерніяхъ. Военно-служилый человѣкъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, конечно, не могъ такъ скоро порвать связи съ крестьянскими, деревенскими традиціями и бытомъ, даже при сознательномъ стремленіи къ такому порыву; онъ не могъ скоро оторваться отъ родной крестьянской почвы, такъ какъ почва эта продолжала оставаться слишкомъ близкою ему: къ ней по-попрежнему тянули неизмѣнно его родные, сосѣди однодеревенцы. Однообразіе массы служилыхъ людей въ Рязани, взятыхъ здѣсь главнымъ образомъ изъ среды мѣстнаго населенія, лишній разъ способствовало сохраненію старыхъ, крестьянскихъ традицій; „чужихъ“ въ Рязани почти не было; не было, значитъ, и столкновенія различныхъ культуръ, что прежде всего и больше всего ведетъ къ измѣненію быта, къ нарушенію прежнихъ традицій.

Изъ сказаннаго не удивительно, что у многихъ Рязанскихъ однодворцевъ сохранился нерушимо старый, крестьянскій костюмъ женщинъ—поневы и рогатыя кички; изъ Рязани мѣстные однодворцы занесли ихъ также въ Тамбовъ и Воронежъ (гл. обр. на востокъ Воронежскаго края), гдѣ численно преобладалъ сливъ Рязанскихъ служилыхъ людей передъ другими группами.

Возвращаясь вновь къ обычному однодворческому (онъ же и старый дворянскій) женскому костюму, мы теперь обратимъ вниманіе на его двойственность: рядомъ съ сарафаномъ является юбка, рядомъ съ кокошникомъ — платокъ. Если сарафанъ и кокошникъ вмѣстѣ съ душегрѣйкой—слѣды безспорнаго Московско-дворянскаго вліянія, то о юбкѣ сказать это никакъ нельзя. Юбка можетъ быть у однодворцевъ двоякаго происхожденія: 1) или она развилась непосредственно изъ прежней поневы съ прошвой, при чемъ однимъ изъ мотивовъ такого усовершенствованія поневы могло быть сознательное приближеніе ея къ высшему, дворянскому костюму — сарафану; безспорно такое происхожденіе юбки, напримѣръ, у однодворцевъ Нижнедѣвиц-

каго у., гдѣ юбка сохранила свое старое имя „поневы" и свою прежнюю, клѣтчатую окраску; 2) юбка могла быть принесена съ запада (у зарубежныхъ выходцевъ).

Здѣсь мы сталкиваемся съ совершенно невыясненнымъ вопросомъ о прежнемъ полѣсско-бѣлорусскомъ народномъ женскомъ костюмѣ. Современныя бѣлорусски, какъ общее правило, не носятъ поневъ и рогатыхъ кичекъ, а носятъ юбки („андаракъ"), сарафаны („саянъ"), платки и чепцы. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что этотъ современный костюмъ бѣлорусскихъ женщинъ очень новаго, недавняго происхожденія; не трудно видѣть въ немъ вліяніе Литвы (а Литва и Москва, по крайней мѣрѣ дворы владѣтелей этихъ двухъ смежныхъ и родственныхъ государствъ, находились, вѣроятно, во взаимныхъ вліяніяхъ одна на другую и по части одежды; за придворною модой слѣдовали бояре, а за ними и народъ) и Польши. Близко родственные бѣлоруссамъ полѣхи, не исключая и жителей полѣсья Черниговскаго [1]), сохраняютъ доселѣ иной костюмъ, тожественный со степнымъ: поневы и рогатыя кички; пережитокъ поневъ (открытыхъ, безъ прошвы, стариннаго типа, который преобладаетъ въ полѣсьяхъ и теперь) сохранился и въ Минскомъ, чисто бѣлорусскомъ полѣсьѣ, въ видѣ особаго фартука [2]). Но особенно характерно, что зарубежные „бѣлорусцы", поселившіеся въ XVII в. въ Звенигородскомъ уѣздѣ, а послѣ переселенные въ Лукояновскій уѣздъ (§ 182), сохраняли здѣсь до самаго недавняго времени великорусскій степной костюмъ, который они могли принести только съ своей первоначальной родины (заимствовать въ Звенигородѣ не могли, такъ какъ тамъ поневъ, вѣроятно, не было, да и времени для прочнаго заимствованія новаго костюма было мало); у нихъ мы видимъ „кокошники съ рожками", т. е. безспорныя рогатыя кички, и поневы клѣтчатыя—чернаго и краснаго цвѣтовъ [3]).

На основаніи сказаннаго можно предполагать, что многіе выходцы изъ-за западнаго рубежа принесли въ XVII-мъ вѣкѣ на Русь не юбки и саяны съ головными платками, а

---

[1]) Вс. Миллеръ, Систематич. опис. коллекцій Дашковск. Музея, III, 159 (Суражскій у.) и 162 (Стародубскій у.).

[2]) Устное сообщеніе А. К. Сержпутовскаго.

[3]) Нижегородскій Сборникъ, V, 338.

тѣ же поневы и рогатыя кички, коихъ такъ много было и у насъ до́ма; но нѣкоторые выходцы уже, вѣроятно, успѣли усвоить костюмъ высшихъ Литовскихъ сословій, и этотъ послѣдній оказался довольно близкимъ къ Московскому. Возможно, что эта близость Литовскаго и Московскаго костюмовъ—одна изъ причинъ того, почему на западѣ занятой однодворцами области мы встрѣчаемся съ бо́льшею правильностью однодворческаго дворянскаго костюма, нежели на востокѣ.

§ 22. Что касается ж и л и щ а однодворцевъ, то въ немъ замѣчается цѣлый рядъ особенностей, присущихъ однако же, въ той или иной степени, и жилищу нѣкоторыхъ иныхъ группъ степного великорусскаго населенія. Особенности эти: 1) полное отсутствіе плана въ селеніяхъ, 2) положеніе „святого угла“, съ иконами и столомъ, въ углу при входѣ, у двери; 4) положеніе амбаровъ сзади дома, а не спереди, черезъ улицу, какъ то у помѣщичьихъ крестьянъ, и 5) существованіе особаго помѣщенія для варки пищи лѣтомъ (т. наз. „землянки“ или „казармы“, явившіяся въ связи съ запрещеніемъ отъ начальства варить пищу лѣтомъ въ жилыхъ избахъ, — запрещеніе, кажется, не особенно давнее).

А. Т. Б о л о т о в ъ въ 1772-мъ году такъ описывалъ огромное однодворческое село Тамбовскаго уѣзда (№№ 14—17 по „Списку населенныхъ мѣстъ“), бывшій „Красный городокъ на Лысой горѣ“, основанный въ 1648 году [1]): „Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучкѣ, индѣ десятокъ. Тѣ туда глядятъ, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ“ [2]). Правда, на великой Руси великое множество подобныхъ селеній; про нихъ сложена и поговорка: „пять дворовъ, семь улицъ“. Обычно полнымъ отсутствіемъ всякаго плана отличаются селенія (и даже города) старинныя. Но въ южновеликорусскихъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ старины вообще такъ мало и гдѣ постарше другихъ однѣ только однодворческія селенія, отсутствіе плана явилось отличительною особенностью этихъ послѣднихъ. О томъ мы имѣемъ рядъ прямыхъ сообщеній, напримѣръ, изъ Воронежской губерніи. „Селенія государственныхъ крестьянъ (въ Воронежскомъ уѣздѣ) часто рас-

1) Д у б а с о в ъ, Очерки изъ исторіи Тамбовск. края, III, 16.
2) Б о л о т о в ъ, Записки III, 79.

положены не по плану;... огороды часто пригораживаются даже съ лицевой стороны двора“ [1]). „Въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ (Нижнедѣвицкаго у.) улицы и переулки прямыя, у государственныхъ — улицы кривыя, тѣсныя“ [2]). Очевидно, однодворцы не подчиняются новымъ распоряженіямъ о планѣ селеній. Отсутствіе плана въ однодворческихъ селеніяхъ сильно бросается въ глаза еще и потому, что поселки однодворцевъ обыкновенно велики и многолюдны.

Земское статистическое обслѣдованіе Курской губерніи отмѣтило одну отличительную черту въ жилищѣ Курскихъ четвертниковъ (т. е. однодворцевъ, продолжающихъ владѣть землею на прежнемъ четвертномъ правѣ): они строятъ свои дома внутри дворовъ, заборами на улицу, чего не наблюдается у мѣстныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Мѣстный авторъ, И п. В е р н е р ъ, объясняетъ это обстоятельство традиціей: бывшимъ однодворцамъ, въ бытность ихъ военно-служилыми людьми, приходилось жить среди постоянной опасности отъ враговъ и отъ звѣрей; тогда то и могъ возникнуть обычай строить свои дома на подобіе крѣпости [3]).

Та же самая черта и у Воронежскихъ однодворцевъ: „Въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ... избы окнами на улицу, у государственныхъ крестьянъ избы во дворахъ („що бы рабятишки чяго ня выкинули на улицу“ [4]); это въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ; то же и въ Воронежскомъ: „у помѣщичьихъ крестьянъ жилыя связи б. ч. „на планъ“, т. е. лицевою стороною дома обращены на улицу, у государственныхъ—жилая связь по серединѣ двора [5]). То же самое отмѣчено и у Новосильскихъ „казаковъ“, бывшихъ военнослужилыхъ людей по прибору [6]). У однородцевъ

---

1) АГО. IX, 16, А. Х а р к е в и ч ъ.

2) АГО. IX, 23, В. А д а м о в ъ. Другой авторъ изъ того же уѣзда, Н. С к р я б и н ъ, описывая бытъ „усманцевъ“, т. е. однодворцевъ, прибывшихъ сюда изъ Усманскаго у., также отмѣчаетъ полное отсутствіе плана въ ихъ селеніяхъ (АГО. IX, 66).

3) Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія. Курскъ 1887, стр. 54—58.

4) АГО. IX, 16, А. Х а р к е в и ч ъ.

5) АГО. IX, 23, В. А д а м о в ъ, и IX, 66, С к р я б и н ъ.

6) Тульскія Г. В. 1861, № 9.

Тамбовскаго уѣзда прежде жилыя связи строились также среди двора, но уже въ 1860-хъ годахъ ихъ дѣлами по новому, „на планъ“ [1]).

Эта особенность однодворческаго жилища роднитъ его съ жилищемъ полѣсскимъ. Мы знаемъ, что даже у бѣлоруссовъ Черниговскаго полѣсья, наприм., въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго уѣзда, жилыя хаты строились всегда въ серединѣ двора и на улицу окнами никогда не смотрѣли [2]). Она же отмѣчена и у Курскихъ „цукановъ“, т. е. позднихъ выходцевъ съ запада [3]).

Типичное для однодворческаго жилища положеніе святого угла у входной двери, напротивъ, совершенно чуждо бѣлоруссамъ и у полѣховъ встрѣчается, какъ кажется, крайне рѣдко. Но въ южновеликорусскихъ степныхъ областяхъ оно встрѣчается изрѣдка и не только у однодворцевъ, исключая лишь мѣстностей, подпавшихъ новому культурному вліянію Москвы. Авторъ послѣдняго труда о русскомъ жилищѣ, покойный нѣмецкій ученый К. Раммъ считаетъ положеніе св. угла у входной двери характерною чертою для всего южновеликорусскаго жилища, въ отличіе отъ сѣверновеликорусскаго жилища съ одной стороны, отъ бѣлорусскаго и малорусскаго съ другой [4]). Однако, напримѣръ, въ помѣщичьемъ селѣ Новосильскаго у. Голунь святой уголъ не у двери, а на обычномъ мѣстѣ [5]), хотя у „казаковъ“ этого же уѣзда святой уголъ у входа [6]). Тоже самое и у помѣщичьихъ крестьянъ Бобровскаго уѣзда: святой уголъ не у двери [7]), хотя у однодворцевъ Воронежской губерніи обычно положеніе этого угла у двери [8]). У помѣщичьихъ крестьянъ с. Кузминска, Рязанскаго у. (№ 190 по „Списку насел. мѣстъ“)

---

[1]) Тамбовскія Г. В. 1864, № 12.

[2]) Черниговскія Г. В. 1855, № 19, с. 159.

[3]) Курскія Г. В. 1898, № 54, „Къ вопросу о цуканахъ“.

[4]) K. Rhamm, Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde II, II, с. 167—168.

[5]) Этнографическій Сборникъ, II, 101.

[6]) Тульскія Г. В. 1861, № 9.

[7]) АГО, IX, 63, В. Емельяновъ (с. Масаловка и др.).

[8]) Памятная Книжка Воронежск. губ. на 1906 г., с. 5, Ѳ. Поликарповъ; А. Шингаревъ, Вымирающая деревня. Спб. 1907, с. 32 (о с. Ново-Животинномъ Воронежскаго у.).

положеніе святаго угла обычное Московское [1]), тогда какъ въ населенной государственными крестьянами селѣ Рыковой Слободѣ того же уѣзда (№ 376 „Списка“) положеніе святого угла однодворческое, у входа [2]).

Итакъ, возможно, что положеніе святого угла у двери является, вопреки Рамму, отличительною особенностью не всего южновеликорусскаго жилища, а только—или, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ—жилища однодворческаго. Впрочемъ, вопросъ этотъ нуждается еще въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, которыя сильно затруднены отсутствіемъ необходимыхъ матеріаловъ. Мы знаемъ, что такое же положеніе святого угла встрѣчается и на сѣверѣ, совсѣмъ въ другомъ типѣ великорусскаго жилища, наприм. въ Кокшеньгѣ Тотемскаго уѣзда, кое-гдѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, у пермяковъ Глазовскаго уѣзда Вятской губ. [3]).

Въ уѣздахъ Обоянскомъ [4]), Рыльскомъ и Суджанскомъ [5]) интересующее насъ положеніе святого угла отмѣчено у всѣхъ вообще великоруссовъ, безъ различенія отдѣльныхъ группъ населенія; впрочемъ, въ этихъ уѣздахъ вообще преобладаютъ однодворцы. Переселенцы изъ Курской губерніи принесли этотъ типъ жилища и въ Самару [6]).

У помѣщичьихъ крестьянъ въ южновеликорусскихъ губерніяхъ довольно широко распространено обыкновеніе ставить амбары и сараи передъ домомъ, черезъ дорогу отъ лицевой стороны избы. Кое-гдѣ для построекъ такого рода сохранилось еще старое названіе „задворокъ“, свидѣтельствующее о томъ, что постройки эти перенесены сюда изъ задней части двора. Переселившіеся въ 1840-хъ годахъ въ Белебеевскій уѣздъ Уфимской губ. владѣльческіе крестьяне Епифанскаго уѣзда Тульской губ. принесли уже туда (по нашимъ личнымъ наблюденіямъ) этотъ новый

---

[1]) АГО. XXXIII, 19, I. Добротворцевъ, 1854 г.

[2]) АГО. XXXIII, 24, Н. Ловцевъ.

[3]) А. Н. Харузинъ, Славянское жилище въ сѣв.-западн. краѣ, 312 и рис. 180; Календарь Вятской губ. на 1893 г., с. 282; о Кокшеньгѣ М. Едемскій въ Живой Старинѣ 1913, № 1.

[4]) Этнографическій Сборникъ, V, статья А. С. Машкина, планъ.

[5]) АГО. XIX, 16, А. Дмитрюковъ, 1850—51 г.

[6]) Самарскія Епархіальныя Вѣдомости, 1876, № 10, статья свящ. Демидова, Очеркъ села Березовки, Самарскаго у.

планъ построекъ. У однодворцевъ же такого обычая рѣшительно нигдѣ не отмѣчено.

За то у нихъ часто встрѣчается другого рода обыкновеніе, созданное такъ же, какъ и предъидущее, опасностью пожаровъ: для варки пищи лѣтомъ у нихъ строятся, всегда въ бо́льшемъ или меньшемъ разстояніи отъ жилыхъ избъ, особыя помѣщенія, часто землянки; онѣ зовутся „землянками", а изрѣдка и „казармами". Обыкновеніе это вызвано, сколько намъ извѣстно, прямыми распоряженіями начальства. У помѣщичьихъ, равно какъ и у крестьянъ прочихъ группъ, помимо однодворцевъ, оно не извѣстно.

§ 23. Чтобы покончить съ этнографическимъ типомъ однодворцевъ, остановимся на мелкихъ отличительныхъ чертахъ этой группы. Весьма характерно отсутствіе среди однодворцевъ старовѣрчества, столь распространеннаго у крестьянъ монастырскихъ и, частью, у полѣховъ. Эта особенность однодворчества легко объясняется исторіею. Дворянамъ, военнослужилому сословію было естественнѣе всего быть представителями государственной религіи, т. е. православія. Помимо того, военная жизнь въ далекой степи, внѣ обычныхъ условій тогдашней, проникнутой ханжествомъ, жизни, должна была располагать къ своеобразному религіозному либерализму, съ которымъ „старая вѣра" совершенно непримирима.—Въ послѣднее время среди Воронежскихъ однодворцевъ распространяется сектантство, главнымъ образомъ хлыстовство, занесенное сюда изъ Области Войска Донского въ 1880-хъ годахъ [1]).

Нѣкоторые наблюдатели указываютъ, какъ на отличительную особенность однодворцевъ, сравнительную легкость нравовъ ихъ женщинъ [2]); но этотъ признакъ, условный и неопредѣленный, мы не считаемъ характернымъ.

Г. Германовъ отмѣчаетъ большую склонность однодворцевъ къ переселеніямъ: „однодворцы очень склонны къ переселеніямъ изъ одного уѣзда въ другой и, особенно, въ дальнія пограничныя губерніи, гдѣ они находятъ порядокъ вещей, во многомъ сходный съ тѣмъ, какой

1) Жив. Стар. 1906, № 1, с. 97, А. Путинцевъ.

2) Памятн. Книжка Воронежск. губ. 1906 г., с. 23, Ѳ. Поликарповъ; срв. Воронежскій Юбилейный Сборникъ, I, 526, Л. Вейнбергъ.

лѣтъ сто назадъ господствовалъ въ Воронежскомъ краѣ“[1]). Новѣйшія статистическія работы, въ сущности, подтверждаютъ это наблюденіе Германова, но ученые статистики склонны объяснять это обстоятельство особыми экономическими условіями жизни однодворцевъ [2]). Намъ думается, что и историческое прошлое однодворцевъ имѣло въ данномъ случаѣ свою долю вліянія: военная жизнь на степной украйнѣ, борьба со степными кочевниками и постепенное передвиженіе, по волѣ правительства, все далѣе и далѣе въ степь,—все это не могло, конечно, создать изъ однодворца домосѣда.

Наслѣдственная дворянская гордость однодворцевъ—характерная черта, о которой согласно говорятъ почти всѣ наблюдатели. Эту именно черту высмѣиваютъ прозвища, которыми окрестили однодворцевъ Орловской и Тульской губ. ихъ сосѣди, барскіе крестьяне: „индюхъ“ и „алая кровь“ [3]). „Наниматься въ экономію,—сообщаютъ мѣстные статистики,—мѣшаетъ четвертникамъ-однодворцамъ (между прочимъ) старинная родовая гордость, сознанье того, что въ нихъ также течетъ „дворянская кровь“, что предки ихъ если и не Римъ спасли, то все же были дворянами, сами имѣли батраковъ и даже крѣпостныхъ крестьянъ,—какъ же можно сыну или внуку такого дворянина въ батраки идти? Онъ скорѣе въ отходъ бросится, если нужда пристигнетъ его, уйдетъ на плотничьи, кирпичныя и каменныя работы, куда-нибудь въ „Адестъ“ или Кіевъ, лишь бы въ батраки не наниматься; всякая работа кажется ему „благороднѣе“ экономической службы. Въ виду этого въ волостяхъ, населенныхъ по преимуществу четвертниками, сплошь да рядомъ можно услышать жалобы со стороны владѣльцевъ на недостатокъ рабочихъ рукъ“ [4]). Другой

---

[1]) Германовъ, Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежскомъ краѣ (Зап. Геогр. Общ. XII, 1857, с. 225).

[2]) В. Н. Григорьевъ, Переселенія крестьянъ Рязанской губ. М. 1885, с. 81—85; Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія, отдѣлъ о переселеніяхъ.

[3]) Сборникъ II-го Отдѣленія И. А. Н., т. 68, с. 18, А. И. Сахаровъ; Труды Комиссіи по изслѣдов. кустарн. промышл. въ Россіи, VIII, 1882, с. 1309, Нечаевъ.—Срв. рыбинское индюка „горделивая женщина“ (Жив. Стар. 1902, с. 398).

[4]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ., вып. VIII. Щигровскій уѣздъ, с. 138—139.

Курскій же авторъ пишетъ: „четвертники-однодворцы жили сами по себѣ и, въ силу привилегированнаго по роду („дворянская костка“) и по экономической обезпеченности положенія (земли у нихъ было всегда вдоволь), не сближаясь съ крестьянами и смотря на нихъ съ пренебреженіемъ. Свадьбы у нихъ всегда заключались между своими же; считалось безчестьемъ взять жену отъ крестьянъ... Даже молодежь однодворческая гуляла отдѣльно отъ крестьянской... И теперь зажиточный четвертникъ, не говоря уже о богатомъ, старается подыскать невѣсту для своего сына среди такихъ же однодворцевъ“ [1]).

О бо́льшемъ достаткѣ однодворцевъ, по сравненію съ прочими крестьянами, свидѣтельствуютъ, кромѣ Курскихъ статистиковъ, также и статистики Рязанскіе [2]). Но Воронежскіе авторы свидѣтельствуютъ о противномъ — о сравнительной бѣдности однодворцевъ. „Однодворческія села Воронежскаго края, преимущественно старыя, вообще бѣднѣе селъ экономическихъ и малороссійскихъ“ [3]). Обстоятельство это Германовъ объясняетъ наслѣдственнымъ „равнодушіемъ“ военныхъ людей „къ удобствамъ жизни, къ промышленности, ... къ улучшенію своего положенія“; однодворцы „довольствуются тѣмъ, что́ даетъ природа, и изъ даннаго не извлекаютъ почти никакихъ выгодъ“ [4]). Говоря проще и другими словами, Германовъ отмѣчаетъ у Воронежскихъ однодворцевъ отсутствіе промысловъ, лѣность и безхозяйственность, т. е. тѣ же самыя особенности, которыя В. Н. Глаголевъ находитъ у Новосильскихъ казаковъ [5]), также бѣднѣйшихъ по сравненію съ сосѣдями. Объ отсутствіи промысловъ у Воронежскихъ однодворцевъ говоритъ еще Н. И. Второвъ [6]), а—у Рязанскихъ однодворцевъ—мѣстныя статистическія изслѣдованія [7]). О пло-

[1]) Вѣстникъ Европы, 1888, май, с. 206, статья Н. Добротворскаго.

[2]) Григорьевъ, Переселенія крестьянъ Ряз. губ. 81.

[3]) Зап. Геогр. Общ. XII, 224—225.

[4]) Прогр. № 240—241: рукописный трудъ Глаголева, гдѣ дана подробная сравнительная характеристика „казаковъ“ и барскихъ, скоро долженъ появиться въ печати.

[5]) Воронежскій Юбилейный Сборникъ. II. 270, срв. 295; срв. Жив. Стар. 1906, № 1, с. 97, Путинцевъ.

[6]) Григорьевъ, Пересел. крестьянъ Ряз. губ. 83.

хомъ хозяйствѣ однодворцевъ свидѣтельствуетъ И. С. Тургеневъ устами однодворца же Овсянникова: „говоря вообще, у насъ до сихъ поръ однодворца трудно отличить отъ мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкаго: телята не выходятъ изъ гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная“ [1]). Курскій статистикъ приводитъ воспоминанія самихъ однодворцевъ о томъ времени, когда они еще были владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ: „Жили мы со своими крестьянами въ одной избѣ: баринъ спалъ на лавкѣ, а мужикъ подъ лавкою, — а придетъ баринъ пьяный, и самъ подъ лавку ляжетъ. Ѣли изъ одной миски, работали вмѣстѣ, вмѣстѣ и лапти ковыряли, а все таки барами насъ величали“. „Иногда, баре“ отпускали своихъ крестьянъ на оброкъ, можетъ быть даже потому, что дома кормить ихъ нечѣмъ было; въ такихъ случаяхъ крестьяне уходили на заработки и нерѣдко жили гораздо лучше своихъ господъ“ [2]).

Германовъ пишетъ еще о „суровости и жестокости“ однодворцевъ [3]); а Второвъ и Глаголевъ согласно называютъ ихъ „грубоватыми“ [4]). Послѣднее, быть можетъ, не безъ связи съ дворянскою спѣсью однодворцевъ, о коей мы говорили выше. Одна изъ народныхъ кличекъ по адресу однодворцевъ—*галманы*—б. ч. также понимается въ смыслѣ „грубый, неблаговоспитанный“, въ чемъ, впрочемъ, близко сходствуетъ съ общею кличкой для всѣхъ южновеликоруссовъ „степняки“.

§ 24. Переходя теперь къ прочимъ, послѣ описанныхъ нами полѣховъ и однодворцевъ, группамъ южновеликорусскаго населенія, прежде всего замѣтимъ, что всѣ эти группы имѣютъ между собою одно общее — всѣ онѣ пришли въ степь уже *послѣ* однодворцевъ, послѣ правительственной колонизаціи степной украйны военно-служилыми людьми. Въ качествѣ такихъ позднѣйшихъ пришельцевъ въ степь, всѣ онѣ получили отъ однодворцевъ одну общую кличку „цуканы“, подъ какимъ именемъ извѣстны

[1]) Записки охотника, VI: Однодворецъ Овсянниковъ.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ., вып. I с. 44—45.

[3]) Зап. Геогр. Общ. XII, 224.

[4]) Ворон. Юбил. Сборн. II, 270; прогр. № 240—241.

на югѣ очень различныя по типу группы крестьянъ какъ помѣщичьихъ, такъ и монастырскихъ.

По мѣсту своей первоначальной родины, цуканы (мы будемъ, вслѣдъ за народомъ, вездѣ называть такъ позднѣйшихъ переселенцевъ въ степь, явившихся сюда уже послѣ водворенія здѣсь однодворцевъ) могутъ быть легко подраздѣлены на три разряда: 1) выходцы изъ подмосковныхъ губерній — Московской, Калужской и др.; 2) выходцы изъ сѣверно-великорусскихъ губерній — Владимірской, Новгородской, Тверской и др. и 3) выходцы изъ западныхъ губерній, главнымъ образомъ бѣлорусскихъ. Первыхъ особенно много въ Воронежской губ., вторыхъ немало въ Тульской и Орловской, и третьи встрѣчаются въ губерніи Курской; этихъ послѣднихъ описываетъ авторъ статьи „Къ вопросу о цуканахъ“ въ Курскихъ Г. В.“ 1898 г. (№ 54—55).

Что же касается сословія цукановъ и ихъ прошлаго, то и въ этомъ отношеніи среди нихъ можно различать три разряда,—которые конечно не совпадаютъ съ тремя прежде указанными разрядами; это: 1) бывшіе монастырскіе крестьяне, освобожденные въ 1764 г. и тотчасъ же ринувшіеся усиленнымъ потокомъ на югъ; такихъ особенно много въ Воронежской губерніи, куда они пришли б. ч. изъ подмосковныхъ губерній, и въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губ., куда они пришли изъ губерній сѣверно-великорусскихъ. Къ южнымъ, степнымъ монастырямъ эта группа крестьянъ никакого отношенія не имѣетъ, и ее необходимо строго отличать отъ тѣхъ монастырскихъ крестьянъ, о коихъ мы говорили въ главѣ о полѣхахъ (§ 15); 2) бывшіе помѣщичьи крестьяне, переведенные въ степь своими помѣщиками изъ разныхъ мѣстъ; такихъ немало въ Орловской губ., есть также они и въ Воронежской, и въ Курской; 3) третья группа—вольные сходцы въ степь, сословное прошлое коихъ пестро и темно; тутъ были больше, кажется, разные „гулящіе люди“ и „бобыли“; цѣлую группу поселеній такихъ вольныхъ сходцевъ земскія статистическія обслѣдованія обнаружили, напримѣръ, въ Суджанскомъ уѣздѣ Курской губерніи, т. е. на крайнемъ югѣ великорусской степи, на границѣ съ черкасами.

„Мы были *рязанскіе бондари*“—говорили статистику жители дер. Саморядовой, этого уѣзда, на р. Ворожбѣ. —

„Первые наши осадчіе, облюбовавъ мѣсто, вернулись домой и начали сманывать сходцевъ: лѣса тамъ хорошіе, кадушки будемъ дѣлать, черкасы мѣшать не будутъ. И вотъ пришло *40 дворовъ* и заняли мѣсто, захвативъ лѣсъ, принадлежавшій дѣтямъ боярскимъ дер. Будищъ"; такими вольными сходцами заселилась вся р. Ворожба [1]).

Одного общаго типа разсматриваемая нами группа цукановъ не составляетъ; говоръ и бытъ разныхъ частей ея различенъ въ зависимости, во 1-хъ, отъ того, откуда они выселились (изъ-подъ Москвы, съ сѣвера, съ запада), и, во 2-хъ, долго ли живутъ въ степи, т. е. въ какой мѣрѣ успѣли подвергнуться вліянію со стороны однодворцевъ и другихъ степняковъ. — Многіе изъ цукановъ, что для насъ особенно интересно, не знаютъ м. к, но и это обстоятельство находится въ полной зависимости отъ тѣхъ же двухъ условій: прежней родины цукановъ и продолжительности пребыванія ихъ въ степи.

О говорахъ цукановъ мы будемъ говорить ниже, подъ соотвѣтствующими губерніями: здѣсь же замѣтимъ только, что въ говорахъ этихъ рѣдко различаются 4 группы: 1) окальщики, т. е. сѣверно-великорусскіе переселенцы, сохраняющіе свое оканье; они встрѣчаются въ Орловской губ. и отчасти въ Воронежской (§§ 37, 75); 2) бывшіе окальщики, теперь уже акающіе, но сохранившіе смычное г и твердое окончаніе 3 л. глаголовъ -ть; цѣлая группа такихъ переселенцевъ обитаетъ въ Богородицкомъ у.; говоръ ея описанъ проф. Будде (§ 109); 3) переселенцы изъ подмосковныхъ губерній, еще недавно цокавшіе; ихъ много въ Воронежской и Орловской губ.; 4) западные переселенцы въ Курской губ., въ говорѣ коихъ отмѣчено *с* изъ *ц*, слѣды прежняго дзеканья (*несеи* изъ несци = нести) и кагоканье (*куго* [2]); къ нимъ же мы относимъ и „саяновъ" Курской губ., которые, по нашему предположенію [3]), сами назвали себя этимъ „именемъ бабьяго сарафана", въ противовѣсъ тому общему однодворческому прозвищу „цуканы", которое однодворцы стали было принимать и

[1]) Еженедѣльникъ Суджанскаго Уѣзднаго Земства, 1885, № 27—30

[2]) Курскія Г. В. 1898, № 54—55.

[3]) Этнографич. Обозр. 1906, № 3—4, с. 340, рецензія на статью И. Абрамова.

къ этой группѣ западныхъ выходцевъ, монастырскихъ крестьянъ.

Что касается костюма цукановъ, то и въ немъ, конечно, нѣтъ единства, но вообще до самаго послѣдняго времени преобладающимъ былъ старый степной костюмъ женщинъ, т. е. поневы и рогатыя кички. Если въ настоящее время этотъ костюмъ становится уже рѣдкимъ, то въ этомъ необходимо видѣть новѣйшее культурное вліяніе Москвы, и только. Можно думать, что въ старину однодворцы (точнѣе: служилые люди) смѣялись надъ тѣми крестьянами, которые пытались носить дворянскій костюмъ, не будучи дворянами и военно-служилыми; этимъ проще всего объяснялось бы преобладаніе степного костюма у такой разнородной массы, каковы цуканы.

Правда, какъ мы уже говорили выше (§ 21), Будде отмѣтилъ у помѣщичьихъ крестьянъ Рязанской губ. преобладаніе дворянскаго костюма—сарафановъ. И тутъ многое объясняется позднѣйшимъ вліяніемъ Москвы, — чѣмъ вполнѣ объясняется, напримѣръ, исчезновеніе рогатой кички, а частью и поневы, на сѣверѣ губерній Калужской и Тульской.—Но были и иныя причины. Изъ числа помѣщичьихъ крестьянъ дворовые, какъ близкіе къ господамъ, носили почти всегда господскій, дворянскій костюмъ, о чемъ говоритъ еще Болотовъ въ 1792 году[1]). Нѣкоторые (многіе?) помѣщики запрещали своимъ крестьянкамъ носить кички и поневы, какъ костюмъ безобразный или вредный для здоровья; о томъ свидѣтельствуютъ Головинъ изъ Рязанской какъ разъ губ.[2]) и одинъ авторъ 1849 г. изъ Богородицкаго уѣзда Тульской губ. (помѣщикъ въ с. Иселеньевѣ „отмѣнилъ“ тяжелыя кички, какъ вредныя для здоровья; вмѣсто нихъ стали носить платки[3]); И. С. Тургеневъ[4]) упоминаетъ о помѣшикѣ-самодурѣ, который „приказалъ своимъ крѣпостнымъ бабамъ носить кокошники по высланному изъ Петербурга образцу; и дѣйствительно, до сихъ поръ въ имѣніяхъ его бабы носятъ кокошники... только сверху кичекъ“.—Послѣ помѣщиковъ реформаторами

[1]) Болотовъ, Записки, IV, 975—976.
[2]) Географическія Извѣстія, издав. И. Р. Геогр. Об-мъ, 1848, с. 153.
[3]) АГО. XLII, 16.
[4]) Въ разсказѣ „Два помѣщика“.

крестьянскаго степного костюма были многіе священники; прямыя свидѣтельства о томъ имѣются изъ села Малфы Трубчевскаго у. [1]), изъ с. Аношкина Коротоякскаго у. [2]) и изъ Тульской губ. [3]).—Самый распространенный цвѣтъ поневъ у помѣщичьихъ крестьянъ сѣрый (въ Орловской губ.) и синій (въ Тульской).

Выходцы изъ подмосковныхъ губерній, равно какъ и изъ сѣверныхъ, принесли въ степь б. ч. сарафаны и кокошники; выходцы съ запада—нерѣдко юбки и саяны.

§ 25. Мы такъ подробно остановились на историко-этнографическомъ дѣленіи южновеликорусскаго населенія потому, что считаемъ сословныя группы—и, конечно, развившіеся изъ нихъ мелкіе этнографическіе типы—носителями отдѣльныхъ говоровъ. „Нарѣчія языка, — пишетъ извѣстный русскій лингвистъ, — бываютъ какъ мѣстными нарѣчіями, съ ихъ дробленіями, такъ и діалектами отдѣльныхъ *классовъ общества* въ различныхъ отношеніяхъ“ [4]). Если наши купцы и мѣщане имѣютъ, въ извѣстномъ смыслѣ, свои говоры, то тѣмъ болѣе должно было имѣть свой особенный говоръ сословіе однодворцовъ, исторія коего такъ отлична отъ всѣхъ прочихъ русскихъ сословій.

Если для сѣверновеликорусской области можно говорить о говорахъ отдѣльныхъ уѣздовъ и даже губерній,—то для области южновеликорусской это почти не возможно. На югѣ великороссіи границы говоровъ не совпадаютъ съ географическими, а тѣмъ менѣе съ административными границами. О „говорѣ, положимъ, Орловскаго уѣзда“ можно говорить развѣ только съ очень большою натяжкой и неточностью, такъ какъ въ Орловскомъ уѣздѣ рядомъ и одновременно живутъ различные до противоположности говоры—акающіе и окающіе.

Невозможность пользоваться, при опредѣленіи діалектическихъ границъ на югѣ великороссіи, принципомъ географическимъ уже давно сознана нашими діалектологами. Уже

---

[1]) Орловскія Г. В. 1865, № 12, П. Добычинъ.

[2]) Воронежскія Епархіальныя Вѣдом. 1883, № 14, с. 567.

[3]) Матеріалы по этнографіи Россіи, I, 1910, с. 9, Н. М. Могилянскій.

[4]) Ф. Ѳ. Фортунатовъ, Лекціи по сравнительн. языковѣдѣнію, 78.

давно замѣчаются попытки воспользоваться при этомъ инымъ принципомъ—историко-сословнымъ. Проф. Будде въ своихъ изслѣдованіяхъ о говорахъ Рязанскихъ, Орловскихъ и Тульскихъ всегда почти подчеркиваетъ разницу между крестьянами государственными съ одной стороны и крестьянами „барскими“ или помѣщичьими съ другой, причемъ избираетъ предметомъ своего главнаго или даже исключительнаго вниманія говоръ государственныхъ крестьянъ, считая говоръ барскихъ—болѣе культурнымъ [1]). Слабая сторона лишь въ томъ, что различныя группы въ составѣ какъ барскихъ, такъ и особенно государственныхъ крестьянъ во вниманіе имъ не принимались. Проф. Халанскій въ своей книгѣ о говорахъ Курской губ. далъ вмѣстѣ и этнографическія описанія отдѣльныхъ группъ мѣстнаго населенія — горюновъ, саяновъ, цукановъ и др., какъ носителей особыхъ говоровъ [2]). Н. Н. Дурново въ своей „Діалектологической картѣ Калужской губ.“ [3]) различаетъ, между прочимъ, говоры „мѣщанскіе“, „барскихъ деревень“ и „монастырскіе“; онъ же замѣчаетъ, что одинъ изъ видовъ т. назыв. восточнаго аканья присущъ гл. обр. „бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ чуть ли не на всемъ протяженіи южновеликорусскаго нарѣчія“ (с. 6, прим.).

Что же касается мѣстныхъ наблюдателей, то уже М. Стаховичъ въ 1858 г. говоритъ о разницѣ въ говорѣ крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ [4]). Е. М. Лебедева, изъ Ливенскаго у., въ своемъ отвѣтѣ на краткую программу (№ 98), хорошо описываетъ разницу въ говорѣ мѣстныхъ государственныхъ и барскихъ крестьянъ, а В Н. Глаголевъ (прогр. № 240—241) даетъ подробную сравнительную характеристику говора и быта Новосильскихъ „казаковъ“ и барскихъ.

О народѣ мы уже говорили выше (§ 2): народныя клички чисто діалектическаго характера, наприм. „щекуны“, „цуканы“, сплошь и рядомъ даются именно представителямъ отдѣльныхъ сословій и мелкихъ этнографическихъ группъ.

---

1) Сборн. II Отдѣл. А. Н., т. 76, № 3, с. 8; Р. Ф. В., т. 27, с. 171.
2) Народные говоры Курской губ. Спб. 1904 (Сборн. II Отдѣл., т. 76).
3) Спб. 1903 (Сборн. II Отдѣл., т. 76, № 1).
4) Исторія, этнографія и статистика Елецкаго у. М. 1858, с. 29.

IV. Воронежская губернія.

26: Обиліе въ губ. однодворцевъ; демократическій составъ служилаго сословія въ Воронежѣ; пестрота его.—27: Клички: талаги, галманы, щекуны.—28: Монастырская колонизація Коротоякскаго у.; поглощеніе ея правительственною колонизаціей. Воронежскіе цуканы; свидѣтельства о нихъ старыхъ авторовъ; мѣстожительство ихъ; цуканы изъ помѣщичьихъ крестьянъ; прежнее цоканье цукановъ.—29: Отношеніе говора Воронежскихъ однодворцевъ къ говору цукановъ. Востокъ Нижнедѣвицкаго у., какъ особенно типичная однодворческая мѣстность; описанія мѣстнаго говора, который надо признать чистымъ однодворческимъ.—30: Говоры помѣщичьихъ крестьянъ Нижнедѣвицкаго у.—31: Двѣ группы среди Нижнедѣвицкихъ однодворцевъ: щекуны и іонки + ягуны, ихъ характеристика.—32: Свидѣтельство Филатова о м. к въ Воронежскихъ говорахъ. Говоры монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ.—33: Бирюченскій у.—34: Бобровскій у.—35: Богучарскій у.—36: Валуйскій у.—37: Воронежскій у.—38: Задонскій у.—39: Землянскій у.—40: Коротоякскій у.—41: Новохоперскій у.—42: Павловскій у. Заключеніе о Воронежскихъ говорахъ—43: Одежда Воронежскихъ однодворцевъ; одежда помѣщичьихъ крестьянъ.

§ 26. Воронежская губернія—вмѣстѣ съ Курскою—самая южная изъ тѣхъ великорусскихъ губерній, которыя лежали въ XVI—XVII вв. на окраинѣ Московскаго государства и потому заселялись военно-служилыми людьми, предками нынѣшнихъ однодворцевъ. Южнѣе—и даже на югѣ Воронежской, равно какъ и Курской, губ.—ту же службу служили правительству „черкасы", почему тамъ мы сталкиваемся теперь съ преобладаніемъ малорусскаго населенія, а встрѣчающіеся тамъ островки великорускихъ однодворцевъ [1]) очень рѣдки и не типичны, такъ какъ подверглись нѣкоторому вліянію со стороны сосѣдей.

Служилые люди на степной украйнѣ, какъ мы знаемъ, передвигались постепенно, по мѣрѣ замиренія однихъ краевъ и постройки новыхъ городовъ, все далѣе и далѣе на югъ, въ глубь степи. Но послѣ полнаго замиренія Воронежскаго края мѣстные служилые люди уже не были командированы въ южные города, такъ какъ лежащая къ югу отъ Воронежа степная украйна была, почти одновременно съ Воронежомъ, занята черкасами.

---

[1]) О нихъ см. Этнографич. Сборн. III, с. 1—18 (въ говорѣ катоканье що, каѣ и другія однодворческія черты, но о м. к наблюдатель ничего не говоритъ; сарафаны у женщинъ „издавна").

Слѣдствіемъ этого обстоятельства явилось, особенное обиліе въ Воронежскомъ краѣ однодворцевъ, давшее, между прочимъ, поводъ къ слѣдующей народной шуткѣ: „Собралъ чортъ всѣхъ однодворцевъ въ рѣшето и понесъ: громъ грянулъ, онъ и выворотилъ ихъ надъ Воронежомъ“ [1]). По 5-ой ревизіи, въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ однодворцевъ было немного менѣе 50 тс. душъ, тогда какъ помѣщичьихъ крестьянъ всего 10 тс. [2]). Въ Павловскомъ уѣздѣ однодворцевъ было почти 26 тс. душъ, тогда какъ помѣщичьихъ 2 тс. съ небольшимъ и дворцовыхъ (=удѣльныхъ) 8½ тс. [3]). Въ Бирюченскомъ уѣздѣ однодворцевъ (въ 1800 г.) 23½ тс., помѣщичьихъ — 5. тс. душъ [4]). Вотъ процентное отношеніе однодворческаго населенія по 5-ой ревизіи: однодворцы составляли въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ $80{,}7\%$ всего населенія,

въ	Воронежскомъ	$60\frac{1}{2}\%$,
„	Коротоякскомъ	59,5,
„	Землянскомъ	56,3,
„	Задонскомъ	52,7,
„	Бирюченскомъ	46,0,
„	Павловскомъ , ...	38,9,
„	Бобровскомъ	24,8,
„	Валуйскомъ	23,5 [5]).

Цифры эти для уѣздовъ, въ которыхъ живутъ и малоруссы, сильно увеличатся, если принимать во вниманіе одно великорусское населеніе,—что мы и дѣлаемъ, такъ какъ съ говоромъ малороссовъ вообще не считаемся.—Крѣпостные крестьяне въ 1859 г. составляли въ Воронежской губ. только $26{,}94\%$ [6])

Слѣдствіемъ того же окраиннаго положенія Воронежскаго края явилось и то обстоятельство, что среди мѣстныхъ служилыхъ людей, предковъ нынѣшнихъ однодворцевъ, было крайне мало или даже совсѣмъ не было аристокра-

---

[1]) В. И. Даль, Пословицы русскаго народа, 790, по 1-му изданію.

[2]) Еписк. Е. Болховитиновъ, Описаніе Воронежской губерніи, 1800. с. 165.

[3]) Болховитиновъ, тамъ же, 121.

[4]) Болховитиновъ, тамъ же, 153.

[5]) Воронежск. Юбилейный Сборникъ, I. 470.

[6]) Тройницкій, Крѣпостное населеніе, 49.

товъ. „Изъ десятни 1730 г. видно,—пишетъ историкъ,—что въ составѣ воронежцевъ, служилыхъ людей по отечеству, не было „выбора", т. е. дворянъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а были только дворовые да городовые... Служила съ Воронежа дворянская мелкота, цѣлыми толпами устремлявшаяся изъ центра на южную окраину" [1]). Таковы были служилые люди *по отечеству*; что же касается до приборныхъ служилыхъ, что они нигдѣ и никогда аристократами не были.—Этимъ, не-аристократическимъ составомъ Воронежскихъ служилыхъ людей объясняется сравнительная слабость здѣсь Московскаго дворянскаго вліянія.

О пестротѣ состава Воронежскихъ однодворцевъ могутъ дать понятіе слѣдующіе примѣры. Въ 1648 г. въ гор. Коротоякѣ устроены были казаки, пушкари и другіе служилые люди: 1) чернаевцы (изъ гор. Чернавска, что теперь село Черновское, Кромскаго у., Орловской губ.) 200 чел., 2) ефремовцы 50 чел., 3—4) лебедянцы и епифанцы 66 чел., 5) талечане (изъ Талеца, теперь село Елецкаго у.) 50 чел., 6) данковцы 8 чел., и въ 5 верстахъ отъ Коротояка, близъ р. Дона (с. Голдаевка?) 50 чел. ельчанъ [2]). Въ устроенной въ 1645 г. при г. Ольшанскѣ стрѣлецкой слободѣ переведенцы изъ разныхъ мѣстъ были поселены особыми улицами: на одной улицѣ Калужскіе сведенцы, 25 дворовъ (но въ числѣ ихъ оказались также туляне, крапивенцы, веневцы, черняне, 1 суздалецъ, 1 изъ Старицы и 1 изъ Мценска), на другой улицѣ Бѣлевскіе сведенцы, 25 же дворовъ, на третьей—Мценскіе, 19 дворовъ, на 4-ой Корочевскіе, 30 дворовъ, сверхъ того было 17 чел. черкасъ [3]). „Однодворцы, населившіе Коротоякскій уѣздъ, выходили изъ Ефремова, Талеца, Лебедяни, Епифани, Данкова, Чернавска, Усерда, Осколовъ, Усмани, Воронежа" [4]). Преобладали, однако же, въ Воронежѣ—орловцы и куряне на западѣ, тамбовцы и рязанцы на востокѣ.

§ 27. При всей пестротѣ своего состава, Воронежскіе однодворцы составили, однако же, въ извѣстной степени

---

[1]) В. Н. Сторожевъ, Воронежское дворянство по десятнямъ XVII в. (Памятн. Кн. Ворон. губ. 1894, с. 79).

[2]) Воронежская Бесѣда, с. 269.

[3]) Тамъ же, с. 269.

[4]) Записки Географ. Общ. XII, 285, Германовъ.

единое цѣлое, отличное отъ всѣхъ прочихъ классовъ крестьянскаго населенія въ краѣ. Это отличіе было нѣкогда весьма рѣзкимъ. Теперь—и уже давно—оно сильно сгладилось, но ясно для насъ по 1) народнымъ преданіямъ и особенно народнымъ кличкамъ-присловьямъ, 2) по свидѣтельству старыхъ наблюдателей и 3) по сохранившимся доселѣ отличительнымъ признакамъ.

Воронежскіе однодворцы слывутъ у мѣстныхъ жителей не-однодворцевъ подъ полу-бранными именами „*талагаевъ*“, „щекуновъ“ и „галмановъ“. Первая изъ этихъ кличекъ теперь въ другихъ губерніяхъ къ однодворцамъ не примѣняется, но писатель дворянинъ XVIII в., А. Т. Болотовъ, въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи никогда не жившій (помѣстья его были въ губерніяхъ Тульской и Тамбовской, родина въ Тульской), называетъ „талалаями“ жителей однодворческихъ селъ Тамбовской губ. Лысыя Горы и Кузменки, которыхъ онъ рядомъ называетъ „однодворцами“ [1]); въ формѣ же „*талалаи*“ болѣе чѣмъ естественно видѣть искусственное осмысленіе нояснаго и притомъ „подлаго“, вульгарнаго для дворянина XVIII в. слова *талагаи*. Рядъ русскихъ писателей, съ Воронежскимъ краемъ также ничего общаго не имѣющихъ, А. Мельниковъ-Печерскій, И. С. Тургеневъ и І. Желѣзновъ [2]), употребляютъ слово *талагай* въ общемъ значеніи „бездѣльникъ, невѣжа“. Въ Рузскомъ уѣздѣ, т. е. на родинѣ тѣхъ цукановъ, которые окрестили Воронежскихъ однодворцевъ этимъ браннымъ именемъ, слово талагай употребительно также въ общемъ значеніи „упрямецъ, своенравный“ [3]). — На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы заключаемъ, что кличка эта принесена въ Воронежъ съ сѣвера въ общемъ значеніи и здѣсь уже примѣнена къ однодворцамъ, какъ бранное прозвище.

Помѣщикъ Коротоякскаго у. Е. А. Переверзевъ въ своей рукописи 1849 г. пишетъ: „однодворцевъ называютъ въ униженномъ смыслѣ толагаями“ [4]). Малыхинъ изъ

---

[1]) Болотовъ. Записки, I, 80—81.

[2]) Цитаты и подробности см. въ моей статьѣ „Талагаи и цуканы“ (Пам. Кн. Ворон. губ. на 1907 г., с. 12).

[3]) Опытъ областного словаря. Спб. 1852, подъ сл. талагай.

[4]) АГО. IX, 19.

Нижнедѣвицкаго у. приводитъ въ своемъ словарикѣ: „*талагай*—однодворецъ“ [1]). Н. И. Второвъ писалъ: „бывшіе однодворцы, въ сѣверо-западной половинѣ Воронежской губ., носятъ общее названіе талагаевъ“ [2]). Перечень десяти „талагайскихъ“ селъ Коротоякскаго у. находимъ въ отвѣтѣ на краткую программу (№ 13) Ив. Тесленки и въ статьѣ А. Путинцева [3]); всѣ эти сёла однодворческія, какъ то видно изъ статьи Германова и, частью, изъ статьи Н. Поликарпова въ Пам. Кн. Ворон. губ. на 1899 г. (с. 23—25); нѣкоторыя изъ этихъ селъ, правда, были основаны первоначально монастырскими крестьянами, но послѣдніе послѣ перешли въ служилое сословіе (см. §§ 28 и 40). Второвъ называетъ талагайскими въ Коротоякскомъ уѣздѣ с. Красное и с. Сторожевое [4]) (послѣднее названо и у Путинцева), въ Нижнедѣвицкомъ подгороднюю слободу Пригорѣловку [5]), въ Землянскомъ с. Нижнюю Вѣдугу (Кіевка тожъ [6]) и въ Бирюченскомъ с. Иловское [7]).

Перечень этотъ, конечно, не полный; мы привели его только какъ лишнее доказательство того, что *талагаи*—это кличка для однодворцевъ, а не для кого-либо иного.

Другая бранная кличка по адресу Воронежскихъ однодворцевъ *га́лманы*, галманьё; Малыхинъ изъ Нижнедѣвицкаго у. прямо толкуетъ это слово такъ: „бранно: однодворцы“ [8]). Другой Нижнедѣвицкій же авторъ сообщаетъ подробнѣе: „государственныхъ крестьянъ называютъ *га́лманами*, т. е. безтолковыми, за худые распорядки въ работѣ: ежели, наприм., ихъ пашетъ сохами 10 человѣкъ, то всѣ ходятъ одинъ за другимъ; если у перваго что испортилось

---

[1]) АГО. IX, 15.

[2]) Воронежская Бесѣда, 266; Воронежскій Юбил. Сборн. II, 269.

[3]) Жив. Стар. 1906, № 1, с. 95.

[4]) Ворон. Юбил. Сборн. II, 276 и 275.

[5]) Тамъ же, с. 272.

[6]) Тамъ же, с. 274.

[7]) Тамъ же, с. 277. Второвъ упоминаетъ лишь о тѣхъ селахъ, гдѣ онъ описывалъ мѣстные костюмы.

[8]) АГС. IX, 15; то же Библ. А. Н., № 37; въ Дополн. Опыта областн. словаря (с. 318) слово это взято отсюда съ неправильнымъ удареніемъ галма́ны и съ замѣною объясненія „однодворцы“ новѣйшимъ, но не вполнѣ соотвѣтствующимъ ему терминомъ „государственные крестьяне“.

въ сохѣ, въ упряжи—всѣ стой“ [1]). *Гáлманъ*, какъ „прозвище однодворца“, отмѣчено еще въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губ. [2]). Въ Моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. „галманъ—бранное слово, преимущественно обращаемое на крестьянъ, препровождающихъ обозы“ [3]); едва ли здѣсь разумѣются однодворцы, которые промыслами вообще заниматься не склонны; скорѣе здѣсь слово это употребляется въ общемъ значеніи, что́ обычно во многихъ губерніяхъ: въ губ. Московской (Библ. А. Н., № 15), Курской, Орловской и Тульской (Опытъ областн. слов. 35) оно означаетъ „невѣжа“, въ Орловской же еще „неслухъ“ (Библ. А. Н., № 126, Мценскій у.) и „зѣвака“ (Библ. А. Н., № 125).

Третья кличка по адресу Воронежскихъ однодворцевъ, *щекуны*, вводитъ насъ въ наиболѣе интересующій насъ вопросъ объ однодворческомъ говорѣ. Свидѣтельствъ объ этомъ прозвищѣ немного. Н. И. Второвъ писалъ въ 1850-хъ годахъ: „Между поселянами Воронежской губ., и преимущественно между великороссіянами, доселѣ существуетъ весьма большое разнообразіе въ образѣ жизни, обычаяхъ, особенно въ одеждѣ женщинъ, и даже въ языкѣ. Бывшіе однодворцы, въ сѣверо-западной половинѣ губерніи, носятъ общее названіе талагаевъ или *щекуновъ*, по произношенію большею частью изъ нихъ *що* вмѣсто что“ [4]). Упоминанія объ этой кличкѣ Прядкина и Филатова сводятся, въ концѣ-концовъ, къ повторенію словъ Второва [5]). Малыхинъ изъ Нижнедѣвицкаго уѣзда приводитъ эту кличку лишь съ общимъ объясненіемъ: „щéкунъ—говорящій що вмѣсто что“ [6]).

Свидѣтельства о щекýнахъ прочихъ Воронежскихъ авторовъ (В. Покровскаго и Ѳ. Поликарпова) вводятъ насъ въ новый вопросъ—о существованіи особыхъ мелкихъ группъ въ средѣ самихъ однодворцевъ, почему о нихъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ (§ 31).

---

[1]) АГО. IX, 16.
[2]) АГО. XLII, 35, Лавровъ.
[3]) Библ. А. Н., № 164, Кулепетовъ.
[4]) Воронежская Бесѣда, 266; то же въ Ворон. Юбил. Сборн. II, 269.
[5]) Р. Ф. В., т. 37, с. 17; Ворон. Юбил. Сборн. I, 582.
[6]) АГО. IX, 15.

Что касается другихъ губерній, то въ нихъ данной клички вообще не отмѣчено, но приведенныя нами выше (§ 20) слова Путивльской горюхи (монастырской крестьянки), гдѣ она съ гордостью называетъ себя однодворкою дворянкою и щекухою („сцакуны"), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что кличка эта извѣстна была и внѣ предѣловъ Воронежской губ., при чемъ она и у самихъ однодворцевъ признавалась весьма для нихъ характерною. Очевидно, отсутствіе прямыхъ свидѣтельствъ объ этой кличкѣ изъ другихъ губерній свидѣтельствуетъ лишь о неполнотѣ нашихъ источниковъ. Отмѣченное Будде прозвище Рязанскихъ однодворцевъ *щбкалки* [1]) и по своему значенію, и по происхожденію вполнѣ тожественно съ интересующею насъ кличкою.

Кличка эта, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду чисто лексическую черту говора, но весьма характерную: различное произношеніе мѣстоименія *что* дѣлитъ говоры не только у русскихъ, но и у другихъ славянскихъ племенъ, напримѣръ у сербовъ. Для однодворцевъ произношеніе *ще* вмѣсто что, дѣйствительно, характерно; въ прочихъ группахъ южно-великорусскаго населенія преобладаетъ произношеніе *што*.

§ 28. Прежде, чѣмъ перейти теперь къ говору Воронежскихъ однодворцевъ, мы скажемъ о томъ, *кто* противополагается здѣсь однодворцамъ, *кто* далъ имъ эти бранныя клички „талагаевъ, галмановъ и щекуновъ". Все это для насъ тѣмъ необходимѣе, что самые важные изъ нашихъ источниковъ описываютъ талагайскій говоръ *сравнительно* съ говорами другихъ группъ населенія Воронежской губ.

Воронежскимъ „талагаямъ" противополагаются прежде всего бывшіе монастырскіе крестьяне, извѣстные въ Воронежскомъ краѣ подъ кличкою *„цуканы"*.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Воронежской губерніи, въ частности въ предѣлахъ теперешняго Коротоякскаго уѣзда, мы сталкиваемся съ одною особенностью въ исторіи заселенія края, вообще для южной великороссіи не типичною. А именно: колонизаціи военнослужилой (однодворческой) здѣсь предшествовала колонизація монастырская. Прежде

---

[1]) Р. Ф. В., т. 27, с. 171.

чѣмъ здѣсь были построены—въ 1647 и 1648 годахъ—города Коротоякъ и Урывъ, вошедшіе въ составъ Бѣлгородской пограничной черты, тутъ уже существовало нѣсколько монастырей и ихъ вотчинъ, а именно: 1) Боршевскій монастырь, на мѣстѣ коего стоитъ теперь село Боршево; основанъ въ 1613 или 1614 году [1]); 2) въ 1625 году мѣстность по р. Хворостани (Коротоякскаго у.) была пожалована царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Воронежскому Дѣвичьему монастырю, и этотъ монастырь основалъ здѣсь вскорѣ село Избыльное (теперь Старая Хворостань), быстро населившееся крестьянами [2]); 3) наконецъ, еще южнѣе Хворостани, внизъ по Дону, основанъ былъ (неизвѣстно когда, но гораздо ранѣе 1662 г. [3]), Троицкій Лисогорскій монастырь, что близъ нынѣшняго села Селявнаго.

Вопросъ о томъ, какъ могли существовать эти монастыри и монастырскіе поселки безъ защиты со стороны сторожевыхъ линій, разрѣшается слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, нѣкоторую, правда весьма слабую, по своей отдаленности, защиту представлялъ гор. Валуйки, основанный въ 1599 году; во 2-хъ, самые монастыри, въ частности Боршевскій, представляли собою небольшія укрѣпленія, обнесенныя стоячимъ дубовымъ тыномъ съ башнями на воротахъ [4]). Въ 3-ихъ, защитниками монастырей были „Донскіе казаки", въ то время уже во множествѣ жившіе по Дону и составлявшіе тамъ большую силу; эти казаки были даже и основателями Боршевскаго монастыря [4]), вслѣдствіе чего принимали въ судьбѣ его самое близкое участіе даже вплоть до начала XVIII в., при чемъ не разъ вступали на этой почвѣ въ прямыя столкновенія съ Московскимъ правительствомъ [5]). Наконецъ, даже и отсутствіе полной безопасности отъ степныхъ кочевниковъ не пугало особенно монастырскихъ посельщиковъ: мы знаемъ, напримѣръ, что село Избыльное (теперь: Старая Хворостань), вотчина

---

[1]) Л. Вейнбергъ. Матер. для исторіи Воронежск. и сосѣдн. губ. II, 132; Пам. Кн. Ворон. губ. на 1899 г., с. 15.

[2]) Пам. Кн. Ворон. губ. 1899, с. 17.

[3]) Тамъ же, с. 18.

[4]) Тамъ же, с. 15.

[5]) Тамъ же, с. 17 и 28.

Покровскаго монастыря, въ одинъ изъ приходовъ Крымскаго хана „было разорено и выжжено безъ остатка“ [1]).

Нѣчто подобное было и въ Курскомъ краѣ, гдѣ, напримѣръ, монастырскіе же Путивльскіе „горюны“ (§ 44) древнѣе, по времени своего появленія въ краѣ, однодворцевъ. Но тамъ взаимоотношеніе этихъ двухъ группъ было совсѣмъ инымъ: горюны сидѣли на своихъ, издавна насиженныхъ мѣстахъ, а ихъ сосѣди, Курскіе однодворцы, не только были недавними пришельцами въ здѣшнемъ краѣ, но также и недавними однодворцами—недавно сравнительно поверстанными въ это званіе и недостаточно еще привыкшими къ военно-полевой службѣ. Такое взаимоотношеніе въ Курскѣ обусловливало взаимное уваженіе правъ, взаимное равенство однодворцевъ и монастырскихъ. Не то совсѣмъ было въ Воронежѣ: здѣсь монастырскія вотчины были только что заселены разными „сходцами“, а въ качествѣ однодворцевъ оказались переведенцы со старыхъ сторожевыхъ линій, т. е. люди испытанные и опытные въ военно-степной службѣ. Въ результатѣ, эти двѣ неравныхъ во всѣхъ отношеніяхъ группы населенія не ужились мирно, и одна была поглощена другой.

Раздоры монастырскихъ крестьянъ и Коротоякскихъ однодворцевъ возникли изъ-за земельныхъ отношеній. Лучшіе, наиболѣе обильные всякими „угодьями“ и естественными богатствами участки земли были захвачены монастырями, а на долю однодворцевъ, какъ позднѣйшихъ переселенцевъ, выпали худшіе участки. Однодворцы, въ коихъ долговременная жизнь на дикой степной украйнѣ, вѣроятно, ослабила религіозное чувство, начали захватывать монастырскія угодья и всячески преслѣдовать монастырскихъ крестьянъ. Въ 1680 году старицы Покровскаго монастыря жалуются, что жители однодворческихъ селъ Сторожевого и Голышевки „бобылишковъ нашихъ изъ той (Хворостанской) вотчины, съ Избыльной Поляны боемъ и грабежомъ и всякимъ гоненіемъ *согнали* и дворы ихъ—сельцо Избыльное (теперь с. Хворостань)—огнемъ безъ остатка выжгли, и тѣ наши бобылишки *разбрелись*, живутъ въ разныхъ городѣхъ *въ службахъ*“, такъ что изъ 46 кре-

[1]) Тамъ же, с. 18.

стьянскихъ дворовъ въ вотчинѣ осталось только 15 [1]). А что въ этихъ жалобахъ монастырскихъ старицъ была правда, о томъ говорятъ приговоры правительства, разрѣшившаго долго длившіяся тяжбы въ пользу монастыря [2]), а также и статистика писцовыхъ книгъ. Сказать и то, что монастырь много разъ отказывался отъ злополучной вотчины подъ условіемъ выдачи ему вознагражденія ругой, денежнымъ жалованьемъ или другою вотчиною,—но правительство на это почему-то не соглашалось [3]).

Перипетіи этой долгой борьбы Воронежскихъ однодворцевъ XVII в. съ мѣстными монастырскими крестьянами довольно подробно изложены, по памятникамъ, Н. Поликарповымъ въ Памятной Книжкѣ Воронежской губ. на 1899 г. (с. 14—38), въ статьѣ „Изъ исторіи заселенія Коротоякскаго края въ XVII столѣтіи". Мы привели изъ этой статьи лишь нѣкоторые главные факты. Факты эти объясняютъ намъ, во 1-хъ, почему здѣсь мы встрѣчаемся съ особенно рѣзкимъ противоположеніемъ однодворцевъ съ одной стороны и монастырскихъ крестьянъ съ другой; противоположеніе это, выразившееся въ цѣломъ рядѣ разсмотрѣнныхъ нами выше насмѣшливо-бранныхъ кличекъ, явилось прежде всего прямымъ слѣдствіемъ вражды изъ-за земель, а потомъ жило по простой традиціи; во 2-хъ, приведенные факты объясняютъ намъ, какимъ образомъ монастырскія вотчины (Хворостань) оказались потомъ населенными „талагаями", т. е. однодворцами: борьба окончилась въ пользу этихъ послѣднихъ, монастырскіе же „бобылишки" разбрелись, а частью поступили „въ разныя службы" въ городахъ, т. е. вошли въ составъ приборныхъ служилыхъ людей, слившихся послѣ съ однодворцами.

Изъ тѣхъ же фактовъ можно заключать, что главную массу Воронежскихъ „цукановъ" составили отнюдь не эти монастырскіе Коротоякскіе крестьяне, поселившіеся въ степи прежде однодворцевъ. Крестьянъ этихъ было очень немного, да и тѣ, какъ видимъ, имѣли жалкую участь. „Цуканы", по единогласному свидѣтельству мѣстныхъ авто-

[1]) Тамъ же, с. 28.
[2]) Тамъ же, с. 29.
[3]) Тамъ же, с. 30.

ровъ [1]), явились въ Воронежскую степь гораздо позже однодворцевъ; въ Воронежскомъ краѣ они за монастырями уже не стояли, а пришли сюда въ качествѣ „бывшихъ экономическихъ“, т. е. уже послѣ освобожденія монастырскихъ крестьянъ въ 1764 году. Древнѣйшая группа Воронежскихъ „цукановъ“, о которой мы говорили выше, нашимъ источникамъ совершенно не знакома.

Коротоякскій помѣщикъ Е. А. Переверзевъ въ 1849 г. писалъ, что экономическіе крестьяне Коротоякскаго уѣзда суть переселенцы изъ Московской и другихъ великорусскихъ губерній, говорятъ они „языкомъ высокимъ подмосковнымъ“ (т. е. акаютъ), но цокаютъ (целовѣкъ, цаво вм. чего, черква вм. церковь); за это то цуканье ихъ и называютъ „цуканами“; они отличаются отъ прочихъ жителей уѣзда, въ частности отъ мѣстныхъ однодворцевъ, наружностью, говоромъ и одеждою [2]). Другой помѣщикъ того же уѣзда, Н. Жуковцовъ въ 1850 г. пишетъ, что по лѣвой сторонѣ Дона въ Коротоякскомъ уѣздѣ живутъ вообще „переселенцы изъ Московской и Калужской губерній, которые были прежде монастырскими крестьянами“; онъ также говоритъ объ отличіи этихъ монастырскихъ крестьянъ по языку, одеждѣ и наружности, но о кличкѣ „цуканы“ не упоминаетъ [3]). У Н. И. Второва читаемъ „Принадлежащіе къ разряду бывшихъ экономическихъ крестьянъ, наиболѣе поселенные по р. Форостани, въ уѣздахъ Воронежскомъ и Коротоякскомъ, называются *цуканами*, отъ цуканья, произношенія ими буквы *ц* вмѣсто *ч*, при чемъ только нѣкоторыми изъ нихъ“; „у цукановъ по большей части сохраняются въ памяти разсказы ихъ дѣдовъ о томъ, изъ какихъ мѣстъ они вышли. Самыя названія многихъ селеній, въ которыхъ живутъ цуканы, ясно указываютъ на мѣста ихъ первоначальнаго жительства“ въ подмосковныхъ мѣстахъ [4]).

Для Коротоякскаго уѣзда Второвъ приводитъ названіе только одного цуканскаго селенія, а именно с. Копанище

---

[1]) Н. И. Второвъ въ Ворон. Бесѣдѣ, с. 266, и Ворон. Юбил. Сборн. II, с. 269; АГО. IX, 27, Жуковцовъ, и др.

[2]) АГО. IX, 19.

[3]) АГО. IX, 27.

[4]) Воронежская Бесѣда, с. 266.

(№ 1737 по „Списку насел. мѣстъ“) при р. Донѣ [1]). У Путинцева находимъ перечень девяти цуканскихъ селъ этого уѣзда, расположенныхъ въ верховьяхъ рѣки Хворостани: Тресоруково или Трушкино (№ 1745), Дмитревское или Митяевка (№ 1740), Марьино (1749? или 1744?), Почепское (1741), Рождествено (1747), Олень-Колодезь (1788), Дракино (1738), Давыдкова или Новая Хворостань (1739) и Солонцы (1751) [2]). Это послѣднее село, а также с. Нижнее Марьино (1744), называетъ цуканскими также и авторъ отвѣта на кр. прогр. № 13, Тесленко.

Для Воронежскаго уѣзда у Второва названы цуканскіе поселки: Московскій (Сухая Форостань, Новопокровское тожъ) (№ 124 по „Списку насел. м.“), Можайскій (№ 121), Коломенскій (147), Коширскій (127), Одоевскій или Адуевскій (126), Дорогобужскій (135), Новоклинскій (134), Верейскій (125), Мещевское или Запрудское (130), и Епифановскій № 141) [3]). Другіе наши источники новыхъ селеній не называютъ, упоминая лишь тѣ же Московское и Можайское [4]). „Подмосковныхъ“ Воронежскаго уѣзда выдѣляетъ въ особую этнографическую группу, отличную отъ мѣстныхъ однодворцевъ („усманцевъ и хавцевъ“), также и священникъ с. Тамлыка, Н. Скрябинъ, въ 1851 г. [5]), но не описываетъ ихъ и о кличкѣ „цуканы“ не упоминаетъ.

Цуканскихъ селеній Нижнедѣвицкаго уѣзда мы знаемъ только три: село Березово (№ 2003 по „Списку нас. мѣстъ“), дер. Одинцовка, въ приходѣ села Россошей (въ „Спискѣ“ ея еще нѣтъ), и дер. Змѣевка въ приходѣ с. Солдатскаго на Котлѣ (№№ 1972—78, гдѣ она помѣчена, какъ „сельцо владѣльческое“) [6]). Въ Валуйскомъ уѣздѣ Второвъ называетъ цуканскимъ с. Бѣлый Колодезь (№ 1171), населенное переселенцами изъ Кромскаго уѣзда [7]).

Въ Землянскомъ уѣздѣ „цуканами“ слывутъ бывшіе „дворовые (крѣпостные?), жители селеній Каверино (Таволжа-

[1]) Ворон. Юбил. Сборн. II, с. 288.
[2]) Жив. Стар. 1906, № 1, с. 95.
[3]) Ворон. Бесѣда, с. 266.
[4]) Путинцевъ; кр. прогр. № 13.
[5]) АГО. IX, 66.
[6]) Ѳ. Поликарповъ, Заселеніе и образованіе Нижнедѣвицкаго у. 23 (Ворон. Епархіальныя Вѣдомости, 1908 г.).
[7]) Ворон. Юбил. Сборн. II, 280.

нецъ тожъ), д. Ивановка и д. Коровкины [1]). О с. Каверинѣ авторъ 1854 г. сообщаетъ: жители села „рѣзко отличаются отъ жителей окольныхъ селъ какъ физіогноміею и ухватливостью въ работахъ, такъ *языкомъ* и костюмомъ", „несмотря на то, что они давно живутъ между русскими москалями, все въ нихъ рисуетъ типъ *цукана*" [2]).

Здѣсь, такимъ образомъ, — а частью и въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ — мы встрѣчаемся уже съ цукаками не изъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, а изъ бывшихъ помѣщичьихъ. Т. е. кличка *цуканы* распространилась потомъ. въ устахъ однодворцевъ, на всѣхъ позднѣйшихъ переселенцевъ въ степь, какъ о томъ мы уже замѣчали и выше (§ 24). А при такомъ широкомъ пониманіи этой клички, разумѣется, совсѣмъ не требовалось, чтобы всѣ цуканы „цукали" или цокали, т. е. произносили *ц* вм. *ч*. Большая часть Воронежскихъ цукановъ теперь не цокаютъ и, вѣроятно, никогда не цокали (такихъ, не цокающихъ цукановъ знаетъ уже Второвъ). Но что среди цукановъ были несомнѣнные цокальщики, въ томъ также не можетъ быть сомнѣнія: о томъ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства Переверзева, Второва (оба уже нами цитованы выше), Путинцева, который отмѣтилъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ случаи чоканья, обычно сопутствующаго цоканью (авсича, отечь [3]), и др. Довольно широко распространенное у подмосковныхъ жителей цоканье [4]) лишній разъ доказываетъ полную возможность появленія цоканья у Воронежскихъ цукановъ, которые пришли сюда какъ разъ изъ подмосковныхъ мѣстъ. А. ф.-Кремеръ свидѣтельствуетъ о цоканьѣ (сердце, чѣлковый и т. п.) крестьянъ села Верхотишанки, Бобровскаго у., переселившихся сюда изъ селеній Серпуховскаго уѣзда: Талижи, Колычева, Юровки и Конишева [5]). Если ко всему этому прибавить, что на великорусскомъ

---

[1]) Сообщеніе г. Тростянскаго.

[2]) АГО. IX, 52, А. Адамовъ.

[3]) Жив. Стар. 1906, № 1, с. 102.

[4]) Изв. 2 Отдѣл., т. VIII, 1903, кн. 1 и 2, Н. Каринскій, и т. X, кн. 2, с. 368—369; Матер. VII, 302 и 306, В. Чернышевъ; Р. Ф. В., т. 49, с. 37, Ушаковъ.

[5]) АГО. IX, 57.

сѣверѣ кличка *цуканы* придается безусловно цокающимъ [1]), то едва ли можно будетъ сомнѣваться въ томъ, что и на югѣ, въ частности въ Воронежѣ, кличка эта имѣла въ виду первоначально цокающій говоръ „цукановъ“ и только потомъ была обобщена и перенесена на всѣхъ позднѣйшихъ переселенцевъ въ степь.

§ 29. Воронежская губернія въ наше время характеризуется особенно полнымъ сліяніемъ говоровъ однодворческаго и неоднодворческаго (т. е. монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ). Филатовъ, Путинцевъ, Поликарповъ, авторъ отвѣта на кр. прогр. № 13 Тесленко согласно и прямо свидѣтельствуютъ, что бывшіе однодворцы и бывшіе монастырскіе крестьяне говорятъ теперь одинаково [2]). Только позднѣйшая волна помѣщичьихъ крестьянъ сохранила еще свой прежній говоръ, большею частью окающій и цокающій (т. е. сѣверный).

Но прежде, и еще не такъ давно, говоръ Воронежскихъ однодворцевъ существенно отличался отъ говора мѣстныхъ монастырскихъ крестьянъ; у послѣднихъ былъ говоръ подмосковный и, большею частью, цокающій, свидѣтельства о чемъ мы только что привели выше (§ 28). Самое существованіе перечисленныхъ нами выше насмѣшливо-бранныхъ кличекъ можетъ свидѣтельствовать о діалектической разницѣ мѣстнаго населенія, что вполнѣ подтверждается свидѣтельствами старыхъ наблюдателей.

Старые наблюдатели, описывавшіе говоръ Воронежскихъ однодворцевъ, какъ таковой, не дали намъ сколько-нибудь подробнаго описанія этого говора, ограничиваясь лишь указаніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ его. Позднѣйшіе же наблюдатели уже не могли слѣлать этого, такъ какъ говоры однодворческіе и монастырскіе успѣли уже слиться, образовался, въ сущности, новый говоръ, который Путинцевъ называетъ „талагайско-цуканскимъ“ [3]).

---

[1]) См. Зеленинъ, Талагаи и цуканы, 17—18 (Пам. кн. Ворон. губ. на 1907 г.).

[2]) Впрочемъ, говоры не-однодворцевъ Воронежской губ. изучены недостаточно; большая часть наблюдателей описываютъ только говоръ однодворцевъ; въ частности, записи Филатова относятся почти исключительно къ нимъ

[3]) Пам. кн. Ворон. губ. на 1905 г., с. 15—17.

Это обстоятельство побуждаетъ насъ избрать, для ближайшаго ознакомленія съ чистымъ говоромъ Воронежскихъ однодворцевъ такой путь. Мы отыскиваемъ въ предѣлахъ Воронежской губерніи мѣстность, которая была бы болѣе или менѣе сплошь заселена однодворцами и для которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, существуютъ діалектологическія описанія, хотя и не имѣющія въ виду дать *сравнительное* описаніе говора однодворцевъ и неоднодворцевъ, но по самому существу дѣла описывающія говоръ однихъ только однодворцевъ. Такую мѣстность въ Воронежской губ. мы безъ труда находимъ; это — восточная половина Нижнедѣвицкаго уѣзда, область, весьма типичная съ интересующей насъ точки зрѣнія по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Во 1-хъ, въ предѣлахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда вообще не было и нѣтъ монастырскихъ крестьянъ. Исторія заселенія этого уѣзда намъ сравнительно очень хорошо извѣстна по трудамъ Германова, Ѳ. Поликарпова и др., при чемъ ни одного монастырскаго селенія въ этомъ уѣздѣ источники наши не отмѣчаютъ. Три селенія здѣшнихъ „дукановъ“ не монастырскія, а помѣщичьи. Однодворцы въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ составляли, по 5-ой ревизіи, 80,7% всего населенія—больше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ уѣздѣ Воронежской губерніи; въ сосѣднихъ уѣздахъ число однодворцевъ также весьма велико, почему вліяніе неоднодворческихъ говоровъ на говоръ Нижнедѣвицкихъ однодворцевъ, если оно и было, могло быть только весьма слабымъ. Во 2-хъ, заселеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда происходило сравнительно въ очень позднее время: здѣсь нѣтъ ни одного села, основаннаго ранѣе 1660-хъ годовъ [1]). А это обстоятельство важно для насъ не только потому, что — чѣмъ новѣе заселеніе мѣстности, тѣмъ оно для насъ извѣстнѣе и яснѣе, но и главнымъ образомъ потому еще, что въ такихъ именно мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ наиболѣе типичныхъ однодворцевъ (§ 19). Наконецъ, вблизи однодворцевъ Нижнедѣвицкаго уѣзда нѣтъ совсѣмъ малороссовъ, какъ почти всюду въ другихъ мѣстахъ губерніи; во всемъ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ въ 1859 г. числилось

[1]) Германовъ (Зап. Геогр. Общ. XII, 274); Ѳ. Поликарповъ, Историко-статистич. опис. церквей и приходовъ Нижнед. у., 1907, с. 7.

всего 963 малороссіянина (всѣ въ двухъ селеніяхъ: № 1992 и 1994) на 116.260 чел. великоруссовъ, что составляло 0,8% всего населенія уѣзда; въ сосѣднемъ, Воронежскомъ, уѣздѣ, малоруссовъ совсѣмъ нѣтъ, а въ сосѣднемъ Землянскомъ уѣздѣ ихъ только 2,3% всего населенія (въ 3-хъ селеніяхъ) и въ Коротоякскомъ—15,9% (въ 19 селеніяхъ).

„Однодворцы, живущіе въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, вышли преимущественно изъ ближайшихъ уѣздовъ Воронежской, Курской и Орловской губерній; но есть также между ними переселенцы изъ Черниговской и другихъ сосѣднихъ губерній“ [1]). Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи, по пестротѣ своего происхожденія и состава, Нижнедѣвицкіе однодворцы типичны и характерны.

Ѳ. Поликарповъ, спеціально изучившій заселеніе роднаго для него Нижнедѣвицкаго уѣзда, между прочимъ и по недоступнымъ для насъ даннымъ мѣстнаго консисторскаго архива и по мѣстнымъ приходскимъ лѣтописямъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Однодворцы, — впослѣдствіи государственные крестьяне, — населили главнымъ образомъ *восточную*—Воронежскую—половину уѣзда. Если и были здѣсь крестьяне крѣпостные, переводимые сюда своими помѣщиками, то въ очень незначительномъ количествѣ. Наоборотъ, въ *западной*, Курской, половинѣ уѣзда преимуществуютъ помѣщичьи крестьяне, переселенные сюда изъ разныхъ областей помѣщиками; преимуществуютъ они, если не всегда количественно (такъ, въ с. Висломъ 1822 г. изъ 887 душъ населенія крѣпостныхъ было только 245, въ с. Россошахъ 1812 г. изъ 1057 душъ крѣпостныхъ только 432), то по своему большему, сравнительно съ однодворцами, вліянію на дальнѣйшую судьбу и самую физіономію уѣзда... Однако и здѣсь, на западѣ уѣзда, крѣпостное населеніе является позднѣйшимъ: помѣщики селились съ своими крестьянами въ мѣстахъ, уже занятыхъ однодворцами (сс. Знаменское, Шаталовка, Кучу-

[1]) Зап. Геогр. Общ. XII, 274, Германовъ. Выходцевъ изъ Черниговской губ., изъ села Черни, Германовъ указываетъ въ с. Ясенкахъ, по народнымъ сказаніямъ, едва ли точнымъ (с. 275). Еще онъ отмѣчаетъ здѣсь выходцевъ изъ Московской губ. (с. 275 и др.), изъ Тульской (с. 278, 280) и др.

гуры, Кулевка, дер. Рѣшетовка и др.“) [1]). По этимъ соображеніямъ мы избираемъ для своей цѣли именно восточную половину уѣзда.

Для говора этой восточной части Нижнедѣвицкаго уѣзда мы имѣемъ цѣлый рядъ вполнѣ согласныхъ между собою описаній, какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ. 1) Учит. М. Кузнецовъ (кр. прогр. № 19) описываетъ говоръ однодворческаго села Семидесятнаго (№ 2031 по „Списку насел. мѣстъ“, въ 45 в. отъ у. гор.) слѣдующими чертами: м. к (Санькя, глянькя, постой-кя), що вм. что, гаканье (каго, чаго, добрага), аканье Рязанское (сяло, вясна, вада), у вм. в (унукъ, у село), шш вм. щ, 3 л. ед. ч. на-ть (ляжить) и безъ -ть (вяжа, пиша, любя), формы: на травы, къ жены, къ горы.

Въ селѣ Семидесятномъ помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ не было и нѣтъ, а только одни однодворцы; село это существовало уже въ 1676 г., когда въ немъ были „52 двора дѣтей боярскихъ драгунскаго строю“ и 3 двора бобыльскихъ и когда оно принадлежало къ Боршевскому стану Воронежскаго уѣзда; въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. сюда явились выселенцы изъ однодворческихъ же селъ Задонскаго уѣзда: Хлѣвнаго (№ 1350), Конь-Колодезя (1351), Воробьевки (1373) и Дмитряшевки (1652), и въ 1802-мъ году здѣсь числилось жителей-однодворцевъ 1114 д. м. и 1128 д. ж. [2]).

Приведенное описаніе говора мы можемъ дополнить слѣдующими, интересными для насъ чертами: к смягчается также и послѣ ч (калечкя и т. п.); въ 3-мъ л. ед. ч. глаголовъ преобладаютъ формы безъ -ть (идя, нося); в вм. у нѣтъ (кромѣ развѣ случая вдарить), равно какъ нѣтъ и придыхательнаго в передъ у (вутка, вухо), но формы увесь вм. весь, у в авсѣ вм. въ овсѣ встрѣчаются; употребительно слово каѣ въ значеніи „гдѣ“. Эти дополнительныя черты, характеризующія однодворческій говоръ восточной половины Нижнедѣвицкаго уѣзда, мы приводимъ на основаніи сообщеній Ѳ. Поликарпова, Малыхина, Харкевича и Глотова. Вотъ эти послѣднія сообщенія:

---

[1]) Ѳ. Поликарповъ, Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Нижнед. у. 11.

[2]) Ѳ. Поликарповъ, тамъ же, с. 92.

Ѳ. Поликарповъ описалъ въ 1906 г. говоръ с. Истобнаго; это однодворческое село находится сравнительно очень недалеко отъ Семидесятнаго и расположено въ той же самой восточной половинѣ уѣзда. Здѣсь то же кагоканье, яканье, що вм. что, прежде было и каѣ въ значеніи „гдѣ“, 3 л. ед. ч. безъ -ть (талкуя, идя, ходя, ѣдя), вм. весь — увесь, усяе (= всю), шш вм. щ, м. к не только въ такихъ случаяхъ, какъ дядькя, но и послѣ ч: с амачкяю (с. 4), на дожжочкю (17), яблачкя, на блюдечкю, за калечкя [1]).

Старшему учителю Воронежской гимназіи П. В. Малыхину (1818—1867 гг.) принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ статей о бытѣ и говорѣ крестьянъ Нижнедѣвицкаго уѣзда (Этногр. Сборн. I, 203—234; Воронежск. Литературн. Сборн. I, 267 и слѣд.; АГО. IX, 15; Ворон. Г. В. 1857, № 14). Данныя о говорѣ имѣются въ трехъ послѣднихъ статьяхъ, при чемъ первая имѣетъ въ виду и городъ (заглавіе ея „Городъ Нижнедѣвицкъ и его уѣздъ“), а послѣдняя—главнымъ образомъ с. Прогорѣлое, Роговатое тожъ (№ 1955 по „Списку насел. м.“); хотя село это не чисто однодворческое, но число помѣщичьихъ крестьянъ въ немъ слишкомъ незначительно (въ 1857 году ихъ было, по указанію Малыхина, 300 душъ об. п. на 3 с. душъ однодворцевъ), такъ что говоръ ихъ легко могъ раствориться и исчезнуть въ подавляющей массѣ однодворцевъ.

Малыхинъ отмѣчаетъ въ мѣстномъ говорѣ кагоканье: ягго, яраго, пьянаго, синяго, магó и т. п.; м. к не только въ такихъ случаяхъ, какъ толькя, чайкю, но и рѣчкю, дочкя, заюшкя, перепѣлушкя, Марьюшкя, Иванушкя, саломушкю и даже ва гóренкю (с. 116), ягодкя (с. 111), дитяткя (с. 117), однако: тоѣ косушку, бородушку (с. 116), рубашкай (с. 111). Въ 3-мъ л. ед. ч. преобладаютъ формы безъ -ть: цалуя, абнимая, гарюя, тужа, скача, будя, киня, зная, рѣжа, бере, уйде, а иногда: лежить, сидить, несеть, жгеть, толкеть; що вм. что; шш вм. щ (таваришши); яканье: пяро, бяру, въ лясу, ва тяпломъ гнязду; у вм. въ, а иногда и наоборотъ: навчена вм. научена, былъ въ дядѣ, въ купца. Послѣдніе случаи, равно какъ формы 3 л. ед. ч. на-ть взяты едва ли не изъ городского мѣщанскаго говора (отмѣчены

[1]) Памятн. Книжка Ворон. губ. на 1906 г.

онѣ въ „Литературн. Сборникѣ“), гдѣ легко могли явиться на почвѣ сознательной борьбы съ произношеніемъ у вм. въ, признаваемаго „сѣрымъ“ (срв. подобное же явленіе въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, гдѣ, избѣгая неправильныхъ формъ твор. пад. въ родѣ „ши съ кускамъ“, ударяются въ противоположную крайность и выражаются: „приходите къ нами“).

Не лишне будетъ замѣтить, что Малыхину была извѣстна разница въ говорѣ Воронежскихъ однодворцевъ и не-однодворцевъ; онъ, между прочимъ, пишетъ: „Жители Воронежской губерніи имѣютъ мало единства *въ языкѣ*, одеждѣ, повѣрьяхъ и обычаяхъ. Даже сосѣднія между собою селенія представляютъ въ этомъ отношеніи много рѣзкихъ отличій другъ отъ друга... Однодворцы имѣютъ свои типическія черты во многихъ отношеніяхъ, напр., *въ языкѣ*, одеждѣ, нравахъ и повѣрьяхъ“ (Воронежск. Литературн. Сборн. I, 271—272; курсивы наши).

Священникъ с. Кочугуръ сообщаетъ, въ 1854 г., нѣкоторыя свѣдѣнія о жителяхъ Ясеновской волости того же, Нижнедѣвицкаго уѣзда, а именно: м. к (грязненькя, тясненькя), кагоканье, 3 л. ед. ч. безъ -ть (на я); каѣ въ значеніи „гдѣ“ [1]). Онъ же различаетъ въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ „ягуновъ“ и „щекуновъ“, о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Помѣщикъ Нижнедѣвицкаго уѣзда П. Глотовъ напечаталъ въ Воронежскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1857 г. статью подъ заглавіемъ „Нарѣчіе крестьянъ Нижнедѣвицкаго у.“ (№ 43, с. 327—328). Здѣсь находимъ тѣ же самыя черты: м. к (печкя, писюлькя), кагоканье (яго), въ 3-мъ л. ед. ч. почти исключительно формы безъ -ть: бере, кажа, мардуя, цалуя, маракуя, идѣ (не ѣ), храмая; у вм. въ: яны были у бесѣды, у народя, усѣ, но обратныхъ случаевъ, в вм. у не приводится; що вм. что; яканье: Хвядора, гнятуга, пятеля („ломоть“); шш вм. щ: кнутишшамъ.

Помѣщикъ А. Харкевичъ описалъ въ 1850-хъ же годахъ сёла Солдатское, что на Котлѣ, Потудань-Шаталовку и нѣкоторыя другія, съ преобладающимъ въ нихъ однодворческимъ населеніемъ [2]). Онъ сообщаетъ объ отличіи

[1]) АГО. IX, 50, В. Покровскій.
[2]) АГО. IX, 16.

помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ въ отношеніи къ устройству жилища и одежды, но ничего не говоритъ о различіи въ языкѣ. Изъ особенностей мѣстнаго говора отмѣчаетъ м. к: печька, кагоканье (яго), що вм. что и 3 л. хромая.

О говорѣ села Шаталовки (№ 1966 по „Списку насел. мѣстъ", каз. и влад., съ преобладающимъ однодворческимъ населеніемъ) мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія также и въ записяхъ Филатова: м. к, 3 л. ед. ч. безъ -ть; кромѣ того: паруою вм. порою [1]). Это дифтонгическое произношеніе гласнаго *о* встрѣчается и въ селѣ Истобномъ (здаруова [2]), а также у однодворцевъ Коротоякскаго и Новохоперскаго уѣздовъ (см. ниже); возможно, что тутъ мы имѣемъ болѣе или менѣе общую особенность всего однодворческаго говора въ его чистомъ видѣ, но особенность эта исчезла сравнительно очень рано, и о ней мы имѣемъ лишь очень скудныя свѣдѣнія.

Наконецъ, у насъ еще свѣдѣнія о говорѣ одного однодворческаго села Нижнедѣвицкаго уѣзда, а именно Солдатскаго на Геросимѣ (№ 1926); ихъ сообщаетъ авторъ отвѣта на кр. прогр. № 19, учитель Ив. Мазкинъ. Здѣсь м. к „особенно господствуетъ": кулькёмъ, сабалькёвой; въ 3 л. преимуществуютъ формы: читая, гуторя, моя, но есть также и гуляить, пишить, читаить; яканье: вясна, сяло, чятыря, тялѣга, чиряпокъ, криндялекъ; у вм. въ; шш вм. щ: няшшастья. Но есть одно отличіе отъ обычнаго, выше описаннаго типа: отсутствіе кагоканья; Мазкинъ приводитъ формы: чаво и лѣтнява. Ниже мы узнаемъ, что всѣ однодворческіе говоры, подвергшіеся позднѣйшему культурному вліянію Москвы, не кагокаютъ (§ 47); но для Нижнедѣвицкаго уѣзда отсутствіе кагоканья — рѣдкость, и для него должны были существовать особыя причины. Причины эти мы легко находимъ въ исторіи и географіи села Солдатскаго. По Германову, въ селѣ этомъ въ 1802 году среди однодворцевъ было и немного помѣщичьихъ крестьянъ [3]); по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, здѣсь живетъ также нѣсколько

---

[1]) Р. Ф. В., т. 40, с. 3; срв. с. 8 и 23.
[2]) Пам. Кн. Ворон. губ. на 1906 г., с. 29.
[3]) Зап. Геогр. Общ. XII, 281.

семействъ съ цокающимъ говоромъ [1]). Въ 2-хъ вер. отъ Солдатскаго расположено владѣльческое [2]) село Бекетово (№ 1928), гдѣ тотъ же Мазкинъ отмѣчаетъ сѣверо-великорусскія глагольныя формы: гулятъ, читатъ, собиратъ (кр. прогр. № 19). Оба эти села расположены на крайнемъ сѣверо-западѣ уѣзда, а въ западной половинѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда, какъ мы знаемъ, вообще однодворцы далеко не преобладаютъ. Сказать и то, что наши свѣдѣнія о говорѣ с. Солдатскаго относятся къ началу XX-го вѣка, тогда какъ о другихъ селахъ — б. ч. къ половинѣ XIX-го. Но, правда, уже Второвъ [3]) сообщаетъ, что однодворки с. Солдатскаго слывутъ подъ кличкою *гонки*, а такъ звались болѣе образованныя однодворки, утратившія нѣкоторыя черты стараго однодворческаго говора, въ частности — произношеніе що вм. что.

§ 30. Чтобы покончить съ говорами Нижнедѣвицкаго уѣзда, надо еще сказать о говорѣ мѣстныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мы уже о нихъ упоминали: въ с. Бекетовѣ употребительны стяженныя глагольныя формы съ твердымъ тъ на концѣ (читатъ и т. п.), которыя обычны въ Пермской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Въ с. Солдатскомъ на Герасимѣ, среди позднѣйшихъ переселенцевъ, есть цокальщики, неизвѣстно откуда переселившіеся. Вотъ и всѣ наши, очень скудныя, свѣдѣнія на этотъ счетъ. Должны быть здѣсь и еще острова сѣверно-великорусскаго говора, но они не описаны; мы знаемъ только, что помѣщичья дер. Кореневка, въ приходѣ с. Березова, населена выходцами изъ-подъ Нижняго Новгорода, а помѣщичье же сельцо Петровское — выходцами изъ с. Дарьевки, Тверской губ. [4]). Село Знаменское (Княжое тожъ), принадлежавшее кн. Меньшиковымъ, населено переселенцами изъ Суздальскаго уѣзда [5]).

---

[1]) В. Пр—скій, Село Солдатское, что на Герасимѣ (Воронеж. Епарх. Вѣдом. 1873, № 1); срв. Ѳ. Поликарповъ, Ист.-статист. опис. церквей и прих. Нижнед. у. 32.

[2]) Германовъ (с. 281) и здѣсь отмѣчаетъ, для 1802 г., много однодворцевъ, но они, очевидно, выселились: Списокъ насел. мѣстъ. (№ 1928) называетъ это село владѣльческимъ; о томъ же говоритъ и Ѳ. Поликарповъ (тамъ же, с. 34).

[3]) Ворон. Юбил. Сборн. II, с. 296.

[4]) Ѳ. Поликарповъ, Ист.-статист. описаніе ц. и прих. 42.

[5]) Тамъ же, с. 64.

§ 31. Хотя говоръ однодворцевъ Нижнедѣвицкаго уѣзда мы признали наиболѣе чистымъ и наиболѣе типичнымъ, но и въ немъ нѣтъ полнаго единства. Слѣды пестраго происхожденія однодворцевъ не вполнѣ сгладились и здѣсь, на крайнемъ югѣ степной украйны. Ѳ. Поликарповъ, на основаніи сообщеній мѣстныхъ старожиловъ, различаетъ въ с. Истобномъ двѣ группы однодворцевъ, отличавшихся нѣкогда по говору и быту; группы эти пришли сюда въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ; каждая партія пришельцевъ селилась здѣсь отдѣльной улицей и звалась по имени этой послѣдней. „Болѣе поздніе поселенцы Истобнаго, а именно, жители Терновского порядка (т. е. улицы) и улицы Шаталовки, въ теченіе долгаго времени отличались отъ остальныхъ жителей села какъ по характеру и *говору*, такъ и по костюму. Первоначальныхъ переселенцевъ (т. е. обитателей улицъ: Кочегары, Кульма и Двоерушки) новые называли старожилами и *щекунами* (щекухами). Щекуны отличались болѣе грубыми нравами и говоромъ, страстью къ нарядамъ. Шаталовцы и Тернавцы порицали ихъ развратъ, китайчатыя юбки, рогатыя золотыя сороки и кички, ихъ говоръ: що, каѣ вм. что, гдѣ. У Шаталовскихъ и Терновскихъ былъ болѣе мягкій (? т. е. болѣе образованный ?) говоръ, простые головные платки, болѣе мягкое обращеніе. — Со временемъ различіе это постепенно сгладилось до полнаго тожества въ обычаяхъ, костюмѣ и говорѣ“ [1]).

Нарисована эта картина, видимо, по очень смутнымъ преданіямъ старожиловъ, и далеко не во всемъ согласна съ обычною исторіею. Сказать и то, что мѣстные старожилы въ данномъ случаѣ оказались народомъ, нѣсколько заинтересованнымъ и потому врядъ ли вполнѣ объективнымъ: каждый хвалитъ свою улицу. Во всякомъ случаѣ, одновременное присутствіе въ костюмахъ щекухъ китайчатыхъ юбокъ и рогатыхъ кичекъ очень мало вѣроятно, — если только, разумѣется, щекухи составляли вообще однородную массу: это принадлежности костюма двухъ разныхъ эпохъ; если не-щекухи легко могли смѣяться надъ рогатыми кичками (признакъ „сѣрости“, отсталости), то китайчатыя юбки

[1]) Пам. Кн. Ворон. губ. на 1906 г., с. 3.

должны были вызывать въ нихъ уваженіе (мода!); вѣдь и теперь Истобенскія однодворки носятъ юбки.

Нѣкоторый свѣтъ на взаимоотношеніе этихъ двухъ различныхъ слоевъ Нижнедѣвицкихъ однодворцевъ, обрисованное Поликарповымъ по очень смутнымъ преданіямъ, могутъ пролить данныя Второва о Нижнедѣвицкихъ же *іонкахъ*. Въ 1850-хъ годахъ, когда собиралъ свои свѣдѣнія Второвъ, различіе между отдѣльными группами однодворокъ еще не сгладилось, и наблюдалось имъ въ дѣйствительности. Въ цѣломъ рядѣ однодворческихъ селеній Нижнедѣвицкаго уѣзда (Кочугуры, Есенки, Першино, Горшечное, Солдатское на Геросимѣ и на Котлѣ и другихъ, у него не названныхъ) Второвъ встрѣтилъ женщинъ, которыя слыли въ народѣ подъ названіемъ *іонокъ*, въ отличіе отъ *щекухъ* (говорящихъ що вм. что) и которыя вообще считались „болѣе развязными и менѣе грубыми“, нежели щекухи; костюмъ всѣхъ іонокъ былъ сходный: по большей части кофейнаго или вишневаго цвѣта юбки, синіе чекмени и платки на головахъ“ [1]). Вполнѣ согласно съ этимъ, другой, анонимный авторъ поясняетъ: „*іонки* — однодворки, крестьянки въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, не говорящія що и приближающіяся къ костюму къ горожанкамъ“ [2]). Такимъ образомъ, іонки — это болѣе образованный разрядъ однодворокъ, усвоившихъ городскую культуру; онѣ, очевидно, стали уже протестовать противъ примѣненія къ нимъ общей однодворческой клички „щекуны“, и тогда ихъ окрестили новымъ именемъ — по ихъ произношенію *ёнъ* вм. онъ, въ чемъ онѣ не возвысились надъ общею массою южновеликорусскаго населенія. То культурное вліяніе, которому подверглись іонки, врядъ ли происходило давно, а скорѣе въ позднее сравнительно время, и притомъ оно было частичнымъ, а не всеобщимъ: коснулось только женщинъ, а не мужчинъ, и отмѣчено исключительно только въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ. Костюмъ іонокъ довольно близокъ къ типичному однодворческому, но говоръ—нѣтъ; мы знаемъ, что въ Истобномъ, гдѣ нѣкогда смѣялись надъ щекухами, и теперь говорятъ що вм. что.

---

[1]) Ворон. Юбил. Сборн. II, 296.

[2]) Библ. А. Н., № 37.

Есть всѣ основанія думать, что на крайнемъ югѣ средней окраины столкнулись два совершенно различныхъ разряда военно-служилыхъ людей: съ одной стороны—переведенные съ прежнихъ сторожевыхъ линій, уже опытные и образованные служилые, частью дворяне, а съ другой стороны—вновь прибранные сѣрые и мужиковатые казаки, жены коихъ ходили еще въ поневахъ и рогатыхъ кичкахъ. Первыхъ уже унижало сосѣдство необразованныхъ мужиковъ, и они стали протестовать противъ примѣненія къ нимъ общей однодворческой клички „щекуны".

Мужской родъ къ женскому *іонка* образовать было неудобно, и вмѣсто неблагозвучнаго * ёнокъ явилось иное прозвище, также имѣющее въ виду діалектическій признакъ,—*ягуны*. Священникъ села Кочугуръ въ своей рукописи 1854 г. говоритъ о существованіи въ Нижнедѣвицкомъ округѣ двухъ классовъ казенныхъ поселянъ, „отличныхъ нѣсколько *въ нарѣчіи* и въ наружности, а болѣе всего въ покроѣ одежды": это 1) *щекуны* (отъ произношенія ими щё вм. что) и 2) *ягуны* (говорятъ: каго, яго); „родственныхъ связей и даже дружественныхъ сношеній между двумя этими родами поселянъ не бываетъ, а какое-то несогласіе и насмѣшки"; ягуны живутъ, напримѣръ, въ Ясеновской волости, въ селахъ: Кочугуры или Верхняя Дѣвица, Ясенки, Богородицкое, Роговое, Солдацкое на Геросимѣ, Ключи, Горшечное; вообще, имъ принадлежитъ западъ уѣзда, тогда какъ щекунамъ—востокъ [1]).

Изъ перечисленныхъ селъ въ четырехъ (Кочугуры, Ясенки, Солдатское на Гер. и Горшечное), какъ о томъ мы доподлинно знаемъ, жили іонки, откуда мы и заключаемъ, что въ данномъ случаѣ кличка ягуны есть не что иное, какъ мужской родъ къ женскому іонка (Правда, могло быть и на оборотъ: названіе * *ягуха* тоже не благозвучно).—Характерно, что этотъ классъ ягуновъ и іонокъ явился лишь на западѣ уѣзда, гдѣ однодворцамъ приходилось жить рядомъ съ помѣщичьими крестьянами: здѣсь поэтому дворянскій „гоноръ" однодворцевъ долженъ былъ быть особенно сильнымъ; на востокѣ же уѣзда, гдѣ не-однодворцевъ совсѣмъ не было, однодворцы не спѣшили особенно разста-

[1]) АГО. IX, 50.

ваться съ своими старыми традиціями, которыя у нихъ, какъ у не-аристократовъ и въ значительной части только-что вновь прибранныхъ,—во многомъ совпадали съ мужицкими. Сказать и то, что на западѣ уѣзда легко могли возобладать однодворцы, переведенные изъ сосѣднихъ губерній Курской и Орловской, гдѣ однодворцы давно носятъ старый дворянскій костюмъ; на востокѣ же уѣзда вполнѣ естественно могли возобладать однодворцы изъ сосѣднихъ губерній Тамбовской и Рязанской, гдѣ однодворцы долго сохраняли костюмъ крестьянскій. — Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что говоръ Нижнедѣвицкихъ щекуновъ гораздо типичнѣе для однодворцевъ вообще, нежели говоръ Нижнедѣвицкихъ іонокъ и ягуновъ (костюмъ — наоборотъ). Впрочемъ, различіе это, о коемъ подробностей у насъ нѣтъ, было ничтожнымъ: какъ мы видѣли, *всѣ* однодворцы Нижнедѣвицкаго уѣзда кагокаютъ (произносятъ: каго, яго, съ *г*, а не съ *в*), т. е. въ этомъ смыслѣ *всѣ* ягуны, равно какъ почти всѣ произносятъ щё вм. что, и въ этомъ смыслѣ почти всѣ щекуны; что же до произношенія іонъ вм. онъ (іонки), то это — общераспространенная черта на всемъ югѣ великороссіи.

Что же касается другихъ уѣздовъ Воронежской губерніи, то тамъ подобнаго дѣленія однодворцевъ на разряды, какъ кажется, совсѣмъ не существовало. По крайней мѣрѣ, Коротоякскій авторъ 1854 г. толкуетъ слово *ягунъ* лишь въ общемъ, и притомъ очень своеобразномъ, смыслѣ: „выражаетъ какой-нибудь мужикъ на сходкѣ свое я“ [1]).

§ 32. Переходя теперь къ другимъ уѣздамъ Воронежской губерніи, мы будемъ описывать ихъ говоры съ точки зрѣнія интересующихъ насъ чертъ, при чемъ будемъ стараться распредѣлить говоры по тремъ главнымъ группамъ населенія: 1) однодворцы, 2) монастырскіе и 3) помѣщичьи крестьяне. Но прежде сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о говорахъ всей губерніи.

Въ литературѣ имѣется общій трудъ о великорусскихъ говорахъ всей Воронежской губерніи, принадлежащій Филатову. Послѣдній, между прочимъ, пишетъ: „Въ великорусскихъ говорахъ Воронежской губерніи непереходное

[1]) АГО. IX, 69.

смягченіе *к* въ положеніи послѣ мягкаго согласнаго или j представляетъ *повсемѣстное, строго выдержанное явленіе*; поэтому и примѣры для него встрѣчаются *постоянно едва ли* не во всѣхъ собранныхъ пѣсняхъ“ [1]); дальше приводятся примѣры: люлькя, чайкю, дочькю и т. д.: смягченія послѣ *ш* Филатовъ не встрѣчалъ (рѣчушку, шашка [2]). Исключеній Филатовъ знаетъ только два: 1) „Говоръ Краснаго Лога,— пишетъ онъ, — и въ этомъ случаѣ является исключеніемъ, или совсѣмъ не допуская переходнаго смягченія звука к послѣ мягкихъ согласныхъ и j, или же въ рѣдкихъ случаяхъ употребляя его только съ нѣсколько отличнымъ характеромъ. Въ результатѣ смягченія здѣсь получается не вполнѣ мягкій звукъ, а средній по мягкости: горькяй, но нѣсколько иначе звучитъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда, Танцыреяхъ Новохоперскаго, и др. Но и это, такъ сказать, неполное смягченіе допускается очень рѣдко: Ваничька, Ганька, харошенька, маладѣханьку“ (с. 279). 2) Другое исключеніе Филатовъ знаетъ изъ „Воронежскаго Этнографическаго Сборника“ Дикарева, гдѣ описанъ мѣщанскій говоръ. „Какъ видно изъ матеріала, помѣщеннаго въ этомъ сборникѣ, говоръ мѣщанскій также не допускаетъ разсматриваемаго смягченія звука к; формы несмягченныя въ сборникѣ обычны: милинькай, горькай, угалькоф и т. д. Если и встрѣчаются изрѣдка въ „Сборникѣ“ примѣры непереходнаго смягченія, какъ напр.: бачькя, горькя, Ванькя, то эти случаи нужно отнести на счетъ сельскихъ народныхъ (? т. е. крестьянскихъ?) говоровъ, такъ какъ, по заявленію г. Дикарева (с. 58), матеріалы для мѣщанскихъ говоровъ собирались *и въ селахъ* Воронежской губ.“ (с. 279).

Несмотря на это категорическое заявленіе Филатова, мы, однако же, не отказываемся отъ намѣренія коротко изложить имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя о Воронежскихъ говорахъ съ м. к и безъ этой черты. Въ статьѣ Филатова мы замѣчаемъ сильную тенденцію слить всѣ говоры губерніи воедино, такъ сказать скомкать ихъ, что́, конечно, ему удается лишь до извѣстной степени: факты говорятъ сами за себя, и въ матеріалахъ, со-

[1]) Р. Ф. В., т. 38, с. 278.
[2]) Тамъ же, с. 279.

бранныхъ самимъ же Филатовымъ, мы находимъ говоры нѣсколькихъ селеній безъ м. к. Кромѣ того, пѣсни записывались Филатовымъ почти исключительно въ казенныхъ селеніяхъ, т. е. бывшихъ однодворческихъ, и говоръ Воронежскихъ не-однодворцевъ отразился въ его статьѣ недостаточно полно. Сказать и то, что большая часть пѣсенъ записана отъ лицъ, видимо, съ нивелированнымъ говоромъ, и старинные авторы, наблюдавшіе говоры, сохранившіеся въ лучшемъ видѣ, даютъ намъ болѣе опредѣленную картину.

Какъ видно изъ приведенныхъ уже нами выше (§ 28) свидѣтельствъ, еще въ 1850-хъ годахъ въ Воронежской губерніи отличались говоры однодворцевъ (талагаевъ) съ одной стороны и бывшихъ монастырскихъ крестьянъ (цукановъ) съ другой. Подробнаго сравнительнаго описанія говора тѣхъ и другихъ, къ сожалѣнію, не имѣется. Говоръ однодворцевъ мы попытались возсоздать на основаніи нѣсколькихъ свидѣтельствъ изъ восточной половины Нижнедѣвицкаго уѣзда, гдѣ наблюдатели невольно, по самой природѣ вещей, описывали чистый однодворческій говоръ. Сдѣлать что-либо подобное для говора бывшихъ монастырскихъ крестьянъ мы лишены возможности. Въ настоящее время говоръ этихъ крестьянъ совершенно слился съ однодворческимъ; Путинцевъ и авторъ отвѣта на краткую программу № 13, Ив. Тесленко, согласно свидѣтельствуютъ, что цуканы теперь отличаются отъ талагаевъ не столько по говору, сколько по костюму. Тесленко въ говорѣ цукановъ с. Солонцовъ и Нижняго Марьина Коротоякскаго уѣзда, а также с. Можайскаго Воронежскаго уѣзда отмѣчаетъ слѣдующія особенности: 1) новообразованія въ спряженіи глаголовъ: умываютцуть, ругаютцуть (эту же особенность отмѣчаетъ и г. Тростянскій [1]) въ говорѣ цукановъ Землянскихъ, только уже не монастырскихъ, а помѣщичьихъ), и въ неопред. наклоненіи: умыватцать, любоватцать, ругатцать; 2) отсутствіе обычнаго у талагаевъ произношенія що вм. что; Тесленко говоритъ собственно о полномъ отсутствіи у цукановъ звука щ: ишшо, ямшикъ, яшшикъ, но мы знаемъ, что въ этомъ отношеніи однодворцы не отличаются отъ цукановъ: у однодворцевъ *що* — единственное слово,

[1]) Устное сообщеніе.

гдѣ щ произносится не какъ шш, какъ сч. Въ качествѣ специфическихъ особенностей талагайскаго говора, Тесленко указываетъ кагоканье (каго, чаго), отсутствіе звука в (берешь, а не берёшь) и уо вм. о: куонь, гаршкуовъ.

Старые авторы глухо говорятъ, что у цукановъ говоръ „высокій подмосковный"; а въ подмосковныхъ говорахъ, какъ извѣстно, кагонья нѣтъ. Сопоставляя это обстоятельство съ свидѣтельствомъ Тесленка, мы заключаемъ, что для прежняго говора Воронежскихъ цукановъ было характерно отсутствіе кагоканья. Въ записяхъ Филатова, который совсѣмъ не знаетъ различія между однодворцами и монастырскими, объединяя ихъ въ одну группу „казенныхъ", мы находимъ рядомъ и одновременно формы обоихъ типовъ: каго и каво; въ послѣднихъ можно, конечно, видѣть простой слѣдъ нивеллировки говоровъ, но можно думать и о вліяніи монастырскихъ крестьянъ.

Другая черта въ говорѣ Воронежскихъ монастырскихъ цукановъ, о которой согласно говорятъ нѣсколько старыхъ авторовъ (§ 28), — цоканье; теперь оно исчезло; но и Путинцевъ, и тотъ же Тесленко указываютъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ (гдѣ центръ монастырскихъ цукановъ) проблески чоканья (обычно сопутствующаго цоканью). Тесленко отмѣчаетъ случаи: черкафь вм. церковь, зачвяли, чвяты для селеній Тресоруковской волости: с. Димитріевское (№ 1740), поселокъ Митяевскій (№ 1743) и Ермолинское (Архангельское, № 1742); селенія эти расположены по рч. Форостанкѣ и въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ" помѣчены „казенными" (т. е. не помѣщичьими); онѣ, безспорно, цуканскія. Самую кличку *цуканы* мы выводимъ, вполнѣ согласно со старыми наблюдателями, отъ ихъ цоканья: лучшаго объясненія пока не дано [1]).

Въ полную противоположность монастырскимъ крестьянамъ, бывшіе помѣщичьи, особенно же переселенцы изъ сѣверно-великорусскихъ губерній, сохранили свой говоръ, отличный отъ Воронежскаго однодворческаго. Частью съ такимъ сѣверно-великорусскимъ говоромъ (въ с. Бекетовѣ)

---

[1]) Иначе думаетъ А. И. Соболевскій; по нему, „наши матеріалы о цуканахъ не даютъ основанія видѣть въ нихъ цокающихъ или цокавшихъ сѣверянъ; слѣдовательно, ихъ названіе основано на какомъ-либо другомъ ихъ признакѣ" (Р. Ф. В., т. 65, с. 42).

мы уже встрѣтились, говоря о Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ; ниже мы будемъ встрѣчать подобные же говоры почти въ каждомъ изъ уѣздовъ Воронежской губерніи. По старому свидѣтельству Малыхина, въ Воронежской губерніи „есть, особенно между помѣщичьими крестьянами, выходцы изъ великороссійскихъ губерній, отличающіеся отъ общей массы населенія цѣлой губерніи своимъ сѣвернымъ произношеніемъ“ [1]). Иное мнѣніе высказано опять-таки Филатовымъ, который пишетъ: „Главный говоръ Воронежской губерніи— сильно акающій говоръ: имъ говорятъ почти всѣ государственные крестьяне, а также и барскіе крестьяне, исключая дворовыхъ“ [2]). Но ниже самъ же Филатовъ говоритъ о существованіи здѣсь говоровъ цокающихъ и окающихъ, а они то именно и принадлежатъ барскимъ крестьянамъ.

Говоръ дворовыхъ, по словамъ Филатова, „сближается съ мѣщанскимъ“, „говоръ умѣренно акающій, Московскій“ [3]). Что касается говора мѣстныхъ мѣщанъ, то мы уже приводили на этотъ счетъ цитату изъ статьи о томъ Дикарева.

§ 33. Для *Бирюченскаго* уѣзда мы имѣемъ опредѣленныя свѣдѣнія о говорѣ одного только великорусскаго селенія,— села *Нижнепокровскаго* (на лѣвомъ берегу рѣки Большого Усерда, въ 16 в. отъ гор. Бирюча на сѣверъ). Село это во всякомъ случаѣ не помѣщичье: наблюдатель замѣчаетъ, что мѣстные помѣщичьи крестьяне отличаются отъ Нижнепокровскихъ жителей по одеждѣ, занятіямъ и обычаямъ [4]). По Германову [5]), здѣсь въ 1801 году было 50 однодворческихъ дворовъ (241 мужч. и 220 женщ.); сосѣдняя, въ 2-хъ верст. отъ села, дер. Сорокина также однодворческая. Безграмотныя записи пѣсенъ въ этомъ селѣ [4]) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ мѣстномъ говорѣ извѣстно м. к (вы садочькю), що вм. что (с. 8), яканье.

§ 34. Для *Бобровскаго* уѣзда селенія государственныхъ крестьянъ мы затрудняемся распредѣлить на однодворческія и дворцовыя. Безспорно однодворческое с. *Верхній*

[1]) Ворон. Литерат. Сборн. I, 271.
[2]) Р. Ф. В., т. 37 с. 172—173.
[3]) Тамъ же.
[4]) АГО. IX, 4.
[5]) Зап. Геогр. Общ. XII, с. 297.

Икорецъ (№ 656 по „Списку насел. мѣстъ"; по Германову, с. 312, въ 1808 году здѣсь было 146 однодворческихъ дворовъ), гдѣ случаи м. к отмѣчены у Филатова: хазяйка, мальчижичкя, бядняжичькя (Р. Ф. В., т. 40, с. 11 и 17), hадочькю, но 2-жды: въ радительскай (тамъ же, с. 4—5). Однодворческое же, кажется, село *Козловка* (№ 707; срв. Германовъ, 314), для котораго у Филатова очень много случаевъ съ м. к, (т. 40, с. 30, 33, 15, 20, 23, 26; т. 37, с. 176); но Машку; здѣсь же кагоканье (чяho и т. п.), ня будя, ня станя (с. 33).

Въ с. *Корольскъ* (№ 739): вѣстачькю, ни вздыхай-кя (т. 40, с. 11 и 17). *Карачевка* (№ 714): за пташичькяй, вотачькю, маладёханькя (т. 40, с. 7), сабелькюс (с. 9); кагоканье; 3 л. ед. ч. на —ть и безъ —ть (—я). *Леоново* (№ 651): дѣвачькя, ручькю, раздушынькяй (т. 40, с. 29). *Озерки*: казачькю, пташачькю (т. 40, с. 10 и 24).

Историческое прошлое с. *Чулокъ* намъ совсѣмъ неизвѣстно, такъ какъ въ „Спискахъ насел. мѣстъ" его нѣтъ; здѣсь: малодинькяя, побѣдниньякя; 3 л. ед. ч. съ окончаніемъ —ть и безъ него: бярё, жывё; кагоканье (т. 40, с. 16—17, 29—30).

Что же касается помѣщичьихъ селеній, то въ нихъ легко различить говоры съ м. к и говоры безъ этой черты, при чемъ послѣднихъ едва ли не больше, чѣмъ первыхъ. Говоры съ м. к: с. *Сергѣевка* (№ 584): марковничькя, лясочькю, калэчькя, клэтачькя, ни жанись-кя, толькя; но —шка; кагоканья нѣтъ; 3 л. ед. ч. только на —ть (Ворон. Юбил. Сборн. I, с. 581, 593—596, 608). Александровской волости дер. *Ново-Петровское* и 2 *Никольскихъ* (№№ 597, 599 и 600): чайкю, унучкя, помаленькю; кагоканья нѣтъ; што вм. что; ишшо вм. еще; 3 л. на —ть и безъ него (на —я) (кр. прогр. № 24, Пав. Кирилловъ).

Говоры помѣщичьихъ крестьянъ Бобровскаго уѣзда безъ м. к: с. *Бродовое* (№ 633): не вей-ка, свей-ка, по лужоцькамъ, прашшай-ка; цоканье; въ 3 л. ед. ч. окончаніе —ть и —тъ (Р. Ф. В., т. 40, с. 34—35, Филатовъ). Село *Новый Курлакъ* (№ 634): маленька, ночьку, воточьку, дочька, песочьку и т. д.; кагоканья нѣтъ (ёво, каво, ничово); 3 л. ед. ч. на —ть (Р. Ф. В., т. 40, с. 36 — 37, Филатовъ); оканье (т. 39, с. 203). У помѣщичьихъ крестьянъ сёлъ

Масаловки и *Михайловскаго* и деревень *Сабуровки*, Ивановки и Никольской, переселившихся сюда изъ Московской губ. и частью изъ с. Сокольниковъ Моршанскаго уѣзда (послѣдніе переселены въ 1837 г.), м. к крайне рѣдко. Въ записяхъ свящ. В. Емельянова, 1854 г., мы встрѣтили 3-жды толька, равно какъ и другіе случаи безъ м. к, и только однажды смягченіе к: капѣйкю; здѣсь отсутствіе кагоканья и цоканье (цяво, яво, цаста, цистый), 3 л. на —ть и безъ —ть (идё и йдя) (АГО. IX, 63). Кое-какія свѣдѣнія имѣемъ мы еще о селѣ *Верхотишанкѣ*, которое до 1797 года было дворцовымъ, а въ этомъ году пожаловано Трощинскому (Ворон. Г. В. 1851, № 6, с. 50); судя по именамъ частей этого села и по мѣстнымъ преданіямъ, жители его выселились изъ селеній Серпуховскаго уѣзда Московской губ.: Талижи, Колычева, Юровка и Конищево (АГО. IX, 57; Ворон. Бесѣда, 266). Кремеръ отмѣчаетъ въ этомъ селѣ „Московское нарѣчіе“ и чоканье: сердче, чѣлковый (АГО. IX, 57).

§ 35. *Богучарскій* уѣздъ населенъ преимущественно малоруссами. Имѣющіяся у насъ данныя о великорусскихъ говорахъ относятся къ большимъ малорусскимъ слободамъ, гдѣ великоруссы живутъ больше, кажется, въ качествѣ торговцевъ, составляя, конечно, пришлое населеніе. У такихъ великоруссовъ въ слободѣ Красноженовѣ (№ 838) и въ слоб. Новой Кріушѣ (№ 946) отмѣчено м. к, 3 л. ед. ч. на —ть, что́ легче объяснять ниведлировкою говора (кр. прогр. № 15: Знаменскій, и № 11: В. Зоричевъ).

§ 36. Въ *Валуйскомъ* уѣздѣ, также преимущественно малорусскомъ, въ казенномъ селѣ Ураевѣ (№ 1114): свашунькя, хазяйкя, толькя, чайкёмъ и т. д., несмотря на сильное вліяніе на этотъ говоръ (правда, главнымъ образомъ въ лексикѣ) сосѣднихъ малоруссовъ; 3 л. ед. ч. безъ —ть (идé и йдя), кагоканье; дат. мн. дитёмъ, лошадёмъ (прогр. № 261: Гр. Прохоровъ).—Въ Библ. Ак. Наукъ имѣется рукопись: „Разговоръ двухъ Валуйскихъ мужиковъ объ обидахъ“ (№ 35), безъ точнаго обозначенія мѣста записи; здѣсь яканье (безъ дéняг ня хади), кагоканье (яго), що, каё, т. е. вообще черты однодворческаго говора, но: толь*ка*, сколь*ка*, т. е. м. к нѣтъ; впрочемъ, за полную точность передачи говора поручиться нельзя.—Данныя П. Со-

колова (АГО. IX, 9) о говорѣ государственныхъ крестьянъ этого уѣзда также ничего не говорятъ о м. к; здѣсь тоже кагоканье (ничаго), усё вм. все, що и чо вм. что, 3 л. безъ —ть (живе).

§ 37. Въ *Воронежскомъ* уѣздѣ однодворческій говоръ с. *Рогачевки* (№ 208), основаннаго однодворцами-выходцами изъ Усмани (Ворон. Юбил. Сборн. I, 477) имѣетъ м. к: въ садочькю, дяфчёнычькя, липачькя, паслушай-кя (Р. Ф. В., т. 40, с. 2, 20, 25 и 28), кагоканье, 3 л. ед. ч. на —ть и безъ него: снося, сагрѣя (с. 2).

Говоръ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ („цукановъ") села Красный Логъ (№ 129; населено въ значительной степени старовѣрами, которыхъ среди однодворцевъ вообще нѣтъ) сильно разнится. Въ пѣсняхъ этого села, напечатанныхъ Филатовымъ, м. к нѣтъ: маладёханьку, горькая, hорькую, харашенька и т. п. (Р. Ф. В., т. 40, с. 5 и 6). Здѣсь обычны сочетанія кы, гы, хы: па дикымъ, такыи, сухыи, глухыи и т. п. (тамъ же, с. 28; т. 38, с. 274), какія формы очень рѣдки въ говорахъ съ м. к. По словамъ Филатова, впрочемъ, здѣсь встрѣчается „неполное смягченіе": послѣ к слѣдуетъ не вполнѣ мягкій звукъ, а средній по мягкости, но и это бываетъ „очень рѣдко" (тамъ же, т. 38, с. 279). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ слѣдами вліянія сосѣднихъ говоровъ.— Другія особенности своеобразнаго говора Краснаго Лога: „голосовые въ изглашеніи не теряютъ своей ясности" (т. 38, с. 274); род. пад. прилагательныхъ на —ва (т. 40. с. 5 и 28), 3 л. ед. ч. глаголовъ на —ть (тамъ же), мѣстн. пад.: на лашадёхъ (т. 39, с. 185).

Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ (м. пр., сочетанія кы, хы и отсутствіе м. к) сильно напоминаютъ нѣкоторые изъ Калужскихъ говоровъ (см. группу 11-ую діалектологической карты Дурново, с. 15—16). Если къ этому прибавить, что с. Красный Логъ называется еще иначе „Мосальское", то будетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ переселенцами изъ Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи (срв. ниже § 97).

Въ „цуканскомъ" же селѣ *Можайское* (№ 121) м. к также нѣтъ, замѣтны слѣды оканья и изрѣдка встрѣчается цоканье (Р. Ф. В., т. 39, с. 203 и 206; т. 38, с. 304); въ 3 л.

ед. и мн. ч. глаголовъ окончаніе —ть; новообразованія типа: умыватцать, ругаютцуть (кр. прогр. № 13, Тесленко).—Въ с. Московское (№ 124) м. к извѣстно (Р. Ф. В., т. 37; т. 40, с. 9, 18, 22, 23); изрѣдка цоканье (т. 38, с. 304).—Свящ. Адамовъ изъ с. Новоживотиннаго въ 1849 г. замѣчаетъ, что „въ поселеніяхъ старообрядческихъ за Воронежомъ говорятъ: цаловѣкъ (АГО. IX, 23).—Относительно говора старовѣрческаго поселка Новоклинскаго (№ 134) мы знаемъ только то, что тамъ произносятъ g, а не h (кр. прогр. № 13, Тесленко).—Такимъ образомъ, въ говорѣ „цукановъ“ или бывшихъ монастырскихъ крестьянъ Воронежскаго уѣзда довольно сильны слѣды сѣвернаго происхожденія, а м. к слабо.

О говорѣ *помѣщичьихъ* крестьянъ с. *Покровской Хавы* (№ 111) мы знаемъ только то, что онъ рѣзко отличается отъ говора села Сергѣевки, Бобровскаго уѣзда (Ворон. Юбил. Сборн. I, 582). Едва ли не этихъ „хавцевъ“ разумѣетъ и Скрябинъ изъ с. Тамлыка (АГО. IX, 66), рѣзко отличающій ихъ отъ описанныхъ имъ „усманцевъ“, т. е. однодворцевъ, и отъ „подмосковныхъ“ цукановъ.

По словамъ Малыхина, въ Воронежской губерніи „есть, *особенно между помѣщичьими крестьянами*, выходцы изъ великороссійскихъ губерній, отличающіеся отъ общей массы населенія цѣлой губерніи своимъ сѣвернымъ нарѣчіемъ“ (Ворон. Литературн. Сборн. 271). Къ Воронежскому уѣзду это замѣчаніе относится во всей силѣ; мы знаемъ, что въ 1701-мъ году сюда выведены были и поселены по р. Битюгу 226 дворовъ изъ Великосельской волости Ростовскаго уѣзда, 235 дворовъ изъ Юхоцкой волости Ярославскаго уѣзда, 226 дворовъ изъ Даниловской волости Костромского уѣзда и 334 двора изъ Пощехонскаго уѣзда; правда, многіе изъ нихъ потомъ сбѣжали; въ 1703-мъ году вновь переведены 277 и 259 дворовъ изъ двухъ волостей Балахонскаго у., 103 двора изъ с. Краснаго Костромского у., 157 дворовъ изъ Юмохонской вол. Суздальскаго уѣзда, 103 двора изъ Всегодицкой вол. Владимирскаго уѣзда и 100 дворовъ изъ Переяславскаго-Залѣсскаго у. (Воронежская Бесѣда, 257).

Классъ помѣщичьихъ крестьянъ всюду на югѣ отличается большою пестротою; и здѣсь, рядомъ съ сохранив-

шими въ бо́льшей или меньшей степени сѣверный говоръ, мы видимъ владѣльческихъ крестьянъ, говоръ коихъ одинаковъ съ однодворческимъ. Свящ. Адамовъ изъ с. *Новоживотиннаго* описываетъ вмѣстѣ говоръ барскихъ и казенныхъ такими чертами: м. к, бочкя, кочкя, ночкю; що и што; яканье: чялны, вясы, вяликъ; 3 л. безъ —ть; у вм. въ (АГО. IX, 23).

Мѣщанскій (городской) говоръ Воронежскаго уѣзда почти не знаетъ мягкаго к: милинькай, горькай, капейка и т. п. (Ворон. этнограф. сборн. Дикарева, 84, 89, 154, 237, 259, 263—265); рѣдкія исключенія: бачькя, горькя, Ванькя (тамъ же, с. 88, 170, 223) Филатовъ относитъ на счетъ сельскихъ, крестьянскихъ говоровъ, которые также отчасти имѣлись въ виду въ сборникѣ Дикарева (Р. Ф. В., т. 38, с. 279). Но нѣтъ никакихъ препятствій полагать, что и собственно-мѣщанскіе говоры знали прежде м. к и сохранили его отчасти теперь: мѣщанское сословіе нерѣдко пополняется крестьянами и разными пришлыми элементами; среди мѣщанъ южно-великорусскихъ городовъ немало бывшихъ однодворцевъ, занявшихся послѣ торговлею. Ниже мы встрѣтимъ рядъ городовъ, гдѣ м. к обычно (наприм. Брянскъ); отсутствіе м. к въ мѣщанскихъ говорахъ многихъ южно-великорусскихъ городовъ проще объяснять простою нивеллировкою говора.

§ 38. Въ *Задонскомъ* уѣздѣ м. к распространено широко. О существованіи здѣсь разныхъ говоровъ мы свѣдѣній не имѣемъ. Два старыхъ автора описываютъ согласно говоръ мѣстностей, расположенныхъ около г. Задонска, и склонны относить свое описаніе ко всему уѣзду; они отмѣчаютъ м. к: свайкя, хозяйкя; 3 л. безъ —ть: ѣдя, ходя, пиша; каѣ вм. гдѣ (АГО. IX, 21 и 55). Судя по контексту, оба автора имѣютъ въ виду какъ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ крестьянъ.—А. И. Зачиняевъ сообщалъ намъ о существованіи м. к въ говорахъ бо́льшей части Задонскаго уѣзда.

§ 39. Въ *Землянскомъ* уѣздѣ говоръ однодворческаго села *Нижняя Грайворонка* (№ 1501) представляетъ нѣкоторыя интересныя особенности: при м. к: Санькя, погадайкя, чайкю, здѣсь мы встрѣчаемъ: табачку, а также кольки, тольки, нѣсколькы. Главное же, *с* вм. *ц* „въ нѣкоторыхъ

словахъ“ (по замѣчанію Ясырова): овса вм. овца, отесъ, сыганка. Смѣшеніе *у* и *в*; 3 л. безъ —ть: иде, будя, читая; вонъ вм. онъ; къ воды (кр. прогр. № 18, В. Ясыровъ). Сообщеніе о томъ, что это село однодворческое, у Германова (Зап. Геогр. Общ. XII, 270).—Въ однодворческомъ же (Германовъ,- 266) селѣ *Старая Ольшанка* (№ 4544) также м. к: дайкя, люлькя, сиськю, Ванькь; кагоканье; що вм. что; каѣ; смѣшеніе *у* и *в* (кр. прогр. № 14, А. Ночевкинъ).—Въ селѣ Дмитряшевкѣ (Германовъ, 267) м. к: кочкя, бочкя; що; 3 л. ед. идя (АГО. IX, 31, Оскоченскій, 1853 г.).—С. *Гнилуша* (въ „Спискѣ насел. мѣстъ“ съ этимъ именемъ нѣтъ; по Ворон. Юбил. Сборн. I, 479, однодворческое) м. к: толькя, аборычькю; кагоканья нѣтъ; 3-е л. на —ть (Р. Ф. В., т. 40, с. 32 и 3).—Еще м. к въ казенныхъ селеніяхъ: *Троицкое* (№ 1559; Р. Ф. В., т. 40, с. 31) и дер. *Никольское*, Вознесенской волости (кр. прогр. № 14, А. Ночевкинъ); въ первомъ нѣтъ кагоканья, 3 л.: ћаркня, приходя; во второмъ смѣшеніе *у* и *в*, аканье безъ яканья: село и т. п., 3 л. на —ть. Неизвѣстнымъ осталось намъ историческое прошлое *Титовки*, гдѣ: ночинькю, крылечькя, пралей-кя, но: майскай (Р. Ф. В., т. 40, с. 21).

Какъ видно, кагоканье сохранилось далеко не во всѣхъ однодворческихъ говорахъ Землянскаго уѣзда; но старые наблюдатели находили его типичнымъ и характернымъ именно для мѣстныхъ однодворцевъ; такъ, Адамовъ изъ помѣщичьяго села Таволжанецъ называетъ государственныхъ крестьянъ окрестныхъ селеній „ягуны, когоки и даже кагуаки“—по говору ихъ: кого, кагуа, чего, чёго, а также: щё и чё; про своихъ же „тоболожанцевъ“ онъ пишетъ, что они „имѣютъ выговоръ цуканскій: чяво, яво, каво, што“ (АГО. IX, 52; сообщеніе 1854 г.). Такимъ образомъ, прежде и здѣсь наблюдалось различіе въ говорѣ крестьянъ помѣщичьихъ и однодворческихъ.

В. Тростянскій отмѣчаетъ м. к въ сѣв.-западн. части уѣзда: нитачкю, лужочкямъ [1]).

§ 40. Какъ мы уже знаемъ (§ 28), востокъ *Коротоякскаго* уѣзда, а именно мѣстность по р. Хворостани, вмѣстѣ съ сѣверо-западнымъ угломъ этого уѣзда (до рч. Голышевки,

[1]) Рукопись, поступившая во 2-е Отдѣл. Ак. Н. въ 1913 г.

впадающей въ р. Донъ при селѣ того же имени), принадлежавшая до 1779 года къ Воронежскому уѣзду, своимъ первоначальнымъ заселеніемъ обязана монастырямъ—Воронежскому Покровскому, Троицкому Боршевскому и Троицкому Лысогорскому [1]). Здѣсь нѣкогда жили монастырскіе крестьяне, и только послѣ уже явились однодворцы. Мы знаемъ уже (§ 28), что борьба этихъ двухъ классовъ жителей кончилась всецѣло въ пользу однодворцевъ; монастырскіе крестьяне разсѣялись, поступивъ въ значительномъ количествѣ въ число тѣхъ же однодворцевъ, но память о нихъ сохранилась и они доселѣ слывутъ „цуканами", въ отличіе отъ однодворцевъ—„талагаевъ". Села: Тресоруково, Митяевка, Марьино, Почепское, Рождествено, Олень-Колодезь, Дракино, Давыдовка и Солонцы—„цуканскія". Село Старая Хворостань основано было монастырскими, но послѣ перешло къ однодворцамъ; мѣстный наблюдатель Путинцевъ, видимо, колебался, причислить ли это село къ однодворческимъ или къ „цуканскимъ" и въ своей статьѣ 1904 г. назвалъ его „талагайско-цуканскимъ" (Пам. Кн. Ворон. губ. 1905; с. 3 отдѣльн. отт.), а въ позднѣйшей статьѣ назвалъ его уже чисто „талагайскимъ" (Жив. Стар. 1906, № 1, с. 95). Послѣднее, конечно, вѣрнѣе: въ этомъ селѣ сохранилась, между прочимъ, память о старомъ, чисто военномъ дѣленіи населенія на сотни: „Брянская сотня", „Ломакина сотня" [2]), въ чемъ мы усматриваемъ безспорное доказательство того, что здѣсь жили служилые люди или однодворцы. Подобное же колебаніе мы замѣчаемъ у Путинцева относительно селъ Аношкина, Бодѣева и Машкина.

Старые авторы наблюдали еще отличіе „цуканскаго" говора отъ однодворческаго; но они не дали намъ описанія говора цукановъ, отмѣтивъ въ немъ только двѣ особенности: мѣну *ц* и *ч* (целовѣкъ, цево, чарь, черква) и отсутствіе кагоканья (цево, цаво [3]). Новые же авторы говорятъ о болѣе или менѣе полномъ сліяніи цуканскаго и однодворческаго говоровъ. Въ качествѣ отличительныхъ чертъ цуканскаго говора, сравнительно съ однодворческимъ, Тесленко

[1]) Пам. Кн. Ворон. губ. 1899, с. 14, ст. Н. Поликарпова.
[2]) Устное сообщеніе А. М. Путинцева.
[3]) АГО. IX, 19 и 27, Переверзевъ и Жуковцовъ.

указываетъ лишь эти, не имѣющія для насъ значенія, три черты: 1) аны вм. они, 2) новообразованія типа умываюцуть, откуда Тесленко склоненъ выводить и самое названіе „цуканы“ и 3) отсутствіе звука щ (кр. прогр. № 13). Путинцевъ, говоря объ общности говора Коротоякскихъ талагаевъ и цукановъ, замѣчаетъ, что „среди старухъ въ цуканскихъ селеніяхъ“ чаще наблюдается вообще рѣдкое здѣсь чоканье: авсичя (овсеца), атечь (отецъ) блиньчи [1]). Что касается м. к, то теперь оно, по свидѣтельству Путинцева и Тесленки столь же обычно у цукановъ, сколь и у талагаевъ; но было ли оно у цукановъ прежде, мы не знаемъ: старые авторы о томъ молчатъ.

У Коротоякскихъ талагаевъ (т. е. однодворцевъ) всѣ авторы согласно отмѣчаютъ м. к (толькя, сярдечькя), кагоканье, що вм. что и 3 л. безъ ть (любя и т. п. [2]). Тесленко, кромѣ того, отмѣчаетъ у однодворцевъ дифтонгическое произношеніе звука *о*: куонь, гаршкуовъ, и отсутствіе звука ѣ. Путинцевъ отмѣчаетъ еще, въ мѣстности по теченію р. Хворостанки, произношеніе звука *ч* какъ *с* съ слабымъ оттѣнкомъ звука ц и рѣдкіе случаи перехода м. к въ т: чайтю рядомъ съ чайкю, яблачтямъ рядомъ съ яблачькямъ (Жив. Стар. 1906, с. 102 и 103). Впрочемъ, оба эти замѣчанія Путинцева относятся одинаково какъ къ талагаямъ, такъ и къ цуканамъ.

Есть основаніе полагать, что отмѣченный Путинцевымъ переходъ м. к въ *т* относится къ говору села Лѣвой Россоши, лежащей какъ разъ въ предѣлахъ описываемой Путинцевымъ мѣстности „Хворостань“. По крайней мѣрѣ, Тесленко отмѣчаетъ эту черту (Васьтя) только въ селѣ Лѣвой Россошѣ и считаетъ ее чуждою говору однодворцевъ. Говоръ Лѣвой Россоши занимаетъ, по словамъ Тесленки, особое положеніе: „жителей этого села цуканы относятъ къ талагаямъ, а талагаи къ цуканамъ“. Въ говорѣ *Лѣвой Россоши* м. к переходитъ въ т далеко не всегда, рядомъ съ Васьтя Тесленко отмѣчаетъ: Васькя и точкю; этотъ говоръ знаетъ переходъ всякаго м. к въ *т*: тирпичь,

---

[1]) Жив. Стар. 1906, № 1, с. 102.

[2]) АГО. IX, 19 (Переверзевъ, 1849 г.); кр. прогр. № 13; Путинцевъ.

Атимъ (Путинцевъ отмѣтилъ въ мѣстности „Хворостань“ произношеніе Тéива вм. Кіевъ); въ немъ нѣтъ кагоканья, 3 л. глаголовъ оканчивается на твердое тъ, но г произносится какъ h, а не какъ g (кр. прогр. № 13). Т. е., есть основаніе думать, что въ говорѣ Лѣвой Россоши сохраняются слѣды сѣвернаго происхожденія, на счетъ котораго можно относить и переходъ м. к въ т.

Что касается помѣщичьихъ крестьянъ Коротоякскаго уѣзда, то мы знаемъ только, что главный центръ ихъ—Старобезгинская волость [1]), о говорѣ же ихъ мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ.

О говорѣ *Нижнедѣвицкаго* уѣзда мы говорили выше (§ 29—30). Здѣсь только укажемъ, что и въ этомъ уѣздѣ, при всемъ преобладаніи въ немъ однодворцевъ, встрѣчаются острова сѣверныхъ говоровъ; такъ, въ помѣщичьемъ селѣ Бекетовѣ (№ 1928) 3 л. ед. ч. глаголовъ оканчивается на тъ: гулятъ, собиратъ (кр. прогр. № 19, Мазкинъ).

§ 41. Изъ однодворческихъ говоровъ *Новохоперскаго* уѣзда намъ лучше всего извѣстенъ говоръ села *Еланское Колѣно*, описанный іеромонахомъ Веніаминомъ въ 1849 г. (АГО IX, 61). Здѣсь м. к даже въ такихъ случаяхъ, какъ тётшкя вм. тетушка, дядшкя, свѣчкя; кагоканье, уо вм. о: чягуо вм. чего, тямнуо; смѣшеніе у и в; 3 л. безъ ть: шье, идя, видя; каё вм. гдѣ; що и што вм. что, каё вм. гдѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ селахъ (не-однодворческихъ?) нѣтъ кагоканья (чяво) и 3 л. на ть: пріѣдить.—Еще м. к .отмѣчено въ 6-ти казенныхъ селеніяхъ Новохоперскаго уѣзда, изъ коихъ *Горѣлка* (№ 2116), *Танцыреи* (№ 2147) и *Гальское*—безусловно однодворческія (Германовъ, 322 и 323); здѣсь: сярдечькя, личькямъ, ночькяй и т. п. (Р. Ф. В., т. 40, с. 14—15, 17, 20—21, 29). Въ казенныхъ селахъ: Кардаиловка (№ 2120), Поворино и Троицкое (2147 и 2098) также м. к; въ Кардаиловкѣ даже: Машкю (кр. прогр. № 12); кагоканья въ этихъ трехъ селахъ нѣтъ (тамъ же; Р. Ф. В., т. 40; 25 и 26); въ Поворинѣ отмѣчены нѣкоторые слѣды прежняго оканья (Р. Ф. В., т. 39, с. 203).—Помѣщичьи крестьяне дер. Каменки и Садовки, переведенные изъ Шацкаго уѣзда, цокаютъ (Ворон. Юбил. Сборн. II, 287).

[1]) Л. Савеловъ, Коротоякскій уѣздъ. М. 1897, с. 16.

§ 42. „Въ *Павловскомъ* уѣздѣ, послѣ однодворцевъ, все прочее населеніе почти исключительно малороссійское—удѣльные малороссы и подданные; а русскихъ (т. е. великорусскихъ) помѣщичьихъ крестьянъ очень мало“ [1]). Основываясь на этихъ словахъ компетентнаго въ данномъ вопросѣ Германова, мы легко можемъ отнести именно къ однодворцамъ данныя статьи Ѳ. Никонова „Бытъ великоруссовъ Павловскаго уѣзда“, напечатанной въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“ 1861 года [2]). Изъ діалектическихъ чертъ здѣсь указаны, м. пр., м. к: да парачкю бычкóвъ, рѣдькю, бачшкя (с. 73, 125, 129); кагоканье (126); мѣна у и в (с. 125); 3 л. безъ ть: придя (73); населеніе пришло изъ Рязанской и Орловской губерній (с. 148).—Кромѣ того, мы имѣемъ свѣдѣнія о говорѣ пяти великорусскихъ селъ Павловскаго уѣзда, и сёла эти всѣ однодворческія (Германовъ, 318—319). Говоръ села Верхній Мамонъ описанъ свящ. А. Матвѣевымъ въ 1850 году (АГО. IX, 25), говоръ села Гнилуши (№ 2487) въ краткой программѣ № 300 О. Панкратовымъ, говоръ с. Шестакова (№ 2421) А. Казминой (кр. прогр. № 22); наконецъ, о говорѣ селъ Клёповка и Гвазда (№№ 2448 и 2454) нѣкоторыя данныя находимъ у Филатова (Р. Ф. В., т. 40, с. 11, 16, 24 и 30). Во всѣхъ этихъ селахъ отмѣчено м. к, и только относительно Гвазды нѣтъ данныхъ; кагоканье почти всюду (Клёповка, Гвазда, В. Мамонъ), мѣна *у* и *в*, 3 л. на ть и безъ ть.

Такимъ образомъ, хотя изслѣдователь Воронежскихъ говоровъ Филатовъ и пишетъ, будто м. к здѣсь „представляетъ повсемѣстное, строго выдержанное явленіе“ (Р. Ф. В., т. 38, с. 278), но исключеній мы встрѣтили очень не мало. Исключенія эти не касаются однодворцевъ, а относятся только къ бывшимъ монастырскимъ („цуканы“) и помѣщичьимъ крестьянамъ. Вообще же вѣрно то, что типичный для однодворцевъ говоръ распространился въ предѣлахъ Воронежской губерніи почти повсюду; и тамъ,

---

[1]) Зап. Географ. Общ. XII, с. 316.

[2]) Т. IV, № 10 и 11, с. 68—83 и 117—150.

гдѣ старые авторы отмѣчали разницу въ говорѣ „талагаевъ“ и „цукановъ“, новѣйшіе наблюдатели находятъ полное тожество говоровъ. Замѣтно лишь одно еще, а именно — кагоканье не привилось у неоднодворцевъ, (а у бывшихъ однодворцевъ уже видимо находится на пути къ исчезновенію). Изъ мелкихъ особенностей говора можно отмѣтить, что произношеніе о въ родѣ уо, равно какъ рѣдкіе случаи с изъ ц встрѣчаются только у однодворцевъ; напротивъ, цоканье отмѣчено только у неоднодворцевъ; цоканью здѣсь нерѣдко сопутствуютъ нѣкоторые слѣды сѣверновеликорусскихъ говоровъ, такъ что занесеніе въ Воронежъ цоканья съ сѣвера внѣ всякаго сомнѣнія.

§ 43. 1) Отдаленность отъ Москвы, вліяніе коей было такъ сильно въ костюмѣ служилыхъ людей; 2) неаристократическое происхожденіе Воронежскихъ служилыхъ людей, въ громадной части „приборныхъ“, а не служилыхъ по отечеству (§ 15); 3) наличность въ Воронежскомъ краѣ весьма значительнаго числа однодворцевъ Тамбовско-Рязанскихъ, у которыхъ дворянскій костюмъ не успѣлъ распространиться по особымъ причинамъ (§ 21); 4) вліяніе „цукановъ“, т. е. бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, которые скоро взяли здѣсь, въ культурномъ отношеніи, верхъ надъ „талагаями“ однодворцами (срв. Ворон. Юбил. Сборн. II, с. 295); 5) вліяніе сосѣдей малороссовъ, а также и Донскихъ казаковъ, принимавшихъ участіе въ древнѣйшей исторіи этого края, 6) бѣдность и безхозяйственность — какъ слѣдствіе вѣковой полубивачной жизни въ степи, — вотъ тѣ условія, которыми мы объясняемъ нетипичность костюма Воронежскихъ однодворцевъ: мѣстныя однодворки далеко не всѣ перешли къ старому дворянскому костюму (сарафанамъ, кокошникамъ и душегрѣйкамъ), а большею частью сохранили крестьянскій костюмъ (поневы и рогатыя кички). Уроженецъ однодворческаго села Коршева (что́ на р. Битюгѣ, Бобровскаго уѣзда), родившійся въ 1834-мъ году, А. С. Суворинъ сообщаетъ, что уже въ то время наблюдалось полное сліяніе въ бытѣ мѣстныхъ однодворцевъ и крестьянъ: „Между однодворцами и другими крестьянами не было *никакого* различія. Жили какъ всѣ, *одѣвались какъ всѣ* и всѣ считали себя крестьянами“ („Новое Время“, 1912, № 13.081, автобіографія А. С. Суворина).

Конечно, и здѣсь есть однодворки, давно усвоившія старый дворянскій или близкій къ нему костюмъ. Такихъ особенно много въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ. Н. И. Второвъ отмѣтилъ, въ свое время, цѣлый рядъ однодворческихъ селъ этого уѣзда (Есенки, Кочугуры, Першино, Горшечное, Солдатское на Геросимѣ, Солдатское на Котлѣ и др.), гдѣ однодворки носили „кофейнаго или вишневаго цвѣта юбки, синіе чекмени и платки на головахъ" (Ворон. Юбил. Сборн. II, 279 и 296); но этотъ разрядъ однодворокъ отличался по костюму отъ прочей массы однодворцевъ и носилъ даже особенную кличку „іонки" (§ 31). Однако, судя по описанію Глотова, преобладающимъ женскимъ костюмомъ въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ былъ именно костюмъ „іонокъ"; въ качествѣ общаго, наиболѣе распространеннаго въ уѣздѣ костюма онъ описываетъ именно одежду іонокъ или близкую къ ней: „Женщины носятъ... волосяную, шареною окрашенную *юбку*, у бабъ на головѣ платокъ" (Ворон. Г. В. 1857, № 42, с. 320 „Хозяйственный бытъ жителей Нижнедѣвицкаго уѣзда"). И только, по словамъ Глотова, „въ *нѣкоторыхъ* селахъ и даже пригородныхъ слободахъ женщины ходятъ въ поневахъ и кичкахъ, а дѣвки въ сарафанахъ" (тамъ же). Послѣднее замѣчаніе, о пригородныхъ слободахъ Нижнедѣвицка, согласуется съ свидѣтельствомъ Второва, который отмѣтилъ въ слободѣ Пригорѣловкѣ кички и синія клѣтчатыя поневы (Ворон. Юбил. Сборн. II, 273). Но слободы гор. Нижнедѣвицка врядъ ли заселены бывшими служилыми людьми: въ эпоху сторожевой службы на степной украинѣ здѣсь не было города, который учрежденъ лишь въ 1779 году.

По Ѳ. И. Поликарпову, древнѣйшая группа насельниковъ однодворческаго села Истобнаго носила поневы и рогатыя кички, а двѣ позднѣйшія группы переселенцевъ (одна изъ нихъ была изъ села Шаталовки, того же уѣзда) принесли новый костюмъ, юбки и платки, который и возобладалъ (Пам. Кн. Ворон. губ. 1906, с. 7). „Общимъ для Нижнедѣвицкаго уѣзда" женскимъ костюмомъ въ настоящее время Ѳ. Поликарповъ называетъ юбку и головной платокъ на „шлыкѣ", т. е. особо подвязываемой и украшенной треугольной косынкѣ (Труды Ворон. Архивн. Комиссіи III, 1906, с. 37). Цвѣтъ здѣшнихъ юбокъ не одина-

ковъ: красный (съ его оттѣнками: алый, маренный), черный (что, между прочимъ, въ однодворческомъ селѣ Синіе Липяги) и разноцвѣтный. „Паневы“ (изъ чернаго сукна, протканнаго бѣлыми нитками въ клѣтку) Ѳ. Поликарповъ знаетъ только въ однодворческихъ селахъ Красное и Семидесятное, но и это, судя по описанію, не настоящія поневы, а юбки же, только отличающіяся своимъ клѣтчатымъ тканьемъ (Тр. Ворон. Арх. Ком. III, с. 88 [1]). Въ селахъ Солдатскомъ на Котлѣ и Потудани (Шаталовкѣ) красныя юбки (не поневы) и платки въ качествѣ единственнаго головного убора женщинъ отмѣчены уже въ 1850-хъ годахъ (АГО. IX, 16, Харкевичъ).

Въ пригородной слободѣ гор. Землянска Пушкарской, населенной въ 1678 г. „пушкарями“, т. е. приборными служилыми людьми, явившимися сюда изъ Воронежскаго и, частью, изъ Ливенскаго уѣздовъ, уже во времена Второва носили ситцевыя юбки свѣтло-малиноваго или пунцоваго цвѣта, кокошники и душегрѣйки (Ворон. Юбил. Сборн. II, 279 и 280). Въ однодворческомъ селѣ Дмитряшевкѣ того же уѣзда наблюдатель 1853 г. отмѣчаетъ полосатыя юбки и сарафаны, вмѣстѣ съ типичною одеждою всѣхъ Воронежскихъ однодворцевъ — шушпаномъ (АГО. IX, 31, Оскоченскій). Въ однодворческомъ селѣ Перлевкѣ отмѣчены кокошники (Пам. Кн. Ворон. губ. 1908, с. 28, ст. Ѳ. Поликарпова). Конечно, и въ этомъ уѣздѣ есть исключенія изъ общаго правила; у однодворокъ села Нижней Вѣдуги, Кіевки тожъ, Второвъ встрѣтилъ кички и поневы безъ прошвы (Ворон. Юбил. Сборн. II, 275); это единственное въ Воронежской губерніи великорусское селеніе, гдѣ отмѣченъ этотъ первобытный видъ поневы, однодворцамъ вообще совершенно чуждый. По Германову, въ числѣ первоначальныхъ насельниковъ с. Кіевки были, между прочимъ, переселенные изъ Кіева гренадеры Кіевскаго полка (Зап. Геогр. Общ. XII, 264); возможно, что здѣсь долго хранилась память о малорусскихъ плахтахъ.

---

[1]) Изъ личной бесѣды съ Ѳ. И. Поликарповымъ я узналъ, что въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ „паневою“ называютъ вообще клѣтчатыя юбки изъ самодѣльнаго холста; прошвы у такихъ паневъ нѣтъ. Паневы съ прошвою иного цвѣта носятъ только въ с. Роговатомъ.

Въ однодворческомъ селѣ Павловскаго уѣзда Нижній Мамонъ Второвъ встрѣтилъ кокошники, ситцевыя юбки, синіе корсеты и синія же безрукавныя „кухвайки“ (с. 284); тотъ же костюмъ и въ Верхнемъ Мамонѣ (АГО. IX, 25, 1850 г.). Въ бывшемъ нѣкогда городомъ селѣ Ольшанскѣ, Бирюченскаго уѣзда, Второвъ видѣлъ полосатыя юбки и кокошники (с. 281). Въ Воронежскомъ уѣздѣ у государственныхъ крестьянокъ „ситцевые разноцвѣтные полусарафаны и тѣлогрѣи“, кички „простыя полукруглыя“, тогда какъ у помѣщичьихъ—кички „разлатыя съ двумя рожками“ (АГО. IX, 23). Въ с. Еланское Колѣно, Новохоперскаго уѣзда, синіе шерстяные сарафаны, но рядомъ также и поневы съ кичками (Ворон. Юбил. Сборн. II, 285, Второвъ). Въ с. Шестаковѣ, Павловскаго уѣзда, кокошники, но рядомъ также и понева съ прошвою (тамъ же, с. 285); населеніе въ этомъ селѣ состоитъ не изъ однихъ однодворцевъ (Германовъ 319).

Въ однодворческихъ селахъ Бирюченскаго уѣзда Иловское и Нижнепокровское преобладаютъ синія клѣтчатыя поневы съ прошвою и кички съ сороками, хотя встрѣчаются также и кокошники (АГО. IX, 4; Второвъ, 285). Но больше всего исключеній изъ нашего правила въ Коротоякскомъ уѣздѣ, гдѣ и въ наши дни, какъ кажется, господствуютъ поневы и кички (Жив. Стар. 1906, № 1, с. 96, Путинцевъ; АГО. IX, 19, 27 и 33). Это проще всего объяснять обиліемъ здѣсь „цукановъ“. Въ отличіе отъ „цукахъ“, здѣшнія однодворки рѣже носятъ рогатыя кички, а если носятъ ихъ, то—съ болѣе короткими рогами (АГО. IX, 27 и 33; Путинцевъ). Встрѣчается, конечно, и здѣсь обычный однодворческій костюмъ—кокошники и юбки (АГО. IX, 27, Жуковцовъ), равно какъ и у монастырскихъ крестьянокъ встрѣчаются сарафаны (АГО. IX, 19, Переверзевъ), принесенные ими съ сѣвера.

Что касается помѣщичьихъ крестьянъ Воронежской губерніи, то у нихъ господствуютъ повсюду рогатыя кички и поневы. Точныя свѣдѣнія о томъ мы имѣемъ для села Таволжанецъ, Землянскаго уѣзда (АГО. IX, 52, Адамовъ), изъ села Масаловки съ рядомъ окрестныхъ деревень, Бобровскаго у., жители коихъ выселились изъ Московской губерніи (АГО. IX, 63, Емельяновъ), изъ Воронежскаго

уѣзда (АГО. IX, 23, Адамовъ), изъ с. Ключъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, Сукочево и Каменка Новохоперскаго уѣзда (Второвъ въ Ворон. Юбил. Сборн. II, 277 и др.); въ с. Верхотишанкѣ Бобровскаго уѣзда юбки носятъ только духоборки (Пам. Кн. Ворон. губ. на 1870—71, с. 288—289; срв. Второвъ). И только въ помѣщичьемъ селѣ Семидубровномъ Землянскаго уѣзда рядомъ съ кичками встрѣчаются кокошники и полосатыя юбки (Ворон. Юбил. Сборн. II, 278, Второвъ), да еще въ Новой-Чаглѣ Бобровскаго уѣзда при рогатыхъ кичкахъ отмѣчены сарафаны (тамъ же, 286).

Что до жилища, то въ большей части губерніи господствуетъ однодворческій типъ жилища: селенія безъ плана, избы среди двора и святой уголъ въ избѣ при двери (АГО. IX, 66 и др.); но вообще, данныхъ для знакомства съ крестьянскимъ жилищемъ этой губерніи пока недостаточно.

V. Курская губернія.

44: Группы великорусскаго населенія Курской губ. и говоры этихъ группъ. Полѣсскій говоръ горюновъ, ихъ одежда, кличка, происхожденіе.—45: Говоры Рыльскаго у. съ малорусскими примѣсями.—46: Однодворцы Курской губ.—47: Машкинъ и его матеріалы изъ Обоянскаго у.; отличіе городского и деревенскаго Обоянскихъ говоровъ; чигоканье и чагоканье; формы 3 л. ед. ч. глаголовъ.—48: Говоръ помѣщичьихъ крестьянъ Обоянскаго у. — 49: Обоянское аканье, кагоканье. — 50: Однодворческій Обоянскій говоръ. — 51: Однодворческіе нивелированные и иные говоры уу. Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Суджанскаго.—52: Щигровскій у.; Дмитріевскій у. — 53: Тимскій у., Фатежскій, Курскій. — 54: Старо- и Ново-Оскольскій уу.—55: Перевертни Новооскольскаго у. и шепелявые говоры Курской губ. — 56: Саянскіе говоры; одежда саяновъ.—57: Кличка саяны; цуканы западнаго происхожденія; говоры съ с изъ ц.—58: Цуканы помѣщичьи.—59: Льговскій у.—60: Отличіе одежды Курскихъ однодворцевъ и прочихъ крестьянъ; Курское жилище.

§ 44. Классификація говоровъ Курской губерніи дана М. Г. Халанскимъ въ его послѣднемъ трудѣ „Народные говоры Курской губерніи“ (Спб. 1904, изъ 76-го тома „Сборника“ II-го Отдѣленія И. Ак. Н.). Наша задача, въ виду этого, сильно упрощается; намъ остается только 1) распредѣлить діалектологическое дѣленіе Халанскаго по этнографическимъ группамъ мѣстнаго населенія и 2) до-

полнить фактическія данныя Халанскаго свѣдѣніями, большею частью рукописными, которыя остались Халанскому недоступными.

Среди населенія Курской губеніи можно различать 1) полѣховъ — древнѣйшую группу населенія, быть можетъ и автохтоновъ; они слывутъ здѣсь подъ прозвищемъ „горюновъ“, 2) однодворцевъ, часть коихъ сохранила свой старый говоръ, а часть измѣнила подъ позднимъ Московскимъ и иными культурными вліяніями, 3) западныхъ пришельцевъ, т. е. выходцевъ изъ-за Литовско-польскаго рубежа; среди нихъ есть монастырскіе крестьяне и, частью, однодворцы же, и наконецъ, 4) позднѣйшихъ барскихъ переведенцовъ, которые еще не успѣли слиться, по говору и быту, съ однодворцами и слывутъ кое-гдѣ подъ кличкою „цукановъ“.

Сообразно съ этимъ дѣленіемъ населенія мы различаемъ здѣсь говоры: 1) полѣсскіе, представителей коихъ Халанскій называетъ „егуны съ малорусско-бѣлорусскими примѣсями“; 2) чистые однодворческіе говоры = „егуны безъ малорусско-бѣлорусскихъ примѣсей“; 3) однодворческіе нивеллированные говоры, которые у Халанскаго распредѣлены по двумъ разнымъ рубрикамъ: а) сильно акающіе или якающіе говоры, перемѣняющіе *г* въ *в* въ род. пад. прилагательныхъ и мѣстоимѣній (с. 5) и б) умѣренно акающіе или икающіе говоры, сохраняющіе *г* въ род. пад. прилагательныхъ и мѣстоименій (с. 32); 4) говоры западныхъ выходцевъ, замѣняющіе *ц* посредствомъ *с* и, частью, шепелеватые; говоры саяновъ; 5) говоры позднѣйшихъ барскихъ переведенцовъ, которые у Халанскаго характеризуются какъ „умѣренно акающіе или икающіе говоры, измѣняющіе *г* въ *в* въ род. пад. прилагательныхъ и мѣстоименій“ (с. 29).

Что до интересующей насъ черты, м. к, то она является исконною (въ извѣстномъ смыслѣ, конечно) лишь въ говорѣ однодворцевъ; всѣ же прочія группы Курскаго населенія заимствовали ее лишь позднѣе у однодворцевъ. при чемъ черта эта у нихъ утвердиться еще не успѣла.

Сдѣлавъ этотъ краткій вводный очеркъ Курскихъ говоровъ, мы переходимъ теперь къ подробностямъ:

1. Полѣсскіе говоры въ Курской губерніи мы встрѣчаемъ у такъ называемыхъ „горюновъ“ Путивльскаго

уѣзда, которые живутъ въ селахъ: Линовъ (№ 1757), Новая Слобода (№ 1756) и Калищи (№ 1759). Селенія эти расположены вблизи Софроніева Молченскаго или Молчановскаго монастыря (№ 1760) и населены бывшими монастырскими, теперь казенными, крестьянами.

„Путивль сохранялъ въ себѣ населеніе еще удѣльно-вѣчевого періода“ [1]). Въ Путивльскомъ уѣздѣ существовали значительно населенные пункты въ то время, когда восточныя части Курскаго края составляли дикое поле [2]), въ частности, села Линовъ и Калищи упоминаются въ актахъ Молченскаго монастыря за 1615 годъ. Вполнѣ согласно съ этими мнѣніями историковъ, проф. Халанскій склоненъ видѣть въ горюнахъ „наиболѣе давнее населеніе, относящееся, по всей вѣроятности, еще къ удѣльно-вѣчевой эпохѣ“ (с. 1).

Но необходимо помнить при этомъ, что въ XV и XVI-мъ вѣкахъ Путивльскій уѣздъ находился у самаго Литовскаго рубежа и, въ качествѣ пограничнаго, служилъ „едва ли не непремѣннымъ этапомъ для выходцевъ изъ Малороссіи въ Московское государство, число которыхъ, начиная со второй четверти столѣтія, постоянно и быстро возростало“ (Миклашевскій, тамъ же, с. 95); эти выходцы однако же не останавливались тутъ: по крайней мѣрѣ, въ началѣ XVII в. населеніе Путивльскаго уѣзда (тогдашнія границы его, правда, остаются невыясненными) было все еще очень скуднымъ (тамъ же, с. 119). Какъ бы то ни было, но нельзя не признать, что выходцы эти должны были оказать извѣстное вліяніе на говоръ мѣстныхъ жителей—горюновъ, если даже послѣдніе и дѣйствительно были автохтонами.

Судя по одной фразѣ, сказанной горюхою Путивльскаго уѣзда въ разговорѣ съ проф. Халанскимъ: „Мы однадворцы дварянскага роду,—сцакуны“ (с. 114), приходится заключать, что—или нѣкоторые горюны входили въ составъ служилыхъ людей или же, что́ гораздо естественнѣе, они имѣли съ однодворцами родственныя, въ частности

---

[1]) Багалѣй. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Моск. государства. М. 1887, с. 119.

[2]) И. Н. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М. 1894, с. 96.

брачныя, связи: произнесшая приведенную фразу горюха могла быть по своему происхожденію однодворкою. Но во всякомъ случаѣ, это заявленіе Путивльской горюхи не характерно, и было, въ извѣстной степени, самовосхваленіемъ: въ доказательство своего однодворческо-дворянскаго происхожденія она назвала горюновъ „сцакунами", т. е. щекунами, произносящими щё вм. что (срв. нашу замѣтку въ Жив. Стар. 1906, № 2, с. 31), но сама не „щекала": горюны, по Халанскому, произносятъ вмѣсто что не щё, а што и шше.

Горюны отличаются отъ своихъ сосѣдей какъ по говору, такъ и по костюму. У стараго поколѣнія сохранился полѣсско-бѣлорусскій костюмъ бѣлаго цвѣта и войлочные „колпаки" въ качествѣ головного убора, у женщинъ понёвы, но типъ ихъ не описанъ. Кличка *горюны*, по обычному мнѣнію, отмѣченному и у самихъ горюновъ, объясняется тѣмъ, будто они прежде много „горевали"—по одной версіи они „ради горя и нужды" покинули свой прежній край (Списки насел. мѣстъ. Курская губ., с. XXXVI). Здѣсь слово *горюнъ* понимается въ томъ общемъ смыслѣ „горюющаго человѣка", въ какомъ оно обычно у нашихъ писателей (наприм. у Е. Баратынскаго въ стихотвореніи 1825 г. „Дельвигу": „Я бесразсуденъ—и не диво!"; у П. Боборыкина въ „Перевалѣ", ч. I, гл. 4 и др.; у Лѣскова въ разсказѣ „Загадочный человѣкъ", гл. 32); срв. съ этимъ названіе, въ просторѣчіи, „горюнами" похоронныхъ факельщиковъ (газ. Разсвѣтъ, 1905, № 211: „забастовка горюновъ"). Халанскій сопоставляетъ эту кличку съ „горянами", упоминаемыми въ „Исторіи Россійской" Татищева (I, 35), въ смыслѣ „жителей горъ", рядомъ съ „полянами". А. И. Соболевскій выводитъ это прозвище отъ сл. гарь: *гарюны* = живущіе на мѣстѣ сгорѣвшихъ лѣсовъ. Послѣднее предположеніе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, такъ какъ оно объединяетъ горюновъ (правильнѣе было бы писать: гарюновъ) съ полѣхами, съ которыми ихъ связываетъ также и говоръ, и одежда.

Замѣтимъ, что Халанскій и особенно Карскій (Труды XII Археол. Съѣзда въ Харьковѣ, т. II, с. 430—436) считаютъ горюновъ бѣлоруссами, а Соболевскій—несомнѣнными потомками старыхъ сѣверянъ, уцѣлѣвшими въ сѣвер-

скомъ полѣсьѣ отъ татарскихъ набѣговъ (Р. Ф. В., т. 54, с. 38), а сѣверяне, по нему, великоруссы (тамъ же, 46). По нашему мнѣнію, нѣкогда горюны представляли собою смѣшанную группу населенія; въ пользу такого предположенія говоритъ пограничное положеніе Путивля, служившаго прежде, какъ мы уже видѣли, проходнымъ мѣстомъ для зарубежныхъ выходцевъ изъ Литвы. Кромѣ того, Путивль и Рыльскъ были нѣкогда (напр. въ 1571 г.) главными пунктами, гдѣ сосредоточивались „севрюки", т. е. вольнонаемные служилые люди, командировавшіеся въ степь для наблюденія за татарами (Списки насел. мѣстъ, с. 75).

Въ отношеніи къ говору Халанскій характеризуетъ горюновъ какъ „сильно акающихъ или якающихъ егуновъ съ малорусско-бѣлорусскими примѣсями" (с. 25). Вотъ эти „малорусско-бѣлорусскія" примѣси: долгія согласныя въ такихъ случаяхъ, какъ ллють, палаводдя, винаграддя, угалля, перря (с. 27); *в* изъ *л* на концѣ словъ: видав, атвёв, ишов (с. 28); ёсть вм. есть (с. 27); особенная мягкость зубныхъ *д* и *т* и иногда переходъ ихъ въ *тсь*; послѣднее отмѣчено лишь въ одномъ случаѣ пяютсь (с. 27) вм. поютъ, что́ мы считаемъ недоказательнымъ, такъ какъ здѣсь можно видѣть и слѣды „слово-ерика"; одинъ же случай отвердѣнія *р*: тры; формы: уваднэй, изъ другэй (с. 27), нидамы́исси (отъ мыть). Къ этому можно еще прибавить слѣдъ цоканья, сохранившійся въ непонятомъ Халанскимъ, упомянутомъ у насъ уже выше словѣ сцакуны (= счакуны = щекуны). Другія черты: кагоканье (чаго, у каго); ў вм. в; 3 л. глаголовъ на ёть и ѣть; яканье. Что касается м. к, то оно очень непослѣдовательно: при Колькя, Иванькя, толькя отмѣчено: харашенькя, дай аганьку (с. 28). Изъ двухъ возможныхъ предположеній: видѣть ли тутъ исчезновеніе этой черты или, напротивъ, недавнее ея появленіе или заимствованіе,—для насъ никакого колебанія быть не можетъ; чистымъ полѣсскимъ говорамъ,—не говоря уже о говорахъ бѣлорусскихъ, къ коимъ полѣсскіе столь близки,—м. к совершенно не свойственно. Итакъ, по нашему мнѣнію, древнѣйшая группа населенія Курской губерніи заимствовала м. к въ недавнее сравнительно время отъ однодворцевъ, съ которыми горюны несомнѣнно имѣли родственныя связи, или же отъ другихъ своихъ сосѣдей.

Въ числѣ вотчинъ того же Молченскаго монастыря, которому принадлежали всѣ Путивльскіе горюны, по писцовой книгѣ 1624 г. числится еще с. Берюхъ (Миклашевскій, тамъ же, с. 133); теперь это большое казенное село Берюхъ при рѣчкѣ того же имени (№ 1801, въ $13^1/_2$ в. отъ Путивля), помѣченное въ „Спискѣ насел. мѣстъ“, подобно горюнскимъ селеніямъ, также селомъ „бѣлорусскимъ“. О говорѣ этого села, къ сожалѣнію, у насъ данныхъ нѣтъ.

Горюнскій же говоръ Халанскій встрѣтилъ еще не у горюновъ, а у отличающихся отъ нихъ по костюму и не носящихъ этой клички жителей села Козина, Путивльскаго же уѣзда. Какъ новая для горюновъ черта, въ Козинѣ отмѣчены свистящія въ предложномъ падежѣ: на ряце на Лапузе, у чятыри сасе́ пахали (29); ёнъ, яны́ (с. 115); то же кагоканье и тѣ же долгія согласныя: наллеть, Илля; памыють. Случаевъ съ м. к совсѣмъ не встрѣтилось; с Амелькамъ (с. 115). Село Козино, подчеркиваетъ Халанскій (с. 29), примыкаетъ къ Глинской пустыни; видимо, Халанскій склоненъ считать его также монастырскимъ, но мы не имѣемъ для того достаточныхъ данныхъ: въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ оно числится „владѣльческимъ“ (№ 1913).

Повидимому, горюнскій же говоръ Халанскій склоненъ видѣть въ с. Яцына того же уѣзда (срв. с. 28 и 116); но и это владѣльческое село (№ 1848). Здѣсь рядомъ съ кагоканьемъ встрѣтилось и *ничаво* (с. 116); 3 л. пайдéть, есть (не ёсть). Случаевъ м. к нѣтъ: капейку, Путивльская (с. 116).

Такимъ образомъ, въ Путивльскомъ уѣздѣ м. к вообще сравнительно слабо; здѣсь сильны, напротивъ, бѣлорусско-полѣсскія черты, которыя отчасти принадлежатъ, вѣроятно, остаткамъ древнѣйшаго, коренного населенія уѣзда, отчасти же принесены сюда выходцами изъ-за Литовскаго рубежа. Замѣтимъ, что, по одному старому свидѣтельству, на западѣ Курской губерніи встрѣчается дзеканье. Учитель Курской гимназіи Робушъ въ 1850—1860 годахъ пишетъ: „Во многихъ мѣстахъ Курской губерніи, особенно по мѣрѣ приближенія къ Черниговской, слышится *дз*“ (Библ. Ак. Н., № 87). Свидѣтельство это нѣсколько сомнительно,

особенно по его неопредѣленности; но доля истины въ немъ, вѣроятно, есть.

Отмѣтимъ еще, что кромѣ трехъ горюнскихъ селеній и упомянутаго села Берюхъ, въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ Курской губ." помѣчены „бѣлорусскими" еще 3 селенія: дер. Бувалино (№ 1765), д. Старые Виры (№ 1738) и слободка Новые Виры (№ 1787); изъ нихъ первая казенная, послѣдняя—помѣщичья и вторая—со смѣшаннымъ населеніемъ. Свѣдѣній о говорѣ этихъ селеній у насъ нѣтъ; не исключена, конечно, возможность, что тутъ простое недоразумѣніе, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ „спискѣ" Вологодской губерніи съ мнимыми „бѣлоруссами" же Сольвычегодскаго уѣзда.

§ 45. Имѣются, конечно, въ Путивльскомъ уѣздѣ и малорусскіе говоры; одинъ изъ нихъ (говоръ села Поповой Слободы) описанъ учит. Рѣдькинымъ въ отвѣтѣ на кр. прогр. № 37.—Малорусскія черты встрѣчаются и въ великорусскихъ говорахъ этого уѣзда, напр. *и* изъ *ѣ*: сияли, паглядили (Р. Ф. В., 1886, № 4; срв. Соболевскій, Оп. діалектол. 19).

Сильнѣе это малорусское вліяніе въ сосѣднемъ *Рыльскомъ* уѣздѣ, гдѣ великоруссовъ сравнительно немного. Впрочемъ, великорусскіе говоры этого уѣзда намъ почти неизвѣстны. Старый авторъ, смотритель Рыльскихъ училищъ А. Дмитрюковъ сближаетъ говоръ Рыльскаго уѣзда съ говоромъ Суджанскаго, усматривая тамъ и здѣсь „смѣсь малорусскаго и великорусскаго" (Библ. Ак. Н., № 97). По нему, м. к въ уѣздѣ нѣтъ. Яканье и иканье: пяро, чатыри; тибѣ, тилѣга, нисешь, питью вм. пятью; кагоканье, кажется, очень рѣдко: рядомъ съ единичнымъ чага́ (?) отмѣчено: чаво, чаó, моево, ево, бѣлово; 3 л. на ть; ёсть; ў вм. в; ёнъ и вонъ вм. онъ; што, однéй, другéй; съ рѣкѣ, съ избѣ.— Вѣроятно, въ этой характеристикѣ соединены воедино говоры разныхъ этнографическихъ группъ.

Въ селѣ Снагость, о коемъ имѣется отвѣтъ на кр. прогр. (№ 40) учит. Ив. Вознесенскаго, бóльшая половина жителей—малороссы. У здѣшнихъ малороссовъ м. к нѣтъ, какъ нѣтъ и яканья (село, тепло), хотя они и акаютъ; кагоканья также нѣтъ. Село это (№ 1942) основано Мазепой, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ селеній Рыльскаго

уѣзда: Мазеповка, Амонь, Степановка, Коренево и др. (Списки насел. мѣстъ, с. 36). Мазепа населялъ основанныя имъ селѣнія главнымъ образомъ малороссами.—Укажемъ еще, что въ Рыльскомъ уѣздѣ въ XVII-мъ вѣкѣ были испомѣщены жители Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда (Готье, 286, со ссылкою на Акты Моск. Госуд. I, № 294) и что здѣсь „Списокъ насел. мѣстъ" отмѣчаетъ въ 4-хъ селеніяхъ бѣлоруссовъ, составляющихъ 3,65% всего населенія уѣзда.

§ 46. *Однодворцевъ* въ предѣлахъ Курской губ. весьма много. Помѣщичьи крестьяне составляли здѣсь въ 1859 г. всего 39,99% (Тройницкій, Крѣпостное насел. 49); вся же прочая масса падала главнымъ образомъ на однодворцевъ. Многіе изъ мѣстныхъ однодворцевъ весьма хорошо сохранили свой прежній говоръ,—тотъ самый однодворческій говоръ, который мы встрѣтили выше (§ 29) въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ Воронежской губерніи.

Объ отличіи мѣстныхъ однодворцевъ отъ другихъ группъ населенія Курской губерніи мы имѣемъ свѣдѣнія также и изъ устъ здѣшнихъ изслѣдователей-земскихъ статистиковъ. Ип. Вернеръ, подводя итоги земскому статистическому обслѣдованію Курской губерніи, м. пр. пишетъ: „Потомки служилыхъ людей—всѣ великороссійскаго племени и до нѣкоторой степени отличаются отъ остальныхъ жителей Курской губерніи *по языку*, привычкамъ и бытовымъ условіямъ" [1]).

§ 47. Наибольшее количество однодворцевъ (30,820 душъ) въ предѣлахъ Курской губерніи падаетъ на *Обоянскій* уѣздъ, гдѣ они сгруппированы въ 106 селеніяхъ (Матеріалы для статистики Россіи, собираемые по вѣдомству Мин. Гос. Им. Вып. I. Спб. 1858, с. 113; данныя 1850 г.). Въ трехъ другихъ уѣздахъ этой губерніи—Курскомъ, Фатежскомъ и Щигровскомъ—число однодворческихъ селеній больше (253, 201 и 110), но число самыхъ однодворцевъ меньше (25.309, 22.080 и 23.970) (см. тамъ же). Для Обоянскаго же уѣзда мы обладаемъ и наибольшимъ количествомъ діалектологическихъ данныхъ—въ прекрасныхъ записяхъ А. С. Машкина, которыми пользуется и проф. Халанскій. Вотъ почему мы прежде всего и остановимся на этомъ уѣздѣ.

---

1) Ип. Вернеръ. Курская губернія. Срв. Р. Ф. В., т. 37, с. 85.

Скончавшійся въ 1904-мъ году А. Степ. Машкинъ былъ уроженцемъ Корочанскаго уѣзда; родился онъ въ однодворческомъ селѣ Большое Городище, Большая Слобода тожъ, въ 1816-мъ году; въ городѣ Корочѣ учился въ городскомъ училищѣ, а послѣ былъ здѣсь же 2—3 года учителемъ. Но бо́льшую часть своей жизни онъ провелъ въ гор. Обояни, гдѣ служилъ учителемъ приходскаго училища, начиная со времени около 1847 г. Вся его этнографическая дѣятельность относится всецѣло къ Обоянскому періоду его жизни и посвящена б. ч. изученію Обоянскаго населенія.

На основаніи этихъ фактовъ изъ біографіи Машкина можно было бы думать, что этотъ этнографъ, подобно громадному количеству старыхъ русскихъ любителей этнографіи, въ своихъ работахъ, особенно діалектологическихъ, смѣшивалъ городскихъ жителей съ сельскими или даже просто описывалъ говоръ своихъ учениковъ, т. е. городскихъ жителей, выдавая его за говоръ Обоянскаго уѣзда вообще; это тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ изъ этнографическихъ трудовъ Машкина нѣтъ точныхъ географическихъ указаній на *селенія*, говоръ или бытъ которыхъ описывается; обычно же авторъ говоритъ въ своихъ описаніяхъ о городѣ и уѣздѣ (какъ бы всемъ) вмѣстѣ.

Вотъ почему мы обращаемъ особенное вниманіе на записанные Машкинымъ и напечатанные [1]) въ IV-мъ выпускѣ „Курскаго Сборника“ „образцы простонародныхъ разговоровъ гор. Обояни и его уѣзда“ (с. 51 и слѣд.), гдѣ говоръ горожанъ и крестьянъ легко выдѣлить. Разсматривая эти „образцы“, мы убѣждаемся, что различіе между говоромъ тѣхъ и другихъ дѣйствительно существуетъ; а именно: деревенскій говоръ—кагокающій и въ 3-мъ лицѣ ед. ч. глаголовъ употребляетъ формы безъ конечнаго -ть; городской же говоръ совсѣмъ не знаетъ кагоканья и въ 3-мъ лицѣ ед. ч. глаголовъ употребляетъ почти исключительно формы съ окончаніемъ -ть.

На 11-ти страницахъ „образцовъ“ мы насчитали 48 случаевъ род. падежа мѣстоименій и прилагательныхъ; изъ

---

[1]) А. А. Шахматовъ свѣрялъ изданіе съ сохранившимися въ Архивѣ Геогр. Общ. рукописями автора и нашелъ его точнымъ.

нихъ, по нашему подсчету, 27 случаевъ съ *г* (кагокающихъ) и 22—съ *в. Всѣ* первые относятся къ деревнѣ; всѣ вторые—къ городу; исключеній нѣтъ ни одного. Въ разговорѣ горожанокъ (с. 55) приведенъ, м. пр., краткій заговоръ отъ криксы, который вошелъ также, съ ничтожными варіаціями, въ статью Машкина „бытъ курскихъ крестьянъ" (Этногр. Сборн. V, с. 89); въ этой послѣдней статьѣ мы находимъ однѣ только кагокающія формы род. падежа: „хришшонаго, паражонаго, малитвиннаго", тогда какъ въ „образцахъ" всѣ эти случаи звучатъ съ *в*. Очевидно, въ статьѣ, напечатанной въ „Этнографическомъ Сборникѣ", Машкинъ описывалъ именно деревенскихъ крестьянъ.

Въ городскомъ Обоянскомъ говорѣ нѣтъ якающихъ формъ яво́ и чяво́, а только икающія: иво и чиво (въ 3-хъ случаяхъ, дважды въ иво́ и одинъ разъ въ Божьива, *и* произносится особо, „какъ бы предшествуемое буквой *й*") (см. стр. 2, 55 и 63). Что же касается деревенскаго кагоканья, то изъ 21-го случая, гдѣ возможны формы съ *я* и съ *и*, мы насчитали 8 случаевъ типа яго́ и 13—типа иго (изъ этихъ 13-и въ 6-и *и* произносится особо). Формы типа *иго́* Халанскій называетъ „чигокающими" и настаиваетъ на строгомъ различеніи говоровъ чигокающихъ и чагокающихъ (с. 34). Но на основаніи изслѣдованія Л. Л. Васильева надъ яканьемъ обоянцевъ[1]) мы думаемъ, что формы типа яго́ здѣсь древнѣйшія, такъ какъ въ другихъ случаяхъ передъ слогомъ съ древнимъ *о* (не изъ *ѣ*) *е* переходитъ всегда въ *я*. На появленіе формъ въ родѣ иго́, чиго́ могли вліять—кромѣ городского произношенія—тѣ случаи, гдѣ окончаніе род. пад. лежитъ *послѣ* ударенія и потому имѣетъ редуцированный гласный: си́нйг*ъ*, ко́йг*ъ* (отъ кой). Этимъ вліяніемъ появленіе „чигоканья" весьма облегчено, и здѣсь мы имѣемъ новый мотивъ къ тому, чтобы не придавать большого значенія различію говоровъ „чигокающихъ" и „чагокающихъ".

Помимо отсутствія кагоканья, городскіе Обоянскіе говоры отличаются отъ сосѣднихъ деревенскихъ окончаніемъ

---

[1]) Л. Л. Васильевъ. Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ. Спб. 1904 г. (=Изв. 2-го Отдѣл., т. IX, 1904, кн. 1, с. 336—355).

3-го л. ед. ч. глаголовъ. Въ деревнѣ, изъ 40 случаевъ, встрѣтившихся намъ въ „образцахъ“, 33 не имѣютъ -ть (изъ нихъ 3 оканчиваются на *е*: живе, припаде, разбире, и 30 на *я*) и только 7 случаевъ съ -ть; изъ этихъ 7—4 случая на ить (мчить, сидить, стаить, глядить), у коихъ окончáніе на я вообще рѣдко; 2 раза *дасть*—форма, параллельной которой безъ -ть неизвѣстно (давáя—иное значеніе) и только одинъ разъ, и то въ пословицѣ, *придетъ*.

Напротивъ, въ городѣ, изъ 20-и случаевъ только 3 не имѣютъ -ть и всѣ они—одинъ и тотъ же вспомогательный глаголъ *будя*; 14 случаевъ на *ить* и 3 на -ѣть: видеть, живеть, пайдеть.—Форму *есть* мы не считали ни тамъ, ни здѣсь, такъ какъ параллельной есть безъ -ть на югѣ великороссіи нѣтъ.

Замѣтимъ, что въ Орловской губерніи довольно часто наблюдается правило: у однодворцевъ 3-е л. безъ -ть, у неоднодворцевъ на ть. Въ городъ Обоянь дѣти боярскіе были сведены, между прочимъ, изъ Орла и Курска (Миклашевскій, 153). Эти два, повидимому, противорѣчащія одно другому обстоятельства легко примиряются при предположеніи, что кагоканье и 3-ье лицо безъ -ть исчезли здѣсь и тамъ подъ вліяніемъ Московскаго говора образованныхъ классовъ населенія.—Халанскій (с. 34) болѣе частое сохраненіе окончанія -ть въ 3-мъ л. ед. ч. считаетъ однимъ изъ отличительныхъ признаковъ Суджанско-Обоянскаго „чигокающаго“ (а не чагокающаго) говора, что́ однако же изъ данныхъ Машкина совсѣмъ не слѣдуетъ.

Что два указанныхъ нами отличительныхъ признака Обоянскаго городского говора отъ говоровъ Обоянскихъ же деревенскихъ—не случайность однихъ „образцовъ“, можно видѣть изъ того, что ихъ мы встрѣчаемъ и въ записанныхъ Машкинымъ сказкахъ: однѣ сказки, напр. „Лягушка“ (№ 2, с. 82—87), записаны, видимо, отъ городского жителя: въ нихъ обычны формы род. пад. на -во и 3 л. на ть; другія (напр. № 1, „Иванъ-царевичъ“, с. 74—82)—отъ деревенскаго: въ нихъ чаще формы безъ -ть и кагокающія.

Въ 1-омъ выпускѣ „Трудовъ Курскаго Губ. Статистич. Комитета“ (Курскъ. 1863, стр. 543—557) А. С. Машкинымъ напечатана особая статья подъ заглавіемъ „Объ

особенностяхъ Обоянскаго простонароднаго говора", гдѣ описанъ говоръ „главной массы Обоянскаго народонаселенія, составляющей классъ простолюдиновъ". Судя по этому послѣднему замѣчанію, тутъ разумѣются только крестьяне, а не мѣщане. Здѣсь формы 3 л. ед. ч. на -ть приводятся только для глаголовъ, оканчивающихся въ литературномъ произношеніи на *итъ*: стаить, сидить, паглядить; для всѣхъ прочихъ глаголовъ указываются лишь формы безъ -ть (типовъ: будя и бйре) (с. 557); равнымъ образомъ указываются только кагокающія формы: яго и иго, каго, чиго (с. 546).

Что касается аканья, то оно въ записяхъ Машкина совершенно одинаково—какъ въ устахъ деревенскихъ крестьянъ, такъ и городскихъ жителей. Это обстоятельство явствуетъ и изъ указаннаго нами выше изслѣдованія Л. Л. Васильева. Нѣтъ также различія и въ отношеніи къ м. к, которое въ записяхъ Машкина не смягчается никогда послѣ *ц*, *ч* и *ш*, смягчаясь послѣ всѣхъ прочихъ мягкихъ согласныхъ.

Не различая (точнѣе: нигдѣ не говоря о различіи) городского говора Обояни отъ говора деревенскаго, Машкинъ различалъ однако же говоръ крестьянъ казенныхъ и владѣльческихъ. „Малороссіяне Обоянскаго уѣзда,—пишетъ онъ (Этнограф. Сборн. V, с. 1),—до изданія манифеста 19 февраля 1861 г. принадлежали б. ч. къ крѣпостному состоянію. Между крестьянами, составлявшими крѣпостное состояніе, встрѣчаются также переселенцы изъ Великороссійскихъ губерній, *отличающіеся* отъ прочихъ жителей уѣзда *своимъ нарѣчіемъ и одеждою*, но число ихъ въ общей массѣ Обоянскаго населенія незначительно". Машкинъ, судя по его замѣчанію въ Тр. Курск. Губ. Стат. Ком. (I, с. 543; приведено у насъ выше) имѣлъ въ виду говоръ не этого „незначительнаго въ общей массѣ числа", а говоръ „главной массы народонаселенія", т. е. крестьянъ не крѣпостныхъ, а государственныхъ, однодворцевъ. (Монастырскихъ крестьянъ въ предѣлахъ Обоянскаго уѣзда, повидимому, совсѣмъ нѣтъ).

§ 48. О говорахъ *помѣщичьихъ* крестьянъ Обоянскаго уѣзда можно судить по двумъ записямъ. Е. Рязанова записала рядъ сказокъ и другихъ фольклорныхъ матеріаловъ

въ с. Ивнѣ (Труды Курской Архивной Комиссіи, вып. I, 1911 г., с. 172—249); но главный разсказчикъ ея—человѣкъ, живавшій въ разныхъ мѣстахъ и „старающійся выражаться литературнымъ языкомъ“ (с. 201). Въ его говорѣ нѣтъ кагоканья, м. к крайне рѣдко: тройкю и рядомъ тройку (с. 205), сколько (с. 227), 3 л. на -ть: беретъ и на -тъ (?): убьетъ (с. 209).—Совсѣмъ иной говоръ въ помѣщичьемъ же селѣ Шелковкѣ, поскольку мы о немъ можемъ судить по пѣснямъ, напечатаннымъ въ VI-мъ выпускѣ „Курскаго Сборника“. Тожественный съ Обоянскимъ однодворческимъ говоромъ по аканью [1]), кагоканью (иго, у лютага, туго, у нашего), по преобладанію 3 л. ед. ч. безъ -ть (исключеніе: атдаваить) и по другимъ мелкимъ чертамъ,—говоръ этотъ отличается отъ описаннаго Машкинымъ говора нѣкоторыми чертами, которыя проще всего относить на счетъ малорусскаго вліянія (предковъ или сосѣдей), а именно: изрѣдка свистящія въ предложномъ падежѣ: у парозя (с. 34), при дорози (37); *и* изъ *ѣ* въ словѣ дѝтишша (34); па тэй стёшки (38). М. к слабѣе: рядомъ съ малодинькяй, хорошинькяй (38), китайкію (40) встрѣчаемъ: свашенька (36), пуньку (41), тольки (38), конечно садочку (41) и др.

§ 49. Халанскій настойчиво различаетъ, какъ среди кагокающихъ, такъ и среди чуждыхъ этой особенности говоровъ категоріи діалектовъ: 1) сильно акающіе или якающіе и 2) умѣренно акающіе или икающіе. Въ Обоянскомъ уѣздѣ онъ усматриваетъ, на основаніи записей Машкина, и тѣ и другіе, замѣчая, что Машкинымъ и Рѣзановымъ мѣстный говоръ „описанъ безъ различенія умѣренно-акающихъ отъ сильно-якающихъ его представителей“ (с. 33).—Но относительно природы и условій аканья мы знаемъ еще слишкомъ мало. Л. Васильевъ разсматривалъ говоръ, отразившійся въ записяхъ Машкина, какъ нѣчто цѣльное,—и пришелъ къ выводамъ, съ которыми нельзя не согласиться. А изъ этихъ выводовъ Васильева явствуетъ, что отразившіеся въ записяхъ Машкина Обоянскіе говоры *въ отношеніи аканья* представляютъ собою

[1]) Диссимиляціонный характеръ аканья въ Шелковкѣ внѣ сомнѣнія; здѣсь видимъ: типла, стикала, бидрамъ и рядомъ: тьвяты, взвисялю, сяломъ (Курск. Сборн. VI).

нѣчто единое цѣлое—развили въ себѣ одни и тѣ же рефлексы древнихъ звуковъ. Здѣсь мы находимъ достаточное основаніе къ тому, чтобы пренебречь кажущеюся разницею якающихъ и икающихъ Обоянскихъ говоровъ.

Отразившееся въ записяхъ Машкина Обоянское аканье должно быть названо по своему типу диссимиляціоннымъ, т. е. тѣмъ типомъ, который отмѣченъ А. А. Шахматовымъ у Калужскихъ полѣховъ. И на этомъ основаніи мы заключаемъ, что чистые однодворческіе говоры (къ числу коихъ принадлежитъ и Обоянскій) характеризуются именно диссимиляціоннымъ аканьемъ, въ большинствѣ современныхъ однодворческихъ говоровъ сохранившимся недостаточно хорошо. Правда, по Л. Васильеву выходитъ, что Обоянское аканье не чистое диссимиляціонное, т. е. такое, въ которомъ мягкость и твердость слѣдующаго за неударенным гласнымъ согласнаго не играетъ никакой роли; Васильевъ именно въ мягкости ударяемаго звука видитъ причину иканья въ такихъ случаяхъ, какъ либёдушка, рибёнокъ, динёкъ и т. п. (с. 13); но тутъ появленіе *и* вмѣсто ожидаемаго *я* проще объяснять открытостью звука *о* (ё), какъ это и дѣлаетъ А. А. Шахматовъ.

Что касается разницы между Обоянскими говорами, знающими переходъ въ род. пад. -го въ -во и не знающими такого перехода (кагокающими), то, какъ мы убѣдились выше, первые говоры—городскіе, вторые—деревенскіе. Но городскіе, „мѣщанскіе“ говоры, естественно, находятся подъ бóльшимъ вліяніемъ образованнаго, литературнаго произношенія, нежели говоры деревенскіе. И нѣтъ никакихъ препятствій полагать, что род. пад. на -во въ Обоянскомъ городскомъ говорѣ—нѣчто сравнительно новое, возникшее подъ вліяніемъ городской культуры и школы изъ прежняго кагоканья. Кагоканье вообще служитъ мишенью народныхъ насмѣшекъ („ягуны“ и т. п.) и исчезаетъ подъ вліяніемъ городской образованности сравнительно очень быстро.

На основаніи сказаннаго мы считаемъ излишнимъ дѣлить Курскіе говоры, сходные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, по одному присутствію или отсутствію въ нихъ кагоканья, какъ это дѣлаетъ Халанскій. Группу послѣдняго I 1 (сильно акающіе не кагокающіе) мы объединяемъ

съ группою I 2А (сильно акающіе ягуны безъ малорусско-бѣлорусскихъ примѣсей); не видимъ большихъ препятствій сюда же присоединить и группу II 2 (умѣренно акающіе или икающіе кагокающіе говоры: с. 32). Всѣ эти три группы говоровъ одинаково принадлежатъ—прежде всего и больше всего—однодворцамъ; отличія же ихъ основываются только на большей или меньшей культурности тѣхъ или другихъ однодворцевъ.

Что же касается рубрики Халанскаго II 1 (умѣренно акающіе не кагокающіе говоры), то ее мы выдѣляемъ, такъ какъ она отличается еще и другими признаками: отсутствіемъ м. к, отсутствіемъ формъ 3 л. ед. ч. безъ окончанія *-ть*, а быть можетъ также и исчезнувшимъ теперь цоканьемъ и оканьемъ. Сказать и то, что иканье этой группы замѣчательно послѣдовательно: сило́, бида, нисёть, тибе, митла (исключенія только послѣ шипящихъ); тогда какъ у икающихъ егуновъ нерѣдки и случаи яканья: ляси́, сястра, сянцо́ и т. п., а также „постояненъ переходъ конечнаго неударяемаго *е* въ *я*: я́сная“ и т. п. (с. 33). Группа говоровъ II 1 принадлежитъ не однодворцамъ, а помѣщьимъ крестьянамъ, т. наз. цуканамъ.

§ 50. О томъ, что записи Машкина относятся именно къ однодворцамъ, составляющимъ главную массу населенія Обоянскаго уѣзда, а не къ помѣщичьимъ крестьянамъ, составляющимъ здѣсь незначительное меньшинство,—о томъ мы уже говорили выше (§ 47). Говоря о бытѣ владѣльческихъ крестьянъ, Машкинъ обычно дѣлаетъ о томъ соотвѣтствующую оговорку (Этнограф. Сборн. V, стр. 2, 8, 25, въ статьѣ „Бытъ крестьянъ Обоянскаго уѣзда“). То обстоятельство, что нашъ этнографъ не отдѣляетъ, въ своихъ описаніяхъ, городскихъ жителей Обояни отъ деревенскихъ крестьянъ, лишній разъ подтверждаетъ, что изъ среды крестьянъ онъ имѣлъ въ виду именно однодворцевъ: главная масса городскихъ жителей тѣхъ южновеликорусскихъ городовъ, которые стояли нѣкогда на сторожевыхъ линіяхъ (въ числѣ такихъ городовъ была и Обоянь), принадлежала прежде къ числу военно-служилыхъ людей, т. е. тѣхъ же однодворцевъ; если теперь „мѣщанскіе“ и вообще городскіе говоры южновеликорусскихъ городовъ и отличаются отъ однодворческихъ деревенскихъ говоровъ,—то

это — естественный плодъ бо́льшей образованности горожанъ, а иногда также слѣдъ вліянія болѣе или менѣе многочисленныхъ „посадскихъ“—другого разряда городского населенія.

Такимъ образомъ, есть всѣ основанія полагать, что записи Машкина, въ частности деревенскія его записи (выдѣленныя нами выше) отразили въ себѣ именно однодворческій говоръ Обоянскаго уѣзда. Говоръ этотъ характеризуется, какъ видно, слѣдующими чертами: м. к (исключая случаевъ послѣ *ч* и *ш*), кагоканье (отсутствующее въ городѣ Обояни), сильное преобладаніе въ 3-мъ л. ед. ч. глаголовъ формъ безъ окончанія -ть; ў; *шш* вм. щ; каѣ въ значеніи гдѣ. Только щѣ вм. что Машкинъ не отмѣчаетъ: его однодворцы говорятъ „што“. Между тѣмъ „щеканье“ однодворцевъ считалось очень характернымъ въ Курской же губерніи (не говоря о Воронежской): мы уже знаемъ, что Путивльская горюха въ доказательство дворянско-однодворческаго происхожденія своихъ родныхъ назвала ихъ щекунами („сцакунами“). Если предположить, что щеканье исчезло только въ тѣхъ подгородныхъ мѣстностяхъ Обояни, которыя прежде всего и больше всего наблюдалъ Машкинъ, исчезло по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ въ городѣ исчезло кагоканье, т. е. подъ вліяніемъ городской образованности,—то окажется, что Обоянскіе однодворческіе говоры ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ однодворческихъ говоровъ Воронежскихъ, въ частности Нижнедѣвицкихъ (§ 29). На основаніи этого сходства мы предполагаемъ, что и Воронежскимъ однодворцамъ было прежде свойственно то же диссимиляціонное аканье, которое въ свое время встрѣтилъ въ Обояни Машкинъ и которое теперь не сохранилось ни тамъ, ни здѣсь.

§ 51. Тотъ же самый—по нашему однодворческій нивеллированный—говоръ, отличающійся лишь иканьемъ вмѣсто яканья, Халанскій отмѣчаетъ въ уѣздахъ: Суджанскомъ (исключая саяновъ), Бѣлгородскомъ и Корочанскомъ (стр. 32—35). Великорусское населеніе этихъ уѣздовъ состоитъ главнымъ образомъ изъ однодворцевъ; въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ въ 1850-мъ году однодворцы жили въ 72-хъ селеніяхъ, въ количествѣ 22.514 душъ, въ Суджанскомъ—въ 70 селеніяхъ,

26.145 д., въ Корочанскомъ — 62 сел., 19.115 д. [1]); а всѣ однодворцы—великоруссы.

Новыя, неизвѣстныя Халанскому фактическія данныя изъ *Бѣлгородскаго* уѣзда убѣждаютъ насъ, что подобныя обобщенія для цѣлыхъ уѣздовъ пока еще преждевременны. Такъ, говоръ Мелиховской волости не знаетъ кагоканья: здѣсь говорятъ добрава, горячева (кр. прогр. № 38). По другимъ чертамъ онъ сходенъ съ Обоянскимъ: м. к: чайкю, Ванькя; 3 л. отмѣчено въ нашемъ источникѣ только на -ть: это обстоятельство можно сопоставить съ городскимъ говоромъ Обояни и объяснить нивеллировкою говора, но можно думать и о простой неполнотѣ отвѣта, легко объясняющейся отсутствіемъ въ программѣ соотвѣтствующаго вопроса. Б. ч. селеній этой волости (по списку №№ 351—2 и 524—6) казенныя и только Нелидовка и Графовка (527 и 523) владѣльческія.

Въ гор. Бѣлгородѣ и въ пригородныхъ слободахъ Жилой, Августовой и Пушкарной, говоръ коихъ „почти не отличается отъ городского“ (кр. прогр.; р. М. Д. К. I, 74 и слѣд.), м. к, повидимому, нѣтъ; составители отвѣта замѣчаютъ лишь, что „*въ селахъ* Бѣлгородскаго уѣзда говорятъ: капѣйкю, Ванкя и т. п.“; кагоканья и яканья не отмѣчено, а иканье: сило́, висна́; ў; 3 л. на -ть. Судя по всему, говоръ нивеллированный.

Для *Корочанскаго* уѣзда, кромѣ общей характеристики, у Халанскаго имѣются точныя данныя о говорѣ казеннаго села Лучки (№ 952); въ записанныхъ здѣсь пѣсняхъ м. к непослѣдовательно: при горькяя (с. 34)—толька (277), зилёнинькай (281). Въ с. Стрѣлицѣ м. к, повидимому, также непослѣдовательно: при добренькя, аленькя и т. п. бярезанька; кагоканье (Курскій Сборникъ, вып. VII, стр. 78 и 84, ст. Тарянникова). Въ казенной дер. Тюриной (№ 1076) кагоканье (по устному сообщенію мѣстнаго уроженца, г. Мальцева). Непослѣдовательность м. к въ этомъ уѣздѣ проще всего объяснять, думаемъ, близостью и обиліемъ малоруссовъ.—Впрочемъ, въ с. Шахово Лѣсковской вол. (на западѣ у.) м. к, повидимому, очень послѣдовательно:

[1]) Матер. для статистики Россіи, собир. по вѣд. М. Г. Им. Вып. I. Спб. 1858. с. 113.

оно отмѣчено и послѣ ч: дочкя, уточкя, молочкё, пятачкю, вмѣстѣ съ м. *г* и *х:* верхю, ольхя, кочергя, деньгями [1]).

Для *Суджанскаго* уѣзда мы имѣемъ весьма интересное сообщеніе о разницѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и бывшихъ помѣщичьихъ: въ селѣ Знаменскомъ государственные кагокаютъ, за что и слывутъ „кагаями“ а помѣщичьи, отдѣленные отъ первыхъ лишь рѣкой, говорятъ: кавó, явó, дóбрава, сúнива (Халанск. 274). Однако, эта разница не общая для уѣзда: мы имѣемъ свѣдѣнія о владѣльческихъ слободкахъ Ивановкѣ (№ 2394) и Масловкѣ (2390), которыя кагокаютъ (кр. прогр. № 18, Ясыровъ). Близость малороссовъ, какъ кажется, способствуетъ сохраненію въ сосѣднихъ съ ними великорусскихъ говорахъ кагоканья. По сообщенію Рѣзановой (Изв. 2 Отдѣл. XVII, 1912, кн. 1, с. 236), впрочемъ, въ Масловкѣ, равно какъ и въ сосѣдней дер. Хитровкѣ, кагоканья нѣтъ.

Д. Сергѣевъ (кр. прогр. № 238) отмѣчаетъ въ упомянутомъ уже селѣ Знаменскомъ м. к; но въ пѣсняхъ этого села, приведенныхъ въ книгѣ Халанскаго, м. к весьма непослѣдовательно: хазяйка (272), ранёшынька (274). — Въ с. Заломное (№ 2345, каз.), гдѣ говоръ „икающій“, м. к весьма часто: капейкю (217), гóстинькя (250), за рéчинкю (222) и др.— Отмѣчено м. к и въ с. Тарасовка (2392, каз. и влад.) Касторнянской [2]) волости (кр. прогр. № 18, Ясыровъ; Изв. 2 Отдѣл. XVII, 1912, кн. 1, с. 237), гдѣ 3 л. ед. ч. безъ -ть, и у стариковъ дер. Масловки (тамъ же, с. 237), гдѣ 3 л. на -ть и нѣтъ кагоканья.

§ 52. Говоры *Щигровскаго* уѣзда описаны Халанскимъ особенно подробно. Если исключить мелкія группы „цукановъ“ (дер. Горностаевка) и „саяновъ“ (Ясенки), о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже, — то въ предѣлахъ этого уѣзда Халанскій отмѣчаетъ одинъ говоръ, который онъ характеризуетъ, какъ сильно акающій или якающій съ измѣненіемъ *г* въ *в* въ род. пад. прилагательныхъ и мѣстоименій, т. е. не кагокающій (с. 5). Иканье здѣсь только передъ

[1]) Р. Ф. В. 1912, № 3, с. 3. И. Мерзликинъ.

[2]) Село Касторное упоминается въ лѣтописяхъ уже подъ 1275 г. (Еженед. Суджанск. Уѣздн. Земства, 1887, № 29, с. 7), но послѣ оно, конечно, запустѣло и возродилось, вѣроятно, съ совсѣмъ инымъ населеніемъ.

слогомъ съ ударяемымъ ё: тилёнак и т. п. (с. 6). Единственное отличіе этого говора отъ тѣхъ Курскихъ говоровъ, которые разсмотрѣны нами выше и причислены къ однодворческимъ, Халанскій усматриваетъ въ отсутствіи кагоканья; но какъ мы видѣли, такое отсутствіе легко можетъ быть и слѣдствіемъ простой нивеллировки говора подъ вліяніемъ городской и школьной образованности. М. к здѣсь обычно въ тѣхъ же случаяхъ, т. е. исключая сочетаній съ *ч* и *ш*.

Тѣ селенія Щигровскаго уѣзда, для которыхъ у Халанскаго имѣются точныя данныя, б. ч. со смѣшаннымъ населеніемъ—изъ однодворцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Таковы: с. Расховецъ (№ 3165; у Халанскаго, с. 54—74), с. Покровское (3161, на р. Тимъ; у Хал. 88—99), с. Старые Савины (3123; у Хал. 83 — 85), с. Мелехино (2975; у Хал. 97), Сидѣлёвка (3169, у Хал. 52—54), с. Хохловка (3186, у Хал. 93), с. Гурово (3184 и 3188, у Хал. 90—91). Изъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній Курской губ." (т. VIII, с. 66) мы узнаемъ, что въ этихъ селеніяхъ живутъ и однодворцы, сохранявшіе до послѣдняго времени четвертное землевладѣніе. И только дер. Ковалёвка (Халанск. 79) населена вся сплошь бывшими владѣльческими крестьянами.

Изъ сказаннаго можно заключать, что въ б. ч. Щигровскаго уѣзда говоръ помѣщичьихъ крестьянъ слился съ однодворческимъ говоромъ. Потому то, конечно, и Халанскій, самъ мѣстный уроженецъ, ничего не говоритъ объ отличіяхъ въ говорѣ этихъ двухъ группъ крестьянскаго населенія, исключая лишь помѣщичьихъ „цукановъ" дер. Горностаевки, говоръ коихъ еще не успѣлъ слиться съ общимъ говоромъ уѣзда. Отсутствіе въ Щигровскомъ уѣздѣ нѣкоторыхъ чертъ однодворческаго говора (напр. кагоканья, щё вм. что, каё въ значеніи „гдѣ" и др.) проще всего будетъ объяснять именно вліяніемъ говора мѣстныхъ владѣльческихъ крестьянъ.

Сліяніе однодворческаго говора съ говоромъ помѣщичьихъ крестьянъ нужно предполагать и въ Дмитріевскомъ на Свапѣ уѣздѣ, говоръ коего Халанскій вообще отожествляетъ съ Обоянскимъ (с. 24). Въ с. Нижней Саковнинкѣ этого уѣзда, гдѣ Халанскимъ отмѣчено м. к (трайкёвай), кагоканье и сильное аканье (с. 113), живутъ, кажется, и по-

мѣщичьи крестьяне (Тр. Кур. Губ. Стат. Ком. I, 139; въ „Спискахъ насел. мѣстъ“ этого села нѣтъ), вѣроятно, вмѣстѣ съ государственными.—Во всякомъ случаѣ м. к обычно и у владѣльческихъ крестьянъ этого уѣзда, напр. въ с. Михайловское (№ 845): -кю, на верьхю, при : бочка (прогр. № 125), въ с. Звенячкѣ (№ 776; прогр. № 236: Матер. IX, 161).

Въ говорѣ казеннаго (но не однодворческаго) села Меньшикова (№ 770), подробно описанномъ въ программѣ № 236) (Матер. IX, 155—163), м. к нѣтъ совсѣмъ. Но говоръ этого села вообще не характеренъ для даннаго уѣзда: село это населено обрусѣвшими малоруссами, переселившимися сюда изъ принадлежащихъ нѣкогда гетману Мазепѣ селъ Льговскаго уѣзда: Верхней и Нижней Грунки (тамъ же); несмотря на близость говоровъ съ м. к (с. Звенячка въ 6-и вер.), перевертни Меньшиковцы м. к совсѣмъ не знаютъ.

О сравнительной пестротѣ говоровъ Дмитріевскаго уѣзда свидѣтельствуютъ и мѣстныя народныя прозвища-присловья: кромѣ „цукановъ“, о коихъ рѣчь у насъ будетъ ниже, здѣсь есть „зе́куны“ — жители дер. Лѣкта, получившіе это свое прозвище за частое употребленіе частицы *зе*: а зе пойдемъ на горо́дъ (огородъ), зе я гово́рю яму (ему); и „же́ки“—въ дер. Жерновка, которые подобнымъ же образомъ употребляютъ частицу *же* (сообщеніе В. М. Успенскаго).

§ 53. Нѣкоторая пестрота замѣчается и въ великорусскихъ говорахъ *Тимскаго* уѣзда. Въ селѣ Донецкой Семицѣ (№ 2634), по Халанскому, „говоръ смѣшанный: есть и егуны“ (с. 102, прим.); въ селѣ этомъ живутъ какъ казенные, такъ и владѣльческіе крестьяне, говоръ которыхъ, видимо, не слился; напечатанныя у Халанскаго пѣсни этого села записаны, видимо, отъ барской крестьянки.

Довольно чистый однодворческій говоръ отмѣченъ въ казенной деревнѣ Второе Плоское (№ 2647) Двоелученской волости; здѣсь кагоканье, м. к: Сенькя, чайкю, пунькя; яканье, 3 л. на ть и безъ ть; каѣ въ значеніи „гдѣ“ (кр. прогр. № 237, Д. Берлизева). Этотъ же самый говоръ, но только безъ кагоканья, въ с. Верхніе Опочки Рогозецкой волости (кр. прогр. № 43, Д. Солодухинъ); судя по „Списку насел. мѣстъ“ (2540), здѣсь живутъ какъ казенные, такъ и владѣльческіе крестьяне, но послѣднихъ, очевидно, слиш-

комъ мало (въ перечнѣ помѣщичьихъ селеній, напечатанномъ въ „Трудахъ Курск. Стат. Ком." I, с. 233—248, этого села совсѣмъ нѣтъ); изъ другихъ данныхъ мы знаемъ, что жители этого села противополагаютъ себя „цуканамъ", какъ они называютъ помѣщичьихъ крестьянъ (Жив. Стар. 1906, № 3, с. 54).

Говоръ казеннаго села Двоелучное (№ 2648) характеризуется чертами полѣсскихъ говоровъ; въ немъ нѣтъ м. к; формы: ат аднэй, у другэй; кагоканье; 3 л. ед. ч.: хóдя, нося, бере, а также и съ окончаніемъ -ть; характеръ аканья изъ плохого описанія (прогр. № 249: Матер. IX, 164 — 5) недостаточно ясéнъ: часты, повидимому, икающія формы: рикá, висна, нису, б. м. слѣдъ былого диссимиляціоннаго аканья. Село основано въ первой половинѣ XVIII-го вѣка и населено, вѣроятно, выходцами изъ какого-нибудь полѣсья; м. к распространиться еще не успѣло.

Но подобные говоры безъ м. к для Тимскаго уѣзда вообще не характерны. Въ сказкахъ, записанныхъ Ѳ. Бѣлкинымъ въ Тимскомъ уѣздѣ, м. к обычно: дядькя, у князькя, звѣркя и т. п. (Труды Курск. Губ. Стат. Комитета, I, 1863, с. 518—542); въ род. пад. прилаг. и мѣстоимѣній преобладаютъ формы не-кагокающія. М. к отмѣчено также въ с. Мандрово (Шейнъ, Великоруссъ въ пѣсняхъ и т. д., 152, № 593), въ с. Гущино (№ 2523, каз. и влад.) и с. Троицкое (кр. прогр. № 43, Солодухинъ).

Въ *Фатежскомъ* уѣздѣ Халанскій отмѣчаетъ сильно акающіе или якающіе говоры безъ кагоканья, т. е., по нашему мнѣнію, однодворческіе нивеллированные. Здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ же самымъ отличіемъ городского говора отъ деревенскихъ, какое мы видѣли, по записямъ Машкина, въ Обояни; а именно: для гор. Фатежа отмѣчено: чаво, для окружающихъ городъ деревень: чаго, яго (отвѣтъ на кр. прогр. учит. М. Воронова); въ городѣ 3 л. ед. ч. глаголовъ только съ окончаніемъ -ть; м. к одинаково и въ городѣ и въ деревняхъ: копейкю и т. п. Судя по всему, какъ подгородніе, такъ и городскіе говоры — однодворческіе.

Въ помѣщичьихъ говорахъ этого уѣзда, повидимому, м. к не такъ послѣдовательно; въ пѣсняхъ, записанныхъ В. Рутценомъ въ сельцѣ Покровскомъ-Алисовѣ, м. к чаще

нѣтъ: ночиньку, дароженька, горькая и т. п. (Курск. Сборникъ, VII, 1912, с. 51, 53), но изрѣдка встрѣчается и м. к: на карянькямъ, малоденькяй (с. 40 и 65); здѣсь нѣтъ кагоканья; довольно часты икающія формы; идѣ вм. гдѣ.

Въ *Курскомъ* уѣздѣ м. к отмѣчено свящ. гор. Курска П. Рождественскимъ въ его рукописи 1848 года (АГО. XIX, 12). Рукопись эта имѣетъ въ виду какъ горожанъ, такъ и уѣздныхъ крестьянъ, вѣроятно—прежде всего подгороднихъ. Къ этому же, вѣроятно, уѣзду относится больше всего и замѣчаніе Васьянова о „курскомъ нарѣчіи", гдѣ также указано на м. к (Пассекъ, Очерки Россіи, IV. М. 1840). Въ с. Гостомля Спасской волости, что́ близъ границъ Суджанскаго уѣзда (№ 30, с. каз. и влад.), отмѣчено кагоканье: куго, туго́ (кр. прогр. № 18, Ясыровъ).—Замѣтимъ, что рядъ волостей этого уѣзда: Дьяконовская, Чаплыгинская, Каменевская, Старновская и нѣкоторыя другія почти сплошь заселены однодворцами (Сборн. статистич. свѣд. I, 24 и сл.).

§ 54. Въ уѣздахъ *Старо-* и *Новооскольскомъ* господствуетъ чистый однодворческій говоръ, но съ нѣкоторыми особенностями. Описаніе этого говора сдѣлано, къ сожалѣнію, не спеціалистами, и способно вызывать нѣкоторыя недоумѣнія.

Умершій въ 1866 г. учитель Старооскольскаго уѣзднаго училища Ѳ. Солодовниковъ наблюдалъ говоръ „пріѣзжающихъ въ городъ мѣстныхъ поселянъ и вообще *деревенскихъ* жителей" (с. 60) и изложилъ свои наблюденія въ статьѣ, которая послѣ его смерти была напечатана въ Филологическихъ Запискахъ" 1867 г., № 3—4. Судя по этой статьѣ, мѣстный говоръ отличается замѣчательною мягкостью согласныхъ *к* и *р*. *К* здѣсь мягко не только въ обычныхъ случаяхъ положенія его послѣ *й* и палатальныхъ согласныхъ: толькя (с. 64), церкёвный, тайкёмъ (68), но также и послѣ *ч*, чего въ Курской губерніи вообще нѣтъ: цаловальничкя (с. 66), малачькё (67), крючькёмъ (68), у празничькю (129), послѣ *ш*: бревёнушкю (122), панемножкю (121), к акошкю, Ванюшкю (120), с акошкями, па падушкямъ (124) и т. п., равно какъ и послѣ другихъ согласныхъ: марскёй, марскёя, марскёга (68), пескю (124), крѣпкяю (131), мелкя (131), дѣлянкю (132), платкёвъ, палкёвъ (вм. полковъ), малаткёвъ, коровкя, кускёмъ (68), ниткяй, то́лкямъ, парядкямъ

(130), телятк‍я (129), а также и въ слогахъ, слѣдующихъ непосредственно за гласною: малакѣ (67), малакѣмъ, рукѣй, рукѣю (68), вазьмикясь (129), прутикявъ, работникявъ, наслѣдникявъ (130). Конечно, тутъ много образованій по аналогіи. Рядомъ въ статьѣ Солодовникова находимъ и случаи безъ м. к: харошинькая (73), китайкаю (65), салавейка (66), сынишка (70), рубашку (73), деньгами (128).

Здѣсь мягко также *р* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы его произносимъ твердо: рѣтъ (вм. ротъ), крѣтъ, перѣ, ребрѣ, дряхва, старятца, завтря, мокряя, мокряго (124), мокряй, мокряму (133—134).—Срв. еще хозяевя вм. хозяева (с. 124) (т. е. какъ бы мягкое *в*?); дуплѣ же обычно, напримѣръ, и въ Вятской губ.—По поводу этихъ случаевъ съ мягкимъ *р* мы склонны высказать такую гипотезу: въ число Оскольскихъ служилыхъ людей попало большое количество западныхъ выходцевъ, произносившихъ всякое *р* твердо. На почвѣ сознательной борьбы съ этою чертою своего западнаго говора они впали въ противоположную крайность: стали произносить всякое *р* мягко. Почти тоже произошло, думаемъ мы, и съ м. *к*; доведеніе этой черты „до абсурда", употребленіе м. к послѣ твердыхъ согласныхъ мы встрѣчаемъ вообще лишь тамъ, гдѣ эта черта сравнительно нова и модна (напримѣръ, у сицкарей Моложскаго уѣзда, дзеканье которыхъ свидѣтельствуетъ о ихъ западной родинѣ; на юго-западѣ Вятской губ., куда м. к могло проникнуть только въ недавнее время). Западные выходцы вообще не знаютъ м. к; но, попавъ въ число служилыхъ людей, они старались сознательно его усвоить, какъ характерную и модную черту говора Московскихъ дѣтей боярскихъ,—и на этой почвѣ впали въ противоположную крайность. Замѣтимъ, что Оскольскіе говоры кагокающіе; часть ихъ еще и теперь знаетъ переходъ *ц* въ *с* (см. ниже): все это черты, которыя легко мирятся съ западнымъ происхожденіемъ мѣстнаго говора.

Подобный же говоръ и въ с. Проточномъ Новооскольскаго уѣзда (с. каз. № 1494); онъ описанъ М. Поповымъ (Р. Ф. В. XI) и Р. Кудрявцевымъ (АГО. XIX, 15 и 42, рукописи 1849 и 1852 гг.). У Попова находимъ: малодкя, шкатулкя, печкя, пташкя, но много и исключеній (с. 251, 253), а также кагоканье (246). У Кудрявцева: Агешкя,

Анашкя, салавоюшкя, у печькю, качькя, калыскя; кагоканье; щё, каё въ значеніи „гдѣ“. — Халанскій знаетъ Оскольскіе говоры по даннымъ Садовникова (?) и Попова, а отчасти также и по произношенію одного столяра, встрѣченнаго имъ въ гор. Бѣлгородѣ (с. 25); онъ сообщаетъ, что Оскольцевъ передразниваютъ фразой: „эй ты, яго мáлкя!“ Смягченіе *р*, судя по его словамъ, встрѣчается спорадически и въ Новооскольскомъ уѣздѣ. У Кудрявцева мы находимъ только одинъ сомнительный случай съ мягкимъ *р*: крётъ (вм. кротъ?) въ значеніи „скупой“.

Болѣе послѣдовательное смягченіе к въ Оскольскихъ говорахъ отмѣчаютъ и новѣйшіе наблюдатели. Такъ, учитель С. Постниковъ (кр. прогр. № 35) изъ казеннаго села Скородное (№ 2136) указываетъ здѣсь: бочкя, печкя, табачкю, палкя, палкю. Ничего не говоря о кагоканьи или его отсутствіи, онъ отмѣчаетъ новую черту мѣстнаго говора: *с* изъ *ц*: сарь, сэрква, куриса, овса, отесъ. Другія черты: яканье (сяло, вясна, тяпло); мѣна у и в; 3 л. ед. ч.: идё и йдя, несё и нисёть; шш изъ щ; хв изъ ф. „Указанный мною говоръ,—пишетъ Постниковъ, — обнимаетъ *весь южный районъ* Старооскольскаго уѣзда“.

Г. Мезенцевъ (кр. прогр. № 239), описывая говоръ дер. Курскáя (№ 2270, каз.) и с. Лапы́гино (№ 2269, каз.) Стрѣлецкой волости, отмѣчаетъ м. к послѣ ч: дьячкю, подачкю, табачкю, дочкя, чего въ другихъ уѣздахъ Курской губ. нѣтъ, и также *с* изъ *ц* (правда, съ оговоркою, что это „у дѣтей до 15 лѣтъ“): сарь, серковь, куриса, сѣлый, овса; мѣну *у* и *в*; 3 л. ед. на ть и безъ ть; яканье, повидимому, диссимиляціоннаго типа: выдá, скыря́й; о кагоканьи или его отсутствіи ничего не сообщается.

Есть всѣ основанія думать, что описанные Оскольскіе говоры принадлежатъ однодворцамъ. Изъ исторіи уѣзда отмѣтимъ слѣдующее интересное свидѣтельство: „Характернымъ для поселеній Оскольскаго уѣзда (судя по даннымъ XVI—XVII в.в.) является то обстоятельство, что въ нихъ не было почти совсѣмъ ни крестьянъ, ни бобылей. Населеніе его состояло почти цѣликомъ изъ дѣтей боярскихъ“ (Миклашевскій, Къ ист. хоз. быта, 111); указываемое, въ качествѣ примѣра, село Горосимъ находится теперь въ предѣлахъ Старооскольскаго уѣзда (№ 223, каз.). Объ аканьѣ

мѣстныхъ служилыхъ людей свидѣтельствуетъ приведенная у того же историка (с. 216—217) собственноручная записка Оскольскаго замолотчика Данилы Силина 1631 г. (Арх. Мин. Юст., Бѣлгородскаго стола столбцы, № 3931): „овесъ намочила (безлично), овесъ ...сталъ слегси", „въ самое полдень"; „вихоръ" едва ли не говоритъ о смѣшеніи твердаго и мягкаго р, что́ согласно съ нынѣшнею особенностью Оскольскихъ говоровъ и что́ лишній разъ подтверждало бы высказанное нами выше предположеніе о западномъ происхожденіи большинства Оскольскихъ служилыхъ людей.

§ 55. Изъ Новооскольскаго же уѣзда мы имѣемъ еще описаніе весьма нехарактернаго для данной мѣстности, но очень интереснаго для насъ въ другихъ отношеніяхъ говора „хохловъ перевертней", т. е. обрусѣвшихъ малороссовъ. Авторъ отвѣта на кр. прогр. № 42 описываетъ говоръ слободы Велико-Михайловки (№ 1378). Въ этой слободѣ, сообщаетъ анонимный наблюдатель, живутъ хохлы, вышедшіе изъ Малороссіи лѣтъ 200—205 тому назадъ; они сильно обрусѣли, за что ихъ и называютъ, по просту, „перевертнями". Такихъ же малороссовъ, добавляетъ наблюдатель, много живетъ въ окрестностяхъ слоб. В.-Михайловки на разстояніи 7—30 верстъ, а именно въ слободахъ: Барсукъ (№ 1385), Анновка (1381?), Сидоровка (1389), Богдановка (1388), Халань (1495), Ольшанка (1473) и въ рядѣ хуторовъ (въ волостяхъ: В.-Михайловской, Булановской и Чернянской). Характерныя особенности въ говорѣ этихъ обрусѣвшихъ малороссовъ: *с* вм. *ш*: наси (=наши), колóси, у папаси; рядомъ: шабля, Шаша, Штефанида (всѣ три случая, какъ видимъ, не характерны; *з* вм. *ж*: кóзи (вм. кожи), зуликъ, зелѣзо; *ж* (точнѣе: средній между *ж* и *з* звукъ) вм. *з*: жубы, жамóкъ. Здѣсь же *ч* вм. *ц*: чарь, лисичинъ, отричаюся, чапля, и *ц* (точнѣе: средній звукъ) вм. *ч*: цей, цто, цаю. Говоръ кагокающій: ёго; знаетъ що вм. что, мѣну *у* и *в*; „у нѣкоторыхъ" *и* не смягчаетъ предшествующей согласной: сыній, молчы; сохранилось малорусское произношеніе словъ: мнясо, мнята, имня. М. к, конечно, нѣтъ.

Къ тому же самому малорусскому источнику мы склонны относить и нѣкоторые, на первый взглядъ чисто великорусскіе, говоры Курской губерніи, также знающіе мѣну *с* и *ш*, *з* и *ж*. Таковъ, по Халанскому (с. 46), говоръ въ

слободѣ Стрѣлецкой, что́ около гор. Курска, и въ слободѣ Жилой и Савиной, что́ около Бѣлгорода. Въ слоб. Жилой, какъ мы уже выше видѣли, м. к нѣтъ, а говоръ носитъ всѣ черты нивеллированнаго мѣщанскаго. Населеніе этихъ слободъ должно быть однодворческое: въ подгородныхъ слободахъ обычно селились приборные служилые люди низшаго разряда. Жилая слобода при гор. Бѣлгородѣ едва ли не та же самая, что въ 1626 г. звалась слободою „волскихъ и *жилыхъ* атамановъ“ (Миклашевскій, Къ ист. хоз. б. 68). Замѣтимъ, что въ Бѣлгородѣ въ 1640 г. устроено 57 человѣкъ черкасъ (Миклашевскій, тамъ же, 167), въ Курскѣ въ 1639 г. поселены и устроены землями 300 человѣкъ черкасъ (тамъ же). О мѣнѣ въ говорѣ названныхъ слободъ звуковъ *ж* и *з*, *ш* и *с* сообщаетъ Халанскій (с. 47), отмѣчая его только у женщинъ. *Ш* бажару привижли вожь капусты, купила шудака штоба юшка была, шматритя, зук (вм. жукъ).—Возможно и другое объясненіе. Слобода „волскихъ атамановъ“ говоритъ о существованіи здѣсь волжскихъ казаковъ, а въ говорѣ этихъ послѣднихъ, точно такъ же какъ и въ говорѣ уралокъ, вѣроятно было жеманное женское произношеніе шипящихъ вмѣсто свистящихъ. Оно сохранилось доселѣ въ Самарѣ (Матер. V, 196, Н. Демидовъ; Даль, Толков. слов. I, с. XXVI, 1-ое изданіе). У нихъ такое произношеніе было, вѣроятно, сознательнымъ и моднымъ (срв. сообщеніе объ этомъ относительно Уральскихъ казачекъ: § 140). Не исключена возможность, что та же жеманная шепелявость, и по тѣмъ же основаніямъ, была также и въ говорѣ Московскихъ стрѣльцовъ, точнѣе: ихъ женъ. Слѣды такого произношенія можно видѣть въ Московской Гуслицѣ, куда бѣжали стрѣльцы послѣ волненій (§ 197), хотя Гуслицкую шепелявость проще объяснять поселеніемъ здѣсь польскихъ полоняниковъ. Извѣстно, что въ гор. Курскѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ Курской губ., водворены были, въ началѣ XVII в., стрѣльцы изъ Москвы съ женами и дѣтьми (Полное Собраніе Законовъ, т. III, № 1577, с. 282, указъ 1697 г.; срв. Списки насел. мѣстъ, с. 37); ими, вѣроятно, и населена Стрѣлецкая слобода гор. Курска.

Изъ указанныхъ источниковъ шепелявыхъ говоровъ (малоруссы, волжскіе казаки, стрѣльцы и польскіе полоня-

ники) въ Курской губерніи легко могли быть всѣ четыре одновременно.

Халанскій роднитъ шепелявый говоръ указанныхъ слободъ съ говоромъ Курскихъ саяновъ и склоненъ выводить тѣхъ и другихъ изъ древняго Пскова (с. 47—48). Но мы настаиваемъ на различеніи этихъ двухъ говоровъ (а связи Псковомъ не видимъ ни тамъ, ни здѣсь). Съ слободѣ Жилой нѣтъ *с* изъ *ц*, что характерно для саяновъ; во вторыхъ, „саяны обычно не замѣняютъ *ш* посредствомъ *с*“ (Халанск. 48); въ 3-хъ, саяны б. ч. монастырскіе крестьяне; присутствіе среди нихъ барскихъ крестьянъ и однодворцевъ—позднѣйшая примѣсь.—Можно, впрочемъ, думать, что нѣкоторые саянскіе говоры не остались безъ вліянія со стороны тѣхъ же самыхъ малорусскихъ („перевертней“) говоровъ, образецъ коихъ мы видѣли выше.

§ 56. *Саянскіе* говоры вообще разнообразны, равно какъ и этнографическій составъ этой группы довольно пестрый.

Халанскій дѣлитъ саянскіе говоры Курской губерніи на двѣ группы (с. 37): 1) собственно саяны, измѣняющіе *с* въ *ш*, *ц* въ *с*, изрѣдка *з* въ *ж* и *ш* въ *с*; 2) прицвакивающіе саяны, измѣняющіе *ц* въ *с* и мягкое *ч* въ *ц* или *чц*.

Вмѣстѣ и одновременно съ этими двумя саянскими говорами Халанскій описываетъ, подъ общимъ названіемъ „шепелеватыхъ говоровъ“, также и однодворческій говоръ Бѣлгородскаго уѣзда (селъ Болховца, Карповки и Крапивной), измѣняющій *ц* въ *с* и *ч* въ *чш*. „Шепелявость“ этого говора весьма сомнительна; приведенные у Халанскаго (с. 45) случаи весьма мало доказательны: шкарлупа, дражнить, зябры, земчугъ обычны въ самыхъ различныхъ, безусловно нешепелявыхъ, говорахъ, въ шышнàццать (16) можно думать объ ассимиляціи. Въ Болховцѣ вольные йкаютъ (точнѣе: чигокаютъ, т. е. говорятъ въ род. пад. отъ что—чиго), а барскіе якаютъ (чяго) (с. 44). Такое отношеніе говора барскихъ и вольныхъ вообще не характерно для юга великороссіи [1]); объясняется оно, кажется исключительно только бóльшею культурностью вольныхъ. Прочія черты этого говора: кагоканье, *с* изъ *ц* (м. пр. и въ

[1]) Напр., въ с. Ясенкахъ наоборотъ: икаютъ барскіе, якаютъ монастырскіе (Халанск. 39).

случаѣ сáпля вм. цапля), м. к и т. п. сближаютъ его съ Новосильскими казаками (§ 104) и Орловскими однодворцами (§ 75). Послѣднее вполнѣ согласно и съ исторіей мѣстнаго населенія: въ Болховецъ и Карповку служилые люди были переведены изъ Карачева, Бѣлева, Болхова, Кромъ, Крапивны и др. (Миклашевскій, Къ ист. хоз. б. 155).

О говорѣ Карповской волости мы имѣемъ еще свѣдѣнія отъ учителя Карповскаго училища В. Снопкова (кр. прогр. № 84). Онъ отмѣчаетъ также м. к: Митькя, Сенькя; *с* изъ *ц*: сарь, куриса, улиса; иканье рядомъ съ яканьемъ: силó, висна́, тяпло; мѣну *в* и *у* (у Халанскаго отмѣчены для даннаго говора случаи такой мѣны: у лясу и т. п.); нѣтъ свѣдѣній о кагоканьи и о 3-мъ лицѣ безъ окончанія -ть.

Нашъ выводъ тотъ, что между саянскими говорами съ одной стороны и однодворческими Бѣлгородскими съ другой общаго теперь мало, но это общее восходитъ къ одному источнику—западному (бѣлорусскому) вліянію.

Собственно саяны живутъ б. ч. въ монастырскихъ селахъ уѣздовъ Курскаго, Фатежскаго, Щигровскаго и Льговскаго. Большая часть саяновъ принадлежала прежде Коренной пустыни и Курскому Знаменскому монастырю; но есть между ними и „вольные“, т. е. не монастырскіе (Халанск. 36). Живутъ саяны вообще въ тѣхъ мѣстахъ губерніи, гдѣ въ XVI вѣкѣ или было крайне рѣдкое населеніе или даже „дикое поле“. Вотъ перечень нѣкоторыхъ саянскихъ селъ: Будановка (Курск. у., возлѣ Коренной пустыни, при р. Тускори; № 293), Ясенки (Щигр. у.), Жерновецъ (283), Долгое (285), Виногробль (290 ?); эти сёла безусловно монастырскія (о томъ см., м. пр., Сборникъ статист. свѣд. Курск. губ. I, 64); но монастырское происхожденіе слѣдующихъ саянскихъ (Халанск. 37) селъ весьма сомнительно; таковы: Мелехино (Щигр. у., № 2975; „каз. и влад.“ по Списку насел. мѣстъ; по Сборнику статист. свѣд. I, 122 здѣсь однодворцы и барскіе), Кононихино (Фатежск. у.; № 2723, д. каз.), с. Никольское или Амелино (309, каз. и влад.), Канышовка (1135, каз. и влад.), Марица (1157, с. каз.), Банищи (1140, д. каз.). Предположительно указываетъ Халáнскій саяновъ еще въ с. Боевѣ Курск. у. (с. 304), но это—или владѣльческое сельцо (№ 328) или же деревня

Чаплыгинской волости со смѣшаннымъ населеніемъ, однодворческимъ и барскимъ (Сборн. статист. свѣд. I, 37; срв. 45). Монастырскія села Курскаго уѣзда, не приведенныя Халанскимъ въ числѣ саянскихъ, слѣдующія: Служня, Тазово, Свидная, Черницыно (Сборн. стат. свѣд. I, 64); изъ нихъ Тазово причисляетъ къ саянскимъ другой наблюдатель (Жив. Стар. 1906, № 3, с. 203).

Саяны отличаются отъ сосѣдей своимъ костюмомъ, который однако же не представляетъ собою чего-либо цѣльнаго или очень древняго. Женскій костюмъ двойственный: понёвы (съ прошвой) и сарафаны, называемые здѣсь „саянами“, т. е. безспорныя принадлежности двухъ различныхъ эпохъ. Бóльшее значеніе имѣетъ, повидимому, цвѣтъ женскаго саянскаго костюма—по Добротворскому и Абрамову вообще черный (Вѣстн. Евр. 1888, № 9, с. 199; Жив. Стар. 1906, № 3, с. 207). На головѣ сорока съ кичкой, безъ рогъ.

Аканье саяновъ довольно сильное: лятú, нясуть; повидимому, со слѣдами прежняго диссимиляціоннаго аканья: стыялъ, распызнáю, бидá (Халанск. 39). *С* изъ *ц*; *ш* изъ *с*: ушё (все), брашаютъ; *ж* изъ *з*: жа нимъ. Въ с. Боевой отмѣчено доз, дóззык, но принадлежность этого села саянамъ сомнительна, какъ мы видѣли выше; другіе же случаи перехода *ж* въ *з* и *ш* въ *с* у Халанскаго (с. 40) неубѣдительны; такъ что о взаимной мѣнѣ шипящихъ и свистящихъ говорить не приходится. Формы въ родѣ у вастрóзя (с. 40), на санёхъ, ёсть (с. 41) говорятъ о бѣлорусскомъ — или по крайней мѣрѣ полѣсскомъ—происхожденіи саянскихъ говоровъ, съ чѣмъ легко мирится и шепелявость саяновъ. Очевидно, среди саяновъ преобладаютъ выходцы изъ-за Литовскаго рубежа. Нѣсколько странно, при такомъ предположеніи, отсутствіе у саяновъ кагоканья, но Халанскій справедливо предполагаетъ, что оно могло исчезнуть недавно. Кагоканье сохраняется еще у саяновъ монастырскаго села Ясенковъ, гдѣ встрѣчается также цоканье (замѣна *ч* мягкимъ *ц* или *чц*) и мягко *ш*—черты, опять таки согласныя съ западнымъ происхожденіемъ саяновъ.

М. к у саяновъ извѣстно: встрѣчается оно и послѣ *ч* и *ш*: мальчишичкя, бидняжичкя, зóрюшкя (Хал. 40), чего въ Курской губерніи обычно нѣтъ и что́ мы вообще склонны

считать слѣдомъ недавняго, сравнительно, появленія въ данномъ говорѣ м. к. Съ такимъ предположеніемъ мирятся и частыя исключенія: маминька, толька, патайкóмъ (Халанск. 286 и 288), чайку, Танька (с. 40; срв. также формы вялúкыя [с. 298], которыя вообще съ м. к уживаются рѣдко).

§ 57. Одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ саянскаго говора—*с* изъ *ц*. Съ этой чертой мы склонны связывать и самую кличку „саяны", хотя достаточныхъ доказательствъ для того привести не можемъ. Мы предполагаемъ слѣдующее: когда предки нынѣшнихъ саяновъ явились изъ-за западнаго рубежа въ предѣлы нынѣшней Курской губерніи, то ихъ сосѣди, Курскіе однодворцы, поспѣшили примѣнить къ нимъ свою обычную кличку для всѣхъ новыхъ переселенцевъ—„цуканы". Хотя говоръ саяновъ отчасти и оправдывалъ для нихъ эту кличку, но она для саяновъ показалась очень обидною; и вотъ, желая оттолкнуться отъ „цуканства", они даютъ сами себѣ новую кличку, въ которой хотятъ подчеркнуть, что въ ихъ говорѣ характеренъ совсѣмъ не звукъ *ц*, а звукъ *с*; для такой своей клички (самоназванія) ими взято было имя распространеннаго у нихъ—но весьма обычнаго и въ другихъ мѣстахъ губерніи и притомъ сравнительно новаго (Авдѣева, Записки о старомъ и новомъ русск. бытѣ. Спб. 1842, с. 58), значитъ моднаго—женскаго костюма, сарафана.

О томъ, что—вполнѣ согласно съ только что высказаннымъ нами предположеніемъ—клички „саяны" и „цуканы", равно какъ и самыя группы населенія съ этими именами, смѣшивались между собою,—объ этомъ мы имѣемъ безспорныя данныя. Добротворскій смѣшалъ саяновъ и цукановъ въ одно цѣлое, а кличку „саяны" считалъ искаженіемъ слова „цуканы" (Вѣстн. Евр. 1888, № 9, с. 206); проще всего предполагать, что Добротворскій отразилъ тамъ и здѣсь народное мнѣніе; но можно думать и иначе: Добротворскій легко могъ „мудрствовать лукаво", какъ онъ и мудрствуетъ о меланхленахъ. Ни въ какомъ такомъ „лукавомъ мудрствованіи" нельзя упрекнуть или заподозрить анонимнаго автора изъ Курскихъ Губ. Вѣдомостей (1898, № 54—55), но и у него подъ именемъ „цукановъ" описана группа населенія, весьма сходная по говору съ саянами.

Этихъ „цукановъ" „много въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, въ

с. Мармыжи, есть они и въ Фатежскомъ уѣздѣ, въ Никольской волости и въ другихъ мѣстахъ". Они дѣйствительно „цокаютъ", но по-бѣлорусски: пиць вм. пить; подобно саянамъ, они знаютъ произношеніе *о* вм. *ц*: серква вм. церковь, несси вм. нести (конечно, черезъ посредство дзекающаго * несци); отмѣчено еще кагоканье.

Въ лицѣ этихъ цукановъ мы имѣемъ безспорныхъ выходцевъ съ запада.

Есть въ Курской губерніи еще и другіе „цуканы", не имѣющіе ничего общаго съ саянами, за то вполнѣ соотвѣтствующіе цуканамъ Воронежскимъ; но прежде чѣмъ говорить о нихъ, мы покончимъ съ Курскими говорами, знающими переходъ *ц* въ *о*. Такихъ говоровъ еще не мало: Авторъ отвѣта на полную программу № 246, В. Владиславлевъ изъ с. Двоелучнаго Тимскаго уѣзда сообщаетъ, что „въ нѣкоторыхъ ближайшихъ селахъ и деревняхъ распространено произношеніе: сапля, сэна, сэлый" (Матер. IX, 165). Въ какихъ именно деревняхъ наблюдается этотъ переходъ *ц* въ *о*, авторъ не сообщаетъ; б. м., это въ деревняхъ „крестьянъ собственниковъ, которыхъ жители села Двоелучнаго называютъ цуканами", а быть можетъ въ дер. Малыя Сѣти (№ 2642, каз.; въ 4 вер. отъ Двоелучнаго), жителей коего Двоелученцы называютъ „киргѝками" (будто бы отъ слова киргѝзы?)? (сообщенія того же Владиславлева).

Въ с. Знаменскомъ Суджанскаго уѣзда отмѣчена та же черта: сарь, куриса, яйсо, серковь (кр. прогр. № 238, свящ. Д. Сергѣевъ); яканье; кагоканье; 3 л. ед. ч. на -ѣть (не ёть); мѣна *у* и *в*; въ лексикѣ: ёнъ вм. онъ, *чи* вм. или, *поняй* „ступай", *хай* „пусть"; м. к: Акулькя, чайкю, пенькя.—Наблюдатель Сергѣевъ усматриваетъ въ этомъ говорѣ (въ лексикѣ) слѣды малорусскаго вліянія сосѣднихъ волостей Бѣловской и Уланновской, населенныхъ преимущественно малороссами. Къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о дѣленіи крестьянъ с. Знаменскаго на казенныхъ и помѣщичьихъ, почему намъ и неизвѣстно, чей собственно говоръ онъ описываетъ. Есть, правда, нѣкоторыя основанія догадываться, что онъ описываетъ говоръ крестьянъ государственныхъ; основанія эти слѣдующія: по сообщенію Халанскаго (с. 274), „въ с. Знаменскомъ одна часть жителей—

бывшіе государственные крестьяне—говорятъ: каго, яго, и зовутся кагаями; другая часть, отдѣленная рѣкой отъ первой, — бывшіе помѣщичьи крестьяне — говорятъ: каво, яво, добрава, синива"; а Сергѣевъ описываетъ говоръ кагокающій. Кромѣ того, судя по Списку населенныхъ мѣстъ, зарѣчная, помѣщичья половина с. Знаменскаго зовется чаще „Извѣковымъ".

Говоръ с. Тарасовки, Суджанскаго же уѣзда (№ 2392, каз. и владѣльч.), по словамъ мѣстнаго уроженца Ясырова (кр. прогр. № 18), „одинъ съ говоромъ с. Нижней Грайворонки", Землянскаго уѣзда, гдѣ Ясыровъ учительствуетъ; а въ этомъ послѣднемъ селѣ Ясыровъ отмѣчаетъ *с* изъ *ц*. Другія черты мѣстнаго говора: м. к, яканье рядомъ съ иканьемъ; 3 л. съ окончаніемъ -ть и безъ-ть: въ лексикѣ: ѣнъ, каё и идѣ, дуже.

Однодворческихъ говоровъ съ переходомъ *ц* въ *с* много въ Орловской губерніи, особенно въ Ливенскомъ уѣздѣ (§ 75); тамъ мы къ нимъ еще возвратимся.

§ 58. Переходимъ теперь къ Курскимъ „цуканамъ", ничего общаго съ саянами не имѣющимъ, а вполнѣ аналогичнымъ съ „цуканами" Воронежскими (§ 28). Мы уже знаемъ (§ 24), что на югѣ Великороссіи „цуканами" слывутъ въ народѣ всѣ поздніе переселенцы; это большею частью монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, явившіеся въ степь долго спустя послѣ появленія здѣсь однодворцевъ. Разсмотрѣнная нами выше часть Курскихъ „цукановъ", близкая по говору къ саянамъ, явилась сюда съ запада, чего въ Воронежской губерніи вообще нѣтъ; та же часть Курскихъ цукановъ, къ говору коей мы теперь переходимъ, явилась сюда, — въ полное сходство съ цуканами Воронежскими, — съ сѣвера, изъ подмосковныхъ губерній.

„Цуканы" с. Горностаевки (№ 3168) Щигровскаго уѣзда переведены сюда своими помѣщиками сравнительно недавно. Они отличаются отъ сосѣдей какъ по говору, такъ и по костюму. По смутнымъ преданіямъ, они пришли сюда „съ Волымя"; возможно, что это рѣка Олымь, текущая въ предѣлахъ Орловской и Воронежской губерній; но если такъ, то они жили на „Волымѣ" недолго: произношеніе ими имени этой рѣки свидѣтельствуетъ объ очень слабомъ аканьи,

что плохо мирилось бы съ продолжительнымъ пребываніемъ ихъ на Орлѣ или Воронежѣ. Въ говорѣ этихъ „цукановъ“ для насъ особенно интересно отсутствіе м. к, что въ предѣлахъ Курской губерніи такъ рѣдко. Другія черты: иканье (безъ яканья); 3 л. ед. ч. всегда на -ть: формъ безъ этого окончанія совсѣмъ нѣтъ; нѣтъ кагоканья; *идт* вм. гдѣ, а не каѣ (Халанск. 32).

Указанный говоръ Щигровскихъ цукановъ вообще характеренъ для помѣщичьихъ крестьянъ южновеликорусскихъ губерній. Мы наблюдали тотъ же самый говоръ у такъ называемыхъ надызовъ Белебеевскаго уѣзда, переселенныхъ сюда помѣщикомъ въ началѣ XIX в. изъ Епифанскаго уѣзда Тульской губерніи. Сходна, между прочимъ, и интонація всѣхъ этихъ говоровъ, характеризующаяся протяженіемъ предъударныхъ гласныхъ [1]).

Говоръ этихъ группъ, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ фактовъ, даетъ намъ основаніе высказать общее мнѣніе, что помѣщичьимъ крестьянамъ южновеликорусскихъ губерній м. к мало свойственно или даже совсѣмъ не свойственно; если оно и распространилось у нихъ, то главнымъ образомъ подъ вліяніемъ говора сосѣднихъ однодворцевъ. Не успѣвшіе подвергнуться такому вліянію помѣщичьи крестьяне м. к не знаютъ.

Мѣстный авторъ, на основаніи статистическихъ изслѣдованій Щигровскаго уѣзда, дѣлаетъ, между прочимъ, такой выводъ: „Заселеніе Щигровскаго уѣзда крѣпостными людьми, именуемыми теперь крестьянами-собственниками, происходило главнымъ образомъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ, когда явилось выгоднымъ переселять рабочую силу изъ другихъ имѣній въ предѣлы хлѣбороднаго Курскаго края“ (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Курской губерніи VIII, с. IX). Но, судя по тому, что мы знаемъ о Щигровскихъ говорахъ, большая часть этихъ помѣщичьихъ переведенцовъ успѣла уже усвоить отъ своихъ сосѣдей м. к.

---

[1]) И по этой интонаціи, и по другимъ чертамъ, описываемый говоръ сходенъ съ говоромъ 11-й группы діалектологической карты Н. Н. Дурново (с. 15 — 16); но этотъ послѣдній въ основѣ своей полѣсскій говоръ, только подвергшійся сильному вліянію сосѣдей. Вотъ почему, при видимомъ сходствѣ, между этими двумя говорами есть и весьма существенная разница.

Цуканскій говоръ безъ м. к, тожественный съ говоромъ с. Горностаевки, Халанскій отмѣчаетъ въ с. Охочевкѣ, Щигровскаго же уѣзда, жители коего цуканами не слывутъ (с. 29). Хотя это село казенное (№ 2960), но оно не однодворческое (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній VIII, 26), а вѣроятно населено вольноотпущенными крестьянами.

„Цуканами" слывутъ нѣкоторые помѣщичьи крестьяне и въ другихъ мѣстахъ Курской губерніи; очевидно, они также отличаются отъ своихъ сосѣдей по говору и представляютъ собою нѣчто сходное съ жителями Горностаевки. Такъ, цуканами слывутъ барскіе крестьяне дер. Евфросимовки (№ 2537) Тимскаго уѣзда; въ устахъ ихъ сосѣдей. жителей села Верхнія Опочки (№ 2540), *цуканъ* является полу-браннымъ словомъ (Жив. Стар. 1906, № 3, с. 55, А. Сидоровъ). По костюму мѣстные цуканы отличаются особою манерою опоясываться—низко и свободно. (По манерѣ опоясыванья наши крестьяне вообще дѣлятся на группы, о чемъ см. въ нашей статьѣ, въ Жив. Стар. 1904, № 1—2, с. 66).

Еще „цуканы" есть въ Тимскомъ же уѣздѣ около села Двоелучнаго: это также помѣщичьи крестьяне (прогр. № 246, В. Владиславлевъ).

§ 59. Чтобы покончить съ говорами Курской губерніи, намъ нужно еще упомянуть о Льговскомъ и Грайворонскомъ уѣздѣ. Для Льговскаго уѣзда мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о говорѣ владѣльческаго села Шереметевки (№ 1155); здѣсь м. к: салавейкю, земéлькю (Халанск. 266), тóлькя (267); 3 л. на -ть; кагоканье (с. 265).

Въ с. Ивановскомъ (№ 1154, каз. и влад.) наблюдатель (прогр. № 76, Ѳ. Костенко) также отмѣчаетъ м. к, даже бочкя (что въ Курской губ. довольно рѣдко); яканье (сялó), кагоканье, формы: мы́ю, ры́ю, сухэй, аднэй. Село это, кажется, основано Мазепой и въ своей исторіи, вѣроятно, имѣетъ много общаго съ с. Меньшиковымъ, гдѣ говоръ довольно близокъ, но безъ м. к: очевидно, на говоръ села Ивановскаго сосѣди имѣли больше вліянія.

Въ *Грайворонскомъ* уѣздѣ, въ с. Смородинѣ, Дорогощанской волости, чистый однодворческій говоръ, но съ малорусскими примѣсями. Основателями этого села были переселенцы изъ бывшаго города Хотмыжска, безусловные одно-

дворцы. Здѣсь отмѣчено м. к: лялькю, хазяйка, паманенькю (Матер. IX, с. 155; прогр. № 279), яканье (даже: лясица вм. лисица, мянýта, зяпуны́); кагоканье; 3 л. ед. ч. б. ч. безъ окончанія -ть. Рядомъ малорусскія черты, объясняющіяся близостью малоруссовъ, а б. м. и смѣшаннымъ населеніемъ самаго села Смородины.

Въ говорѣ слоб. Драгунской (№ 647), самое имя которой свидѣтельствуетъ объ ея однодворческомъ происхожденіи, равно какъ и въ владѣльческой дер. Трирѣчной (№ 648) отмѣчено также м. к (кр. прогр. № 36, Ѳ. Глущенко). яканье, мѣна *у* и *в*. Наблюдатель отмѣчаетъ здѣсь также малорусское несмягченіе согласныхъ передъ *и* и *е*: молчы, чысто, ожэрэдыця, что́, быть можетъ, относится къ сосѣднимъ малоруссамъ (срв. Тр. Моск. Діал. Ком. I, 80).

М. к отмѣчено еще въ селеніяхъ: Глинка, Мощеная и Кустовая (кр. прогр. № 39), мѣстоположеніе коихъ намъ осталось невполнѣ яснымъ. Здѣсь, повидимому, населеніе смѣшанное, а въ Кустовой преобладаютъ помѣщичьи (срв. Труды Курск. Губ. Стат. Ком. I, 123, Герцовская волость). Здѣсь отмѣчено еще иканье: сило, висна, типло, и 3 л. на -ть.

§ 60. „Бывшая Курская комиссія уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ“ сообщаетъ, что въ Курской губерніи „однодворки чаще повязываютъ голову бумажнымъ платкомъ и носятъ *сарафаны*“, тогда какъ въ качествѣ общаго костюма деревенскихъ женщинъ этой губерніи комиссія указываетъ „шерстяныя *поневы* или юбки, большею частью полосатыя и красныя, а для головного убора... повойники“ (Журн. Мин. Гос. Имущ. XXXVII, 1850, с. 110).

Это замѣчаніе, вполнѣ сходное съ общимъ нашимъ выводомъ объ однодворческомъ костюмѣ, вѣрно для всего почти великорусскаго населенія Курской губерніи. Даже „саяны“, кличка коихъ совпадаетъ съ названіемъ сарафана, носятъ б. ч. не сарафаны, а поневы, какъ о томъ мы уже говорили выше [1]); значитъ, и у монастырскихъ крестьянокъ

[1]) Саянскій костюмъ близокъ къ полѣсскимъ костюмамъ Черниговской губерніи; напримѣръ, въ Гордѣевской волости Суражскаго уѣзда отмѣченъ тоже „саянъ“, синяго или краснаго сукна, и вмѣстѣ понева, только малорусскаго типа (В. Миллеръ, Систем. опис. коллекцій Дашк. Музея, III, 159).

Курской губерніи костюмъ не совпадаетъ вообще съ однодворческимъ.

Вотъ еще свидѣтельства: въ Тимскомъ уѣздѣ „у казенныхъ поселянокъ красныя юбки и бумажные платки на головѣ; господскія же крестьянки на голову повязываютъ кички довольно нарядныя и надѣваютъ клѣтчатыя паневы“ (АГО. XIX, 10, І. Сверчевскій изъ сельца Плосскаго).

У государственныхъ крестьянокъ Русско-Холанской волости Новооскольскаго уѣзда „красныя суконныя юбки, крашеныя мареною, на головѣ платки“ (АГО. XIX, 15, Р. Кудрявцевъ 1849 г.). У однодворокъ въ Болховцѣ Бѣлгородскаго уѣзда сарафаны и чепцы (Халанск. 43).

Вообще же, въ Курской губерніи обиліе одноцворцевъ и западныхъ выходцевъ привело къ тому, что поневы и рогатыя кички здѣсь сравнительно очень рѣдки (В. Миллеръ, Описаніе колл. Дашк. Музея, III, 113); нѣкоторые мѣстные наблюдатели совсѣмъ не упоминаютъ объ этомъ послѣднемъ нарядѣ (АГО XIX, 2, Николаевъ изъ Суджанскаго уѣзда; тамъ же, 16, Дмитрюковъ изъ Рыльскаго уѣзда; тамъ же, 12, Рождественскій изъ гор. Курска). Замѣнившія здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, поневу юбки не были часто заимствованіемъ отъ сосѣдей—западныхъ выходцевъ, а явились, какъ естественное развитіе поневы; о томъ можно заключать хотя бы изъ слѣдующихъ словъ Машкина объ Обоянскомъ уѣздѣ: „верхняя одежда у женщинъ и дѣвицъ не во всѣхъ селахъ одинакова: въ иныхъ носятъ саяны, сукни и сарафаны, а въ другихъ — юбки и понёвы“ (Этн. Сборн. V, 10); видимо, юбки носятъ тамъ же и только тамъ, гдѣ носятъ и понёвы и гдѣ нѣтъ сарафановъ; а мы уже знаемъ, что различіе между высшимъ видомъ понёвы (съ прошвою) и низшимъ видомъ юбки крайне ничтожно.

Въ полную параллель съ преобладаніемъ въ Курской губерніи однодворческаго костюма, замѣтно также и преобладаніе здѣсь однодворческаго типа жилищъ. Описанное Машкинымъ (тамъ же, с. 2—6) крестьянское жилище Обоянскаго уѣзда—чисто однодворческаго типа; но типъ этотъ, судя по словамъ Машкина, распространенъ по всему уѣзду, исключая немногихъ помѣщичьихъ селеній при большихъ дорогахъ, гдѣ жители держатъ постоялые

дворы.—Тотъ же самый однодворческій типъ жилища, съ положеніемъ жилой избы среди двора и съ божницею около двери, описываетъ и А. Дмитрюковъ въ 1850 году (АГО. XIX, 16), какъ общій для всѣхъ великоруссовъ Рыльскаго и Судженскаго уѣздовъ.

Ип. Вернеръ считаетъ положеніе избы среди двора характернымъ отличіемъ жилища Курскихъ однодворцевъ (Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія. Курскъ, 1887, с. 54—58). Но намъ извѣстно, что и недавніе выходцы съ запада, извѣстные здѣсь подъ именемъ цукановъ, также сохраняютъ эту полѣсскую особенность жилища (Курск. Губ. Вѣд. 1898, № 54). За то другая особенность однодворческаго жилища,—положеніе святого угла при входныхъ дверяхъ,—„цуканамъ", какъ кажется, не свойственна; говоримъ: какъ кажется, потому что точныхъ данныхъ на этотъ счетъ въ нашемъ распоряженіи неимѣется.

VI. Орловская губернія.

61: Число и мѣстожительство Орловскихъ однодворцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ; память о прошломъ однодворцевъ.—62: Отличія въ одеждѣ Орловскихъ однодворцевъ.—63: Происхожденіе Орловскихъ однодворцевъ.—64: Помѣщичьи крестьяне Орловской губ.: окальщики, цуканы и др.—65: Монастырскіе крестьяне.—66: Вопросъ объ Орловскихъ полѣхахъ и степнякахъ; граница лѣса и степи теперь и прежде.—67: Одежда Орловскихъ полѣховъ—мужская и женская; два типа полѣсской поневы; малорусское вліяніе въ одеждѣ юго-запада Сѣвскаго у. и что имъ вытѣснено. Поневы Брянскаго у.—безъ прошвы и съ прошвою. Заключеніе объ одеждѣ Орловскихъ полѣховъ.—68: Особенности жилища Орловскихъ полѣховъ; ихъ телѣга.—69: Прошлое полѣсскаго населенія; пестрота его.—70: Діалектологическое дѣленіе Орл. губ. Говоры Болховскаго у.—70 а: Брянскій у.—71: Дмитровскій у.—72: Елецкій у.—73: Карачевскій у.—74: Кромскій у.—75: Ливенскій у.; говоръ однодворцевъ и барскихъ; мысли о происхожденіи Ливенскихъ говоровъ; *с* изъ *ц*; красный цвѣтъ юбокъ.—76: Малоархангельскій у.—77: Мценскій у.; мысли о происхожденіи Мценскихъ говоровъ.—78: Орловскій у.—79: Сѣвскій и Трубчевскій уу.—80: Кагоканье въ Орловскихъ говорахъ.—81: Соканье (*с* изъ *ц*) въ Орловскихъ говорахъ.

§ 61. Самый сѣверный изъ городовъ Орловской губерніи, гор. Болховъ основанъ (точнѣе: возсозданъ послѣ запустѣнія степи) въ 1555 г. [1]), а въ 1576 году, одновре-

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1902, кн. 1, Разрядныя книги.

менно съ Одоевомъ, вошелъ въ составъ пограничной линіи [1]). На слѣдующей линіи, которую историки часто называютъ „передовой“ или „украинской“ (у Иловайскаго [2]) она „вторая“) мы видимъ изъ городовъ Орловской губерніи Мценскъ, Орелъ и Карачевъ [3]). Наконецъ, на „польской украйнѣ“, основанной при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, стоятъ Орловскіе города Елецъ и Ливны [4]). Рѣка Сосна, на которой стоятъ эти города, еще въ 1627 году была пограничною, почему на древней „картѣ Россійскаго государства“, относящейся къ этому году, лѣвый берегъ р. Сосны названъ „Московскимъ“, а правый—„Крымскимъ“ или „Ногайскимъ“ [5]). Гор. Кромы основанъ около 1595 г. [6]), тоже какъ сторожевой пунктъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ населеніи Орловской губерніи мы должны встрѣтить болѣе или менѣе многочисленный классъ прямыхъ потомковъ военно-служилыхъ людей,—однодворцевъ. И дѣйствительно, въ 1850 г. однодворцевъ въ Орловской губерніи числилось 140 тыс. душъ обоего пола [7]); главная масса ихъ находилась въ восточныхъ уѣздахъ губерніи. Больше всего однодворцевъ въ Елецкомъ уѣздѣ: почти 40 тыс., живущихъ въ 177 селеніяхъ; затѣмъ слѣдуетъ Ливенскій уѣздъ: 38½ тыс. въ 246 селеніяхъ; Малоархангельскій: почти 25 тыс. въ 107 селеніяхъ; Орловскій уѣздъ: 13.329 душъ въ 104 селеніяхъ; Кромской: 9.247 душъ въ 43 селеніяхъ. Въ западныхъ, полѣсскихъ, уѣздахъ губерніи, напротивъ, однодворцевъ весьма мало: здѣсь, видимо, надежнымъ убѣжищемъ для жителей служили лѣса, и въ сторожевыхъ линіяхъ надобности не было. Меньше всего однодворцевъ въ Брянскомъ уѣздѣ: въ 1850 г. ихъ здѣсь было всего-на-всего 28 душъ, и тѣ жили въ трехъ разныхъ селеніяхъ; вѣроятно, это были пришлые торговцы. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ 330 душъ,

---

[1]) Бѣляевъ, О сторож. сл. 26; Багалѣй, Очерки, 38.

[2]) Исторія Россіи, III, 373

[3]) Бѣляевъ, О сторож., стан. и п. сл. 7.

[4]) Иловайскій, Ист. Россіи, III, 373.

[5]) Труды Орловской Архивн. Ком. 1893, № 3, с. 8.

[6]) Университетскія Извѣстія, 1909, № 1, с. 54, П. Смирновъ.

[7]) Матеріалы для статистики Россіи, собираемые по вѣдомству Мин. Госуд. Имущ. I. Спб. 1858, с. 114.

въ 13 селеніяхъ. Въ Сѣвскомъ уѣздѣ 1,348 душъ въ 9 селеніяхъ, въ Трубчевскомъ 1,701 душа въ 67 селеніяхъ. Въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ проходила одно время граница съ Литвою, на которой также могли жить военно-служилые люди.—На границѣ лѣсовъ и степи проходили сторожевыя линіи отъ татаръ, и здѣсь число однодворцевъ больше, чѣмъ въ западномъ полѣсьѣ, хотя и далеко меньше, нежели въ степной восточной части губерніи; а именно: въ Болховскомъ уѣздѣ 2,735 душъ въ 69 селеніяхъ; въ Мценскомъ 3,433 д. въ 82 селеніяхъ и въ Карачевскомъ 4,696 д. въ 69 селеніяхъ [1]).

Помѣщичьихъ крестьянъ въ Орловской губерніи въ 1859 году было немного менѣе половины всего населенія (47,26%) [2]); въ этомъ числѣ было 1247 душъ об. пола крѣпостныхъ, принадлежащихъ однодворцамъ [3]). Кромѣ того, въ Орловской губерніи немало удѣльныхъ крестьянъ: ихъ насчитываютъ 33,495 ревизскихъ душъ или 15,940 дворовъ [4]); главное количество удѣльныхъ сосредоточено въ западныхъ, полѣсскихъ уѣздахъ губерніи.

Народная память продолжаетъ и здѣсь выдѣлять однодворцевъ въ особую группу. Въ Болховскомъ уѣздѣ (Ильинская волость) ихъ зовутъ насмѣшливо-бранно „безпоминными душами“; потому что де ихъ, будто бы, не поминаетъ священникъ при богослуженіи, упоминая въ молитвѣ только „православныхъ хресьянъ“, т. е. де крестьянъ, а однодворцы—не крестьяне (въ народѣ вообще смѣшиваютъ слова: крестьянинъ и христіанинъ). Тамъ же зовутъ еще барскіе однодворцевъ „индюками“—за ихъ старую дворянскую гордость и спѣсь, не соотвѣтствующую ихъ быту и состоянію, и „алая кровь“—за то же [5]).

§ 62. Объ этнографическомъ отличіи Орловскихъ однодворцевъ отъ не-однодворцевъ согласно говоритъ цѣлый

[1]) Тамъ же, с. 114.

[2]) Тройницкій, Крѣпостное населеніе, 49.

[3]) Тройницкій, тамъ же, с. 46.

[4]) М. Кашкаровъ, Статист. оч. хозяйств. и имущ. полож. крестьянъ Орл. и Тульск. губ. Спб. 1902, с. 9.

[5]) Всѣ эти насмѣшливыя клички-прозвища взяты нами изъ статьи А. И. Сахарова въ Сборникѣ II-го Отдѣл. И. Ак. Наукъ, т. 68, с. 3 и 18; съ кличкою *индюхъ* срв. рыбинское *индюха* „горделивая женщина“ (Жив. Стар. 1902, с. 398).

рядъ наблюдателей. Особенно характерно отличіе въ костюмѣ. М. Стаховичъ устанавливаетъ, по даннымъ своихъ наблюденій въ Елецкомъ уѣздѣ, драгоцѣнное правило: однодворки, какъ бывшія дворянки, носятъ старинный, допетровскій дворянскій костюмъ—юбки и душегрѣйки, тогда какъ барскія—костюмъ вятичей—поневы и кички [1]). Мы считаемъ это правило вообще вѣрнымъ для всѣхъ южно-великорусскихъ губерній, хотя тутъ и встрѣчаются исключенія, вызываемыя экономическими и иными причинами.

Уроженецъ Орловской губерніи, извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ пишетъ объ Орловскомъ уѣздѣ 40-хъ годовъ XIX-го вѣка: „Вольная однодворка", сдѣлавшаяся крѣпостною по мужу, „въ отличіе отъ крѣпостныхъ „понёвницъ", носила красную *юбку*, какія въ нашемъ мѣстѣ носили однодворцы, а крѣпостныя не носили" [2]). Названіе крѣпостныхъ „понёвницами" не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ носили понёвы.

Почти то же самое повторяетъ и С. В. Максимовъ: „Въ Орловской губерніи по настоящей дворянской юбкѣ можно отличить въ одномъ и томъ же полѣ на работѣ однодворокъ отъ крестьянокъ въ паневахъ" [3]).

Костюмы полѣсскихъ уѣздовъ—Трубчевскаго, Брянскаго и Карачевскаго—подробно и хорошо описаны, въ половинѣ XIX вѣка, лѣсничимъ Сполоховымъ [4]). Онъ сообщаетъ, что, при преобладаніи въ этихъ уѣздахъ понёвъ (особаго типа) и кичекъ, бывшія однодворки носятъ б. ч. въ будни *юбки*—суконныя красныя, синія и прочихъ цвѣтовъ, причемъ голову повязываютъ платками; а въ праздники однодворки носятъ *сарафаны*, а на головѣ сборники, кокошники и повойники; извѣстны у однодворокъ и душегрѣйки.

Объ отличіи однодворческаго костюма отъ одежды помѣщичьихъ крестьянъ въ уѣздахъ Ливенскомъ, Елецкомъ и Орловскомъ сообщаетъ также А. Тарачковъ [5]), но

---

[1]) Мих. Стаховичъ, Исторія, этнографія и статистика Елецкаго уѣзда. М. 1858, с. 29.

[2]) Лѣсковъ, Юдоль, гл. 1 (Сочиненія, изд. 3, т. 33, стр. 6).

[3]) Обитель и житель (Древн. и Нов. Россія, 1876, № 8, стр. 301).

[4]) АГО. XXVII, 18.

[5]) Орловскія Губ. Вѣд. 1861, № 4.

объясняетъ это различіе только большею зажиточностью однодворцевъ. По его словамъ, „однодворки вообще *лучше* одѣваются, нежели помѣщичьи крестьянки"; „шелковые платки и накидки (душегрѣйки), покрытыя шелковою матеріею, иногда съ узорами изъ мишурнаго золота, очень часто можно видѣть у государственныхъ крестьянъ и очень рѣдко у помѣщичьихъ" [1]). Какъ видимъ, и здѣсь есть намеки на отличіе однодворческаго костюма по существу: душегрѣйки и головные платки характерны именно для однодворокъ, но авторъ смотритъ на все глазами экономиста, а не этнографа. Сравнительнымъ же „довольствомъ" однодворцевъ объясняетъ Тарачковъ и подмѣченное имъ антропологическое отличіе между барскими и однодворцами: „дебелыя формы однодворокъ (Ливенскаго у.) ясно показываютъ, что барщинный трудъ имъ неизвѣстенъ" [2]).

У проф. Будде приводится одна фраза, произнесенная мѣстною крестьянкою, откуда явствуетъ, что однодворки села Станового Колодезя, Покровской волости Орловскаго уѣзда, „всѣ въ сарафанахъ" [3]).—В. Зуевъ въ 1781 г. описываетъ костюмъ владѣльческихъ крестьянокъ дер. Полевой Орловскаго у. (№ 75): „понява, назади клѣтчатая съ вышитыми шелкомъ узорами, а спереди другая китайчатая, или тафтяная иного цвѣта"; „на головахъ повойники, вышитые шелкомъ" [4]).

На сѣверѣ Брянскаго уѣзда, гдѣ однодворцевъ нѣтъ, поневы (синія клѣтчатыя, иногда съ нашивными красными клѣтками) обычны у барскихъ; у государственныхъ же крестьянъ обычны ситцевые (пестрые, съ цвѣтами) сарафаны [5]). Въ Сѣвскомъ уѣздѣ, гдѣ однодворцевъ также почти совсѣмъ нѣтъ, господствуетъ понева, но кое-гдѣ сохранилась смутная память о душегрѣйкѣ [6]).

Вообще, нигдѣ отличіе однодворческаго костюма отъ

---

[1]) Тамъ же, № 4, стр. 48.

[2]) Тамъ же № 4, стр. 48.

[3]) Сборникъ II-го Отдѣл. Ак. Н., т. 76, с. 41 и 42.

[4]) В. Зуевъ, Путеш. записки 1781 г. Спб. 1787, с. 138.

[5]) Устное сообщеніе мѣстнаго уроженца, студ. Красникова; данныя относятся къ 1907—1909 годамъ.

[6]) Жив. Стар. 1910, № 1—2, с. 8, статья Д. О. Святскаго, который, впрочемъ, въ однодворческихъ селеніяхъ не былъ.

барскаго не проявляется съ такою правильностью, какъ то въ Орловской губерніи; но и здѣсь однодворческій костюмъ, какъ видимъ, двойственный: у однихъ юбки, у другихъ сарафаны; послѣдніе говорятъ намъ о силѣ Московскаго вліянія, первыя—о силѣ вліяній мѣстнаго и западнаго.

§ 63. Теперь переходимъ къ вопросу о происхожденіи мѣстныхъ однодворцевъ. Какъ и вездѣ, составъ Орловскихъ однодворцевъ оказывается очень пестрымъ, но преобладали въ немъ прежніе однодворцы же (дѣти боярскіе и другіе служилые люди), подвинутые впередъ, въ степь, съ прежнихъ сторожевыхъ линій.

Въ старомъ Орловскомъ уѣздѣ (Орелъ основанъ въ 1566 г.), который обнималъ нынѣшній Орловскій уѣздъ съ большими частями сосѣднихъ уѣздовъ, мы видимъ въ XVI вѣкѣ много Ливенскихъ (изъ Ливенскаго уѣзда; гор. Ливенъ тогда еще не было, но были лагери въ полѣ), Болховскаго сотника; („Мценскіе сотники" были, какъ кажется, временными жителями); немало съ р. Оки: Колугины, Серпуховитиновы, Резанцовъ. Рядомъ были и выселенцы „изъ сѣверскихъ городовъ": Путивльцевъ и Стародубцевъ; о польскомъ элементѣ говорятъ фамиліи: Фаустовъ, Лотынинъ, Карловъ; о татарскомъ (?): Татаренковы, Кунаковы, Орнаутовы. Были, наконецъ, „Донскіе атаманы" [1]). Въ Ельцѣ, основанномъ около 1592 г., поселились казаки изъ Епифани и Кропивны [2]). Ливны (основ. около 1586 г.) были заселены служилыми людьми изъ Коширы, Орла, Калуги и др. [3]). Подгоронія слободы гор. Сѣвска: Стрѣлецкая, Пушкарная, Казачья, Крестовская Пушкарная (теперь село Коростовка), Рейтаровка, заселены въ 1623 году, послѣ смутнаго времени, когда здѣсь все запустѣло, казаками изъ Новгородъ-Сѣверска, переведенными сюда по распоряженію правительства [4]).

§ 64. Переходя теперь къ барскимъ крестьянамъ Орловской губерніи, мы должны прежде всего замѣтить,

---

[1]) Университетскія Извѣстія, 1909, № 1, стр. 58—59 (изслѣдованіе П. Смирнова).

[2]) Рожковъ, Сельское хоз. 346.

[3]) Г. Пясецкій, Ливны. 1893, с. 57; срв. Рожковъ, с. 345—346.

[4]) Сборникъ Орловскаго Церковно-Археологическаго Общества, I, стр. 28.

что они, въ полную противоположность однодворцамъ, не успѣли еще слиться во сколько-нибудь однообразное цѣлое, что вполнѣ понятно при ихъ сравнительно недавнемъ появленіи въ краѣ и при отсутствіи общихъ интересовъ и связей между собою. Барскіе Орловской губ. дѣлятся на рядъ мелкихъ этнографическихъ группъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи; различіе этихъ группъ обусловлено всецѣло различіемъ ихъ прежней родины.

Сѣверно-великорусское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ сказывается до сихъ поръ въ ихъ окающемъ говорѣ. Таковы окальщики: 1) „Куракинскіе", переведенные въ Орловскую губернію около 1780 г. кн. Куракинымъ, въ количествѣ двухъ тыс. душъ, изъ Тверской губерніи и поселенные въ двухъ деревняхъ „Куракиныхъ" (№№ 2896 — 2897 по „Списку") Малоархангельскаго уѣзда. Объ ихъ оканьѣ сообщаетъ Тарачковъ въ 1861-мъ году [1]). Вмѣстѣ съ отличіемъ въ говорѣ Тарачковъ отмѣчаетъ у „Куракинскихъ" также и отличіе въ костюмѣ: темносиніе сарафаны [извѣстно, что сѣверно-великоруссамъ понева вообще чужда] мѣстныхъ женщинъ, а также голубыя и синія рубахи мужчинъ, наконецъ родъ кичекъ, „которыя спереди оканчивались почти горизонтально наклоненными четыреугольниками", — все это „напомнило (Тарачкову) крестьянъ Новгородской губерніи." (Срв. ниже § 76).

Другая группа Орловскихъ окальщиковъ извѣстна подъ именемъ „Самаринскихъ". Это бывшіе крѣпостные Самарина, живущіе въ селѣ Оревѣ, Ливенскаго уѣзда. Они переселены сюда владѣльцемъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ; откуда, намъ неизвѣстно. Въ ихъ говорѣ кромѣ оканья отмѣчено и сѣверно-великорусское окончаніе 3 л. ед. ч. -тъ [2]).

О барскихъ крестьянахъ с. Пріятнаго (Никольское тожъ, №99), Филосовской волости Орловскаго уѣзда, Г. Москвитинъ

---

[1]) Орл. Г. В. 1861, № 1, с. 2.—Согласно „Каталогу выставки этнографическаго отдѣла Орловской Уч. Архивной Комиссіи" (s. l. et a.), „крестьяне Куракинской, Алексѣевской и Александровской волостей Малоархангельск. у., бывшіе помѣщичьи, переселены были въ началѣ [?] прошлаго 18 вѣка изъ поволжскихъ губерній и до сихъ поръ, какъ въ рѣчи и образѣ жизни, такъ и въ костюмѣ, сохраняютъ рѣзкія отличія отъ Орловскихъ крестьянъ" (№ 69-й каталога).

[2]) Кр. прогр. № 98, Лебедева; см. ниже § 75.

(кр. прогр. № 96) замѣчаетъ, что они говорятъ на *о*.—Вѣроятно, окаютъ же крестьяне владѣльческаго села Салтыкова (№ 142) Альшанской волости, въ говорѣ которыхъ отмѣчено лишь окончаніе 3 л. ед. ч. -тъ (кр. прогр. № 96, Москвитинъ). —Наконецъ, „болѣе или менѣе близокъ къ грамматической правильности“ говоръ „подмосковныхъ“ Болховскаго уѣзда; объ этомъ сообщаетъ В. И. Поповъ въ своей статьѣ „О народномъ говорѣ Орловской губерніи“ (Орл. Г. В. 1860, № 5). Выше (№ 3, стр. 26) тотъ же авторъ называетъ „близкимъ къ грамматической правильности“ окающій говоръ Куракинскихъ крестьянъ. Но судя по контексту, „подмосковные“ Болховскаго уѣзда скорѣе *а*каютъ, только по московски („говоръ этотъ не чуждъ нѣкоторыхъ уклоненій отъ общихъ законовъ русскаго языка; онъ носитъ на себѣ характеръ преимущественно Московскаго говора“).

Двѣ мелкихъ группы помѣщичьихъ крестьянъ Орловской губерніи слывутъ у своихъ сосѣдей-однодворцевъ подъ кличкою *„цукановъ“*. Кличка эта имѣетъ здѣсь, повидимому, общее, широкое значеніе: „бывшіе крѣпостные, отличающіеся отъ однодворцевъ по говору и быту“. Въ Елецкомъ уѣздѣ однодворцы села Запольнаго Тербунца [1]) называютъ „цуканами своихъ деревенскихъ сосѣдей, бывшихъ крѣпостными“ (кр. прогр. № 111[6]). Другіе „цуканы“ живутъ въ пограничномъ съ Курскою губерніею помѣщичьемъ селѣ Березовцѣ (Никольское, Черновское тожъ, № 2342) [2]); о ихъ своеобразномъ говорѣ у насъ будетъ рѣчь ниже (§ 74).

„Камарицкими“ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству священника села Турищева (№ 1317) П. Маккавеева, называютъ бывшихъ крѣпостныхъ графа Кушелева-Безбородко (Орл. Г. В. 1868, № 14). Но это, вѣроятно, мало распространенное и притомъ сравнительно новое пониманіе стараго термина. Старинная Комарицкая волость занимала весьма большое пространство, почти весь югъ Орловскаго полѣсья. Священникъ Лукьяновъ ѣхалъ въ 1710-мъ году

---

[1]) Это старинное однодворческое село, лежавшее прежде въ Чернавскомъ уѣздѣ: Труды Орловской Арх. Комиссіи, 1893, II, с. 4.

[2]) Русск. Филол. Вѣстн. 1905, № 3, с. 41, А. И. Соболевскій.

„Комарицкою волостью отъ Орла до Сѣвска 3 дни“ [1]); онъ называетъ комарицкихъ ямщиковъ „егуньемъ“, т. е. ягунами, кагокающими, что вполнѣ подходитъ къ полѣхамъ. Въ Трубчевскомъ уѣздѣ „Комаричами“ и теперь еще крестьяне называютъ уѣзды Сѣвскій, Дмитровскій и отчасти Карачевскій [2]).

Населеніе Дмитровскаго уѣзда состоитъ главнымъ образомъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ; однодворцевъ здѣсь всего 330 душъ, въ 13-ти селеніяхъ (данныя 1850 г.; см. выше). Не удивительно, что мѣстное населеніе отличается большою этнографическою пестротою. Д. Красинъ въ 1865-мъ году отзывается такъ объ околодкѣ около почтовой станціи Волобуевой (№ 1240), что́ на дорогѣ изъ Дмитровска въ Кромы: „Во всемъ околодкѣ *каждая деревня* характеристически отличается своими обычаями отъ всѣхъ другихъ. Свои наслѣдственные обычаи каждая изъ нихъ тщательно и упорно сберегаетъ“ (Орл. Г. В. 1865, № 15). Въ качествѣ общей черты для этого околотка Красинъ указываетъ на отсутствіе въ мѣстномъ говорѣ звука *ё*.

Относительно происхожденія помѣщичьихъ крестьянъ Орловской губерніи у насъ имѣются свѣдѣнія,—если исключить окальщиковъ,—только объ Елецкомъ уѣздѣ: здѣсь, по словамъ М. Стаховича, крестьяне — выселенцы изъ сосѣднихъ уѣздовъ губ. Рязанской, Тульской и Орловской же [3]).

§ 65. Монастырскихъ крестьянъ въ предѣлахъ Орловской губерніи вообще немного, и свѣдѣній о нихъ у насъ мало. Больше всего ихъ въ уѣздѣ Карачевскомъ. Здѣсь Благовѣщенскій насчитываетъ 13 общинъ экономическихъ крестьянъ, бывшихъ за Тихвинскимъ Карачевскимъ монастыремъ. А именно: селенія Бережокъ (№ 2011, при р. Снѣжети), Бутрь (2046), Рясникъ (2012), Лбы (2058), Прилѣпы (2057?), Ружное (2065), безусловно, монастырскія; къ нимъ же, вѣроятно относятся: Ревна (2063), Подосинки (2039),

[1]) Путешествіе въ Святую землю. М. 1864, с. 8; точнѣе: отъ Кромъ до Сѣвска; „и тутъ (въ Кромахъ) ѣдши хлѣба и поидохомъ въ Комарицкую волость“.

[2]) Орловск. Г. В. 1865, № 10; у Трубчевскихъ крестьянъ имѣются связи съ этими уѣздами на почвѣ отхожаго пастушескаго промысла.

[3]) Стаховичъ, Исторія, этнографія и стат. Елецкаго у., с. 29.

Ячное (1980), Песочня (1848), Кукуевка (1902), Одринское (1853) и Глинки (1985) [1]).

Извѣстна еще группа монастырскихъ селеній, расположенныхъ на западѣ Дмитровскаго уѣзда и въ сосѣдней съ нимъ части Сѣвскаго. Въ селѣ Столбовѣ (1303) и въ Спасъ-Радогожской слободѣ (1296, на рч. Нерусѣ), Дмитровскаго уѣзда, были монастыри. Не такъ далеко отъ нихъ, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, расположенъ существующій понынѣ монастырь „Площáнская Богородицкая пустынь“ (3757). Замѣчательно, что здѣсь нѣкоторыя изъ селеній монастырскихъ крестьянъ успѣли потомъ попасть въ крѣпостную зависимость отъ помѣщиковъ, почему и числятся въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ „владѣльческими“. Таковы: с. Глоднево (1304) Дмитровскаго у., принадлежавшее Кушелеву-Безбородко, с. Радогощь (3763) Сѣвскаго у., принадлежавшее кн. Голицыну, и с. Брасово (3727), Сѣвскаго же у.,—Апраксину [2]). Монастырская дер. Война (3826), Сѣвскаго уѣзда, этой участи избѣжала [3]).—На юговостокѣ Дмитровскаго уѣзда монастырскою была Волковская волость [4]), гдѣ расположено с. Лужки съ извѣстнымъ намъ говоромъ.

Въ Ливенскомъ уѣздѣ, въ 1646 г., изъ общаго количества 230 дворовъ—за церквами и монастырями было 49 крестьянскихъ дворовъ [5]).

§ 66. Кромѣ отмѣченнаго выше историко-сословнаго дѣленія, въ предѣлахъ Орловской губерніи мы сталкиваемся еще и съ инымъ, историко-географическимъ дѣленіемъ населенія. Если первое дѣленіе ведетъ свое начало отъ временъ правительственной колонизаціи степной украйны, то послѣднее восходитъ къ болѣе древнему періоду.

Разумѣемъ мы дѣленіе на „полѣховъ“ и „степняковъ“.

Какъ видимъ, термины эти, безусловно созданные самимъ народомъ, по происхожденію своему чисто географическіе: *полѣхи*—обитатели лѣсовъ, *степняки* — жители степей. Для болѣе точнаго разграниченія полѣховъ отъ

---

1) Благовѣщенскій, Четвертное право, 380.
2) Журналъ Мин. Госуд. Имущ. VI, 1842, смѣсь, с. 137.
3) Орл. Г. Г. 1862, №: 18, с. 207, Тарачковъ.
4) Журн. Мин. Гос. Им. VI, 137.
5) Г. Пясецкій, Ливны, с. 120.

степняковъ необходимо, такимъ образомъ, прежде всего выяснить границы „лѣса“ и „степи“. Трудность тутъ заключается въ томъ, что границы эти въ разное время были различны: лѣса постепенно вырубались, частью горѣли, и въ результатѣ получалась „степь“; вмѣстѣ съ тѣмъ и жители этихъ лѣсовъ превращались въ „степняковъ“.

Главное же то, что съ теченіемъ времени терминъ „полѣхи“ получилъ новое, чисто этнографическое значеніе: такъ стали называть особый этнографическій типъ русскаго населенія, встрѣчавшійся главнымъ образомъ въ полѣсьяхъ. Какъ видно, между прочимъ, и изъ разсказа Тургенева „Пѣвцы“, терминъ „палѣха“ сдѣлался, въ устахъ народа, полубраннымъ словомъ, насмѣшливою кличкою для „сѣраго“, отставшаго въ своемъ культурномъ развитіи, жителя „медвѣжьихъ угловъ“. Въ этомъ новомъ значеніи терминъ „полѣхи“ сдѣлался, естественно, неустойчивымъ и, такъ сказать, подвижнымъ. Вмѣстѣ съ быстрымъ распространеніемъ городской и фабричной цивилизаціи число полѣховъ (въ этомъ новомъ смыслѣ) сокращалось: прежніе безспорные „полѣхи“ уже переставали себя считать таковыми, а относили эту кличку къ другимъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ литературѣ мы легко можемъ встрѣтиться съ неодинаковыми указаніями относительно мѣстожительства полѣховъ: разные авторы собирали свои свѣдѣнія въ разное время и изъ различныхъ источниковъ; одни, говоря о полѣхахъ, основывались на географическомъ признакѣ, другіе—на признакахъ этнографическихъ, на самоназваніи, на свидѣтельствахъ сосѣдей и т. п.

Въ цѣляхъ возможно точнаго разрѣшенія вопроса мы приведемъ всѣ свидѣтельства разныхъ авторовъ, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ.

Свящ. Лукьяновъ [1]) ѣдетъ въ 1710-мъ году изъ Болхова на Орелъ и замѣчаетъ, что тутъ „степь голая“; „градъ Орелъ стоитъ на Окѣ рѣкѣ *въ степи*“.

Въ „Очеркахъ Россіи“ В. Пассека [2]) поясняется, что „*полѣхи*“—жители Полѣсья, т. е. Брянскаго и Трубчевскаго

[1]) Путеш. въ Св. землю, 7.
[2]) Вып. IV. М. 1840, с. 16.

уѣздовъ"; здѣсь, такимъ образомъ, не отнесенъ къ Полѣсью уѣздъ Болховскій.—Вполнѣ согласно съ этимъ И. С. Тургеневъ противополагаетъ Болховскій уѣздъ лѣсному Жиздринскому, видимо относя его къ степи („Хорь и Калинычъ").

Неизвѣстный авторъ 1843 г. замѣчаетъ вскользь, что и народъ называетъ *степью* южные предѣлы губерній Курской, Орловской и Рязанской [1]).—М. Стаховичъ и А. Тарачковъ согласно называютъ западъ Орловской губерніи „полѣсьемъ", а востокъ ея „степью" [2]). При этомъ Тарачковъ перечисляетъ 8 степныхъ уѣздовъ этой губерніи, оставляя на долю полѣсскихъ уѣздовъ только 4: Сѣвскій, Трубчевскій, Брянскій и Карачевскій, и замѣчая, что безлѣсная полоса губерніи занимаетъ почти двѣ трети всего ея пространства [3]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же А. Тарачковъ пишетъ: „Начиная съ югозападнаго края Трубчевскаго уѣзда, лѣса проходятъ во всю его длину въ направленіи къ сѣверу, особенно по лѣвому берегу р. Десны; потомъ тянутся чрезъ Брянскій и Карачевскій уѣзды, сливаясь дальше съ Жиздринскимъ" [4]). Проѣзжая въ 1861-мъ году „степью" Орловскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ, тотъ же путешественникъ отмѣчаетъ на пути здѣсь только кое-гдѣ дубовыя рощи, напр. у дер. Сорочьи кусты (№ 74, Орловск. у.), въ Гнилушѣ (№ 2894, Малоарханг. у. [5]).

Отъ 1865 г. мы имѣемъ весьма важное свидѣтельство Карпова, указывающее, что Брянскій уѣздъ занятъ лѣсами далеко не весь. „*Полѣсье* Брянскаго уѣзда исключительно составляетъ низменная лѣвая сторона рѣки Десны; правая сторона, напротивъ, гористая и почти безлѣсная, такъ что неудовлетворяетъ самымъ необходимымъ нуждамъ здѣшнихъ жителей: не говоря уже о постройкахъ, лѣса недостаетъ и для отопленія. Поэтому вся лѣвая сторона рѣки Десны называется „Полѣсьемъ", правая же—„Зарѣчьемъ", и зарѣцкіе жители большую часть своихъ нуждъ въ деревѣ

---

[1]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1843, ч. I, с. 7.

[2]) М. Стаховичъ, Исторія, этнографія и статистика Елецкаго уѣзда, 57.

[3]) Орл. Г. В. 1859, № 11, с. 52.

[4]) Орл. Г. В. 1862, № 8.

[5]) Орл. Г. В. 1861, № 1.

удовлетворяютъ изъ „Полѣсья". Исключеніе составляетъ одно только мѣсто, въ 70-ти верстахъ отъ Брянска вверхъ по теченію Десны, при впаденіи въ Десну съ лѣвой стороны р. Вѣтьмы, а съ правой Бѣлизны: здѣсь лѣсъ перешелъ на правый берегъ Десну верстъ на 25 ширины и потянулся сплошной массой въ Рославскій уѣздъ, отчего вѣроятно это мѣсто и получило названіе „Кривого лѣса" [1]).

По этому описанію выходитъ, что къ полѣсью принадлежитъ только сѣверо-восточная и частью вообще сѣверная часть уѣзда, а прочее пространство его безлѣсное. Вполнѣ согласно съ этимъ, неизвѣстный авторъ 1866 г. причисляетъ сѣверную часть Брянскаго уѣзда къ „лѣсной" половинѣ губерніи и говоритъ о рѣзкой этнографической разницѣ этой половины уѣзда отъ части безлѣсной [2]).

Въ 1868 г. священникъ села Турищева Дмитровскаго у. (№ 1317) говоритъ о „полѣхахъ" жнецахъ, приходящихъ цѣлыми артелями въ уѣзды Болховскій, Карачевскій и другіе жать рожь [3]). Здѣсь, такимъ образомъ, Карачевскій уѣздъ какъ бы исключается изъ области полѣховъ.

С. Максимовъ замѣчаетъ, что „западная часть Орловской губерніи, т. е. уѣзды Трубчевскій, Сѣвскій и Брянскій, населена такъ называемыми палѣхами" [4]).

Въ с. Теребени, Жиздринскаго уѣзда Калужской губ., Орловскую губернію называютъ „степью", а себя „полѣхами" [5]). Въ Козельскомъ уѣздѣ „степью" называютъ Тульскую и Орловскую губерніи вообще [6]). Вполнѣ согласно съ этимъ, въ Ильинской волости Болховскаго уѣзда „полѣсьемъ" слываетъ Жиздринскій уѣздъ и „полѣхами" — жиздринцы [7]).

Е. Будде, изучавшій говоры Орловской губерніи въ 1902-мъ году, сообщаетъ, что „полѣхи, по утвержденію мѣстныхъ жителей, начинаются въ Орловской губерніи съ

[1]) Карповъ, Полѣсье (Журналъ Имп. Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства, 1865, № 17, прилож., с. 626—627).

[2]) Орл. Г. В. 1866, № 44.

[3]) Орл. Г. В. 1868, № 14, с. 111.

[4]) Древн. и Нов. Россія, 1876, № 8, с. 306 („Обитель и житель").

[5]) Н. Дурново, Діалект. карта, 29, по сообщенію А. А. Шахматова.

[6]) Стастистическое описаніе Калужской губ., т. I. вып. 2, с. 623.

[7]) Устное сообщеніе А. И. Сахарова.

Карачевскаго уѣзда; а именно: деревни Мокрая, Рѣвны, Ружное, Прилѣпы, Верхополье и др. уже заселены „полѣхами". Да и вообще,—замѣчаетъ нашъ авторъ,—лѣса и болота начинаются почти сейчасъ же около Карачева, къ западу отъ него" [1]). — Отмѣтимъ, что названныя деревни (№№ 2015, 2036, 2063 и 2065) расположены на западъ и югозападъ отъ Карачева въ разстояніи 6 — 24 верстъ отъ города.—У Будде же приводится еще фраза одного жителя дер. Литовники Вороновской волости Брянскаго уѣзда: „Верст за 30 ѣздим по дрова: степ у нас" [2]).

Ботаникъ Святскій, изучавшій растительность Сѣвскаго уѣзда въ 1903—4 годахъ, различаетъ въ этомъ уѣздѣ „три разнородныхъ части: 1) сѣверная, съ сосновыми Нерусскими или Комарицкими, какъ ихъ называютъ лѣтописи, лѣсами на пескахъ, служащими продолженіемъ знаменитыхъ Брынскихъ (Брянскихъ) лѣсовъ; 2) средняя малолѣсистая и холмистая область и 3) южная — съ Подывотскими лѣсами на „сѣрыхъ лѣсныхъ земляхъ, называемая въ старинныхъ рукописяхъ областью „на сыромъ корени" [3]). На основаніи разныхъ историческихъ данныхъ и соображеній Святскій дѣлаетъ такой выводъ: „хотя лѣса бассейна рр. Сѣвы и Усожи теперь значительно уменьшились, вслѣдствіе уничтоженія, но и въ древности (XVI—XVII вв.) здѣсь не было сплошныхъ лѣсныхъ площадей, какъ Нерусскіе (Комарицкіе) лѣса на сѣверѣ и Подывотскіе на югѣ уѣзда" [4]).

В. Введенскій изъ с. Троицкаго Брянскаго у. въ отвѣтѣ на прогр. № 259 (Матер. IX, 202) пишетъ: „Жителей села Пятницкаго и села Фошни, равно какъ и другихъ селеній къ сѣверо-восточной и восточной сторонамъ Брянскаго уѣзда, крестьяне села Троицкаго называютъ „полѣхами",—очевидно себя таковыми не считая. И дѣйствительно, въ той мѣстности больше лѣсовъ и жизнь глуше".—Здѣсь, повидимому, вмѣшался уже иной принципъ дѣленія, историко-соціальный: сёла Троицкое и Пятницкое лежатъ одинаково на правой сторонѣ р. Десны, т. е. на сторонѣ,—

[1]) Сборн. II-го Отдѣл. Ак. Н., т. 76, с. 93.

[2]) Тамъ же, с. 87.

[3]) Д. Святскій, Очеркъ растительности Сѣвскаго уѣзда. Спб. 1905, с. 8.

[4]) Тамъ же, с. 38.

какъ мы уже знаемъ,—безлѣсной (исключая „Кривого лѣса“, который идетъ южнѣе). Неподалеку отъ с. Пятницкаго лежитъ дер. Литовники, жители коей, по сообщенію Будде, считаютъ себя „степью“. Почему же обитатели с. Пятницкаго слывутъ у сосѣдей „полѣхами“?—Единственное удовлетворительное объясненіе слѣдующее: Троицкое и Литовники населены бывшими помѣщичьими крестьянами, тогда какъ Пятницкое и Фошня никогда въ крѣпостной зависимости не были [1]); очевидно, эти два послѣднія села—болѣе древнія и населеніе въ нихъ, быть можетъ, аборигены края. Напротивъ, Литовники и Троицкое, какъ и большая часть помѣщичьихъ селеній, населены, вѣроятно, позднѣе; главное же, они подверглись скорѣе городскому культурному вліянію.

Вообще же, почти всѣ наши источники *въ главномъ* между собою согласны. Разныя свѣдѣнія имѣются только о Карачевскомъ уѣздѣ, который одни относятъ къ полѣсью, другіе—къ степи; но это недоумѣніе легко разрѣшается авторитетнымъ свидѣтельствомъ Будде: полѣсью принадлежитъ только западъ этого уѣзда, начиная съ гор. Карачева. Равнымъ образомъ, и Брянскій уѣздъ далеко не весь полѣсскій: лѣсная часть его лежитъ лишь на сѣверѣ, близъ границъ Калужской губерніи. Сѣвскій же уѣздъ весь и безспорно принадлежитъ къ полѣсью; Пассекъ не перечисляетъ его въ числѣ полѣсскихъ, конечно, только по случайной неполнотѣ своихъ свѣдѣній.

Но въ древности граница лѣса и степи проходила въ Орловской губерніи, безспорно, много восточнѣе. Мы уже видѣли, что еще въ 1861 г. встрѣчались кое гдѣ дубовыя рощи, явные остатки прежнихъ лѣсовъ, въ „степныхъ“ уѣздахъ—Малоархангельскомъ и Орловскомъ (Тарачковъ). Для XVI-го вѣка (1517—1521 г.г.) мы имѣемъ цѣнное замѣчаніе Герберштейна, изъ котораго узнаемъ, что около Мценска тогда жили „будники“, хотя укрѣпленій никакихъ въ Мценскѣ не было: при наступленіи опасности они прятались въ сосѣднія болота, „какъ за стѣны крѣпости“ [2]).

[1]) По устному сообщенію мѣстнаго уроженца, студ. Красникова с. Пятницкое было прежде монастырскимъ.

[2]) Записки о Московіи барона Герберштейна. Переводъ И. Анонимова. Спб. 1866, с. 103.

§ 67. Этнографическія особенности Орловскихъ полѣховъ касаются прежде всего и больше всего одежды. Объ отличіи полѣсскаго костюма говорятъ почти всѣ наблюдатели и какъ на главную его особенность указываютъ на бѣлый цвѣтъ.

Неизвѣстный авторъ 1866 г. такъ описываетъ этотъ костюмъ: „Одежда жителей сѣверной части Брянскаго уѣзда сходна съ одеждою жителей Смоленской губерніи и бѣлоруссовъ. Господствующій цвѣтъ ея бѣлый. Мужчины носятъ *бѣлый* зипунъ изъ обыкновеннаго крестьянскаго сукна домашняго издѣлія, а на головѣ *такого же цвѣта* войлочная шляпа, на подобіе низенькаго, опрокинутаго гречишника. Зимою сверхъ зипуна сыромятный (не дубленый) тулупъ.— У женщинъ вся одежда преимущественно холщевая, даже и головная повязка. По праздникамъ только шерстяныя, домашняго издѣлія и окраски, *юбки* (курсивъ, какъ и вездѣ, нашъ), главнымъ образомъ *темносиняго* цвѣта, клѣтчатыя, а на головахъ бумажные платки разныхъ цвѣтовъ“ [1]).

Описанный костюмъ Брянскихъ полѣховъ, характеризующійся, какъ видимъ, отсутствіемъ поневы (?) и кички, дѣйствительно сходенъ съ бѣлорусскимъ; но въ отношеніи женской одежды онъ не является у полѣховъ общераспространеннымъ; что же касается *мужской* Брянской одежды, то она дѣйствительно типична едва ли не для всѣхъ полѣховъ.

В. Введенскій, изъ Брянскаго же уѣзда, описываетъ только одинъ мужской костюмъ полѣховъ селъ Пятницкаго, Фошни и др.: здѣсь бѣлыя „валёнки“ (колпаки) на головѣ, сѣрые съ фалдами зипуны, обшитые красными нитками или же черными суконными, наподобіе тесьмы, полосками; рѣже носятъ сапоги (очевидно, лапти?). Напротивъ, Троицкіе крестьяне того же уѣзда, не считающіе себя полѣхами, носятъ на головѣ фуражки, черные „коротчики“ со сборками по таліи, обшитые по воротнику, а часто и по таліи, манчестеромъ; чаще носятъ сапоги [2]).

Въ с. Полпинѣ (на сѣверо-востокѣ Брянскаго уѣзда, недалеко отъ уѣзднаго города, но недалеко же и отъ гра-

---

[1]) Орл. Г. В. 1866, № 44, с. 145.

[2]) Прогр. № 259; срв. Матер. IX, 203.

ницы Жиздринскаго уѣзда) бѣлые кафтаны и маленькіе бѣлые же колпачки [1]).

Тотъ же мужской костюмъ существовалъ еще недавно у полѣховъ Сѣвскаго уѣзда: Тарачковъ въ 1861-мъ году встрѣтилъ здѣсь „бѣлые войлочные колпаки, походившіе на низенькіе, опрокинутые на головы гречишники“ [2]). Сполоховъ въ уѣздахъ Трубчевскомъ, Брянскомъ и Карачевскомъ отмѣтилъ „войлоковые колпаки бѣлые и сѣрые“ [3]); на рисункахъ Сполохова разрѣзъ мужской рубашки на боку, но прямой.

Д. О. Святскій въ своей недавней статьѣ о костюмахъ Сѣвскаго уѣзда [4]) описываетъ главнымъ образомъ женскую одежду, мужской касаясь лишь отчасти. Онъ вскользь упоминаетъ, что „встрѣчалъ“ въ с. Сѣтномъ (№ 3889, село удѣльное) Сѣвскаго уѣзда войлочныя шапки мѣстной работы, съ *бѣлымъ верхомъ* и темнокоричневымъ околышемъ, такія же точно, какія обычны и на востокѣ сосѣдняго Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда (стр. 14). Но въ качествѣ господствующихъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ мужскихъ головныхъ уборовъ Святскій называетъ лишь „колпаки“ (войлочныя шапки), свалянные изъ *темно-коричневаго* сукна, самодѣльныя соломенныя шляпы, покупныя шапки и картузы (стр. 6). Очевидно, мужской головной уборъ здѣсь уже успѣлъ измѣниться. Разрѣзъ груди у мужкой рубашки здѣсь „по прежнему сбоку“ (стр. 6), то есть великорусскій, а не бѣлорусскій; то же было и при Сполоховѣ. Прежде здѣсь были мужскія рубахи „голошейки“, т. е. безъ стоячаго воротника (с. 6).

Н. М. Могилянскій встрѣтилъ описанный нами выше типичный бѣлый костюмъ Орловскихъ полѣховъ только, кажется, въ дер. Логиревкѣ Сѣвскаго уѣзда. Онъ пишетъ: „дер. Логаревка очень любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней довольно часто можно было встрѣтить мужчинъ, съ ногъ до головы одѣтыхъ въ костюмъ... собственнаго домашняго издѣлія. Валеная шапка на головѣ, *бѣлая или коричневая, бѣлая* холщевая рубаха, шерстяной поясокъ, *бѣлые*

[1]) Жив. Стар. 1898, с. 424.
[2]) Орл. Г. В. 1861, № 49, с. 603.
[3]) Архивъ Географ. Общ. XXVII, 18.
[4]) Жив. Стар. 1910, № 1—2, с. 3—17.

холщевые порты, суконные онучи и лапти, все свое" (стр. 12). На рисункѣ (№ 21) воротъ мужской рубахи на боку [1]). Къ этому необходимо добавить, что дер. Логиревка (№ 3751)—бывшая владѣльческая и, судя по замѣчаніямъ Тарачкова [2]), для Сѣвскаго уѣзда не вполнѣ типична.

Что касается женскаго костюма Орловскихъ полѣховъ, то въ немъ мы не находимъ того однообразія, какое встрѣтили въ мужскомъ полѣсскомъ костюмѣ. Описанный нами выше бѣлорусскій типъ одежды полѣсскихъ женщинъ сѣверной половины Брянскаго уѣзда (безъ поневъ и кичекъ) отмѣченъ еще въ удѣльномъ селеніи Денисова Гута (Денисовка тожъ, № 4066 по списку), что въ 35-и вер. отъ гор. Трубчевска, около р. Неруссы и недалеко отъ границы Черниговской губерніи. Здѣсь также не было поневъ, а шерстяныя юбки *малиноваго* (въ Брянскомъ у. мы видѣли темносинія клѣтчатыя) цвѣта, „съ вышитыми по нимъ черными пятнышками, наподобіе мушекъ"; на головахъ большіе платки, изъ подъ которыхъ дѣвицы выставляли волоса [3]). Наблюдатель Тарачковъ находилъ этотъ костюмъ тожественнымъ съ Черниговскимъ и весьма близкимъ къ бѣлорусскому.

Но Денисова Гута, судя по описанію Тарачкова, является въ Сѣвскомъ уѣздѣ вообще рѣдкимъ островомъ, отличаясь отъ сосѣднихъ селеній и своимъ говоромъ, въ которомъ весьма сильны чисто бѣлорусскія особенности: цеканье: моюць вм. моютъ, въ цѣплую, долгія согласныя въ такихъ случаяхъ какъ бяллё и т. п.; еще отмѣчено яканье (*ня* сѣмъ, побялѣе, *нядѣли* двѣ), 3 л. безъ ть: перевезе, приведе, думае; *у* вм. *л* въ глаголахъ, напр. шукау вм. искалъ [4]).

Въ прочихъ селеніяхъ Сѣвскаго и Трубчевскаго уѣзда Тарачковъ отмѣчаетъ однѣ поневы (гл. обр. темносинія) и кокошники, и только въ владѣльческомъ селеніи Лагиревкѣ (№ 3751) женщины уже начинали бросать свои поневы, замѣняя ихъ ситцевыми юбками [5]). Съ такимъ же слу-

---

[1]) Матер. по этнографіи Россіи, I, 1910, с. 12.

[2]) Орл. Г. В. 1862, № 17, с. 203

[3]) Орл. Г. В. 1862, № 18, с. 212.

[4]) Тамъ же.

[5]) Орл. Г. В. 1862, № 17, с, 196; въ Денисовкѣ же юбки были не новшествомъ, а стариной.

чаемъ мы встрѣчаемся и въ с. Малфѣ Трубчевскаго уѣзда (4147, с. каз.), гдѣ старинный женскій костюмъ — поневы и кички—былъ покинутъ въ 1865-мъ году, подъ воздѣйствіемъ мѣстнаго священника [1]); поневы здѣсь были безъ прошвы, съ четыреугольными клѣтками цвѣтовъ—бураго, краснаго и желтаго, а кички—двурогія тяжелыя, до пяти фунтовъ вѣсомъ.

Сполоховъ отмѣчаетъ преобладаніе поневъ и кичекъ въ трехъ уѣздахъ—Трубчевскомъ, Брянскомъ и Карачевскомъ, при чемъ исключеніе дѣлаетъ только для мѣстныхъ однодворокъ, у коихъ юбки, сарафаны, платки, кокошники, сборники и повойники [2]). Святскій не знаетъ и этого исключенія. Правда, при немъ (въ 1909-мъ году) старый женскій костюмъ—поневы, верхуши и запаски — оказался сохранившимся лишь въ с. Литижѣ и сосѣднихъ съ нимъ селеніяхъ [3]); въ прочихъ мѣстахъ Сѣвскаго и Трубчевскаго уѣзда костюмъ этотъ уже исчезъ, но память о немъ была свѣжа; Святскому удалось, на пространствѣ обслѣдованной имъ области, такъ сказать возсоздать семь различныхъ типовъ стариннаго женскаго костюма, причемъ поневы и „кокошники“ (такъ, не точно, Святскій называетъ кички, б. ч. рогатыя) оказываются общею принадлежностью всѣхъ этихъ семи различныхъ типовъ, отличаясь лишь цвѣтомъ и покроемъ.

И Сполоховъ, и Святскій согласно говорятъ о существованіи въ Орловскомъ полѣсьѣ двухъ различныхъ типовъ женской поневы. Къ выясненію этихъ типовъ и ихъ географическаго распространенія — мы теперь и перейдемъ. По Сполохову, обычный покрой поневы въ уѣздахъ Трубчевскомъ, Брянскомъ и Карачевскомъ таковъ: три сшитыхъ полотнища составляютъ кусокъ въ $2^1/_4$ арш. шир. и $1^1/_4$ арш. дл.; у будничной поневы передъ оставляется открытымъ, а у праздничной напереди вставляется прошва изъ цвѣтной матеріи. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ обычный великорусскій типъ поневы, и притомъ—древнѣйшій видъ этого типа, характеризующійся отсутствіемъ прошвы; наличность прошвы въ праздничной по-

[1]) Орл. Г. В. 1865, № 12, ст.П. Добычина.
[2]) АГО. XXVII, 18.
[3]) Жив. Стар. 1910, № 1—2, с. 4.

невѣ—черта, конечно, новая. Другой покрой Орловской поневы Сполоховъ описываетъ такими чертами: двѣ сшитыхъ полосы шерстяной ткани составляютъ кусокъ шир. $1^1/_2$ арш., а длиною—одна полоса $1^1/_4$ арш., другая $3^1/_4$ арш.; такая понева не вздергивается сверху на шнурѣ, а закладывается съ лѣваго бока подъ кушакъ, обтягиваетъ задъ, послѣ чего длинный конецъ ея перегибается внизу и идетъ къ верху праваго бока, перепускается черезъ кушакъ и виситъ концомъ напереди черезъ плечо. Такой покрой поневы распространенъ, по словамъ Сполохова, гл. обр. въ нѣкоторыхъ селеніяхъ около гор. Трубчевска; женщины, носящія этого покроя поневы, по праздникамъ носятъ чаще юбки [1]).—Что касается цвѣта поневъ, то „грунтъ“ ихъ всегда синій или желтоватый, а узоры изъ квадратиковъ или полосатые [1]).

Тарачковъ описываетъ поневу только одинъ разъ, говоря о дер. Лагиревкѣ Сѣвскаго уѣзда. Описаніе его недостаточно подробно: не описанъ способъ ношенія поневы, но все таки ясно, что Лагиревская понева ближе къ тому типу поневъ, который отмѣченъ Сполоховымъ около гор. Трубчевска; еще ближе стоитъ Лагиревская понева къ тому типу, который описываетъ Святскій въ качествѣ преобладающаго въ Сѣвскомъ уѣздѣ типа. „Длина поневы до 8 арш., ширина до $1^1/_2$ арш. Обыкновенно каждая понева сшивается изъ двухъ полотнищъ, между которыми вставлена еще узкая, въ вершокъ шириною, полоса бумажной матеріи ярко пунсоваго цвѣта; но она не доходитъ до противуположнаго конца, а простирается на $^2/_3$ длины всей поневы; далѣе же этой полосы концы обоихъ полотнищъ остаются не сшитыми. Понева привязывается къ таліи узкимъ шерстянымъ поясомъ“ [2]). Что до цвѣта, то фонъ Лагиревскихъ поневъ былъ темно-синій, а по нему—узкія продольныя и широкія поперечныя узорчатыя полоски бѣлаго и темножелтаго цвѣтовъ [2]).

Святскій въ Логиревкѣ не былъ, почему мѣстной одежды не описываетъ. Былъ здѣсь въ 1902-мъ году Могилянскій, но онъ даетъ лишь одно неопредѣленное за-

---

[1]) АГО. XXVII, 18.

[2]) Орл. Г. В. 1862, № 17, с. 196.

мѣчаніе: мѣстная понева „и по орнаменту, и по способу ношенія, и по покрою своему гораздо ближе къ малороссійской плахтѣ“ [1]), и прилагаетъ фотографію *сидящей* женщины въ поневѣ (№ 19); изъ этихъ скудныхъ и неопредѣленныхъ данныхъ явствуетъ лишь одно: Логиревская понева не принадлежитъ къ обычному великорусскому типу поневъ.

Данныя Д. О. Святскаго относятся къ 1909-му году. Въ предѣлахъ обслѣдованной имъ части Сѣвскаго уѣзда онъ различаетъ пять различныхъ типовъ женской одежды, и кромѣ того—два новыхъ типа въ сосѣднихъ съ Сѣвскимъ уѣздахъ—Трубчевскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ. Но эти типы отличаются главнымъ образомъ головными уборами и *цвѣтомъ* поневъ; что же касается *покроя* поневы, то въ этомъ отношеніи Святскій различаетъ лишь два вида поневы и, кромѣ того, плахту Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда.

Въ качествѣ обычнаго для Сѣвскаго уѣзда типа поневы Святскій описываетъ тотъ покрой ея, съ которымъ мы уже встрѣтились въ описаніи Тарачкова для Логиревки. „Понева состоитъ изъ двухъ длинныхъ полотнищъ, до середины сшитыхъ. Сшитой частью покрывается задняя часть тѣла, а двѣ свободныхъ части заворачиваются къ переду и спускаются одна на другую. Затѣмъ, задняя сшитая часть приподнимается и затыкается однимъ концомъ на правомъ боку у поясницы, образуя сзади такъ называемый „кулёкъ“, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немного приглаживается къ фигурѣ, въ другихъ же (преимущественно западныхъ селахъ, напр. Сѣтномъ), наоборотъ, стоитъ торчкомъ, т. наз. пи́пкою.... Это полудикое одѣяніе, оставляя рубаху лишь полуприкрытою, подпоясывается полосатымъ домотканнымъ поясомъ. Спереди рубаха нѣсколько выдергивается и спускается на поясъ мѣшкомъ“ [2]).

Другой типъ поневы встрѣченъ Святскимъ на крайнемъ востокѣ Сѣвскаго уѣзда; это—обычный великорусскій типъ, и именно древнѣйшій его видъ—безъ прошвы. Святскій описываетъ его такъ: „Панева сшита изъ трехъ

---

[1]) Матер. по этнографіи Россіи, I, 1910, с. 11.

[2]) Жив. Стар. 1910, № 1—2, с. 5—6.

короткихъ полотнищъ наподобіе юбки, на шнуркѣ. Опоясывая ею станъ сзади наперед, женщина спереди завязываетъ шнурокъ, а переднія, расходящіяся полы затыкаетъ у пояса, такъ что вся нижняя передняя часть рубахи выставляется наружу. Впрочемъ, спереди, поверхъ паневы надѣвается „запаска“ (фартукъ)“ [1]).

Всего въ Сѣвскомъ уѣздѣ Святскій устанавливаетъ пять округовъ, отличныхъ по женскому костюму. Изъ этихъ пяти округовъ въ четырехъ господствовалъ типъ поневы изъ двухъ длинныхъ полотнищъ, похожій на малороссійскую плахту, и только въ одномъ, самомъ восточномъ, живетъ доселѣ обычная великорусская понева безъ прошвы, описаніе коей мы только что привели. Кромѣ Сѣвскаго уѣзда, первый изъ двухъ типовъ поневы, съ нѣкоторыми измѣненіями, существовалъ еще въ немногихъ мѣстностяхъ около гор. Трубчевска. Вообще же, по преобладающему покрою мѣстной женской поневы Сѣвскій уѣздъ представляетъ собою нѣчто особенное въ Орловской губерніи и даже во всей области южно-великорусскихъ губерній вообще.

Устанавливая въ предѣлахъ Сѣвскаго уѣзда пять различающихся по женскому костюму округовъ, Святскій не задается вопросомъ о причинахъ такой дробности. Но для насъ ясно, что причины эти — историко-соціальныя. Изъ списка селеній, перечисляемыхъ Святскимъ для каждаго типа одежды, мы видимъ, что изъ пяти округовъ Святскаго три принадлежатъ удѣльнымъ крестьянамъ и два — владѣльческимъ. Во всѣхъ трехъ первыхъ понева покроемъ похожа на малороссійскую плахту и только въ одномъ изъ двухъ послѣднихъ она обычная великорусская; цвѣтъ поневъ — у удѣльныхъ преобладаетъ красный, у барскихъ — сѣрый.

Въ первомъ округѣ Святскій перечисляетъ селенія: Орлія, Берестокъ, Зерново, Алешковичи, Заулье, Саранчино, Грудская, Подывотье, Сѣтное. Всѣ эти селенія (по „Списку населенныхъ мѣстъ“ №№ 3864, 3866, 3872—3, 3877, 3884—86, 3889, 3896 — 97) удѣльныя. Цвѣтъ поневъ здѣсь: по черному полю красный, рѣже желтый рисунокъ, рѣдко

[1]) Тамъ же, с. 10.

въ клѣтку (стр. 5). Селенія *второго* округа, Княгинино и Чамлыжъ (№ 3803 и 3805) также удѣльныя; поневы здѣсь вообще тожественны съ первымъ округомъ, „но есть и черные цвѣта съ малозамѣтными красными полосками въ большую клѣтку“ (стр. 7). Къ *четвертому* округу принадлежатъ три удѣльныхъ селенія: Причижъ, Прудки и починокъ Алешкова (№№ 3844 — 3866); но тутъ же и государственное село Лукинки (№ 3842), а также владѣльческая деревня Евдокимово (3843). Единство костюма въ этихъ селеніяхъ, несмотря на ихъ различное прошлое, легко объясняется ихъ близкимъ сосѣдствомъ: всѣ онѣ лежатъ рядомъ и при одномъ и томъ же ручьѣ Сорочьемъ. Цвѣтъ поневъ для этого округа Святскимъ не описанъ.

Третій и пятый изъ установленныхъ Святскихъ округовъ обнимаютъ исключительно только владѣльческія деревни. Къ *третьему* относятся Доброводье, Сѣнное, Погребы и Гапоново (№№ 3859—3863); всѣ онѣ лежатъ около большой дороги изъ Сѣвска въ Курскъ. Покрой здѣшнихъ поневъ тотъ же, что́ и въ удѣльныхъ селеніяхъ Сѣвскаго уѣзда; цвѣтъ же—сѣрый, съ малозамѣтными розовыми, зелеными и желтыми полосками въ крупную клѣтку (стр. 8). Къ *пятому округу*, отличающемуся отъ всѣхъ прежнихъ покроемъ поневы, принадлежатъ владѣльческія же деревни Литижъ, Кубань и Хлѣбново (3848 — 3850, при р. Усожѣ). Здѣшнія поневы обычнаго великорусскаго покроя безъ прошвы, цвѣтомъ „сине-сѣрыя, съ рѣдкими красными полосками въ большую клѣтку“ (с. 8).

Шестой изъ установленныхъ Святскимъ округовъ лежитъ въ Трубчевскомъ уѣздѣ; онъ включаетъ въ себѣ удѣльныя селенія Суземки и Горожанка (№ 4057 и 4059); но поневы этого округа Святскимъ не описаны. Въ седьмой округъ входятъ владѣльческія деревни Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, но здѣсь вмѣсто поневъ уже „плахты“.

Такимъ образомъ, если различія въ *цвѣтѣ* поневъ и въ устройствѣ женскихъ головныхъ уборовъ (послѣдніе подробно описаны у Святскаго, но ихъ мы здѣсь не касаемся по извѣстной уже читателю причинѣ) легче всего объясняются на историко-соціальной почвѣ,—то къ различію въ *покроѣ* Сѣвскихъ поневъ этотъ принципъ мало примѣнимъ: хотя поневы въ родѣ малороссійскихъ плахтъ и преобла-

дают, повидимому, у удѣльныхъ крестьянъ, но онѣ встрѣчаются и у бывшихъ помѣщичьихъ (третій округъ Святскаго и дер. Логиревка). Но за то, различіе въ покроѣ Сѣвскихъ поневъ легко объясняется на географической почвѣ: весь юго-западъ Сѣвскаго уѣзда, включая также и юго-западную окраину уѣзда Трубчевскаго (о чемъ свидѣтельство у Сполохова) занятъ поневою, по покрою весьма близкою къ малорусской плахтѣ. Очевидно, съ юго-запада шло сюда особое культурное вліяніе, несшее съ собою данный покрой поневы. Вліяніе это остановилось неподалеку отъ юго-восточной границы Сѣвскаго уѣзда, и далѣе не пошло: крайній юго-востокъ Сѣвскаго уѣзда (с. Литижъ и др.), равно какъ и сосѣдніе уѣзды Дмитровскій и Дмитріевскій принадлежатъ уже къ области распространенія обычной великорусской поневы (срв. у Святскаго, с. 11). Сѣверо-восточная граница области отмѣченнаго нами вліянія остается пока намъ неизвѣстною: самый сѣверный изъ извѣстныхъ намъ пунктъ ея—въ Сѣвскомъ уѣздѣ дер. Логиревка, въ Трубчевскомъ—селенія около гор. Трубчевска.

Есть основанія полагать, что время дѣйствія отмѣченнаго нами культурнаго вліянія относится къ недавнему, сравнительно, времени,—приблизительно немногимъ ранѣе конца XVIII-го столѣтія или даже начала XIX-го. Основанія эти слѣдующія: Вліяніе это одинаково коснулось какъ удѣльныхъ, такъ и владѣльческихъ крестьянъ, т. е. дѣйствовало въ то время, когда картина географическаго распространенія тѣхъ и другихъ уже окончательно установилась и ничѣмъ существеннымъ отъ современнаго не различалась. Во 2-хъ, оно не привело къ полному единству: поневы, описанныя Сполоховымъ, Тарачковымъ и Святскимъ, нѣсколько разнятся по своему покрою, равно какъ и по способу ихъ ношенія, но разница эта совсѣмъ не такая, чтобы объяснять ее постепеннымъ и естественнымъ развитіемъ одного даннаго типа поневы.

Что же касается исходнаго пункта даннаго вліянія, то относительно его едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. По наблюденіямъ Святскаго, съ географическою границею, отдѣляющею Сѣвскій уѣздъ отъ Новгородъ-Сѣверскаго, совпадаетъ и граница этнографическая; къ западу отъ нея лежитъ область распространенія малороссійскихъ

„плахтъ“ и „очипковъ“, при чемъ Новгородъ-Сѣверская плахта, по словамъ Святскаго, „есть въ сущности та же понева [разумѣется понева западно-Сѣвскаго, малорусскаго типа], но узоръ ея другой—въ клѣтку, а главное—надѣвалась она иначе, а именно: сшитой частью покрывалась задняя часть тѣла, а двѣ свободныхъ полосы опускались позади же, поверхъ сшитой части, расходясь и образуя, такимъ образомъ, сзади промежутокъ, черезъ который видна нижняя цѣльная часть. Спереди же привязывалась суконная „запаска“—родъ фартука алаго цвѣта, которымъ подпоясывался весь костюмъ“ (стр. 14—15) [1]). — Здѣсь мы видимъ источникъ западно-Сѣвской и частью западно-Трубчевской великорусской поневы въ два полотнища, которой нигдѣ болѣе въ великорусскихъ губерніяхъ не отмѣчено. Постепенно распространяясь изъ Новгородъ-Сѣверска [2]) на великорусскій востокъ, она подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ въ способѣ ношенія и частью въ покроѣ, а особенно въ орнаментѣ и цвѣтѣ: въ этихъ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ она восприняла, конечно, тѣ оттѣнки, которые господствовали въ данныхъ мѣстностяхъ до нея.

Вопросъ о томъ, на смѣну чего пришла сюда малорусская плахта, разрѣшается также легко, хотя, быть можетъ, и не вполнѣ безспорно. Старинныя народныя моды вытѣсняли только, такъ сказать, низшіе костюмы—высшими, болѣе приличными и сложными. Мы хорошо знаемъ, напримѣръ, что юбка вытѣсняетъ обычную великорусскую поневу, но обратнаго явленія — вытѣсненія юбокъ поневами никто и нигдѣ не наблюдалъ; словомъ, при обычномъ нормальномъ теченіи мода не возвращается къ брошенному старому. Усвоивъ малорусскія плахты, Сѣвскія удѣльныя крестьянки *не* перемѣнили однако же свои кокошники, кички и златоглавы на малорусскіе, Новгородъ-Сѣверскіе же, очипки;

---

[1]) Этотъ же самый типъ женской одежды отмѣченъ въ Суражскомъ и Стародубскомъ уѣздахъ Черниговской губ., гдѣ онъ носитъ названіе: „панева“ (В. Миллеръ, Опис. колл. Дашк. М. III, 159 и 162).

[2]) Срв. съ этимъ центръ малорусскаго вліянія на говоръ всего юга Трубчевскаго уѣзда: ученый наблюдатель-лингвистъ свидѣтельствуетъ, что „это малорусское вліяніе исходитъ изъ крупнаго промышленнаго центра, мѣстечка Буды Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда“ (Н. Соколовъ въ „Трудахъ Моск. Діал. Ком.“ I, 128).

равнымъ образомъ, крестьянки изъ дер. Денисовой Гуты, описанныя Тарачковымъ рядомъ съ Логиревскими [1]), не смѣняли своихъ шерстяныхъ малиновыхъ юбокъ на Новгородъ-Сѣверскія плахты. Вообще, въ старину—какъ выборъ новыхъ типовъ костюма былъ сравнительно очень невеликъ, такъ и еще меньше было старыхъ типовъ, на смѣну коихъ шла новая мода. На основаніи данныхъ общаго развитія женскаго костюма въ южно-великорусскихъ губерніяхъ можно съ большою вѣроятностью предположить, что единственною одеждою, которую могла вытѣснить въ Сѣвскомъ уѣздѣ Новгородъ-Сѣверская плахта, могла быть только понева безъ прошвы—тотъ видъ костюма, который и теперь Сѣвскія носительницы плахтъ презрительно называютъ „подгузникомъ“ (см. у Святскаго, с. 10). Въ пользу такого предположенія говоритъ и преобладаніе, во времена Сполохова, такихъ именно поневъ безъ прошвы у полѣховъ Трубчевскаго уѣзда; и сохраненіе такихъ именно поневъ до нашихъ дней на крайнемъ юго-востокѣ Сѣвскаго уѣзда (с. Литижъ и др.); наконецъ, сохраненіе самаго названія „понева“, по наслѣдству передавшееся малорусской „плахтѣ“.

Такимъ образомъ, Сѣвскій женскій костюмъ, при всей его оригинальности и сравнительномъ разнообразіи, не можетъ служить возраженіемъ противъ общаго предположенія, что первоначальнымъ женскимъ костюмомъ Орловскихъ полѣховъ была понева безъ прошвы и кичка—если не всегда, то часто рогатая. О поневахъ и ихъ новой замѣнѣ плахтами мы говорили выше много и долго; что же до рогатыхъ кичекъ, то Святскій встрѣтилъ ихъ даже на самомъ крайнемъ западѣ Сѣвскаго уѣзда, въ с. Сѣтномъ и около его (с. 5).

На крайнемъ западѣ Брянскаго уѣзда, въ Акулицкой волости мы встрѣчаемъ также два вида поневы, различные по покрою, но это различіе совсѣмъ другого рода. Въ селеніяхъ Мармазовкѣ, Лутнѣ и Литовнѣ, по словамъ одной мѣстной крестьянки, бесѣдовавшей съ проф. Будде, поневы „въ три полы“, т. е. въ три полотнища, безъ прошвы, а

---

1) Орл. Г. В. 1862, № 18, с. 212. Здѣсь возможно лишь одно сомнѣніе: б. м., дер. Денисова Гута основана выселенцами, явившимися сюда уже послѣ прохода данной модной волны.

въ с. Мужиловѣ и въ дер. Коршевѣ поневы „въ четыре полы", т. е., очевидно, съ прошвою [1]). Поневы въ три полотнища здѣсь, такъ же какъ и въ Сѣвскомъ уѣздѣ, пренебрежительно называютъ „подгузкомъ". Съ такимъ различіемъ поневъ одного и того же типа мы встрѣчаемся и въ разныхъ другихъ мѣстахъ; между прочимъ, въ Трубчевскомъ уѣздѣ, по сообщенію Сполохова, будничныя поневы безъ прошвы, а праздничныя—съ прошвою [2]). Появленіе прошвы—прямой, ближайшій и естественный шагъ въ развитіи поневы, приведшій потомъ къ переходу поневы въ юбку. Въ степныхъ мѣстахъ южно-великорусскихъ губерній поневы безъ прошвы почти [3]) совсѣмъ исчезли, и только въ полѣсьяхъ старые „подгузки" еще борются съ новой модой [4]). Впрочемъ, въ отмѣченныхъ мѣстностяхъ Брянскаго уѣзда настоящаго полѣсья нѣтъ: по словамъ Карпова 1865 г. (см. выше), здѣсь лѣсовъ нѣтъ, а т. наз. „зарѣчье". Только Литовня Вороновской волости (по Списку: Литовники, № 919) лежитъ очень близко къ полѣсью, хотя также не имѣетъ лѣсу. Эта деревня владѣльческая; всѣ же прочія изъ перечисленныхъ деревень казенныя, и только въ Мужиловѣ (№ 1147) есть часть помѣщичьихъ. Зато по географическому положенію названныя селенія отличны: селенія, гдѣ носятъ поневы безъ прошвы, лежатъ на сѣверѣ, а гдѣ поневы съ прошвою—на югѣ.— Вообще же, различіе поневъ по присутствію или отсутствію прошвы зависитъ всегда отъ степени образованности мѣстныхъ жителей, и особенно важнаго этнографическаго значенія не имѣетъ.

Нашъ выводъ изъ всего сказаннаго о женской одеждѣ Орловскихъ полѣховъ можетъ быть только такой: въ старину у полѣховъ господствовали поневы обычнаго великорусскаго типа безъ прошвы; цвѣтъ поневъ былъ, повиди-

[1]) Сборн. II-го Отдѣл. Ак. Н., т. 76, с. 86.

[2]) АГО. XXVII, 18; срв. выше.

[3]) Сохранились онѣ, напр., у Моршанской мещеры (АГО. XL, 31).

[4]) Будде въ 1902-мъ году впервые встрѣтилъ поневы безъ прошвы въ Карачевскомъ уѣздѣ, т. е. въ томъ же самомъ уѣздѣ, гдѣ онъ впервые встрѣтилъ и полѣховъ (Сборн. 2 Отд., т. 76, с. 7).

мому, не вездѣ одинаковъ, какъ не одинаковы же были и головные уборы, хотя среди послѣднихъ рогатая кичка играла роль выдающуюся. Различіе въ цвѣтѣ поневъ и въ формѣ головныхъ уборовъ можетъ служить свидѣтельствомъ о томъ, что населеніе Орловскаго полѣсья уже издавна было не вполнѣ однороднымъ. Часть Трубчевскаго уѣзда и почти весь Сѣвскій уѣздъ подверглись, въ отношеніи женской одежды, вліянію сосѣднихъ малоруссовъ, при чемъ на смѣну прежней поневы безъ прошвы явилась нѣсколько видоизмѣненная малороссійская плахта. Вліяніе это объясняется прежде всего, конечно, пограничнымъ положеніемъ Сѣвскаго уѣзда, но могли быть тутъ и иныя причины, пока для насъ не ясныя. Что касается отсутствія поневъ и кичекъ на сѣверѣ Брянскаго уѣзда, то оно, для прошлаго времени, остается подъ большимъ сомнѣніемъ (въ Вороновской волости мы только что видѣли поневы безъ прошвы). Если же такое отсутствіе и дѣйствительно было, то его проще всего объяснять сравнительно позднимъ вліяніемъ сосѣднихъ бѣлоруссовъ.

Вообще, по женскому костюму Орловскіе полѣхи стоятъ ближе къ великоруссамъ, нежели къ бѣлоруссамъ; по мужской же одеждѣ—наоборотъ. Это видимое противорѣчіе легко объясняется при предположеніи, что современная одежда бѣлорусскихъ женщинъ—сравнительно новаго происхожденія, и явилась она на смѣну тѣхъ же поневъ, слѣды коихъ еще сохраняются и понынѣ [1]).

§ 68. Что касается другихъ бытовыхъ отличій Орловскихъ полѣховъ, то на этотъ счетъ мы располагаемъ весьма скудными данными. Тарачковъ отмѣчаетъ, какъ типичную для всѣхъ „селеній лѣсной полосы", эту особенность мѣстнаго крестьянскаго жилища: окна избъ смотрятъ на дворъ, а на улицу ихъ или совсѣмъ нѣтъ или же одно небольшое окно, часто волоковое. Въ частности, такой именно типъ жилища отмѣченъ имъ въ селеніяхъ Сѣвскаго уѣзда: Денисовка и Смѣлижъ [2]). Данныя Сполохова, въ сущности, вполнѣ согласны съ этимъ: по нему, на улицы жилыя строенія въ Трубчевскомъ, Брянскомъ и Карачев-

[1]) М. пр., „паны", т. е. бѣлоруссы, поселенные въ Лукояновскомъ у., еще недавно носили поневы и рогатыя кички (Нижегор. Сборн. II, 26).

[2]) Орл. Г. В. 1862, № 18, с. 209 и 213.

скомъ уѣздахъ смотрятъ б. ч. заднею своею стороною [1]). Но эта особенность жилища не особенно типична для полѣховъ. Вопреки Тарачкову,—изъ словъ коего естественно заключать объ отсутствіи данной особенности въ степной полосѣ Орловской губерніи,—подобный типъ жилища обыченъ у однодворцевъ всѣхъ степныхъ южновеликорусскихъ губерній. Такъ, въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской же губ., по словамъ Артемьева, „въ иныхъ селеніяхъ, гл. обр. удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, избы ставятся внутри двора, а на улицу выдвигаются сараи съ воротами посреди ихъ“ [2]); то же и на юго-востокѣ Ливенскаго у., гдѣ улицъ не бываетъ, а дворы разбросаны въ безпорядкѣ, „избы также отодвинуты внутрь двора“ [3]). То же самое обычно и у однодворцевъ Курской губерніи [4]). То же самое встрѣчается и у бѣлоруссовъ, между прочимъ, по моимъ наблюденіямъ, въ Щорсовской волости Новогрудскаго у. Минской губ., гдѣ всѣ „хаты“ старой постройки расположены внутри двора. Въ с. Юриновкѣ Новгородъ-Сѣверскаго у. (судя по говору, это скорѣе бѣлорусское село, чѣмъ малорусское) „весь домъ обносятъ осиновымъ заборомъ, который вокругъ накрываютъ „повѣтьми“, такъ что жилыя хаты остаются въ срединѣ, и нѣтъ ни одного двора, въ которомъ хата окнами выдавалась бы на улицу“ [5]). М. Н. Косичъ даетъ планъ подобнаго же типа бѣлорусскихъ жилищъ Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи; но, по ея словамъ, мѣстные крестьяне руководятся при этомъ такимъ правиломъ: „лицевая сторона съ окнами и входными дверями не только въ жильѣ, но и въ помѣщеніи для скота, ставится на востокъ или на югъ“ [6]). Но въ сѣверо-западныхъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, какъ видно изъ книги А. Харузина, хаты обычно выходятъ фронтономъ на улицу [7]).

---

[1]) АГО. XXVII, 18.

[2]) Артемьевъ, Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ. Спб. 1860, с. 68 (изъ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, часть 40-ая).

[3]) Тамъ же, с. 69.

[4]) См. выше (§ 60).

[5]) Черниговск. Г. В. 1855, № 19, с. 159.

[6]) Жив. Стар. 1906, № 1, с. 78, рис. 6.

[7]) А. Харузинъ, Славянск. жилище въ сѣв.-зап. краѣ, 55.

Для однодворческаго жилища, какъ мы знаемъ, характерно положеніе святого угла при входной двери. У Орловскихъ полѣховъ этой особенности нѣтъ; по крайней мѣрѣ, Сполоховъ ея не знаетъ. Вообще же, по этому вопросу наши данныя весьма скудны. Отсутствіе этой черты говорило бы о большей близости полѣсскаго жилища къ бѣлорусско-малорусскому типу, нежели къ великорусскому.

Судя по фотографіямъ 1902 г. въ статьѣ Могилянскаго [1]), избы лѣсной части Брянскаго уѣзда смотрятъ на улицу фронтономъ и имѣютъ двускатную деревянную крышу, тогда какъ избы степного Орловскаго уѣзда смотрятъ на улицу фасадомъ и крыша ихъ четырехскатная соломенная. Первый типъ сходенъ съ бѣлорусскимъ и сѣверно-великорусскимъ, второй—съ обычнымъ южно-великорусскимъ. Но мы знаемъ, что и на юго-востокѣ Ливенскаго уѣзда „сѣни и входъ устраиваются со двора“ [2]). Однако, бóльшая близость полѣсскихъ жилищъ къ сѣверновеликорусскому типу жилища внѣ сомнѣнія; между прочимъ, по свидѣтельству Сполохова, въ полѣсскихъ свѣтлицахъ полъ всегда деревянный черезъ всю избу, хотя онъ и зовется „землею“. Конечно, можно въ этомъ видѣть и одно изъ послѣдствій изобилія въ полѣсьяхъ лѣса; но можно думать и объ особыхъ культурныхъ вліяніяхъ. Невольно при этомъ напрашивается на сопоставленіе слѣдующее замѣчаніе одного стараго автора на счетъ бѣлорусскаго полѣсья: „Въ постройкѣ избъ и другихъ хозяйственныхъ зданій, обработкѣ полей, веденіи домашняго хозяйства, костюмѣ, утвари [Минскаго полѣсья] замѣтно болѣе вліяніе историческаго сѣвера, нежели запада и юга Россіи. Это вліяніе еще болѣе виднѣется въ названіи многихъ предметовъ быта домашняго и земледѣльческаго. Полѣшукъ говоритъ: „гумно, сковорода, кочерга, кабыла, казелъ, калита, што, бороноваць, гребци“, а не—клуня, пательня, коцюба, шкапа, цапъ, гаманэць, що, волочить, громадить и т. п.“ [3]). Стóитъ отмѣтить, что въ описываемой

[1]) Матер. по этнографіи Россіи, I, 3, № 4 и 5.

[2]) Артемьевъ, Гор. Ливны и Ливенск. у. 69.

[3]) Ив. Эремичъ, Очерки бѣлорусскаго полѣсья. Вильна. 1868, с. 6 (изъ „Вѣстника Западн. Россіи“).

этимъ авторомъ части бѣлорусскаго полѣсья употребляются, въ полную параллель съ Орловскимъ полѣсьемъ, также и малорусскія „плахты": „онѣ не сшиты, а состоятъ изъ куска клѣтчатой, домашней работы, шерстяной матеріи, обвивающей женщину весьма узко, некрасиво, отъ таліи немного ниже колѣнъ". Плахты эти употребляются, правда, „только въ немногихъ, смежныхъ съ Малороссіей мѣстахъ"; нашъ авторъ считаетъ ихъ заимствованіемъ отъ малороссовъ [1]).

Тарачковъ отмѣчаетъ еще у Сѣвскихъ и Трубчевскихъ полѣховъ особый видъ телѣги, „совершенно отличный" отъ крестьянской телѣги Орловскаго уѣзда. Видъ этотъ онъ называетъ „бѣлорусскимъ" и описываетъ его такъ: „телѣжка, состоящая изъ двухъ узкихъ досчечекъ, прикрѣпленныхъ къ осямъ, а по бокамъ ихъ поставлено на ребро по одной такой же доскѣ; передніе и задніе концы ихъ соединены между собою поперечными веревками; колеса маленькія, тоненькія, безъ шинъ" [2]). Тарачковъ предполагаетъ, что такая телѣга заимствована Орловскими полѣхами „отъ живущихъ по сосѣдству съ ними черниговцевъ".

§ 69. Историки XVI—XVII вв. заявляютъ, что „мы особенно мало знаемъ о населеніи западныхъ уѣздовъ Орловской губерніи: Карачевскаго, Брянскаго, Трубчевскаго, Дмитровскаго и Сѣвскаго" [3]). Такъ пишутъ авторы, которые для того же самаго періода времени точно устанавливаютъ весьма большое количество переселеній изъ Московскаго центра въ южно-великорусскую степь [4]). Очевидно, въ неприступномъ для степныхъ кочевниковъ полѣсьѣ сохранялось старое населеніе, б. м. отчасти то самое, которое забилось въ эти дебри и трущобы во времена татарскаго ига. Въ XVI г. и XVII-мъ вв. правительство селило здѣсь военно-служилыхъ людей въ весьма небольшомъ количествѣ, такъ какъ лѣса и болота охраняли на-

---

[1]) Тамъ же, с. 7.

[2]) Орл. Г. В. 1862, № 5, с. 61; с. Подывотье.

[3]) Рожковъ, Сельск. хоз. Моск. Руси 346—347.

[4]) Тамъ же, с. 345—6; срв. Готье, Замосковн. край, 274.

селеніе отъ степныхъ кочевниковъ лучше всякихъ сторожевыхъ линій; только на границѣ съ Литвою, проходившей по нынѣшнему Сѣвскому уѣзду, была устроена военно-сторожевая линія. Добровольные поселенцы селились въ полѣсьѣ въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ сосѣдняя степь, тогда пустая, была несравненно богаче во всѣхъ отношеніяхъ. Однако любителей лѣса тянуло, конечно, изъ степи въ полѣсья; и историки не сомнѣваются въ томъ, что въ XVI—XVII вв. здѣсь наблюдался нѣкоторый приливъ населенія. Въ смутное время этотъ приливъ легко могъ бы сильно увеличиться; но тогда Орловское полѣсье служило ареною военныхъ дѣйствій, что, конечно, задерживало притокъ сюда колонизаціи. Наконецъ, выходцы изъ-за западнаго рубежа легко могли осѣдать въ полѣсьѣ, лежащемъ у нихъ на пути.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній составъ полѣсскаго населенія долженъ оказаться пестрымъ, что мы дѣйствительно и наблюдаемъ. О пестротѣ бытовой мы уже говорили выше; пестрота историко-соціальная сказалась въ присутствіи здѣсь крестьянъ всѣхъ наименованій: значительная часть полѣховъ принадлежитъ теперь удѣльному вѣдомству; есть среди нихъ и бывшіе монастырскіе; немало также и помѣщичьихъ; всего меньше, конечно, однодворцевъ. Въ Сѣвскомъ уѣздѣ изъ общаго числа 202 селеній казенныхъ только 23, съ 2446 дворами [1]), но и среди нихъ немало бывшихъ монастырскихъ.

Полѣхамъ противополагаются „степняки“ или „степовики“. Но послѣдніе противополагаются также, и даже гораздо чаще, „подмосковнымъ“. „Степняки по той сторонѣ Оки“, говорятъ москвичи [2]). Вотъ почему слово „степнякъ“ получило новое значеніе „вахлака, неотесаннаго“; въ „Опытѣ областнаго словаря“ сл. степовикъ переводится: „не знающій общественныхъ приличій, людкости; нелюдимъ“ (изъ Судженскаго у.). Такимъ образомъ, въ прозвищѣ „степняки“ мы тщетно стали бы искать тѣхъ чертъ этой группы, которыя отличаютъ „степняковъ“ отъ „полѣховъ“.

---

[1]) Списокъ насел. мѣстъ по свѣд. 1866 г. Спб. 1871.

[2]) Срв. М. Стаховичъ, Исторія, этногр. и статистика Елецкаго у. 1858, с. 25.

§ 70. Въ діалектологическомъ отношеніи Орловская губернія прежде всего дѣлится на три крупныхъ части: западъ, центръ и востокъ. Западъ принадлежитъ полѣсскимъ говорамъ—съ большею или меньшею примѣсью бѣлорусско-малорусскихъ чертъ; для чистыхъ полѣховъ характерно еще диссимилятивное аканья, кагоканье и отсутствіе м. к [1]); но всѣ эти черты лучше сохранились въ сосѣднемъ Калужскомъ полѣсьѣ, нежели въ Орловскомъ. — Востокъ Орловской губерніи (особенно Елецкій уѣздъ) принадлежитъ довольно чистымъ однодворческимъ говорамъ и сливается съ Воронежскимъ, Тамбовскимъ и Рязанскимъ краями, поскольку въ нихъ также преобладаютъ однодворцы.—Наконецъ, срединная „степь" Орловской губ. принадлежитъ также однодворцамъ, но съ оригинальною чертою въ говорѣ, а именно—съ произношеніемъ с вмѣсто ц; этимъ данная группа Орловскихъ однодворцевъ напоминаетъ Тульскихъ „казаковъ" и Тульскихъ же монастырскихъ крестьянъ.

М. к больше всего распространено на востокѣ губерніи, нѣсколько рѣже въ центрѣ и совсѣмъ рѣдко на западѣ, въ полѣсьѣ.—М. к (стройкя, пенькя) у „орловцевъ" отмѣчено впервые В. Пассекомъ въ 1840-мъ году [2]); разумѣется тутъ, вѣроятно, Орловская губернія вообще.

У мѣщанъ гор. Болхова отмѣчено: маменькя, Васькя, сколькя [3]). Другой наблюдатель отмѣчаетъ въ томъ же говорѣ мѣну ш и с: шноп шоломы вм. снопъ соломы, шамъ, мѣсокъ, сыла вм. шила, сто вм. что (черезъ што); такъ говорятъ „самые закоренѣлые мѣщане и купцы" [4]); другія особенности этого шепелеватаго говора: висна́, удова́, идётъ. О м. к Феноменовъ не упоминаетъ, да оно и вообще рѣдко въ шепелявыхъ говорахъ.— О шепелеватости въ говорѣ болховитянъ замѣчаетъ еще Т. Мартемьяновъ [5]): „шамоваръ жашорилшя"; по нему, такъ чаще го-

[1]) Старый бытописатель Орловскаго полѣсья, Сполоховъ м. к совсѣмъ не знаетъ (АГО. XXVII, 18; срв. ниже § 79).

[2]) Очерки Россіи, IV. М. 1840, смѣсь, с. 14; статья Васьянова „Курское нарѣчіе".

[3]) А. И. Сахаровъ въ письмѣ ко мнѣ.

[4]) Кр. прогр. № 260, отвѣтъ Григ. Феноменова.

[5]) Мартемьяновъ, Гор. Болховъ. Ор. 1897, с. 65.

ворятъ Болховскія женщины.—Напомнимъ, что подобную же черту мы встрѣтили уже въ подгородныхъ же слободахъ гор. Бѣлгорода и Курска (§ 55) и увидѣли въ ней слѣдъ пришлаго населенія.—Въ началѣ XVII-го вѣка, послѣ того какъ Болховъ растерялъ въ смутѣ добрую половину своихъ обывателей, населеніе этого города „значительно обновилось и представляло пеструю смѣсь туземцевъ съ пришельцами“ [1]). Въ этомъ нужно искать разгадку существованія въ Болховѣ двухъ различныхъ говоровъ: 1) шепелявaго безъ м. к, вѣроятно древнѣйшаго, и 2) не-шепелявaго съ м. к.

А. И. Сахаровъ изъ Ильинской волости (с. Ильинское—по „Списку“ № 722) пишетъ намъ, что говоръ однодворцевъ дер. Грачевки (724) ничѣмъ не отличается отъ говора сосѣднихъ владѣльческихъ крестьянъ; м. пр., м. к здѣсь нѣтъ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Въ печатной статьѣ того же Сахарова [2]) изъ Ильинской волости приводятся, м. пр., случаи: бечайка (9), верéнька, вѣтродуйка (11), кóська (19) и др., всѣ безъ м. к; лызуньки „потихоньку, скрытно“ (с. 22) срв. по окончанію съ тóльки.—Извѣстные Сахарову мѣстности лежатъ около р. Нугры, на западѣ уѣзда, близъ границы съ Карачевскимъ уѣздомъ. Здѣсь же, видимо, Сахаровъ встрѣтилъ и случаи *с* изъ *ц*.

Но въ той же западной части уѣзда, во владѣльческомъ селѣ Крестовоздвиженскія Рябинки (№ 797; 52 отъ Болхова и 30 отъ Карачева), учит-ца А. Скибневская [3]) отмѣчаетъ м. к „въ именахъ собственныхъ въ звательномъ падежѣ: Ванькя! Петькя! Грушкя!“ Другія черты мѣстнаго говора: сяло, тяпло, вясна; 3 л.: хóдить, несёть, дають; рыю, мыю, выетъ, рыетъ.

Григ. Феноменовъ [4]), учитель школы въ с. Спасъ-Чекрякъ (№ 494), описываетъ говоръ ряда владѣльческихъ деревень Алешенской волости (с. влад. Алешня № 493), лежащихъ на крайнемъ сѣверѣ уѣзда, въ 10 — 25 вер. отъ гор. Болхова къ сѣверу, къ Калужской губ, б. ч. при р. Мохъ. Вотъ эти деревни: Бабенка (492), Рагзино (501),

[1]) Тамъ же, с. 63.
[2]) Сборн. 2 Отдѣл. Ак. Н., т. 68, 1900.
[3]) Кр. прогр. № 85.
[4]) Кр. прогр. № 260.

Герасимова (497 и 482: въ Спискѣ одна и та же деревня ошибочно повторена подъ двумя разными нумерами), Архипова (498), Близна (495), Сиголаева (499), Улановка (481), с. Середи́чи (503) и сц. Шпиле́во (500). Въ этихъ владѣльческихъ деревняхъ отмѣчено м. к: горькя (нарѣч.), Ванькя, чайкю. Другія черты мѣстнаго говора: у однихъ — сило́, висна́, у другихъ—сяло́, вясна́; помы́имъ, рыимъ; род. пад. на ава и о́ва, но можно услышать и до́браго, горячего; кровъ, любовъ; удова, унукъ, вулица, вумеръ; рохъ; нисѣть (не ё), пѣть (вм. поётъ), идѣть, дають; къ гары, къ жины, у жинѣ. Авторъ добавляетъ, что тотъ же говоръ и во всемъ Болховскомъ уѣздѣ (разумѣя, вѣроятно, мѣстность къ сѣверу отъ гор. Болхова); но, какъ видимъ, и въ описываемой имъ волости, въ сущности, два говора: якающій и икающій.

Для юго-восточной части уѣзда данныхъ нѣтъ, но, судя по сосѣднимъ уѣздамъ, м. к и тамъ есть. Такимъ образомъ, можно предполагать, что м. к въ Болховскомъ уѣздѣ нѣтъ только на крайнемъ сѣверо-западѣ, близъ границы Жиздринскаго уѣзда.

§ 70ª. Въ Брянскомъ уѣздѣ проф. Карскій различаетъ, по собственнымъ наблюденіямъ, два говора: великорусскій и бѣлорусскій. „Жители старой Акулицкой волости (нынѣшней Акулицкой и Лутенской), лежащей въ сѣверо-западномъ углу Орловской губ. по сосѣдству съ уѣздами Мглинскимъ Черниговской и Рославльскимъ Смоленской губ., говорятъ по-бѣлорусски; въ настоящее время они начали поддаваться сильному великорусскому вліянію... Въ основѣ... языкъ ихъ, наружность и бытъ бѣлорусскіе, лишь съ сильнымъ великорусскимъ оттѣнкомъ“ [1]). М. к Карскій здѣсь не встрѣтилъ (зилянéнькая, тольки) и склоненъ даже поправить Буддево толькя изъ Мужилова на тольки. Посѣтилъ лично проф. Карскій с. каз. Акуличи (№ 1157, при рч. Опоротѣ, въ 90 вер. отъ гор. Брянска и 35 отъ ст. жел. дор. Акуличи), но слышалъ разговоръ крестьянъ также и другихъ селеній этой волости (селенія эти б. ч. казенныя).

---

[1]) Карскій, Къ вопросу о народн. говорѣ Брянскаго у. (Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В. И. Ламанскаго, с. 314—320).

Проф. Будде былъ въ той же Акулицкой волости, въ с. Мужиловѣ (№ 1147, село каз. и владѣльч., 126 дворовъ) и отмѣтилъ здѣсь великорусскій говоръ, м. пр. и м. к: батькя, толькя (с. 84), но не совсѣмъ послѣдовательное: тарнёнька, дарóжыч(ш)ька [1]).

Разницу въ результатахъ наблюденія проф. Карскій объясняетъ тѣмъ, что разговаривавшая съ Будде женщина-прислуга „или давно вращается среди великоруссовъ, или же старалась поддѣлаться подъ рѣчь разговаривавшаго съ нею барина".—Можно также думать, что Мужиловская женщина была „барская", а проф. Карскому въ Акуличахъ пришлось говорить только съ казенными крестьянами. М. пр., въ барскомъ же селѣ Голубея, Салынской вол. (№ 1066, при р. Деснѣ), Будде нашёлъ сходный говоръ, также съ невполнѣ послѣдовательнымъ м. к: ў синькю, чюдачькя́, свайкя, но рядомъ: ни клычька́, зобачьку (с. 89).

Напротивъ, на крайнемъ сѣверѣ уѣзда, собственно въ полѣсьѣ, какъ у казенныхъ, такъ и у барскихъ крестьянъ м. к нѣтъ. Объ этомъ мы имѣемъ нѣсколько сообщеній. Мѣстный житель (на Ивотской фабрикѣ), студ. Н. И. Красниковъ, объѣхавшій въ 1908-мъ году весь сѣверъ этого уѣзда по порученію Этнографическаго отдѣла Русскаго Музея, нигдѣ не встрѣтилъ тамъ въ говорѣ м. к [2]). Проф. Будде приводитъ матеріалы о говорѣ владѣльч. дер. Литовники (№ 919, при рч. Сеннѣ, Вороновской вол., Мошенецкаго прихода, близъ границы Смоленской губ.); судя по этимъ матеріаламъ, м. к здѣсь нѣтъ; есть кагоканье: этаha, род. пад. аднэй; яшшо вм. еще; 3 л. памрѣть (с. 87—88).— Изъ той же Вороновской волости мы имѣемъ подробное описаніе говора Троицкаго прихода (№ 987, владѣльч. село Троицкое при впаденіи р. Габьи въ Десну; жители его „полѣхами" себя не считаютъ), принадлежащее студ. В. Введенскому [3]). По нему, здѣсь м. к также нѣтъ; другія черты: съ сиряды́ при сирида́, паля́чи́ть, панясу, сляпóй; судьдя́, статьтя, бадьдя и т. п.; брытый, рыга, стрычь, но вообще м. р извѣстно; вмѣстéхъ, въ въ сѣнёхъ; у другэй, у бальшэй; каго, чаго, добрага, но ря-

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл. А. Н., т. 76, с. 85.

[2]) По устному сообщенію.

[3]) Прогр. № 259 (Матер. IX, 202—209).

домъ и безъ кагоканья: ава; мыйся. Т. обр., въ говорѣ Троицкаго прихода немало бѣлорусскихъ чертъ; мы склонны считать жителей этого прихода настоящими полѣхами, хотя они и отказываются отъ этой клички, видимо считая себя болѣе культурными, какъ заводскіе рабочіе, тѣмъ болѣе что одежда ихъ уже нѣсколько отличается отъ обычной полѣсской.

Иной совсѣмъ говоръ въ гор. Брянскѣ и въ сосѣднемъ (9 верстъ отъ города) селѣ Полпинѣ (№ 886, с. каз. на р. Снѣжети). Городской мѣщанскій говоръ описанъ Тихановымъ [1]); въ немъ м. к весьма обычно: Володькя, лейкя, душегрѣйкя, кулькя, дирькя, Хролькя и др.; но послѣ ч и ш смягченія нѣтъ, равно какъ нѣтъ и м. х: вярьху (с. 19). Случай кулькями встрѣтился уже въ мѣстной рукописи 1732 г. (срв. выше § 12). Матеріалы о говорѣ с. Полпина имѣются у Будде: бѣлинькяй, хорошинькяй (с. 84), з батькяю (79), мъладенькю (82); но и: младэнькай, ночьку, стопачку (с. 80 и 82),—Въ с. Страшевичи, на югѣ у., м. к [2]).

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что старый городъ Брянскъ, одно время центръ сѣверянъ [3]), не имѣетъ ничего общаго съ новымъ Брянскомъ, однодворческимъ: какъ извѣстно, въ 1355 г. городъ этотъ взятъ былъ Ольгердомъ Гедиминовичемъ, вскорѣ послѣ чего „бысть въ Брянске мятежъ отъ лихихъ людей и замятня велия и *опустѣние* града“ [4]).

Такимъ образомъ, въ Брянскомъ уѣздѣ м. к распространено сравнительно очень мало, только на югѣ, что мы объясняемъ ничтожнымъ количествомъ въ уѣздѣ однодворцевъ (въ 1850 г. 3 селенія съ населеніемъ въ 28 душъ) и большимъ числомъ полѣховъ. Полѣхамъ м. к вообще чуждо, и если кое-гдѣ у нихъ встрѣчается, то главнымъ образомъ черезъ недавнія культурныя заимствованія.

§ 71. Для говоровъ Дмитровскаго уѣзда мы имѣемъ только записи пѣсенъ В. Н. Добровольскаго, напечатанныя въ „Живой Старинѣ“ 1904 г. Всѣ записи сдѣланы

[1]) Сборн. 2 Отдѣл. Ак. Н., т. 76.
[2]) Рукопись, поступившая въ Геогр. Общ. въ 1912 г.
[3]) Багалѣй, Исторія Сѣверской земли, 308.
[4]) Никон. Лѣтоп. III, 207.

въ селеніяхъ, прежде бывшихъ владѣльческими, а именно: Асмонь (1195, при рч. Осмонѣ, въ 15 в. отъ у. гор.), Березовка (1185 или же 1284), Домаха (1170), Лужки (1217, при рч. Черни), Морево (1271, въ 4-хъ верстахъ отъ у. гор.), Солдаты (1207, при рч. Черни). Относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній мы доподлинно знаемъ, что онѣ прежде были монастырскими; таково с. Лужки, какъ и б. ч. селеній Волковской волости (§ 65). М. к въ текстахъ Добровольскаго встрѣчается довольно часто; Домаха: маладешунькю, давнешинькя, дарожинькя (с. 349), на крутенькяй (339), батькю (382); Лужки: рученькю, ножинькю (358); Солдаты: умненькя (392), дарожинькю (391); Березовка: звярьке (вин. пад. ед.; с. 368); Морево: пазненьке, раненьке, миленьке (нарѣч.; 363); Осмонь: мае личушке (им. ед.; 362). Но не рѣдки и исключенія, особенно въ Березовкѣ: салавейка (340), лунька сѣренькава, патихохыньку, помалёханьку (с. 343), дарожинька (345), душинька (400), горькую (401), толька (404), Катиньку (412). Домаха: суканьку (359), горькаю (364), маладенька, батьку (382). Лужки: дарожиньку (395). Морево: душинька (317).—Отмѣтимъ еще довольно частыя здѣсь сочетанія *кы*, *гы*: высокыва, сы вяликыга, крѣпкыга разума, сы гаголкыю, на мяхкыи пярины, жаркыи агни (все въ Березовкѣ: с. 369, 352, 346, 339, 336); въ Моревѣ: на сладкымъ мядочку (с. 385); въ Осмони: дивяноста баярчинкыу (337). Возможно, правда, что здѣсь *ы* употреблено для обозначенія глухого твердаго звука; вообще же, обиліе такихъ сочетаній мало мирится съ м. к. Послѣ *ч* и *ш* м. к здѣсь совсѣмъ нѣтъ.

О всей сѣверной половинѣ Дмитровскаго уѣзда мы никакихъ данныхъ не имѣемъ; можно только отмѣтить, что въ пограничныхъ съ нею мѣстностяхъ Карачевскаго уѣзда м. к нѣтъ.

Дмитровскій уѣздъ лежитъ на границѣ степи и полѣсья; населенъ онъ большею частью помѣщичьими крестьянами, прошлое которыхъ намъ не ясно. Лукьяновъ въ 1710-мъ году называетъ мѣстныхъ крестьянъ „егуньемъ“, т. е. ягунами, какающими, что́ роднило бы ихъ съ полѣхами.

§ 72. О м. к въ Елецкомъ уѣздѣ особенно замѣчательно это свидѣтельство Мих. Стаховича, относящееся

къ 1858 году [1]): „какъ *главная* черта Елецкаго мѣстнаго нарѣчія (жаргонъ), является уменьшительное *кя*, вмѣсто ко и ка: легонькя, мамонькя, ручькю, миленькяй—это слышится постоянно не только во всѣхъ *однодворческихъ* селеніяхъ, но даже и въ нарѣчіи *мѣщанъ* и *купцовъ* города Ельца". Какъ видимъ, авторъ говоритъ здѣсь только объ „однодворческихъ селеніяхъ" и о городскихъ „мѣщанахъ и купцахъ", не заикаясь ни словомъ о крестьянахъ помѣщичьихъ. Почему такъ? — Изъ контекста догадываемся, что Стаховичъ говоритъ въ своей статьѣ *только объ однодворческомъ* говорѣ, а не о говорѣ помѣщичьихъ крестьянъ, что̀ онъ видимо считалъ всѣмъ и слишкомъ извѣстнымъ. Что это такъ, съ очевидностью явствуетъ изъ слѣдующихъ (черезъ 11 строкъ ниже) словъ Стаховича: „*Кромѣ языка, однодворцы отличаются* и одеждою *отъ* другой половины жителей Елецкаго уѣзда, *крестьянъ помѣщичьихъ*" (с. 29).

Итакъ, М. Стаховичу принадлежитъ первая по времени въ нашей литературѣ попытка обрисовать *однодворческій говоръ*, какъ таковой, при чемъ онъ имѣлъ въ виду однодворцевъ Елецкаго уѣзда, составлявшихъ „большую половину населенія уѣзда" (с. 27), а именно: 44,981 м. противъ 35,400 м. помѣщичьихъ крестьянъ (с. 41). Какими же чертами характеризуетъ Стаховичъ этотъ говоръ? — М. к. о чемъ мы уже говорили; двойное *ш* вм. щ; яканье („Рязанское"): Ялецъ, бяжалъ; мѣна звуковъ *в* и *у*, рядомъ съ формами въ родѣ: у-въ-Ельцу; 3 л. ед. ч. глаголовъ на *я* и *ѣ*: ходя, гуляя, пойдѣ, придя; наконецъ, „весьма рѣдко встрѣчающееся въ русскомъ нарѣчіи" мягкое *л*, которое близко подходитъ къ французскому *l* и слышится „особенно въ женскомъ говорѣ" (с. 28). [2]).

О томъ, что формы 3 л. ед. ч. безъ ть (тъ) характерны

---

[1]) Стаховичъ, Исторія, этнографія и статистика Елецкаго уѣзда М. 1858, с. 28 (= Вѣстникъ Географическаго Общества, часть 25).

[2]) Такое же *л* отмѣтилъ А. А. Шахматовъ въ Теребеньской волости Жиздринскаго уѣзда (Дурново-Ушаковъ, Хрестоматія по великорусской діалектологіи, 157); Будде въ Карачевскомъ, Ливенскомъ и Казанскомъ уѣздахъ (Сборн. 2 Отдѣл., т. 76, с. 66 — 67); я въ Яранскомъ уѣздѣ, у женщинъ. Въ рукописи Соловецкой Б-ки „Житіе и чюдеса Прокопія Устюжскаго" 16 — 17 в. читаемъ: напольница, умольче, мольнія (Владимировъ, Нѣсколько данныхъ, 16).

для Елецкаго уѣзда, писалъ и Тарачковъ [1]), который не встрѣтилъ этой черты въ сосѣднемъ Задонскомъ уѣздѣ, а въ Елецкомъ нашелъ ее на самой границѣ съ Задонскимъ—въ с. Слѣпухѣ (№ 1806) и сосѣднихъ деревняхъ: буде, пойде, скаже, ляже.—И. В. Поповъ дополняетъ описаніе Стаховича, указывая въ качествѣ отличительной черты Елецкаго говора „прищокиваніе“, т. е. произношеніе що вм. что [2]). — Авторъ отвѣта на прогр. № 111б, А. Н. Никольскій, описываетъ говоръ однодворческаго же села Запольный Тербунецъ (№ 1846, въ самой южной части уѣзда, близъ границы Землянскаго уѣзда), жители коего выселились изъ сосѣдняго однодворческаго села Тербуны (1749); здѣсь м. к („всегда“): свѣчкя, дѣвочкя, малачкѣ; щѣ вм. что, ш вм. щ; „жителей сосѣднихъ деревень они называютъ *„цуканы“*—тѣхъ, которые были крѣпостными“. Какъ видимъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ противоположеніемъ бывшихъ однодворцевъ—помѣщичьимъ крестьянамъ.

Говора помѣщичьихъ крестьянъ Елецкаго уѣзда Стаховичъ не описываетъ, только называетъ его „нарѣчіемъ вятичей“ (с. 28). На основаніи сообщенія Стаховича можно сдѣлать выводъ, что помѣщичьимъ крестьянамъ въ то время м. к было чуждо. Такой выводъ согласуется съ данными изъ другихъ губерній: напримѣръ, помѣщичьи крестьяне степныхъ уѣздовъ Тульской губерніи прежде также не знали м. к (см. § 115). Но провѣрить его мы лишены возможности: никакихъ данныхъ для этого въ нашемъ распоряженіи нѣтъ.

§ 73. Въ центрѣ Карачевскаго уѣзда, въ селеніяхъ, отстоящихъ на 5 — 15 верстъ отъ уѣзднаго города, отмѣчено м. к проф. Будде какъ у казенныхъ (бывшихъ монастырскихъ), такъ и у помѣщичьихъ крестьянъ. Таковы помѣщичьи селенія: дер. Аксиньина (№ 1906, въ 6 верстахъ на СВ): hорькя (с. 66), но: мóрдачька (67), hалóвачька; другія черты: што вм. что, шш вм. щ, ўсѐ, льѣть [3]); с. Вельяминова (1968, въ 10 в. на востокъ, при р. Снѣжети): толькя (с. 76); другія черты: с типѣлаю вадою (характерно, что этого *т*

[1]) Орл. Г. В. 1861, № 13, с. 182.
[2]) Орл. Г. В. 1860. № 28.
[3]) Сборн. 2-го Отдѣленія Ак. Н., т. 76, с. 66.

изъ *к* въ случаѣ съ м. к нѣтъ); яho, плахоha; ат сырэй зямлй; мягкое *л*; дер. Дарьина Бошинской волости (2128, при р. Снѣжети): халодниньк*я*й, но: на печьку (с. 76); с. Девять дубовъ (1909): на рѣчькю (с. 67); д. Мазнева (2028, въ 5 верстахъ на западъ): нидѣлькя, платочькям (с. 75).

Казенныя селенія: д. Мокрая (2015): низёханькя (73), канапелькяў, слатк*ы*х пряничкяў (с. 75), дѣвачькя (74); но: hасьтиньчькаў дыраhых (с. 75); „кавáльчик*я*м пъкланилса“ (с. 73) мы считаемъ ошибкою: если это не по недослышкѣ, то тутъ описка или даже опечатка: прежде въ той же пѣснѣ кузнецы названы „кавáльничьки“, откуда есть основаніе предполагать вм. кавальчикям — *кавальничькям. — С. Ружное (2065, въ 22-хъ в.): чюдачькю (78); здѣсь што вм. что, шш вм. щ, какэй (род. пад. ж. р.), ў дóлзѣ (= долго) пайдѣть. — С. Трыковка Драгунской волости (2013, въ 6 верстахъ на западъ): малинькяй (с. 69; 72), двайчькя (= двое; с. 69); но: кукушычьку, заhудй-ка (с. 71); мягкое *л*. — Подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ остается для насъ присутствіе м. к въ говорѣ казенной слободы Рясникъ (2012, въ 1 верстѣ отъ города, на рѣкѣ Снѣжети), такъ какъ для насъ не совсѣмъ ясно, въ этой ли слободѣ записаны Будде фразы подъ рубрикою „въ амбулаторіи“ (с. 73), гдѣ находимъ: крышычькя, пузырёчькя.

Для ряда другихъ селеній Карачевскаго уѣзда діалектическія данныя у Будде также имѣются, но изъ нихъ мы ничего не узнаемъ о м. к, такъ какъ соотвѣтствующихъ словъ нѣтъ. Такъ, въ дер. каз. Песочня (1848) встрѣтилось: чирёнъчька (с. 67) — случай, не исключающій м. к. Только (с. 77) въ владѣльческой деревнѣ Яковлевой (1912) также не рѣшаетъ вопроса.

Изъ названныхъ казенныхъ селеній въ д. Мокрой и с. Ружномъ живутъ, по Будде, „полѣхи“; слоб. Рясникъ и д. Песочня, по Благовѣщенскому, бывшія монастырскія.

Говоры Карачевскаго уѣзда безъ м. к отмѣчены на югѣ этого уѣзда, близъ границъ Сѣвскаго и Дмитровскаго уѣздовъ. Таково владѣльческое село Сомово (2079, на р. Навлѣ) съ волостью, говоръ котораго описываетъ учительница М. Покровская [1]): сяло, вясна, тяпло; удова, унук, дѣўка,

[1]) Кр. прогр. № 92.

вмеръ; несёть; рыю, мыю; яго, хотя чаще кагоканья нѣтъ. Тоже въ влад. с. Шаблыкино (1992, при р. Могѣ), гдѣ: толька [1]), баинёшенька (с. 408), у деревиньку, Ванюшиньку (409), тольки (348).—По всѣмъ даннымъ, это говоры полѣховъ или близкіе имъ.

Наличность въ Карачевскомъ уѣздѣ говоровъ съ *с* изъ *ц* можно предполагать изъ варіантовъ названія сельца владѣльч. „Косцы: Коссы" (Списокъ населен. мѣстъ, № 1881); это въ „степи", а не въ „полѣсьѣ".

Въ этнографическомъ составѣ населенія Карачевскаго уѣзда мы уже знаемъ полѣховъ, однодворцевъ и монастырскихъ. Однодворцы, повидимому, сгруппировались въ центрѣ уѣзда, около города; широкое распространеніе здѣсь, у всѣхъ группъ населенія, м. к проще всего объяснять именно однодворческимъ вліяніемъ.

§ 74. Въ Кромскомъ уѣздѣ изъ 208 селеній лишь 49 казенныхъ и 2 удѣльныхъ, а всѣ прочія—владѣльческія [2]). Однодворцевъ здѣсь было въ 1850-мъ году немного болѣе 9-ти тс. и жили они въ 43-хъ селеніяхъ [3]). Отличительная черта этого уѣзда—сравнительное обиліе старовѣровъ: 4083 чел. [1]), что́ составляетъ 78% всѣхъ старовѣровъ въ Орловской губерніи. Старовѣры, послѣ однодворцевъ, были вторымъ проводникомъ культурнаго Московскаго вліянія и въ томъ числѣ м. к, которое было, повидимому, модным въ старой Москвѣ; по крайней мѣрѣ, распространеніе этой діалектологической черты въ Калужскомъ уѣздѣ больше всего обязано именно Московскимъ старовѣрамъ.

Основываясь на этихъ теоретическихъ соображеніяхъ, мы предполагаемъ въ Кромскомъ уѣздѣ присутствіе говоровъ—какъ съ м. к (однодворцы и старовѣры), такъ и безъ м. к (помѣщичьи, не принесшіе м. к со своей родины и не подвергшіеся здѣсь вліянію со стороны первыхъ двухъ группъ).

Точныя наши свѣдѣнія относятся лишь къ юговосточной части этого уѣзда. Касаются онѣ селеній б. ч. владѣльческихъ и частью смѣшанныхъ (каз. и влад.); описываютъ говоры довольно разнородные, но всѣ согласно отмѣчаютъ наличность м. к.

[1]) Жив. Стар. 1904, с. 360.

[2]) Списокъ насел. мѣстъ по свѣдѣніямъ 1866 г. Спб. 1871.

[3]) Матер. для статистики... Госуд. Имущ. I, 114.

Здѣсь есть прежде всего говоры съ бѣлорусско-малорусскими чертами. Таковъ говоръ въ с. Сомово (2327, каз. и влад., при рч. Малой Тросенкѣ) съ приходскими деревнями Козловкой и Морозихой (2332—3, обѣ влад.); здѣсь, при м. к, мы встрѣчаемъ удвоеніе согласныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ: свинння, суддя, бѣлле; рыю, мыю, слѣпый; удова, унукъ, вмеръ; кагоканья, а также и яканья не отмѣчено, а иканье: силó, висна, типло [1]). Говоръ, безспорно, смѣшанный; мы предполагаемъ въ немъ полѣсскую или бѣлорусскую основу съ сильнымъ наноснымъ (черезъ старовѣровъ или же однодворцевъ) вліяніемъ Москвы; послѣднему вліянію мы приписываемъ м. к, иканье и отсутствіе кагоканья.

Еще бóльшую смѣсь мы находимъ въ говорѣ влад. с. Никольскаго (Чернавское тожъ, № 2342) и лежащей рядомъ съ нимъ дер. Березовецъ (2341; оба на югѣ уѣзда, близъ границы съ Курской губ.), жители коихъ слывутъ у сосѣдей „цуканами", т. е. являются позднѣйшими переселенцами, вѣроятно съ р. Чернавы. М. к въ этомъ говорѣ не послѣдовательно: рядомъ съ Ваньтя, авечтя (овечка) имѣемъ: капейка, чійку [2]). Это обстоятельство мы понимаемъ такъ: одинъ изъ смѣшавшихся элементовъ (вѣроятно, сѣверновеликорусскій) зналъ м. к издавна, такъ что въ немъ м. к успѣло уже перейти въ т; позднѣе къ нему примѣшался элементъ, м. к совсѣмъ не знавшій. Другія черты этого говора столь же смѣшаннаго характера: рядомъ съ бѣлорусскими чертами—свинни, браття, наллю и гастёмъ, имѣются сѣверно-великор. g, окончаніе 3 л. на -тъ, а также случаи *и* изъ *ѣ* и *е* изъ *я*. Очевидно, одинъ изъ смѣшавшихся элементовъ сѣверно-великорусскаго происхожденія.

Нѣчто подобное наблюдаемъ и въ большомъ влад. селѣ Воронецъ (2331), гдѣ смѣшеніе населенія легко объясняется наличностью заводовъ. Здѣсь, рядомъ съ иканьемъ (силó, висна, типло) и у вм. в (удова, унукъ, узялъ) отмѣчено окончаніе 3-го лица ед. ч. на -тъ [3]). Въ сосѣдней дер. Лебедихѣ (2330, влад.) этого твердаго окончанія нѣтъ, а мягкое -ть: хóдить, дають, сидять. О м. к наблюдатель говоритъ

[1]) Кр. прогр. № 18.

[2]) РФВ., т. 65, 1905, № 3, с. 41, ст. А. И. Соболевскаго.

[3]) Кр. прогр. № 95.

такъ: „Въ селѣ Воронцѣ мѣстные жители и торговцы говорятъ: Ванькя, Ванькю, потихонькю, чійкю, дядинькя, дядинькю“ [1]); есть ли м. к въ Лебедихѣ, остается для насъ не яснымъ.

Еще м. к отмѣчено въ с. Ломовецъ (2279, влад.) и сосѣдней съ нимъ дер. Рыжковой (2280, влад.). Аканье здѣсь очень умѣренное (*е* вездѣ сохраняется), иногда *е* изъ *я*; но рядомъ *у* изъ *в* (унукъ, удова),-ть (несéть и т. п.) [2]). Въ сосѣдней дер. Чернотье (2283, *каз.* и влад.), говоръ коей не описанъ, отмѣчено *с* изъ *ц*: сарь, сариса [2]).

Въ селеніяхъ Гуторовской волости: с. Ретяжи (2356, при р. Окѣ, владѣльч.) и дер. Хлопово (2355, тоже при р. Окѣ, каз. и влад.), дер. Борисовка (2357, влад.), с. Добрынь (2311 каз. и влад.), м. к отмѣчено рядомъ съ иканьемъ (сило, типло, висна), у изъ в: удова, унукъ,-ть въ оконч. 3 л., отсутствіемъ кагоканья и произношеніемъ што вм что [3]).— По р. Окѣ шла промышленная волна, несшая съ собою модное нѣкогда м. к; но здѣсь, въ верховьяхъ рѣки, она не могла быть особенно сильною.

Сѣверо-западная часть уѣзда, о говорѣ которой мы свѣдѣній не имѣемъ, граничитъ съ тѣмъ угломъ Карачевскаго у., гдѣ м. к нѣтъ.

Въ описанныхъ мѣстностяхъ юго-восточной части мы не разъ имѣемъ дѣло съ поздними переселенцами, у коихъ не успѣли еще исчезнуть сѣверно-великорусскія черты говора.

§ 75. Ливенскій уѣздъ, по обилію однодворцевъ, уступаетъ, въ предѣлахъ Орловской губ., одному лишь Елецкому уѣзду; здѣсь 38½ тс. однодворцевъ живутъ въ 246 селеніяхъ (данныя 1850 г.).

О томъ, что различіе между однодворцами и барскими здѣсь сохраняется до сихъ поръ, между прочимъ и въ говорѣ, мы имѣемъ свидѣтельство учит. Е. Лебедевой [4]) изъ сѣверной части уѣзда. „Изучая мѣстный (Ливенскаго уѣзда волостей: Покровской, Россошенской и Медвѣженской) выговоръ,—пишетъ она:—я замѣтила тотъ фактъ, что крестьяне одного и того же села различаются по выговору.

---

[1]) Кр. прогр. № 95.
[2]) Кр. прогр. № 17, Д. Казанскій.
[3]) Кр. прогр. № 258, П. М. Поповъ.
[4]) Кр. прогр. № 98.

Среди крестьянъ существуетъ дѣленіе на 1) государственныхъ крестьянъ—однодворцевъ—и 2) крестьянъ-собственниковъ, бывшихъ крѣпостныхъ, за которыми до сихъ поръ сохранилось названіе „барскихъ". „Барскіе говорятъ правильнѣе, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ однодворцы культурнѣе".

Говоря о „правильности" барскаго говора, Е. Лебедева имѣла въ виду прежде всего и больше всего такъ называемыхъ „Самаринскихъ" крестьянъ, населяющихъ село Орево (2464, на самомъ сѣверѣ у., у границы съ Новосильскимъ у.). Эти Самаринскіе „были откуда-то выселены сюда помѣщикомъ Самаринымъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ". Они *окаютъ*, въ 3-мъ лицѣ глаголовъ употребляютъ формы съ твердымъ окончаніемъ -тъ и не знаютъ м. к. Своимъ оканьемъ „они рѣзко выдѣляются изъ среды крестьянъ сосѣднихъ селъ" [1]).

Что же касается другихъ „барскихъ" (не-Самаринскихъ) указанныхъ выше волостей на сѣверѣ Ливенскаго у., то въ ихъ говорѣ г-жа Лебедева указываетъ слѣдующія отличія отъ однодворцевъ: 1) Барскіе говорятъ въ 3-мъ л.: несе́ть, сидять, однодворцы: несе, сидя́. —Кстати замѣтимъ, что это же самое отличіе однодворческаго говора отъ не-однодворческаго отмѣчено и другимъ наблюдателемъ съ того-же сѣвера Ливенскаго у., воспитанникомъ Духовной семинаріи К. Яковлевымъ изъ с. Русскій Бродъ Становской волости; село это населено бывшими помѣщичьими крестьянами; описывая мѣстный говоръ, Яковлевъ пишетъ: „3 л. пикёть, путаить, спять" и въ скобкахъ замѣчаетъ: „но однодворцы произносятъ 3 л. ед. ч. *путае*" [2]).—2) У однодворцевъ род. пад.: сваво́, тваво; у барскихъ: сваяво́, тваяво. 3) Старики-барскіе говорили: Ваньтя, кружтя (вм. кружка); однодворцы же и вмѣстѣ съ ними теперешняя молодежь изъ барскихъ говорятъ: пянькю́, ручкю, гайкю, кружечкю, чашечкю [3]).

Другихъ отличій мѣстнаго однодворческаго говора отъ барскаго г-жа Лебедева не указываетъ; въ качествѣ же

---

[1]) Относительно Самаринскихъ мы дополняемъ письменный отвѣтъ г-жи Лебедевой на кр. прогр. Академіи ея устнымъ сообщеніемъ.

[2]) Р.Ф.В., т. 65, с. 43.

[3]) Послѣднее указаніе—по устному сообщенію г-жи Лебедевой.

общихъ признаковъ того и другого отмѣчаетъ, кромѣ м. к, *с* изъ *ц*: сарь, сана (вм. цѣна), сѣнсы, сапы (вм. цѣпы), сэпъ, сэлый; у вм. в: учера, узялъ, уся, увесь; яканье: сяло, вясна, тяпло, ряка, мяшокъ; шш вм. щ; отсутствіе кагоканья; што вм. что.

Согласно устному сообщенію Лебедевой, мѣстные однодворцы смотрятъ на своихъ сосѣдей изъ „барскихъ" свысока; лѣтъ 20 тому назадъ взаимные браки между тѣми и другими были большою рѣдкостью; теперь такіе браки обычны, но однодворцы роднятся только съ барскими богачами. Употребительны у однодворцевъ бранныя прозвища по адресу барскихъ: чурá, чурáхи [1]), цуканы.

Изъ 13-ти сообщеній различныхъ наблюдателей о говорахъ Ливенскаго у. только въ одномъ случаѣ находимъ указаніе, что „м. к не употребляютъ". Это—въ с. Барановѣ (2653, с. каз. и влад.) Вахновской волости [2]). Другія черты мѣстнаго говора: с изъ ц: сарь, куриса; аканье, повидимому, очень умѣренное: село, весна; удова, унукъ; 3 л. хóдить, несёть и пйша, ѣдя (ѣдетъ).

М. к отмѣчено въ мѣстностяхъ: I. на сѣверѣ уѣзда (въ дальнѣйшемъ мы будемъ постепенно подвигаться отъ сѣверной границы уѣзда къ его центру, а потомъ къ югу):

1) Покровской волости сёла: Вышняя Любовша (2428) и Нижняя Любовша (2420, оба каз. и оба на р. Любовшѣ, притокѣ р. Труда); Медвѣженской вол. сёла: Медвѣжье (2454, каз. и влад.) и Рахманово (2485, влад.; оба на р. Чернавѣ, притокѣ р. Сосны слѣва); наконецъ, Россошенской вол. с. Россошное (2462, с. каз. и влад.). О нихъ извѣстное уже намъ сообщеніе Е. Лебедевой въ отвѣтѣ на кр. прогр. № 98.

2) Частью ту же мѣстность (с. Любовшу Нижнюю и Медвѣжье), а гл. обр. сосѣднюю съ нею: с. Корытенки Степановской вол. (2413, с. каз. на той же р. Любовшѣ), Становое (2411, с. каз.) и с. Кривецъ (ихъ нѣсколько, и съ

---

[1]) Съ этою кличкою можемъ сравнить только *чурáхъ*=чурбанъ, м. пр. и съ переноснымъ значеніемъ „глупый, неповоротливый человѣкъ" (Даль, Толков. словарь).

[2]) Кр. прогр. № 89, учит. П. Жилкинъ; описаніе не изъ лучшихъ. Село на юго-западѣ уѣзда.

точностью пріурочить мы не можемъ) описываетъ отвѣтъ на кр. прогр. № 88, принадлежащій учителю изъ с. Корытенки, Н. А. Ярыгину. Кромѣ м. к (Васькя, Палькя, потихонькю, еичкя), Ярыгинъ отмѣчаетъ еще иканье (висна, сило, типло) и яканье (вясна, тяпло, сяло), причемъ первое относитъ къ „высшему обществу крестьянскаго населенія—демократамъ", а второе—„къ низшему, хамократамъ". Понимать это нужно, конечно, такъ, что болѣе образованные изъ числа крестьянъ перестаютъ якать и начинаютъ икать; другими словами: иканье—новая, позднѣйшая черта въ мѣстномъ говорѣ, привнесенная культурными вѣяніями. Еще здѣсь *с* изъ *ц*: куриса, овса, серковь; 3 л. на ть и безъ окончанія: ёнъ не платя, не ходя, не нося; отсутствіе кагоканья; унукъ, удавецъ, узялъ.

3) Учитель М. М. Мосинъ [1]) описываетъ говоръ с. Полъ-Успенское (2496, каз. и влад., на р. Малой Чернавѣ); здѣсь м. к: копейкя, табачкю; 3 л. ед. ч. несéть, пьеть и йдя, несé, пье, ѣдя = ѣдетъ; яканье: сяло, тяпло; удова, унукъ; *с* изъ *ц* нѣтъ.—Тотъ же авторъ сообщаетъ еще о говорѣ с. Лютое (2450, с. каз.) и здѣсь указываетъ *с* изъ *ц*: овсá вм. овца, яйсо, куриса, кольсо; каё вм. гдѣ; ёнъ вм. онъ; яканье, повидимому, болѣе сильное: дярéвня. Село это упоминается уже въ переписной 1646 г.: „дер. Платонова, Лютая тожъ, на р. Полевой Ливнѣ" [2]).

4) Упомянутый уже выше семинаристъ Яковлевъ описываетъ говоръ села Русскій Бродъ Становской вол. (2369, с. влад., при р. Любовшѣ); здѣсь: капейкя (но Сашка); с. изъ ц и щ вм. ч. въ авещка (= овечка); сляпой и вязать; 3 л. на -ть, а у однодворцевъ безъ -ть; отсутствіе кагоканья; аднэй вм. одной [3]).

У окальщиковъ с. Орева (2464, с. каз. и влад., на крайнемъ сѣверѣ у.), какъ мы уже знаемъ, м. к нѣтъ. — Двѣ сказки изъ неизвѣстной мѣстности Ливенскаго у. у Аѳанасьева (№ 158[a] и 237[a]) также не даютъ случаевъ съ м. к: въ нихъ 3 л. идёть, шш изъ щ, вдарилъ (срв. А. Соболевскій. Опытъ діалектологіи, 17); впрочемъ, записи эти въ фонетическомъ отношеніи мало надежны.

[1]) Кр. прогр. № 97.
[2]) Пясецкій, Ливны, 118.
[3]) Р. Ф. В., т. 65, с. 43.

II. Въ центрѣ уѣзда, въ подгородныхъ мѣстностяхъ, м. к отмѣчаютъ два наблюдателя 1850 г. И. Солнушкинъ описываетъ с. Ольшанецъ, основанное „Можайскими и Ярославскими казаками Бородиными“ въ 1643-мъ году и находящееся въ 1/2 верстѣ отъ гор. Ливенъ на югъ [1]). Теперь это село, повидимому, слилось съ городомъ. Въ 1850-мъ году здѣсь было м. к: Ванькя, Ванькю; кагоканье непослѣдовательное: ничаго, яво; аканье: бязъ галавы.

Повидимому подгородныхъ же крестьянъ имѣетъ въ виду и учитель Ливенскаго уѣзднаго училища П. Лебедевъ, который описываетъ одновременно городъ и уѣздъ [2]); онъ отмѣчаетъ м. к: бойкя, 3 л. дѣлая, мѣну *у* и *в*: усе, вранилъ вм. уронилъ, вшибъ вм. ушибъ.

Указаній на *с* изъ *ц* въ обоихъ этихъ сообщеніяхъ изъ центра нѣтъ, но сообщенія недостаточно полны.

III. На юговостокѣ уѣзда: 1) Волостное село Царево (2833, недалеко отъ границы Воронежск. губ.); здѣсь м. к: Катькя, глянькя, потихонькю; 3 л. на -ть и йдя; яканье: сяло, вясна, тяпло; у вм. в; отсутствіе кагоканья; оригинальная особенность: *и* изъ удареннаго ѣ передъ мягкой согласной: сйни, мирить, писня (но: лѣто, сѣнцы) [3]).

2) С. Покровское-Галичье Борковской вол. (2878, с. каз. при р. Олымѣ); здѣсь м. к; аканье слабое (село, весна); 3 л. на -ть; *у* вм. *в*; кагоканья нѣтъ.

Для юго-восточной части уѣзда, т. обр., нѣтъ указаній на присутствіе въ говорѣ *с* изъ *ц*, б. м. конечно и вслѣдствіе неполноты отвѣтовъ, объясняющихся отсутствіемъ даннаго вопроса въ программѣ.

IV. На югозападѣ уѣзда: 1) Село Рождественское что на Тиму, Лебедской волости (2635, с. каз.); здѣсь м. к; *с* изъ *ц*: сарь, улиса, маладесъ, пальсы; *щ* изъ *ч*: пещь (неопр. накл. отъ пеку), щаво вм. чего, щашка; яканье сильное: зямли, пякé, мяня; 3 л. йдя, пякé; кагоканья нѣтъ: яво, маяво; изрѣдка шепелявость: жнаю, широта вм. сирота; зáрка, Зиздра [4]).

2) С. Нижнее Ольшаное Вышне-Ольшанской вол. (2699,

[1]) АГО. XXVII, 15.
[2]) АГО. XXVII, 6.
[3]) Кр. прогр. № 91, учит. В. И. Леонтьевъ.
[4]) Кр. прогр. № 100, учит. С. Кудрявцева.
[5]) Р. Ф. В., т. 65, с. 42—43, семинаристъ Данковъ.

с. каз.), гдѣ м. к: сколькя, чайкю; 3 л. на -ть и: ѣдя, йдя; яканье: сяло, сляпой, Ягоръ, няхай и нихай; у вм. в; отсутствіе кагоканья; 3 л.: набѣгалсы, напилсы, развалилсы. Тотъ же говоръ, по замѣчанію наблюдателя, въ сосѣднихъ селахъ: Бышне-Ольшаное, Студеный Колодезь и Барановъ Колодезь (2700 и 2689, каз.) [1]).

3) Изъ этихъ послѣднихъ селеній для села Студеный Колодезь (2697, каз.) мы имѣемъ особое сообщеніе свящ. И. С. Покровскаго [2]). Здѣсь м. к не только въ чайкю, но и авечькя; с изъ ц, о чемъ предшествующій авторъ умолчалъ: пальсы, маладесъ, сцарь (а рядомъ: вулиця, приворотниця); яканье: бяру, бяри, патярять, но: миня, тибя; шепелявость: ж изъ з и ш вм. с; иногда твердое р: зара, куру, падарыть, пирадралися; отсутствіе кагоканья: чаво, маво и маяво; и изъ ѣ подъ удареніемъ: писня, капійка; 3 л. ед.: пячёть, играя, мóя; неслоговое у вм. л: быў, доўга, маўчать; h обычно; смѣшеніе tenues и media на финскій ладъ: лупокъ вм. лубокъ, два тня вм. дня.

4) О с. Барановѣ Вахновской вол. (2653, с. каз. и влад.), гдѣ м. к нѣтъ, мы уже говорили выше. Здѣсь также есть *с* изъ *ц*: сарь, куриса; 3 л.: несёть, хóдить, пйша и ѣдя: у вм. в; аканье, повидимому, очень слабое: село, весна́ [3]) Думать о сильной нивеллировкѣ говора не позволяетъ сохраненіе въ немъ указанныхъ чертъ. Повидимому, въ говорахъ, знающихъ *с* изъ *ц*, м. к вообще не особенно сильно.

Описанные говоры Ливенскаго уѣзда, при всемъ ихъ разнообразіи, характеризуются нѣкоторыми общими чертами. Таковы: 1) отсутствіе кагоканья; единственный случай кагоканья встрѣтился только у подгородныхъ однодворцевъ, да и то рядомъ съ обычною формою: яво; 2) вмѣстѣ съ полнымъ отсутствіемъ здѣсь формъ въ родѣ мыю и свинння, отсутствіе кагоканья служитъ большимъ препятствіемъ къ предположенію, что здѣсь много выходцевъ изъ-за западнаго или южнаго рубежей; 3) на основаніи сказаннаго, спорадическіе случаи въ Ливенскихъ говорахъ *и* изъ ударяннаго *ѣ* проще будетъ объяснять не на малорус-

[1]) Кр. прогр. № 96, учит. А. Святинскій.
[2]) Р. Ф. В., т. 65, с. 44—45.
[3]) Кр. прогр. № 89, учит. П. Жилкинъ.

ской почвѣ, а на сѣверно-великорусской; 4) слабость Ливенскаго аканья (частое иканье и даже сохраненіе предъударнаго *е*) вполнѣ соглашалась бы съ такимъ предположеніемъ. 5) Естественнѣе всего думать о вліяніи Московскомъ, съ которымъ мирится какъ иканье, такъ и особенно м. к.—Правда, здѣсь сильны и иные элементы, сказавшіеся въ мѣнѣ *у* и *в*, а также въ формахъ 3 л. ед. ч. безъ окончанія -ть; но эти черты столь обычны на всемъ югѣ великороссіи, такъ что ихъ появленіе здѣсь вполнѣ понятно.

Весьма важную черту Ливенскихъ говоровъ составляетъ столь частое здѣсь *с* изъ *ц*. Хотя черта эта встрѣчается и во многихъ другихъ мѣстахъ, но изъ южно-великорусскихъ уѣздовъ Ливенскій, повидимому, самый богатый такого рода говорами. Какъ мы увидимъ ниже, объяснять появленіе этой черты можно весьма различными путями. Для насъ важно, что въ Ливенскомъ уѣздѣ черта эта была, повидимому, модною: она распространилась въ довольно разнообразныхъ мѣстныхъ говорахъ. Модная черта для своего широкаго распространенія не нуждается въ многолюдствѣ своей основной группы-носительницы. Согласнѣе съ другими чертами мѣстнаго говора было бы выводить основную группу мѣстныхъ „сокальщиковъ“ изъ Москвы же. Такимъ мѣстомъ могла бы быть, напр., Гуслица (см. § 197), что объясняло бы также и шепелявые говоры Ливенскаго у., и спорадическое появленіе здѣсь случаевъ мѣны tenues и mediae. Замѣтимъ, что и *щ* изъ *ч* лучше всего мирится также съ обрусѣвшей мещерой или мерей, которой немало должно было быть какъ разъ въ той же Гуслицѣ.

Замѣтимъ, что по бытовымъ особенностямъ населеніе Ливенскаго уѣзда также отличается отъ жителей сосѣдняго Елецкаго уѣзда, хотя тамъ и здѣсь одинаково преобладаютъ однодворцы. Ѣхавшій изъ Ливенъ въ Елецъ въ 1860-мъ году Тарачковъ отмѣтилъ, что граница крестьянскихъ костюмовъ совпадаетъ здѣсь съ границею уѣздовъ: въ пограничномъ селѣ Чернавскѣ (1329—1332, слоб однодворческая) „деревенскія женщины носятъ уже не красныя (какъ то повсюду въ Ливенскомъ уѣздѣ), а полосатыя шерстяныя юбки“ [1]); о красномъ цвѣтѣ юбокъ Ливенскаго уѣзда

1) Орл. Г. В. 1861, № 5, с. 69.

Тарачковъ замѣчаетъ не одинъ разъ [1]); о нихъ же говоритъ и П. Лебедевъ въ 1850-мъ году: „у крестьянокъ самодѣльныя суконныя юбки *краснаго* цвѣта, у богатыхъ сарафаны, ситцевые и домашніе“ [2]). Цвѣтъ юбокъ Елецкаго уѣзда подробнѣе описанъ Тарачковымъ для села Казаковъ (1321): „продольныя полосы яркихъ цвѣтовъ—краснаго, зеленаго, голубого и желтаго“ [3]).

Этотъ преобладающій здѣсь красный цвѣтъ юбокъ, конечно, можетъ объясняться и простымъ обиліемъ въ данныхъ мѣстахъ червеца кошенили; но б. м., что въ немъ сохраняется воспоминаніе о „Червоной“ Руси. Діалектологами уже было высказано мнѣніе, что южно-великорусскіе говоры съ *с* изъ *ц* принадлежатъ сѣверянамъ [4]); не считая этого мнѣнія доказаннымъ, мы однако же не видимъ къ признанію его и какихъ-либо неодолимыхъ препятствій. Для насъ безспорно одно, что однимъ сѣверскимъ, или какимъ-либо инымъ, источникомъ природу Ливенскихъ говоровъ не объяснить М. к, равно какъ отсутствіе каканья и иканье съ весьма большою достовѣрностью объясняются Московскимъ вліяніемъ. Но принесено ли сюда это вліяніе одними дѣтьми боярскими, или еще кѣмъ-либо инымъ, изъ самой ли только оно Москвы, или также и изъ Гуслицы,—это остается для насъ не яснымъ.

§ 76. Для Малоархангельскаго уѣзда мы имѣемъ діалектологическія свѣдѣнія только изъ восточной и южной его окраинъ. Мѣстные говоры во многомъ сходны съ Ливенскими: тѣ же м. к, с изъ ц, 3 л. на -ть и безъ -ть (послѣднее у стариковъ, т. е. болѣе древняя черта); у вм. в; встрѣчается щ изъ ч. Сходство есть между этими двумя сосѣдними уѣздами и въ другихъ признакахъ: тамъ и здѣсь попадаются острова сѣверно-великорусскихъ говоровъ, тамъ и здѣсь для женскаго костюма характерны красныя юбки [5]), тамъ и здѣсь обиліе однодворцевъ: въ Малоархан-

---

[1]) Орл. Г. В. 1861, № 4, с. 48, 49, 184: с. Борки, Демидовская и др.

[2]) АГО. XXVII, 6 „Краткія свѣдѣнія о гор. Ливнахъ и его уѣздѣ“.

[3]) Орл. Г. В. 1861, № 5, с. 70.

[4]) Р. Ф. В., т. 65, 1905, № 3, ст. А. Соболевскаго „Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ“.

[5]) АГО. XXVII, 7, А. Розовъ изъ Гнилой Плоты.

гельскомъ уѣздѣ ихъ около 25 тс. д. въ 107 селеніяхъ (по даннымъ 1850 г.).

Въ рядѣ селеній Колпенской волости, на югѣ-востокѣ уѣзда, по р. Соснѣ и около ея, близъ границъ Ливенскаго уѣзда, отмѣченъ говоръ, одинаковый какъ у казенныхъ, такъ и у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ [1]). Казенныя селенія: Карловка Верхняя и Нижняя (3270 и 3274), Теменская (3225); владѣльческія: Черникова (3272), Тимирязева (3228), Озерки (3226), Андреевка (3222), Екатериновка (3277). Деревни: Покатилова, Шушлябина, Потуловская, Березовка, Алексѣевка (2980?) и Покровская не могли быть нами точно пріурочены; нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ въ „Спискѣ населенія мѣстъ“: очевидно, онѣ возникли послѣ 1866 года; судя по названіямъ, онѣ большею частью владѣльческія.— Здѣсь м. к „вездѣ“: Митькя, чайкю. *С* изъ *ц*: сарь, овса вм. овца; у вм. в; аканье, повидимому, западное: висна, сяло, няво, но: у мине; 3 л. ед. ходить, поеть у „молодого поколѣнія“ и молотя, работая—у „пожилыхъ“.

Въ южной части уѣзда, близъ границъ Курской губ., лежитъ с. Дровосѣчное (3017, каз.), Нетрубежской волости, дер. Огаркова (3024, влад. при р. Соснѣ) и Юрьевка; здѣсь также м. к: чайкю, Ванькя; иканье: сило, типло, висна; у вм. в; 3 л. ед. на -ть; нѣтъ кагоканья; што вм. что [2]). По словамъ наблюдателя, мѣстный говоръ тотъ же самый, что и говоръ въ Гуторовской волости Кромскаго уѣзда (см. выше § 74), а также въ с. Фошнѣ (3208) съ дер. Скородумкой и Воробьевкой (3257—8) Малоархангельскаго у. Это все казенныя селенія, лежащія уже на востокѣ уѣзда. Объ одномъ изъ нихъ, а именно о с. Фошнѣ (Богоявленское тожъ), мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ сообщеніи другого наблюдателя, мѣстнаго учителя А. Аретинскаго [3]). У послѣдняго находимъ немало важныхъ дополненій къ первому. Кромѣ м. к (Васькя, Васькю) и у вм. в, Аретинскій отмѣчаетъ яканье: вясна, сяло, зяленый, вяселый; 3 л. ед. ч. не только дѣлаить, вяжить, но и ѣдя, говоря, сохня; *с* изъ *ц*: сэлый, сэпь, сарь; *щ* изъ *ч*:

[1]) Кр. прогр. № 99, учит. Гр. Шалимовъ.
[2]) Кр. прогр. № 258, учит. Кромскаго уѣзда П. М. Поповъ.
[3]) Кр. прогр. № 259.

щасть, щайникъ, щасы, щилавѣкъ. — Случай, убѣждающій насъ, что изъ умолчанія въ отвѣтахъ на кр. прогр. о какихъ-либо чертахъ еще нельзя заключать о дѣйствительномъ отсутствіи этихъ чертъ въ мѣстномъ говорѣ.

На востокѣ же уѣзда, но сѣвернѣе Фошни, лежитъ село Драсково (3029, с. каз.), говоръ котораго, судя по сообщенію учителя А. Руднева, совершенно тожественъ съ вышеописаннымъ говоромъ с. Фошни. То же м. к: лейкя, Оскя; яканье: калясо́, вядро, тялѣга, Ягоръ; 3 л. на -ть и безъ -ть; с изъ ц и щ изъ ч (щистый); у вм. в; нѣтъ гаканья: чаво, яво; ёнъ вм. онъ [1]).

Неподалеку отъ с. Драскова, на сѣверо-востокѣ уѣзда лежитъ дер. Вепринецъ (3173, каз.), говоръ коей мѣстный учитель С. Внуковъ [2]) характеризуетъ нѣсколько иными чертами. М. к здѣсь не послѣдовательно: рядомъ съ Ванькя—помаленьку; яканья нѣтъ (село, весна); у вм. в въ началѣ словъ; 3 л. съ окончаніемъ -тъ: ходитъ, сидятъ. Возможно, что наблюдатель имѣетъ тутъ въ виду невелированный говоръ болѣе образованныхъ крестьянъ.

Въ самомъ городѣ Малоархангельскѣ также отмѣчено м. к [3]).

Въ юго-западномъ углу уѣзда, близъ с. Гнилой Плоты (2958, каз.) находится дер. Прозоровская (2962), принадлежавшая въ 1850-мъ году помѣщикамъ Боярскимъ; въ ней „говорятъ: дай ей молочке, яичке, разбей эту кочкю, а 3-ье лицо ед. числа произносятъ очень твердо“. Такъ писалъ въ 1850-мъ году уроженецъ с. Гнилой Плоты семинаристъ А. Розовъ, который для с. Гнилой Плоты отмѣчаетъ только формы 3 л.: ёнъ ходя, ѣдя, гуляя [4]). Повидимому, въ этомъ селѣ м. к нѣтъ (?), а въ дер. Прозоровской, почти безспорно, живутъ сѣверно-великорусскіе переведенцы: кромѣ 3 л. на -тъ о томъ говоритъ и форма яичке, видимо окающая. При описаніи свадебнаго отряда въ с. Гнилой Плотѣ Розовъ, однако же, влагаетъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ выраженіе горькя (с. 6), съ м. к.

---

[1]) Кр. прогр. № 90.
[2]) Кр. прогр. № 94.
[3]) Р. Ф. В., 1912, № 3, с. 5, А. Пахомовъ.
[4]) АГО. XXVII, 7.

Кромѣ указанной дер. Прозоровской, въ Малоархангельскомъ уѣздѣ есть безспорные окальщики — такъ называемые Куракинскіе, о которыхъ у насъ уже была рѣчь выше (§ 64). Это переведенцы изъ Тверской губерніи, населяющіе большое помѣщичье село Куракино (2896—97) и сосѣднюю съ нимъ дер. Никитину (Гнилой верхъ тожъ, 2895). По словамъ Тарачкова, говоръ здѣсь „нѣсколько нараспѣвъ и съ удареніемъ на букву *о*“ [1]); по В. И. Попову, въ имѣніи гг. Куракиныхъ окаютъ: хозяинъ, молодецъ, хорошъ (съ *о*, а не съ *а*), чѣмъ рѣзко отличаются отъ говора сосѣдей; кромѣ того, Поповъ отмѣчаетъ здѣсь частое употребленіе члена: овесъ-отъ, хорошъ-отъ и т. д. [2]). О сѣверно-великорусскомъ костюмѣ „Куракинскихъ“ была рѣчь выше (§ 64).

Замѣтимъ еще, что въ старыхъ записяхъ изъ Малоархангельскаго уѣзда (Пѣсни Якушкина и „Калѣки перехожіе“ Безсонова) „на мягкость *к* нѣтъ указаній“ (А. Соболевскій, Опытъ діалектологіи, 17). Трудно сказать, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ особенностями говора неизвѣстныхъ намъ селеній (напомнимъ, что изъ сѣверозападной половины уѣзда мы знаемъ только говоръ „Куракинскихъ“, да и то недостаточно), съ неточностью записи, или же нужно предполагать, что м. к широко распространилось здѣсь только въ недавнее время? Скорѣе всего, конечно, первое.

§ 77. Изъ говоровъ Мценскаго уѣзда намъ извѣстны только сѣверные — говоры тѣхъ мѣстностей, которые лежатъ ближе къ гор. Мценску, главнымъ образомъ по рѣкамъ Окѣ и Зушѣ и около этихъ мѣстъ. Изъ всей южной половины уѣзда діалектологическихъ данныхъ нѣтъ совсѣмъ.

Даль считалъ м. к особенно характернымъ и типичнымъ для Мценскаго уѣзда: копейка, шапочкю [3]). Есть основанія полагать, что Даль при этомъ основывался на рукописи Орловскаго семинариста Ивана Семова „Нѣкоторыя свѣдѣнія о жителяхъ гор. Мценска“, присланной въ Географическое Общество въ 1850-мъ году. Эта рукопись отмѣчаетъ м. к въ *городѣ* Мценскѣ, откуда Даль естественно

[1]) Орл. Г. В. 1861, № 1.
[2]) Орл. Г. В. 1860, № 3, с. 26.
[3]) В. И. Даль, О нарѣчіяхъ, 48.

могъ заключить о широкомъ распространеніи ея и во всемъ уѣздѣ. Примѣры Семова: копейка, копейкію [1]). Теперь м. к въ гор. Мценскѣ едва ли уже не исчезло: по кр. м., въ двухъ фразахъ, записанныхъ Будде отъ Мценскихъ мѣщанъ, мы находимъ только случаи: Васька, Вольha, Вольhай [2]).

Для сѣверо-западной части Мценскаго уѣзда намъ извѣстны говоры казенныхъ крестьянъ слѣдующихъ селеній: Бабій Скокъ, Дешкино и Горохово. Данныя о нихъ въ записяхъ Будде 1902 г. Въ дер. Бабій Скокъ (3677) м. к не вполнѣ послѣдовательно: рядомъ съ висóкинькяя и на тряпъчькю находимъ также ў вакошъчька; другія черты: с изъ ц: пальсы, к пальсу, Амсэняц, ў Амсэнцы, хотя вообще здѣсь звукъ ц обыченъ: атец, к вянцу, буквицу и т. д.; 3 л. ед.: даёть, привезёть, расьтёть; яканье рядомъ съ иканьемъ; нѣтъ кагоканья: яво; изъ аднэй [3]).—Въ Дешкинѣ (3643, с. каз. и влад.) Тельчинской волости говоръ тотъ же самый; м. к также не послѣдовательно послѣ ч: при казьлёнъчькяў, дружычькя, бутылачькю, калечькя, лясочькям, имѣется: сирьдечька, душычька; послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ м. к обычно: дятькя, чяйкю и т. п. Другія черты говора также не отличаются отъ говора въ дер. Бабій Скокъ; м. пр., и: па тэй [4]).

Разговаривавшая съ проф. Будде женщина изъ с. Горохова (3672, на р. Окѣ) говорила ему: „мы аднадворцы“, но село это—бывшее владѣльческое, какъ то значится въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1866 года“. Тутъ какое-то недоразумѣніе: или данная женщина была выдана замужъ изъ однодворческаго села, или же Горохово попало въ крѣпостную зависимость въ позднее время, а прежде, дѣйствительно, было однодворческимъ (съ чѣмъ срв. ниже с. Сторожевое). Говоръ тожественъ съ описаннымъ выше; м. к: казюлькя, дѣўачькя, тряпачькю, hадочькю; исключеній не встрѣтилось. Случай альляную, конечно, о бѣлорусскихъ долгихъ согласныхъ не свидѣтель-

[1]) АГО XXVII, 5.
[2]) Сборникъ 2 Отдѣленія Ак. Н., т. 76, с. 44—45.
[3]) Сборникъ 2 Отдѣленія, т. 76, с. 57.
[4]) Тамъ же, с. 45—48.

ствуетъ [1]). Изъ дер. Толмачево (3625, каз.) есть у Будде короткая реплика [2]), но случаевъ, гдѣ могло бы быть м. к. не встрѣтилось.

Село Сторожевое (3685, на р. Окѣ) съ деревнями: Гуторово (3686, на Окѣ же), Городище (3713), Каменка (3710), Торкуновка (3687, на Окѣ), Счастливка (3568) числятся въ „Спискѣ насел. мѣстъ“ владѣльческими; мы знаемъ даже, что крестьяне этихъ селеній прежде принадлежали Шереметьевымъ, а теперь очень многіе изъ нихъ работаютъ на югѣ въ каменноугольныхъ копяхъ [3]). Но имена Сторожевое и Городище почти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что тутъ нѣкогда были однодворческіе поселки. Здѣсь отмѣчено Кедровымъ м. к: чайкѣмъ, глянь-кя, милинькяй, на читвиренькяхъ, но: бочка, палочку и т. п. Аканье, повидимому, диссимилятивное: святой, свитая, вяликъ, висна, нясу, рика, мясной, стина. Кагоканья и *с* изъ *ц* нѣтъ; 3 л. ед. ч. на -ть [3]). О говорѣ села Сторожевого немало данныхъ и у Будде (с. 52 и 53); послѣ ч м. к нѣтъ.

Все въ той же сѣверо-западной части Мценскаго уѣзда лежитъ владѣльческая деревня Фролово, Чеченевской волости (3638), гдѣ м. к послѣ ч также не послѣдовательно: при душычькя, hрудничькя, скамеичькю, находимъ: у рѣчьках, чяпочька, махотъчьку; при другихъ согласныхъ—рѣтькяй и т. п.—исключеній не встрѣтилось; но: вярьхý. Въ другихъ чертахъ мѣстнаго говора встрѣчаемъ лишь одно отличіе отъ описанныхъ выше говоровъ: взаимную мѣну палатальныхъ *к* и *т*, не распространяющуюся однако же на интересующіе насъ случаи смягченія к: затипи́ть, усьтипятѝм, тирьпичь, ръскира́иш [4]).

Изъ сѣверо-восточнаго угла Мценскаго уѣзда намъ извѣстенъ говоръ трехъ мѣстностей: с. Спасское, дер. Зароща и с. Кренино. Въ селѣ Спасское-Луговое (? Лутовиново? 3383, влад.) м. к: маламалинькя, каротинькея, sahадачькя, куръчькя, но рядомъ: праулъчьку [5]). Другія черты тѣ же самыя. „Ва Мчѐнски“—это, конечно, не чоканье, а со-

[1]) Тамъ же, с. 58—60.
[2]) Тамъ же, с. 51.
[3]) Прогр. № 188, Вас. Кедровъ.
[4]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 76, с. 54—55.
[5]) Тамъ же, с. 63.

храненіе древней формы даннаго имени. Въ дер. „Зарошшѣ“ (3378—80, влад., въ 4 вер. отъ гор.): толькя, но бѣлинькай, полѧоньчьку. И здѣсь, подобно дер. Фроловой, отмѣчено м. *т* изъ м. *к*, но полученнаго не путемъ интересующаго насъ смягченія: затѧсьнить вм. вскиснетъ; та же самая крестьянка, которая дважды произнесла „толькя“, рядомъ сказала „тольти“ [1]). Другая новая черта мѣстнаго говора мягкое *л*, съ какимъ мы уже встрѣчались въ Елецкомъ у. (§ 72). Прочія черты обычныя для Мценскаго уѣзда: 3 л. ед. ч. на -ть, яўо вм. его, к аднэй [1]).

Въ с. Кренинѣ (3397, влад.) м. к также не вполнѣ послѣдовательное: малодинькях, харошынькяй, каротинькяя, ни ѧарюй-кя, за ѧорькію, ѧадочькја, денёчькја (въ двухъ послѣднихъ случаяхъ *к*, повидимому, полумягко); но: палкоўничька, вѣстачьку, нямножычька, не говоря уже о саловьюшка, ѧалубушку [2]): м. к послѣ *ш* не отмѣчено во всей Орловской губерніи [3]). Прочія черты обычныя для Мценскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, Мценскіе говоры,—изъ коихъ мы знакомы, впрочемъ, гл. обр. съ говорами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и только на сѣверѣ уѣзда,—носятъ почти всѣ признаки подмосковныхъ говоровъ: отсутствіе кагоканья, 3-ье л. ед. ч. только съ окончаніемъ -ть (формы безъ окончанія отсутствуютъ). Только аканье сильнѣе Московскаго, да вм. *в* звучитъ всюду неслоговое ў. М. *к* послѣ *ч* не послѣдовательно, но за то встрѣчается повсюду. Изрѣдка встрѣчающееся здѣсь м. *л* мы склонны считать вліяніемъ новой культурной сравнительно моды, условія географическаго распространенія коей пока намъ не ясны. Важнѣе для насъ взаимная мѣна мягкихъ *т* и *к*—черта, которую мы склонны считать сѣверно-великорусскою: въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ она распространена гораздо шире и тамъ дѣйствію ея поддается также и интересующее насъ м. к, полученное черезъ прогрессивную ассимиляцію согласныхъ. Послѣдняго нѣтъ въ Мценскомъ

---

[1]) Тамъ же, с. 64—66.

[2]) Тамъ же, с. 60—62.

[3]) Единственное исключеніе, возникшее, конечно, на почвѣ аналогіи: Грушкя въ с. Крестов. Рябинки, Болховск. у.

уѣздѣ: здѣсь м. к въ *т* не переходитъ, и это мы считаемъ доказательствомъ того, что м. к появилось здѣсь долго спустя послѣ появленія закона о переходѣ обычнаго палатальнаго *к* въ *т*.

Т. обр., есть основанія усматривать въ Мценскомъ уѣздѣ сѣверно-великорусскихъ переселенцевъ, которые однако же успѣли уже усвоить мѣстный говоръ и сохранили изъ своего стараго говора только мѣну палательныхъ *к* и *т*. Шире и безспорнѣе въ Мценскихъ говорахъ вліяніе Москвы и подмосковныхъ мѣстностей, коему мы приписываемъ исчезновеніе здѣсь диссимилятивнаго аканья, частью еще сохраняющагося (с. Сторожевое), изчезновеніе же кагоканья и и формъ 3-го лица безъ окончанія -ть.

Главныхъ факторовъ распространенія здѣсь м. к было два: 1) однодворцы (ихъ здѣсь въ 1850 г. было около 3½ тыс. д. об. пола, въ 82-хъ селеніяхъ) принесли сюда и распространили здѣсь *старое* Московское вліяніе, той эпохи, когда еще въ Москвѣ было въ модѣ м. к; *новое* Московское вліяніе, культурное, относящееся гл. обр. къ XIX-му уже вѣку, сглаживаетъ эту черту, но уничтожить ее еще не можетъ: пока слѣдствіемъ этого новаго Московскаго вліянія явилась лишь непослѣдовательность здѣсь м. к послѣ ч. 2) Другимъ вліяніемъ, несшимъ сюда волну м. к, было промышленное движеніе по р. Окѣ; этотъ факторъ, вѣроятно, продолжаетъ дѣйствовать и въ наши дни.

Другая волна, также Московскаго или подмосковнаго происхожденія, несшая съ собою *с* изъ *ц* и оставившая за собою значительные слѣды въ сосѣднихъ съ Мценскимъ уѣздахъ, въ этомъ уѣздѣ, повидимому, слѣдовъ не оставила: по кр. м., они пока не отмѣчены. Но эта черта находила благопріятную почву для себя лишь тамъ, гдѣ относительно произношенія звука *ц* обстояло болѣе или менѣе не благополучно, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ были цокальщики.

Произношеніе каб вм. кого (въ с. Спасское и дер. Фролово)[1]) мы считаемъ слѣдомъ былого кагоканья: *в* передъ *о* не выпадаетъ.

---

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 76, с. 55 и 62.

§ 78. Для Орловскаго уѣзда болѣе подробныя свѣдѣнія о говорахъ мы имѣемъ только изъ сѣверной половины уѣзда (гл. обр. о части, лежащей вблизи середины уѣзда), болѣе изъ казенныхъ селеній и менѣе — изъ селеній владѣльческихъ.

Въ дер. Паньково Плещеевской вол. (324, каз., на р. Неполоди, въ 16 в. отъ гор. на сѣв.-западъ) м. к въ записанныхъ Будде текстахъ часто: Панькёўскіјн, манинькяй, капейкю, нóвинькям, ва hóрстачькю, акошычкя, падружунькям, красычькя, свашынькя [1]); случаи: младеньская, скольки и Аннушка не составляютъ прямыхъ исключеній.

Въ с. Лавровѣ (309, каз., въ 12 в. отъ гор.): вѣтъчькю, рѣчькю, пинькя, пинькю; яканье: зярнáми и т. п.; 3 л. ед. ч. на -ть; слѣды бѣлорусскихъ долгихъ гласныхъ: Настасся, ўóсинню [2]); послѣдняя черта не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что прежде досюда доходили на востокъ полѣсскіе говоры, теперь отодвинутые много на западъ. А разъ такъ, то есть всѣ основанія видѣть въ мѣстномъ произношеніи „у као“ (вм. кого) слѣдъ былого кагоканья.

О говорѣ этого же самаго села Лаврова имѣется еще краткое сообщеніе учителя изъ Сѣвскаго у. Бородина [3]). Онъ также отмѣчаетъ яканье: плятушка, сяло, вясна; м. к: Митькя, Ванькя, Петькя, и случаи: Ми́тьтя, Ваньтя, Пеття. Въ послѣднихъ случаяхъ нужно видѣть переходъ м. к въ *т* (срв. ниже Ѳоминку и др.).

Рядомъ съ Лавровымъ казенная дер Ѳоминка (308), гдѣ также м. к: чяшычькю, но не послѣдовательно послѣ ч: кóхтачька, шалъчька. Есть случаи перехода этого м. к въ *т* (обстоятельство, свидѣтельствующее о сравнительной давности въ данномъ говорѣ м. к): тóльтя. Полѣсско-бѣлорусское hряззю, опять таки дающее намъ право толковать мѣстное каó изъ прежняго кагокающаго *каhó. Прочія черты слишкомъ обычны для всей степной полосы Орловской губерніи: 3 л. на -ть, ўсѣ [4]).

Въ с. Становой Колодезь (67, каз., въ 21 в. отъ гор.), гдѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, живутъ „аднадворцы“,

---

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 76, с. 35—39.

[2]) Тамъ же, с. 39—41.

[3]) Кр. прогр. № 93.

[4]) Сборн. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 76, с. 41.

а женщины „ўсѣ ў сарахванáхъ“ [1]), м. к — и чистое: хазяйка, малодинька, -кяй, милинькяй, — и перешедшее въ *т*: тольтя; случаевъ м. к послѣ ч не встрѣтилось: за ручьку. Другія черты обычныя: нѣтъ кагоканья, 3 ед. ч. на -ть, што вм. что [2]).

Въ с. Дубовикъ Лавровской вол. (19, влад., въ 20 в. отъ гор.) и его приходскихъ деревьяхъ м. к также—и сохраняющееся: Сенькя, у кулькю, и перешедшее въ *т*: Сеньтя, Ваньтя, копейтя. Отмѣчено здѣсь только иканье: сило, висна; 3 л. на -ть, нѣтъ кагоканья. „Нѣкоторые говорятъ: рыю, мыю“ [3])—замѣчаніе слишкомъ неопредѣленное: б. м., оно относится къ переселенцамъ?

Говоръ владѣльческаго же села Салтыки Альшанской вол. (142, въ 22 в. отъ гор.) характеризуется, повидимому, также наличностью м. к: по кр. м., здѣсь отмѣчено м. *х* въ случаѣ: верхёмъ; рядомъ видимъ въ немъ сѣверно-великорусскую особенность, рѣзко выдѣляющую его изъ сосѣднихъ говоровъ, а именно—твердое окончаніе 3 л. ед. ч.-тъ [4]). О другихъ признакахъ даннаго говора мы ничего не знаемъ; весьма возможно, что онъ окающій или, по кр. м., недавно былъ окающимъ: среди помѣщичьихъ селъ южной половины Орловскаго уѣзда есть окальщики; тотъ же самый авторъ, учитель Дубовицкой второклассной школы Москвитинъ, на основаніи сообщеній своихъ учениковъ, свидѣтельствуетъ, что въ с. Пріятномъ Философовской вол. (99, въ 50 в. отъ гор.) „говорятъ на *о*“ [4]). Изъ этого же самаго источника узнаемъ мы о существованіи на югѣ Орловскаго у., близъ границъ Курской губ., черты, обычной для Ливенскаго у.: *с* изъ *ц*: сарь, куриса, овса вм. овца; это отмѣчено во владѣльческомъ с. Тагиномъ (27, при р. Окѣ, въ 60 в. отъ гор.), гдѣ также и кагоканье: добрага, горячага. Совпаденіе этихъ двухъ чертъ въ одномъ говорѣ—явленіе, для Орловской губерніи очень рѣдкое: Ливенскіе и Малоархангельскіе говоры съ *с* изъ *ц* не кагокаютъ. Наконецъ, Москвитинъ приводитъ еще одну фразу изъ с.

---

[1]) Тамъ же, с. 41.
[2]) Тамъ же, с. 41—43.
[3]) Кр. прогр. № 96, В. Москвитинъ.
[4]) Тамъ же.

Кузьминскаго (въ „Спискѣ“ 1866 г. его нѣтъ) Философовской вол., говорящую, повидимому, о шепелявости мѣстнаго говора: „швита шъ воротникомъ“.

Для юга Орловскаго у. діалектологическихъ данныхъ у насъ нѣтъ.—Извѣстные намъ, описанные выше говоры Орловскаго уѣзда отличаются сравнительною пестротою: въ нихъ безпорны полѣсско-бѣлорусскіе слѣды, напр. удвоеніе согласныхъ, кагоканье, аканье типа сыба́ка (д. Хомутово, Голохватова и др., упомянутыя у Москвитина), отмѣченное въ одномъ случаѣ „рыю, мыю“; рядомъ черты сѣверно-великорусскія: оканье одного селенія, твердое -ть глаголовъ другого, наконецъ переходъ м. к въ *т*.

М. к въ извѣстныхъ намъ говорахъ Орловскаго уѣзда является общею чертою; переходъ его въ *т* свидѣтельствуетъ о сравнительной давности этой черты. Факторы распространенія здѣсь этой черты ясны: 1) однодворцы, коихъ здѣсь 13½ тс. въ 104 селеніяхъ (въ 1850 г.) и 2) промышленное движеніе по р. Окѣ. Сѣверно-великорусскіе выходцы, особенно болѣе новые изъ нихъ, легко могли принести сюда м. к со своей первоначальной родины; формы въ родѣ верхѣмъ (с. Салтыки, гдѣ -ть) обычнѣе именно въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (срв. § 7).

Мѣстный однодворческій говоръ, какъ и во всей почти степной части Орловской губ., сильно обезличился подъ вліяніемъ новаго вліянія Москвы: почти исчезло кагоканье, 3 л. безъ окончанія.—Проникла сюда изъ подмосковныхъ мѣстъ волна свистящаго произношенія звука *ц* и нашла здѣсь кое-гдѣ для себя благогопріятную почву въ полѣсскихъ говорахъ, нѣкогда цокавшихъ по-бѣлорусски.

§ 79. Изъ Сѣвскаго уѣзда мы имѣемъ свѣдѣнія для юго-восточной части. Здѣсь, отъ гор. Сѣвска до границы съ Дмитровскимъ уѣздомъ, какъ разъ сосредоточены говоры съ м. к.

Въ дер. Ольгино Шаровской вол. (3757, влад., при р. Усожѣ, въ 25 в. отъ гор.) м. к: пинькю, потихонькю, чайкю. Судя по другимъ даннымъ, здѣсь едва ли не два разныхъ говора: 3 л. ед. ч. сходить и сходитъ, въ род. пад.: добрага и добрава. Б. м., конечно, говоръ части жителей навелировался, о чемъ говорило бы также одно иканье, безъ яканья:

сило, висна, пинька; но *у* вм. *в* обычно [1]). Судя по замѣчанію, что мѣстнаго слова жаботи́ться вм. заботиться „въ другихъ деревняхъ нѣтъ", можно думать, что мѣстный говоръ отличенъ отъ окружающихъ. (Слово жаб(о)титься въ томъ же значеніи употребительно въ Калужскомъ полѣсьѣ [2]). И дѣйствительно, три другихъ нашихъ источника изъ той же части уѣзда описываютъ иной говоръ.

Въ селѣ Глядино Литижской вол. (3851, влад., Шуевка тожъ, въ 5-и вер. отъ ст. Комаричи) м. к послѣ ч нѣтъ (с печкаю, книжичку), но въ другихъ случаяхъ оно встрѣчается: толькя; въ род. пад. отмѣчено только: яго; въ 3-мъ л. идѣть, падаѣть и мо́жа (безъ -ть); аканье, повидимому, диссимилятивное: бяри, забяги, падвярнулъ, хлиба́; обычно бѣлорусское смягченіе согласныхъ въ предложн. падежѣ: у рызя вм. въ ригѣ, на паталоцѣ, у калпацѣ [3]). Т. обр., говоръ чистый полѣсскій, и только м. к звучитъ диссонансомъ: очевидно, оно наносное.

Неподалеку, близъ границъ Дмитровскаго у., владѣльческая же дер. Дерюгина той же Литижской вол. (3852, въ 3 в. отъ ст. Комаричи). Здѣсь говоръ тотъ же самый: дайкя, Гараськю; яканье рядомъ съ иканьемъ (типъ аканья неопредѣленный, повидимому смѣшанный); у дарозя вм. въ дорогѣ; 3 л. на -ть; што вм. что; шш вм. щ [4]).

Дер. Шведчиковы Дворы Стрѣлецкой вол. (3828, въ 11 в. отъ гор.)—казенная и расположена ближе къ Сѣвску; здѣсь больше полѣсскихъ особенностей, между прочимъ и долгія согласныя: свиння; вообще же, говоръ тотъ же самый, что и въ ниже-описываемой Гавриловой Гутѣ, но съ м. к: пинькя, Ванькя [5]).

Въ Гавриловой Гутѣ Крупецкой вол. (3752, влад.) м. к нѣтъ; кагоканье; рыю, мыю; *и* вм. *ы*: бик, пиль, папи́; яканье [5]).— Тотъ же самый говоръ и въ с. Некиселицы Лемяшовской вол. (3922, удѣльн. и влад.), что́ на югѣ уѣзда [5]).

---

[1]) Кр. прогр. № 87, учит. Луганской церк.-пр. шк.

[2]) Словарь русск. яз., составл. 2-мъ Отдѣл. Ак. Н., т. II, 1897, с. 175 и 177.

[3]) Кр. прогр. № 86; срв. Дурново-Ушаковъ, Хрестоматія по великор. діалектологіи, 192—163.

[4]) Кр. прогр. № 86, Г. Платоновъ.

[5]) Тамъ же.

Сѣверъ и юго-западъ уѣзда намъ въ діалектологическомъ отношеніи неизвѣстны.—Извѣстные намъ говоры, какъ видимъ, чисто полѣсскаго типа, б. ч. ближе къ бѣлорусскимъ, нежели къ великорусскимъ. Разрѣженію мѣстнаго полѣсскаго населенія много должно были способствовать обстоятельства смутнаго времени, когда Сѣвскій край служилъ театромъ военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, въ Сѣвскомъ уѣздѣ было немало служилыхъ людей, поселенныхъ правительствомъ на западной границѣ; послѣ многіе изъ нихъ были переведены въ другія мѣста, но часть остается и до сихъ поръ: въ 1850-мъ году было 1348 д однодворцевъ въ 9-и селеніяхъ.

Въ Трубчевскомъ у. м. к нигдѣ и никѣмъ не отмѣчено. То немногое, что́ мы знаемъ о мѣстныхъ говорахъ [1]), почти исключаетъ возможность существованія здѣсь м. к: здѣсь сильно малорусское и бѣлорусское вліянія, съ которыми м. к не мирится. Для пополненія свѣдѣній о географіи мѣстныхъ говоровъ приведемъ старое сообщеніе Тарачкова о говорѣ удѣльнаго селенія Денисовой Гуты (40 верстъ, при рч. Нерусѣ, въ 35 в. отъ гор. на юго-востокъ). Здѣсь бѣлорусское цеканье: моюць вм. моютъ, въ цёплую; долгія согласныя: бяллё; яканье: ня сѣмъ, побялѣе, нядѣли; кагоканье: яго; 3 л. ед.: перевезе, приде, думае, бывае; шукау вм. шукалъ, искалъ; якъ вм какъ; јонъ вм. онъ; што вм. что; м. к нѣтъ; отмѣчено: тольки [2]). По всему, говоръ скорѣе бѣлорусскій, какъ, впрочемъ, и вообще говоръ въ „Гутахъ“. В. И. Поповъ замѣчаетъ лишь, что „въ Трубч. у. любятъ „прищокивать“—говорятъ: що, вотъ то-то-що!“ [3]).

Въ Архивѣ Географ. Общ. есть старая рукопись лѣсничаго Сполохова, заключающая въ себѣ діалектологическіе матеріалы по тремъ полѣсскимъ уѣздамъ Орл. губ.: Трубч., Брянскому и Карачевскому. Повидимому, автору больше всего извѣстенъ Трубчевскій уѣздъ. М. к Сполоховъ совсѣмъ не знаетъ: Оську, Васька и т. п.; по дорозѣ, на дорози; яго (т. е. кагоканье) рядомъ съ чаво и чиво;

---

[1]) Н. Соколовъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ южную часть Трубч. у. (Тр. Моск. Діал. Ком. I, 125—128).

[2]) Орл. Г. В. 1862, № 18.

[3]) Орл. Г. В. 1860, с. 28.

въ руцкой вм. русской можно видѣть мѣну *ц* и *с*; чоканье (?): чарь вм. царь, чи́фирь вм. цыфра; „быулъ“ вм. былъ [1]).

При всемъ томъ, возможно, что въ Трубчевскомъ уѣздѣ окажутся потомъ говоры съ м. к. Предполагать такъ заставляетъ насъ замѣчаніе одного стараго автора о томъ, что жители гор. Трубчевска называютъ калужанъ Мосальскаго и Мещовскаго уѣздовъ, приходящихъ въ Трубчевскій уѣздъ трепать пеньку, „завгорцами“ [2]). Мы понимаемъ это прозвище въ смыслѣ: за-Угорцы, т. е. живущіе за р. Угрой; а въ такомъ случаѣ названіе это могло быть дано только съ точки зрѣнія Москвы и подмосковныхъ мѣстностей; съ точки же зрѣнія Трубчевска и всей Орловской губ. Мосальскій и Мещовскій уѣзды окажутся не за Угрой. Очевидно, въ Трубчевскѣ немало москвичей; скорѣе всего это однодворцы, которыхъ въ 1850 г. было въ Трубчевскомъ уѣздѣ 1.701 д. об. п., причемъ они жили въ 67-и селеніяхъ, т. е. успѣли распылиться по всему уѣзду.

§ 80. Т. обр., въ полѣсскихъ говорахъ Орловской губерніи мы находимъ много чертъ, которыя считаются бѣлорусско-малорусскими: долгія согласныя въ такихъ случаяхъ, какъ свиння; рыю, мыю; формы въ родѣ аднэй; и даже переходное смягченіе задненебныхъ въ предложномъ пад. на паталоцѣ. Кромѣ послѣдней, черты эти встрѣчаются спорадически и къ востоку отъ полѣсья, доходя даже до Ливенскаго уѣзда. Что же касается до кагоканья, то эта черта, общая полѣхамъ и прежнимъ однодворцамъ, хорошо сохранилась въ Орловскомъ полѣсьѣ, но почти совсѣмъ вымерла въ степи. Для восточныхъ уѣздовъ: Елецкаго, Малоархангельскаго, Кромскаго и Мценскаго мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства о сохраненіи здѣсь кагоканья. Въ Кромскомъ уѣздѣ отмѣчены говоры съ формами: рыю, суддя, слѣпый, но безъ кагоканья. Но прежде, конечно, кагоканье было распространено гораздо шире. Для перечисленныхъ уѣздовъ мы почти совсѣмъ не имѣемъ старыхъ свидѣтельствъ. Въ Ливенскомъ уѣздѣ наблюдатель 1850 г. отмѣчаетъ одинъ случай кагоканья, правда, рядомъ съ обычною формою. Свящ. Лукьяновъ въ 1710-мъ году на-

[1]) АГО. XXVII, 18; срв. тамъ же № 3, гдѣ, м. пр., приводится пацкать вм. пачкать для тѣхъ же самыхъ уѣздовъ.

[2]) Орл. Г. В. 1865, № 32.

зываетъ бранно „егуньемъ“ (т. е. ягунами, кагокающими) проводниковъ, взятыхъ имъ въ Кромахъ, на пути къ Сѣвску. Значитъ, въ Кромахъ тогда кагоканье было еще обычнымъ. Мы лишены возможности выяснить, встрѣтилъ ли здѣсь Лукьяновъ кагоканье впервые, равно какъ и то, гдѣ онъ познакомился съ этимъ самымъ терминомъ. Дѣло въ томъ, что Лукьяновъ, конечно, не задавался цѣлью описывать говоры или записывать народныя присловья; на Кромскихъ проводниковъ онъ случайно разозлился, по какому поводу и обозвалъ ихъ „егуньемъ“. Познакомиться же съ самою этою кличкою Лукьяновъ могъ въ трехъ разныхъ мѣстахъ: 1) на своей родинѣ въ Калугѣ; 2) на мѣстѣ своей службы въ Москвѣ и 3) во время своей продолжительной гостьбы у старообрядцевъ въ Бѣлевѣ. Такимъ обр., для сужденія о *границахъ* кагоканья сообщеніе Лукьянова данныхъ не заключаетъ.

Современныя формы као вм. кого, отмѣченныя въ уу. Мценскомъ и Орловскомъ, мы считаемъ слѣдами прежняго кагоканья. Думаемъ также, что Стаховичъ въ 1850 г. не упомянулъ о существованіи этой черты въ Елецкомъ уѣздѣ (правда, б. м. уже рѣдкомъ) только потому, что затруднялся высказать на нее опредѣленный взглядъ—считать ли ее ошибкою или „правильностью“. Во всякомъ случаѣ, у насъ нѣтъ основаній считать *древнимъ* Елецко-Малоархангельскій перерывъ между ягунами Орловскаго полѣсья съ одной стороны и ягунами Воронежской, Тамбовской и Рязанской губ. съ другой. Перерывъ этотъ мы приписываемъ Московскому культурному вліянію (срв. въ этомъ отношеніи исчезновеніе кагоканья въ мѣщанскихъ говорахъ Обояни: § 49).

Вообще, новое Московское, культурное вліяніе на говоры Орловской степи сказалось сравнительно очень сильно. Ему только можно приписать сравнительную слабость мѣстнаго аканья, почти полное отсутствіе въ мѣстныхъ однодворческихъ говорахъ „щеканья“, т. е. произношенія щё вм. что, исчезновеніе однодворческаго *каё* въ значеніи гдѣ, наконецъ—широкое распространеніе формъ 3 л. ед. ч. на -ть въ ущербъ формамъ безъ окончанія (Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Орловскіе однодворцы оказались, впрочемъ, устойчивѣе, чѣмъ въ другихъ: см. § 75).

Тѣмъ удивительнѣе, что въ этомъ нивелированномъ говорѣ Орловскихъ однодворцевъ мы встрѣчаемся съ оригинальною и устойчивою чертою—произношеніемъ *с* вм. *ц*.

§ 81. Произношеніе *с* вм. *ц* (будемъ называть его ниже *соканьемъ*), повидимому, больше всего распространено въ Ливенскомъ уѣздѣ. Изъ 13-и сообщеній для этого уѣзда 8 согласно отмѣчаютъ загадочную черту мѣстнаго говора—*с* изъ *ц* (см. § 75), и это—при отсутствіи даннаго вопроса въ программѣ, отвѣты на которую являются въ настоящемъ случаѣ главнымъ нашимъ источникомъ. Хотя эта черта здѣсь и не всеобщая: въ с. Полъ-Успенскомъ, напр., ея безспорно нѣтъ, равно какъ ея не отмѣчено и на юго-востокѣ уѣзда,—но весьма широкое распространеніе ея въ данномъ уѣздѣ внѣ всякаго сомнѣнія. Встрѣчается эта черта и въ сосѣднемъ Малоархангельскомъ уѣздѣ, гдѣ ее отмѣчаютъ три разныхъ наблюдателя. Тамъ и здѣсь, рядомъ съ соканьемъ, хотя гораздо рѣже его, встрѣчается также и *щ* изъ *ч*. Кстати замѣтимъ здѣсь, что крестьяне Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ, имѣющіе вообще много общаго въ своемъ бытѣ, объединены и однимъ отхожимъ промысломъ; старый авторъ сообщаетъ, что „изъ Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ крестьяне съ Ѳоминой недѣли уходятъ въ Землю Войска Донского и въ Калмыцкія степи на заработки при уборкѣ сѣна и хлѣбовъ, возвращаются оттуда уже осенью“ [1]). Этотъ общій отхожій промыселъ, конечно, не могъ не способствовать и распространенію въ мѣстныхъ говорахъ интересующей насъ діалектической черты, если, разумѣется, она прежде не была всеобщею.

Вопросъ о возможности занесенія въ Ливенскій и Малоархангельскій уѣзды соканья изъ Донской области почти отпадаетъ вслѣдствіе того, что черта эта встрѣчается также и въ другихъ мѣстностяхъ Орловской и сосѣднихъ съ нею губерній. Такъ, она встрѣчается спорадически въ Мценскомъ, Болховскомъ, Орловскомъ и Кромскомъ уѣздахъ Орловской губ., въ Старооскольскомъ, Бѣлгородскомъ, Суджанскомъ и Тимскомъ уѣздахъ Курской губ., въ Новосильскомъ (гл. обр. у „казаковъ“) и Бѣлевскомъ (у мона-

[1]) Записки Геогр. Общ. по отд. этногр. II, 9, Трудовъ.

стырскихъ) уѣздахъ Тульской губ., у полѣховъ Калужской губ., въ Коротоякскомъ (по р. Хворостани) и Землянскомъ уѣздахъ Воронежской губерніи.

Кромѣ того, соканье широко распространено въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, на сѣверо-востокѣ Европы. Подробныя указанія о географическомъ распространеніи этой черты на сѣверо-востокѣ даны въ замѣткѣ А. И. Соболевскаго о сѣверскихъ говорахъ [1]). Мы здѣсь замѣтимъ лишь, что сѣверно-великорусское и южно-великорусское соканье можно объединять и выводить изъ одного источника, если предположить, что оно впервые было занесено на сѣверо-востокъ Европы тѣми туляками, которые во множествѣ переселены были Демидовыми и др. на первые Уральскіе заводы. Заводскіе говоры на Уралѣ (часть ихъ до сихъ поръ сохраняетъ южно-великорусское аканье) до нашихъ дней продолжаютъ считаться среди мѣстнаго крестьянскаго населенія модными, образцомъ для подражанія. Въ качествѣ модныхъ, они легко могли распространиться по всему Уралу, въ Западной Сибири, а также и на юго-востокѣ Вятской губ., гдѣ Пермская колонизація была значительною. Сосѣдство татаръ, въ языкѣ которыхъ звука *ц* совсѣмъ нѣтъ, лишній разъ могло способствовать распространенію этой черты.

Есть и еще одна черта, объединяющая южно- и сѣверно-великорусское соканье; разумѣемъ главное распространеніе его у бывшихъ цокальщиковъ. Сэпь вм. цѣпь, сапля вм. цапля, Амсэняц вм. Мценскъ для южновеликорусскихъ говоровъ естественно разсматривать, какъ слѣдъ былого цоканья, такъ какъ обычно въ южно-великорусскихъ говорахъ сохраняются древнія формы этихъ словъ съ *ч*, а не съ *ц* [2]). Равнымъ образомъ, весьма широко распространенная у сѣверно-великорусскихъ цокальщиковъ форма сэло́ вм. чело (печное) также свидѣтельствуетъ о быломъ ихъ цоканьи: не-цокальщики всегда и вездѣ произносятъ чело́, откуда форма сэло́ возникнуть не могла.—Мы думаемъ, что у цокальщиковъ соканье находило очень благопріятную почву по весьма простой причинѣ: цокальщики начинали уже стѣсняться и стыдиться своего вѣчнаго *ц*, надъ кото-

[1]) Р. Ф. В., т. 54, 1905, № 3, с. 43—44.

[2]) А. Соболевскій. Лекціи по ист. русск. яз. 129, изд. 2.

рымъ смѣялись и ихъ сосѣди, а въ соканьи они находили весьма легкій выходъ изъ своего непріятнаго положенія. Конечно, при такомъ предположеніи остается не яснымъ, почему слова съ кореннымъ *ч* вообще не поддались соканью; скорѣе всего это объясняется различною степенью твердости звука *ц*—полученнаго отъ цоканья и коренного. Впрочемъ, на сѣверовостокѣ Европы соканью обычно сопутствуетъ и особое произношеніе звука *ч*—въ родѣ мягкаго *ш*.

Проф. Карскій высказалъ мнѣніе, что сокальщики прежде произносили *ц* по-бѣлорусски: вторая составная часть его, *с* протягивалась дольше первой [1]). И это вполнѣ согласно съ нашимъ предположеніемъ, что соканье распространилось гл. обр. среди бывшихъ цокальщиковъ: главный элементъ цокальщиковъ на югѣ великороссіи принадлежалъ именно полѣсско-бѣлорусскимъ выходцамъ [2]).

При всемъ томъ, центръ южно-великорусскаго соканья лежитъ отнюдь не въ полѣсьяхъ. Въ Орловскомъ полѣсьѣ оно даже и не отмѣчено, и только для Калужскихъ полѣховъ мы имѣемъ свѣдѣнія о соканьѣ у Будде. Соканье встрѣчается одинаково и среди барскихъ крестьянъ (напр. Лаврово и Черникова Ливенск. у., Пруды Новосильск., Тагино Орл., Красные Буйцы Епифанскаго), и среди монастырскихъ (Манаенки и Кузьменки Бѣлевскаго у.), и среди однодворцевъ (Новосильскіе „казаки“ рядъ селеній Ливенскаго у.), и среди Жиздринскихъ полѣховъ. Соотвѣтственнымъ образомъ, распространено оно и среди очень разнообразныхъ говоровъ. Ближе всего объединяетъ сокающіе говоры принципъ географическій: они всѣ расположены не такъ далеко одинъ отъ другого, и легко могли подвергнуться вліянію, идущему изъ одного какого-либо центра. Такъ именно мы и склонны объяснять распространеніе соканья, и только мѣстоположеніе центра этой черты остается для насъ неяснымъ; естественнѣе всего видѣть его въ мѣстностяхъ подмосковныхъ. Частые перерывы въ области, занятой сокающими говорами, проще всего объяснять тѣмъ, что одни говоры (гл. обр. цокавшіе) оказались

[1]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1890, № 11, с. 178.

[2]) О цоканьѣ Орловскихъ полѣховъ есть данныя у Сполохова: пiцкать, чарь (АГО. XXVII, 3 и 18).

болѣе склонными къ воспріятію этой черты, другіе—менѣе склонными. Вообще же, волна соканья проходила уже во время, когда общая картина географическаго распредѣленія разныхъ группъ южновеликорусскаго населенія была близка къ нынѣшней: однодворцы, монастырскіе и б. ч. барскихъ была уже на теперешнихъ мѣстахъ.

Самый процессъ соканья, т. е. замѣны звука *ц* свистящимъ *с*, проще всего понять по аналогіи съ сопутствующею нерѣдко соканью чертою—произношеніемъ *щ* вм. *ч*. Въ послѣднемъ случаѣ передъ *ч*, очевидно, вставляется звукъ *с*: счистый дало щистый. То же самое мы предполагаемъ и для соканья: звуку *ц* предпосылался свистящій *с*, потомъ произошла регрессивная ассимиляція этихъ двухъ звуковъ, въ результатѣ чего явилось долгое *с*, послѣ утратившее свою долготу. Въ дальнѣйшемъ кое-гдѣ произошло и взаимное смѣшеніе звуковъ ц и с, напр. въ Лихвинскомъ у. Будде отмѣчаетъ цо́рак вм. сорокъ [1]); срв. довольно частое произношеніе ру́цкай вм. русскій.

Конечно, эта наша гипотеза легко можетъ не подтвердиться. Если соглашаться съ мнѣніемъ Соболевскаго и Будде о томъ, что соканье—особенность говора сѣверянъ, тогда придется отнести появленіе соканья къ болѣе древнему времени. Тогда, б. м., придется предположить, что при появленіи въ говорахъ праславянскаго языка звука *ц* часть будущихъ русскихъ оказалась внѣ сферы дѣйствія новаго фонетическаго закона или, по кр. м., не усвоила вполнѣ этого новаго звука. На этой почвѣ могли возникнуть въ русскомъ языкѣ говоры 1) чокающіе, съ полнымъ отсутсвіемъ звука *ц* (такіе есть и теперь въ Вятской и Вологодской губ.); 2) сокающіе и 3) цокающіе, со взаимною мѣною *ч* и *ц* и со средними звуками.

VII. Калужская губернія.

82: Составъ населенія.—83: Полѣсье и полѣхи.—84: Одежда полѣховъ. Жилище Калужск. губ.—85: Говоръ полѣховъ.—86: „Карѣлы" Медынскаго у.: исторія, говоръ, бытъ.—87: „Карамыши", чтб ихъ объединило.—88: Цокающіе говоры Калужской губ.; помѣщичьи крестьяне; монастырскіе.—89: Боровскій у.—90: Малоярославецкій у.—91: Медын-

1) Изв. 2 Отдѣл. III, кн. 4, с. 1280.

скій у.—92: Тарусскій у.; Калужскій у.—93: Р. Угра, какъ граница говоровъ; говоры Мещовскаго у. съ м. к.—94: Перемышльскій у.—95: Лихвинскій у.; Козельскій у.—96: Жиздринскій у.—97: Мосальскій у.—98: Заключеніе о м. к въ Калужскихъ говорахъ.

§ 82. Калужская губернія имѣетъ то общее съ Орловскою, что значительная часть населенія ея также принадлежитъ къ „полѣхамъ". Калужскіе и Орловскіе полѣхи, смежные географически, имѣютъ весьма много общаго какъ въ говорѣ, такъ и въ бытѣ. По всему, тѣ и другіе одного общаго происхожденія и въ своей исторіи переживали много общихъ чертъ. Это обстоятельство и побуждаетъ насъ разсматривать Калужскую губернію непосредственно вслѣдъ за Орловскою, хотя во многихъ другихъ отношеніяхъ эти двѣ губерніи совершенно различны.

Въ полную противоположность Орловской губерніи, Калужская не принадлежитъ къ числу однодворческихъ. Хотя здѣсь по рр. Окѣ и Протвѣ и проходила нѣкогда укрѣпленная сторожевая линія, самая первая по времени своего устройства; хотя Мещевскъ и Серпейскъ стояли на другой сторожевой линіи, охраняющей Литовскую границу [1]); хотя, наконецъ, на юго-востокѣ нынѣшней Калужской губ. простиралась на 88 верстъ длиною Лихвинская засѣка, съ сторожами на ней [2]), — при всемъ томъ однодворцевъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ. Въ 1837-мъ году въ Калужской губ. числилось 82 однодворца [3]), въ 1850-мъ — 97 душъ: 15 въ Тарусскомъ у. и 82 въ Жиздринскомъ, причемъ тамъ и здѣсь они были разсѣяны по нѣсколькимъ селеніямъ [4]).

Отсутствіе въ Калужской губ. однодворцевъ объясняется тѣмъ, что военно-служилые люди въ прежнее время постепенно переводились со старыхъ сторожевыхъ линій все далѣе и далѣе на югъ, почему съ наибольшимъ числомъ однодворцевъ мы и сталкиваемся въ самыхъ южныхъ великорусскихъ губерніяхъ — Воронежской и Курской. Однако, болѣе чѣмъ возможно, что часть Калужскихъ военно-слу-

1) И. Бѣляевъ, О сторожевой, станичн. и полев. службѣ. М. 1846. См. карту.

2) Извѣстія Калужск. Арх. Комиссіи, № 5. Калуга, 1897, с. 40—41.

3) АГО. XV, 1, Чаплинъ.

4) Матер. для статистики Россіи, собир. по вѣд. М. Гос. Им. I, 117.—Въ 1860-мъ г. однодворцевъ здѣсь было уже 207 д. об. п. въ Жиздр. у. и 57 въ Тарусскомъ (Попроцкій, Калужск. губ. I, 306).

жилыхъ людей въ свое время осталась здѣсь, но потомъ, обѣднѣвъ, перешла на монастырскія земли и попала въ число монастырскихъ крестьянъ, а другая подпала, правыми и неправыми путями, въ крѣпостную зависимость къ частнымъ лицамъ. Какъ бы то ни было, но въ прошломъ мы должны предполагать въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губ. существованіе болѣе или менѣе значительнаго класса Московскихъ военно-служилыхъ людей, прямыхъ предковъ нынѣшнихъ однодворцевъ, а значитъ—предполагать и значительную долю ихъ культурнаго вліянія на языкъ и бытъ мѣстныхъ жителей.

Наибольшее число теперешняго крестьянскаго населенія Калужской губ. принадлежитъ къ бывшимъ владѣльческимъ крестьянамъ; въ 1859-мъ году помѣщичьи крестьяне составляли въ этой губерніи 61, 80% всего населенія губерніи [1]). Казенныхъ крестьянъ тогда здѣсь было немного болѣе 85 тс. ревизск. (мужск.) душъ; жили они въ 687 селеніяхъ [2]). Наибольшее число казенныхъ крестьянъ было въ западныхъ полѣсскихъ уѣздахъ—Жиздринскомъ ($18^1/_2$ тс. д. въ 77-и селеніяхъ) и Мосальскомъ ($11^1/_2$ тс. д. въ 139-и селеніяхъ); Козельскій уѣздъ уступалъ по численности казенныхъ крестьянъ (около 8-и тс. д. въ 35 сел.) Малоярославецкому (около $10^1/_2$ тс. д. въ 118 сел.) и Боровскому ($8^1/_2$ тс. въ 64 селеніяхъ) и почти равнялся Медынскому (около 8 тс. въ 107 сел.); наименьшее число казенныхъ крестьянъ было въ Тарусскомъ уѣздѣ: около $2^1/_2$ тс. въ 16-ти селеніяхъ [2]).—Въ число этихъ казенныхъ крестьянъ входятъ, конечно, всѣ бывшіе монастырскіе, а также и бывшіе владѣльческіе, освобожденные отъ крѣпостной зависимости ранѣ 1861-го года.

Для нашей цѣли важно еще указать на обиліе въ Калужской губ. старовѣровъ, которые въ большинствѣ случаевъ были и носителями старой Московской культуры, несшей съ собою интересующую насъ діалектическую особенность — м. к. Старовѣровъ разныхъ толковъ въ 1859 г. въ Калужск. губ. считалось 16.867 д. об. п.; особенно много ихъ было въ Жиздринскомъ у. (4.010 д.), въ Мосальскомъ, затѣмъ въ Боровскомъ, Калужскомъ, Малоярославецкомъ,

---

[1]) Тройницкій, Крѣпостное населеніе, 49.

[2]) Матер. для статистики Россіи по вѣд. М. Гос. Имущ. V, с. 2.

Медынскомъ, Козельскомъ (гл. обр. въ городахъ) и Мещовскомъ. Въ старину старовѣровъ здѣсь было гораздо больше: обилію ихъ способствовали близость Москвы и дремучіе лѣса; впослѣдствіи число ихъ уменьшилось отъ перехода въ другія губерніи и отъ обращенія къ единовѣрію и православію [1]).

Остановимся теперь на характеристикѣ отдѣльныхъ группъ населенія Калужской губ.; прежде всего на полѣхахъ.

§ 83. Приведемъ прежде всего болѣе важныя свѣдѣнія о мѣстожительствѣ Калужскихъ полѣховъ. „*Полѣсье* — возвышенная, покрытая лѣсами песчаная равнина, заключающая въ себѣ уѣзды: Жиздринскій и частью Мосальскій, Козельскій и Лихвинскій“ [2]). „Жители *полѣсья*, т. е. возвышенной, покрытой лѣсами песчаной равнины, на которой находятся уѣзды Жиздринскій и частью Мосальскій, Козельскій и Лихвинскій, занимаются особенно воздѣлываніемъ коноплянниковъ, а также лѣсными промыслами всѣхъ видовъ“ [3]). „Мѣстность *Полѣсье*, составляющая почти треть цѣлой губерніи, къ которой относятся: весь Жиздринскій, часть Мосальскаго и Козельскаго уѣздовъ, представляетъ малоплодородную песчаную равнину, покрытую лѣсами“ [4]).

„Жители Мосальскаго уѣзда раздѣляются, по нарѣчію и образу жизни, на два народа и извѣстны между собою подъ названіемъ *Полянъ* и *Полѣхъ* (вѣроятно, древнихъ вятичей и кривичей). Поляне имѣютъ свое мѣстопребываніе въ 1-мъ станѣ, а полѣхи во 2-мъ [5]); они разительно отличаются другъ отъ друга въ нравахъ и обычаяхъ съ весьма давнихъ временъ, что во многихъ отношеніяхъ замѣтно у нихъ до сихъ поръ... Первый станъ, подъ названіемъ полянъ, составляютъ помѣщичьи и казенные крестьяне, съ частью вольныхъ хлѣбопашцевъ, въ числѣ 29.202 чел.; а второй станъ, полѣхъ, состоитъ изъ однихъ помѣщичьихъ

---

1) Списокъ насел. мѣстъ по свѣд. 1859 г. Спб. 1863, с. 24—25.

2) Калужск. Г. В. 1860, № 3, с. 29.

3) Списокъ насел. мѣстъ по свѣд. 1859 г., с. 28.

4) Матер. для статистики Россіи по вѣд. Гос. Имущ. V, с. 8.

5) На картѣ, приложенной къ „Списку насел. мѣстъ по свѣд. 1859 г.“ 1-ый станъ занимаетъ восточную, меньшую половину уѣзда, съ гор. Мосальскомъ въ центрѣ; 2-ой станъ — западную половину, съ Спасъ-Деменскомъ въ центрѣ.

крестьянъ, въ числѣ 33.611 чел." [1]). Такъ писалъ въ 1860-хъ годахъ неизвѣстный намъ корреспондентъ редактора Калужскихъ Губ. Вѣд. Ляметри. Этою рукописью пользовался Попроцкій [2]). Здѣсь мы находимъ единственное въ литературѣ упоминаніе о Калужскихъ „полянахъ"; упоминаніе это, въ виду его единичности, остается для насъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Что же касается до сообщенія даннаго автора о Мосальскихъ полѣхахъ, то оно подтверждается другими свидѣтельствами и заслуживаетъ полнаго довѣрія.

„*Полѣхами* называются обитатели южнаго Полѣсья, длинной лѣсной полосы, начинающейся на границѣ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ. Они отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ. „Заворотнями" зовутъ ихъ за подозрительный и тугой нравъ" [3]).

По свидѣтельству А. А. Шахматова, въ дер. Теребени Жиздр. у. (1014, влад., въ 58 в. отъ гор.) „Орловскую губернію называютъ степью, а себя—полѣхами" [4]).

По свидѣтельству Е. Будде, жители дер. Далына (Долина, 1060, влад., въ 50 вер. отъ гор.) Притышской вол. того же у. сами себя также называютъ *полѣхами*; народъ дикій [5]).

Крестьянинъ с. Хотени (1158, на старой Мещевской дор., при рч. Брыни, с. каз.), извощикъ въ Питерѣ, на мой вопросъ о томъ, гдѣ у нихъ въ Козельскомъ у. живутъ полѣхи, отвѣчалъ, что полѣхи пойдутъ, начиная съ гор. Сухиничей и с. Дудина (1346 или 1335 ?), т. е. уже на крайнемъ западѣ уѣзда. Тутъ, конечно, легко могло сказаться желаніе выгородить изъ полѣховъ свое село, бытъ котораго теперь уже, на почвѣ развитыхъ отхожихъ промысловъ, культурный.—Гдѣ именно проходитъ въ предѣлахъ Козельскаго и Лихвинскаго уѣздовъ граница полѣховъ, этого мы такъ и не знаемъ. Безспорно одно, что этнографическія

---

[1]) АГО. XV, 20, матеріалы Ляметри.

[2]) М. Попроцкій, Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Калужская губ., ч. II. Спб. 1864, с. 140.

[3]) И. С. Тургеневъ, Пѣвцы (примѣч.). Встрѣча съ полѣхой въ с. Сергіевскомъ, на большой Орловской дорогѣ.

[4]) Дурново, Діалектологич. карта Кал. губ. 22.

[5]) Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 3, кн. 3, с. 842—3.

границы полѣсья сильно и быстро сокращаются. С. Хотень, судя по положенію его на рч. Брыни (срв. старые Брынскіе лѣса), прежде было чисто полѣсскимъ. По словамъ авторитетнаго наблюдателя, А. А. Шахматова, „въ Клену (1063, с. влад., въ 65 в. отъ Жиздры на югъ) половина сарафановъ; какъ говорятъ: народъ чище; то же въ Соповской волости (влад. с. Сопово, № 1031, при рч. Вытебети, въ 75 в. отъ Жиздры); одежда же обыкновенно идетъ рука объ руку съ говоромъ: паневы смѣняются сарафанами, сарафаны—платьями на городской ладъ, а вмѣстѣ съ сарафанами и платьями и въ говоръ проникаетъ мѣщанская или городская струя“ [1]).

§ 84. Матеріаловъ для этнографической характеристики Калужскихъ полѣховъ у насъ недостаточно. Сравнительная характеристика Мосальскихъ полѣховъ и „полянъ“ въ матеріалахъ Ляметри даетъ намъ очень немногое: у полянъ сильно развиты отхожіе промыслы, чего у полѣховъ совсѣмъ нѣтъ; полѣхи далеки отъ образованія, живутъ въ курныхъ избахъ, занимаются лѣсными промыслами; у нихъ нѣтъ бань: моются и парятся въ печахъ. Языкъ „полянъ“, вслѣдствіе ихъ частыхъ отлучекъ, правильный, только вм. въ они говорятъ у; у полѣховъ около с. Спасъ-Деменскаго нарѣчіе совершенно отлично, какъ отъ прочихъ уѣздовъ Калужской губ., такъ даже и отъ Мосальскаго [2]). Въ послѣднихъ словахъ мы встрѣчаемъ явный намекъ на существованіе уже среди самихъ Мосальскихъ полѣховъ двухъ различныхъ этнографическихъ группъ. Подтвержденіе этому находимъ и у другихъ старыхъ наблюдателей: Гавр. Колосковъ, учитель изъ с. Спасскаго, Кобылья тожъ (3392, с. каз. и влад., при рч. Волокѣ, въ 30 в. отъ гор.), расположеннаго въ Мосальскомъ полѣсьѣ, писалъ въ свое время: „въ западной части здѣшняго уѣзда существуетъ нарѣчіе, извѣстное въ Калужской губ. подъ именемъ „Деминскаго“—тамъ, гдѣ рч. Дёмина (притокъ р. Угры) беретъ свое начало и составляетъ урочище многихъ деревень, извѣстныхъ вообще подъ названіемъ „Деминщины“; центръ этой мѣстности—с. Спасъ-Деминщина (3342), въ 40 в.

---

[1]) Дурново, Діалектол. карта, 22.
[2]) АГО. XV, 20.

отъ Кобылья. Деминское нарѣчіе отличается отъ прочихъ крайнею грубостью“ [1]).

Объ этой Деминщинѣ, которая отличается отъ прочихъ Мосальскихъ полѣховъ, повидимому, только своимъ говоромъ, у насъ рѣчь будетъ ниже. Теперь же попытаемся выяснить главныя отличія Калужскихъ полѣховъ въ отношеніи одежды и жилища.

Напомнимъ прежде всего характеристику Жиздринскаго полѣха, данную И. С. Тургеневымъ въ его разсказѣ „Хорь и Калинычъ“. „Кому случалось изъ Болховскаго уѣзда перебираться въ Жиздринскій, того, вѣроятно, поражала рѣзкая разница между породой людей въ Орловской губерніи и Калужской породой“. Сравнительная характеристика Болховскаго степняка и Жиздринскаго полѣха касается главнымъ образомъ большей зажиточности послѣдняго, различія въ занятіяхъ и физическомъ типѣ. Въ разсказѣ „Поѣздка въ полѣсье“ рисуется мѣстность по рч. Ресетѣ, т. е. въ томъ же Жиздринскомъ у., а также въ Юхновскомъ; мѣстный мужикъ изображенъ „въ бѣломъ войлочномъ *шлыкѣ*“, что И. С. Тургеневъ называетъ „обыкновенной полѣсской шапкой“ [2]).

А. А. Шахматовъ считаетъ характернымъ для мужского полѣсскаго костюма бѣлый цвѣтъ, а для женскаго—поневы [3]). Эти же особенности мы видѣли и у Орловскихъ полѣховъ, у коихъ сохраняются поневы древняго типа, безъ прошвы, только кое-гдѣ замѣненныя поневами малорусскаго типа (см. § 67). „Калужскихъ рогожниковъ“, т. е. полѣховъ, занимающихся нищенствомъ, одинъ старый авторъ рисуетъ „одѣтыми въ суконныя, домашняго издѣлія, *бѣлыя* рубища“ [4]).

М. Жегочевъ въ 1849 г. коротко описываетъ одежду государственныхъ крестьянъ Кондрыкинской вол. Жиздринскаго у., въ деревняхъ: Дынная, Ослинка, Заболотье и Суглицы (849, 876—7 и 880, въ 12—14 вер. отъ Жиздры къ сѣв.-востоку): у мужчинъ колпакъ изъ *бѣлой* шерсти, у жен-

[1]) АГО. XV, 60.

[2]) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Т. VI. Спб. 1898, с. 273.

[3]) Дурново, Діалектологич. карта, 22.

[4]) Калужск. Г. В. 1861, № 8, с. 95, В. Амфитеатровъ.

щинъ *понева* изъ русской крашеной шерсти, посконная занавѣска съ рукавами, на головѣ сорока, вышитая шелкомъ и мишурою [1]). Тотъ же костюмъ и у помѣщичьихъ крестьянъ въ западной, полѣсской, части Мосальскаго уѣзда, въ селеніяхъ: Замошье, Чумазово, Каськова, Марьина, Сининка, Яковлевская (3475—3481, въ 35—39 в. отъ Мосальска на западъ) и Высокой Горы (3594, при р. Ужати, въ 34 в.); деревни эти принадлежали въ 1849 г. тремъ разнымъ помѣщицамъ, но крестьянская одежда была одинаковою: у мужчинъ на головѣ колпакъ, свалянный изъ русской бѣлой волны, у женщинъ—кичка, покрытая бѣлымъ льнянымъ полотенцомъ или бумажнымъ платкомъ; клѣтчатыя поневы изъ синей и красной шерсти [2]). Въ с. Спасскомъ или Кобыльѣ Мосальскаго уѣзда у женщинъ высокія кички и поневы [3]). Въ Петросельѣ Мосальскаго у. поневы [4]).

Подробности на счетъ типа мѣстной поневы и кички намъ неизвѣстны. Тотъ же женскій костюмъ встрѣчается кое-гдѣ и на востокѣ губерніи, не въ полѣсьѣ, напр. въ Нелюбовской вол. Лихвинскаго уѣзда (влад. село Нелюбовское, № 1550, при рч. Свабоди, въ 17 в. отъ Лихвина на востокъ) поневы чернаго цвѣта съ красными клѣтками, изъ трехъ полотнищъ и синей холстинной прошвы напереди; носятъ ихъ, впрочемъ, лишь „нѣкоторыя женщины“; кички прежде были съ рожками и сороками, но давно уже вышли изъ употребленія [5]). Въ с. Тарасьевѣ (1387, влад.) также были (въ 1850 г.) поневы и кички, но встрѣчались уже сарафаны [6]); село это въ 6-и в. отъ Лихвина на сѣверъ, на Калужскомъ почтовомъ трактѣ. Какъ далеки эти сёла отъ полѣсья, мы не знаемъ; б. м. они даже находились и въ самомъ полѣсьѣ? Въ с. Покровѣ Мещовскаго у. (2554, влад., при р. Серенѣ, въ 7 вер. отъ Мещовска на почтовой дорогѣ въ Жиздру) въ 1850 г. также были обычны сороки и черныя клѣтчатыя поневы, хотя праздничную одежду со-

---

[1]) АГО. XV, 51.
[2]) АГО. XV, 30.
[3]) АГО. XV, 60, Колосковъ.
[4]) Калуж. Г. В. 1851, № 42.
[5]) В. Миллеръ, Систематич. опис. колл. Дашк. Музея, III, 99—91.
[6]) АГО. XV, 47, І. Никольскій.

ставляли китайчатые сарафаны [1]); но и отъ этого села полѣсье должно быть недалеко. Даже въ Добринской вол. Боровскаго у. въ половинѣ XIX-го вѣка обычны были у женщинъ поневы и сороки [2]); но это у особой этнографической группы цокальщиковъ, о которой у насъ рѣчь будетъ ниже.

Современный женскій костюмъ Калужскихъ полѣховъ, особенно въ томъ общемъ и неопредѣленномъ (безъ подробностей о цвѣтѣ и покроѣ поневы) видѣ, въ какомъ мы его знаемъ изъ нашихъ скудныхъ источниковъ, былъ, конечно, нѣкогда общимъ почти во всей Калужской губ.; но у не-полѣховъ онъ рано вытѣсненъ другимъ типомъ костюма—Московскими сарафанами. Уже въ с. Хотени Козельскаго у. (1158, при рч. Брыни), у самаго полѣсья, преобладаютъ „сукни, въ видѣ сарафановъ, шерстяныя, кубоваго цвѣта“ [3]). Въ Коробинской вол. Козельскаго у. (1261, с. влад. при рч. Серенѣ, въ 18 в. на сѣверъ) поневы у немногихъ, а б. ч. ситцевые сарафаны [4]). То же самое въ б. ч. Перемышльскаго у. [5]). Около Людемска (3784, с. влад. на Мещовской большой дор., въ 40 в. отъ гор. на западъ), гдѣ у мужчинъ сохранились свалянные изъ овечьей шерсти колпаки, у женщинъ, при кичкахъ, бѣлорусскіе „касталоны“ [6]). Даже въ Жиздринскомъ полѣсьѣ, въ Клену и въ Соповской вол., какъ мы уже видѣли выше, быстро распространяются сарафаны на мѣсто прежнихъ поневъ [7]). И это культурное вліяніе для Калужскаго полѣсья не особенно ново: уже въ половинѣ XIX-го вѣка въ с. Песочнѣ (928, въ 11-и вер. отъ гор. на ю.-вост.) и около его, въ Подбуж-

---

[1]) АГО. XV, 54.

[2]) АГО. XV, 46, Ландышевъ.

[3]) АГО. XV, 27, А. Лебедевъ.

[4]) В. Миллеръ, Систем. опис. колл. Дашк. Музея, III, 90.

[5]) Тамъ же, с. 91—92; поневы здѣсь встрѣчаются темно-синія и, повидимому, безъ прошвы: „родъ фартука, который надѣвается сзади по таліи и завязывается спереди“. Авторъ „Лѣтописи Калужской“ напечатанной въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ 1877 г., архим. Леонидъ говоритъ, что „понява или поніова... покрываетъ только лядвіи по поясницу“ (с. 159).

[6]) АГО. XV, 62, Ѳ. Сперанскій.

[7]) Дурново, Діалектол. карта, 22, сообщеніе А. А. Шахматова.

ской экономической волости, при обычныхъ понёвахъ и кичкахъ, зажиточныя жинщины носили сарафаны изъ китайки [1]).

Здѣсь мы сталкиваемся съ монастырскими полѣхами. Хотя соціальное прошлое полѣховъ вообще различно (среди нихъ есть помѣщичьи, монастырскіе, государственные, а въ Орловской губ. также и удѣльные), но оно очень мало сказалось на ихъ бытѣ, вліяя почти исключительно лишь на степень зажиточности. Крѣпостной и иной зависимости полѣхи подпали б. ч. въ позднее сравнительно время, при чемъ не были оторваны отъ своей почвы. Только принадлежность къ военно-служилому, однодворческому сословію мѣняетъ рѣзко обликъ полѣховъ. Выдѣлять монастырскихъ полѣховъ въ особую группу нѣтъ никакихъ основаній (срв. § 88).

Если въ отношеніи къ одеждѣ въ предѣлахъ Калужской губ. проходитъ старая граница сарафановъ и поневъ, то въ отношеніи къ жилищу въ тойже губерніи проходитъ издавна граница сѣверно-великорусскихъ высокихъ избъ на подклѣтѣ и южно-великорусскихъ низкихъ хатъ. Граница эта, впрочемъ, ничего общаго съ полѣхами не имѣетъ; и кромѣ полѣсья весьма значительная часть данной губерніи принадлежитъ къ области низкихъ хатъ. Граница между этими двумя типами великорусскаго жилища, повидимому, проходила неподалеку отъ рр. Лужи и Протвы: Боровскій уѣздъ принадлежалъ къ Московскому, сѣверно-великорусскому типу, а прочіе уѣзды — къ южно-великорусскому. Гр. Потанинъ въ 1861-мъ году указывалъ на дер. Афонасьеву, лежащую на старой Московско-Калужской дорогѣ, какъ на границу двухъ типовъ жилища: Московскаго, выходящаго на улицу фронтономъ (конькомъ) дома, и Калужско-Тульскаго, выходящаго на улицу фасадомъ дома: „въ Афонасьевой и къ сѣверу отъ нея—крыльца на дворъ, къ югу—на улицу“ [2]). Обычно выходъ до́ма на улицу фронтономъ совпадаетъ съ типомъ высокихъ избъ на подклѣтахъ, и наоборотъ. Что касается названной Потанинымъ деревни, то это, вѣроятно, владѣльческое сельцо Аѳанасово Малоярославецкаго у. (1664, при рч. Локнѣ, въ 7-и вер. отъ у. гор.

---

[1]) АГО. XV, 49, А. Лихачевъ.

[2]) Гр. Потанинъ, Гамаюнщина (Калуж. Г. В. 1861, № 32, с. 256).

на югъ). Въ Медынскомъ у. избы фронтономъ на улицу, съ крыльцомъ со двора, отмѣчены у т. наз. кореловъ (см. ниже § 86) Дороховской волости [1]).

Что касается жилища Калужскихъ полѣховъ, то безспорно одно, что у нихъ обычны южно-великорусскія низкія хаты, часто съ земляным поломъ (несмотря на обиліе лѣса) [2]). Другія подробности мѣстнаго типа остаются неясными; только около гор. Перемышля (а не въ полѣсьѣ?) встрѣчается, повидимому, однодворческій типъ жилища съ святымъ угломъ при входной двери? [3]). Подъ вліяніемъ, вѣроятно, крѣпостного права къ мѣстнымъ полѣхамъ привился обычай устраивать черезъ улицу амбары и сараи [4]). У полѣховъ (барскихъ, въ с. Замошье и около) Мосальскаго у. отмѣченъ обычай устраивать избы взади двора [4]).

§ 85. Гораздо лучше извѣстенъ намъ говоръ Калужскихъ полѣховъ, который непосредственно наблюдали такіе выдающіеся лингвисты, какъ А. А. Шахматовъ и Е. Ѳ. Будде. А. А. Шахматовымъ впервые установленъ здѣсь диссимилятивный типъ русскаго аканья, который прекрасно сохранился у Калужскихъ полѣховъ [5]).

Полѣсскіе чистые говоры описаны въ „Діалектологической картѣ Калужской губ.“ Н. Н. Дурново подъ пунктами 12—14 (сс. 16—22); полѣсскіе нивелированные — мѣщанскіе и иные—въ пунктахъ 8, 9 и 11 (с. 12—16). Говоры полѣховъ Калужской губ. вообще сходны съ полѣсскими Орловскими говорами, но сохранились лучше. Диссимилятивное аканье, кагоканье, крыю или крэю вм. крою, формы прилагательныхъ на -эй, 3 л. ед. гл. обр. на -ёть; изрѣдка долгія согласныя въ такихъ случаяхъ, какъ мыттё, ўў вм. л и мягкія шипящія; наконецъ, гласныя *е* и *и*, не смягчающія предшествующихъ согласныхъ. Къ этимъ главнымъ осо-

[1]) АГО. XV, 21. М. Баталинъ.

[2]) АГО. XV, 51, 60 и 30.

[3]) АГО. XV, 28; срв. 62. И въ Кондрыкинской вол. Жиздр. у. „отъ двери уголъ называется святымъ“ (АГО. XV. 51, Жегочевъ). Вообще, жилище Калужской губ. разнообразно, но имѣющіеся у насъ матеріалы для его описанія страдаютъ неясностью.

[4]) АГО. XV. 30.

[5]) А. Шахматовъ, Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ (Р. Ф. В., т. 38, 1897 г.).

бенностямъ полѣсскихъ говоровъ Калужской губ. Дурново присоединяетъ и м. к, въ такихъ выраженіяхъ: „к послѣ мягкихъ неслоговыхъ по б. части мягко, но не вездѣ (такъ, въ говорѣ дер. Козловки Мосальскаго у. к въ этомъ положеніи не смягчается)“ [1]). Намъ представляется болѣе точною такая формулировка: м. к встрѣчается въ полѣсскихъ говорахъ Калужской губ. спорадически и непослѣдовательно, съ частыми исключеніями. Перечень селеній, въ которыхъ м. к отсутствуетъ, данъ будетъ нами ниже, по уѣздамъ (§§ 96—97); такихъ селеній особенно много встрѣчаемъ въ описаніяхъ старыхъ авторовъ: очевидно, м. к распространялось здѣсь въ самое недавнее время.

Несмягчающія предшествующихъ согласныхъ гласныя *е* и *и* не представляютъ въ полѣсскихъ говорахъ Калужской губ. общаго явленія, но распространены довольно широко. У Орловскихъ полѣховъ этой особенности нѣтъ. Изслѣдователи согласно видятъ въ ней переходъ отъ южно-великорусскихъ говоровъ къ малорусскому [2]). Для насъ интересны мѣста распространенія этой особенности въ уѣздахъ Лихвинскомъ и Козельскомъ. Въ Лихвинскомъ у. Будде встрѣтилъ эту особенность въ с. Долбинѣ (1486, с. влад., при рч. Выркѣ, въ 41 в. отъ гор.) и дер. Побужъ (1481, каз., при рч. Песочнѣ, въ 42 в.); въ Козельскомъ у.: въ с. Вѣйнѣ (1280, каз., при рч. Веинкѣ, въ 34 в. отъ у. гор. по Болховскому тракту), дер. Грынь (1301, каз., при рч. Выркѣ, въ 38 в.) и д. Желѣзницахъ (1303, каз., въ 42 в.).

Мы не нашли въ описаніи полѣсскихъ говоровъ у Дурново упоминанія о взаимной мѣнѣ звуковъ *с* и *ц*; Будде отмѣтилъ ее въ Жиздринскомъ у.: атэс вм. отецъ [3]) и въ Лихвинскомъ: руп цоракъ вм. рубль сорокъ [4]). Хотя эта же особенность отмѣчена еще и въ Мосальскомъ уѣздѣ: цапаги вм. сапоги [5]), но нѣтъ основаній считать ее спеціально

---

[1]) Дурново, Діалектолог. карта, 17.

[2]) Будде въ Изв. 2-го Отд. Ак. Н., т. 3, 1897, кн. 4, с. 1275; А. Никольскій въ Р. Ф. В. 1901—1903 г.

[3]) Изв. II-го Отдѣл. III, 21; срв. цапаги и руцкая вм. сапоги и русская: АГО. XV, 14, Поповъ.

[4]) Тамъ же, с. 1280.

[5]) АГО. XV, 30.

полѣсскою: въ Орловской губ. она распространена у степняковъ, а не у полѣховъ; и въ Калужской губ. она отмѣчена также въ одной деревнѣ прихода с. Покрова на Угрѣ Медынскаго у. [1]).

Говоръ Деминщины Мосальскаго у., описанный Колосковымъ [2]), — обычный полѣсскій говоръ съ диссимилятивнымъ аканьемъ (кылачъ, сырáй, выдá, бидá, бяды, вядрó), 3 л. на -ть, съ послѣдовательною долготою согласныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ ружжё, сваттинъ и т. п., и частицею ти вм. ли.

§ 86. Изъ другихъ группъ въ населеніи Калужской губ. остановимся прежде всего на т. наз. „карѣлахъ“ Медынскаго у. Для насъ эта группа интересна прежде всего въ томъ отношеніи, что „карѣлы“, въ полную противоположность съ прочими жителями Калужской губ., совсѣмъ не знаютъ м. к. Вообще же, группа эта интересна гл. обр. по своему названію, которое не разъ давало поводы къ разнаго рода научнымъ недоразумѣніямъ.

У Дурново читаемъ: „Въ Богдановской волости Медынскаго уѣзда различаются три говора: карѣлъ, карамышей и барскихъ. Карѣлы, карамыши и барскіе отличаются другъ отъ друга не только поговоркою, но и обычаями, одежей и стройкой. Это — три разныхъ наслоенія въ населеніи: карамыши, вѣроятно, — древнѣйшіе поселенцы, потомки вятичей, барскіе—потомки испомѣщенныхъ крестьянъ изъ средней Россіи; карѣлы—или позднѣйшіе переселенцы, или же жители, усвоившіе общевеликорусскую мѣщанскую поговорку благодаря отхожимъ промысламъ и торговлѣ“ [3]). „Въ Богдановской вол. Медынскаго у. говорящихъ по-мѣщански зовутъ „карѣлами“. Селенія съ мѣщанскимъ говоромъ расположены [здѣсь] въ перемежку съ селеніями съ говоромъ карамышевскимъ или говоромъ барскихъ сёлъ; это, по преимуществу, торговые или фабричные пункты, села на большихъ дорогахъ и т. п.“ [4]).

Эта кличка Медынскимъ торговцамъ прежде всего на-

[1]) Прогр. № 263, Е. Лебедева; то же въ дер. Клевиново Мещовскаго у. (Матер. V, 225).

[2]) АГО. XV, 60.

[3]) Дурново, Діалектолог. карта, 24—25.

[4]) Тамъ же, с. 7—8.

помнила намъ такую же кличку западно-русскимъ ремесленникамъ XVIII в., пользовавшимся своимъ особымъ, искусственнымъ языкомъ. Объ этомъ писалъ А. Мейеръ въ 1786 г. въ такихъ выраженіяхъ: „Я думаю, что непротивно будетъ, если я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчіи, которымъ всѣ Кричовскіе мѣщане, портные, сапожники и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы *корелы* (не отъ Кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяне) между собою изъясняются" [1]). Съ этою послѣднею кличкою нельзя не сравнить бѣлорусское *корѣлый* „лѣсной разбойникъ; жестокій" [2]).

Но въ „Этнографической картѣ Европейской Россіи" П. И. Кеппена [3]) мѣстность нынѣшней Богдановской волости Медынскаго у. выдѣлена особою, кирпичною, краскою, и въ объяснительной запискѣ къ третьему изданію карты читаемъ слѣдующее: „Обведенное кирпичною краскою пространство въ Медынскомъ у. заключаетъ въ себѣ Дороховскую волость, которой жители именуются „корелы". Въ 1848 г. ихъ числилось 3.995 д. м. п. Они въ деревняхъ: Мусина (2402), Носова (2417), Пречистенка, Добрый Холмъ (1937), Пенези (2212, въ 38 в.), Михалкова (2058), Морозово, Куновка (2208, въ 45 в.), Дурова (1934), Вешки (1935), Аксенова (2182), Горбатова (2172) и Строилово (2185). Они вывезены изъ пограничныхъ съ Тверскою губ. мѣстъ Гжатскаго у. въ 60-хъ или 70-хъ годахъ XVIII в., но между ними находятся и коренные жители Медынскаго у.; языкъ же всѣхъ ихъ одинаковъ, не отличаясь отъ языка противъ обитателей того же уѣзда" [4]).

Здѣсь въ число корельскихъ селеній включены, между прочимъ, и три „села Духовнаго вѣдомства", три погоста,

---

[1]) Рукопись XVIII в. „Описаніе Кричевскаго графства или бывшаго староства Гр. Ал. Потемкина, въ ста верстахъ отъ Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерніею", хранящаяся въ Б-кѣ Казанск. у-та. Цитуемъ по книгѣ С. Максимова „Сибирь и каторга". I, 442. Рукопись эта недавно полностью издана Е. Р. Романовымъ въ „Могилевской Старинѣ", вып. II. Могилевъ, 1901, с. 86—137: А. Мейеръ, Описаніе Кричевскаго графства 1786 года.

[2]) Носовичъ, Словарь бѣлорусск нарѣчія, 248.

[3]) Изданіе 3-ье. Спб. 1855.

[4]) П. Кеппенъ, О третьемъ изданіи этнографической карты Европейск. Россіи (Вѣстникъ Географ. Общ. XVI, 1856, отд. 4, с. 92).

въ которыхъ живетъ лишь одно духовенство: Вёшки, Пречистое (2185) и Строилово. Кромѣ того, по Кеппену, корелы эти „вывезены“ изъ Гжатскаго у. въ концѣ XVIII в.; „вывезены“, очевидно, помѣщиками. Между тѣмъ, изъ перечисленныхъ деревень Дороховской вол. только три были помѣщичьими, всѣ же прочія числятся въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г.“ казенными. Наконецъ, расположены „корельскія“ деревни б. ч. при рѣчкахъ (даже при такихъ большихъ, какъ Шаня; а не при колодцахъ); а по Дурново,—при большихъ дорогахъ; все это свидѣтельствуетъ объ ихъ сравнительной древности: лучшія мѣста для поселенія не могли достаться позднѣйшимъ переселенцамъ въ область, которая заселена издавна.

Очевидно, Кеппенъ пользовался въ данномъ случаѣ какимъ-то мутнымъ и сомнительнымъ источникомъ и отнесся къ нему безъ нужной критики.

Съ приведенными выше свѣдѣніями о Медынскихъ „корелахъ“ не лишне будетъ сопоставить слѣдующія данныя о корелахъ Зубцовскихъ. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи только три селенія кореловъ (№№ 5059—5061), всѣ владѣльческія и всѣ на р. Гжати. Этотъ небольшой корельскій островокъ представляется здѣсь чѣмъ-то страннымъ, такъ какъ кругомъ Зубцова — въ уѣздахъ: Ржевскомъ, Старицкомъ и Тверскомъ — кореловъ совершенно нѣтъ, и только на сѣверо-востокѣ Тверской губ. они живутъ сплошною массою. Въ объясненіе этого страннаго явленія, редакторъ „Списка населенныхъ мѣстъ Тверской губ. по свѣдѣніямъ 1852 г.“ [1]) И. Вильсонъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Зубцовскіе корелы утверждаютъ, что предки ихъ выселились изъ Медынскаго уѣзда Калужской губ., говорятъ даже, что у нихъ есть старики, которые помнятъ то время, когда здѣшніе корелы ѣздили въ гости къ родственникамъ въ Медынскій уѣздъ. Но въ настоящее время корелъ въ Калужской губ. нѣтъ, и потому это преданіе или относится къ весьма отдаленному времени, или лишено всякаго основанія“ (с. 28).

Исторія переселенія, въ концѣ XVII в., изъ-за „Свейскаго рубежа“ кореловъ въ Московскія области и особенно

[1]) Спб. 1862, с. 28.

ихъ позднѣйшихъ передвиженій остается до сихъ поръ далеко не вполнѣ выясненною [1]). Общій и нормальный ходъ этой колонизаціи двигался съ сѣвера на югъ, а не обратно; съ этой точки зрѣнія намъ понятнѣе было бы переселеніе Зубцовскихъ кореловъ въ Медынь, нежели наоборотъ. Но Зубцовскіе корелы—владѣльческіе, и легко могли быть переведены туда помѣщиками даже и съ юга. Какъ бы то ни было, но появленіе этихъ настоящихъ кореловъ въ предѣлахъ Калужской губ. не представляется чѣмъ-то невозможнымъ. Историкъ Московской Руси XVII в. отмѣчаетъ присутствіе корелъ въ с. Щаповѣ Клинскаго у., въ вотчинѣ Иверскаго монастыря (о чемъ указаніе въ писцовой книгѣ 1685—86 гг.), и высказываетъ предположеніе, что населенные корелами старые уѣзды Ярославскій, Углицкій, Бѣжецкій и Новоторжскій „дали потомъ небольшой колонизаціонный отпрыскъ далѣе на югъ и юго-западъ, гдѣ однако корелы, по своей малочисленности, очень скоро растаяли среди русскаго населенія“ [2]).

Новый свѣтъ на Медынскихъ кореловъ проливаетъ рукописное сообщеніе 1856 г., принадлежащее перу священника с. Пречистаго (2177) этого уѣзда и хранящееся въ Архивѣ Географич. Общества [3]). Здѣсь читаемъ: „Отъ рѣки Угры... до р. Шани... простирается государственныхъ имуществъ Дороховская волость, лѣтъ триста тому назадъ населенная изъ разныхъ народовъ, губерній: Новгородской и Тверской, и лѣтъ 90—Смоленской, отъ Гжатской пристани къ Зубцову. Первыхъ двухъ губерній переселенцы принесли съ собою имя „*Карелыхъ*“, отъ большого числа переселившихся изъ селенія Карелъ Новгородской губ., отчего и вся волость Дороховская доселѣ въ общенародіи именуется „Карельскою“. Послѣдніе переселенцы именовались „Клушенцы“, отъ селенія Клушина, изъ коего большая часть ихъ вышла. Сторожиловъ въ семъ мѣстѣ

---

1) О ней см. Ю. Готье, Замосковный край въ XVII вѣкѣ. М. 1906, с. 298—306; Списокъ населенныхъ мѣстъ Тверской губ., с. 27—28; В. Покровскій, Историко-статистическое описаніе Тверской губ. Т. I. Тверь, 1879, с. 105.

2) Готье, Замосковн. край, 304.

3) АГО. XV. 21, М. А. Баталинъ, Этнографич. свѣдѣнія о Дороховской волости.

было не много, почему Карельцы заняли имя старожиловъ". Карельцы жили среди большихъ лѣсовъ, не умѣли строить жилищъ и сараевъ для скотскаго корма, складывая сѣно, солому и т. п. на зиму въ скиродки; занимались однимъ земледѣліемъ, расчищая нови. Клушенцы начали устраивать благовидные дома, клѣти, амбары и сараи, что́ переняли отъ нихъ и старожилы. „Жители Дороховской (прежде Морозовской) волости, состоя изъ разныхъ народовъ, чрезъ взаимныя связи и общенія, составили одинъ народъ, мало отличающій ихъ различное поколѣніе; впрочемъ, Клушенцы высокорослы, лицомъ свѣтлы, глаза желтые, волосы черноваты, а Карельцы блѣдноваты, глаза сѣрые, волосы свѣтлорусые. Потомки ихъ въ настоящее время лицомъ бѣлы, глаза болѣе сѣрые, волосомъ темнорусы, ростъ болѣе средній".

Дальше Баталинъ сообщаетъ объ особенностяхъ мѣстнаго языка; чисто сѣверно-великорусская особенность, въ сущности, только одна: дат. пад. мн. ч. вм. твор: за грыбáмъ, съ другúмъ людя́мъ [1]. Иканье: висна, жирибенокъ, зимля, мидвѣдь, пиро, сило; глижу, питно, рибóй вм. рябой, тину вм. тяну, лигушка; судя по написаніямъ: чійку вм. чайку, Проньку, капѣйку, м. к не было и тогда, какъ нѣтъ его теперь; кагоканья, конечно, нѣтъ: однаво, таво, ево, чево ничиво; вм. ф произносили х и хв, чего при Дурново уже не было (с. 7); 3 л. ед. ч. съ окончаніемъ -ть; ядуть вм. ѣдятъ; сѣмши вм. сѣлъ, написамши вм. написано, скинумши вм. скинулъ. — Мѣстное жилище, описанное также Баталинымъ, повидимому, сѣверно-великорусскаго типа; по кр. м., избы выходятъ на улицу фронтономъ и входъ въ избу́ со двора черезъ сѣни. Одежда сѣверно-великорусская, хотя съ нѣкоторыми особенностями; у женщинъ сарафаны и сороки на головахъ; въ будень женщины и дѣвицы носятъ платки, завязывая ихъ назадъ концы; занавѣски или фартуки у женщинъ на проймахъ; надъ ластовицей женской рубахи кругомъ ряда въ два и три вшиваютъ переборы и кумачъ; у мужской рубахи нѣтъ ворота, застежка на лѣвомъ боку.

[1]) Эту же черту отмѣчаетъ и другой авторъ, Мещовскій (изъ с. Недоходова) свящ. Смирновъ 1850 г., говоря о сосѣдней съ Мещовскимъ у. мѣстности Медынскаго у., отъ р. Угры до р. Извери: торгуетъ огурцамъ (АГО. XV, 53).

Сообщеніе Баталина также вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, но оно гораздо болѣе двухъ первыхъ согласуется со всѣми извѣстными намъ фактами. Баталинъ не сомнѣвается въ томъ, что всѣ переселенцы въ Дороховскую волость всегда были русскими. И это весьма вѣроятно: ни онъ, ни Дурново не отмѣтили въ ихъ языкѣ никакихъ слѣдовъ финскаго произношенія. Между тѣмъ, поселившись въ большомъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ, Дороховскіе „корелы“ — будь они настоящими корелами — легко могли сохранить свой родной языкъ, какъ это и случилось съ ихъ Тверскими сородичами. Безспорно одно, что Медынскіе „корелы“—выходцы съ сѣвера. Изъ числа сѣверныхъ уѣздовъ Московскаго края въ смутное время особенно сильно запустѣли Тверской, Бѣжецкій и Углицкій уѣзды; на здѣшнія пустыя мѣста и были поселены правительствомъ корелы. Прежнее русское населеніе уходило оттуда б. ч. на югъ и рѣдко возвращалось на прежнія мѣста [1]). Вотъ съ этимъ то періодомъ времени, думается намъ, и легче всего связывать появленіе въ Медынскомъ краѣ значительной части сѣверно-великорусскихъ пересенцевъ.

Мы знаемъ, что въ Ярославской губ. теперь называютъ „корелами“ всѣхъ выходцевъ изъ Тверской губ., хотя бы и чистѣйшихъ русскихъ [2]). Не исключена возможность, что подобная кличка существовала и въ старое время, даже до массоваго перехода кореловъ на Русь: этому массовому переселенію безспорно предшествовали многочисленные переходы единичные; наконецъ, и самое сосѣдство западныхъ сѣверно-великоруссовъ съ корелами могло подать поводъ къ этой народной кличкѣ. Могли быть, конечно, среди пришельцевъ и обрусѣвшіе корелы. Наконецъ, кличка (Баталинъ считаетъ ее самоназваніемъ) могла произойти отъ имени селенія на родинѣ (мнѣніе Баталина же); могла она произойти и отъ нарицательнаго *карѣлый* „жестокій“.

Связи Зубцовскихъ кореловъ (обрусѣвшихъ?) съ Медынскими находятъ подтвержденіе въ томъ, что вторая партія переселенцевъ въ Дороховскую волость вышла съ р. Гжати—той самой, на которой и живетъ небольшая ко-

---

[1]) Готье, Замосковн. край, 298—299.

[2]) Жив. Старина, 1893, с. 507 и сл.

лонія кореловъ Зубцовскихъ. Замѣчательно, однако же, что эта позднѣйшая часть Дороховскихъ переселенцевъ „корелами" не слыла, а носила другую кличку—Клушенцы.— Вообще же, эпизодъ съ Медынскими „корелами" служитъ краснорѣчивымъ показателемъ того, какъ сильно и какъ сравнительно быстро перепутались всѣ нити, ведущія къ уразумѣнію даже недавнихъ и отдѣльныхъ случаевъ великорусской колонизаціи.

§ 87. У Н. Н. Дурново мы находимъ особую группу „Карамышевскихъ говоровъ" (п. 5, с. 8—9). Она въ томъ же Медынскомъ у., въ двухъ волостяхъ: Карамышевской и Богдановской. Въ первой с. Карамышево (2072, въ 30 в.), дер. Заполье (2000, при рч. Медынкѣ, въ 25 в. отъ гор.), Гавшино (2090), Рѣдькино (2071); во второй Чукаево (2180, въ 12 в. отъ гор.), Гриднево (1929) и Пузаки (2104). Все это селенія бывшія владѣльческія; всѣ расположены въ южной части Медынскаго у. Въ Богдановской вол. представителей этой группы зовутъ: „карамыши"; отъ мѣстныхъ „карѣловъ" и „барскихъ" они отличаются „не только поговоркою, но и обычаями, одежей и стройкой" (с. 24); Дурново склоненъ считать ихъ „древнѣйшими поселенцами, потомками вятичей" (с. 24). Въ говорѣ ихъ диссимилятивное аканье, подобное Мосальскому, м. к, отсутствіе кагоканья и мѣны *у* и *е*; 3 л. ед. ч. на -ть и безъ него, и др. Вообще, особенности ихъ говора, повидимому, не таковы, чтобы народъ могъ выдѣлить „Карамышей" въ особую группу только по говору.

Мы склонны думать, что и объединеніе „Карамышей", и особенно выдѣленіе ихъ, въ глазахъ народа, въ особую группу, произошло на почвѣ особаго мѣстнаго отхожаго промысла. Мѣстный авторъ въ 1863-мъ г. писалъ: „Нѣкоторая часть крестьянъ Медынскаго у., преимущественно селеній, прилегающихъ къ Калужскому, Малоярославецкому и отчасти къ Юхновскому уѣздамъ, по окончаніи полевыхъ работъ отправляются для выдѣлки овчинъ въ южныя губерніи. Промыселъ этотъ особенно развитъ между крестьянами Карамышевской вол. и сосѣднихъ съ нею селеній" [1]).— Появленіе клички „Карамыши", во всякомъ случаѣ, проще

[1]) Калужск. Г. В. 1863, № 40, с. 197.

всего объясняется именно на почвѣ этого отхожаго промысла, центромъ коего прежде было село Карамышево—село старинное: оно упоминается въ качествѣ села уже въ 1629—30 г., когда многіе жители изъ него бѣжали въ гор. Боровскъ; тогда это село числилось въ Вепрейской вол. Боровскаго у. [1]).

Намъ извѣстно, со словъ проф. Д. Н. Кудрявскаго, что отходъ „въ овчины", т. е. въ Екатеринославскую и Херсонскую губ. для выдѣлки овчинъ, продолжается на югѣ Медынскаго у. и въ наши дни. Отходъ этотъ оказываетъ нѣкоторое вліяніе и на мѣстный говоръ: кромѣ лексическихъ заимствованій, напр. привѣтствія „Боже поможи!", проф. Д. Н. Кудрявскій приписываетъ [2]) отходу и появленіе здѣсь фрикативнаго *h* на мѣсто прежняго взрывного *г*; гдѣ уходятъ на промыселъ не на югъ „въ овчины", а въ полѣсье къ колесникамъ, тамъ этого h нѣтъ. Проф. Д. Н. Кудрявскому лучше всего извѣстна, по воспоминаніямъ дѣтства, мѣстность около сельца Клины (1950, при рч. Дранкѣ, въ 8 в. отъ гор.) и с. Адуева (1926, при рч. Онегѣ, въ 8-и же в.); оба эти села владѣльческія. Мѣстный женскій костюмъ: красные сарафаны, передники до шеи, бѣлыя рубахи и желтые платки на головѣ; изрѣдка родъ кокошниковъ.—Если этотъ же костюмъ и у прочихъ „Карамышей", то и онъ не могъ объединить ихъ въ особую группу.

Къ изложенному присоединимъ, что и въ Тарусскомъ у. кое-гдѣ, при сильномъ аканьѣ, встрѣчается взрывное g [3]).

§ 88. Переходя теперь къ разнымъ мелкимъ этнографическимъ группамъ въ населеніи Калужской губ., мы прежде всего остановимся на мѣстныхъ цокальщикахъ, существованіе коихъ согласно отвергаютъ В. И. Чернышевъ и Н. Н. Дурново [4]).

О цоканьѣ въ Боровскѣ упоминаетъ Даль. Нока источ-

---

[1]) Готье, Замосковн. край, 245. Рч. Вепрейка и с. Вепрея находятся въ теперешнемъ Малоярославецкомъ у. (см. № 1895 и слѣд. по „Списку насел. мѣстъ").

[2]) Устное сообщеніе проф. Д. Н. Кудрявскаго.

[3]) Соболевскій, Опытъ діалект. 14.

[4]) Дурново, Діалектол. карта, 4.

никъ Даля въ данномъ случаѣ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и подробности были не извѣстны, можно было сомнѣваться въ этомъ и относить Боровское цоканье къ приходящимъ сюда Верейскимъ „шуваликамъ", какъ это и дѣлаетъ Чернышевъ. Теперь источникъ Даля въ данномъ случаѣ намъ извѣстенъ: рукопись помѣщика с. Михайловскаго (2339) Медынскаго у. Мих. Спафарьева 1849 г. [2]). Спафарьевъ пишетъ: „Въ одной Калужской губ. очень много разныхъ нарѣчій, изъ которыхъ упомянемъ о двухъ замѣчательно рѣзкихъ для слуха, именно: 1) Боровскаго у., государственныхъ имуществъ Бенинской волости общій говоръ: вмѣсто что, чего, чашка, чіокать—цто, цево и цаво, цашка, цокать и др.; 2) а Медынскаго у. государственныхъ имуществъ Алеменской вол. произносятъ, напротивъ, вмѣсто царапать, овца, дѣвка и пр. черяпать и чарапать, овча, деука и пр".

Село Беницы (636) при р. Протвѣ, въ 9-и вер. къ сѣверо-западу отъ Боровска, у самой границы съ Верейскимъ уѣздомъ. Эта близость къ Верейскому уѣзду заставляетъ предполагать о родствѣ бенинцевъ съ шуваликами (§ 197). По Дурново (с. 6—7), въ Беницахъ взрывное *г*, переходъ *м. к* и *г* въ *т* и *д* (м. пр. и горьтяя), т. е. черты сѣвернаго типа; аканье сильное „восточнаго" типа.

С. Егорій Алемна (2431), центръ бывшей Алеменской вол., лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу Медынскаго у., близъ границы Боровскаго, по тракту изъ Медыни въ Верею.

Въ Боровскомъ у. въ 1850-мъ году отмѣченъ и еще одинъ цокающій островъ: это Каменское сельское общество Добринской вол., расположенное въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда, на верховьяхъ р. Нары. У насъ имѣются свѣдѣнія о говорѣ селеній этого общества: с. Каменское (445, въ 20 в. отъ гор.), д. Клова (446), Мельникова (447) и Романова (448). Всѣ эти селенія казенныя. Учитель Каменскаго приходскаго училища, Гр. Ландышевъ отмѣтилъ въ говорѣ этихъ селеній цоканье и чоканье: цетверть, не-

[1]) Статья Даля „О нарѣчіяхъ" основана гл. обр. на рукописныхъ а частью и на печатныхъ источникахъ, точно такъ же, какъ и его словарь.

[2]) Библ. Ак. Н., № 70.

цева, крестчи; другія черты: м. к: малачкя, яичкя, кочкя; яканье: всягдашній; 3 л. ед. ч.: гонить и гоня, идё, даё, обижая, кормить; лошадёмъ вм. лошадямъ. Одежда женщинъ: поневы и сороки съ подзатыльнями [1]).

Наконецъ, еще намъ извѣстенъ чокающій говоръ на сѣверо-востокѣ Малоярославецкаго у., около р. Протвы. Свящ. І. Щеголевъ въ 1854-мъ году описалъ говоръ прихожанъ с. Запажья этого уѣзда; у нихъ чоканье: авча вм. овца, горничя, заечь, отечь „и вообще всѣ имена существительныя, оканчивающіяся на *цъ*, оканчиваются крестьянами на *чь*“, напиччя, разгуляччя; м. к не только въ дочькя, дѣвочкя, печькя, лежанькя, сходкя, но и: чашкя, ложкя; отсюда можно догадываться, что шипящія здѣсь мягки, о чемъ можетъ говорить также случай: шитый вм. сытый, указывающій вмѣстѣ и на шепелявость говора; еще: шадой вм. сѣдой, швиный вм. свиной; 3 л. ед.: броня вм. бранитъ, захочя, придя; но кагоканья не отмѣчено: пустова [2]). Т. обр., данный говоръ, повидимому, сходенъ съ группою 13 карты Дурново, гдѣ также мягкія шипящія и цоканье (с. 19—20). Характерно однако же, что этотъ полѣсско-бѣлорусскій говоръ оказался на крайнемъ востокѣ Калужской губ.; не даромъ жителей сосѣдней дер. Дадоровки (1750, тоже на рч. Пажѣ) считаютъ „потомками литовцевъ, которые будто бы остались въ Россіи. До сихъ поръ сосѣдніе крестьяне называютъ жителей Дадаровки „Литвою“—названіе, почитающееся позорнымъ“ [3]).

Мѣстная женская одежда: шубка или сарафанъ и овчинный (даже и лѣтомъ) безрукавень, на смѣну коего въ самое послѣднее время пошли корсеты.—Въ 1854-мъ г. прихожане с. Запажья были государственными крестьянами Новослободской вол., но прежде они принадлежали помѣщикамъ Рѣпринымъ [4]).

Подъ именемъ „Репринщины“ въ Малоярославецкомъ уѣздѣ была извѣстна расположенная рядомъ съ с. Запажьемъ Овчининская вол., принадлежавшая при Петрѣ В. кн. Репнинымъ, а при Екатеринѣ В. сдѣланная, при осо-

---

[1]) АГО. XV, 46, Ландышевъ.
[2]) АГО. XV, 40, Щеголевъ.
[3]) Калужск. Г. В. 1863, № 46, с. 216.
[4]) АГО. XV, 40.

быхъ обстоятельствахъ, царскою [1]). Здѣсь лежатъ, м. пр., селенія: Ильинское (1732), Сёмкино (1737), Лябинка (1747), Тимохино (1748), Канышино (1697), Зыбаловка (1696), Пурсовка (1709), Кудековка (1745). Всѣ они принадлежали кн. Репнинымъ, о чемъ сохранили память до сего времени; сосѣди зовутъ ихъ: „Реприны, репринщина". Мѣстныя крестьянки отличаются до сихъ поръ тѣмъ, что по бѣлымъ онучамъ опутываютъ свои ноги черными шерстяными оборками [2]),—мода бѣлорусская.

С. Запажье лежитъ на западъ отъ рч. Пажъ. Общій ходъ колонизаціи, очевидно, направлялся здѣсь съ востока на западъ. Были ли крестьяне Репнина поздними выходцами съ запада, или же они, б. м. вмѣстѣ съ Верейскими шуваликами, являются остатками нѣкогда жившей по р. Протвѣ Голяди,—это остается для насъ не яснымъ.—Во всякомъ случаѣ, на сѣверо-востокѣ Калужской губ. существовало до послѣдняго времени немало цокающихъ говоровъ разнаго типа.

Въ параллель съ „Репринщиной" можно поставить двѣ другихъ старыхъ вотчины—1) *„Гамаюнщину"* въ Калужскомъ у. и 2) Голицовщину въ у. Козельскомъ. Первая получила свое имя не отъ владѣльца, а, вѣроятно, отъ прозвища [3]); первоначальные владѣльцы ея намъ не извѣстны, а послѣ она принадлежала разнымъ мелкимъ помѣщикамъ. Въ составъ Гамаюнщины входитъ 17 селеній (378—397, съ немногими исключеніями, и 3850—52), расположенныхъ на правой сторонѣ р. Оки, въ той излучинѣ, которую Ока дѣлаетъ при впаденіи въ нее Угры, въ 1—10 вер. отъ гор. Калуги; три селенія входятъ уже въ Перемышльскій уѣздъ. Судя по имени с. Ромоданова (378), вотчина эта принадлежала кн. Ромодановскимъ?

---

[1]) Калужск. Г. В. 1863, № 51, с. 242—243, ст. И-ва.

[2]) Тамъ же.

[3]) Одна изъ трехъ частей населенія въ Нязепетровскомъ заводѣ Красноуфимскаго у. Пермской губ., основанномъ въ 1746 г., извѣстна подъ кличкою „гамаюны"; другія части: „Тверскіе" и „заводскіе" (В. Весновскій, Путеводитель по Уралу. Екатеринбургъ. 1904, с. 382). Возможно, конечно, что здѣсь какъ разъ переселенцы изъ подъ Калуги. На Уралѣ „гамаюнами" слывутъ вообще выходцы изъ южно-великорусскихъ губ.

Вотчина эта, по словамъ описавшаго ее въ 1861-мъ г. Гр. Потанина [1]), является единымъ цѣлымъ; но мы знаемъ только быть ея и не знаемъ говора. Отъ сосѣднихъ монастырскихъ крестьянъ Гамаюнскіе отличаются экономически: ихъ хозяйство имѣетъ исключительно земледѣльческій характеръ, что ведетъ за собою „отсутствіе денегъ и различіе въ домашней обстановкѣ: Желыбинскія (изъ сосѣдней монастырской деревни № 386) женщины ходятъ въ городскихъ платьяхъ и повязываются платкомъ, въ Гамаюнщинѣ же и вообще въ помѣщичьихъ деревняхъ женщины ходятъ въ кичкахъ и китайкахъ... Моды здѣсь не существуетъ“ [2]). Одежда въ Гамаюнщинѣ смѣшаннаго типа: „тяжелыя и уродливыя“, хотя и не высокія кички съ сороками и подзатыльниками еще сохраняются, гл. обр. „въ виду ихъ мистически-обрядоваго значенія — знакъ рабства“; но имъ на смѣну идутъ ситцевыя шапочки, называемыя „сборниками“. Что же до понёвъ, то онѣ безслѣдно исчезли, замѣненныя сарафанами изъ синей китайки, съ короткими проймами, съ желтой обшивкой по подолу и съ разрѣзомъ впереди, застегиваемымъ на пуговки. Но замѣчательно, что сами Гамаюнскія бабы не умѣютъ кроить такихъ сарафановъ, и отдаютъ шить ихъ въ Калугу: очевидно, эта одежда для нихъ сравнительно новая, хотя другой—мѣстныя старухи не помнятъ. „Занавѣска“ надѣвается на горло и имѣетъ спинку.—Мѣстный типъ жилища ближе къ южно-великорусскому: низкая хата, выходящая на улицу фасадомъ, а не фронтомъ; однодворческое положеніе святого угла у дверей здѣсь, повидимому, не извѣстно.

„Голицовщина“, т. е. прежнія вотчины кн. Голицына, лежитъ на сѣверо-западѣ Козельскаго у., обнимая Хотенскую (1158) волость, что близъ Сухиничей, части Каменской (1136) и Колодезской (1220) волостей и три селенія: Глазово, Жердева и Корвякова, которыя одни источники относятъ къ Мещовскому уѣзду [3]), а другіе—къ Козельскому же [4]).

---

[1]) Калужск. Г. В. 1861, № 32—33, с. 249—260. (Перепечатано въ „Пам. Кн. Калужск. губ. на 1862—63 г.).

[2]) Тамъ же, № 32, с. 250.

[3]) Пам. Кн. Калужск. губ. на 1898 г. Калуга, 1898, с. 238 („Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія Козельскаго у.“).

[4]) Списокъ насел. мѣстъ по свѣд. 1859 г., № 1160, 1186—87.

Для діалектологіи эта мѣстность, кажется, навсегда потеряна; по кр. м., бытъ здѣсь, особенно въ Хотенской вол., чисто культурный: городская мебель, калоши, крахмальныя сорочки, зонты, все—подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, гл. обр. извощичанья въ Питерѣ. (Тамъ же).

Дурново выдѣляетъ въ особую группу „говоры барскихъ деревень Медынскаго, Калужскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ“ (группа 4; с. 8) и перечисляетъ 16 деревень, имѣющихъ одинъ общій говоръ; въ Богдановской вол. говорящихъ такъ называютъ „барскіе“; они отличны здѣсь и по быту; это дер. Ворсобино и Левоново (2187—8) Медынскаго у.; обѣ дер. при рч. Извѣри, въ „Спискѣ“ числятся „казенными“; очевидно, жители ихъ отпущены на волю ранѣе 1859 г.

Здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ о монастырскихъ крестьянахъ. Въ предѣлахъ Калужской губ. намъ не извѣстно особенно крупныхъ монастырскихъ вотчинъ. Мелкія же вотчины, составившіяся при томъ же изъ мѣстнаго населенія, большихъ отличій отъ своихъ сосѣдей въ бытѣ и говорѣ не представляютъ. Б. ч. они сохранили старый бытъ лучше, нежели помѣщичьи; такое впечатлѣніе произвела, напр., на А. А. Шахматова монастырская Подбужская волость Жиздринскаго уѣзда [1]). Возможно, что это объясняется большею чистотою въ составѣ населенія: не было сторонних примѣсей въ видѣ позднѣйшихъ переселенцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ и т. п., что́ обычно у барскихъ и часто у казенныхъ. Въ другихъ мѣстахъ, на почвѣ бо́льшей зажиточности, монастырскіе раньше помѣщичьихъ усвоили модную одежду; такъ произошло, напр., согласно приведенному уже нами выше сообщенію Потанина, въ дер. Желыбиной. Монастырскія Малоярославецкаго уѣзда (с. Недѣлино) носятъ сарафаны [2]). Дурново выдѣляетъ въ особую группу (6-ую; с. 9) „говоры Монастырши́ны“, что́ на сѣверо-западѣ Калужскаго у.; говоры эти „близки къ „Карамышевскимъ“, но рѣзко отличаются отъ нихъ мягкостью всѣхъ шипящихъ“.

Перечни монастырскихъ селеній Калужской губ. можно

[1]) Устное сообщеніе.
[2]) АГО. XV, 26 и 61.

найти въ Калужск. Губ. Вѣдом. 1861 г., № 45 (с. 367; Жиздр. у.) и въ книгѣ іеромонаха Леонида „Церковно-историческое описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи“ [1]).

§ 89. Сводъ діалектологическихъ данныхъ по Калужской губерніи сдѣланъ въ извѣстномъ трудѣ Н. Н. Дурново „Діалектологическая карта Калужской губерніи“ [2]). Но въ нашемъ распоряженіи имѣется немало такихъ діалектологическихъ матеріаловъ, главнымъ образомъ изъ Архива Географическаго Общества, которые Дурново были недоступны. Кромѣ того, нашъ сводъ имѣетъ спеціальную цѣль и касается главнымъ образомъ одной черты—м. к.

Эта черта въ говорахъ Калужской губерніи распространена настолько широко, что намъ гораздо легче перечислить тѣ селенія, въ которыхъ м. к нѣтъ, нежели тѣ, въ коихъ оно отмѣчено. Но для полноты картины необходимо будетъ указать тѣ и другія, тѣмъ болѣе что по нѣкоторымъ уѣздамъ наши данныя чрезвычайно скудны.—Говоря вообще, м. к отсутствуетъ въ мѣщанскихъ говорахъ, въ „карѣльскихъ“ и во многихъ полѣсскихъ; на западѣ оно гораздо рѣже, нежели на востокѣ губерніи.

Архим. Леониду принадлежитъ особая замѣтка о „нарѣчіи простолюдиновъ Калужской губерніи“ [3]), гдѣ отмѣчено м. к: Ванкя, мѣна предлоговъ *въ* и *у*, іонъ бая, іонъ ѣдя, Хвилипъ. — По отсутствію точныхъ географическихъ указаній, статья эта значенія для насъ не имѣетъ.

Въ городѣ Боровскѣ м. к отмѣчено здѣшнимъ протоіереемъ А. Бѣляевымъ въ 1850-мъ году: рюмочькю винца, копѣичькю [4]); и В. И. Чернышевымъ въ недавнее время: сколькя, Ванькя [5]); это послѣднее наблюденіе относится и къ подгороднимъ селамъ: Роща (491) и Красное (632); но въ Красномъ встрѣтилась и форма безъ м. к: хазяйкуй. Все это „мѣщанскіе говоры“; въ прочихъ городахъ Калужской губерніи мѣщанскіе говоры м. к не знаютъ.

---

[1]) Изъ Чтеній Общ. Ист. и Др. Росс. 1863, I.

[2]) Спб. 1903. (Изъ Сборн. II-го Отдѣла Ак. Н., т. 76).

[3]) Чтенія Общ. Ист. и Древн. при Моск. У-тѣ, 1877, № 2, смѣсь, с. 159—160.

[4]) АГО. XV, 48.

[5]) Дурново, Діалектол. карта, 5.

В. И. Чернышевъ въ 1898-мъ году прошелъ отъ Боровска до Москвы по „Старому Московскому тракту", наблюдая на пути говоры. По интересующему насъ вопросу онъ омѣчаетъ: въ Митяевѣ Рощинской волости (517, д. каз., въ 8 верстахъ отъ города) малачкя, на рѣчкю и т. п.; м. к вытѣсняется здѣсь м. т, въ которое „очень часто" переходитъ и всякое палатальное к: маханьтя, Петьтя и т. д., а также и литературнымъ произношеніемъ; г здѣсь взрывное; у женщинъ сарафаны [1]). Въ деревнѣ Кузьминкѣ Рожественской волости (518, каз., въ 14 верстахъ): груздочкяф, малинькява и т. п.; т изъ интересующаго насъ м. к, повидимому, здѣсь рѣже: пѐчтю, хотя вообще переходъ палатальнаго к въ т обыченъ; говоръ здѣсь Московскій, съ взрывнымъ г [2]).—Деревня Малъково Рожественской волости (519, при р. Нарѣ, каз., въ 24 в. отъ города): м. к почти нѣтъ: дажьжечкю; пѐрехода его въ *т* не встрѣтилось; обыченъ переходъ м. *т* въ *к*: шэскѝ (= 6-и); обратный случай одинъ: татіи [3]).

Переходъ въ Боровскихъ говорахъ м. к въ *т* свидѣтельствуетъ о сравнительной древности интересующей насъ черты. Что прежде м. к здѣсь было обычнѣе, видно изъ сообщенія Ландышева 1850 г. о с. Каменскомъ, дер. Мельниковой, Кловой и Романовой, лежащихъ также на р. Нарѣ, неподалеку отъ Малькова: малачкя, яичкя, кочкя [4]). О другихъ чертахъ мѣстнаго цокающаго говора, теперь, конечно, уже вымершихъ, см. выше (§ 88).

Такимъ образомъ, наши точныя данныя относятся лишь къ сѣверо-восточной части уѣзда, со включеніемъ уѣзднаго города. Для прочихъ мѣстъ уѣзда точныхъ указаній на существованіе м. к въ опредѣленныхъ отдѣльныхъ селеніяхъ у насъ нѣтъ. Но болѣе чѣмъ возможно, что м. к составляетъ—точнѣе: недавно еще составляло—общую особенность всего уѣзда.—Возможныя причины широкаго распространенія здѣсь м. к: 1) близость Москвы, въ которой

---

[1]) Чернышевъ, Народные говоры селеній, расположенныхъ отъ Боровска до Москвы, с. 6—7. (Изв. 2-Отдѣл. Ак. Н., т. XIII, 1908, кн. 1, с. 271—291; кн. 3, с. 127—180). Цитуемъ по отд. оттиску.

[2]) Тамъ же, с. 12.

[3]) Тамъ же, с. 14—15.

[4]) АГО. XV, 46.

м. к нѣкогда было моднымъ; 2) обиліе старовѣровъ, несшихъ съ собою сильное вліяніе Москвы во всемъ; 3) промышленное движеніе по р. Протвѣ, притокѣ р. Оки.

§ 90. Для Малоярославецкаго уѣзда намъ извѣстно о м. к въ трехъ различныхъ пунктахъ: 1) Въ приходѣ с. Запажья (1699) на сѣверо-востокѣ уѣзда, близъ р. Протвы: дочкя, лежанькя, чашкя, ложкя, сходкя [1]). О другихъ особенностяхъ своеобразнаго мѣстнаго говора см. выше (§ 88). Приходскія деревни Запажья лежатъ въ старой вотчинѣ кн. Репниныхъ (въ „Рѣпринщинѣ“), которая представляетъ собою нѣчто единое по быту; вѣроятно, одинъ и говоръ.

2) Для монастырскаго села Недѣлина (1710, въ 23 верстахъ по дорогѣ въ Калугу), лежащаго почти въ центрѣ уѣзда, мы имѣемъ два старыхъ описанія: Д. Сергіевскаго [2]) и Ѳ. Глаголевскаго [3]). Послѣдній сообщаетъ о мѣстномъ говорѣ и бытѣ мало: Васкя, Ванкя, кочкя; що и што вмѣсто что; у женщинъ ситцевыя шубки и ситцевые платки на головахъ; частъ отходъ въ столицы. За то у Сергіевскаго находимъ очень много діалектологическаго матеріала: свѣчкя, дочкя, новинькяй, кваскю, малоденькева, на Мскѣвскамъ канцу, Морькю (= Марѳу). Аканье ассимилятивное: свякровь, тваяму, нивѣсту, обвинчали, дли тибе, жинѣ; но и литать; 3 л. ед. ч.: бьёть, не платя, станя, дѣлая, хоча, можа; кагоканья и мѣны *у* и *в* нѣтъ: прафъ (вм. правъ), дрефъ, дѣфка, сваиво; што вмѣсто что; дѣепричастія: памалёмши; начальныя шипящія произносятся усиленно (? или съ особымъ призвукомъ?): авторъ пишетъ: *з*жилá вмѣсто жила, *з*ш вмѣсто ш. — Замѣтимъ еще, что с. Недѣлино очень многолюдное, и въ немъ бываютъ еженедѣльно базары: оно должно было имѣть немалое вліяніе на сосѣдніе говоры.

Изъ южной половины уѣзда мы имѣемъ свѣдѣнія только о говорѣ владѣльческой дер. Букрино (1853, въ 29 верстахъ), гдѣ м. к; говоръ обычный для барскихъ крестьянъ [4]).

Несмотря на эту скудость нашихъ свѣдѣній, есть всѣ

---

[1]) АГО. XV, 40, Щеголевъ.
[2]) АГО. XV, 61.
[3]) АГО. XV, 26.
[4]) Дурново, Діалектол. карта, 8 (группа 4).

основанія полагать, что м. к распространено по всему Малоярославецкому уѣзду. Факторы распространенія тѣ же самые, что и въ Боровскомъ уѣздѣ (§ 89). Напомнимъ, что сѣверъ уѣзда давно принадлежитъ къ области Московскаго типа жилищъ (см. § 84); въ Недѣлинѣ сарафаны также давно; на югѣ уѣзда имѣются острова съ взрывнымъ г въ говорѣ (деревня Барановка, 1855, влад.). Все это свидѣтельствуетъ о силѣ Московскаго вліянія, коему необходимо приписывать и распространеніе здѣсь м. к.

§ 91. О говорахъ Медынскаго уѣзда мы много говорили выше, когда шла рѣчь о „карѣлахъ“ и „карамышахъ“ (§§ 86—87). У „карѣловъ“ м. к нѣтъ, что вполнѣ понятно: на ихъ родинѣ, въ Тверской губерніи, м. к нѣтъ и не было; вліянію Медынскихъ сосѣдей мѣшала рѣзкая разница говоровъ: карѣлы, конечно, были прежде окальщиками; возможно также, что, занимаясь торговлею и промыслами, они больше сталкивались съ „мѣщанскими говорами“, въ которыхъ м. к нѣтъ.

Отсутствіе м. к въ „мѣщанскихъ“ говорахъ мы объясняемъ такъ: въ эпоху, когда м. к было модным, часть мѣщанъ, городскихъ жителей, была уже настолько культурна, что этой модѣ не поддалась; но мѣщане болѣе низкаго культурнаго уровня, а также тѣ, для которыхъ Московская мода была особенно дорогимъ авторитетомъ (мѣщане изъ бывшихъ однодворцевъ, какихъ много въ городахъ степныхъ губерній, а также старовѣры), усвоили эту черту и, если не успѣли утратить ее въ недавнее время, подъ вліяніемъ городской и школьной образованности, то сохранили ее и до нашихъ дней (срв. Боровскъ, Брянскъ и др.). Для Медыни мы имѣемъ фонетически записанный въ 1848-мъ году разговоръ двухъ мѣщанъ: одинъ, видимо болѣе культурный, говоритъ: сколька и м. к вообще не употребляетъ, акаетъ не такъ сильно (однако: гнявить), не кагокаетъ: луччи всиво, атъ няво; другой, ходившій на промыселъ „въ авчины“ и, видимо, менѣе культурный, употребляетъ м. к: Пронькя, дядюшкя, кагокаетъ: чуго, якаетъ сильнѣе, говоритъ: жживеть, употребляетъ частицу *ти*: ти хазяинъ, ти яшшо хто [1]).

[1]) АГО. XV, 29, А. Даниловскій „Статистическое описаніе гор. Медыни“.

Теперь, конечно, м. к у всѣхъ мѣщанъ гор. Медыни исчезло. Дурново перечисляетъ (с. 7) 8 селеній Медынскаго уѣзда, гдѣ распространены „мѣщанскіе говоры“ безъ м. к, но это не подгороднія селенія, а б. ч. промышленные пункты.—Говоры подгородныхъ селеній Медыни извѣстны намъ по рукописи Медынскаго протоіерея М. Чистякова 1849 г. „Этнографическія свѣдѣнія, собранныя на пространствѣ 20-ти верстъ во всѣ стороны отъ гор. Медыни“ [1]). Здѣсь тогда м. к было обычнымъ: кичкя, внучкя; вмѣсто предлога *въ* употреблялся *у*; кагоканья не было: яво; што табѣ. Женщины носили кички — „въ иномъ округѣ съ маленькими рожками, а въ другомъ съ большими или крутыми“.

Въ мѣстности, описанной Чистяковымъ, находится и часть „карамышей“, напримѣръ, Чукаево (2180, въ 12 в.), Пузаки (2104, въ 12 же в.), Гриднево (1929, въ 15 в.), у коихъ м. к отмѣчено Дурново (срв. выше § 87); къ нимъ же, вѣроятно, относится и сельцо Клины Адуевской вол., гдѣ м. к отмѣчено проф. Д. Н. Кудрявскимъ [2]).

Въ центрѣ „карамышей“, въ с. Карамышевѣ м. к обычно: времичкя, гармоничкя и т. д. [3]).—Для юга уѣзда, расположеннаго около р. Угры, м. к отмѣчаетъ Дурново [4]) въ дер. Матово (2088, влад., на р. Угрѣ) и Рудня (2067, влад.), Огарево, Уткино, Устье, Дурнево, Бахтинка и др.; Е. П. Лебедева [5]) — въ 13-ти деревняхъ прихода с. Покрова на Угрѣ (2140; дер. №№ 2131—2138, 2158—9 и 2162), изъ которыхъ только дер. Мелёнки и Бутырки лежатъ за Угрой. Кромѣ м. к: чайкёмъ, на читвиренькяхъ, валькёмъ, дочкя рядомъ съ дочка, Лебедева отмѣчаетъ еще иканье: либёдка, висна, рибро, сирибро, къ виснѣ, плисать; 3 л. на -ть; ў борется съ в: ўся, ўремя и годофъ, дѣфчата; лошадёмъ, въ санёхъ; кагоканья нѣтъ: каво, чиво. „Въ одной деревнѣ нашего прихода (въ какой именно, не названо) говорятъ вмѣсто *ц — с*: куриса, яйсо, сарь, купесъ, сэрква и т. п.“—черта, встрѣчающаяся и въ Лихвинскомъ полѣсьѣ.

---

[1]) АГО. XV, 36.

[2]) Устное сообщеніе Д. Н. Кудрявскаго.

[3]) Дурново, Діалектол. карта, 31—32.

[4]) Діалектолог. карта, 14 и 8.

[5]) Прогр. № 263.

Мы обращаемъ особое вниманіе на замѣчаніе Е. Лебедевой относительно колебанія въ произношеніи сл. дочкя: дочка. Извѣстно, что одни говоры съ м. к смягчаютъ его также и послѣ ч, другіе же въ этомъ сочетаніи не смягчаютъ, причемъ разница эта не зависитъ отъ различія въ произношеніи звука ч: оно одинаково мягко тамъ и здѣсь. Есть основаніе полагать, что смягченіе к послѣ ч наступаетъ уже только тогда, когда м. к вообще становится въ данномъ говорѣ обычнымъ: слухъ говорящихъ свыкается съ нимъ. На всемъ востокѣ Калужской губ., до р. Угры, въ говорахъ обычно м. к и послѣ ч; на р. Угрѣ мы видимъ колебаніе; а къ западу отъ Угры, какъ увидимъ ниже (§ 93 и слѣд.), м. к послѣ ч не бываетъ.

На сѣверо-западѣ уѣзда, извѣстномъ намъ меньше всего, должна проходить граница м. к: въ сосѣдней Смоленской губ. этой черты нѣтъ; здѣсь возможны говоры безъ м..к.

§ 92. Тарусскій уѣздъ намъ извѣстенъ меньше всѣхъ прочихъ уѣздовъ Калужской губ. Изъ 4-хъ сообщеній о говорахъ этого у. три отмѣчаютъ м. к и одно умалчиваетъ объ этой чертѣ. Но близость Тарусскаго у. къ Москвѣ и положеніе его при рр. Окѣ и Протвѣ заставляютъ предполагать, что м. к распространено здѣсь широко.

На крайнемъ югѣ уѣзда, въ 32 в. отъ Тарусы и въ 7 отъ гор. Алексина, находится с. Пушкино (4010, влад.). Здѣсь отмѣчено м. к: чайкю, Ванькя, помаленькю; иканье: висна, типло; 3 л. ед. на -тъ, хотя приведенъ и одинъ случай безъ окончанія: ходя; г, повидимому, фрикативное: друхъ, рохъ, сапохъ [1]). Вообще, говоръ едва ли не нивеллированный.

На юго-востокѣ уѣзда Асоинская волость (Асоя — 3902, влад., въ 20 в.), говоръ коей описалъ учитель Вознесенскаго училища (Вознесенское — 3904, влад., въ 18 в.) Кулагинъ. Здѣсь отмѣчено м. к—какъ сохранившееся въ чистомъ видѣ, такъ и перешедшее въ *т*: Ванькя, молочкя, печкя и Дуньтя, мучтя; яканье: сяло, вясна, калясо, свякровь, Аляксандръ; вѣроятно по привычкѣ къ чередованію не ударенаго я съ ударенным е (сяло : сéлы ? или же на почвѣ борьбы съ яканьемъ ?) исконное *я* переходитъ иногда подъ

---

1) Кр. прогр. № 310, учит. Ѳед. Лимачевъ.

удареніемъ въ *е*: племенникъ, деденька, мечикъ; 3 л. на -ть; кагоканья и мѣны *у* и *в* нѣтъ; хв вм. ф [1]).

Въ с. Воронцовѣ (3874, влад., въ 30 в. отъ гор. на юго-западъ) м. к не отмѣчено (его нѣтъ?); яканье, хв вм. ф, у вм. в, 3 л. на -ть и безъ окончанія: идё, лю́бя; г взрывное [1]).

Въ сѣверной половинѣ уѣзда (къ сѣверу отъ р. и гор. Тарусы), недалеко отъ устья Протвы въ Оку, лежитъ с. Волковское Исканской вол. (4040, влад., въ 14 в. отъ Тарусы по Серпуховскому тракту и въ 18 отъ Серпухова). Здѣсь „рѣдко говорятъ: Ѳедькя, Ванькя", а „чайкю, Ванькю" помѣчены въ графѣ „особенностей, заимствованныхъ отъ пришлыхъ (временно проживающихъ) людей и встрѣчающихся преимущественно среди нихъ". Иканье: сило, вчирась, глиди; 3 л. на -ть, безъ окончанія: водя, играя, ѣдя, и на -тъ: пилитъ, рубит (?); крофь, любофь, но и: у во всѣхъ, вочень; кагоканья, конечно, нѣтъ [3]). — Можно думать, что здѣсь м. к исчезаетъ подъ вліяніемъ Серпухова, гдѣ эта черта, повидимому, никогда не была особенно сильною и теперь исчезла.

Для Калужскаго у. мы ничего новаго по сравненію съ данными „Діалектологической карты" Н. Н. Дурново не знаемъ. Здѣсь м. к распространено довольно широко — въ цѣломъ рядѣ барскихъ деревень (см. с. 8) и монастырскихъ [4]); неизвѣстно оно въ говорахъ мѣщанскихъ (с. 7). — Возможные факторы распространенія здѣсь м. к: близость Москвы, старовѣрчество и промышленное движеніе по р. Окѣ. — О чертахъ быта здѣшней Гамаюнщины см. выше § 88.

§ 93. Мещовскій у. — первый изъ описываемыхъ нами уѣздъ, лежащій за р. Угрою. Рѣка эта, бывшая съ 1408 по 1503 г. границею Московскаго и Литовскаго государствъ, служитъ теперь діалектологическою границею говоровъ, знающихъ переходъ *в* въ *у* и не знающихъ такого пере-

---

[1]) Кр. прогр. № 310, учит. Кулагинъ.

[2]) А. Соболевскій, Опытъ діалектол. 14.

[3]) Кр. прогр. № 310, учит. Лонг. Рвачевъ, отвѣтъ 1904 г.

[4]) С. 9, 33—35; Дурново-Ушаковъ, Хрестоматія, 151—2, гдѣ, м. пр., рядомъ съ обычнымъ м. к и: милинькай, стадичка; повидимому, пѣсенникъ сначала сдерживался употреблять м. к; послѣ ч м. к здѣсь обычно.

хода [1]). Въ Заугорской, западной, части Калужской губ. Дурново отмѣчаетъ „тяготѣніе къ Бѣлоруссіи, ослабѣвающее лишь теперь, съ проведеніемъ Брянской жел. дороги“ (с. 24).—Память объ Угрѣ, какъ о прежней границѣ государства, сохранилась до сихъ поръ: „лѣвобережные приугорцы зовутъ заугорскихъ Литвою“ (с. 24). Особенно замѣчательно, что жители гор. Трубчевска называютъ Мещовскихъ и Мосальскихъ крестьянъ, приходящихъ въ Орловскую губ. трепать пеньку, „завгорцами“, выдавая тѣмъ свое Московское происхожденіе [2]).

Указанное совпаденіе діалектологической границы съ прежнею политическою границею по р. Угрѣ нужно, конечно, понимать такъ, что Московское культурное вліяніе успѣло уничтожить у живущихъ къ сѣверо-востоку отъ Угры данную діалектическую особенность, мѣну *е* на *у*, которая у Заугорскихъ сохранилась. Слѣды этой черты сохранились въ видѣ отдѣльныхъ острововъ и на лѣвомъ берегу Угры: около Медыни (см. сообщеніе Чистякова выше, въ § 91), въ приходѣ с. Покрова Медынскаго у. (см. тамъ же сообщеніе Е. Лебедевой); очевидно, прежде и здѣсь эта черта, обычная для южно-великорусскихъ говоровъ, была распространена широко. Нивеллирующее вліяніе Московскаго говора въ данномъ отношеніи дальше р. Угры не пошло. Иначе было съ м. к: эта черта, распространявшаяся, какъ мы полагаемъ, также вмѣстѣ со старымъ Московскимъ говоромъ и вліяніемъ, проникла много дальше Угры, достигнувъ даже крайняго юго-запада Калужской губ. Однако, можно замѣчать, что за Угрой это вліяніе было нѣсколько слабѣе: за Угрой м. к далеко не представляетъ столь послѣдовательной и всеобщей особенности, какъ то мы видѣли къ востоку отъ этой рѣки; м. пр., оно почти никогда не смягчается почлѣ *ч*, что́ обычно въ Боровскомъ и Медынск. уу.

Въ говорѣ гор. Мещовска м. к нѣтъ: Мишунька, Сáшунька, маленькая [3]). Особенно замѣчательно, что уже въ

[1]) Дурново, Діалектологич. карта, 5.

[2]) Орл. Г. В. 1865, № 32; срв. выше § 79.

[3]) Сборн. II-го Отдѣл., т. 68, с. 6 и 14, В. Чернышевъ. Въ другомъ мѣстѣ Чернышевъ отмѣчаетъ 2 единственные случая съ м. к, слышанные имъ въ Мещовскѣ: нянькя и дотолкюсь (Матер. V, 224); послѣднее едва ли не случайная обмолвка вм. дотолкусь. Въ Мещовскѣ должны быть однодворцы.

1849 г. протоіерей Мещовскаго собора С. Баталинъ охарактеризовалъ говоръ своихъ согражданъ словами: „нарѣчіе — Московское“ [1]); думаемъ, что и тутъ разумѣется м. пр., отсутствіе м. к.

Въ изданныхъ В. И. Чернышевымъ записяхъ Косогорова (дер. Калужкина) и особенно Кортукова (с. Шалово) м. к далеко не послѣдовательно [2]). Въ записяхъ Кортукова намъ не встрѣтилось случаевъ м. к послѣ ч: пташичка, сердечка, калечка, бочка и т. п., а также: къ вéрьху (с. 146). У Косогорова: батьку (2-жды на с. 17), вирьхáми (17), Марусенька пирьбинькая (2-жды на с. 23), вóтычкай (22), краюшичка, гарбушичка (2), рѣчкыю (62) и др., хотя рядомъ м. к послѣ ч и даже „рѣдкій случай: хазяюшкя“ (с. 157). Въ рукописномъ же отвѣтѣ А. Косогорова на прогр. (№ 267) исключенія еще характернѣе: колька, толька (§ 196 и 254), малюсинькай (§ 250), сядь-ка (§ 252). Въ описанныхъ Косогоровымъ и Чернышевымъ говорахъ обычны сочетанія *жы, гы*, что вообще плохо мирится съ послѣдовательностью м. к.

Неизвѣстный авторъ 1850 г., описывая говоръ с. Покрова (2554, влад., при р. Серенѣ, въ 7 в. отъ гор. по дорогѣ въ Жиздру), не упоминаетъ о м. к, хотя въ программѣ Географ. Общ., на которую имъ данъ отвѣтъ, соотвѣтствующій вопросъ былъ. Отмѣчено яго вм. его, Хведаръ, вонъ и ёнъ вм. онъ, серьдьце, жибатá вм. забота. Мѣстные жители слывутъ въ южныхъ губерніяхъ, куда они отходятъ портничать, „цуканами“ [3]).

При всемъ томъ, м. к распространено въ Мещовскомъ у. широко. Соотвѣтствующія данныя собраны у Дурново. Въ дополненіе къ нимъ мы отмѣтимъ лишь, что уже въ 1820—22 гг. м. к было весьма обычнымъ въ приходѣ с. Клетина (2719), въ деревняхъ: Лепехина, Крутицы, Овсяникова, Бобровицы, Староселье, Уруга и др. (2718—2724). Деревни эти лежатъ на юго-западѣ уѣзда, около гор. Серпейска и р. Ужати. Жители ихъ въ крѣпостной зависимости не были; значительная часть ихъ переселилась въ 1820—22 гг. въ Царицынскій уѣздъ Саратовской губ., гдѣ населила село

[1]) АГО. XV, 55.
[2]) Сборн. II-го Отдѣл. Ак. Н., т. 70. Спб. 1901.
[3]) АГО, XV, 54.

Романовку. Теперешній ихъ говоръ, отличный отъ Саратовскихъ сосѣдей, описалъ мѣстный псаломщикъ Д. Молчановъ [1]), отмѣчая м. к: Ванькя, помаленькю; каво, таво, ишшо, ёнъ; рыю, мыю; у вм. в; женская одежда—сарафаны изъ синяго холста, недавно замѣненные юбками; на головѣ „шлычка" подъ платкомъ.—О говорѣ упомянутаго села Клетина у насъ есть матеріалы 1850 г., но очень скудные: що вм. что, ёнъ вм. онъ; свашунькя (?) [2]).

У помѣщичьихъ крестьянъ въ приходѣ села Недоходова (2828, въ 36 в.), на сѣверо-востокѣ уѣзда, „отъ рч. Течи и до р. Угры" отмѣчено въ 1850-мъ же году обращеніе: малкя или малай [3]).

Напомнимъ, что Мосальскъ и Серпейскъ стояли нѣкогда на сторожевой линіи; здѣсь должны быть однодворцы; переселившіеся въ Царицынскую Романовку вольные крестьяне сосѣднихъ съ Серпейскомъ селеній были, вѣроятно, однодворцами. Существованіе здѣсь въ старину Московскихъ военнослужилыхъ людей, а потомъ Московскихъ старовѣровъ, — вотъ главные факторы широкаго распространенія здѣсь м. к.

Мы считаемъ характернымъ для говоровъ Мещовскаго у. отсутствіе м. к послѣ ч—черта, очень послѣдовательно проведенная въ полѣсскихъ уѣздахъ и чуждая уѣздамъ восточнымъ. Исключеніе намъ извѣстно только одно: дер. Калужкина (2558, каз.) Гостинской вол. (записи Косогорова). У Косогорова же для д. Вязьма (2572, влад.) находимъ: толькя, но урѐмичка [4]); въ с. Шаловѣ (2596, влад.), судя по записямъ Кортукова, сочетанія -чка, -чку всегда сохраняются; Т. В. Корнѣевъ отмѣчаетъ въ сц. Бедрицы (2635, влад.) только: хозяйка, толькя, чайкёмъ [5]); о. І. Субботинъ въ с. Алнеръ (2624, влад.): Васькя [6]). Т. обр., есть возможность думать, что граница этихъ двухъ типовъ м. к: 1) смягчающагося послѣ ч и 2) не-смягчающагося послѣ ч, проходитъ по той же самой р. Угрѣ, по коей проходитъ граница произношенія *у* вм. *в*. (Срв. § 91).

---

[1]) Кр. прогр. № 275, а также письма ко мнѣ г. Молчанова.
[2]) АГО. XV, 56 и 57, учит. А. Звѣревъ.
[3]) АГО. XV, 53, свящ. Смирновъ.
[4]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 70, с. 122—123.
[5]) Прогр. № 150.
[6]) Соболевскій, Опытъ діалектологіи, 100.

§ 94. Для Перемышльскаго у. свѣдѣнія наши очень скудны. Дурново отмѣчаетъ м. к въ трехъ селеніяхъ на сѣверѣ этого у.: Степаньково (?), Крыцыно (3743, влад.) и Недѣтово (3745, влад.) [1]). Изъ той же сѣверной части уѣзда мы имѣемъ еще свѣдѣнія 1858 г. о с. Ревякинѣ (3809, влад., въ 32 в. отъ гор.): огонькю, вечеркёмъ; каво, яво; нихай, ни трошь, ни варошь [2]).

Неизвѣстно, къ какой мѣстности этого уѣзаа относится случай: Васьтя, съ переходомъ м. к въ т [3]). Въ срединной западной части уѣзда, въ с. Антопьевѣ (3657, влад., въ 21 в.) отмѣчено: унучку вм. внучку, т. е. повидимому м. к нѣтъ; у Москвѣ [4]). Для стариннаго с. Людемска (3784, влад., при рч. Березуѣ, въ 40 в. отъ гор. по Мещовской большой дорогѣ), мы имѣемъ много старыхъ діалектологическихъ матеріаловъ [5]), но м. к въ нихъ не встрѣтилось: праздничка, пчелачка; здѣсь *у* вм. *в*, 3 л. на -ть, аканье повидимому ассимилятивное: гнивить, вримина, зимля, ямý вм. ему; хв вм. ф; какей вм. какой; што; таво. Въ окрестностяхъ женщины носятъ „касталоны"—зипуны изъ бѣлаго холста.

Для южной половины уѣзда данныхъ совсѣмъ нѣтъ; существованіе въ старину по Окѣ сторожевыхъ укрѣпленій, обиліе старовѣровъ и промышленное движеніе по Окѣ въ предѣлахъ у.,—всѣ эти условія заставляютъ предполагать широкое распространеніе здѣсь м. к.

§ 95. Лихвинскій уѣздъ въ западной своей части принадлежитъ полѣсью; здѣсь говоры съ малорусскимъ несмягченіемъ согласныхъ передъ *е* и *и*. Въ области этихъ самыхъ говоровъ, въ дер. Свиной (1452, влад., въ 31 в. отъ гор.) Будде отмѣченъ единственный примѣръ м. к: мáлъ-мáлькю (=мало-мальски), рядомъ съ: падъ лясóчькамъ [6]). М. к здѣсь, повидимому, слабо и рѣдко; но точныхъ данныхъ нѣтъ.

Для гор. Лихвина мы имѣемъ довольно подробное опи-

---

[1]) Діалектол. карта, 14.

[2]) АГО. XV, 7, С. Извѣковъ.

[3]) А. И. Соболевскій, Опытъ діалектологіи, 15.

[4]) АГО. XV, 6, В. Н. Голосовъ.

[5]) АГО. XV, 62, Ѳ. Сперанскій. Людемскъ упоминается уже около 1405 г. (Архим. Леонидъ, Калужская лѣтопись, 67).

[6]) Изв. II-го Отдѣл. Ак. Н., т. III, кн. 3, с. 44, и кн. 4, с. 1327.

саніе говора, сдѣланное учителемъ мѣстнаго уѣзднаго училища въ 1853 г.; м. к здѣсь не упомянуто: очевидно, его нѣтъ; отмѣчена взаимная мѣна *у* и *в*: удава, вывчилъ; 3 л. идѣть, нисѣть; хв. вм. ф; иканье: пиро, стикло, риды, чисы, нисѣть, учирась вм. вчера; што [1]).

Напротивъ, въ восточной (не-полѣсской?) половинѣ уѣзда, въ с. Марковѣ (1591, влад., въ 22 в. отъ гор.) м. к: бочкя, птичкя, нянькя; яканье: вясы, дяды, крясьянянъ вм. крестьянинъ; 3 л.: работая, зная, ѣдя, бываить; ёнъ [2]). Данныя, процитованныя въ „Опытѣ русск. діалектологіи“ А. И. Соболевскаго (с. 15), относятся, вѣроятно, къ этой восточной половинѣ уѣзда. — Въ говорѣ монастырскаго села Добраго (1513, въ 10 в. отъ гор. на востокъ) сохранились дифтонги: хорощуо, теплуо [3]); но другихъ данныхъ объ этомъ говорѣ мы не имѣемъ.

Напомнимъ, что въ Лихвинскомъ у. проходила лѣсная засѣка на 88 в.; были, вѣроятно, и другія укрѣпленія по р. Окѣ.

Изъ Козельскаго у., значительная часть котораго расположена въ полѣсьѣ, мы имѣемъ только одно сообщеніе и объ одномъ говорѣ съ м. к. Учитель Хотѣнскаго приходскаго училища А. Лебедевъ въ 1850-хъ годахъ прислалъ въ Географ. Общ. свою рукописную статью „Этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ Козельскаго уѣзда“ [4]); здѣсь онъ отмѣчаетъ м. к: батинькя, Ванькя, х и хв. вм. ф; птицуй вм. птицей; написамши. Щё вм. что и каё въ значеніи: гдѣ — черты однодворческаго говора; описываемый Лебедевымъ женскій костюмъ—рисунки въ видѣ сарафановъ — также не противорѣчилъ бы однодворческому происхожденію мѣстнаго населенія. Но Хотень, если только Лебедевъ имѣлъ въ виду быть этого села, лежитъ въ старой вотчинѣ кн. Голицыныхъ, извѣстной теперь по культурно-городской жизни мѣстнаго крестьянства (см. § 88). Возможно, однако, что Лебедевъ описывалъ другое село.

А. Никольскій указываетъ м. к и „въ Козельскихъ говорахъ“ [5]).

---

[1]) АГО. XV, 10: Хр. Аблецовъ, Этнографич. опис. г. Лихвина.
[2]) АГО. XV, 38, сообщ. мѣстнаго причта 1850 г.
[3]) АГО. XV, 45.
[4]) АГО. XV, 27.
[5]) Р. Ф. В., т. 47, с. 173.

§ 96. Обширный Жиздринскій уѣздъ — весь полѣсскій, почему въ немъ мы должны ожидать сравнительно малое распространеніе м. к: въ лѣсныхъ дебряхъ Московскія моды не могли имѣть большого вліянія. Этому противорѣчитъ, казалось бы, категорическое заявленіе А. Никольскаго: „Звукъ *к* послѣ j и мягкихъ согласныхъ повсемѣстно въ Жиздринскихъ говорахъ (исключая мѣщанскихъ) подвергается непереходному смягченію: лихо́хунькя, чижалёхунькя, ташнёхунькя, тройкю, скамейкя, казачинькя, толькя, на милинькямъ“ [1]). Но дальше Никольскій сообщаетъ: „при тѣхъ же условіяхъ звукъ *к* часто является и не смягченнымъ“ [1]), т. е. м. к здѣсь очень не послѣдовательно, слабо; да иначе и не можетъ быть въ говорахъ, гдѣ „въ остаткахъ живутъ древне-русскія сочетанія *кы, гы, хы*, напр. какыи, плахыи, яркыи, другыи“ [2]). Послѣ *ч* м. к здѣсь, повидимому, нѣтъ совсѣмъ. Есть (точнѣе: были недавно?) здѣсь и селенія, въ говорѣ коихъ м. к совсѣмъ нѣтъ. Вообще же, здѣсь дѣйствовалъ важный факторъ распространенія м. к — старовѣры, которые въ свое время въ большомъ количествѣ двинулись въ здѣшнія лѣсныя трущобы изъ Москвы и подмосковныхъ мѣстностей, неся съ собою сильное Московское вліяніе.

Мы имѣемъ богатый діалектологическій матеріалъ, записанный И. А. Поповымъ въ 1854 г. въ Лужницкомъ сельскомъ обществѣ, на западѣ уѣзда. Здѣсь лежитъ рядъ казенныхъ селеній, изъ коихъ Попову лучше извѣстны были с. Бутчино (832, въ 60 в. отъ гор.) и дер. Лужницы (835, въ 61 в.; въ „Спискѣ насел. мѣстъ“ то и другая помѣчены „по Брянскому тракту“). Здѣсь м. к нѣтъ; въ фонетической записи находимъ: Иваньку, Параньку, Паранькъ, душичка и т. п.; случаи: скольки, тольки, прямёханьки и хорошеничкы мы не считаемъ за м. к; кагоканье: ничога, яго, дурнага, сваяго; аканье сильное неяснаго типа: вячерили, бяги, нявѣста, няушто, яшшо, дявчина, у няго, вястима, яны и т. п., рядомъ съ рѣдкими: биретъ, минѣ, дыкъ щё; 3 л.: будить, пойдеть, ёсть, баить; другій; въ радастёхъ; случаи: цапаги вм. сапоги и рущкая вм. русская говорятъ,

[1]) Р. Ф. В., т. 47, с. 172—3.
[2]) Тамъ же, с. 170.

повидимому, о взаимной мѣнѣ *с* и *ц*; интересенъ еще случай: пинивеньки вм. поневы (съ малорусскимъ *и* вм. о?) [1]).

Въ с. Теребени (1014, влад., въ 58 в. отъ гор. на юго-вост.) м. к, повидимому, также нѣтъ или же оно рѣцко и не послѣдовательно. Въ загадкахъ и пѣсняхъ, записанныхъ въ этомъ селѣ В. Н. Добровольскимъ, м. к нѣтъ: малинькая, сладинькая, дарожиньку, гиниральская, шейку, качирьгою и большой рядъ случаевъ на чка, чку [2]). Одновременно въ пѣсняхъ изъ с. Огорь (1070, влад., въ 30 в. отъ гор. на ю.-в.) встрѣтились два случая съ м. к: салавейкю, салавейкя, при рядѣ случаевъ на чка (с. 389 и др.). Правда, въ другой статьѣ того же Добровольскаго приводится разсказъ Изотовой изъ Теребени, гдѣ м. к обычно: батькя, маладайкя, дружкя, хазяйкя, пенькю, маладайкю (рядомъ и маладайка), Ванькя, при массѣ случаевъ на -чка [3]); но Изотова только родомъ изъ Теребени, а замужъ вышла „сюды у Кудрявицъ“ (с. 10; № 1015). Въ записяхъ А. А. Шахматова въ Теребени встрѣтились лишь: чистинькей бародки [4]), что́ при мѣстныхъ формахъ въ родѣ никакэй о м. к еще не свидѣтельствуетъ; -чку вездѣ сохраняется.— Какъ бы то ни было, но рядомъ съ Теребенью, въ дер. Кудрявецъ, м. к безспорно.

Въ с. Песочнѣ (928, въ 11 в. отъ гор.) Подбужской экономической волости отмѣчено: гляй-ка вм. гляди-ка [5]), но насколько точно, не знаемъ. Я втеченіе часа разговаривалъ въ вагонѣ жел. дор. съ крестьяниномъ изъ с. Закрутое (743, въ 95 в.), переселившимся въ Уфимскую губ., но сохранившимъ довольно хорошо полѣсскій говоръ (плахыи, кагоканье, -ть): м. к мнѣ не встрѣтилось.—Наконецъ, отсутствіе м. к въ мѣщанскихъ говорахъ Жиздринскаго у. отмѣчено Никольскимъ [6]).

Что касается до говоровъ съ м. к, то они отмѣчены еще въ приходѣ с. Ѳоминичь (797, влад., въ 45 в. отъ гор.

[1]) АГО. XV, 14, Поповъ „Сельская свадьба въ Лужницкомъ сельскомъ обществѣ“.

[2]) Жив. Стар. 1898, с. 387—8.

[3]) Жив. Стар. 1899, № 1 и 2, с. 8, 15, 17, 22, 165: „Разсказы изъ жизни Палѣхъ Жиздр. у.“.

[4]) Дурново-Ушаковъ, Хрестоматія, 156.

[5]) АГО. XV, 49, А. Лихачевъ.

[6]) Срв. Дурново, Діалектол. карта, 13, примѣч. 2.

на сѣв.-зап.), гдѣ: хазяйка, сколькя; 3 л. на -ть; яканье: яму вм. ему, вязеть вм. везётъ; ча ты вм. что ты; „каго, яго“ не говорятъ безусловно о кагоканьѣ, а могутъ быть и простой уступкой правописанію [1]).—Въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Кондрыкинской вол. (перечень ихъ данъ нами выше, въ § 84, когда рѣчь шла о полѣсской одеждѣ): Ванькя, но рядомъ и Петька, 3 л.: идѣть, поѣть; палатно, чаряпáха, ягó [2]).

Сравнительно слабое распространеніе м. к въ Жиздринскомъ у. сказывается — 1) въ отсутствіи смягченія послѣ ч; 2) въ непослѣдовательности его при обычныхъ обстоятельствахъ; 3) въ отсутствіи его для нѣкоторыхъ селеній. Если въ восточныхъ уѣздахъ Калужской губ. м. к постепенно изчезаетъ: теперь часто его нѣтъ уже тамъ, гдѣ оно отмѣчено 50—60 лѣтъ назадъ,—то въ Жиздринскомъ (и въ Мосальскомъ, вообще въ полѣсскихъ) у. наоборотъ: м. к распространилось недавно тамъ, гдѣ его не было совсѣмъ полвѣка назадъ. Очевидно, принесенное въ свое время старовѣрами, оно было здѣсь моднымъ еще не такъ давно: такъ всякая мода господствуетъ въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ долго спустя послѣ того, какъ ее успѣли забыть въ центрахъ. Можно также думать и о вліяніи сосѣдей изъ Орловской губ.: граница между губерніями очистилась отъ непроходимыхъ лѣсовъ лишь въ недавнее время.

§ 97. Мосальскій уѣздъ во многимъ сходенъ съ Жиздринскимъ: оба на крайнемъ западѣ губерніи, и оба полѣсскіе. Восточная половина Мосальскаго у. выходитъ изъ предѣловъ полѣсья — какъ по свойствамъ своей природы, такъ и по характеру своего населенія, издавна занимающагося отхожими промыслами (см. выше § 83). Въ этомъ можно видѣть обстоятельство, способствовавшее болѣе легкому и скорому (по сравненію съ Жиздр. у.) проникновенію въ Мосальскій уѣздъ всякихъ культурныхъ вліяній, въ томъ числѣ и м. к. Но есть и иныя условія. Если съ Жиздринскимъ уѣздомъ граничитъ на югѣ и западѣ великорусская и притомъ однодворческая Орловская губ., въ говорахъ коей широко распространено м. к,—то съ Мо-

[1]) АГО. XV, 34.

[2]) АГО, XV, 51, М. Жегочевъ.

сальскимъ уѣздомъ граничитъ, напротивъ, полу-бѣлорусская Смоленская губернія, въ говорахъ которой м. к совсѣмъ не было и нѣтъ. Наконецъ, въ Мосальскомъ у-ѣ сравнительно мало старовѣровъ, которыхъ такъ много въ Жиздринскомъ.

Указаннымъ различіемъ въ условіяхъ мы объясняемъ то обстоятельство, что въ Мосальскомъ у. м. к распространено меньше и слабѣе, нежели въ Жиздринскомъ. Въ предѣлахъ Мосальскаго уѣзда проходитъ западная граница этой черты, которая Жиздринскаго уѣзда коснулась лишь въ сѣверо-западномъ углу.

Мы перечислимъ сначала такія мѣстности Мосальскаго у., въ которыхъ м. к нѣтъ. Ихъ немало; всѣ, повидимому, лежатъ въ полѣсьѣ:

С. Петроселье Жерелёвской вол. (3496, влад., въ 85 в. отъ гор.)[1]); с. Жерелево (3326, влад. при рч. Снопотъ, въ 90 в.): канапелька[2]). Дер. Козловка (3497, влад., въ 83 в.[3]). Для с. Замошья (3479, влад., при р. Ужати, въ 38 в. отъ гор.) и окрестныхъ помѣщичьихъ деревень мы имѣемъ два старыхъ сообщенія: 1849 и 1854 г.; въ послѣднемъ особенно много діалектологическихъ матеріаловъ. Тамъ и здѣсь находимъ указанія на отсутствіе м. к: Ванька[4]), маленька, нижошунька, свашунька, сколька, дайка, яблынька, толька, батьку, пташичкай и т. п.[5]). Въ с. Ковыльня (3438) м. к также не отмѣчено: тройка[6]); то же и въ „Деменцинѣ", т. е. въ мѣстности около с. Спасъ-Деменска (3342): мѣстный говоръ довольно подробно описалъ въ 1850-хъ гг. учит. Г. Колосковъ, который о м. к не упоминаетъ, от-

---

[1]) Соболевскій, Опытъ діалектологіи, 100. У Дурново Петроселье названо въ группѣ 11-ой, гдѣ „гортанныя послѣ мягкихъ неслоговыхъ обыкновенно смягчаются" (с. 15). Т. к. м. к жило особою жизнью, то его границы съ предѣлами другихъ діалектическихъ чертъ обычно не совпадаютъ.

[2]) Жив. Стар. 1902, № 2, с. 229, записи В. Н. Добровольскаго, рядомъ: баславенія вм. благословеніе (230). Объ отсутствіи въ Жерелевѣ м. к сообщалъ намъ и мѣстный уроженецъ, студ. Юрьевск. у-та Тихомировъ.

[3]) Дурново, Діалектол. карта, 17.

[4]) АГО. XV, 30.

[5]) АГО. XV, 41, свящ. С. Пятницкій.

[6]) АГО. XV, 32, свящ. Покровскій, 1849 г.

мѣчая лишь случаи: скольки-ко вм. сколько-то и стольти-ко вм. столько-то [1]), т. е. переходъ обычнаго палатальнаго *к* въ *т*.

Въ другихъ полѣсскихъ говорахъ Мосальскаго у. м. к уже успѣло распространиться, но здѣсь оно, видимо, очень слабо и не послѣдовательно. Въ записяхъ В. Н. Добровольскаго, сдѣланныхъ въ с. Пятницкомъ (3336, влад., въ 90 в.) [2]), на 4 случая съ м. к мы находимъ не менѣе 10 случаевъ безъ м. к, не считая даже сочетаній въ родѣ -чка, -чку: при зайкя, зайкію, дружинькя, сватенькя (с. 219, 221 и 228),—сколька (218), дружинька (221), Серёжанька и кудирькамъ (222), Настасьинька (223), канапелька (224), новинькой (225) и др. С. Сильковичи (3385, влад., при р. Ужати) извѣстно у мѣстнаго населенія подъ именемъ: Сильк*ѣ*вичи [3]); здѣсь Добровольскій отмѣчаетъ случай: косынькя, рядомъ съ произношеніемъ: косынь*ка* [4]).

Объ отсутствіи м. к въ Мосальскихъ говорахъ въ прошломъ мы имѣемъ еще и одно косвенное свидѣтельство: въ Воронежскомъ уѣздѣ есть с. Мосальское, Красный Логъ тожъ (№ 125), населенное старовѣрами, бывшими монастырскими крестьянами; говоръ его сильно разнится отъ обычнаго Воронежскаго говора; въ с. Мосальскомъ нѣтъ м. к: харашенька, маладёханьку, горькая и т. п.; обычны сочетанія *кы*, *гы*, *хы*: такыи, сухыи, глухыи и т. п.; на лашадёхъ; отсутствіе кагоканья; „голосовые въ изглашеніи не теряютъ своей ясности„ (см. выше, § 37). Какъ видимъ, черты эти во многомъ напоминаютъ 11-ую группу діалектологической карты Дурново (с. 15—16), группу, къ которой принадлежатъ, по нашему мнѣнію, нивелированные полѣсскіе говоры, потерявшіе свое кагоканье и нѣкоторыя другія особенности. Сходство говора и особенно названіе села „Мосальское“ почти не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что это переселенцы изъ Мосальскаго у., переселившіяся, вѣроятно, вскорѣ послѣ освобожденія монастырскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1764-мъ году. Въ Мосальскомъ у.

---

[1]) АГО. XV, 60.

[2]) Жив. Стар. 1902, № 2, с. 218—228.

[3]) Олафъ Брохъ въ Отчетѣ Отдѣленія русск. яз. и слов. Ак. Н. за 1902 г.

[4]) Жив. Стар. 1902, № 2, с. 217.

намъ извѣстно два гнѣзда бывшихъ монастырскихъ крестьянъ: 1) приходъ села Калугова (2972, каз., въ 34 в.), извѣстный и теперь въ народѣ подъ именемъ „Трóичины“ вслѣдствіе прежней принадлежности крестьянъ Троице-Сергіевой Лаврѣ [1]); 2) и мѣстность около с. Боровенскаго (3133, каз., при рч. Боровенкѣ, въ 10 в.), селенія которой (№№ 3132, 3140—43, 3165—68) принадлежали бывшему Боровенскому м-рю [2]). Отсюда, вѣроятно, и нужно выводить нынѣшнихъ жителей Воронежскаго села Мосальскаго,—обстоятельство, доказывающее, что и среди „полянъ“ (неполѣховъ; оба указанныя гнѣзда монастырскихъ крестьянъ находятся внѣ полѣсья) Мосальскаго у. м. к появилось не такъ давно,

Напечатанные М. А. Колосовымъ въ 1879 г. діалектологическіе матеріалы изъ Мосальскаго у. [3]) взяты имъ изъ рукописи Ляметри „Этнографическія свѣдѣнія по Мосальскому уѣзду“ [4]); рукопись эта относится ко всему уѣзду, описывая одновременно и „полѣховъ“ и „полянъ“; составлена разными авторами, труды коихъ сгруппированы Ляметри въ одно цѣлое. Опредѣлить, къ какой именно мѣстности относится встрѣчающееся здѣсь м. к (непослѣдовательное: при дорожунькя—маладешинька) [5]), возможности нѣтъ.

Западная, полѣсская часть Мосальскаго у. намъ извѣстна лучше, чѣмъ восточная; но существованіе м. к въ первой почти съ необходимостью предполагаетъ существованіе его—или даже болѣе широкое распространеніе—и въ восточной, не-полѣсской полосѣ.

§ 98. Т. обр., въ предѣлахъ Калужской губ. м. к распространено повсюду. Неизвѣстно оно лишь 1) на крайнемъ западѣ, на границѣ со Смоленскою губ., 2) у сѣверно-великорусскихъ переселенцевъ („карѣлы“ Медынск. у.) и 3) у городскихъ мѣщанъ. На востокѣ оно гораздо силь-

---

[1]) Устное сообщеніе студ. Тихомірова.

[2]) Іером. Леонидъ, Церк.-историч. опис. упраздненныхъ монастырей Калужск. епархіи, 127, примѣч.

[3]) Р. Ф. В., т. I, 1879, № 1, с. 97—98.

[4]) АГО. XV, 20.

[5]) Въ рукописи имѣется и еще случай съ м. к: глянькя (въ поговоркѣ); батюшке (въ пѣснѣ)—старый зват. пад.

нѣе, нежели на западѣ, у полѣховъ. На востокѣ обычно м. к и послѣ ч: печкю и т. п., чего на западѣ совсѣмъ нѣтъ. На востокѣ м. к проводится послѣдовательно: исключенія рѣдки, и то только на почвѣ городской и школьной образованности; напротивъ, на западѣ, особенно въ Жиздринскомъ и Мосальскомъ уу., наблюдатели отмѣчаютъ столь же обычное употребленіе и несмягченнаго к послѣ мягкихъ неслоговыхъ. На востокѣ, въ Боровскѣ, м. к обычно и у городскихъ мѣщанъ, чего нѣтъ на западѣ. На востокѣ, особенно близъ границъ Московской губ., м. к въ послѣднее время вымираетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими особенностями мѣстнаго говора; напротивъ, на западѣ оно продолжаетъ еще распространяться, какъ черта, повидимому, модная; при всемъ томъ, въ полѣсьяхъ еще остаются мѣста, гдѣ м. к неизвѣстно. На востокѣ довольно обыченъ переходъ м. к въ *т*: печтю, горьтяя, свидѣтельствующій о сравнительной древности этой черты; на западѣ этого совсѣмъ нѣтъ, хотя переходъ обыкновеннаго палатальнаго к въ *т* изрѣдка и встрѣчается (Деменщина Мосальск. у.).

Все сказанное не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что м. к распространялось здѣсь съ востока на западъ.

Наиболѣе важный и сильный для всѣхъ южновеликорусскихъ губерній факторъ распространенія м. к — однодворчество, несшее съ собою старое Московское вліяніе,—дѣйствовалъ въ Калужской губ. слабѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Военно-служилое сословіе здѣсь не было особенно многочисленнымъ, вѣроятно, и въ старину; послѣ же оно въ значительной своей части было переведено на югъ, частью же растворилось въ массѣ владѣльческихъ крестьянъ. Какъ бы то ни было, но въ прошломъ вліяніе военно-служилаго люда на Калужскіе говоры, безусловно, сказалось.

Едва ли не сильнѣе дѣйствовалъ здѣсь другой факторъ—обиліе старовѣровъ, значительная часть коихъ была Московскаго происхожденія и всѣ строго хранили Московское вліяніе, поддерживая съ Москвой тѣсныя связи. Широкое распространеніе м. к въ полѣсскихъ говорахъ Жиздринскаго у. и сохраненіе этой черты у мѣшанъ гор. Боровска проще и легче всего объяснить именно силою старообрядчества тамъ и здѣсь. Жившій въ Боровскѣ и изучавшій мѣстные говоры В. И. Чернышевъ сообщалъ мнѣ,

что м. к у старовѣровъ сохраняется лучше. Наконецъ, близость Москвы и болѣе тѣсныя связи съ нею по этому поводу, равно какъ и промышленное движеніе по рр. Окѣ и Протвѣ, протекающимъ въ предѣлахъ губ., также не могли не способствовать распространенію въ Калужскихъ говорахъ интересующей насъ діалектологической черты.

Что касается Калужскихъ старовѣровъ, то напомнимъ, что св. епископъ Димитрій Ростовскій называлъ въ свое время старообрядчество „Брынскою вѣрою“ [1])—отъ рѣчки Брыни, протекающей въ Калужскомъ полѣсьѣ.

VIII. Тульская губернія.

99: Число и судьба Тульскихъ однодворцевъ.—100: Взаимоотношеніе однодворцевъ и барскихъ; одежда однодворцевъ.—101: Новосильскіе казаки: ихъ исторія и мѣстожительство.—102: Одежда Новосильскихъ казаковъ; гипотеза о ихъ происхожденіи.—103: Жилище Новосильскаго у.—104: Говоръ Новосильскихъ казаковъ; вопросъ о ихъ цоканьѣ; сходство съ Бѣлевскими монастырскими.—105: Полѣсскіе говоры Новосильскаго у.; мысли о волнѣ соканья (*с* изъ *ц*).—106: Говоры помѣщичьихъ крестьянъ Новосильскаго у.—107: Монастырскіе крестьяне Бѣлевскаго у.; прошлое ихъ.—108: Монастырскіе крестьяне Одоевскаго у., Новосильскаго и др. уу.—109: Сѣверно-великорусскіе и иные говоры Богородицкаго у.; составъ населенія и одежда въ этомъ у.—110: М. к въ говорахъ Тульской губ. Коширскій у.; Алексинскій у.—111: Тульскій у.—112: Веневскій у.—113: Одоевскій у.—114: Крапивенскій у. 115: Епифанскій у.—116: Ефремовскій у.—117: Чернскій и Бѣлевскій уу.

§ 99. Въ Тульской губерніи теперь очень мало казенныхъ крестьянъ, а б. ч.—бывшіе помѣщичьи. На это обстоятельство обратилъ уже вниманіе Е. Будде [2]). Между тѣмъ, въ предѣлахъ нынѣшней Тульской губ. проходили укрѣпленныя сторожевыя линіи и засѣки; города Чернь, Плова и Солова (теперь это село Крапивенскаго у.), Тула, Дѣдиловъ (теперь село Богородицкаго у.), Епифань стояли на „задней, Тульской, укрѣпленной линіи“ [3]); Новосиль стоялъ также на сторожевой линіи [3]): въ 1571 г. къ нему принадлежали 11 сторожей [4]). Засѣки проходили по тремъ нынѣшнимъ

[1]) Книга его, посвященная старообрядчеству, носитъ заглавіе „Розыскъ о Брынской вѣрѣ“.

[2]) Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Н., III, с. 16 оттиска.

[3]) Бѣляевъ, О сторожевой, станичн. и полк. сл. 7.

[4]) Тамъ же, с. 14.

уѣздамъ: Веневскому, Одоевскому и Тульскому [1]). Наконецъ, по р. Окѣ, составляющей сѣверную границу губерніи, проходила древнѣйшая, первая по времени, укрѣпленная линія отъ крымцевъ. На всѣхъ этихъ линіяхъ и засѣкахъ должны были жить дѣти боярскіе и другіе военно-служилые люди, предки нынѣшнихъ однодворцевъ.

По 8-ой ревизіи (1838 г.) однодворцевъ въ Тульской губ. числилось около 55 тс. д. и крестьянъ однодворческихъ 2.200 д., тогда какъ владѣльческихъ крестьянъ въ губерніи было тогда около 850 тс., монастырскихъ около 33 тс., а общее число населенія въ губерніи 1.115.500 д. об. п. [2]). Въ 1849-мъ году крѣпостные крестьяне составляли въ Тульской губ. 68,94% всего крестьянскаго населенія [3]), при чемъ однодворческихъ крестьянъ числилось лишь 126 д. об. п. [4]). Въ 1850-мъ г. однодворцевъ въ Тульской губ. насчитано всего только 26½ тс. м. душъ, раскиданныхъ по 300-мъ селеніямъ [5]), при чемъ больше всего однодворцевъ было въ уѣздахъ: Ефремовскомъ (16283 въ 102 селеніяхъ), Веневскомъ (2215 въ 23 сел.), Крапивенскомъ (1725 въ 38 сел.), Новосильскомъ (1233 въ 16 сел.), Чернскомъ (1111) и Тульскомъ (1068); меньше всего—въ Алексинскомъ (130 въ 13 селеніяхъ) и Бѣлевскомъ (577 въ 9 селеніяхъ) [5]).

Т. обр., теперешнее число Тульскихъ однодворцевъ очень не соотвѣтствуетъ прежнему обилію здѣсь военно-служилыхъ людей, которые должны были жить на указанныхъ сторожевыхъ линіяхъ и засѣкахъ. Но причины такого несоотвѣтствія весьма понятны: во первыхъ, по мѣрѣ углубленія пограничныхъ сторожевыхъ линій въ южныя степи, служилые люди со старыхъ линій переводились на новыя; въ Курской, Орловской и Воронежской губ. мы и видимъ множество такихъ Тульскихъ переведенцевъ; во вторыхъ, на древнѣйшихъ сторожевыхъ линіяхъ, близъ Москвы, въ составѣ военно-служилаго сословія сильно преобладалъ ари-

---

[1]) В. Штурмъ, Тульскія засѣки. Спб. 1909, с. 7.

[2]) Ив. Афремовъ, Историч. обозр. Тульской губ. 1850 г.

[3]) Тройницкій, Крѣпостное населеніе, 49.

[4]) Тамъ же, 46.

[5]) Матеріалы для статистики Россіи, собир. по вѣд. Мин. Госуд. Имущ. I. Спб. 1858, с. 115.

стократическій элементъ, котораго такъ мало на югѣ степи. Здѣсь были даже такіе случаи: въ XVI-мъ вѣкѣ кн. Ѳед. Мстиславскій былъ *вотчинникомъ* городовъ Венева и Епифани, при чемъ у него были *свои* служилые люди, стрѣльцы, казаки и т. д. [1]); эти послѣдніе, конечно, не попали бы потомъ въ число однодворцевъ, а слились бы, конечно, съ барскими. Правда, отмѣченный случай—исключительный для XVI в.; и мы знаемъ даже, что земли кн. Мстиславскаго розданы были потомъ (въ 1571—72 гг.) въ помѣстья служилымъ людямъ [2]). Но, какъ это и установлено историками, *помѣстья* богатыхъ и родовитыхъ помѣщиковъ легко потомъ переходили въ наслѣдственныя *вотчины* этихъ послѣднихъ; возможность перехода такихъ помѣстій въ „однодворки“,— что̀ такъ обычно на югѣ степи,— была исключена богатствомъ ихъ владѣльцевъ, которые всегда могли переманить къ себѣ крестьянъ съ другихъ земель, перевести ихъ изъ другихъ своихъ вотчинъ и т. п. На этой почвѣ высшій разрядъ военно-служилаго Тульскаго сословія слился здѣсь съ родовитымъ дворянствомъ и въ число однодворцевъ не попалъ; низшій же разрядъ служилыхъ людей, поскольку онъ не былъ переведенъ на югъ, въ значительной своей части слился съ крѣпостнымъ населеніемъ.

На основаніи сказаннаго намъ понятно, почему въ южныхъ уѣздахъ Тульской губ. однодворцевъ гораздо болѣе, нежели въ сѣверныхъ уѣздахъ: южныя сторожевыя линіи были ликвидированы много послѣ сѣверныхъ, да и составъ военно-служилыхъ людей на нихъ былъ гораздо менѣе аристократиченъ (это особенно ясно на примѣрѣ Новосиля). Понятно и то, почему въ Тульской губ. особенно много селеній, крестьяне коихъ принадлежатъ къ двумъ разнымъ разрядамъ—казеннымъ и владѣльческимъ [3]),—что такъ необычно для однодворческихъ губерній: во многихъ изъ такихъ смѣшанныхъ селеній владѣльческіе крестьяне или

[1]) Рождественскій, Служилое землевладѣніе, со ссылкою на Писцов. книги Географ. Общ. II, с. 1537 и сл., 1582 и сл.

[2]) Рождественскій, тамъ же, с. 352.

[3]) См. Списокъ насел. мѣстъ Тульской губ. по свѣд. 1859 г. Спб. 1862, гдѣ при именахъ селеній указывается разрядъ крестьянъ; а также Кеппенъ, Города и селенія Тульской губ. Спб. 1852.

были крѣпостными военно-служилыхъ богачей и аристократовъ, или же сами были нѣкогда военно-служилыми, но обѣднѣли и попали въ крѣпостную зависимость.

§ 100. На основаніи сказаннаго выше можно было бы предполагать, что въ Тульской губ. нѣтъ той рѣзкой разницы между однодворцами и крѣпостными, какую мы встрѣтили въ другихъ однодворческихъ губерніяхъ. Но предположеніе это не оправдывается по той простой причинѣ, что среди помѣщичьихъ крестьянъ Тульской губ. весьма много позднѣйшихъ пришлецовъ и разныхъ другихъ элементовъ, которые никакой связи съ прежнимъ военно-служилымъ сословіемъ не имѣли.

Путешествовавшій въ 1838-мъ году по 12-ти губерніямъ Европейской Россіи Коширскій помѣщикъ П. Сумароковъ писалъ о Тулѣ: „Здѣсь показались *однодворцы*, сословіе странное, неопредѣлительное въ наши времена... Жены ихъ, полубарыни, одѣваются отлично отъ крестьянокъ, въ праздничные дни въ шелковыя, ситцевыя платья... Онѣ почитаютъ названіе свое „однодворки“ высокимъ титуломъ, гордятся предъ простыми поселянками, требуютъ уваженія къ себѣ“ [1]).

Въ Казюлькинской (срв. № 3400) волости Одоевскаго уѣзда, во многихъ деревняхъ по р. Упѣ и около ея распространено колесничество; имъ занимаются одинаково какъ барскіе крестьяне (селенія: Прокудина, Каменка, Майкова и др., № 3401—03), такъ и однодворцы (дер. Халяпина, 3399, и др.). Взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ наблюдатель изображаетъ такими чертами: „Бывшіе государственные крестьяне считаютъ себя чѣмъ-то выше бывшихъ крѣпостныхъ. Сознаніе собственнаго своего достоинства, основывающагося на томъ, что они никогда не были „рабами, холопами“, не позволяетъ имъ выдавать своихъ дочерей за бывшихъ „барскихъ храпачей“, хотя бы послѣдніе были и изъ зажиточныхъ семей. Подобнаго рода нетерпимость, соединенная съ обычаемъ давать за невѣстой приданое, служитъ причиной того, что многія дѣвушки остаются „вѣкоухами“. Презрѣніе [однодворцевъ] къ крѣпостнымъ вызываетъ и со стороны послѣднихъ то же самое; „храпочу,

[1]) П. Сумароковъ, Прогулка по 12-ти губерніямъ. Спб. 1839, с. 123.

храповкѣ" противополагается „индюкъ, индѣйка"; послѣдній эпитетъ дается государственнымъ крестьянамъ благодаря ихъ костюму: крестьянки [однодворки] носятъ не паневу, а желтоватыя юбки; крестьяне никогда не надѣнутъ некрашенныхъ портовъ и рубашки.—Кромѣ костюма и взаимнаго полупрезрѣнія, оба разряда крестьянъ во всемъ остальномъ ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга" [1]).

Остается, конечно, подъ сомнѣніемъ, простирается ли это тожество также и на говоръ, такъ какъ цитуемый авторъ говоромъ совершенно не интересовался. Что же касается связи однодворческой клички „индюки" съ однодворческимъ костюмомъ, то она весьма сомнительна; гораздо проще понимать прозвище индюкй въ смыслѣ „гордые", съ чѣмъ срв. рыбинское [2]) *индюха* „горделивая женщина". — „Насмѣшливое названіе для вольныхъ, государственныхъ крестьянъ" *индюхи* встрѣтилъ въ томъ же Одоевскомъ уѣздѣ (въ с. Павловскомъ) и проф. Будде, который по этому поводу замѣчаетъ: „По сообщенію мѣстнаго священника, эта кличка распространена повсемѣстно въ Тульской губ. съ такимъ же значеніемъ" [3]). Въ Тулѣ насмѣшливое произвище по адресу однодворцевъ „индюшки" отмѣчено уже въ 1850-мъ году [4]). Въ Ефремовскомъ уѣздѣ отмѣчено „прозвище однодворца" *галманъ*, извѣстное намъ по Воронежской губ. (§ 27), какъ индюки—по губ. Орловской (§ 61). Въ дер. Какурино Одоевскаго же у. Будде отмѣтилъ еще новое народное названіе для однодворцевъ, являющееся впрочемъ простымъ перифразомъ этого послѣдняго слова: однодо́мцы [5]).

Что касается отличій однодворческаго костюма отъ костюма барскихъ, то аналогичное Одоевскому отли́чіе, вполнѣ согласное съ общимъ установленнымъ нами на этотъ счетъ правиломъ (§ 21), отмѣчено также и въ Крапивенскомъ уѣздѣ, гдѣ у помѣщичьихъ крестьянокъ поневы и кички, а однодворки „не терпятъ этого наряда, и одѣваются

---

[1]) Труды комиссіи по изслѣдованію кустарн. промышл. въ Россіи, VIII, 1882, с. 1309—10, ст. Н. Нечаева.

[2]) Живая Стар. 1902, с. 398, Водарскій.

[3]) Извѣстія II-го Отдѣл. Ак. Н., т. 3, кн. 3, с. 859.

[4]) АГО. XLII, 49, А. Ивановъ.

[5]) Изв. 2-го Отдѣл. III, 873.

какъ гражданки", въ пестрыя коломенковыя юбки [1]). Приведенное нами выше сообщеніе П. Сумарокова о томъ же относится, вѣроятно, гл. обр. къ Тульскому уѣзду. Т. обр., для бо́льшей части Тульской губ. оказывается вѣрнымъ общее на этотъ счетъ правило (см. выше № 21, гдѣ есть и еще данныя о Чернскомъ у.).

§ 101. Въ Новосильскомъ уѣздѣ мы сталкиваемся съ особою группою однодворцевъ, которая сохранила до сихъ поръ свое старое офиціальное наименованіе: „казаки" (точнѣе было бы: „городовые казаки"). Хотя мѣстные авторы выводятъ Новосильскихъ казаковъ то изъ Запорожья, то съ Дону (о „городовыхъ казакахъ" они, очевидно, не слыхали),—но для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ военно-служилыхъ людей прежней Московской Украйны, и именно служилыхъ низшаго разряда, т. наз. приборныхъ. По роду своей службы, эти приборные служилые носили разныя наименованія: казаки, стрѣльцы, пушкари, солдаты, драгуны и т. п. (срв. выше § 17). Многочисленныя на югѣ Великороссіи подгородныя слободы, носящія до сихъ поръ имена „Казацкихъ, Стрѣлецкихъ, Пушкарскихъ, Солдатскихъ, Ямскихъ" и т. п.,—живой памятникъ этихъ приборныхъ служилыхъ. Но вслѣдствіе жительства въ городахъ многолюдный классъ этотъ б. ч. почти слился съ мѣщанами, почему и утратилъ свой интересъ для діалектологіи и этнографіи (срв. однако же выше § 55). Новосильскіе казаки отличаются отъ всѣхъ прочихъ „городовыхъ казаковъ" тѣмъ, что они въ давнее время выселены были изъ города въ уѣздъ, и хорошо сохранили здѣсь особенности своего говора и быта.

Гор. Новосиль стоялъ на укрѣпленной сторожевой линіи, основанной нѣсколько позднѣе другихъ. Въ 1644-мъ г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ выдалъ Новосильскимъ казакамъ, пушкарямъ и стрѣльцамъ грамоту на владѣніе землею въ „дикомъ полѣ", съ подчиненіемъ ихъ Новосильскому воеводѣ. Указомъ 1715 г. они были выселены изъ города и поселены въ уѣздѣ. Въ 1765-мъ г. Новосильскіе казаки были исключены изъ управленія воеводъ и находились въ

[1]) АГО. XLII, 29, В. Знаменскій.

завѣдываніи собственнаго, особаго управленія [1]). Вѣроятно, существованіе этого особаго управленія содѣйствовало сохраненію за „казаками“ этого ихъ стараго имени, вездѣ въ другихъ мѣстахъ у бывшихъ „городовыхъ казаковъ“ исчезнувшаго. Мы знаемъ, что жители ряда Новосильскихъ селъ, слывущихъ и теперь въ просторѣчіи „казацкими“, вплоть до 1836 г. въ метрическихъ книгахъ, земельномъ генеральномъ планѣ и другихъ офиціальныхъ документахъ и актахъ писались „казаками“ [2]). Проф. Будде приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ актовъ Новосильскаго полицейскаго правленія 1783 и 1786 годовъ, гдѣ мѣстные крестьяне называютъ себя и своихъ сосѣдей „казаками“ [3]).

Церковно-приходскія лѣтописи называютъ „казацкими“ слѣдующія восемь селъ и приходовъ Новосильскаго у.: 1) Вышняя Залегощь (въ 18 в.): „приходъ образовался, по преданію, изъ Донскихъ или Украинскихъ казаковъ, призванныхъ сюда во время нашествія татаръ для защиты гор. Новосиля. По минованіи надобности въ ихъ услугахъ, они поселились, со временемъ, въ этой мѣстности и теперь еще иной разъ называются казаками“ [4]). 2) Нижняя Залегощь (въ 12 в. отъ гор.): „жители прихода названіе крестьянъ получили съ 1836 г.; ранѣе же они писались въ метрическихъ книгахъ и въ земельномъ генеральномъ планѣ казаками. Существуетъ очень распространенное преданіе, что, со временъ набѣговъ Литвы, для охраны г. Новосиля и др. близъ лежащихъ мѣстностей изъ Запорожья вызваны были казаки, которые появились также и въ Залегощи“ [5]). 3) Скородное (въ 20 в.): „приходъ составился изъ тѣхъ переселенцевъ съ р. Дона—казаковъ, которые еще во времена Іоанна Грознаго были поселены въ тогдашней

---

[1]) Эти историческія даты взяты нами изъ рукописи В. Н. Глаголева въ отвѣтѣ на прогр. Ак. Н. № 240 и 241; Глаголевъ ссылается на книгу Чевскаго, которой разыскать мы не могли. О выселеніи „казаковъ“ изъ Новосиля по указу 1715 г. сообщается также и въ книгѣ „Приходы и церкви Тульской епархіи“. Тула, 1895, с. 545, откуда узнаемъ также, что небольшая часть здѣшнихъ казаковъ поселилась тогда въ Орловской губ., подъ дер. Николаевскою.

[2]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 539.

[3]) Сборн. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 76, с. 8—9.

[4]) Приходы и церкви Т. епархіи, 532.

[5]) Тамъ же, с. 539.

крѣпости Новосили" (с. 544—5). 4) Воротынцево (въ 4 в.): „приходъ образовался, вѣроятно, въ первой четверти XVIII в. изъ части бывшихъ казаковъ—пушкарей и стрѣльцовъ, которые по указу Петра I начали разселяться изъ пригородныхъ Новосильскихъ слободъ, гдѣ они постоянно жили, на дарственной землѣ" (с. 548—9). 5) Вышняя Пшевь или Косарево (въ 18 в.): „приходъ населенъ потомками тѣхъ служилыхъ людей — казаковъ, которые при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ пришли изъ Запорожья и были поселены около г. Новосиля, для охраны его отъ Литовскихъ набѣговъ" (с. 560). 6) Галичье (въ 20 в.): „приходъ образовался, по преданію, изъ тѣхъ пушкарей и стрѣльцовъ-казаковъ, которые вызваны были при Іоаннѣ Грозномъ изъ Малороссіи для защиты г. Новосиля отъ татаръ и др. враговъ" (с. 584). 7) Каменка (въ 8 в.): „приходъ образовался изъ тѣхъ выходцевъ-казаковъ, которые были вызваны въ Новосиль съ Дона, по повелѣнію I. Грознаго" (с. 538). 8) Ямская Слобода (въ 2-хъ в.): „по сохранившимся свѣдѣніямъ, какъ устнымъ, такъ и письменнымъ, приходъ этотъ образовался около половины XVII в. изъ выселившихся сюда жителей гор. Новосиля" (с. 547).

Будде перечисляетъ „казацкія волости" Новосильскаго у.: Каменская, Средненская, Залегощанская, Березовская и Косаревская.

Глаголевъ, главный нашъ источникъ по вопросамъ о Новосильскихъ казакахъ, перечисляетъ 17 казацкихъ селъ: Воротынцево, Галичье, Каменка, Пѣтушки, Голянка, Скородное, Ямская Слобода, Пшевь, Судьбищи, Березовецъ, Вышняя и Нижняя Залегощь, Дичнь, Казарь, Нижнее Скворчее, Среднее, Гремячій Колодецъ и дер. Верховье. Изъ нихъ только с. Березовецъ (2954, каз., въ 20 в.) отнесено къ казацкимъ неправильно: это село монастырское; принадлежало оно, вмѣстѣ съ сс. Задушнымъ и Игумновымъ, Свято-Духову монастырю въ Новосили [1]).

Относительно с. Судьбищъ (3151, въ 38 в.), причисляемаго Глаголевымъ къ казацкимъ, другой нашъ источникъ сообщаетъ: „Приходское населеніе состоитъ изъ крестьянъ собственниковъ и казенныхъ крестьянъ-однодворцевъ" [2]);

[1]) Приходы и церкви Т. еп. 778.

[2]) Тамъ же, с. 575.

однодворцами здѣсь названы, б. м., тѣ же казаки.—Сёла: Подтолстое (3182, каз.) и Новое Село, образовавшіяся изъ приходскихъ деревень с. Галичья [1]), вѣроятно, также населены „казаками", какъ и всѣ почти приходскія деревни перечисленныхъ выше казацкихъ селъ.

§ 102. Объ отличіи Новосильскихъ казаковъ отъ прочей массы населенія Новосильскаго у. по говору рѣчь у насъ будетъ ниже (§ 104). Теперь же скажемъ лишь объ отличіи въ бытѣ.

„Нѣкоторая разница въ костюмѣ и говорѣ, а въ остальномъ онъ (Новосильскій казакъ) мало чѣмъ отличается отъ коренного населенія", — такое замѣчаніе мы находимъ у Глаголева, который несправедливо относитъ Новосильскихъ казаковъ къ не-коренному, пришлому населенію: по времени появленія своего въ краѣ казаки, конечно, коренное населеніе Новосиля. Глаголевъ же указываетъ и на нѣкоторыя мелкія отличія въ одеждѣ казаковъ и барскихъ, которыя, какъ не характерныя, мы здѣсь не приводимъ [2]). Для насъ важно лишь знать, что костюмъ Новосильскихъ казачекъ не дворянскій-однодворческій (сарафаны и юбки), а крестьянскій. По согласному сообщенію Глаголева и Будде Новосильскія казачки носятъ поневы. Правда, на головѣ нѣтъ кички, которая обычна у прочихъ жительницъ Новосильскаго у. [3]), а платокъ съ „налобникомъ" и „подзатыльникомъ" подъ нимъ. Будде встрѣтилъ въ Новосильскомъ у. только поневы сшивныя, изъ 4-хъ полотнищъ [4]), т. е. съ прошвою; но, судя по замѣчанію Глаголева, что Новосильскія казачки „надѣваютъ коротейку только при доброй поневѣ съ прошвой, т. е. когда передъ поневы сдѣланъ изъ китайки и отворотъ поневы подбитъ цвѣтной матеріей",—можно думать, что здѣсь встрѣчаются и полѣсскія поневы безъ прошвы.

Отсутствіе у Новосильскихъ казаковъ дворянскаго костюма для насъ понятно: среди нихъ не было ни Москов-

[1]) Тамъ же, с. 572.

[2]) Рукопись В. Н. Глаголева будетъ скоро напечатана въ „Трудахъ Моск. Діалект. Комиссіи".

[3]) АГО. XLII, 1, гдѣ читаемъ: „У женщинъ, за исключеніемъ однодворокъ, господствуютъ кички".

[4]) Сборн. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 76, с. 7.

скихъ дѣтей боярскихъ, ни вообще аристократовъ; они не старались сравняться съ однодворцами, не лѣзли въ дворяне, тѣмъ болѣе что жизнь въ одномъ мѣстѣ большою массою способствовала сохраненію у нихъ старинныхъ традицій. При всемъ томъ, исчезновеніе кичекъ явилось, вѣроятно, какъ уступка высокому казацкому званію.

Будде отмѣчаетъ и еще одну особенность въ одеждѣ Новосильскихъ казачекъ (въ Залегощи): обыкновеніе надѣвать на ноги по 2 и по 3 чулка, чтобы ноги казались толще [1]).

Происхожденіе Новосильскихъ казаковъ должны выяснить историческія изысканія въ соотвѣтствующихъ архивахъ. Пока же мы можемъ высказать на этотъ счетъ лишь одну гипотезу: Новосильскіе казаки—это Рязанскіе или иные военно-служилые люди, которые въ свое время командированы были правительствомъ въ Азовскую и Черкасскую службу, за что и получили земли. Б. м., это тѣ самые рядовые казаки, двумъ сотнямъ коихъ—Луговой и Дергилевской—даны были придаточныя деревни, за „Озовскую" и Черкасскую службу, въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ, расположенномъ не такъ далеко отъ Новосильскаго [2]).

§ 103. Если по одеждѣ Новосильскіе казаки отличаются отъ обыкновенныхъ однодворцевъ, то типъ жилищъ у тѣхъ и другихъ одинаковъ. Глаголевъ указываетъ, какъ на одно изъ отличій казацкаго жилища отъ барскаго: „часто встрѣчаешь избы съ прорубленными окнами на дворъ; на улицу пробито маленькое волоковое окно". Здѣсь мы имѣемъ безспорный слѣдъ стараго однодворческаго (и вмѣстѣ полѣсскаго?) обычая ставить избы среди двора. Наблюдатель 1861 г., когда старинный типъ постройки сохранялся лучше, пишетъ: „во многихъ селеніяхъ, особенно въ Новосильскомъ у., всѣ избы ставятся среди двора, или на задворки окнами, такъ что съ улицы не видно ни одной избы" [3]); наблюдатель этотъ описываетъ гл. обр. казенныхъ крестьянъ Новосильскаго у., т. е. какъ разъ

---

[1]) Сборн. 2-го Отд., т. 76, с. 25; срв. фотографію Могилянскаго № 8 въ „Матер. по этнографіи Россіи", I. 1910.

[2]) Рождественскій, Служилое землевладѣніе, 236, со ссылкою на Писцов. книги, изд. Географ. Общ., II, с. 1426, 1513 и слѣд.

[3]) Тульскія Г. В. 1861, № 9, Глаголевъ.

нашихъ казаковъ. Авторъ 1850 г. изъ с. Сурова Новосильскаго у. сообщаетъ, что у казенныхъ крестьянъ избы среди двора, а у помѣщичьихъ—на улицу окнами; у казенныхъ задворки сзади двора, а у помѣщичьихъ—противъ жилого строенія [1]).

Такой же самый типъ построекъ, съ жилою избою среди двора, отмѣченъ и въ Бѣлевскомъ у., какъ старинный и вымирающій *).—Напротивъ, въ помѣщичьихъ селахъ Новосильскаго же у.: Голунь и Новомихайловское, уже въ 1861-мъ году отмѣченъ иной типъ жилища: два окна на улицу и одно, волоковое, на дворъ [2]).

Другая отличительная особенность однодворческаго жилища, положеніе святого угла у самой входной двери, сохраняется у Новосильскихъ казаковъ до сихъ поръ: ее отмѣтилъ въ 1902-мъ году проф. Будде [3]); наблюдатель 1861 г. также сообщаетъ объ этой особенности [4]). Та же особенность въ однодворческомъ (?) селѣ Вяжи, по даннымъ 1850-хъ годовъ [5]).—Напротивъ, во владѣльческихъ селеніяхъ Голуни и Новомихайловскомъ уже въ 1861-мъ г. положеніе св. угла было инымъ: не у двери, а на обычномъ мѣстѣ [6]). За то въ помѣщичьемъ же с. Паньково (3211) типъ жилища оказывается однодворческимъ, съ божницею у двери [7]).

Глаголевъ, давая въ своей рукописной статьѣ общую сравнительную характеристику Новосильскихъ казаковъ и барскихъ, отмѣчаетъ еще нѣкоторыя мелкія отличительныя особенности казаковъ, гл. обр. въ характерѣ ихъ; это: лѣность и безхозяйственность, отсутствіе промысловъ (кромѣ изрѣдка встрѣчающагося профессіональнаго нищенства) и зимнихъ работъ, строгое соблюденіе церковныхъ постановленій и глубокое уваженіе къ духовенству, грубоватость и недовѣрчивость при отсутствіи лукавства и кри-

[1]) АГО. XLII, 33, И. Нечаевъ.

*) АГО. XLII, 34; авторъ имѣетъ въ виду гл. обр. с. Лабодино однодворческое.

[2]) Этнограф. Сборн. Географ. Общ. II, 101.

[3]) Сборн. II-го Отдѣл., т. 76, с. 125; срв. 123 и 132.

[4]) Тульскія Г. В. 1861, № 9.

[5]) АГО. XLII, 43, матеріалы Видиніуса.

[6]) Этнограф. Сборн. II, 101.

[7]) АГО. XLII, 57. Гр. Мясоѣдовъ.

водущія; барскіе вообще зажиточнѣе казаковъ; у барскихъ почти не встрѣчается кликушъ, кои очень обычны у казаковъ. Это послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и другой мѣстный авторъ, И. Нечаевъ 1850 г., по которому кликуши только у казенныхъ крестьянъ [1]).

§ 104. По счастливому стеченію обстоятельствъ, о говорѣ Новосильскихъ казаковъ, равно какъ и другихъ группъ мѣстнаго населенія, мы освѣдомлены довольно хорошо. Весьма подробный отвѣтъ на прогр. № 240—241 учителя с. Бредихина В. Н. Глаголева даетъ сравнительное описаніе говора казаковъ и говора барскихъ крестьянъ; у проф. Будде, а также и у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ имѣются данныя также для обоихъ этихъ говоровъ.

Приведенный Глаголевымъ списокъ казацкихъ селеній Новосильскаго у. данъ нами выше (§ 101); „барскій говоръ", по Глаголеву, распространенъ въ селахъ: Бредихино, Корсаково, Воскресенское, Вознесенское, Перестряжъ, Кирики, Пятницкое, Воиново, Подтатарское и Суры съ „причисленными къ нимъ деревнями". Село Голунь, по Глаголеву, „представляетъ *мѣщанскій* говоръ, но все-таки его нужно отнести къ селамъ съ барскимъ говоромъ"; это неудобопонятное замѣчаніе нужно понимать такъ: мѣщанскій говоръ гораздо ближе къ барскому говору, нежели къ казацкому.

Говоръ Новосильскихъ казаковъ, по Глаголеву, „рѣзко отличается отъ говора всего населенія Новосильскаго у.", и такимъ образомъ „говоръ Новосильскаго уѣзда распадается на 1) барскій и 2) казацкій" (собственныя выраженія Глаголева). Различіе это, какъ можно видѣть изъ сообщенія Глаголева, слѣдующее: 1) аканье у казаковъ гораздо сильнѣе: вядро́, яго́, чаво, ряка, не вяликая, купитя, вянесъ вм. вѣнецъ; тогда какъ у барскихъ: систра, сирибро, чирипаха, свитой; вообще, „рѣзкихъ особенностей въ барскомъ говорѣ отъ Московскаго нарѣчія нѣтъ". 2) У казаковъ вм. *ц* произносится *с*: курису, яиса, сапля, сарь, атес, у серьквѣ, маладес, лисо, агурсы, лисису, вянесъ, къ вянсу, серса, младенса; хотя, по словамъ Глаголева, особенность

[1]) АГО, XLII, 33.

эта обычна „только въ *окончаніяхъ* именъ существительныхъ", но примѣры: сарь, сапля и др. опровергаютъ это правило. 3) У казаковъ иногда кагоканье: яго, маяго, нашаго; у барскихъ же: иво, маиво, нашиво; у казаковъ *ёнъ* вм. онъ, а у барскихъ *вонъ*. 4) У казаковъ чаще 3 л. ед. ч. безъ ть: будя, зная, играя, видя, придя; у барскихъ же: гуляить, воить, играить. 5) У казаковъ щё и чо вм. что, у барскихъ: што. 6) У казаковъ: сабѣ и саѣ вм. себѣ, у барскихъ: сибѣ. 7) У барскихъ формы: на санёхъ, чего у казаковъ нѣтъ.—На нѣкоторыхъ иныхъ, мелкихъ, отличіяхъ, устанавливаемыхъ Глаголевымъ, мы не останавливаемся.

Что касается м. к, то оно одинаково встрѣчается и у барскихъ, и у казаковъ, но у послѣднихъ чаще и рѣзче. Въ с. Бредихинѣ (барскомъ) отмѣчено: горькюю, чайкёмъ, хазяйкю, куделькю, линейкямъ, а линейкяхъ, почкю, у печкю, но: пашинька*ю*, конёчка, словечка, дочка, плеточкой, долюшку.

Въ дополненіе и исправленіе выводовъ Глаголева мы замѣтимъ, что казацкій говоръ, видимо, оказалъ довольно сильное вліяніе на говоръ барскихъ; м. пр., по даннымъ проф. Будде [1]), произношеніе *с* вм. *ц* встрѣчается также, правда рѣже и не такъ послѣдовательно, и въ владѣльческихъ селеніяхъ: дер. Тюкова, гдѣ встрѣтилось мѣсьса вм. мѣсяца (с. 29), с. Духово: на ульсы (30), с. Пруды: сэрькви (27); здѣсь же и щё вм. что (с. 28). Духовское на у́льсы особенно интересно въ томъ отношеніи, что произносившая такъ женщина нѣсколько ниже на вопросъ Будде „кольцо или кольсо?" отвѣчаетъ: „У насъ рѣчи иныя: кальсо́ ў Зъляно́щи (казацкое село). У нас мноһа чишша" (с. 31); т. е., даже и при сознательномъ противоположеніи у барскихъ своего говора казацкому, вліяніе послѣдняго на первыхъ однако же сказалось. Главное же, Глаголевъ включилъ въ „казацкій говоръ" также и говоръ нѣсколькихъ не-казацкихъ, а б. м. монастырскихъ (?) селеній, характеризующійся, м. пр., переходомъ задненебныхъ въ свистящія въ косвенныхъ падежахъ: на порозѣ и т. п. Наконецъ, „мѣщанскій" говоръ, т. е. нивелированный, о которомъ заикается и Глаголевъ, стоило бы выдѣлить въ особую группу, четвертую.

---

[1]) Сборн. II Отдѣл., т. 76.

Приведемъ данныя о говорахъ казацкихъ селеній, имѣющіяся въ записяхъ проф. Будде. Въ с. Нижняя Залегощь м. к: Сашинькя, hлять-кя, hадочькя (с. 19), дажжочькю, каротинькяя (22), но и лйсанька (19, отъ сл. лице); с вм. ц: на ульсу, у таргоўсау, три сылковых, к вянсу, атса, атес, но и: къ вянцу (оба случая съ этимъ словомъ, и съ ц и съ с, въ говорѣ одной и той же женщины). Кагоканье: ничяho, таho; яканье: бяз двух, ня нужно; 3 л. гуляя, пъзавѣть; што вм. что [1]).

С. Верхняя Залегощь: м. к: сколькя, гурбачкяй, книжъчькю, жордычькя, лавачькю, чапочькя, па тонинькяй, но и: ды(э)рэвеньская; с вм. ц: мучису, к сэрьквя, на ульсы, на крыльсу, лапшысы, но и: у сѣнцах; кагоканье; 3 л. умѣя, станя, кажа, живѣть, идѣть; jejé, т. е. отсутствіе звука ё; м. л (с. 22—25).

С. Пѣтушки: м. к: ясьнинькяя, паткладъчькя, палачькя, нидѣличькю, но: лендачькаў; с вм. ц: óўсы, ў пять сапкоў (цѣпковъ), но: къ вяньцу, венец и обычное глагольное окончаніе -тца; кагоканье; яканье: сяло, вярстú, чяло при сьпирьна, силизень; 3 л.: будя и чаще: бьѣть, жывѣть, нъбярѣть; либóщё и што, либóшто; ёнъ вм. онъ (с. 12—14).

Около с. Пѣтушки дер. Хуторь (2977, каз., въ 6 в. отъ гор.), гдѣ случаевъ съ м. к не встрѣтилось: ў дудъчьках (впрочемъ, данныхъ вообще очень мало); кагоканья, повидимому, тоже нѣтъ: ничяўо, яўо; 3 л.: стриляя, станя, зъсьтилая, балить (с. 18).

Подгороднее село Ямское: толькя; ничяho; м. л; 3 л.: ёнъ нърывая (с. 33).

Подгороднее же село Зарѣчье: красьнинькяй, мъладайкя, разбойничькя, но и: симеичька; случаевъ съ с изъ ц не встрѣтилось: на ульцы, пъцаlуить, цапляютца и др.; случаевъ кагоканья тоже нѣтъ, при: jево; штабы; яканье: на плячях, са крястóмъ; 3 л.: будя (с. 15—17). Возможно, что здѣсь говоръ нивелированный подъ вліяніемъ городского сосѣдства.

Пшева (=Вышняя Пшевь), гдѣ случаевъ м. к не встрѣтилось, такъ же какъ и кагоканья: ничяўо; ямý вм. ему; крúшытца вм. крошится (с. 25).

---

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 76, с. 19—22.

Дер. Соколье (3189, каз. въ 4 в.): бóчькю; яканье: лячжалъ, калясо; случай удвоенія согласныхъ: Сакольле; аднэй рукой (с. 26). Здѣсь, такимъ образомъ, казацкій говоръ близокъ къ тому монастырско-полѣсскому говору, о коемъ рѣчь у насъ будетъ ниже.

Свящ. И. Нечаевъ въ 1850 г. описалъ говоръ прихода с. Сурова (3139); хотя село это владѣльческое, но въ приходѣ (по р. Пшевѣ) живутъ, по словамъ Нечаева, какъ помѣщичьи, такъ и казенные крестьяне, и авторъ больше описываетъ послѣднихъ. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, что здѣсь живутъ „казаки", но говоръ нѣсколько похожъ на казачій, хотя и имѣетъ свои особенности. Кромѣ перехода ц въ с: сарь, авса вм. овца, що вм. что, здѣсь отмѣчено еще цоканье съ м. ц: хоцю, клицю и случай пиць вм. пить, свидѣтельствующій о цеканьи. Прочія черты: лошадёмъ вм. лошадямъ; сказамши, молимшись, надѣямчись; 3 л.: ходить, краснѣють, несё, идё и ходя, возя; таѣ, саѣ вм. себѣ [1]). О м. к этотъ нашъ источникъ умалчиваетъ.

О слѣдахъ цоканья у Новосильскихъ казаковъ мы имѣемъ и другія свѣдѣнія. Гл. Соколовъ въ 1861 г. [2]) описалъ говоръ „казенныхъ крестьянъ„ Новосильскаго уѣзда; а такъ какъ главную массу здѣшнихъ казенныхъ крестьянъ составляютъ казаки, то данныя Соколова мы въ правѣ относить къ казакамъ. Слѣдъ цоканья мы видимъ въ случаѣ: поцеркать корову (с. 56), вмѣсто подоить, связывая данный глаголъ съ литературнымъ черкать; но, конечно, не исключена и возможность того, что здѣсь мы имѣемъ другой звукоподражательный корень. Другія черты сходны съ казацкими: овсы вмѣсто овцы (с. 55); що и чо вмѣсто что; іонъ унесіо; кагоканье: каго, усяго; м. к: пеніочкя, толькя, пенькя.

О былomъ цоканьѣ Новосильскихъ казаковъ можно заключить, думается намъ, и изъ приведеннаго Глаголевымъ случая сапля вмѣсто цапля: древнерусское названіе этой птицы, сохранившееся во многихъ южно-великорусскихъ говорахъ, звучало: чапля (см. выше § 81); но конечно, тутъ можно также думать и о позднѣйшемъ заимствованіи изъ литературнаго языка или изъ сосѣднихъ говоровъ.

[1]) АГО. XLII, 33, И. Нечаевъ.

[2]) Тульск. Губернск. Вѣдом. 1861, № 8, с. 57 и слѣд.

Напомнимъ, что цоканье встрѣчается также и у акальщиковъ Бѣлевскаго уѣзда (Кузьменки, гдѣ также и *с* вм. *ц*) и Ефремовскаго (Касинки).—Аналогія другихъ южно-великорусскихъ говоровъ, знающихъ *с* изъ *ц*, свидѣтельствуетъ о томъ, что прежніе цокальщики легче и чаще воспринимали эту особенность (срв. выше § 81).

По многимъ особенностямъ своего говора, равно какъ и по нѣкоторымъ чертамъ быта, Новосильскіе казаки напоминаютъ монастырскихъ крестьянъ Тульской губерніи, особенно Бѣлевскаго уѣзда (Манаенки). Главная разница между тѣми и другими заключается главнымъ образомъ въ бо̀льшей культурности казаковъ, чѣмъ и объясняется проще всего исчезновеніе (повидимому, неполное) у нихъ по̀неvъ безъ прошвы, а быть можетъ и отсутствіе несмягчающаго предшествующій согласный звука э. Принадлежность казаковъ къ военно-служилому сословію, хотя бы и низшаго разряда, очень просто объясняетъ намъ эту бо̀льшую культурность казаковъ по сравненію съ монастырскими. Въ качествѣ казаковъ, Новосильцы живали, вѣроятно, въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ едва ли не жили гдѣ-либо около Рязанскаго края: нѣкоторыя особенности ихъ быта напоминаютъ Рязанскую мещеру.

§ 105. Переходимъ теперь ко второй группѣ Новосильскихъ говоровъ, свѣдѣнія о которой у насъ очень скудны. Мы уже встрѣтили выше (§ 104) село Сурово, которое, будучи казеннымъ, не принадлежитъ однако къ числу казацкихъ. Такое же и с. Вяжи (2936, каз., на р. Зушѣ, въ 8 верстахъ отъ города). Быть можетъ, это однодворческое село, а быть можетъ и монастырское, подобно сосѣднему селу Глубки, которое принадлежало въ 1684-мъ году Перемышльскому, а послѣ — Московскому Донскому монастырямъ [1]). По сообщенію учителя П. Оболенскаго, здѣсь м. к: Ванькя, чайкю, помаленькю; сильное аканье: сяло, вясна; нясу, вяликъ; 3 л.: несеть, нося, ходя; на щé вмѣсто на что; ёнъ вмѣсто онъ; таé; саé; на санéхъ; каé понять вмѣсто гдѣ ѣхать. Главное же, здѣсь:

[1]) Леонидъ, Церк.-историч. опис. м-рей Калужск. епархіи, 16: Приходы и церкви Тульской епархіи, 550—1. Будде оба эти села ошибочно считаетъ барскими.

на бе́рези вмѣсто на берегу, на ве́рся вмѣсто на верху. Наблюдатель замѣчаетъ еще, что „въ разговорѣ предъ послѣднимъ слогомъ гласная буква затягивается и повышается“ [1]), что́ отмѣчаетъ также Глаголевъ въ говорѣ монастырскаго (но ошибочно называемаго имъ „казацкимъ“) села Березовецъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ всѣ черты полѣсскихъ говоровъ (срв. особенно Калужскихъ полѣховъ), вмѣстѣ съ заимствованнымъ отъ сосѣдей м. к. Не отмѣчено у Оболенскаго лишь кагоканья, быть можетъ и по неполнотѣ отвѣта; не исключена возможность, что эта черта успѣла уже исчезнуть; объ *с* изъ *ц* Оболенскій также не упоминаетъ, но эта черта для полѣсскихъ говоровъ совсѣмъ и не характерна.

У Будде (с. 29) также имѣются данныя о говорѣ села Вяжы, но село это помѣчено у него „барскимъ“, откуда мы заключаемъ, что разговаривавшая съ Будде женщина была не изъ самаго села [2]), а изъ сосѣдней деревни (дер. Измайловка и Подберезы, расположенныя рядомъ,—барскія) или же взята была замужъ изъ какого-либо другого помѣщичьяго селенія. Случаевъ м. к у Будде не встрѣтилось: бѣлинькай (2-жды); случаевъ съ *с* изъ *ц* также нѣтъ: атец; што вмѣсто что; 3 л. на -ть; сильное аканье.

Въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ 1854 г. (вып. II, с. 99 и слѣд.) описанъ говоръ с. Голунь (3053, влад., при р. Зушѣ, въ 12 в.), весьма близкій къ описанному у Оболенскаго говору с. Вяжи. Хотя с. Голунь и находилось во владѣніи кн. Голицына, но закрѣпощено было только въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в., а прежде того было казеннымъ. Здѣсь находимъ то же, чуждое Новосильскимъ казакамъ и барскимъ, переходное смягченіе задненебныхъ въ предложномъ падежѣ: при дорозѣ, на порозѣ, въ кабацѣ, на версѣ (с. 99). Другія черты: м. к: палочкя, кадочкя; лапешка, рябенокъ; што и що; 3 л.: любя, зная, видя; саѣ и таѣ (дат. пад.); написаніе „яго“ можетъ и не свидѣтельствовать о кагоканьѣ.

---

[1]) Кр. прогр. № 196.

[2]) С. Вяжи согласно называютъ „казеннымъ“ всѣ три наши источника: Списокъ насел. мѣстъ, книга Кеппена „Города и селенія Тульской губерніи“ и „Приходы и церкви Тульской епархіи“.

Естественный выводъ изъ сказаннаго: въ Новосильскомъ уѣздѣ встрѣчаются довольно чистые полѣсскіе говоры, утратившіе, повидимому, лишь кагоканье и усвоившіе отъ сосѣдей м. к, довольно частое, но далеко не вполнѣ послѣдовательное. Говоры эти принадлежатъ гл. обр. казеннымъ крестьянамъ, прошлое коихъ намъ не извѣстно. Казацкіе говоры Новосильскаго у. проще всего выводить изъ этихъ же полѣсскихъ говоровъ; но они подверглись большему видоизмѣненію (гл. обр. нивелировкѣ), что̀ такъ естественно у прежнихъ военно-служилыхъ людей, жившихъ къ тому-же въ городахъ.

Появленіе въ Новосильскомъ уѣздѣ полѣсскихъ говоровъ не удивительно; Орловско-Калужское полѣсье лежитъ отсюда недалеко. — Что касается типичной для Новосильскихъ казаковъ особенности — перехода *ц* въ *с*, то мы не склонны считать ее спеціально полѣсской. Заслуживаетъ большого вниманія та правильность, съ которой черта эта распространена въ мѣстностяхъ къ югу и частью къ юго-западу отъ Москвы: Бѣлевъ, Новосиль, Ливны и Курскіе саяны, эти главные центры данной діалектической черты, расположены почти-что на одной прямой линіи. Черта эта одинаково распространена въ говорахъ, далеко не вполнѣ одинаковыхъ. Все это заставляетъ предполагать, что тутъ шла нѣкогда волна моды, незадѣвшая много гнѣздъ барскихъ крестьянъ, такъ какъ ихъ тогда въ этихъ мѣстахъ еще не было; наиболѣе благодатную почву для себя мода эта нашла тамъ, гдѣ на счетъ звука *ц* прежде обстояло не все благополучно: было цоканье бѣлорусскаго или сѣверно-великорусскаго типа. Слѣды былого цоканья въ Новосильскомъ уѣздѣ, равно какъ и въ Бѣлевскомъ, кое-гдѣ еще сохраняются.

§ 106. „Барскій говоръ“ Новосильскаго у. Глаголевъ описываетъ, какъ нѣчто единое; но это, конечно, не точно: помѣщичьи крестьяне на всемъ великорусскомъ югѣ отличаются большою пестротою своего этнографическаго состава. Наши другіе источники подтверждаютъ эту пестроту.

Говоръ села Панькова (въ 35 в.) описанъ Сучковымъ въ отвѣтахъ на подробную программу № 77 и 247 (срв. Матер. VIII, 548 и сл.). Въ селѣ этомъ живутъ крестьяне 4-хъ помѣщиковъ; всѣ они „очень замѣтно разнятся другъ

отъ друга"; „много крестьянъ переселялось въ Паньково помѣщиками изъ другихъ мѣстностей, а многіе и сами бѣжали сюда" (с. 549). М. к распространено широко: Лушенькя, круглянькяй, осиннячкёмъ, шубочкя, и даже: батюшкю (с. 553), бабушкя (приб. № 86 и 87), милкю (№ 105). Иногда это м. к переходитъ въ т: Ваньтя, миляньтяй, что́ мы считаемъ явленіемъ сѣверно-великорусскимъ. Сѣвернымъ же вліяніемъ нужно объяснять, вѣроятно, и рѣдкіе случаи чоканья: чвѣтъ, черковь, чарь, чарица (с. 562—3) и рѣдкіе же случаи 3-го л. на -тъ (с. 554), при обычномъ окончаніи -ть или же отсутствіи окончанія. Кагоканья нѣтъ: чаво и чиво; ў; што.

Бѣдьково (2935, влад., въ 7 в., при р. Зушѣ) имѣетъ то общее въ говорѣ съ описаннымъ выше Паньковымъ, что здѣсь м. к также переходитъ иногда въ *т*: изъ Битьтёўай, мъладайтя; чаще однако же такого перехода не наблюдается: мальчишичькя, ръзбидьняжычькя, а иногда нѣтъ и смягченія: ў рѣчькахъ; 3 л. на -ть; яканье [1]).

Въ с. Корсаково (3087, влад., въ 47 в., на р. Зушѣ) отмѣченъ случай цоканья: Цернь вм. Чернь (городъ). Обычное м. к здѣсь иногда переходитъ въ *т*: тисель, но въ случаяхъ интересующаго насъ смягченнаго к такого перехода не наблюдается, что́ можетъ служить доказательствомъ сравнительно новаго появленія этой черты въ данномъ говорѣ: нянькя, Акулькя, Андрюнькя, потихохонькю и т. д.; 3 л. съ окончаніемъ -ть, а также и: читая, пиша, уча, поё; яканье: сяло, лягла, нибяса, набярёмъ, но и: рика, игненокъ, кришнёніе [2]).

Въ с. Пруды (3050, влад., въ 5 в.) говоръ, по даннымъ Будде, скорѣе казачій, чѣмъ барскій: сэрькви, т. е. с изъ ц; кагоканье: ничяho, да новаho hоду; м. *л*, на щё. М. к обычно: ночькяю, ў печькю, чютъчькю, но: катышъчьку; 3 л.: станя, пиряходя, вытря, вымъжа, откликая (с. 27—29). Здѣсь естественнѣе всего думать о вліяніи говора сосѣдей-казаковъ. Тѣ же самыя почти черты и въ говорѣ дер. Пруды.—Для дер. Тюкова (с. 29) и Козлово (с. 34) случаевъ м. к въ записяхъ проф. Будде не встрѣтилось; есть случаи перехода ц въ с.—Вяжевскую волость, равно какъ и с. Духово, Будде причислилъ къ барскимъ ошибочно.

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 76, с. 33, Будде.

[2]) Кр. прогр. № 197, учит. П. Ламакинъ.

§. 107. Главная масса монастырскихъ крестьянъ сосредоточивается, въ предѣлахъ Тульской губ., въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. Здѣсь намъ извѣстны вотчины двухъ монастырей: Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго и Перемышльскаго Шаровкина. Первому принадлежали с. Монаенки (1175, каз.), с. Кузьменки (1194, каз.) и, вѣроятно, с. Рудино (1221); первыя два села названы вотчинами Бѣлевскаго монастыря уже въ писцовой книгѣ 1630 г., относительно же послѣдняго тамъ замѣчено, что оно стоитъ „на государевой землѣ", а „все церковное строеніе монастырское" [1]). Перемышльскому же монастырю принадлежало с. Стромки (1216, каз.) съ приходскими деревнями: Рахлѣева (1217, каз.) и Мезгея (1218, каз.). И эти селенія въ писцовой книгѣ 1630 г. названы монастырскими [2]), хотя историкъ Калужской епархіи Леонидъ относитъ пожалованіе ихъ Перемышльскому монастырю лишь къ 1648 г.; до этого года онѣ будто бы были вотчиною кн. Воротынскихъ [3]).

Т. обр., монастырскихъ селъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ немного, но сёла эти очень многолюдны. Особеннымъ многолюдствомъ отличаются Манаенки и Кузьменки: въ 1859 г. здѣсь было 369 и 124 двора. Эти же сёла представляютъ наибольшій интересъ и въ этнографическомъ отношеніи: жители ихъ, среди которыхъ много старовѣровъ, отличны отъ своихъ сосѣдей во всѣхъ отношеніяхъ.

Говоръ с. Манаенокъ описанъ проф. Будде, который отмѣчаетъ здѣсь несмягчающіе предшествующія согласныя звуки *э* и *и* (рядомъ съ смягчающими), ü вм. ю, ӧ вм. е въ 3 л. ед. ч.: расьтӧть, дифтонгъ уо въ закрытомъ слогѣ: слабуо́т; *и* изъ уд. *ѣ*: си́ли, съ кимъ; аканье ближе къ Мосальскому, т. е. диссимилятивному, нежели къ Рязанскому, хотя и не тожественно съ первымъ. Въ консонантизмѣ м. к: хазяйкя, белинькяй, валькём-та, каротинькяя, дятькя, но и: ночьку, дэрэвéньскай, ва садóчьку, тарэлъчьку; *с* изъ *ц*: сэрса и т. п., и наоборотъ: рущкай вм. русскій; изрѣдка сохраненіе звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ: до*ж*; ў вм. в въ началѣ словъ; отсутствіе кагоканья: ни-

[1]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 206.

[2]) Тамъ же, с. 209.

[3]) Леонидъ. Церк.-историч. опис. упраздненныхъ монастырей Калужск. епархіи, 5.

чяўо, яво, у каб. Тотъ же говоръ, по замѣчанію Будде, и въ Кузменкахъ, гдѣ однако же несмягчающіе звуки рѣже, чѣмъ въ Манаенкахъ; за то здѣсь цоканье и присутствіе звуковъ шепелеватыхъ и картавыхъ [1]).

Мѣстный авторъ хорошаго отвѣта на кр. прогр. № 290, учит. С. Родіоновъ изъ Кузьменокъ дополняетъ сообщеніе Будде одною характерною чертою, а именно: здѣсь обычно кагоканье: чяго, у добрагаа, слѣпагаа. Вполнѣ согласно съ Будде, Родіоновъ отмѣчаетъ м. к: чайкю, пенькя, Сенькя, помаленькю; с изъ ц: отесъ, птиса, овса; и замѣчаетъ, что въ Манаенкахъ говоръ тотъ же самый. Эта наличность кагоканья лишній разъ подтверждаетъ полѣсскій характеръ здѣшнихъ говоровъ.

Если исключить шепелеватые и картавые звуки (въ Манаенкахъ ихъ, по Будде, нѣтъ), а также несмягчающіе *и* и *е*, то говоръ Бѣлевскихъ монастырскихъ крестьянъ въ главныхъ своихъ чертахъ окажется близкимъ къ говору Новосильскихъ казаковъ.—Будде особенное вниманіе обращаетъ на присутствіе въ этихъ говорахъ несмягчающихъ звуковъ *е* и *и*. Говоры съ этою чертою (они есть также въ Калужскомъ полѣсьѣ, а также кое-гдѣ въ Одоевскомъ уѣздѣ) онъ выдѣляетъ въ особую группу, въ которой видитъ „образецъ переходныхъ говоровъ отъ южно-великорусскаго къ малорусскому“ (с. 1275). По вопросу о времени образованія этихъ переходныхъ говоровъ Будде высказывается за эпоху не ранѣе татарскаго ига (с. 1276). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу той же самой черты въ говорѣ нѣкоторыхъ селеній Одоевскаго у., онъ говоритъ: „Присутствіе въ этихъ говорахъ дифтонга уо [его мы встрѣтили и въ Манаенкахъ], а также нѣкоторыя особенности, общія съ говоромъ бѣлорусскимъ, доказываютъ глубокую древность этихъ говоровъ, идущихъ отъ южновелико-бѣлорусскаго единства“ (с. 1310); и продолжаетъ: Въ древности на югѣ и юго-западѣ нынѣшней Тульской губ. „должны были, вѣроятно, группироваться говоры переходнаго типа отъ южно-русскихъ къ южновелико-бѣлорусскимъ говорамъ. Б. м., это — струя стараго Чернигово-Сѣверскаго русла“ (с. 1310). По поводу отсутствія несмягчающихъ глас-

[1]) Изв. 2-го Отдѣл., т. III, кн. 3, с. 832—869 и 18.

ныхъ въ Кромскомъ у. Будде склоненъ выводить указанное діалектическое теченіе „не непосредственно съ юга, а съ юго-запада“ (с. 1311).

Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, намъ нужна была бы помощь со стороны исторіи и этнографіи. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о прошломъ, равно какъ и о бытѣ „мананокъ“ весьма скудны.

Тотъ Бѣлевскій монастырь, вотчиной коего были Манаенки и Кузьменки, упоминается впервые въ 1557-мъ г.; основанъ онъ былъ Бѣлевскими удѣльными князьями „на посадѣ, на старомъ городищѣ“. Основатели приписали монастырю свои богатыя вотчины [1]), среди коихъ были, вѣроятно, и интересующія насъ сёла. Въ смутное время монастырь былъ разоренъ и сожженъ литовцами [1]). Мѣстность, въ которой расположенъ Бѣлевъ и интересующія насъ сёла, подвергалась опасностямъ съ двухъ сторонъ—отъ Литвы и отъ Крымцевъ. Основаніе монастыря „на старомъ городищѣ“ свидѣтельствуетъ, что гор. Бѣлевъ былъ когда-то разрушенъ. Намъ извѣстно, что татары разрушали Бѣлевъ въ первой половинѣ XVI-го в. пять разъ: въ 1507-мъ, 1512, 1530, 1536 и 1544-мъ годахъ [2]).

Что касается древнѣйшей исторіи Бѣлева, то до половины XIV-го вѣка онъ принадлежалъ вѣтви князей Черниговскихъ, а съ этого времени перешелъ къ князьямъ Одоевскимъ; въ 1407-мъ году взятъ Литвою и находился въ Литовскомъ владѣніи до 1492-го года, когда перешелъ къ Москвѣ [3]).

Можно предполагать, что во время нашествія на здѣшній край какихъ-либо враговъ значительная часть мѣстнаго населенія ушла на юго-западъ, гдѣ, живя рядомъ съ малоруссами, легко могла позаимствовать нѣкоторыя малорусскія черты говора: несмягчающія гласныя и *и* изъ *ѣ*.

Что до быта мѣстнаго населенія, то Бѣлевъ—одинъ изъ центровъ старообрядчества; много старовѣровъ и въ Монаенкахъ. Связи съ Москвою на почвѣ старообрядчества легко могли послужить однимъ изъ главныхъ путей проникновенія въ здѣшній полѣсскій говоръ м. к. Другой

[1]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 770.

[2]) Городскія поселенія Россіи, V, 280.

[3]) Приходы и церкви Тульской епархіи, 146.

путь—отхожіе сельскохозяйственные промыслы Монаенскихъ женщинъ, гл. обр. въ Тульскій уѣздъ.—По одеждѣ „мананки“ отличны отъ сосѣдей: у нихъ, повидимому, красныя поневы безъ прошвы [1]). И по физическому типу „мананки“ отличны, особенно въ отношеніи рослости.

Другія селенія Бѣлевскаго у., гдѣ еще отмѣченъ Будде говоръ съ несмягчающими гласными, тоже казенныя, а не владѣльческія; таковы: Спасская (1198, близъ Кузьменокъ) и Песковатое (1251, при р. Окѣ, въ 17 в. отъ гор.). Только Лихвищи (1129, въ 5½ в.)—владѣльческое село; но здѣсь, по Будде, лишь часть крестьянъ говоритъ такъ же, какъ въ Манаенкахъ, а у прочихъ—обычный Тульскій говоръ (с. 1278).

§ 108. Второе мѣсто по количеству монастырскихъ крестьянъ въ Тульской губ. занимаетъ уѣздъ Одоевскій, гдѣ находятся вотчины Анастасова монастыря, основаннаго около 1550 г. кн. І. М. Воротынскимъ и его супругою Анастасіею [2]). Вотчинами этого монастыря были: с. Дряплы (3297, каз.), с. Лосинское (3264, каз.), дер. Подроманово (3285, каз.) и весь теперешній приходъ с. Анастасова: дер. Ташево, Филимоново, Красенки и Подмонастырская слобода (3413—15). Но здѣсь говоръ не тотъ, который мы встрѣтили въ монастырскихъ селахъ Бѣлевскаго у. Говоръ с. Дряплы, изученный Будде, почти вполнѣ тожественъ, по его словамъ, съ говоромъ вольныхъ селъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губ., исключая лишь яканья, которое здѣсь гораздо слабѣе (ɑ. 1309).

Въ Новосильскомъ у. монастырскія села: Березовецъ и Духово (? Задушное?). Говоръ перваго Глаголевъ отожествляетъ съ мѣстнымъ казацкимъ говоромъ, также полѣсскаго типа (см. § 104), не описывая его отдѣльно; а во второмъ Будде увидѣлъ „барскихъ крестьянъ“ и въ говорѣ ихъ отмѣтилъ очень непослѣдовательное м. к, отсутствіе *с* изъ *ц*; яво; што; 3. л.: аставлéя и ўазьмѣть [3]).—Еще

[1]) Устное сообщеніе студ. Боголюбова.

[2]) Прих. и церкви Тульск. епархіи, 582—3. Иначе (1565 г.) по Звѣринскому (II, 614; срв. Рожковъ, Сельск. хоз. 344), но не вѣрно: отъ 1558 г. сохранились уже монастырскіе документы.

[3]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 76, с. 31. О томъ, что это село монастырское, см. Приходы и церкви Тульск. епархіи, 778.

здѣсь же монастырскія: с. Глубки (3028, каз., въ 15 в., на р. Зушѣ), принадлежавшее Перемышльскому Шаровкину, а послѣ (?) Донскому Московскому монастырю [1]); с. Игумново (3016) [2]), и с. Подъяковлево (3055, каз.) [3]), о говорѣ которыхъ мы ничего не знаемъ.

Въ Епифанскомъ у. Крутицкому, а потомъ Донскому монастырямъ принадлежало с. Рожествено или Монастыршина (1799, каз.), расположенное на Куликовомъ полѣ при впаденіи р. Непрядвы въ Донъ. Описаніе мѣстнаго говора, имѣющееся у насъ, слишкомъ недостаточное: яканье, хв вм. ф и у вм. въ [4]).

Въ Веневскомъ у. с. Хавки (1309) и дер. Сливки (1327) были до 1764 г. вотчинами Николаевскаго Венева монастыря [5]). Въ Алексинскомъ у.—весь приходъ с. Бунырева (753, каз., при р. Окѣ, въ 6 в. отъ гор.), принадлежавшій прежде мѣстному Бундыреву монастырю [6]).—Вѣроятно, есть и еще и монастырскіе крестьяне, но о говорѣ, равно какъ и о прошломъ ихъ у насъ свѣдѣній нѣтъ. Безспорно одно, что далеко не всѣ монастырскіе крестьяне Тульской губ. имѣютъ говоры полѣсскаго типа.

§ 109. Третій—послѣ Новосильскихъ казаковъ и Бѣлевскихъ монастырскихъ крестьянъ—любопытный діалектологическій островъ Тульской губерніи мы находимъ въ Богородицкомъ уѣздѣ. Островъ этотъ открытъ профессоромъ Будде. Въ юго-восточномъ углу Богородицкаго уѣзда, тамъ, гдѣ уѣздъ этотъ „граничитъ съ Ефремовскимъ и ближе всего подходитъ къ Данковскому уѣзду“, въ волостяхъ: Ростовской, Коломенской и частью Любимовской и Непрядевской, Будде встрѣтилъ говоръ, характеризующійся присутствіемъ элементовъ сѣверно-великорусскихъ, каковы: смычное *г*, твердое *-тъ* въ 3-мъ л. глаголовъ, звукъ *ф*. Аканье здѣсь „сильнѣе Московскаго“, но „не такое выдержанное и полное, какъ въ говорахъ Рязанской губерніи“ [7]).

1) Леонидъ, Церк.-историч. опис. упр. монастырей Калужск. еп. 16. Приходы и церкви Тульск. еп. 551.

2) Приходы и церкви Т. еп. 552 и 778.

3) Тамъ же, с. 583 и 572.

4) АГО. XLII, 36, Златоустовъ.

5) Приходы и ц. Т. еп. 238.

6) Прих. и церкви Тульск. епархіи, 65.

7) Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 3, с. 902 и 1328.

Этими фонетическими особенностями данный говоръ „рѣзко отличается отъ другихъ говоровъ Богородицкаго уѣзда". Еще, здѣсь иногда встрѣчаются стяженныя формы глаголовъ: падѣлаш, дѣргат; м. *к* переходитъ въ *т*: Багавленстіи вмѣсто Богоявленскіе (прилагательное отъ имени деревни), изъ Багавлѐнти, Фетьтя. На основаніи формъ: въ Багавленци, из Багавленци, Будде заключаетъ о существованіи здѣсь „смягченія *к* въ *ц* въ падежныхъ формахъ", но нельзя ли думать о ложномъ именительномъ падежѣ *Богоявленца?

Описанный говоръ Будде наблюдалъ въ селеніяхъ: Богоявленка (1024, каз.), с. Новгородское (991, влад.), Ситка (1020, влад.), Дуплище (1019, влад.), Пруды (деревня князя Юсупова), отчасти с. Никитское. Прошлое нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ. Такъ, „крестьяне деревни Богоявленки были переселенцами изъ Ярославской губерніи и принадлежали къ вѣдомству монастырскихъ крестьянъ. Это видно изъ того, что крестьяне этой деревни до послѣдняго времени, а нѣкоторые и теперь, говорятъ съ Ярославскимъ акцентомъ на *о* и празднуютъ, какъ храмовой праздникъ, 29-ое октября, день преподобнаго Авраамія „Ростовскаго чудотворца" [1]). Относительно села Ростова, въ приходѣ коего находится деревня Богоявленка, сообщается: „По устному преданію, село Ростово образовалось будто-бы изъ переселенныхъ сюда крестьянъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, принадлежавшихъ монастырю", вѣроятно, Спасскому, что близъ города Ростова [1]). Названіе села *Новгородское* объясняется тѣмъ, что здѣшній храмъ посвященъ памяти свв. Никиты и Іоанна Новгородскихъ чудотворцевъ, а это обстоятельство „народное преданіе объясняетъ тѣмъ, что... первые жители этого села были переселенцами изъ Новгородской губерніи и предки ихъ были крестьянами Новгородскихъ владыкъ" [2]). Наконецъ, относительно села Успенскаго (1043, влад.), лежащаго въ той же южной половинѣ уѣзда, мы доподлинно знаемъ, что одна деревня въ его приходѣ окаетъ [3]).

[1]) Приходы и церкви Тульской епархіи, 126.
[2]) Тамъ же, с. 124.
[3]) АГО. XLII, 28, В. Голубинскій.

Будде не отмѣтилъ въ данномъ говорѣ оканья: очевидно, оно уже исчезло. Во всякомъ случаѣ, сомнѣваться въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ былыми окальщиками, нѣтъ никакихъ основаній. Данныя говоровъ вполнѣ согласны съ приведенными преданіями; между прочимъ, въ Богоявленкѣ есть м. к. перешедшее въ т: тольтя вмѣсто только, хотя бы и рядомъ съ яичькя, мълачька; переходъ же обыкновеннаго палатальнаго к въ *т* очень послѣдователенъ: рýти, жыдиньтія и т. п. (с. 889 — 890); все это согласуется съ говоромъ Ростовскаго уѣзда. Напротивъ, въ говорѣ с. Новгородскаго ни той, ни другой черты не встрѣтилось: Фетька; отсутствіе ихъ было бы вполнѣ согласно съ Новгородскими говорами, въ коихъ м. к вообще нѣтъ.

Въ прочихъ селеніяхъ данной группы говоровъ м. к, если и встрѣчается, то далеко не послѣдовательно; напримѣръ въ деревнѣ Дуплище: маченька, кастричка (868 и 885). Напротивъ, въ деревнѣ Пруды: гнитучькя (названіе для поноса); въ с. Никитскомъ (952, влад., на рѣкѣ Непрядвѣ): толькя, балячькя (с. 884), но это село относится къ данной группѣ говоровъ лишь отчасти.

На основаніи формъ: Растóўцкая, Малёўцкая Будде думаетъ о существованіи здѣсь перехода *с* въ *ц* (с. 1281), но едва ли не проще думать здѣсь объ иномъ образованіи, по аналогіи: вмѣсто *Ростовецкая? или срв. Вороневцкай вмѣсто Воронежскій.

Чтобы покончить съ говорами Богородицкаго уѣзда, скажемъ, что, по сообщенію Будде, м. к слышится здѣсь лишь „частію“, подобно уѣздамъ Епифанскому и Тульскому (с. 1277). Для значительной части этого уѣзда характеренъ говоръ с. Малёвки (гдѣ встрѣчаемъ: ложичькяй, толькя, аганькёмъ) и с. Папоротковъ (1001, влад.), гдѣ: толькя, рядомъ съ тольки и двайчька (с. 854, 867 и 878 у Будде).—Въ с. Непрядевѣ (989, влад.) отмѣчено у Будде: маниньκяй, тольки (с. 856); въ деревнѣ Масальцы (999, влад.): чястенькя (с. 875); въ деревнѣ Борисовкѣ: пунька (884). — Авторъ плохого отвѣта на прогр. № 225, Богородицкій уѣздный воинскій начальникъ по интересующему насъ вопросу сообщаетъ: „почти всегда [говорятъ]: мужичкя, мо-

лочкю, церкёвный, на верхю, палочкю, бочкя, милочкя". Въ с. Исленьевѣ (1045, влад.) м. к, повидимому, нѣтъ: Ѳедька [1]).

Что касается до этнографическаго состава населенія Богородицкаго у., то онъ сравнительно очень разнообразный. Кромѣ указанныхъ уже нами переселенцевъ съ сѣвера, недавно еще окавшихъ, здѣсь мы встрѣчаемъ нѣсколько однодворческихъ селеній; таково с. Красный Осетрикъ (916), основанное выселившимися въ 1819-мъ г. изъ Богородицка пушкарями и стрѣльцами [2]), и с. Ильинка (805), съ цѣлымъ рядомъ сосѣднихъ деревень: Акимовка, Черемуховка, Дубовка и др., основанное выселенцами изъ с. Дѣдилова, нѣкогда бывшаго городомъ и сторожевымъ пунктомъ [3]). Но преобладаютъ здѣсь помѣщичьи крестьяне, изъ которыхъ особенно много принадлежащихъ гр. Бобринскому. Среди нихъ встрѣчаются выселенцы и изъ сосѣднихъ губерній: Рязанской (Малевка) и Калужской (Товарково).

Въ отношеніи женскаго костюма здѣсь преобладаютъ поневы и рогатыя кички: онѣ отмѣчены, напр., въ с. Исленьевѣ, Успенскомъ, Непрядевѣ и др. Въ с. Непрядевѣ Будде отмѣчаетъ черныя поневы съ бѣлыми клѣтками. Въ с. Малевкѣ и окружающемъ ее околоткѣ носятъ черныя онучи (с. 855—6), чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ уѣзда: эта мода занесена, вѣроятно изъ Рязанской губ.: черныя же онучи мы встрѣчаемъ и у мещеряковъ Керенскаго у. [4]).

Общій нашъ выводъ таковъ: въ Богородицкомъ уѣздѣ, вслѣдствіе ничтожнаго количества здѣсь однодворцевъ (777 д. въ 12 селеніяхъ), вслѣдствіе недавняго появленія въ краѣ и разнородности населенія, туго поддававшагося общей модѣ, старое Московское вліяніе было сравнительно очень слабымъ: этимъ объясняется преобладаніе здѣсь поневъ и сравнительная слабость м. к.

§ 110. Въ предѣлахъ Тульской губ. м. к распространено больше на западѣ, нежели на востокѣ. Говоря точнѣе: на востокѣ Тульской губ., близъ границъ Рязанской губ., мы

[1]) АГО. XLII, 16, Воронцовскій.

[2]) Приходы и церкви Тульской еп. 139.

[3]) Тамъ же, с. 104—5.

[4]) Вѣстникъ Географ. Общ-ва, ч. 27, 1859, с. 111, Масловскій.

встрѣчаемъ немало населенныхъ пунктовъ, въ говорѣ коихъ м. к нѣтъ. Это довольно странное обстоятельство объясняется тѣмъ, что востокъ Тульской губ. заселенъ гораздо позднѣе запада: здѣсь много позднихъ поселенцевъ, которыхъ первая, сильнѣйшая волна м. к не охватила. Кромѣ того, востокъ Тульской губ. удаленъ отъ большихъ рѣкъ съ ихъ промышленнымъ движеніемъ, вслѣдствіе чего сюда туже проникали новыя, модныя вѣянія; напротивъ, на западѣ протекаетъ Ока и большіе ея притоки: Упа и Зуша.

Точно также, на сѣверѣ Тульской губ. м. к теперь нѣсколько слабѣе, нежели на югѣ. Но это объясняется уже совсѣмъ иными условіями: на сѣверѣ м. к уже успѣло отчасти исчезнуть подъ новымъ Московскимъ моднымъ теченіемъ, которое м. к не знаетъ. Такой нивелировкѣ говора раньше всего и силнѣе всего подвергся Коширскій уѣздъ. На югѣ это новое теченіе сказалось гораздо слабѣе.

О говорахъ Коширскаго у. мы имѣемъ свѣдѣнія у шести разныхъ наблюдателей. Изъ нихъ только одинъ отмѣчаетъ м. к, а всѣ прочіе умалчиваютъ объ этой чертѣ.

Въ с. Григорьевскомъ (2258, с. влад. и каз., въ 11 в. отъ гор., на р. Окѣ), гдѣ „аканье еще слабо“, м. к обычно: чайкю [1]).—Если здѣсь населеніе смѣшанное, состоящее изъ крестьянъ помѣщичьихъ и казенныхъ, то всѣ прочіе наши источники говорятъ объ однихъ владѣльческихъ крестьянахъ. Однако врядъ ли здѣсь это обстоятельство имѣетъ очень большое значеніе. Близость къ культурному центру, Москвѣ, и развитіе отхожихъ промысловъ должны были давно сгладить здѣсь разницу между барскими и иными разрядами крестьянъ.

Изъ пяти прочихъ сообщеній о Коширскихъ говорахъ нѣкоторыя, вѣроятно, умалчиваютъ о м. к только по неполнотѣ своихъ отвѣтовъ; но возможно, конечно, что эта черта успѣла уже здѣсь исчезнуть. Безспорно отсутствіе м. к въ с. Богатищевѣ Епишинѣ (2600) и сосѣднихъ съ нимъ сельцахъ: Труфоновѣ, Кореньковѣ и Воскресенскомъ, говоръ коихъ описанъ учит. А. Борисовымъ; здѣсь яканье:

---

[1]) Соболевскій, Опытъ діалектологіи, 15.

сяло, вясна, тяпло; 3 л. ед. ч. трехъ типовъ: несёть, идё ѣдя и ходитъ [1]). Послѣднее свидѣтельствуетъ о нивелировкѣ говора, слѣдствіемъ чего проще всего объяснять и отсутствіе м. к.

Село Липицы (3808, влад., въ 27 в.) описалъ свящ. П. Троицкій въ 1849 году. По нему, „въ языкѣ здѣшнихъ крестьянъ немного уклоненій отъ языка, общеупотребительнаго въ другихъ классахъ общества; потому то жителей отдаленныхъ уѣздовъ губерніи, говорящихъ неправильнымъ, часто даже уродливымъ нарѣчіемъ, здѣсь называютъ *степными* [2]). Отмѣчено 3 л. ед. на -ть; *каго* вм. кого врядъ ли говоритъ о кагоканьѣ, а скорѣе только объ аканьѣ. Типъ мѣстнаго жилища чистый Московскій; костюмъ также: шубки и сарафаны; однако сохранилась память и о „распашныхъ понёвахъ", т. е. о поневахъ безъ прошвы, которыя были общеупотребительны еще въ началѣ XIX в., а въ 1849 г. „почти вовсе вышли изъ употребленія: очень рѣдко увидишь ее на какой-нибудь бережливой старухѣ" [3]).—Эти „распашныя панёвы" не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою южно-великоруссовъ, а отнюдь не сѣверно-великоруссовъ, усвоившихъ аканье.

Въ 1848-мъ году помѣщикъ с. Ожерельева (2576, влад., въ 10 в.) кн. Мещерскій, описывая свой уѣздъ, замѣчаетъ: „языкъ довольно правиленъ вслѣдствіе отхожихъ промысловъ"; отмѣчены случаи: бягу, бижалъ; видё, идё, ёдя вм. ѣдетъ; о м. к не упомянуто. Въ бытѣ: жилище Московское; на головахъ у женщинъ платки; въ праздники—юпки (шубки) на помочахъ, но въ будни „понява до колѣнъ", клѣтчатая, изъ красной и черной шерсти, съ синею холщевою прошвою [3]). Ожерельево лежитъ на востокѣ уѣзда, недалеко отъ Богатищева и Труфонова.

На югѣ уѣзда расположено с. Сытино (2502, въ 19 в.), въ приходѣ коего все владѣльческія деревни. Въ описаніи его 1849 г. указывается лишь аканье: чаво, яво, яму вм.

[1]) Кр. прогр. № 198.

[2]) Этнографич. Сборн. Географ. Общ. II, 82—86.—Въ Тулѣ слывутъ „степными" уѣзды: Ефремовскій, Новосильскій и Чернскій (А. Глаголевъ, Записки русскаго путешественника, I, 1845, с. 56).

[3]) АГО. XLII, 4.

ему и 3 л.: любить, смотря и идё, о м. к умолчано. Типъ жилища, повидимому, переходный отъ степного къ Московскому; одежда: понёвы, но платки (кички не въ употребленіи), а въ праздники—ситцевыя шупки, корсеты, китайчатые холодники [1]).

Почти то же самое и въ с. Башинѣ (2307, влад., въ 20 в.), на западѣ уѣзда, по описанію 1849 г.; 3 л.: не ходя; о м. к не упомянуто; у женщинъ клѣтчатыя понёвы, а въ праздники—шупки; типъ жилища чисто Московскій [2]).

По мнѣнію историковъ, заселеніе Коширскаго у. относится къ первой половинѣ XVI-го в., „когда населеніе не хлынуло еще сплошнымъ потокомъ въ степь“ [3]). Послѣ здѣсь были военно-служилые люди, о чемъ свидѣтельствуетъ существованіе здѣсь подгородныхъ слободъ Стрѣлецкой и Пушкарской (2448 и 2567). Однако, однодворцевъ здѣсь въ 1850-мъ г. совсѣмъ не числилось: очевидно, всѣ переведены были въ свое время на югъ.

Существованіе м. к и къ югу и къ сѣверу отъ Коширскаго у., вмѣстѣ съ отсутствіемъ здѣсь новаго населенія, исключаютъ возможность предположенія, что м. к здѣсь никогда не было; очевидно, оно или вымерло подъ новѣйшимъ культурнымъ вліяніемъ Москвы, или же распространено здѣсь гораздо шире, чѣмъ мы то знаемъ изъ указанныхъ источниковъ, страдающихъ неполнотою описанія.

Изъ Алексинскаго у. мы имѣемъ лишь два старыхъ сообщенія о мѣстныхъ говорахъ, при чемъ одно отмѣчаетъ эту черту, а другое умалчиваетъ о ней. Въ с. Богучаровѣ (668, влад., при рч. Крушмѣ, въ 12 в.), лежащемъ немного южнѣе середины уѣзда, м. к: кочкя, кочкю, хотя 3. ед. ч. на -тъ: любитъ и т. п.; иканье: чисы, иво, изыкъ; у вм. въ; хв вм. ф. У женщинъ понёвы, но кичекъ нѣтъ [4]). Словомъ, населеніе здѣсь одного типа съ коширянами.

Другой наблюдатель, учитель Алексинскаго уѣзднаго училища Я. Яковлевъ въ 1851-мъ г. прислалъ въ Географ. Общество спеціальную статью „Особенности языка кре-

[1]) АГО. XLII, 21, Н. Преображенскій.
[2]) АГО. XLII, 20, Ив. Успенскій.
[3]) Рожковъ, Сельское хоз. Моск. Р. 342—3.
[4]) АГО. XLII, 7, свящ. Любомудровъ 1849 г.

стьянъ Алексинскаго у." [1]); но описаніе его очень неполное: 3 л. на -ть, ф вм. начальнаго хв, любовалси и только; о м. к умалчиваетъ, б. м., конечно, и по неполнотѣ описанія, а скорѣе—по отсутствію этой черты въ городѣ, который видимо былъ автору лучше извѣстенъ.

§ 111. По Будде, м к въ Тульскомъ уѣздѣ распространено лишь „частью" (с. 1277). Но въ какихъ селеніяхъ этого уѣзда, кромѣ гор. Тулы, былъ Будде, мы не знаемъ. У другихъ авторовъ находимъ свѣдѣнія о распространеніи этой черты въ рядѣ селеній.

Прежде всего, въ гор. Тулѣ м. к широко распространено въ говорѣ т. наз. „казюковъ" (собственно: казенныхъ)—оружейниковъ, жительствующихъ гл. обр. въ Чулковой слободѣ. Вл. Соколовъ въ своей полу-беллетристической статьѣ изъ быта этихъ казюковъ „Голубятники" [2]) отмѣчаетъ, м. пр., мѣстное произношеніе: по пятачкю (с. 510), на копѣйкю (514). Другія немногія данныя у него же: цволы вм. стволы; вдарится; членъ: ротъ-то, добра-то (510, 514—15).

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ лицѣ этихъ „казюковъ" мы имѣемъ особый разрядъ южно-великорусскаго населенія, съ коимъ доселѣ еще не встрѣчались. Это—казенные оружейники. Правда, и этотъ разрядъ отличается отъ прочихъ лишь сословно, а не по своему составу или происхожденію; но и выдѣленіе извѣстной группы въ особое сословіе (тѣмъ болѣе—древнее выдѣленіе) представляетъ собою факторъ, который не можетъ пройти безъ вниманія этнографъ и діалектологъ. „Многочисленному нынѣ сословію Тульскихъ оружейниковъ положено начало еще при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, который 30 самопальныхъ кузнецовъ, по просьбѣ ихъ, приказалъ поселить на казенной оброчной землѣ, уволивъ ихъ почти отъ всѣхъ повинностей и податей" [3]). Среди нихъ немало старовѣровъ, что́ свидѣтельствуетъ о старыхъ связяхъ ихъ съ Москвою.

Вполнѣ согласны съ цитованнымъ выше разсказомъ Вл. Соколова данныя свящ. Вл. Благовѣщенскаго. У туляковъ-оружейниковъ онъ указываетъ: дявчоночка,

[1]) АГО. XLII, 37.

[2]) Современникъ, 1863, т. 98, сентябрь.

[3]) Списокъ насел. мѣстъ Тульск. губ. по свѣд. 1859 г. Спб. 1862. с. XI.

Олинькя и т. п. [1]); у туляковъ-мѣщанъ, не-оружейниковъ: розачкяй, душачкя, алинькяи (с. 31). Тотъ же наблюдатель, въ той же статьѣ, а также въ отвѣтѣ на полную программу № 174, описываетъ еще и говоры селеній Тульскаго у.: Протопово (36, въ 5 в.), Байдино (117, въ 41 в.), Романово (260, въ 18 в.), Зарытово и др. Изъ этихъ селеній только Романово—казенное, вѣроятно однодворческое, а прочія—владѣльческія. Говоръ, по словамъ наблюдателя, тамъ и здѣсь одинаковъ. М. к „всегда и неизмѣнно": бочкёмъ, бочкю (прогр. № 174), пятачкёвый (Р. Ф. В. X, 26).— Въ с. Байдики (68, влад., въ 14 в.) встрѣтилось: головочкю [2]). Въ с. Слободка (21, влад.): толькя [3]).

Нѣтъ м. к въ с. Боровково (135, влад., въ 27 в.) [3]), относительно коего мы знаемъ, что окрестныя и приходскія деревни его, Барсуки и Выселки, составились изъ позднѣйшихъ переселенцевъ, переведенныхъ сюда помѣщикомъ изъ разныхъ губерній послѣ 1780 г. [4]).

Не отмѣчено м. к въ с. Богучаровѣ (19, влад.): толька [5]), и въ с. Татевѣ (362, влад., въ 10 в.), гдѣ: чаво, табе и клѣтчатыя поневы съ синею прошвою [6]); въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно думать также и о простой неполнотѣ отвѣта; типъ жилища здѣсь уже степной, южно-великорусскій.

Главный періодъ заселенія Тульскаго уѣзда падаетъ на конецъ XVI-го столѣтія [7]); Тула была въ это время однимъ изъ центральныхъ пунктовъ пограничной службы. Конечно, большая часть здѣшнихъ военно-служилыхъ людей переведена была потомъ на югъ; однако въ уѣздѣ теперь 43 казенныхъ селенія и 28 смѣшанныхъ [8]).

§ 112. Немногія, имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о говорахъ Веневскаго у., позволяютъ сдѣлать такое обобщеніе: въ однодворческихъ селеніяхъ м. к распространено,

---

[1]) Р. Ф. В., т. X, с. 29.

[2]) Шейнъ, Великоруссъ въ пѣсняхъ и т. д., 218, № 827.

[3]) Соболевскій, Опытъ діалектологіи, 16.

[4]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 671.

[5]) А. Соболевскій, Опытъ діалектологіи, 16.

[6]) АГО. XLII, 12, рукопись 1849 г.

[7]) Рождественскій, Служилое землевладѣніе, 351, со ссылкою на Писцовыя книги, изд. Географ. Общ. II, 1260

[8]) Списокъ насел. мѣстъ по свѣд. 1859 г.

въ барскихъ же оно неизвѣстно; и еще: нѣкогда эта черта здѣсь была модною, почему ее усвоили мѣщане и купцы.

М. к отмѣчено въ рядѣ расположенныхъ на юго-востокѣ уѣзда, на р. Пронѣ, казенныхъ слободъ, образовавшихся изъ бывшаго гор. Гремячева, Городъ этотъ упоминается въ разрядныхъ спискахъ 1615 г. среди городовъ Рязанскихъ [1]). Имена слободъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь живутъ потомки военно-служилыхъ людей низшаго разряда, вполнѣ аналогичные Новосильскимъ казакомъ. Мы имѣемъ старое сообщеніе о говорѣ с. Гремячева, стоящаго на мѣстѣ бывшаго города того же имени, и слободъ: Пушкарской [2]), Новоприборной, Староказачей, Стрѣлецкой (1291—93) и Бѣломѣстной (1404); здѣсь м. к: бочка, печка; слѣды вымирающаго кагоканья: „ничаго, никаго или никаво"; 3 л.: идѣть, несѣть; яканье: звязда, зямля, сяло, яму вм. ему; цволъ вм. стволъ [3]).

Еще м. к отмѣчено, въ 1849-мъ году, въ с. Ивано-Озеро (1326), населенномъ купцами и мѣщанами и находящемся на крайнемъ юго-западѣ уѣзда, на Епифанской границѣ. Здѣсь: бочка, бочкю; яканье: сядло, бяда; 3 л: стучить и дѣлая; што вм. что; черепать вм. черпать. У женщинъ сохранились клѣтчатыя красныя понёвы [4]); точно такъ же, какъ сохранились онѣ, только уже рядомъ съ сарафанами, и въ слободахъ гор. Гремячева (срв. Новосильскихъ казаковъ, принадлежность коихъ къ военно-служилому сословію также не помѣшала сохраненію у нихъ понёвъ).

Нѣтъ м. к въ владѣльческомъ с. Урусовѣ (1356, въ 15 в.

[1]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 243.

[2]) Этихъ двухъ селеній въ „Спискѣ насел. мѣстъ" нѣтъ, но см. о нихъ въ „Прих. и церкви", с. 241 и 245.

[3]) АГО. XLII, 2, свящ. Глаголевъ. Рукопись эта, какъ и дальнѣйшая, № 22, стала мнѣ извѣстною только въ концѣ 1912 г.; прежде мнѣ были извѣстны въ Веневскомъ у. только говоры безъ м. к; но на основаніи чисто теоретическихъ соображеній въ своей первоначальной рукописи настоящаго параграфа я писалъ: „Несмотря на полное отсутствіе нужныхъ свѣдѣній, на юго-востокѣ уѣзда необходимо предполагать говоры съ м. к: о томъ говоритъ присутствіе здѣсь ряда казенныхъ слободъ, образовавшихся изъ бывшаго гор. Гремячева".—Привожу этотъ мелкій случай, какъ одно изъ лишнихъ доказательствъ справедливости моей основной гипотезы о той важной роли, какую играло въ распространеніи м. к военно-служилое сословіе.

[4]) АГО. XLII, 22, свящ. Миловидовъ.

отъ гор. по Епифанскому тракту) съ сосѣдними деревнями: Талызино, Выселки и Гремячево. Наблюдатель, свящ. Благовѣщенскій [1]) отмѣчаетъ здѣсь борьбу двухъ говоровъ, окающаго и акающаго, съ преобладаніемъ, повидимому, перваго. „Какъ многіе разсказываютъ, крестьяне составляютъ выселенцевъ изъ какой-то окающей губерніи". Съ этимъ согласно общее сохраненіе здѣсь безъударныхъ *о* и *е*, съ переходомъ иногда предъударнаго е въ ё: бёда, Олёксѣй, сохраненіе звука ф и отсутствіе у изъ в. Иной говоръ сказывается въ формахъ 3-го л.: бьёть, пойдёть; въ случаяхъ: посо́дять, пло́тишь; на нее́, у нее́ (не ё).—Изъ исторіи села мы знаемъ, что здѣсь было древнее населеніе: во второй половинѣ XVI-го в. тутъ былъ поселокъ, который запустѣлъ, и въ качествѣ „пустоши" перешелъ во владѣніе кн. Урусова [2]).—Переселенцы съ сѣвера встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ помѣщичьихъ селеніяхъ Веневскаго у.; такъ, въ с. Прудищи (въ 12 в. отъ гор.) „есть крестьяне, предки которыхъ выселены, во время крѣпостного права, изъ Суздальскаго уѣзда" [3]).

Въ с. Серебряные Пруды (1472, влад.) отмѣчено въ 1849 г. що вм. что; 3 л.: несёть, несё и смотря [4]); другихъ данныхъ нѣтъ. Но это село было прежде городомъ, и м. к въ немъ легко можетъ оказаться; мѣстная женская одежда: клѣтчатыя чернобѣлыя поневы.

Въ описаніи говора барскихъ крестьянъ сельца Васильевскаго (1426, въ 36 в.) о м. к не упомянуто [5]).—Въ пѣснѣ, записанной Н. Н. Дурново въ неизвѣстной мѣстности Веневскаго у., м. к нѣтъ: ночинька, жылейку, баладайку и т. п. [6]).

Относительно этнографическаго состава населенія Веневскаго у. можно еще упомянуть, что въ прошломъ, судя по писцовой Веневской книгѣ 1663—64 гг., здѣсь было много „полонныхъ" дворовыхъ и задворныхъ [7]); это былъ, вѣроятно, западно-русскій или даже польскій элементъ,

[1]) Прогр. № 102.
[2]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 260.
[3]) Тамъ же, с. 272.
[4]) АГО. XLII, 13, свящ. Музалевскій.
[5]) Тр. М. Діал. Ком. I, 86.
[6]) Тамъ же, с. 93—94.
[7]) Е. Щепкина, Тульскій уѣздъ, 23, прим. 45.

который легко могъ раствориться въ общей массѣ населенія, но могъ и оставить послѣ себя какіе-либо слѣды.—Что до мѣстныхъ костюмовъ, то позднѣйшія извѣстія, подтверждая широкое распространеніе здѣсь поневъ чернаго цвѣта, свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о быстромъ вытѣсненіи прежнихъ поневъ—сарафанами и прежнихъ рогатыхъ кичекъ—повойниками [1]).

§ 113. Мы уже говорили объ Одоевскихъ однодворцахъ, рѣзко противополагающихъ себя своимъ барскимъ сосѣдямъ (§ 100), а также и о монастырскихъ крестьянахъ Одоевскаго у. (§ 108). Остаются еще барскіе, которые и составляютъ здѣсь главную массу населенія.—Отличаясь по быту, барскіе и однодворцы Одоевскаго у. не различаются по своему говору. Это можно заключать изъ данныхъ Будде, у котораго находимъ свѣдѣнія о говорахъ селъ: 1) монастырскихъ (Дряплы и Анастасово), 2) однодворческихъ (Левинское) и 3) барскихъ (Сомово, Павловское). М. к одинаково у всѣхъ; у монастырскихъ въ Анастасовѣ: дочькю, личькѣ, заинькя (с. 1312 и 1314), въ Дряплахъ: пенькю, сколькя и т. п. (1309). У однодворцевъ (?) въ с. Левинскомъ (3408, на р. Упѣ): яблачькю, -кя и т. п. (с. 1306 и др.), но и синьку (1304). Въ дер. Дороганкѣ (3389), гдѣ смѣсь казенныхъ и барскихъ: рѣчькя и т. п.; тинули вм. кинули (1311). Новыя данныя мы имѣемъ о жителяхъ гор. Одоева (нѣкогда бывшихъ, конечно, однодворцами): Ванечькя, тятенькя; у вм. въ; яво, вясной [2]).

У барскихъ с. Сомова (3333): платочькям, ўремичькя (с. 1318—19), с. Павловскаго (3894): ў бѣлинькям и т. п. (1311—12); с. Никольскаго: харошинькяй, -кю [3]).

Вообще, какъ о томъ замѣчаетъ и Будде, здѣшній говоръ однообразенъ. Но свѣдѣнія наши относятся почти исключительно къ срединной полосѣ уѣзда, тянущейся около р. Упы отъ Одоева до Крапивны, чѣмъ легко и можетъ объясняться это однообразіе.—Но и здѣсь замѣтны слѣды иныхъ вліяній, западныхъ, объясняющіеся, вѣроятно, сосѣдствомъ Калужскаго полѣсья. Въ дер. Какурино (3343, влад.? или 3867, каз.?) встрѣчается твердое р: дирэвни,

[1]) В. Миллеръ, Систематич. опис. колл. Дашк. Музея, III, 88.
[2]) АГО. XLII. 14, Ѳаворскій 1849 г.
[3]) Тр. Моск. Діал. Ком. I, 90.

грыбы, рядомъ съ м. к: краличькя, при многихъ случаяхъ на -чка безъ смягченія. Въ Богдановкѣ (3334, влад.) встрѣтился случай: поѣжжа́льня, что́ проще всего выводить изъ предполагаемаго *поѣзжаньне, т. е. видѣть здѣсь долгую согласную на бѣлорусскій ладъ.

Позднѣйшіе авторы отмѣчаютъ отсутствіе м. к въ мѣщанскомъ говорѣ гор. Одоева; у Будде встрѣтилось: Карало́ва (1312); не знаетъ этой черты и И. Краснопѣвцевъ, коротко описавшій говоръ гор. Одоева въ 1896-мъ году [1]).

§ 114. Крапивенскій уѣздъ проф. Будде причисляетъ къ числу тѣхъ уѣздовъ Тульской губ., гдѣ м. к—общее явленіе. Данныхъ изъ этого уѣзда въ матеріалахъ Будде, сравнительно, много, но всѣ онѣ почти относятся къ сѣверной половинѣ уѣзда.

Единственное селеніе этого уѣзда, гдѣ м. к, повидимому, нѣтъ,—подгородная слобода Казачья (2714, каз., на р. Пшавѣ); здѣсь встрѣтилось у Будде: синька (с. 1293). Здѣсь говоръ вообще нѣсколько особенный, а именно: несмягчающія гласныя; дэръвя́нныхъ, твердое р: бураю (с. 1293), дифтонгъ уо (являющійся, впрочемъ, простымъ сохраненіемъ старины): хуодимъ; и все это—при отсутствіи кагоканья: чяво́; прежде здѣсь носили поневы, но давно уже оставили.

Въ с. Драгуны (2638?) тѣ же особенности: несмягчающее *е*, дифтонгъ уо, чиво, што, но рядомъ м. к: сударынькя (с. 1295). Въ Московской слободѣ (2702, подгородная), при несмягчающихъ *е* и *и*, случаевъ съ м. к не встрѣтилось, есть лишь: пастари́ньску (с. 1294); есть случай шепелеватости (?): по́с(ш)ли вм. послѣ (с. 1295).

Несмягчающія гласныя и дифтонгъ уо встрѣчаются также и въ помѣщичьихъ селеніяхъ. Въ дер. Даниловкѣ (2760, влад., въ 7 в.): дэньги, схуо́диш (с. 1297); относительно первой черты Будде замѣчаетъ, что она рѣдка: „исчезаетъ подъ вліяніемъ помѣщичьихъ переселеній“ (с. 1281).—Въ помѣщичьихъ же селеніяхъ—и только въ нихъ однихъ—отмѣчены Будде и два случая долгихъ гласныхъ: ноччю (дер. Ма́лынка: 2759, въ 13 в. отъ гор.) и о́се(і)нню (Заха-

[1]) Краснопѣвцевъ, Очерки гор. Одоева. Тула, 1896, с. 60.

ровка: 2695, въ 16 в.). Въ послѣдней м. к: сколькя и т. п. (с. 872), случаевъ на которое въ Малынкѣ не встрѣтилось.

Наконецъ, случай кагоканья, вообще здѣсь отсутствующаго, встрѣтился въ селѣ Пришня (2693, влад. и каз., въ 9 в.): аднаγо (с. 1290), въ пѣснѣ; въ живой рѣчи здѣсь же: у каό. Случаевъ съ м. к въ этомъ селѣ не встрѣтилось; есть: ѐлачька, скольки (1290).

Другихъ своеобразностей въ Крапивенскихъ говорахъ Будде не отмѣчаетъ (исключая, правда, неслогового ŭ, о которомъ мы умолчимъ). Въ прочихъ селеніяхъ говоръ—обычный для Тульской губерніи. Изъ нихъ казенныя селенія съ м. к въ говорѣ: Жилая слобода (2702, подгородная): дѣўачькя (с. 1294); Пушкарская слобода (2777, въ 1 в.): толькя; Московскіе выселки (2729, въ 15 в., близъ с. Пришни): курачькю и т. п. (с. 1293).—Сюда же можно отнести и гор. Крапивну, гдѣ въ 1850-хъ годахъ отмѣчено: немножичкя молочкя у кушинчикю [1]).

Барскія селенія съ м. к: Архангельское (2758, въ 12 в.): вы падўшычькю и т. п. (с. 1301); въ пѣснѣ здѣсь: щё, а въ разговорѣ: што; дер. Орлова (2769, подгородняя): рѣчькю и т. п. (с. 1283—85); дер. Ясенки (2772, на сѣверѣ у.): душычькя (с. 1287); крестьянка этой деревни противополагаетъ мѣстную одежду *степной*: „Серьги съ подвѣсками въ степяхъ носятъ, а у насъ нѣтъ“ (с. 1287). Въ дер. Кучиной словъ на м. к не встрѣтилось (с. 1297).

Кромѣ статьи Будде, мы имѣемъ еще для Крапивенскаго у. сообщенія свящ. Благовѣщенскаго, относящіяся къ селеніямъ: Долгое (2873), Бородино (2874), Панино (2824), Головлино (2871?) [2]). Все это селенія владѣльческія. М. к отмѣчено въ нихъ какъ общая черта: бочкёмъ, брось-кя (прогр. № 85), рыначкямъ, галубочкямъ (АГО, с. 203), калясачкя, пташачкя, салавьюшкя (послѣднее въ с. Бородинѣ). Еще здѣсь отмѣчено кагоканье: каго, чаго (прогр. № 85).

Напомнимъ, что Крапивенскій уѣздъ въ старину носилъ имя Соловскаго, по р. и гор. Соловѣ; здѣсь были сторожевыя укрѣпленія, а значитъ и военно-служилое сословіе. Въ 1850 г. здѣсь было около 2-хъ тс. однодворцевъ въ 38-и селеніяхъ.

---

[1]) АГО. XLII, 29, Знаменскій.

[2]) Прогр. № 85; Р. Ф. В., т. 3, 1880 г., № 4, и т. X; АГО. XLII, 52.

§ 115. Проф. Будде, говоря о распространеніи м. к въ предѣлахъ Тульской губ., замѣчаетъ, что въ Епифанскомъ уѣздѣ черта эта извѣстна лишь „частью“ (с. 1277). Но мы не можемъ назвать съ точностью ни одного селенія этого уѣзда, гдѣ эта черта была бы отмѣчена. Изъ селеній Епифанскаго у., посѣщенныхъ Будде, онъ называетъ только два: дер. Урванка (1600, влад.) и с. Ивановское (селъ съ этимъ именемъ въ данномъ у. 5, всѣ владѣльческія). Въ имѣющихся у Будде примѣрахъ для говора этихъ селъ случаевъ на м. к не встрѣтилось (с. 1279); въ Урванкѣ отмѣчено кагоканье.

Другіе наблюдатели изъ Епифанскаго у. говорятъ намъ объ отсутствіи м. к, а иногда умалчиваютъ объ этой чертѣ по неизвѣстнымъ причинамъ. В. Мокѣевъ [1]) изъ с. Бобрики (1595) сообщаетъ объ отсутствіи м. к въ говорѣ этого помѣщичьяго села, равно какъ и сосѣднихъ деревень: Пучки, Моисѣевка, Лѣшки, Задонъ, Дубовое, Петровка и Михайловка (1610, 1612—15, 1628). Здѣсь нѣтъ также и перехода *е* въ *у*; аканье: нясу и нису, слиза и сляза, свитой и светой.

Недалеко отъ с. Бобрики находилось прежде с. Георгіевское (около ст. Бобрикъ, въ 20 в. отъ Епифани). Въ 1841-мъ году прихожане этого села были переведены, волею владѣльца ихъ гр. Бобринскаго, въ Белебеевскій уѣздъ Уфимской губ. [2]), гдѣ живутъ и теперь въ приходѣ с. Верхне-Троицкаго, Кидаша тожъ. Живя здѣсь отдѣльными большими деревнями, они сохранили свой прежній костюмъ (только теперь мѣняютъ свои поневы на сарафаны) и свой говоръ, за который и получили отъ сосѣдей кличку „надызовъ“ (отъ сл. нады́сь „намедни“). Въ говорѣ ихъ м. к нѣтъ: тятька. Другія черты: чиво и чяво, яво, къ яму; 3 л.: играя, почитая [3]).

Авторъ отвѣта на полную прогр. № 114 описываетъ говоръ с. Красные Буйцы (1710, влад.). М. к здѣсь „вовсе не встрѣчается“. Часто: ти́слый и т. п. „Произношеніе ц твердое, съ наклономъ къ с: сапля, сарь“. Рядомъ съ каво, яво—кыго; аканье: вясна, гняздо, нясу и нису, нивѣста

[1]) Кр. прогр. № 140.

[2]) Приходы и церкви Тульской епархіи, 329.

[3]) Устное сообщеніе свящ. М. В. Бурдукова 1905 г.

и нявѣста. — Свящ. В. Златоустовъ[1]) въ 1851-мъ г. коротко описалъ говоръ монастырскаго села Рожествена (1799), при чемъ о м. к умалчиваетъ.

Орловъ въ отвѣтѣ на подробную прогр. № 265 отмѣчаетъ для Епифанскаго у., „по сообщенію мальчика", случаи: Ваньке вм. Ванька, Кольке, т. е. звательные падежи, аналогичные формѣ: Боже; о наличности м. к они съ необходимостью не свидѣтельствуютъ.

Слабое распространеніе въ Епифанскомъ уѣздѣ интересующей насъ черты весьма поучительно для насъ. Оно убѣждаетъ въ томъ, что южновеликоруссамъ, какъ таковымъ, или вятичамъ м. к вообще не свойственно; если же м. к и распространилось широко въ южновеликорусскихъ говорахъ, то распространилось подъ вліяніемъ особыхъ причинъ. Такихъ причинъ въ Епифанскомъ у. не было. — Въ чемъ же особенности Епифанской колонизаціи?—Здѣсь весьма мало однодворцевъ: въ 1850 г. ихъ всего было 868 чел., разсѣянныхъ въ 14-ти селеніяхъ. Теперь здѣсь только 12 казенныхъ селеній, а прочія — бывшія барскія. Жившіе здѣсь нѣкогда военно-служилые люди,—б. ч. коихъ послѣ переведена на югъ,—были совсѣмъ не аристократическаго происхожденія: въ 1586 году въ Епифанской десятнѣ 300 казаковъ были поверстаны въ дѣти боярскіе[2])—фактъ, наглядно свидѣтельствующій о томъ, какъ великъ былъ здѣсь недостатокъ въ высшемъ сословіи и разрядѣ военно-служилыхъ людей.

Ново-приборные дѣти боярскіе, вчера еще бывшіе рядовыми казаками, не могли, конечно, имѣть большого авторитета среди окружающаго населенія. Если даже сами они и усваивали съ грѣхомъ пополамъ тогдашнюю Московскую культуру, въ томъ числѣ и модный тогда въ Москвѣ говоръ съ м. к,—то привить эту моду своимъ сосѣдямъ они были не въ состояніи: въ глазахъ крестьянъ они были плохимъ образцомъ для подражанія.—Приливъ новыхъ переселенцевъ парализовалъ и то слабое вліяніе, которое имѣли эти свѣжеиспеченные дѣти боярскіе. Заселеніе Епифанскаго у. продолжалось вплоть до самаго недавняго прошлаго; этому имѣется живой свидѣтель въ существованіи здѣсь ряда

[1]) АГО. XLII, 36.

[2]) Сторожевъ, Десятни, № 4, с. 92.

островковъ, которые не успѣли еще утратить своего сѣвернаго о к а н ь я. Такъ, относительно с. Березовки (1748, въ 18 в., при р. Непрядвѣ) „среди народа до сихъ поръ твердо держится преданіе, что одинъ изъ Ляпуновыхъ переселилъ сюда своихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ Тверской губ. Это подтверждается отчасти тѣмъ, что крестьяне с. Березовки до сихъ поръ удержали окающее нарѣчіе“ [1]). Приходъ с. Черемухова (1826, влад., въ 18 в., почти на Рязанской границѣ) „составился изъ переселенцевъ, вышедшихъ изъ Ярославской губ. Это подтверждается преобладаніемъ окающаго нарѣчія мѣстныхъ жителей“ [2]). Приходъ с. Орловки-Троицкаго (1828, влад.), состоящій изъ Екатериновки и Озерковъ (1660 и 1662, влад.), составился изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ Владимірской губ. [3]), что подтверждается и мѣстнымъ промысломъ—каменщичество.

Конечно, нѣкоторые изъ этихъ переселенцевъ приносили съ собою м. к съ сѣвера (какъ это случилось кое-гдѣ въ сосѣднемъ Богородицкомъ у.); особенно это нужно предполагать для тѣхъ переселенцевъ, которые отправлялись въ Епифанскій уѣздъ „на дикое поле“ около 1685 г. изъ Коломенскаго у. [4]), — если только, разумѣется, эти коломенцы не спустились потомъ далѣе на югъ. Но это случалось, конечно, далеко не со всѣми. Да и въ такихъ даже случаяхъ разноплеменность жителей мѣшала ихъ діалектическому и всякому иному культурному объединенію.

§ 116. Ефремовскій уѣздъ слываетъ „степнымъ“. Въ немъ весьма много однодворцевъ: свыше 16 тыс. въ 102 селеніяхъ. Все это заставляетъ предполагать сравнительно широкое распространеніе здѣсь м. к. Но и здѣсь отчасти тѣ же условія, что и въ сосѣднемъ Епифанскомъ уѣздѣ: обиліе позднихъ переселенцевъ и отсутствіе судоходныхъ рѣкъ, по коимъ легче всего распространяются всякія новыя вѣянія.

М. к отмѣчено здѣсь, уже въ 1849-мъ году, въ приходѣ села Хмѣлевого (2089 каз., въ 8 в.), населенномъ однодворцами и барскими: кочкя, дочкя, ягодкя, янькя; 3 л.: ѣдя;

[1]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 287.
[2]) Тамъ же, с. 311.
[3]) Тамъ же, с. 306.
[4]) Готье, Замосковный край, 281.

у однодворокъ здѣсь „крашеныя шерстяныя юбки и ситцевые растеган“ [1]). Въ „части Ефремовскаго уѣзда, сопредѣльной Богородицкому“, отмѣтилъ м. к, также въ 1849-мъ году, свящ. с. Никольскаго: рѣдькя, ручкю; 3 л.: везё, смотря, а „болѣе совершеные въ языкѣ“ говорятъ: везёть, смотрить [2]). Преобладаютъ здѣсь, повидимому, помѣщичьи крестьяне.

Больше свѣдѣній о м. к въ Ефремовскомъ у. мы не имѣемъ. Краткія описанія говоровъ однодворческаго с. Воскресенскаго (1895, въ 37 в.) [3]) и гор. Ефремова съ сосѣдними казенными слободами [4]), описанія, относящіяся къ тому же 1849 г., о м. к умалчиваютъ; возможно, что только по своей неполнотѣ.—Присутствіе въ Ефремовскомъ у. говоровъ безъ м. к внѣ сомнѣнія. Авторъ отвѣта на прогр. № 173, свящ. Вл. Благовѣщенскій сообщаетъ о говорахъ ряда владѣльческихъ селеній, каковы: с. Куркино (2179), Клешня, Козловка, Андреевка (2194—5, 2177, 2188), Сергіевское, Марьино (2226—7), Силино и Писарево (2226—7), Лучки (2181), гдѣ м. к нѣтъ; иканье: нису, типло, виснѣ, плисать и т. п. Проф. Будде посѣтилъ въ этомъ уѣздѣ два пункта: с. Павловъ Хуторъ (2059, влад.) и дер. Моховую (2062? влад. и каз.); въ послѣдней отмѣчено: маченька (с. 1279). Въ числѣ уѣздовъ Тульской губ., въ которыхъ м. к есть вообще или частью, Ефремовскій уѣздъ Будде не называетъ; вѣроятно, въ названныхъ двухъ пунктахъ этой черты нѣтъ.

Ефремовскій уѣздъ заселенъ сравнительно поздно; первыя укрѣпленія на р. Красивой Мечѣ относятся къ 1622 г. [5]), а до существованія этихъ укрѣпленій жизнь здѣсь едва ли была возможна. Здѣсь немало позднѣйшихъ переселенцевъ, которые легко могли быть незатронуты волной м. к; напр., на югѣ уѣзда, въ приходѣ с. Лобанова (1848, влад.) населились около 1783 г. изъ губ. Ярославской, Казанской и Саратовской [6]).—Среди однодворцевъ здѣсь есть выселенцы изъ Мценскаго и Болховскаго уѣздовъ Орловской губ. [7]).

[1]) АГО. XLII, 25 и 35, А. Лавровъ.

[2]) АГО. XLII, 26, Н. Гастевъ.

[3]) АГО. XLII, 27, свящ. Куркинскій.

[4]) АГО. XLII, 15, Пятницкій и Флеровъ.

[5]) Городскія поселенія, V, 288.

[6]) Труды Комиссіи по изслѣд. куст. промышл. Россіи, IX, 1883, отд. 4, с. 249—252.

[7]) Приходы и церкви Тульск. епархіи, 390—2.

§ 117. Проф. Будде былъ и въ Чернскомъ у., въ с. Хитровѣ (3604, влад., въ 10 в.), но о м. к въ этомъ уѣздѣ ничего не сообщаетъ (с. 1277). Свѣдѣнія о говорѣ этого уѣзда мы заимствуемъ гл. обр. изъ старыхъ статей штатнаго смотрителя Чернскихъ уѣздныхъ училищъ А. Зеленецкаго, который описываетъ говоръ уѣзда вообще, не упоминая объ отдѣльныхъ селеніяхъ; но весьма вѣроятно, что Зеленецкій имѣлъ въ виду прежде всего и больше всего подгородныхъ крестьянъ. Въ статьѣ „Чернскій уѣздъ“ [1] 1850 г. находимъ только одинъ случай м. к въ словарѣ: внучкя; но послѣ, въ спеціальной статьѣ „О языкѣ и говорѣ простаго народа въ Чернскомъ уѣздѣ“ [2], Зеленецкій приводитъ рядъ случаевъ съ м. к: кучкя, сѣчкя, ночкю, капейкя; яканье: бялы́ снягá ва лясахъ, чаво, чаму, яво; що и што; 3 л.: лаить и ѣдя, паганяя.—Замѣчательно, что въ первой своей статьѣ, 1849 года [3], описывая гор. Чернь и Чернскій уѣздъ, Зеленецкій о м. к въ мѣстномъ говорѣ умалчиваетъ: здѣсь лишнее доказательство того, что умолчаніе старыхъ авторовъ о м. к еще не всегда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи этой черты въ данномъ говорѣ.

Свящ. Розановъ коротко описалъ въ 1849 г. говоръ казеннаго, вѣр. однодворческаго, села Бортное (3588, въ 3 в. отъ гор.), гдѣ м. к: дочкя, чайкю; случаи: бувь вм. былъ, пріѣхавь вм. пріѣхалъ и соби вм. себѣ [4] говорятъ. вѣроятно, о примѣси малороссовъ и заставляютъ насъ вспомнить о тѣхъ 130-и семьяхъ черкасъ, которыя были поселены въ Черни въ 1639-мъ году [5].

Имѣются еще свѣдѣнія о говорѣ дер. Даргомыжки, гдѣ м. к не отмѣчено, яканье и слѣды чоканья (?): чипленокъ [6], но разыскать этой деревни въ Чернскомъ уѣздѣ я не могъ.

Зеленецкій описываетъ также и одежду Чернскаго у.: въ имѣніи помѣщика Минина (№ 3864?) клѣтчатыя поневы и кички съ сороками; напротивъ, стариннымъ костюмомъ

---

[1] Тульск. Г. В. 1850, № 4, с. 14.

[2] Тамъ же, 1854, № 1—2; статья эта вошла, какъ часть, въ рукопись того же автора „Городъ Чернь и его уѣздъ“: АГО. XLII, 46.

[3] АГО. XLII, 17.

[4] АГО. XLII, 11.

[5] Миклашевскій, Къ ист. хозяйств. быта, 167.

[6] Труды М. Діал. Ком. I, 90 и 95.

горожанокъ, брошеннымъ „лѣтъ 50 тому назадъ", т. е. въ самомъ началѣ XIX в., были красныя или малиновыя юбки, епанечки и кокошники. Т. е., здѣсь мы встрѣчаемся съ обычною разницею одежды однодворческой и барской. Напомнимъ, что гор. Чернь, основанный около 1575 г., стоялъ на Бѣлгородской сторожевой линіи укрѣпленій [1]). Ту же самую разницу между одеждою однодворцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ мы встрѣчаемъ и въ с. Чичѣрино-Покровскомъ (3681). Въ с. Гладкое и около его поневы чернаго цвѣта.

О говорѣ монастырскихъ крестьянъ Бѣлевскаго у. у насъ рѣчь была выше (§ 107). Но кромѣ монастырскихъ селеній здѣсь еще не менѣе 20-ти казенныхъ селеній [2]), часть коихъ заселена однодворцами: въ 1850-мъ г. однодворцы жили здѣсь въ 9-ти селеніяхъ [3]). Говоръ ихъ остается намъ неизвѣстнымъ. Проф. Будде посѣтилъ лишь, кромѣ монастырскихъ, помѣщичьи селенія: перечисленныя у него на с. 1279-й 12 селеній всѣ помѣщичьи. Судя по замѣчанію Будде (с. 1277), м. к здѣсь общая черта; но другія данныя свидѣтельствуютъ о ея непослѣдовательности. Такъ, въ Лихвищахъ, рядомъ съ жылейкю, квяточькя и т. п., находимъ и жылейка, на дубочьку (с. 1321 и 854); въ с. Зайцевѣ (1145) только: пунька (с. 884); въ Ивановкѣ и Варвариномъ только: вѣстачьку (с. 1325).

Т. обр., повидимому, и въ Бѣлевскомъ уѣздѣ м. к не составляетъ общаго явленія.

О Богородицкомъ уѣздѣ у насъ была рѣчь выше (§ 109). О Новосильскомъ у. см. также выше § 104—106.

IX. Рязанская губернія.

118: Общій очеркъ.—119: Географическое дѣленіе губерніи и исторія Мещерской стороны.—120: Исторія и составъ населенія Рязанской степи.—121: Различіе въ говорѣ казенныхъ и барскихъ крестьянъ Рязанской губ.—122: Отличіе въ одеждѣ казенныхъ и барскихъ. Жилище

[1]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1902, кн. 1: Древнія разрядныя книги, изданныя Милюковымъ; Городскія поселенія, V, 301.

[2]) Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣд. 1859 г.

[3]) Матер. для статистики Россіи, собир. по вѣд. Мин. Гос. Имущ. I, 115.

Рязанской губ.—123: М. к въ Рязанскихъ говорахъ.—124: Егорьевскій у.—125: Данковскій и Раненбургскій уу.—126: Сапожковскій у.—127. Скопинскій и Пронскій уу.—128: Рязанскій и Зарайскій уу. Заключеніе о м. к въ Рязанскихъ говорахъ.

§ 118. Прошлое Рязанскаго края представляетъ нѣкоторыя весьма важныя отличія по сравненію съ прошлымъ другимъ южновеликорусскихъ губерній. Во время запустѣнія юга Рязанскому населенію не приходилось бѣжать на западъ, чтобы потомъ возвратиться оттуда съ разными западными вліяніями и вмѣстѣ съ своими новыми западными сосѣдями-туземцами. У Рязанцевъ было свое полѣсье, защищенное отъ южныхъ кочевниковъ лѣсами и вмѣстѣ рѣкой Окой. Во время опасностей отъ Крымцевъ и Ногаевъ Рязанцамъ естественнѣе всего было спасаться за р. Оку, въ такъ называемую „Мещерскую сторону", что́ въ дѣйствительности и происходило. Потому же и послѣ минованія опасности, когда степь очистилась отъ враговъ, Рязанская украйна должна была заселиться легко и скоро своими же Рязанцами: возвратиться на старыя пепелища изъ-за р. Оки было гораздо проще и легче, нежели изъ западныхъ полѣсій.

Сказаннымъ объясняется сравнительное однообразіе населенія въ Рязанской степи и отсутствіе здѣсь западныхъ вліяній. Хотя въ Рязанской степи мы сталкиваемся съ тѣмъ же самымъ военно-служилымъ сословіемъ, что и въ прочихъ южновеликорусскихъ губерніяхъ, но здѣсь составъ его не отличался обычною пестротою: на кличъ о наборѣ военно-служилыхъ доброхотовъ быстро собирались свои же Рязанцы, коимъ, естественно, хотѣлось возвратиться на родныя пепелища. То есть, здѣсь составъ военно-служилыхъ людей былъ не только однообразнымъ, но вмѣстѣ и своимъ, туземнымъ, Рязанскимъ же. Это послѣднее обстоятельство предрѣшало, въ свою очередь, сравнительно слабую зависимость Рязанскаго военно-служилаго сословія отъ культурныхъ вліяній Москвы: во всѣ прочія южновеликорусскія губерніи военно-служилые люди высшаго разряда направлялись почти исключительно изъ Москвы — непосредственно или чрезъ посредство ближайшихъ подмосковныхъ губерній,—причемъ они конечно, несли съ собою сильное Московское вліяніе.

Все сказанное относится только къ населенію Рязанской степи, расположенной къ югу отъ Оки и занимающей не менѣе двухъ третей нынѣшней Рязанской губерніи. Сѣверъ же Рязанской губерніи, полѣсье Рязанское, отличается отъ прочихъ южновеликорусскихъ губерній еще болѣе: расположенный не на окраинѣ, а почти въ центрѣ государства, онъ жилъ мирною жизнью, которую нельзя сравнить не только съ бурнымъ прошлымъ всей южновеликорусской степи, но даже и съ полу-спокойнымъ житьемъ Калужскаго и Орловскаго полѣсій. Кромѣ того, здѣсь были на лицо совсѣмъ иныя условія, съ коими мы пока еще нигдѣ не сталкивались: Рязанское полѣсье съ глубокой древности было населено инородческимъ племенемъ Мещерой, по имени которой и доселѣ слыветъ въ народѣ „Мещерской стороной", а нѣсколько позднѣе здѣсь явились Касимовскіе татары.

Громадная историко-этнографическая разница между населеніемъ Рязанскаго полѣсья и Рязанской степи нѣсколько сглаживается лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что Рязанскіе степняки нѣкогда во множествѣ нахлынули въ свое полѣсье и оставили здѣсь послѣ себя весьма сильный культурный слѣдъ, а частью и сами остались тамъ навсегда.

§ 119. Въ географическомъ отношеніи Рязанская губернія дѣлится на три части: 1) Сѣверъ губерніи или такъ называемая Мещерская сторона—болотистая и лѣсная мѣстность, съ боровою и частью песчаною неплодородною почвою, которая заставила мѣстныхъ жителей обратиться къ промысламъ, гл. обр. лѣснымъ [1]). Это уѣзды: Егорьевскій, Касимовскій, Спасскій и частью Рязанскій. Южная граница этой части проходитъ по р. Окѣ.—Къ югу отъ р. Оки лежитъ земледѣльческій край, который въ свою очередь дѣлится,—хотя далеко не такъ рѣзко,—на двѣ части: 2) степная, южная часть, включающая уѣзды Данковскій, Раненбургскій, Скопинскій, Ряжскій и Сапожковскій, и 3) черноземная лѣсная область—въ уѣздахъ Михайловскомъ, Пронскомъ, Зарайскомъ и половинѣ Рязанскаго. Здѣсь границы

1) Срв. П. Н. Соколовъ: Записки Лебедянск. Общ. Сельск. Хоз. 1854, ч. 2, с. 35; Матеріалы для сельскохоз. статистики Россіи, издав. И. В. Экон. Общ., I, Спб. 1853, с. 105; Пам. Кн. Рязанск. г. на 1868 г., с. 119.

идутъ по рр. Окѣ и по низовьямъ Прони [1]); уѣзды Михайловскій, Зарайскій, Пронскій и югъ Рязанскаго мѣстные авторы выдѣляютъ подъ именемъ „Рязанской стороны“ [2]); изъ Пронскаго уѣзда необходимо исключить лишь небольшую лѣвобережную часть, которая относится къ полѣсью [3]).

Почвенно-географическія условія уже сами по себѣ сильно вліяютъ на бытъ жителей (мы уже говорили о промыслахъ на неплодородномъ сѣверѣ губерніи), равно какъ и на историческій ходъ заселенія края. Въ данномъ же случаѣ съ географическимъ дѣленіемъ края совпало еще и дѣленіе историко-этнографическое.

Прежде другихъ былъ заселенъ русскими черноземно-лѣсной край, гдѣ лежитъ и древній центръ края, Переяславль Рязанскій (теперь село Старая Рязань). До прихода русскихъ здѣсь жила Мещера, но русскіе оттѣснили ее въ неплодородный и болотисто-лѣсной край за Окой, и этотъ край получилъ съ тѣхъ поръ спеціальное названіе „Мещеры“ или „Мещерской стороны“. Въ этотъ послѣдній край русскіе проникли гораздо позднѣе, и притомъ—не только съ юга, но и съ сѣвера. Рязанцевъ, конечно, не могъ прельщать этотъ болотистый и неплодородный край, когда у нихъ рядомъ были черноземная степь. Если Пензенская Мещера впервые русскому языку научилась отъ южанъ, а не отъ сѣверно-великоруссовъ, то произошло это не въ нынѣшней „Мещерской сторонѣ“. И впослѣдствіи, въ XVI—XVII-мъ вѣкахъ, мы видимъ, что Касимовскій уѣздъ, какъ и вся Мещерская сторона, тяготѣетъ не къ Рязани, а къ Владиміру: здѣсь находятся станы и волости не Рязанскаго у., а Владимірскаго [4]). Если даже предположить, что сѣверное вліяніе было здѣсь прежде слабымъ, то оно должно было усилиться въ это время административнаго единства съ Владимірскимъ краемъ.

Во всякомъ случаѣ, наличность въ говорѣ Мещерскихъ уѣздовъ сѣверно-великорусскихъ чертъ нисколько не уди-

1) См. тамъ же, а также Списокъ насел. мѣстъ, с. VI; срв. Записки Лебедянск. Общ. Сельск. Хоз. 1855, II, с. 2.

2) Пам. Кн. на 1868 г., с. 53.

3) Селивановъ, Годъ русск. земледѣльца (Русская Бесѣда, 1856, II, смѣсь).

4) См. Готье, Замосковн. край, 557—559: Тумская волость, Мичевская, Гуская, вол. Муромское сельцо и др.

вительна; черты же эти, напр.: стяженныя формы глаголовъ: дѣлатъ, читатъ, отмѣченныя, кромѣ Будде, еще свящ. Процеровымъ въ с. Дмитріевѣ Касимовскаго у. [1]), стяженныя же формы типа маво, широкое распространеніе здѣсь твердаго -тъ въ 3 л. ед. ч. и др.

Когда южно-Рязанская степь оказалась опасною для житья вслѣдствіе Ногайскихъ и Крымскихъ набѣговъ, тогда Рязанцы принуждены были массами переправляться за Оку—въ негостепріимный, но за то безопасный, Мещерскій край. Здѣсь причина сильнаго южновеликорусскаго вліянія въ мѣстныхъ говорахъ.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ также и военно-служилое сословіе. Въ половинѣ XIX-го в. здѣсь было около 2-хъ тыс. однодворцевъ, раскиданныхъ по 81 селенію; почти всѣ эти однодворцы владѣли землею на четвертномъ правѣ [2]), откуда съ безспорностью явствуетъ, что это не были позднѣйшіе переселенцы изъ другихъ мѣстъ.

На основаніи сказаннаго, въ говорѣ жителей Мещерской стороны можно заранѣе предполагать три разныхъ вліянія: 1) обрусѣвшей мещеры, 2) рязанцевъ-акальщиковъ и 3) сѣверно-великоруссовъ окальщиковъ. Неяснымъ остается, не было ли здѣсь еще четвертаго вліянія — западныхъ полоняниковъ и выходцевъ (бѣлоруссовъ), присутствіе коихъ необходимо предполагать въ сосѣднихъ лѣсныхъ краяхъ— Владимірскомъ (Гороховецъ) и Нижегородскомъ (Лукояновъ-Ардатовъ). Не исключена возможность, что шепелеватость Мещерскихъ говоровъ находится въ связи съ этими западными элементами.

Что касается м. к, то эту черту сюда могли принести только рязанцы-акальщики, которые еще раньше передали эту черту той части Мещеры, которая выселилась потомъ въ Пензенскую губернію. Вполнѣ согласно съ нашими предшествующими разсужденіями, м. к, равно какъ и аканье въ Мещерской сторонѣ гораздо слабѣе, нежели въ Рязанской степи.

Будде говоритъ объ „однообразіи“ сѣверно-Рязанскихъ говоровъ, усматривая въ этомъ однообразіи одно изъ доказательствъ ихъ старины. Но Будде посѣтилъ въ Спас-

[1]) Изв. Географ. Общ. XI, 1875, отд. 2, с. 361.

[2]) Матеріалы для статистики Россіи по вѣд. Гос. Имущ. I, 114.

скомъ уѣздѣ только 8 селеній, въ Егорьевскомъ же уѣздѣ совсѣмъ не былъ, какъ не былъ и на р. Прѣ, такъ что могъ говорить объ однообразіи только предположительно. И въ изученной имъ области, напр., шепелявость и дзеканье распространены гораздо менѣе, нежели цоканье; замѣчательно, что другіе наблюдатели изъ Касимовскаго у.: Я. Соколовъ изъ Свинчуса, Жидковъ изъ Куземкина, Клычковъ изъ Колесниковской вол., Н. Ушаковъ изъ Тимохина Погостинской вол. *) и Процеровъ изъ Дмитріева, отмѣчая мѣстное цоканье, ничего не говорятъ о дзеканьѣ и шепелявыхъ звукахъ.

§ 120. Рязань, какъ извѣстно, была колоніею Черниговскихъ князей. Въ XII — XIII-мъ вѣкахъ мѣстные историки отмѣчаютъ здѣсь „малонаселенность края, который мѣстами представлялъ совершенную дичь и глушь“ [1]). Передъ Куликовскою битвой Рязанское княжество еще 4 раза было разграблено и опустошено татарами [2]).

Подъ 1444-мъ годомъ въ лѣтописяхъ впервые упоминаются „Рязанскіе казаки“, которые участвуютъ въ битвѣ съ царевичемъ Мустафою [3]). Безспорно почти, что это были военно-служилые люди передовой украинской стражи [4]); но національность ихъ неизвѣстна: скорѣе это были татары, чѣмъ русскіе. Рязанскимъ же казакамъ раздана была въ 1591-мъ году, въ количествѣ 750 четей, „Рязанская Борисоглѣбская земля“, т. е. бывшее владѣніе архіепископа Рязанскаго и Муромскаго Митрофана [5]); это уже были, повидимому, русскіе казаки.

Хотя Рязанскій край находился на Ногайской сторонѣ Дона, гдѣ татарскіе набѣги въ XVI-мъ в. были не часты (затруднены лѣсами на Цнѣ?), — но все же и здѣсь требовались сторожевыя линіи и укрѣпленные пункты. Рязань и Касимовъ стояли на первой, Окской сторожевой линіи, на которой были также Коломна и Каширa; Михайловъ и

*) Матер. VIII, 331.

1) Иловайскій, Исторія Рязанск. княжества, 106.

2) Тамъ же, с. 170.

3) Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс., изд. 3, т. 5, с. 452; срв. Бѣляевъ, О сторож. службѣ, 3.

4) Срв. Иловайскій, тамъ же.

5) Рождественскій, Служилое землевладѣніе, 268—9.

Пронскъ стояли на одной сторожевой линіи съ Тулой и Епифанью; Данковъ и Ряскъ—съ Орломъ и Новосилемъ [1]).

Разница лишь въ томъ, что „возстановленіе земледѣльческой культуры и колонизація дикой степи шли въ Рязанской окраинѣ (въ XVI-мъ в.) *быстрѣе*, чѣмъ въ другихъ заоцкихъ областяхъ“ [2]). „Служилымъ людямъ, испомѣщеннымъ въ Рязанской области, приходилось проявлять такую же колонизаторскую дѣятельность, какъ и въ украинныхъ городахъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ „во второй половинѣ XVI в. помѣстное землевладѣніе распространялось въ Рязанской области *отчасти* (курсивъ нашъ) уже на той же почвѣ, какъ и въ центральной полосѣ государства — на почвѣ землевладѣнія вотчиннаго. Такъ, въ Пронскомъ уѣздѣ, по писцовымъ книгамъ 1596 — 98 гг., рядъ помѣстій возникъ на вотчинныхъ земляхъ“ [3]).

Современный составъ населенія Рязанской губ. вполнѣ согласуется съ такою исторіею края. Процентъ крѣпостныхъ крестьянъ въ этой губерніи сравнительно очень высокъ: 56½% въ 1859 г. [4]), т. е. гораздо выше, чѣмъ въ степныхъ губерніяхъ, уступая только Тулѣ (68, 94%) и Калугѣ (61, 80%). Сюда не вошли крѣпостные, принадлежавшіе однодворцамъ, но такихъ было крайне мало: 49 ч. об. п. (с. 46).—Общее число однодворцевъ въ губерніи 46.527 (въ 1850 г.).

Наименьшее число крѣпостныхъ, свидѣтельствующее о наибольшемъ числѣ однодворцевъ, мы встрѣчаемъ въ чисто степномъ уѣздѣ Скопинскомъ (33,9 тс. д. об. п.); наибольшее число крѣпостныхъ — въ сѣверныхъ уѣздахъ: въ Касимовскомъ 91.130 д. и въ Рязанскомъ 91.713 д. Въ прочихъ уѣздахъ число крѣпостныхъ колеблется между 55,3 тс. (Данковскій у.) и 75 тс. (Егорьевскій) [5]).

Число однодворцевъ въ Скопинскомъ у. 1850 г. простиралось до 4.577, т. е. гораздо менѣе, чѣмъ можно было

[1]) Бѣляевъ, О сторожевой и т. д. службѣ (см. карту).

[2]) Рождественскій, Служилое землевладѣніе, 355.

[3]) Тамъ же, с. 355.

[4]) А. Тройницкій, Крѣпостное насел. 49. Кромѣ того, было отпущено на волю до 1857 г. включительно 14 тыс. крѣпостныхъ (А. Повалишинъ, Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Рязань, 1903, с. 2).

[5]) Тройницкій, Крѣпостное насел. 36.

бы предполагать; это объясняется тѣмъ, что здѣсь большая часть однодворцевъ перечислена была въ коннозаводческіе крестьяне. Съ наибольшимъ числомъ однодворцевъ мы сталкиваемся въ Раненбургскомъ у.: 14.643 въ 52 селеніяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ у. Данковскій: 9.806 въ 30 селеніяхъ, Ряжскій: 8.418 въ 52 селеніяхъ, Сапожковскій: 6.944 въ 18 сел., и Скопинскій. Касимовскіе однодворцы, не многочисленные по числу душъ (1.922), жили въ 81 селеніи, что объясняется, вѣроятно, малолюдностью здѣшнихъ селеній, вслѣдствіе обилія водъ; на югѣ губерніи, въ бѣдной водами степи, селенія гораздо крупнѣе [1]). Меньше всего однодворцевъ въ Михайловскомъ у.: 217 въ 3 селеніяхъ. Въ Егорьевскомъ же у. ихъ совсѣмъ не было [2]). Въ уѣздахъ Пронскомъ, Михайловскомъ и Скопинскомъ однодворцы б. ч. перечислены въ коннозаводскихъ крестьянъ. Въ Пронскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ были въ свое время помѣстныя гнѣзда служилыхъ людей, правда изъ татаръ [3]).

Монастырскихъ крестьянъ въ предѣлахъ Рязанской губ. крайне мало. Такъ, въ Ряжскомъ у., ихъ всего 6 дворовъ (=12 ревизиск. душъ) [4]). Больше ихъ въ уѣздахъ Рязанскомъ и Михайловскомъ; восточная часть этого послѣдняго, по лѣвую сторону р. Прони, и донынѣ извѣстна подъ именемъ „Богословщины", такъ какъ здѣсь лежатъ владѣнія бывшаго Богословскаго монастыря [5]).

§ 121. Изслѣдователь Рязанскихъ говоровъ, проф. Е. Ѳ. Будде устанавливаетъ здѣсь два главныхъ говора: 1) одинъ принадлежитъ „вольнымъ", т. е. государственнымъ, крестьянамъ; 2) другой — бывшимъ барскимъ. Среди первыхъ Будде не различаетъ однодворцевъ и не-однодворцевъ. Выводы Будде построены гл. обр. на изученіи Скопинскихъ говоровъ, гдѣ много коннозаводческихъ крестьянъ; возможно даже, что именно эти послѣдніе дали Будде главный матеріалъ для его заключеній. Но коннозаводче-

[1]) Списокъ насел. мѣстъ Ряз. губ., с. XV.

[2]) Матер. для статистики Россіи по вѣд. Мин. Гос. Им. I, 115. Тутъ не помѣчены однодворцы также и для Рязанскаго, Пронскаго и Зарайск. уѣздовъ. Но въ Рязанскомъ они есть; нѣтъ только четвертныхъ земель (Сборн. статистич. свѣд. по Ряз. губ. I, 92 и 47).

[3]) Рождественскій, Служилое землевлад. 236.

[4]) А. В. Еропкинъ, Ряжскій уѣздъ. Рязань. 1898, с. 7.

[5]) Д. Рихтеръ, Географическ. словарь Россіи, s. v.

скіе крестьяне вообще близки къ однодворцамъ: многіе изъ нихъ прежде были однодворцами.

Общій взглядъ Будде тотъ, что вольные менѣе культурны, больше сохранили старину, чѣмъ барскіе. „Многія черты древности русскаго говора сохранились именно въ *вольныхъ* селахъ и деревняхъ Рязанской губ., такъ какъ послѣднія были всегда отдѣлены и естественными и культурными условіями отъ процесса литературнаго развитія языка“ [1]).

Послѣднее замѣчаніе не примѣнимо къ общей массѣ южновеликорусскихъ однодворцевъ. которые находились въ довольно тѣсномъ общеніи съ Москвой, съ Московскими дѣтьми боярскими. Но къ Рязанскимъ однодворцамъ оно примѣнимо въ большой степени: здѣшніе однодворцы съ Москвой сношеній почти не имѣли (см. § 118, 21), что особенно сильно сказалось на ихъ костюмѣ.

„Разнообразіе въ говорахъ рядомъ лежащихъ деревень или селъ,—пишетъ Будде,—обусловливается и, такъ сказать, историческимъ прошлымъ даннаго села или деревни: если село или деревня принадлежала когда-то помѣщику, и крестьяне были *барскими*, то они говорятъ совершенно иначе (все равно, и бабы и мужчины), чѣмъ крестьяне *вольные*, никогда не принадлежавшіе помѣщику, а бывшіе государственными. Въ селахъ и деревняхъ послѣдняго рода нарѣчіе нерѣдко въ высшей степени типичное и интересное... Ими то преимущественно мы (т. е. Будде) руководились при своихъ выводахъ о Рязанскомъ нарѣчіи и его особенностяхъ.—Замѣчательно, что сами бабы и мужчины изъ села барскаго сознаютъ свою особую рѣчь и смѣются надъ говоромъ крестьянъ вольныхъ селъ, называя ихъ: *щокалки* (що, щё=что), цокалки и цупари“ [2]).

Послѣднее замѣчаніе, о „цокалкахъ“, можетъ повести къ невѣрному заключенію, будто Рязанскіе однодворцы цокаютъ. Цоканье въ предѣлахъ Рязанской губ. извѣстно только въ сѣверныхъ уѣздахъ, расположенныхъ на Мещерской сторонѣ. Въ немъ можно видѣть наслѣдство древней Мещеры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, б. м., и слѣды сѣверно-великорусскихъ насельниковъ и бѣлоруссовъ-по-

[1]) Р. Ф. В., т. 27, с. 266.
[2]) Р. Ф. В., т. 27, с. 171.

лоняниковъ. Цóки и цупари, какъ общее произвище для всѣхъ жителей Мещерской стороны, отмѣчено тѣмъ же Будде, равно какъ и другими авторами [1]). Цокальщики встрѣчаются кое-гдѣ и въ Сапожковскомъ уѣздѣ: это, конечно, остатки той же Мещеры на ея пути изъ Рязанскаго края въ Пензенскій.

Отличія въ говорѣ вольныхъ селъ отъ говора барскихъ, по Будде, слѣдующія: 1) въ вольныхъ селахъ кагоканье: чаho, яho, каho, маho; у барскихъ же: чаво, маво, яво; 2) въ вольныхъ селахъ окончаніе 3 л. ед. ч. глаголовъ звучитъ съ *е*, а не съ *ё*: ведéть; 3) государственные крестьяне говорятъ вм. что—що, щё, за что барскіе зовутъ ихъ: щóкалки; барскіе говорятъ: што; 4) *каё* въ значеніи „куда, гдѣ", каёщя „пока" отмѣчено лишь въ вольныхъ селахъ.

Двѣ послѣднихъ, лексическихъ, особенности говора Рязанскихъ вольныхъ селъ интересны гл. обр. тѣмъ, что онѣ же считаются, въ народѣ, особенно характерными и для говора Воронежскихъ однодворцевъ (§ 27).

§ 122. Отличаясь говоромъ, вольные и барскіе крестьяне Рязанской губ. различаются также и по своему костюму. Будде пишетъ: „По костюму крестьянки можно навѣрное сказать, принадлежитъ ли она къ вольному или къ барскому селу... Въ нѣкоторыхъ селахъ (преимущественно барскихъ) носятъ сарафаны,... въ другихъ (преимущественно вольныхъ)—понёвы, рожки или кичку, шушпанъ [2]).

Здѣсь мы сталкиваемся, т. обр., съ правиломъ, совершенно противуположнымъ установленному нами выше (§ 21 и 62): бывшіе однодворцы носятъ не прежній дворянскій костюмъ, а крестьянскій. Хотя установленное Будде правило имѣетъ немало исключеній, но въ общемъ оно вѣрно, особенно для государственныхъ крестьянъ вообще. Почему не всѣ однодворки носятъ старый дворянскій (или, что тоже, старый Московскій) костюмъ—сарафаны ,кокошники и душегрѣйки—и почему Рязанскія однодворки пользуются этимъ костюмомъ меньше прочихъ,—причины этого мы уже знаемъ: несмотря на близость Рязани къ Москвѣ, Ря-

[1]) Жив. Стар. 1898, с. 226, Диттель; Р. Ф. В., т. 27. с. 171 и 250; т. 28, с. 68.

[2]) Р. Ф. В. 1892, № 2, с. 175.

занскіе военно-служилые люди меньше прочихъ имѣли связей съ Москвою, такъ какъ у нихъ своего народу было вполнѣ достаточно, и надобности въ Московскихъ дѣтяхъ боярскихъ не чувствовалось; находясь дома, среди своихъ, Рязанскіе однодворцы, естественно, сохранили старыя мѣстныя, крестьянскія традиціи (срв. § 21).

Больше недоумѣнія вызываетъ вторая половина правила Будде: будто барскія крестьянки носятъ преимущественно сарафаны, т. е. нарядъ Московскій. Какимъ образомъ этотъ послѣдній проникъ сюда?—Конечно, помѣщики и ихъ свита, особенно дворовые, легко перенимавшіе господскій костюмъ и нерѣдко получавшіе его съ господскаго плеча, много способствовали распространенію среди крестьянъ Московскаго костюма. Нѣкоторые помѣщики дѣйствовали при этомъ и силою своей власти. Мы имѣемъ, напр., такое свидѣтельство Пронскаго помѣщика А. В. Головнина, отъ 1848 г., о женскихъ кичкахъ Рязанской губ.: „Въ послѣднее время этому народному убору не посчастливилось понравиться нѣкоторымъ господамъ, имѣющимъ претензіи на очищенный вкусъ, и они запретили употреблять его въ своихъ имѣніяхъ; такъ напр., въ одномъ селѣ, гдѣ живутъ вмѣстѣ и крестьяне вѣдомства государственныхъ имуществъ и крестьяне помѣщичьи, жены первыхъ ходятъ въ кичкахъ, а послѣднихъ—въ платкахъ“ [1]).—Но эти и подобныя имъ причины были общими повсюду, а между тѣмъ въ другихъ южновеликорусскихъ губерніяхъ мы встрѣчаемъ иную картину. Какъ это объяснить?

Уже изъ приведеннаго свидѣтельства Головнина видно, что въ то время, въ половинѣ XIX-го вѣка, обычнымъ уборомъ помѣщичьихъ крестьянокъ была кичка (сопутствующая обычно поневѣ), такъ что помѣщики должны были бороться съ нею. Равнымъ образомъ, и другія свидѣтельства старыхъ авторовъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Московскій костюмъ распространился среди помѣщичьихъ крестьянокъ Рязанской губ. въ недавнее сравнительно время. Въ рукописяхъ 1850-хъ годовъ, хранящихся въ архивѣ Географ. Общ., имѣются описанія четырехъ помѣщичьихъ селеній Рязанской губ., и во всѣхъ

1) Географич. Изв., 1848, с. 153.

ихъ отмѣчены поневы и рогатыя кички [1]). Только въ селѣ Красномъ Пронскаго у., рядомъ съ будничными поневами, отмѣчены праздничныя юбки; да еще въ с. Кончаковѣ Зарайскаго у. поневы и рогатыя кички отмѣчены какъ старый костюмъ, успѣвшій уже замѣниться ситцевыми сарафанами.

Позднѣе, въ матеріалахъ, вошедшихъ въ „Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Музея" В. Ѳ. Миллера, поневы и кички опять отмѣчены въ рядѣ помѣщичьихъ селеній: въ с. Остроуховѣ, Михайловскаго у., житель коего дѣлаетъ при этомъ такое замѣчаніе: понёвы и кички сохраняются на юго-востокѣ уѣзда, а на сѣверо-западѣ—новый, „подмосковный" костюмъ [2]). Очевидно, мода на подмосковный костюмъ, т. е. на сарафаны, здѣсь—дѣло недавняго прошлаго и распространяется она, повидимому, съ географическою правильностью. Въ Сапожковскомъ у. поневы и рогатые головные уборы отмѣчены у помѣщичьихъ крестьянокъ Дегтяноборковской волости [3]). Съ рядомъ такихъ же исключеній изъ правила Будде на счетъ костюма барскихъ крестьянъ мы сталкиваемся и въ Касимовскомъ и другихъ Мещерскихъ уѣздахъ, но они находятся въ особыхъ условіяхъ, и о нихъ мы не распространяемся.

Такимъ образомъ, есть всѣ основанія полагать, что распространеніе Московскаго костюма у помѣщичьихъ крестьянъ Рязанской губ.—дѣло самаго недавняго времени; оно вполнѣ аналогично распространенію того же костюма въ подмосковныхъ уѣздахъ Тульской и Калужской губ., и нарушать нашего общаго правила не можетъ.

Приведемъ еще нѣкоторыя данныя на счетъ Рязанскаго однодворческаго костюма. Онѣ даютъ намъ рядъ исключеній изъ второй половины правила Будде. Въ казенной Архангельской волости Пронскаго у. мы видимъ сарафаны и шубки [4]). То же самое въ казенномъ с. Любичи Зарайскаго у. [5]). Въ казенной Новосильской волости Рязанскаго у. теперь на головахъ только платки, хотя лѣтъ 20 тому на-

[1]) АГО. XXXIII, 6, 11, 19 и 23.
[2]) Систем. опис. колл. III, 84.
[3]) Тамъ же, с. 84.
[4]) Тамъ же, с. 81.
[5]) Календарь Рязанск. губ. на 1887 г., с. 94, В. Селивановъ.

задъ еще носили кички [1]). Барановичъ замѣчаетъ, что „въ степной сторонѣ кичка уже выводится“ [2]), а „степная сторона“ населена гл. обр. однодворцами.

Рязанскіе народные костюмы представляютъ для насъ большой интересъ, какъ доказательство того, что старое Московское вліяніе въ Рязани было крайне слабымъ. Значитъ, и въ мѣстномъ говорѣ мы не имѣемъ права предполагать особенно сильнаго вліянія Москвы, что̀ предполагали въ другихъ южно-великорусскихъ губерніяхъ.

Въ отношеніи къ жилищу Рязанская губ. замѣчательна широкимъ распространеніемъ въ ней сѣверно-великорусскаго типа. Въ Мещерской сторонѣ типъ этотъ, повидимому, господствуетъ. По Барановичу, „на сѣверѣ губерніи избы высокія, съ подполицей“ [3]). Для с. Кидусова Спасскаго у. мы имѣемъ описаніе 1854 г. [4]): по нему, подъ избою здѣсь подполъ для пчелъ, а подъ горницею — подклѣть, служащая вмѣсто погреба. Такой же точно сѣверно-великорусскій типъ жилища описываетъ и Селивановъ, какъ общій для всего Зарайскаго уѣзда [5]). Въ Рязанскомъ или Михайловскомъ уѣздѣ отмѣченъ входъ въ избу „черезъ дворъ и темныя сѣни“ [6]), т. е. опять таки жилище сѣверно-великорусскаго типа.

Относительно жилища степной половины Рязанской губ. мы знаемъ весьма мало. Однодворческій типъ, съ положеніемъ святого угла у входной двери встрѣчается, но повидимому не часто. Такъ, онъ засвидѣтельствованъ въ Рыковой слободѣ Рязанскаго у. [7]); но въ подгородныхъ селеніяхъ около Рязани, равно какъ и въ с. Кузминскѣ Рязанскаго у., этотъ уголъ на обычномъ мѣстѣ [8]).

Широкое распространеніе въ Рязанской губ. сѣверно-великорусскаго типа жилищъ весьма знаменательно. Мы не

---

[1]) В. Миллеръ, Систем. опис. колл. III, 75.

[2]) Матер. для географіи и статистики, 395.

[3]) Барановичъ, Матер. для геогр. и статистики, 400.

[4]) АГО. XXXIII, 22, Кротковъ.

[5]) Календарь Рязанск. губ. на 1887 г., 70—71; данныя 1850-хъ годовъ.

[6]) Тр. Комиссіи по изслѣд. куст. промышл. VII, 1147.

[7]) АГО. XXXIII, 24, Н. Ловцевъ.

[8]) АГО. XXXIII, 19 и 21, Добротворцевъ и Крыловъ.

имѣемъ никакихъ основаній видѣть здѣсь вліяніе Москвы, такъ какъ сѣверный типъ жилища обыченъ какъ разъ тамъ, гдѣ Московское вліяніе наиболѣе слабо, въ Мещерской сторонѣ. Необходимо предполагать вліяніе насельниковъ съ сѣвера, т. е. слѣды той сѣверной колонизаціи, о коей мы говорили выше (§ 119). Слѣды сѣверно-великорусскаго жилища въ Рязанской области къ югу отъ Оки доказываютъ естественное предположеніе, что въ XVI-мъ вѣкѣ степные Рязанцы нахлынули за Оку и потомъ унесли оттуда сѣверно-великорусскія вліянія.—Въ свою очередь, прихлынувшіе на сѣверъ отъ Оки степняки оставили здѣсь немало слѣдовъ своего степного быта, какъ въ одеждѣ (въ Касимовскомъ у. недавно еще поневы были обычнымъ женскимъ костюмомъ), такъ и въ жилищѣ; степной типъ жилья, низкія хаты съ землянымъ поломъ встрѣчаются даже въ Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Здѣсь доказательство того, что въ области, расположенной къ востоку отъ Москвы, произошло въ XV—XVI-мъ вѣкахъ смѣшеніе нахлынувшихъ съ юга южно-великоруссовъ (вятичей) съ сѣверно-великоруссами. Кромѣ Рязанской и Владимірской губ., смѣшеніе это сильно сказалось также и въ губ. Московской, не исключая и гор. Москвы. Этому смѣшенію мы приписываемъ переходъ м. к изъ южно-великорусскихъ говоровъ въ сѣверно-великорусскіе.

§ 123. Главный—и почти единственный—изслѣдователь Рязанскихъ говоровъ, проф. Е. Ѳ. Будде сообщаетъ о широкомъ распространеніи здѣсь м. к въ весьма категорическихъ выраженіяхъ: „Въ Рязанской губерніи нѣтъ простолюдина или даже горожанина—мѣщанина, въ особенности если онъ неграмотный, у котораго не прорвалась бы эта коренная особенность говора“ (т. е. м. к) [1]).

Мы убѣждены, что почтенный ученый давно уже и самъ отказался отъ этого скороспѣлаго обобщенія, какъ долженъ отказаться и отъ другихъ подобныхъ же заключеній: о невозможности случаевъ въ родѣ: сахаркю, головкю, случаевъ съ м. *х* и съ м. *г* [2]). И вообще, дѣлать діалектологическія обобщенія для нашихъ *губерній* (а не уѣздовъ),

[1]) Р. Ф. В., т. 27, 1892, № 2, с. 223.
[2]) Тамъ же и с. 225.

съ ихъ новыми и б. ч. искусственными границами, весьма опасно.

При всемъ томъ, обобщеніе проф. Будде, сдѣланное имъ гл. обр. на основаніи детальнаго изученія Скопинскихъ говоровъ, близко къ истинѣ, если взять только южную, степную половину Рязанской губ. Здѣсь м. к распространено, дѣйствительно, шире и рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было. О томъ говорятъ и старые авторы; Даль пишетъ: „На югъ отъ Москвы, *особенно въ Рязанской губ.* (курсивъ нашъ), въ народѣ любятъ тонкое, азіатское *к* и говорятъ: тятинькя, маминькя, Ванькя, кваскю“ [1]). Мы склонны видѣть здѣсь, въ области около Коломны, и самую колыбель м. к, т. е. тотъ исходный пунктъ, откуда мода эта распространилась послѣ чуть не у всѣхъ великоруссовъ.

Для Рязани отмѣченъ случай съм. к 1510 г.: Ларкя (§ 12, п. 2).

Замѣчательно, что въ Рязанской губ. м. к, обычное послѣ ч (пятачькя и т. д.), не встрѣчается послѣ *ш* и *ж*: Сашка и т. п. Сочетанія типа -шкя вообще приходится признать характерными гл. обр. для сѣверно-великорусскихъ говоровъ, да и то не для всѣхъ. Отъ мягкости звука *ш* онѣ вообще въ зависимости почти не находятся: въ этомъ обстоятельствѣ, кстати замѣтить, мы имѣемъ доказательство того, что м. к на сѣверѣ возникло не самостоятельно, а проникло со стороны, какъ мода (срв. полѣсскіе Калужскіе говоры, не знающіе м. к послѣ *ч*, хотя и мягкаго: § 91 и 93). М. к послѣ *ш*, б. ч. твердаго уже, мы встрѣчаемъ гл. обр. въ говорахъ, которые усвоили эту черту недавно, какъ модную, отъ сосѣдей и „довели ее до абсурда“, что́ такъ естественно, когда извѣстная черта развивается не органически, а по одному подражанію сосѣдямъ.—На западѣ встрѣчается подобный же „абсурдный“ типъ аканья: сярябро́ и т. п., гдѣ *я* начальнаго слога совсѣмъ не вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ аканья: этотъ абсурдный типъ А. А. Шахматовъ склоненъ также считать недавнимъ заимствованіемъ со стороны [2]).

М. г встрѣтилось Будде въ Рязанской губ. только въ одномъ случаѣ: качярьhя [3]), но и этотъ случай онъ скло-

[1]) Толков. слов., подъ словомъ К.

[2]) Устное сообщеніе А. А. Шахматова.

[3]) Р. Ф. В., 1892, №. 2, с. 226.

ненъ считать сомнительнымъ. Случаи же съ м. х (на верьхю)—считаетъ невозможными.

Перехода м. к въ т Будде въ Рязанской губ. не знаетъ; но у насъ есть свѣдѣнія о томъ изъ Данковскаго у. и Раненбургскаго.

Въ отношеніи къ м. к Рязанскіе говоры дѣлятся на тѣ же двѣ главныя группы, на которыя они дѣлятся и по инымъ признакамъ: 1) говоры сѣверно-Рязанскіе, съ сѣверно-великорусскими и иными примѣсями, и 2) говоры южно-Рязанскіе, степные. Въ первой группѣ, т. е. въ говорахъ Мещерской стороны, м. к встрѣчается вообще рѣже: оно не такъ послѣдовательно, а кое-гдѣ и совсѣмъ отсутствуетъ. Будде предполагаетъ, что здѣсь м. к вымерло, т. е. прежде было сильнѣе; но мы не имѣемъ къ тому никакихъ основаній. М. к вымираетъ обычно при общей нивелировкѣ говора: такъ оно вымерло, напр., во многихъ подмосковныхъ говорахъ, подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, городской и школьной образованности. Вмѣстѣ съ нимъ сгладились и почти всѣ другія особенности мѣстнаго говора. Въ Касимовскомъ у. ничего подобнаго нѣтъ; о нивелировкѣ мѣстныхъ говоровъ рѣчи быть не можетъ. Думать же объ исчезновеніи здѣсь м. к въ старину нельзя потому, что самая эта черта совсѣмъ не старая.

Въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета" 1895 г. напечатанъ отчетъ Будде о той его діалектологической поѣздкѣ, плодомъ коей явилась его книга о Касимовскихъ говорахъ. Здѣсь, уже почти заканчивая свой отчетъ, изложенный въ хронологическомъ порядкѣ поѣздки, сказавъ уже о всѣхъ посѣщенныхъ имъ селеніяхъ Спасскаго у. и объ очень многихъ Касимовскаго, — Будде дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Въ с. Китовѣ мы видимъ м. к: ни забуть-кя, въ дер. Китовой: ни забуть-ка. Это фонетическое явленіе, извѣстное намъ на югѣ Рязанской губ., встрѣтилось намъ вновь здѣсь, а въ другихъ мѣстахъ, *гдѣ мы были* (курсивъ нашъ), оно или *вовсе отсутствуетъ* въ говорѣ, или слышалось *крайне рѣдко*" [1]).

Дать полный перечень селеній, гдѣ м. к есть и гдѣ его нѣтъ, мы не можемъ: наши свѣдѣнія по *географіи* Рязан-

[1]) Учен. Зап. Казан. ун. 1895. № 1, с. 231.

скихъ говоровъ вообще очень скудны. На основаніи встрѣчающихся тамъ и здѣсь въ книгѣ Будде примѣровъ и образцовъ Касимовскаго говора мы можемъ лишь полагать, что м. к имѣется въ селеніяхъ Касимовскаго у.: Бѣльково, Андроново, Ахматово, Китово, Нармушадь, Наумцево, Парахино, Фомино и около с. Киструсъ Спасскаго у.; нѣтъ этой черты въ селеніяхъ: Давыдово, Данево, Дмитріево, Бычково, Забѣлино, Немнясево, Правоторово, Снохино, д. Китова, Уланова Гора, Шостья и во многихъ селеніяхъ Спасскаго у., посѣщенныхъ Будде. Почти нѣтъ въ с. Ерахтуръ, гдѣ, при одномъ случаѣ съ м. к: толькя, мы имѣемъ 9 случаевъ безъ этой черты: толька, сколька, маминька, рѣцыньку, Машыньку и т. д. Во многихъ селеніяхъ Касимовскаго у., въ говорѣ коихъ м. к нѣтъ, окончаніе 3 л. ед. ч. звучитъ съ твердымъ -тъ, въ чемъ естественно видѣть слѣды сѣверно-великорусскаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, сѣверно-великорусскаго вліянія.

Самая слабость м. к въ Касимовскихъ говорахъ объясняется, конечно, силою этого сѣвернаго вліянія. Появленіе же здѣсь м. к нужно отнести, конечно, на счетъ тѣхъ Рязанскихъ степняковъ, которые нахлынули въ Заоцкіе лѣса въ XV-мъ вѣкѣ, спасаясь отъ Ногаевъ. Стóитъ отмѣтить, что въ с. Парахинѣ, гдѣ Будде отмѣтилъ м. к, въ XVIII-мъ вѣкѣ жили также и однодворцы, послѣ выселившіеся отсюда въ степь [1]).

О немногихъ говорахъ Касимовскаго у. мы имѣемъ свѣдѣнія у другихъ наблюдателей, помимо Будде. Они м. к б. ч. не знаютъ. Безспорно нѣтъ м. к въ с. Куземкинѣ Шостьинской вол.: о томъ сообщаетъ мѣстный учитель И. Я. Жидковъ въ отвѣтѣ на кр. прогр. № 119. Мѣстный говоръ обычный Касимовскій: яканье, цоканье, ў,-ть, отсутствіе кагоканья. Для говора с. Дмитріева имѣются кое-какіе свѣдѣнія (чоканье; дѣлатъ, читатъ) въ статьѣ свящ. І. Н. Процерова [2]): о м. к не упоминается, что вполнѣ согласно и съ данными Будде. Сравнительно много свѣдѣній мы имѣемъ для говора с. Свинчусъ въ статьѣ Я. Г. Соколова [3]); м. к въ нихъ нѣтъ: горьку, на руциньку, мо-

[1]) Изв. Географ. Общ. XI, 1875, отд. 2, с. 34—51.
[2]) Изв. Географ. Общ. XI, 1875, отд. 2, с. 361.
[3]) Тамъ же, с. 353—355.

лодинькая, рубашинька. Нѣтъ м. к и въ гор. Касимовѣ [1]), равно какъ въ селеніяхъ Колесниковской вол.: Норино, Меленино, Немлятово [2]). Въ дер. Тимохино Погостинской вол. м. к очень непослѣдовательно (Матер. VIII, 330—331).

Для Спасскаго у. Будде отмѣтилъ м. к въ дер. Жолобова слобода, что́ около с. Кистуса: рѣчинькю, дарожынькя, рублёвачькю, рѣчькю [3]). Другой нашъ источникъ отмѣчаетъ эту черту въ с. Тереховѣ: конькём, дочкя, молочкё, по пятачкю и т. д. [4]); но это село лежитъ къ югу отъ р. Оки, т. е. уже не въ Мещерской сторонѣ.

Свящ. Г. Кротковъ описалъ въ 1854 г. говоръ приходскихъ деревень с. Кидусова Спасскаго у.; м. к здѣсь нѣтъ; замѣчательно особенно то, что каждая изъ трехъ деревень прихода говоритъ различно [5]); это обстоятельство лишній разъ опровергаетъ мнѣніе Будде объ „однообразіи“ говоровъ Мещерской стороны.

§ 124. Сильнѣе распространено м. к въ третьемъ изъ уѣздовъ Мещерской стороны, въ Егорьевскомъ, гдѣ Будде не былъ. Этотъ уѣздъ, въ противоложность двумъ другимъ, не отдѣленъ отъ южной половины Рязанской губ. непроходимыми болотами и притомъ лежитъ столь близко къ двумъ старымъ южновелирусскимъ центрамъ—Рязани и Коломнѣ,—что южная колонизація бо́льшей части Егорьевскаго уѣзда почти внѣ сомнѣнія. Прежде здѣсь былъ рядъ волостей Коломенскаго у.: Мещерская (по р. Цнѣ), Раменка, Крутинская, Высоцкая [6]). Имена всѣхъ этихъ волостей извѣстны уже въ XIV в. А Коломна, какъ извѣстно, была Рязанскою колоніею и долго послѣ еще служила „яблокомъ раздора“ между Рязанью и Москвой.

В. Чернышевъ отмѣчаетъ м. к у крестьянъ около гор. Егорьевска, гдѣ аканье, цоканье, отсутствіе кагоканья и неслоговое ў [7]). Къ юго-востоку отъ гор. Егорьевска лежитъ с. Починки; въ немъ и около его, въ разстояніи

---

[1]) Прогр. № 109.
[2]) Кр. прогр. № 116, Клычковъ.
[3]) Учен. Зап. Казанск. у-та, 1895, № 1, с. 206—207.
[4]) Р. Ф. В. 1912, № 3, с. 18.
[5]) АГО. XXXIII, 22.
[6]) Готье, Замосковн. край, 567—8.
[7]) Матер. VII, 20 (=Изв. 2 Отдѣл. V, 2, с. 315).

верстъ на 20 отъ р. Оки, м. к „слышится сплошь и рядомъ“ [1]). На сѣверо-востокѣ уѣзда приходъ с. Дуброва; м. к „должно признать характернымъ для прихода“ [2]); здѣсь же аканье безъ яканья, 3 л. ед. ч. на -тъ, г взрывное; крестьяне помѣщичьи.—Здѣсь лежитъ уже область стараго Владимірскаго уѣзда: прежняя волость Дубровская [3]). Неподалеку расположены и окающія волости: Лузгаринская и Краснинская.—На востокѣ у. дер. Лѣка (984, влад., въ 69 в. отъ у. г.), гдѣ: Сенькю, толькя и т. п. *).

У М. Щербакова (прогр. № 277) находимъ случай лёлька (=крестная) для дер. Анохино около города и случай манёнька для дер. Горы (въ 50 в.); насколько точны эти записи, не знаемъ. Вообще же, въ предѣлахъ Егорьевскаго у., вѣроятно, есть говоры и безъ м. к.

Широкое сравнительно распространеніе въ Егорьевскомъ у. м. к проще всего объяснять южною, Рязанскою колонизаціею этого уѣзда, а также, отчасти, и присутствіемъ здѣсь, по сосѣдству съ Гуслицей, старовѣровъ, которые всюду несли съ собою старое Московское вліяніе.

§ 125. Въ южной, степной части Рязанской губ. м. к распространено шире, являясь почти общемъ явленіемъ.

Для Данковскаго у. вообще С. С. Липяговъ отмѣчаетъ м. к и переходъ его въ т: Митькя, Параньтя [4]).—В. И. Ермаковъ отмѣчаетъ м. к въ говорѣ городскихъ жителей Данкова: батенькя, маменькя [5]).—Въ дер. Звѣрево (2273, каз., въ 25 в.): па ярмачькямъ, толькя и т. п.; кагоканье: у сизаho, но рядомъ и яво [6]).—Въ с. Мураевкѣ (2414, каз., въ 35 в. на сѣв.-вост.) учит. Н. Неолюзинскій (кр. прогр. № 302) отмѣчаетъ только м. т изъ к: Ваньтя, Миття; рядомъ: тирпичъ, рути; аканье здѣсь не сильное: стикло, висна; кагоканья нѣтъ; г фрикативное; 3 л. на -ть.

На основаніи приведенныхъ фактовъ можно думать, что у барскихъ крестьянъ Данковскаго у. извѣстенъ переходъ

---

[1]) Тамъ же, с. 315, со словъ Альбицкаго.
[2]) Кр. прогр. № 301, учит. И. И. Орловъ.
[3]) Готье, Замосковн. край, 557.
*) Устное сообщеніе А. А. Шахматова.
[4]) Рукописный отвѣтъ на мою программу.
[5]) Пам. кн. Ряз. губ. на 1868 г., с. 265.
[6]) Р. Ф. В., т. 28, с. 94.

м. к въ *т*, а у казенныхъ этого нѣтъ. Но насколько широко распространено это правило, мы не знаемъ. Барскіе говоры вообще различны. Многимъ изъ нихъ, какъ мы знаемъ по Тульской губ., м. к совсѣмъ не извѣстно. Такіе есть и въ Данковскомъ у.: неподалеку отъ с. Мураевки находятся барскія деревни Гремячка (№ 2415) и Чернышевка, гдѣ записанъ рядъ пѣсенъ О. Семеновою [1]). М. к нѣтъ: рѣчи(у)нька, горьку, грусненька.

Въ сосѣднемъ Раненбургскомъ у. также встрѣчается переходъ м. к въ *т*: Ваньтя [2]). Это отмѣчено тою же О. П. Семеновой, которой принадлежатъ и только что цитованныя нами записи пѣсенъ въ Гремячкѣ; относится сообщеніе къ барскимъ крестьянамъ, вѣр., сѣв.-западн. части уѣзда, близъ Данковскаго у. У барскихъ же крестьянъ с. Самарина (3466, въ 42 в.) м. к въ т не переходитъ: пенькя, валькёмъ и т. п.; аканье ассимилятивное: нясу, нисешь, но у молодежи уже иначе: нибось, нимного; нѣтъ кагоканья и ў, извѣстенъ звукъ *ф* [3]).

На крайнемъ югѣ уѣзда, въ с. Буховомъ (каз. и влад.) м. к, повидимому, нѣтъ: у Орлова (прогр. № 265) приводится много данныхъ о мѣстномъ говорѣ, но о м. к умолчано.

§ 126. Для говоровъ Сапожковскаго уѣзда мы имѣемъ 5 различныхъ сообщеній; изъ нихъ 3 отмѣчаютъ присутствіе м. к и 2—отсутствіе.

Н. М. Каринскій записалъ въ 1902 г. говоръ одного крестьянина старика изъ с. Большія Можары; у него м. к: радничкя, табачкю, маленькя и т. п.; кагоканье, но и яво вм. его; сильное аканье; 3 л. ед. на -ть; що вм. что [4]). — Въ с. Песочнѣ и дер. Княгиновкѣ и Васильевкѣ м. к: конькём, дочкя, молочкё, по пятачкю; кагоканья нѣтъ; у вм. в [5]). — Въ с. Морозовы Борки и с. Михей: спичкя, ручейкёмъ и т. п., но Ольга; кагоканья нѣтъ [6]).

Нѣтъ м. к на восточной границѣ уѣзда; въ с. Чучковѣ,

---

[1]) Жив. Стар. 1894, № 2, с. 286—291.
[2]) Соболевскій, Опытъ р. діалектологіи, 20.
[3]) Прогр. № 245.
[4]) Жив. Стар. 1907, № 3, с. 69—72.
[5]) Р. Ф. В. 1912, № 3, с. 15.
[6]) Тамъ же, с. 16.

на сѣверо-востокѣ уѣзда, гдѣ аканье весьма слабое: предъударное *е* сохраняется, цоканье и чоканье [1]). Въ с. Мордово, на юго-востокѣ у., также нѣтъ м. к, но аканье довольно сильное ассимилятивнаго типа [2]).

Изъ пяти указанныхъ селеній Сапожковскаго у. только одно с. Мордово на р. Парѣ населено государственными крестьянами, всѣ же прочія—помѣщичьими. Отсутствіе м. к въ с. Чучковѣ легко объясняется сѣверно-великорусскимъ характеромъ мѣстнаго говора. Что же касается с. Мордова, то въ немъ отсутствіе м. к объясняется, вѣр., уже близостью юго-восточной границы этой черты: волна моднаго нѣкогда м. к проходила здѣсь уже не съ тою интенсивностью.

Въ одеждѣ Сапожковскихъ крестьянокъ преобладаютъ, повидимому, синія поневы [3])—цвѣтъ, самый обычный также и у барскихъ крестьянъ Орловской губ.

§ 127. Скопинскій уѣздъ, повидимому, рѣшительно весь знаетъ м. к. У Будде данныя изъ этого уѣзда относятся гл. обр. къ селамъ со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ казенные и владѣльческіе крестьяне живутъ вмѣстѣ. Чисто казенное селеніе только одно: Гремячьѧ, гдѣ м. к, кагоканье, 3 л. безъ окончанія [4]).—Другой авторъ описываетъ говоръ с. Рудинки (2658), гдѣ живутъ „такъ назыв. волостные крестьяне"; здѣсь тоже м. к: чайкю, Ванькя, помаленькю; кагоканье, 3 л. ед.: несѣть и идѣ; щѣ вм. что; дифтонгъ уо: мнуого, куонь [5]). Тутъ разумѣются коннозаводческіе крестьяне, которые, какъ видимъ, хорошо сохранили старинный говоръ, почти общій съ однодворческимъ говоромъ Воронежской губ. Для сосѣдняго села Горлова, лежащаго въ „коннозаводческомъ округѣ", мы имѣемъ старинное описаніе быта (поневы, кички, кодманъ и шушки), а въ говорѣ отмѣчено лишь що вм. что [6]).

Селенія со смѣшаннымъ населеніемъ: Яблоново (2506), гдѣ: вы калясачькяхъ и т. п. [7]); дер. Щелева (2507), гдѣ:

---

[1]) Тамъ же, с. 12.
[2]) Тамъ же, с. 13—14.
[3]) В. Миллеръ, Систематич. опис. колл. Дашк. Музея, III, 72 и 79.
[4]) Р. Ф. В., т. 28, с. 98—99.
[5]) Кр. прогр. № 308, А. Голубевъ.
[6]) АГО. XXXIII, 7, І. Стахіевъ.
[7]) Р. Ф. В., т. 28, с. 82 и др.

курачькя и т. п. (с. 99). С. Невзорово (2475): помаленькю, аканье, отсутствіе кагоканья [1]). — Владѣльческія села: на югѣ уѣзда с. Милославщина (2609): за рѣчкяй (с. 76, № 3); на сѣверѣ уѣзда Булычево (2483): шутачькю и т. п. [2]).—Не удалось намъ разыскать с. Свистовку, гдѣ: бяленькя (с. 80).

Изъ Пронскаго у. мы имѣемъ свѣдѣнія о говорѣ села Краснаго [3]); отмѣчено 3 л. видить и видя, мѣдъ вм. мёдъ, що вм. что, хф вм. ф; о м. к наблюдатель умалчиваетъ. Въ с. Окуловѣ этого у. м. к, безспорно, нѣтъ: свашенька и т. п. [4]). Оба эти села помѣщичьи.

Напротивъ, въ Михайловскомъ у. м. к распространено, повидимому, широко. Въ г. Михайловѣ „у мѣщанъ, даже и грамотныхъ: точкя, точкю“ [5]). Въ с. Серкинѣ, что̀ на Зарайской границѣ, тоже м. к: свѣчкю, люлькю [6]).

§ 128. Въ Рязанскомъ у. м. к распространено широко. О говорѣ казеннаго, по всей вѣроятности однодворческаго села Новоселки (№ 185, на р. Окѣ) мы имѣемъ два разныхъ сообщенія [7]); оба онѣ согласно отмѣчаютъ здѣсь м. к: бочкя, печкю, капейкя, но и Ванько́; кагоканье, отсутствіе звука ѣ, 3 л. пйша; що вм. что.—Въ с. Дубровичи, Шумошской вол., гдѣ есть и владѣльческіе, также м. к: чайкю [8]).— Но въ с. Рыковой слободѣ (каз., въ 8 в. отъ гор., недалеко отъ р. Оки) м. к, повидимому, нѣтъ: Колька; кагоканье: каго, яго, у няго [9]).

Во владѣльческомъ с. Дашково (№ 32, въ 20 в. къ югу), Затишьевской вол., м. к, повидимому, не часто; отмѣчено: „чейкю и чейку, Ванька“ [10]); здѣсь нѣтъ кагоканья и предъударное *е* сохраняется. — Н. Н. Дурново записалъ въ

---

[1]) Кр. прогр. № 117, К. Наумовъ.
[2]) Р. Ф. В., т. 28, с. 89 и 90; т. 68, с. 17, В. Ильинскій.
[3]) АГО. XXXIII, 23, Д. Лебедевъ.
[4]) Тр. М. Діал. К. I, 112.
[5]) АГО. XXXIII, 5, М. Надеждинъ.
[6]) АГО. XXXIII, 6, I. Зелятровъ.
[7]) Кр. прогр. № 118, М. Ананьинъ; и Р. Ф. В., т. 68, 1912, № 3, с. 10, Ф. Тоньшинъ.
[8]) Тр. М. Діал. Ком. I, 112.
[9]) АГО. XXXIII, 24, Н. Ловцевъ.
[10]) Кр. прогр. № 303, свящ. Н. М. Перехвальскій.

1900 г. пѣсни въ неизвѣстной мѣстности гдѣ-то близъ Оки: здѣсь м. к также рядомъ съ твердымъ: зилёнинькяй, но модниньк ай [1]). — Въ с. Кузьминскѣ (влад., въ 30 в. вверхъ по р. Окѣ) м. к отмѣчено въ 1854 г.: дочькя, Ѳенькя [2]).

Въ особыхъ условіяхъ находится с. Спасъ-Клепики (въ 70 в. на сѣверъ), расположенное уже въ Мещерской сторонѣ, за Окой. Здѣсь цоканье и чоканье, м. к нѣтъ, какъ нѣтъ и кагоканья [3]).

Изъ Зарайскаго у. мы имѣемъ только одно сообщеніе о м. к — въ с. Глѣбово Городище (537, влад.), что при р. Вожѣ, близъ границы съ Михайловскимъ у.; здѣсь нѣтъ кагоканья [4]). — Сообщенія изъ этого же уѣзда И. В. Орлова и Е. Г. Дурново [5]) не указываютъ на м. к, быть можетъ, только по неполнотѣ отвѣтовъ. Но болѣе чѣмъ возможно, что въ Зарайскомъ у. есть говоры и безъ м. к: въ пользу такого предположенія говоритъ близость къ этому уѣзду Мещерской стороны и слѣды сѣверно-великорусскихъ вліяній, сказавшихся особенно въ мѣстномъ жилищѣ (§ 122).

Изъ Ряжскаго у. мы никакихъ свѣдѣній о мѣстныхъ говорахъ не имѣемъ [6]).

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о *географіи* м. к въ предѣлахъ Рязанской губ., но и онѣ позволяютъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Безспорно большое различіе въ этомъ отношеніи между Мещерской сѣверной и степной южной половинами губерніи. Въ Мещерской сторонѣ м. к не обнаруживаетъ никакой географической правильности; видимо, оно не встрѣтило здѣсь для себя благопріятной почвы; куда занесли его переселенцы съ юга, тамъ только оно и осталось; говоръ сосѣдей былъ слишкомъ отличенъ, чтобы усваивать эту черту. Что же касается степной половины губерніи, то къ юго-восточнымъ границамъ ея м. к, пови-

---

[1]) Тр. М. Діал. Ком. I, 112.
[2]) АГО. XXXIII, 19, І. Добротворцевъ.
[3]) Кр. прогр. № 265, П. Космачевъ.
[4]) Сообщеніе С. С. Липягова, уроженца этого села.
[5]) Тр. М. Діал. Ком. I, 109.
[6]) Срв. Тр. М. Діал. Ком. I, 113.

димому, ослабѣваетъ, кое-гдѣ исчезая (Мордово, Бухово). Рѣдкіе островки безъ этой черты въ серединѣ губерніи принадлежатъ б. ч. помѣщичьимъ крестьянамъ, среди коихъ вездѣ много позднихъ переселенцевъ. Присутствіе м. к въ въ *городахъ*, Михайловѣ и Данковѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь эта черта было модною. Мода эта шла здѣсь б. ч. не изъ Москвы: Рязанскіе однодворцы съ Москвою связей почти никакихъ не имѣли. Исходный пунктъ моды находился, повидимому, въ Рязанской же губерніи, гдѣ-то между Рязанью и Коломной.

X. Тамбовская губернія.

129: Число однодворцевъ. Заселеніе края русскими.—130: Тамбовскіе однодворцы въ ихъ отношеніи къ инымъ группамъ мѣстнаго населенія.—131: Темниковскій и Елатомскій уу.—132: Шацкій у.—133: Моршанскій у.—134: Козловскій у.—135: Тамбовскій, Липецкій, Усманскій и Борисоглѣбскій уу.

§ 129. Тамбовская губернія имѣетъ нѣкоторое сходство съ Рязанской, такъ какъ среди здѣшнихъ однодворцевъ много рязанцевъ. Но были также здѣсь и орловцы. Главное же, число однодворцевъ здѣсь не очень велико.

Въ 1859-мъ году въ Тамбовской губ. помѣщичьи крестьяне составляли всего 38,83% населенія [1]); процентъ, какъ видимъ, весьма небольшой (въ Калужской губ. въ то же время владѣльческихъ крестьянъ было 61,80%, въ Рязанской 56,50%). Крѣпостныхъ, принадлежащихъ однодворцамъ, здѣсь, какъ и вездѣ, было совсѣмъ немного: 62 д. об. п. [2]). Но было бы ошибочно думать, что главная часть прочаго населенія Тамбовской губ. падаетъ на долю однодворцевъ, какъ это мы видимъ въ сосѣднихъ губерніяхъ. Однодворцы, правда, въ Тамбовской губ. есть, но почти исключительно только въ южной половинѣ губерніи. Изъ сѣверныхъ уѣздовъ въ Темниковскомъ только одно однодворческое селеніе, съ 30 жителями; въ Елатомскомъ у. 331 чел., въ 12-и селеніяхъ; въ Моршанскомъ 9 селеній, съ 5.052 д. Наибольшее число однодворческихъ селеній мы встрѣчаемъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ: 175 селеній съ 40.020 д.;

[1]) Тройницкій, Крѣпостное насел. 49.
[2]) Тамъ же, с. 46.

затѣмъ слѣдуютъ—Козловскій у.: 124 сел. съ 46.428 д., Усманскій: 115 селеній съ 33.765 д., Лебедянскій: 94 сел. съ 22.496 д., Липецкій: 65 сел. съ 26.897 д., Борисоглѣбскій: 54 съ 40.062 д., Кирсановскій: 48 съ 12.042 д. [1]). Это данныя 1850 г.

Сравнительное обиліе однодворцевъ на югѣ Тамбовской губ. вполнѣ понятно: города Лебедянь, Козловъ, Тамбовъ, Липецкъ, Усмань, а также бывшіе города Добрый (въ Лебедянск. у.), Сокольскъ, Демшинскъ, Красный на Лысой горѣ (теперь с. Лысыя Горы Тамбовск. у.) стояли на сторожевыхъ линіяхъ, которыя проходили, м. пр., по рѣкамъ Челновой, обоимъ Воронежамъ, Липовицѣ и др.; въ этихъ мѣстахъ сохраняется доселѣ и четвертное землевладѣніе [2]).—Но почему на сѣверѣ губерніи такъ мало однодворцевъ, хотя тамъ тоже проходили сторожевыя линіи (напр. черезъ Шацкъ)?

Разгадку этого мы находимъ въ составѣ мѣстнаго населенія. Въ XVII-мъ вѣкѣ сѣверные уѣзды нынѣшней Тамбовской губ. были почти исключительно инородческими—мордовскими и татарскими [3]). Эти-то инородцы, особенно татары (вѣроятно и тогда уже успѣвшіе ассимилировать себѣ немало мещеры и мордвы), и были здѣсь главнымъ элементомъ служилаго населенія: обстоятельство, для прочихъ степныхъ губерній вообще не обычное. „Въ XVII-мъ в., пишетъ Тамбовскій историкъ на основаніи древнихъ актовъ,—большинство Темниковскихъ и Кадомскихъ татаръ принадлежало къ служилымъ людямъ, и были у нихъ русскіе холопы“ [4]).

Остается еще сказать, куда дѣвались послѣ потомки этихъ служилыхъ (равно какъ и не служилыхъ) инородцевъ, которыхъ теперь въ Тамбовской губ. мы не находимъ?—Судьба ихъ была обычная: служилыхъ переводили, по миновеніи надобности, далѣе на югъ. Такъ, въ Красный городокъ на Лысой горѣ (въ Тамбовск. у.) были переве-

[1]) Матеріалы для статистики Россіи, собир. по вѣд. Мин. Госуд. Имущ. I. Спб. 1858, с. 113.

[2]) Тамб. Г. В. 1887, № 51.

[3]) И. Дубасовъ, Очерки изъ исторіи Тамб. края, I, 156, со ссылкою на Темниковскую писцовую книгу Хрущова 1621 г.

[4]) Дубасовъ, Очерки, I, 156.

дены, между прочимъ, Шатцкіе служилые люди [1]); это были, по всей вѣроятности, русскіе: по кр. м., теперь въ Лысыхъ Горахъ никакихъ инородцевъ нѣтъ. Служилыхъ инородцевъ Тамбовскаго края переводили чаще на юго-востокъ. Такъ, Тамбовскую мордву высылали въ Инсарскую и Карсунскую черты [2]). Среди татаръ, мещеры и мордвы нынѣшнихъ губерній Пензенской, Саратовской и Симбирской, а частью также Самарской и Оренбургской, не мало выходцевъ изъ Тамбовскаго края, причемъ часть ихъ и въ Тамбовѣ не была исконными туземцами, а пришла изъ Рязанскаго края.

Заселеніе Тамбовскаго края русскими происходило главнымъ образомъ въ XVII-мъ вѣкѣ. На основаніи мѣстныхъ историческихъ актовъ Дубасовъ дѣлаетъ такой выводъ: „Въ XVII-мъ вѣкѣ Тамбовскій край населенъ былъ весьма рѣдко и разбросанно. Такъ, напримѣръ, нынѣшніе уѣзды Тамбовскій, Козловскій и Моршанскій составляли тогда *одну* Верхоценскую волость, населенную мордвою (язычниками и новокрещеными), татарами, казаками, стрѣльцами и тяглыми крестьянами. То было *время усиленной колонизаціи мѣстнаго края*“ [3]).

На сѣверѣ нынѣшней Тамбовской губ. русское населеніе осѣдало уже и въ XVI-мъ вѣкѣ. Здѣшній край былъ извѣстенъ тогда подъ именемъ „Мещеры“, въ которую входили нынѣшніе уѣзды: Шацкій, Елатомскій, Темниковскій, и изъ сосѣднихъ губерній: Касимовскій, Сапожковскій, Спасскій и Краснослободскій [4]). Объ основаніи гор. Шацка одна поздняя русская лѣтопись сообщаетъ такъ: въ лѣто 7061 (=1553) „поставленъ бысть *в Мещере* городъ в Шатцкихъ воротех на Шате на рѣкѣ“ [5]). Не прошло съ этого момента и 10-ти лѣтъ, какъ въ этотъ, защищенный новымъ городомъ, мещерскій край двигается русское населеніе даже изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ Московскаго

---

[1]) Тамъ же, Ш, 16.

[2]) Списокъ насел. мѣстъ Тамб. губ., с. XXVIII.

[3]) Дубасовъ, Очерки, Ш, 22—23.

[4]) Ю. Готье, Десятни по Владиміру и Мещерѣ 1590 и 1615 г., с. 5—6 (изъ Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1910 г.).

[5]) Лѣтописецъ рускій. Рукопись конца XVII в. (Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1895, № 3, с. 9).

центра, какъ Можайскій и Волоколамскій уѣзды. Въ томъ же „рускомъ лѣтописцѣ" читаемъ подъ 7069-мъ годомъ (=1561): „Бысть гладъ великъ въ Можайскѣ, да на Волокѣ, и в ыных во многих городѣхъ. Много множество разыдеся людей изъ Можаиска и из Волока на Рязань, и *в Мещеру*, и в понизовые города въ Новгородъ" [1]). Когда, въ 1636 г., былъ основанъ гор. Тамбовъ, то на посадѣ его были поселены уже переведенцы изъ Шацка, вмѣстѣ съ переведенцами изъ Переяславля Рязанскаго, изъ Коломны и другихъ городовъ [2]).

Общій ходъ русской колонизаціи въ центральныя и южныя части нынѣшней Тамбовской губ. мѣстный историкъ Дубасовъ изображаетъ такъ: „Откуда на наши Тамбовскія поля переселялись крестьяне?—Переселялись они, разумѣется, изъ мѣстностей, сравнительно плотно и изстари населенныхъ, напр. изъ селъ Шацкаго и бывшаго Кадомскаго уѣздовъ. Приводимъ списокъ этихъ селъ: Чернитово, Ялтуново, Березово, Телешево, Шацкая Черная Слобода, Студенецъ, Конобеево, Кашково и дер. Чермныхъ. Кромѣ того, въ нынѣшній Моршанскій уѣздъ являлись переселенцы изъ Рязанской области (Бѣлоомута и Старой Рязани), Муромской, Владимірской и Пензенской. Большинство этихъ переселенцевъ состояло изъ бѣглецовъ, уходившихъ въ Тамбовскія дикія степи отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ и отъ суда и расправы. Значительная часть бѣглецовъ приходится на долю монастырскихъ крестьянъ, преимущественно изъ вотчинъ бывшаго Запроломскаго монастыря. Съ усиленіемъ же крѣпостного быта переселенцы стали являться массами изъ старыхъ вотчинъ нашихъ Тамбовскихъ магнатовъ" [3]).

Макаровъ говоритъ о „сливѣ" въ Тамбовскій край „Рязанскихъ переселенцевъ, смѣшанно съ другими" [4]). Другіе авторы говорятъ о выходцахъ „преимущественно около-Московскихъ областей" [5]). Мы уже видѣли выше Можайскихъ и Волоколамскихъ; были сходцы и изъ болѣе отда-

---

1) Тамъ же, с. 146.

2) Дубасовъ, Очерки, III, с. 11.

3) Тамъ же, I, с. 171.

4) Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. III, 1847, примѣч.

5) Списки насел. мѣстъ. Тамб. губ., с. XXXV.

ленныхъ мѣстностей. Такъ, въ концѣ XVII в. старцы Кирило-Бѣлозерскаго монастыря основали свою вотчину въ предѣлахъ нынѣшняго Спасскаго уѣзда. Это село Успенское, Новое Кириловское тожъ. Здѣсь, кромѣ „поповской слободы", было въ концѣ XVII в. 111 крестьянскихъ дворовъ съ населеніемъ въ 449 человѣкъ: „а переведены тѣ крестьяне изъ монастырскихъ дальнихъ вотчинъ, изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго уѣздовъ, отъ хлѣбнаго недороду" [1]).

Здѣсь, такимъ образомъ, мы сталкиваемся уже съ новою струею колонизаціи,— съ монастырскою. Колонизаторскую дѣятельность проявили и мѣстные монастыри, напр. Вышенская пустынь и др., а также Тамбовскій архіерейскій домъ. На вотчинной землѣ этого послѣдняго, пожалованной въ 1696 г., мы видимъ послѣ сёла: Талинка, Керша, Богородицкое и дер. Русская Поляна (всего 128 дворовъ), которыя потомъ перешли въ вотчину дворянъ Поспѣловыхъ [2]). Троицкому приписному монастырю Тамбовской губ. принадлежали сёла: Городище, Дуброва и Пишляй съ 152 дворами крестьянскими и съ 73 бобыльскими [3]). Нынѣшній городъ Спасскъ былъ прежде вотчиною Ново-Спасскаго монастыря [3]). Село Чернѣево Шацкаго у. возникло близъ Николаевской Черніевой пустыни, основанной ранѣе 1583 г., среди мордвы, чернымъ попомъ Матвѣемъ [4]). Село Мамонтово возникло близъ Мамонтовской пустыни, село Бокино — близъ Трегуляева монастыря, с. Пичаево было вотчиною Солотчинскаго монастыря [5]).

Но бóльшее значеніе имѣла здѣсь колонизаторская дѣятельность бояръ, въ частности Романовыхъ, строителей гор. Романова (теперь слобода Липецкаго у. № 1943 и 1944), Красногорскаго монастыря, с. Конобеева и мн. друг., Ромодановскихъ, Салтыковыхъ, Л. К. Нарышкина, дяди царя Петра. Въ концѣ XVII в. здѣсь развивается и мелкое дворянское землевладѣніе; пожалованы были въ вотчины

---

[1]) Тамб. Г. В. 1887, № 27.
[2]) Тамб. Г. В, 1887, № 27.
[3]) Дубасовъ, Очерки, II, 40.
[4]) Тамъ же, III, с. 38.
[5]) Тамъ же, II, с. 40.

земли по рр. Мокшѣ, Цнѣ, Воду и Китѣ—болѣе чѣмъ 12-и дворянскимъ фамиліямъ (срв. Дубасовъ, Очерки, II, 18).

„Самыя щедрыя пожалованія земель и крестьянъ въ Тамбовской губ. начались при Екатеринѣ II и Павлѣ I-мъ. Одному князю Потемкину дано было здѣсь 150 тыс. десятинъ земли съ селомъ Уиксовымъ, и съ того времени Тамбовскій край сталъ по преимуществу дворянскимъ краемъ и притомъ такимъ, въ которомъ водворились знаменитѣйшія русскія фамиліи: Салтыковы, Нарышкины, Чевкины, Долгоруковы, Волконскіе, Колычовы, Аничковы, Воронцовы, Воейковы, Огаревы, Жеребцовы, Протасьевы, Гагарины, Вяземскіе, Голицыны, Кологривовы, Архаровы, Урусовы, Толстые, Ермоловы, Волковы, Измайловы, Шуваловы и другіе“ [1]).

И эти владѣльцы принимали, конечно, участіе въ колонизаціи края. Напр., село Студенецъ, Соломенка тожъ, населено переселенцами изъ с. Соломенки Московской губ., переведенными сюда помѣщицею Голиковою [2]). Кромѣ того, на земли этихъ помѣщиковъ въ изобиліи селился также бѣглый людъ, ссыльные преступники и т. п. [3]).

Бѣжавшіе изъ Московскаго центра на свободу старовѣры также много содѣйствовали русской колонизаціи Тамбовскаго края. Въ XVII и XVIII вв. громадные Тамбовскіе лѣса переполнены были старовѣрческими скитниками и скитницами [4]). Въ 1688 г. Кузьма Косой устроилъ близъ Тамбова старовѣрческій городокъ, гдѣ и поселился съ 500-ми приверженцевъ; съ большимъ трудомъ онъ былъ изгнанъ оттуда царскими воеводами [4]). И теперь въ Тамбовской губ. сильно старообрядчество, а также разныя секты; но характерно, что въ Лебедянскомъ уѣздѣ, гдѣ особенно много однодворцевъ, старообрядцевъ нѣтъ [5]).

Быстрые успѣхи русской колонизаціи дали правительству возможность восполнять ряды служилыхъ людей мѣстными жителями: напр., тяглые крестьяне подгородныхъ

---

[1]) Дубасовъ, Очерки, I, с. 170—171.

[2]) Тамб. Г. В. 1884, № 64.

[3]) Списки насел. мѣстъ, с. XXVIII; Дубасовъ, Очерки, I, 219—220.

[4]) Дубасовъ, Очерки, II, 149.

[5]) Стаховичъ, Исторія, этнографія и статист. Елецк. у. 39.

деревень Тамбова перечислены въ половинѣ XVII в. въ казаки [1]).

О крайне пестромъ составѣ Тамбовскаго крестьянскаго населенія говорятъ и самыя имена многихъ мѣстныхъ селеній: Ярославка (пять селеній съ этимъ именемъ), Ростовка (2779), Московка (три селенія), Москва (2843), Каширка, Каширскій (1103, 1790, 2083) и др.—Въ числѣ Тамбовскихъ служилыхъ людей были, между прочимъ, черкасы и иноземцы. Первые были поселены деревнями въ Загородноценскомъ и Подлѣсскомъ станахъ Шацкаго уѣзда и еще въ 1776 г. имъ велся особый счетъ и списокъ; а въ Тамбовѣ въ 1779 г. считалось 12 домовъ черкасскихъ [2]). Слѣдъ вторыхъ мѣстные изслѣдователи видятъ въ имени селенія Тамбовскаго уѣзда „Иноземческая Духовка“ [3]).

Въ первой половинѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ въ Тамбовскомъ краѣ особый классъ безземельныхъ крестьянъ, такъ называемыхъ „майданниковъ“, т. е. занимающихся приготовленіемъ поташа, иногда смолы. Въ 1649 г. въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ было 9 майдановъ (т. е. заводовъ поташныхъ и иныхъ) съ населеніемъ въ 2860 душъ об. пола. Въ царствованіе Екатерины II сословіе майданниковъ было уничтожено, и они сравнены, по землевладѣнію и въ другихъ отношеніяхъ, съ государственными крестьянами [4]). Съ тѣмъ же сословіемъ майданниковъ мы сталкиваемся еще въ предѣлахъ нынѣшняго Лукояновскаго и Ардатовскаго уѣздовъ Нижегородской губ., причемъ здѣсь въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ немало бѣлоруссовъ, нарочно переведенныхъ сюда для майданнаго дѣла. Были ли бѣлорусскіе переведенцы и среди Тамбовскихъ майданниковъ, остается пока не выясненнымъ.

§ 130. Среди Тамбовскихъ однодворцевъ весьма много рязанцевъ; этимъ отчасти предрѣшается и самый типъ мѣстнаго однодворчества: Рязанскіе служилые люди не имѣли почти связей съ Москвою, почему и сохранили довольно хорошо прежній крестьянскій бытъ. Но кромѣ рязанцевъ, среди Тамбовскихъ служилыхъ людей было также

---

[1]) Дубасовъ. Очерки, III, 11—12.
[2]) Тамб. Г. В. 1887, № 55.
[3]) Списки насел. мѣстъ, с. XXXVII.
[4]) Дубасовъ, Очерки, I, 170.

и не мало орловцевъ. Кромѣ того, и самые рязанцы, уйдя со своей родины и потерявъ связи съ родною почвою, легче разставались съ старыми традиціями. Вотъ почему Тамбовскіе однодворцы по своему быту стоятъ въ общемъ ближе къ Орловскимъ однодворцамъ, нежели къ Рязанскимъ.

Рѣзкая противоположность Тамбовскихъ однодворцевъ сосѣдямъ не-однодворцамъ отмѣчена на сѣверо-востокѣ Тамбовскаго уѣзда. Однодворческое село Пахатный уголъ (существовавшее уже въ 1695 г.) расположено неподалеку отъ монастырскихъ селъ, принадлежавшихъ прежде Рязанскимъ митрополитамъ (сс. Митрополье, Коровино, Чернавка), и отъ помѣщичьихъ селъ Талинская поляна и Кривая поляна. Съ жителями тѣхъ и другихъ однодворцы не роднятся. Однодворческій костюмъ рѣзко разнится отъ барскаго: у однодворокъ шерстяныя, тканыя разноцвѣтными полосами юбки и ситцевые сарафаны, душегрѣйки и корсеты; рогатыхъ кичекъ и шушуновъ нѣтъ. У барскихъ крестьянокъ рогатыя кички, поневы и бѣлый, безъ разрѣза напереди, шушунъ. У монастырскихъ крестьянокъ, по словамъ мѣстнаго наблюдателя, женскій костюмъ средній между однодворческимъ и барскимъ [1]). У переселенцевъ изъ с. Митрополья и другихъ селъ, выселившихся въ с. Пришибъ Царевскаго уѣзда Астраханской губ., мы встрѣчаемъ синія клѣтчатыя поневы въ 4 полотнища и кички съ сороками [2]). Говоръ однодворцевъ отличенъ отъ монастырскаго: у первыхъ: що, будя, придя; у вторыхъ нѣтъ звука ѣ, щѣ вм. что [3]).

Помѣщичьи крестьяне принадлежавшаго Нарышкину с. Матчерки Моршанскаго уѣзда отличны по быту „отъ жителей вольныхъ селъ и отъ Мещеры“. У нихъ поневы изъ синяго сукна съ бѣлымъ полотнянымъ прошивомъ, на головѣ „калатовка“ съ сорокой и „дыринка“; у Мещеры поневы безъ прошвы, несшитыя напереди, рогатыя кички и черныя онучи [4]).

Однако, и у однодворцевъ Тамбовской губерніи, подобно

---

1) Свящ. І. Добросердовъ, Село Пахатный Уголъ (Тамб. Г. В. 1863, № 35).

2) Труды Астрах. Губ. Стат. Ком. IV, 14.

3) Тамб. Г. В. 1863, № 36.

4) АГО. XL, 31, Ѳеоф. Стандровскій, 1854 г.

Рязанскимъ, встрѣчается крестьянскій костюмъ; такъ, въ бывшемъ городѣ Добромъ (теперь село Доброе Лебедянскаго у.) отмѣчены поневы и рогатыя кички съ сороками [1]).

Вообще же, наши свѣдѣнія о бытѣ различныхъ группъ Тамбовскаго крестьянства очень скудны.

§ 131. На сѣверѣ Тамбовской губ. м. к распространено вообще слабѣе, нежели на югѣ. Этого мы и должны были ожидать на основаніи того, что на сѣверѣ губерніи такъ мало русскихъ однодворцевъ.—Для Темниковскаго уѣзда (въ сѣв.-вост. углу губ.) мы имѣемъ рядъ свѣдѣній, и только два изъ нихъ сообщаютъ о м. к, всѣ же прочія говорятъ объ отсутствіи этой черты. Въ „русскихъ сказкахъ" Аѳанасьева находимъ нѣсколько сказокъ, записанныхъ „близъ Кадома" болѣе или менѣе фонетически; м. к въ нихъ очень обычно, даже: бабушкя (№ 216), червячкя (189), сучонкя (189); изъ другихъ чертъ отмѣтимъ кагоканье: яго, и 3 л. ед. ч. безъ окончанія.—Діалектологическія матеріалы 1848 г. изъ неизвѣстной мѣстности бывшаго Кадомскаго уѣзда также знаютъ м. к: каротинькяга, бяларучкяй, толькя, доцунькя [2]); рядомъ: ще, у каго.

М. к нѣтъ 1) въ селахъ на сѣверѣ уѣзда: Теньгушево (2536), Башкирцы (2658), Линейка (2548), Полховскій Майданъ (2547), дер. Вичкидѣево (2659) и дер. Тумлейка (2532). Изъ этихъ селеній только Башкирцы владѣльческое, всѣ же прочія — казенныя; но это обстоятельство въ данномъ случаѣ значенія не имѣетъ: однодворцевъ здѣсь нѣтъ. Въ Полх. Майданѣ, судя по имени, нѣкогда жили майданники (§ 129); то же и въ дер. Линейкѣ, которая носитъ еще имя „Сакаевскій Майданъ". Говоръ здѣсь акающій, но съ твердымъ окончаніемъ въ 3 л. ед. ч. глаголовъ, съ цоканьемъ и чоканьемъ [3]).

2) Въ гор. Темниковѣ также нѣтъ м. к; говоръ здѣсь акающій съ Московскимъ г и твердымъ -тъ [4]); случай крылли вм. крылья едва ли не свидѣтельствуетъ о наличности среди Темниковскихъ майданниковъ бѣлорусской примѣси.

---

[1]) АГО. XL, 17, 1850 г.

[2]) АГО. XL, 5. Возможно весьма, что этотъ же авторъ доставилъ и сказки Аѳанасьеву.

[3]) Отвѣтъ на кр. прогр. учит. Г. Яковлева.

[4]) Прогр. № 131, Ив. Поручиковъ.

3) Въ владѣльческомъ селѣ Кочемировѣ (2496) м. к нѣтъ; цоканье, особенно хорошо сохранившееся въ сосѣдней владѣльческой же дер. Заулки (2500); взрывное г и твердое -тъ въ 3 л. глаголовъ [1]).

4) Нѣтъ м. к и въ с. Чермные (влад., при р. Мокшѣ, въ 15 в. отъ Кадома), равно какъ и въ деревняхъ Черменской волости: Юзга (2504), Шмелевка, Симушка, Липляйка (2528), Криковка и Патрикѣевка. Говоръ здѣсь вообще тотъ же самый: аканье, твердое тъ, взрывное г, цоканье и чоканье [2]).

Отсутствіе м. к на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Темниковскаго у. вполнѣ согласно и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь рядомъ расположена Нижегородская губернія, въ говорахъ которой м. к вообще нѣтъ и не было. Какъ видимъ, здѣсь проходитъ восточная граница той области, въ говорахъ которой м. к распространилось.—Въ говорѣ бывшаго сословія майданниковъ м. к, очевидно, совсѣмъ неизвѣстно.—По поводу цоканья мѣстныхъ говоровъ можно думать, что тутъ есть и обрусѣвшіе инородцы, въ частности — обрусѣвшая мещера; но конечно далеко не всегда; между прочимъ, въ с. Старый Городъ (2549, каз. и влад., въ 8 в., при р. Мокшѣ) отмѣчено одно чоканье, безъ цоканья, чего у обрусѣвшей мещеры обычно не бываетъ.

Въ сосѣднемъ Елатомскомъ уѣздѣ м. к отмѣчено только на крайнемъ сѣверѣ, близъ границъ Рязанской и Владимірской губерній, въ владѣльческихъ сёлахъ Большое и Малое Ардабьево (821 и 822, при рч. Унжѣ). Здѣсь „въ одной половинѣ селенія произносятъ Танькя, — кю, а въ другой говорятъ болѣе или менѣе правильно“ [3]). Эта „правильность“ явилась, какъ кажется, на почвѣ нивелировки говора: въ первой половинѣ селенія цоканье и чоканье, а въ другой ц правильно, а вмѣсто ч—средній звукъ между ч и ш: цшаво. Тамъ и здѣсь аканье и -тъ.

Въ двухъ другихъ селеніяхъ, о говорѣ которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, м. к нѣтъ. Это — на западѣ уѣзда, село Вѣряево (738, влад., на рч. Петѣ), Гридинской волости, и—

---

[1]) Кр. прогр., отвѣтъ учит. М. В. Дьяконова.

[2]) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Ив. Широкова.

[3]) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Д. Николаева.

на югѣ уѣзда, с. Сасово (831, влад.). Тамъ и здѣсь также цоканье и чоканье, но аканье, повидимому, сильнѣе, чѣмъ въ Темниковскомъ у., третье лицо глаголовъ оканчивается на -ть и извѣстно, кажется, фрикативное г [1]).

Въ Ардабьево м. к легко могло проникнуть изъ сосѣдняго Касимовскаго уѣзда.

§ 132. Къ югу отъ разсмотрѣнныхъ уѣздовъ расположены уѣзды Шацкій и Спасскій. О говорахъ послѣдняго мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ; въ первомъ же м. к распространено довольно широко.—Расположенная на сѣверѣ этого уѣзда Аладьинская волость знаетъ м. к, повидимому, вся. Н. Н. Дурново отмѣтилъ эту черту около с. Балушева (3036, влад., въ 11 в.) данной волости, гдѣ не только бойкяя, но и в речкю, а также гарнýшькя, Машкя, старонушькю, при Мишка, Ванюшку и т. п. [2]). Другія черты мѣстнаго говора: аканье, взрывное г, 3 л. на -ть (с. 929), чоканье безъ цоканья, м. ц: атця (с. 947), що и чо, отсутствіе кагоканья.

Учитель Аладьинской земской школы А. Николаевъ сообщаетъ о говорѣ владѣльческихъ селъ той же волости: Аладьина (3038), Шарапова (3064) и деревень: Четверино (3039), Колверти (3040). М. к онъ знаетъ только въ сочетаніи *кя*, а въ сочетанію *кю* не слыхалъ; въ с. Шараповѣ, по нему, этой черты совсѣмъ нѣтъ [3]); не знаетъ онъ также и неслогового ў, которое отмѣчено Н. Дурново.

На юговостокъ отъ этой волости лежитъ волостное село Ново-Березово (3130, влад.). Здѣсь м. к отмѣчаетъ учит. А. Фирсова (также въ отвѣтѣ на кр. прогр.); яканье, 3 л. на -ть, щё; неслогового ў нѣтъ.—На 8 верстъ южнѣе гор. Шацка с. Борки (3161, влад.), гдѣ также м. к, аканье, удова вм. вдова, 3 л. на ть [4]).—Кагоканья вообще въ Шацкомъ у. не отмѣчено.

У Аѳанасьева сказка № 70 записана въ Казачьей Слободѣ Тамбовской губ. Слободъ съ такимъ названіемъ въ губерніи двѣ (другая въ Усманскомъ уѣздѣ), но тожество говора и особеннно транскрипціи говоритъ за то, что за-

1) Кр. прогр., отвѣты В. Добронравова и М. Старченкова.
2) Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Ак. Н. V, 1900, кн. 3, с. 926.
3) Кр. прогр., отвѣтъ Николаева.
4) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Д. Рождественской.

пись сдѣлана въ Шацкомъ у., гдѣ № 150*в*, учителемъ Гр. Островскимъ. Судя по этой записи, здѣсь м. к нѣтъ.

Изъ Шацкаго у., какъ заселеннаго русскими сравнительно рано, давно наблюдаются выселенія въ другія мѣста. Особенно много такихъ выселенцевъ въ Воронежскомъ краѣ. Германовъ отмѣчаетъ ихъ въ однодворческихъ селахъ: Новое Дубовое Задонскаго у. и Нижняя Ведуга [1]): очевидно, служилые люди переводились, по замиреніи Тамбовскаго края, въ Воронежъ. Съ говоромъ Тамбовскихъ выселенцевъ мы не разъ сталкиваемся и въ Воронежскихъ записяхъ Филатова, напр. въ с. Верхній Икорецъ и Козловкѣ [2]); тамъ и здѣсь м. к: расписачькю, калечькя и т. п., а также кагоканье: kaho.

Широкое распространеніе въ Шацкомъ у. м. к легко объясняется обиліемъ здѣсь, въ старое время, служилыхъ людей.

§ 133. Въ Моршанскомъ у. м. к распространено широко; но насколько общее явленіе представляетъ здѣсь эта черта, о томъ мы не знаемъ: намъ извѣстны въ этомъ уѣздѣ говоры только на восточной окраинѣ и на югозападѣ.—Учитель Земетчинскаго училища И. І. Окороковъ (кр. прогр. № 287, 1900-хъ годовъ) сообщаетъ о говорѣ восточныхъ волостей уѣзда: Земетчинской, Раевской, Матчерской и Салтыковской (2289, 2242, 2286, 2216, влад., и др.). Здѣсь, по нему, м. к „повсемѣстно", причемъ оно выходитъ изъ предѣловъ уѣзда въ сосѣдній Керенскій уѣздъ (волость Ижморская). Говоры здѣсь акающіе и якающіе, исключая Салтыковской волости, гдѣ вмѣсто яканья—иканье и 3 л. съ твердымъ -тъ.—Но замѣчательно, что въ прекрасномъ описаніи Матчерскаго прихода свящ. Ѳ. Стандровскимъ въ 1854 г. [3]) на м. к никакихъ указаній нѣтъ (Стеньку и т. п.): повидимому, этой черты тогда еще здѣсь не было, что̀ естественно для помѣщичьихъ крестьянъ (Матчерка принадлежала Нарышкину).—О с. Раевѣ (2242, влад.) мы также имѣемъ еще и другое сообщеніе (отвѣтъ на кр. прогр. неизвѣстнаго лица); здѣсь согласно отмѣчается м. к: ройкю и т. п., аканье, 3 л. на -ть; новая черта:

[1]) Зап. Геогр. Общ. XII, 236 и 264.
[2]) Р. Ф. В., т. 40, с. 3, 13 и 24.
[3]) АГО. XL, 31.

и изъ *ѣ* подъ удареніемъ: писня, мирить, литній; царай вм. сарай врядъ ли говоритъ о мѣнѣ *с* и *ц*.

На югозападѣ уѣзда намъ извѣстенъ говоръ с. Кулеватова (2103, влад.) [1]), Сосновки (2174, влад. и каз.) [2]) и Нижней Ярославки [3]). М. к извѣстно во всѣхъ трехъ пунктахъ: балячькя, табачкя, утычкя, ручайкёмъ и т. п. Вездѣ сильное аканье.

§ 134. О говорахъ въ уѣздахъ Кирсановскомъ и Лебедянскомъ мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. Что же касается уѣздовъ Козловскаго и Тамбовскаго, то всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя о нихъ говорятъ о присутствіи м. к.

Изъ Козловскаго у. у насъ пять сообщеній. На сѣверѣ уѣзда лежитъ с. Старое Юрьево (1285, каз. и влад, въ 57 в.): здѣсь м. к „повсемѣстно“: парочкю, яичкя и т. п. [4]), яканье, 3 л. на -ть; отсутствіе кагоканья и мѣны *у* и *в*.

Немного южнѣе лежитъ с. Хоботецъ Богоявленскій (1370, каз., въ 36 в.). Здѣсь также м. к: бачькя, Ванькю, мальчишкя, мальчишкю; яканье, 3 л. на -ть и безъ окончанія, щчо вм. что, фрикативное г [5]). Объ этомъ селѣ у насъ имѣется еще и другое, старое сообщеніе, 1849 г. [6]), гдѣ отмѣчены тѣ же черты: пымаленькю; звязда, бяда, всяго; що вм. что; 3 л. бывая и живе.

На западѣ уѣзда лежитъ однодворческое село Жидиловской вол. Остролучье (1574, при рч. Олешнѣ въ 17 в.). Здѣсь сохранился въ большой чистотѣ однодворческій говоръ; м. к: кряжовничькю, кагоканье, що вм. что и каё въ значеніи гдѣ; сильное аканье; 3-ье л. ед. ч. пьеть, шьеть (звука ё, повидимому, нѣтъ) и запрягая. Тотъ же говоръ въ с. Терновое (1573, каз.), дер. Радостная (1575) и дер. Хоботово (1571) [7]). Все это селенія однодворческія, о чемъ свидѣтельствуетъ мѣстное землевладѣніе: въ Жидиловской волости всѣ были четвертниками [8]).

---

[1]) Библ. Ак. Н., № 164.
[2]) Кр. прогр., отвѣтъ К. Рамзи?
[3]) Р. Ф. В. 1912, № 3, с. 21, Прокудинъ.
[4]) Кр. прогр., отвѣтъ учит. В. Лебедева.
[5]) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Ѳ. А. Корягина.
[6]) АГО. XL, 11, В. Розановъ.
[7]) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Е. Янкина.
[8]) Благовѣщенскій, Четвертное право, 270.

На югозападѣ уѣзда лежитъ село Устье (1605, каз. и влад., при устьѣ р. Воронежа) Хмѣлевской вол. Здѣсь также м. к: мужичькю, бочькя и т. п., но Ольга, на верьху; мѣна у и в, что̀ въ Тамбовской губ. не часто; аканье, повидимому, диссимилятивное: при дяловъ, сяло, пятухъ и т. п. рика, висна; що. Наблюдатель сообщаетъ о близкихъ связяхъ сельчанъ съ сосѣдними селеніями: Борщева (1512, каз.), Хмѣлева (1506, каз.), Стаево (1608, каз. и влад.), Осипово, Никольское и др. [1]); вѣроятно, и тамъ говоръ тотъ же самый. Заселилось с. Устье, по предположенію Падучева, около 1636—40 г.

Еще для Козловскаго у. мы имѣемъ отрывочное замѣчаніе Орлова (прогр. № 265), который приводитъ мѣстное (не указывая селенія) произношеніе „чайкю“, со словъ „одного господина“.—Широкое распространеніе м. к въ Козловскомъ уѣздѣ легко объясняется обиліемъ здѣсь одно-дворцевъ (въ 124 селеніяхъ).

§ 135. Скуднѣе наши свѣдѣнія о Тамбовскомъ уѣздѣ, изъ котораго мы имѣемъ 4 сообщенія. На сѣверо-востокѣ уѣзда, у границы съ Кирсановскимъ, лежитъ владѣльческое село Бондари (191), гдѣ м. к, яканье и 3 л. на -ть: идеть, ведеть [2]).—На западѣ уѣзда, въ 25-и вер. отъ Тамбова, село каз. Бѣломѣстная Двойня (33), гдѣ м. к, яканье, щё вм. что, 3 л.: пьёть, идёть [3]). — Неподалеку с. Бѣломѣстная Слобода, гдѣ въ 1849-мъ году отмѣчено: дочкя, ягѣтка вм. ягодка, що вм. что, ничаво, ряка, бяру [4]).— На крайнемъ юго-западѣ уѣзда, у границы съ Усманскимъ, село волостное Кочетовка (454, каз.); здѣсь „нѣкоторые изъ жителей произносятъ: Ванькя, помаленькю“; говоръ слабо акающій, повидимому сильно нивелированный; въ сосѣдней дер. Ахматовѣ иканье, 3 л.: льеть, шьеть, мнеть [5]).

Въ Лебедянскомъ у. м. к, конечно, должно быть, судя по положенію его между Рязанскою и Воронежскою губерніями (въ той и другой господствуютъ говоры съ

1) Прогр. № 135, П. П. Падучевъ.
2) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Дм. Ставрова.
3) Кр. прогр., отвѣтъ учит. М. Радугина.
4) АГО. XL, 8. Н. Добронравовъ.
5) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Д. Ковчева (?).

м. к) и по обилію въ немъ однодворцевъ (въ 94-хъ селеніяхъ); но свѣдѣній нѣтъ никакихъ.

Въ Липецкомъ у., въ с. Головщино (1976, каз. и влад., въ 22 в. отъ Липецка на востокъ): толькя, но и писульку; нѣтъ кагоканья; 3 л. безъ окончанія: йдя, пиша; шш вм. щ (Сказки Аѳанасьева, № 173, с. 241—2 по 3-му изд.). Въ другомъ говорѣ этого уѣзда м. к, повидимому, нѣтъ (тамъ же; срв. Соболевскій, Оп. діал. 22).

Въ Усманскомъ у. м. к, вѣроятно, общераспространенная черта; но точныя данныя мы имѣемъ лишь изъ двухъ пунктовъ. 1) На крайнемъ югозападѣ уѣзда, на границѣ съ Воронежскою губерніею, с. Нелжа (2807, каз., въ 25 вер.) Поддубровской волости. Здѣсь м. к „общеупотребительно“; аканье, щё вм. что и каё въ значеніи „гдѣ“. Нѣсколько неожиданное твердое окончаніе 3 л. -ть, но въ селѣ, повидимому, есть и окальщики: аканье отмѣчено „у коренного населенія“ [1]). — 2) На сѣверо-востокѣ уѣзда владѣльческое село Новочеркутино, Салтыки тожъ (2977, въ 50-и вер.); здѣсь тоже м. к, даже: Терешкя; 3 л.: сосёть и куря, играя; цоканье и чоканье, оканье [2]). Повидимому, населеніе смѣшанное, и наблюдатель спуталъ въ одно два разныхъ говора.

Изъ Борисоглѣбскаго у. мы имѣемъ только одно и то, такъ сказать, косвенное сообщеніе о с. Пичаевѣ (588, каз., на р. Елани, въ 80 в., на сѣверо-западѣ уѣзда, близъ границъ Усманскаго). Изъ этого села часть жителей переселилась въ Новоузенскій уѣздъ Самарской губ.; и вотъ у этихъ-то переселенцевъ отмѣчено м. к и що вм. что (кр. прогр. № 130). О присутствіи въ говорахъ Борисоглѣбскаго у. м. к можетъ свидѣтельствовать и то обстоятельство, что въ лежащемъ на востокъ отъ него Балашовскомъ уѣздѣ эта черта распространена довольно широко (§ 137).

---

1) Кр. прогр., отвѣтъ неизвѣстнаго.

2) Кр. прогр., отвѣтъ учит. Д. Селенскаго.

XI. Юго-востокъ Европы.

136: Пензенская губернія—137: Саратовская губ.—138: Самарская губ.—139: Донскіе казаки.—140: Некрасовцы, Уральскіе казаки, Гребенскіе, Терскіе.—141: Харьковская губернія.

§ 136. Въ Пензенской губ. м. к распространено очень слабо. Спорадически, какъ рѣдкость, оно отмѣчено въ трехъ уѣздахъ: Керенскомъ, Чембарскомъ, Наровчатскомъ и Городищенскомъ.—Въ Керенскомъ у. м. к извѣстно въ Ижморской волости [1]), пограничной съ Моршанскимъ уѣздомъ, и, въ частности, въ с. Большой Ижморѣ [2]), населенной обрусѣвшей мещерой. Говоръ здѣсь цокающій и чокающій; яканье, у вм. в, 3 л. ед. ч.: несеть, хóдить. Кромѣ того, м. к отмѣчено въ с. Ртищево [3]).—Четыре другихъ сообщенія изъ разныхъ мѣстъ Керенскаго у. м. к не знаютъ; одно изъ этихъ послѣднихъ сообщеній [4]) относится также къ мещерскому селу Ушинкѣ. Говоръ здѣсь близокъ къ Ижморскому: яканье, у вм. в; 3 л.: несёть, ходить; цоканье. Чоканья здѣсь нѣтъ, и въ этомъ нельзя не видѣть указанія на то, что говоръ здѣсь сохранился лучше, нежели въ Б. Ижморѣ. Обычно обрусѣвшая мещера только цокаетъ, безъ чоканья; по сообщенію мѣстной жительницы, С. Н. Синайской, чоканье у мещеры является только на почвѣ старанія избѣжать цоканья, когда сознана неправильность этого послѣдняго. Колоніи обрусѣвшей мещеры встрѣчаются также въ Саратовской губерніи (с. Краишевка Аткарскаго у.), куда они переселились изъ Пензенской губерніи въ XVIII в.; эта, Саратовская, мещера только цокаетъ, безъ чоканья, и м. к въ говорѣ ея не извѣстно [5]). т. е. она сходна съ мещерой Ушинки, а не Б. Ижморы. Б. Ижмора—большой культурный центръ, гдѣ мѣстному говору трудно было сохраниться въ той чистотѣ, какъ напр. въ Ушинкѣ.—На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы предполагаемъ, что говору Пензенской мещеры м. к

[1]) Кр. прогр. № 287, И. Окороковъ изъ Моршанскаго у.

[2]) Кр. прогр. № 102, учит. Ив. Кузьминъ.

[3]) Устное сообщеніе С. Н. Синайской.

[4]) Кр. прогр. № 102, учит. Г. Васильевъ.

[5]) Д. Зеленинъ, Талагаи и цуканы, 18; срв. кр. прогр. № 146 А. Барановъ; Сарат. Г. В. 1890, № 8.

собственно не было свойственно; въ Б. Ижмору оно проникло въ недавнее, сравнительно, время отъ Тамбовскихъ сосѣдей.

Въ Чембарскомъ у. м. к отмѣчено въ с. Чернышевѣ. Эта черта здѣсь не правило, а исключеніе; въ сосѣднемъ с. Куликовѣ ея нѣтъ [1]).

Въ Наровчатскомъ у. м. к отмѣчено въ с. Покровскомъ, въ мѣстности неподалеку отъ Краснослободскаго уѣзда [2]).

Наконецъ, въ Городищенскомъ у. м. к отмѣчено въ помѣщичьемъ селѣ Архангельскомъ Куракинѣ, принадлежавшемъ кн. Куракину. Здѣсь: Кирюнькя, здаровенькё, Ванькя; цоканье; ёво, Лёксандро, Пётровна; што вм. что [3]). Наши свѣдѣнія о мѣстномъ говорѣ скудны, но есть основанія полагать, что въ Куракинѣ мы имѣемъ дѣло съ сѣверными переселенцами (срв. въ этомъ отношеніи „Куракинскихъ" крестьянъ Орловской губ.: § 64 и 76). Оканье отмѣчено также и въ приходѣ с. Ильмина того же Городищенскаго у. [4]).

Если исключить Керенскій уѣздъ, то окажется, что не менѣе 30-и различныхъ сообщеній о говорахъ разныхъ мѣстъ Пензенской губ. не знаютъ совсѣмъ м. к; на этомъ основаніи мы и находимъ возможнымъ утверждать, что интересующая насъ черта въ предѣлахъ Пензенской губ. сравнительно очень рѣдка и не характерна.

Появленіе въ говорахъ Пензенской губ. м. к будетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, если напомнить, что здѣсь числилось въ 1850 г. 36.721 д. однодворцевъ, разсѣянныхъ въ 210 селеніяхъ; больше всего однодворцевъ въ Наровчатскомъ уѣздѣ: 12.670 д. въ 84 селеніяхъ, затѣмъ слѣдуетъ Керенскій уѣздъ: 10.195 д. въ 58-и селеніяхъ. Въ Чембарскомъ у. однодворцы живутъ въ 12-и селеніяхъ и въ Городищенскомъ—въ 10-и [5]). Хотя на военно-сторожевыя линіи юго-востока Европейской Россіи, въ томъ числѣ и Пензенскаго края, назначались гл. обр. инородцы, а также

[1]) Прогр. № 229, П. Разсудовъ изъ с. Куликова.

[2]) Кр. прогр. № 261, учит. М. Тихомировъ изъ Троицка (на р. Мокшѣ) Краснослободск. у.

[3]) АГО. XXVIII, 14, І. Никольскій.

[4]) Пензенск. Епарх. Вѣдом. 1892, № 18, с. 520, ст. В. Ягодина.

[5]) Матер. для статистики Россіи, собир. по вѣд. Мин. Гос. Имущ. I, 114.

выходцы изъ сѣверной Руси (Нижегородцы и иные), но попадали сюда изрѣдка также и военно-служилые люди съ южной степной украйны. Въ предѣлахъ нынѣшней Пензенской губ. такихъ степняковъ было больше, чѣмъ въ Симбирскѣ и Саратовѣ, конечно въ виду территоріальной близости Пензы къ Тамбову и Рязани. Мы знаемъ, что „для заселенія гор. Инсара взято было въ 1647 г. 300 службъ изъ ближайшаго къ нему города Темникова“ [1]); въ Пензѣ XVIII в. были, между прочими, конные служилые люди изъ Шацка и Воронежской губ. [2]).

§ 137. Въ предѣлахъ Саратовской губ. м. к распространено больше всего въ Балашовскомъ уѣздѣ, пограничномъ съ Тамбовскою губерніей. Изъ шести сообщеній о говорахъ этого уѣзда четыре отмѣчаютъ наличность интересующей насъ черты и только два — отсутствіе ея. М. к въ с. Турки (592, каз. и влад., при р. Хопрѣ, въ 50 в. отъ у. гор.), лежащемъ въ сѣверной половинѣ уѣзда: чайкю, Машеньке, тольке, глянькe. Говоръ здѣсь сильно акающій: вясна, вяликъ, зялёный, безъ кагоканья: чаво. „Первые поселенцы появились здѣсь въ началѣ XVIII в., это были заслуженные солдаты, переведенные изъ пограничныхъ крѣпостей Спасска и Керенска“ [2]); иными словами: это были военнослужилые люди степной украйны, предки позднѣйшихъ однодворцевъ, переведенные правительствомъ на дальнѣйшую степную линію. Т. обр., въ Балашовскій уѣздъ м. к принесено не позднѣйшими добровольными переселенцами, какъ это мы увидимъ въ уѣздахъ Царицынскомъ и Аткарскомъ, а представителями того же самаго военно-служилаго сословія, которое разнесло эту черту и въ рядѣ степныхъ южновеликорусскихъ губерній, уже разсмотрѣнныхъ нами выше. Балашовскій уѣздъ — единственный изъ уѣздовъ Саратовской губ., въ которомъ очень много однодворцевъ, а именно—болѣе 15½ тыс. д., живущихъ въ 50-и селеніяхъ [4]).

---

[1]) Г. И. Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в., 76.

[2]) Тамъ же, с. 234, примѣч.

[3]) Прогр. № 190, Н. Б. Веселовская.

[4]) Матер. для статистики Россіи, собир. по вѣд. Мин. Госуд. Имущ. 115 (данныя 1850 г.).

Село Усть-Щербедино (682, удѣльн., при р. Б. Караѣ, въ 50 в.) лежитъ недалеко отъ с. Турки. Здѣсь также м. к: лай-кя маленькё чайкю, сколькё; яканье, 3 л. на -ть, що вм. что [1]).

На югѣ уѣзда расположено владѣльческое село Благовѣщенское (838, въ 70 вер.) съ деревнями: Александровка (839, влад.), Авдотьина (840, влад.), Елизаветина (837, влад.) Здѣсь также м. к: Хведькя, Хвилькя, чайкю; яканье; отсутствіе звука ё: тётка, курёнакъ; 3 л.: несеть; що вм. что [2]).

Изъ южной же половины Балашовскаго уѣзда, изъ мѣстности около селъ Красавки (852) и Полоцкаго (863), повидимому недалеко отъ Благовѣщенскаго, имѣется у насъ еще и другое сообщеніе, также отмѣчающее м. к: Васькя, Ванькя; яканье: мяня, сяло и 3 л. на -ть [3]).

Въ Аткарскомъ у. м. к отмѣчено въ двухъ пунктахъ, отсутствіе же этой черты — въ пяти пунктахъ. Есть м. к въ с. Морецъ (587, каз.) Богородской вол.: дядинькя, дай гостинчикя, Ванькя, — гдѣ отмѣчено также яканье [4]), и въ с. Софьинѣ (въ 80 в. отъ гор.): Ванькя, чайкю; здѣсь также яканье и 3 л.: несёть [5]).

Аткарскій уѣздъ заселенъ русскими сравнительно очень поздно — въ XVIII и XIX вв. и населенъ почти исключительно переселенцами изъ различныхъ мѣстъ нашего отечества. Данныя о колонизаціи этого уѣзда можно видѣть въ статьяхъ Г. Надеждинскаго „Нѣкоторыя статистическія данныя изъ Аткарскаго уѣзда“ и А. Н. Минха „Колѣнская волость Аткарскаго уѣзда“ [6]). Однодворцевъ въ Аткарскомъ у. числилось въ 1850-мъ г. всего 22 д., всѣ въ одномъ селеніи [7]). У насъ есть точныя данныя о заселеніи села Морецъ: оказывается, что сюда въ концѣ XVIII в. явились одна за другою три группы населенія, всѣ изъ Тамбовской губ.: сначала такъ назыв. сторожилы—

---

[1]) Кр. прогр. № 142, учит. А. Орловъ.

[2]) Кр. прогр. № 138, діаконъ І. Никольскій.

[3]) Кр. прогр. № 148, учит. М. Добролюбовъ.

[4]) Кр. прогр. № 146, учит. А. Н. Барановъ.

[5]) Кр. прогр. № 134, учит. Ѳ. Родякинъ.

[6]) Объ статьи въ „Саратовскомъ Сборникѣ“, т. I, 1881 г., 65—176 и 96—98.

[7]) Матер. для стат. Россіи по вѣд. Мин. Гос. Имущ. I, 115.

изъ Шацкаго у., потомъ дворяне — изъ Липецкаго у. и, наконецъ, „карпели"—изъ Моршанскаго у. [1]).

Изъ Царицынскаго у. два сообщенія описываютъ намъ говоры съ м. к и два же—безъ этой черты. М. к въ обоихъ случаяхъ у позднѣйшихъ переселенцевъ. Въ с. Водяное (2071, каз., при р. Волгѣ, въ 72 в. отъ у. гор.) переселились въ концѣ XVIII в. тамбовцы, которые и говорятъ такъ: „батюшкя привезеть чайкю и сахаркю" [2]).—Село Романовка (2025, каз., въ 132 в.) населено выходцами изъ Мещовскаго у. Калужской губ., переселившимися сюда въ 1820—22 г. [3]); переселенцы сохранили свой Калужскій говоръ, въ частности м. к: Ванькя, помаленькю, неслоговое ў: ўдова, кроў; рыю, мыю, чѣмъ и отличаются рѣзко отъ своихъ сосѣдей [4]).

Въ прочихъ уѣздахъ Саратовской губ. также легко могутъ найтись подобные же позднѣйшіе переселенцы съ м. к въ говорѣ, но наши источники ничего о нихъ не сообщаютъ. Изъ Кузнецкаго уѣзда мы имѣемъ 9 различныхъ сообщеній о мѣстныхъ говорахъ, и ни одно изъ нихъ м. к не отмѣчаетъ; изъ Петровскаго у. 7 сообщеній, также не знающихъ м. к; изъ Саратовскаго у. 16 сообщеній, всѣ безъ м. к; изъ Хвалынскаго у. 5 сообщеній. Особенно характерно замѣчаніе учителя П. А. Тугаринова изъ с. Трескина (1855, влад., въ 40 в. отъ у. гор.), который 12 лѣтъ живетъ въ данномъ селѣ и никогда не слыхалъ м. к [5]).

§ 138. О говорахъ Симбирской губ. мы имѣемъ до 40-а сообщеній, и ни одно изъ нихъ м. к не знаетъ. Хотя здѣсь и проходила (съ 1648 г.) „Синбирская черта", но на эту черту посланы были въ свое время правительствомъ гл. обр. Нижегородцы и Казанцы [6]), а не степняки; между тѣмъ, въ Нижегородскомъ и Казанскомъ краяхъ м. к нѣтъ и не было.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ Самарской губер-

[1]) Сарат. Г. В. 1891, № 45.

[2]) И. С—въ, Село Водяное (Сарат. Г. В. 1891, № 44).

[3]) Я. Вдовинъ, Село Романовка (Сарат. Г. В. 1896, № 17); срв. выше § 93.

[4]) Кр. прогр. № 275, Д. А. Молчановъ.

[5]) Кр. прогр. № 149, П. А. Тугариновъ.

[6]) Г. Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в. с. 75—77, 143, 216—217, 236—7 и др.

ніей, гдѣ м. к встрѣчается довольно часто. Хотя въ этой губерніи и есть однодворцы: въ Николаевскомъ у. около 22½ тс. д., живущихъ въ 81 селеніи, въ Новоузенскомъ 5.246 д. въ 24 селеніяхъ [1]),—но м. к принесли сюда не столько они, сколько позднѣйшіе переселенцы изъ южно-великорусскихъ степныхъ губерній. Въ половинѣ XIX в. имя „Самара" сдѣлалось въ южно-великорусской степи нарицательнымъ названіемъ земельнаго простора, туда переселялись тысячами, и вмѣсто слова „переселенецъ" явилось новое слово „самарецъ" [2]). Степи Самарской губ. быстро наполнились выходцами изъ Курской, Рязанской, Тамбовской и другихъ степныхъ губерній. Бо́льшая часть этихъ степныхъ переселенцевъ до сихъ поръ не слилась по своему говору и быту ни съ прежнимъ Самарскимъ населеніемъ (это были б. ч. окальщики), ни другъ съ другомъ.

Изъ Бугульминскаго у. учитель Шешминска М. Веселовскій пишетъ, что ему м. к „приходилось слышать довольно часто среди такъ назыв. курчанъ (т. е. выходцевъ изъ Курской губ.), коихъ предки издавна поселились во многихъ селахъ Бугульминскаго у., напр. въ с. Крымъ-Сарай Акбашинской вол., гдѣ они составляютъ почти ⅓ населенія, въ дер. Семыкино Спасской вол. и многихъ другихъ селахъ" [3]).—Въ с. Новый Курлакъ Четырлинской вол. того же уѣзда живутъ выходцы изъ двухъ губерній: Пензенской и Курской; говоръ ихъ различенъ: одни акаютъ, другіе окаютъ; у первыхъ м. к: молочкя [4]).—Четыре прочихъ сообщенія о говорахъ Бугульминскаго у., описывающія частью и „коренныхъ жителей", м. к не знаютъ (П. Скворцова, А. Никифорова и 2 сообщенія того же М. Веселовскаго).

Въ Бугурусланскомъ у.: въ с. Калиновкѣ Боголюбовской вол. половина жителей старожилы съ окающимъ говоромъ безъ м. к, а другая половина—пришлые куряки; у послѣднихъ м. к, кагоканье, у вм. в [5]).—Въ приходѣ

---

[1]) Матер. для статистики Россіи, собир. по вѣд. Мин. Госуд. Имущ. I, 115.

[2]) В. Н. Григорьевъ. Переселенія крестьянъ Рязанской губ. 6.

[3]) Кр. прогр. № 270. М. Веселовскій.

[4]) Кр. прогр. № 270, учит. Д. Мостовскій.

[5]) Кр. прогр. № 127, учит. Ив. Попковъ.

с. Успенки, Сергіевской и частью Липовской волостей, „народъ пришлый—изъ Тульской, Курской и другихъ губерній"; есть и окальщики; м. к отмѣчено, но не извѣстно, у кого именно [1]).—Село Покровка и Андреевка заселены выходцами изъ Тамбовской губ.; м. к: Санькя, дѣвочкя [2]).—Въ с. Матвѣевкѣ „коренные жители тамбовцы"; у нихъ м. к: точкя [3]).—Въ с. Сарай-Гиръ тоже „тамбовцы" и тоже м. к: Хвилькя [4]).—Въ с. Пономаревкѣ: Ганькя, чайкю; яканье, у вм. в; 3 л.: несеть [5]).—Въ с. Богородскомъ и дер. Екатериновкѣ м. к нѣтъ; въ селѣ оканье и сёло, вёсна, въ дер.: сило, висна [6]).

Въ Бузулуцкомъ у.: въ с. Ельшанкѣ старожилы—казаки, извѣстные подъ именемъ „малолѣтковъ", такъ какъ стариковъ въ свое время перевели на Оренбургскую линію; пришлое населеніе—переселенцы тамбовцы; въ говорѣ первыхъ м. к нѣтъ, а у вторыхъ есть [7]).—Въ с. Богдановкѣ одна треть жителей великоруссы куряки, у коихъ м. к: Катькя и т. п.; прочіе жители—малоруссы [8]).—Въ с. Заплавномъ: жучкя; 3 л.: несеть и несé, идé [9]).—Въ с. Далматовкѣ: Ванькя, цайкю [10]).—Въ с. Тримихайловскомъ или Сухорѣчкѣ: ягодкя, чайкю [11]).—Въ с. Новоключевкѣ: Санькя, Санькю [*]).—Въ с. Миролюбовкѣ Матвѣевской вол.: Ванькю; унукъ, удова [12]).—Въ с. Новосергіевскомъ м. к и яканье, 3 л.: несеть [13]).—Въ дер. Елховкѣ Твердиловской вол. м. к, яканье, несёть [14]). — 10 прочихъ сообщеній о говорахъ Бузулуцкаго у. м. к не знаютъ.

---

[1]) Кр. прогр. № 128, Іоаннъ Доброхотовъ.
[2]) Кр. прогр. № 124, П. Е. Хализовъ.
[3]) Кр. прогр. № 270, учит. Ѳ. Введенскій.
[4]) Кр. прогр. № 121, А. И. Кузнецовъ.
[5]) Кр. прогр. № 270, учит. П. Петровъ.
[6]) Кр. прогр. № 270, учит. К. Бражниковъ.
[7]) Мои записи въ вагонѣ жел. дор. лѣтомъ 1906 г.
[8]) Кр. прогр. № 131, свящ. П. Ѳ. Кананыкинъ.
[9]) Кр. прогр. № 267.
[10]) Тамъ же.
[11]) Мои записи въ вагонѣ жел. дор. лѣтомъ 1906 г.
[*]) Кр. прогр. № 267.
[12]) Кр. прогр. № 270, Н. Бурхановъ (?).
[13]) Кр. прогр. № 270.
[14]) Кр. прогр. № 270, Р. Каштанлинскій.

Изъ Николаевскаго у. мы имѣемъ свѣдѣнія о великорусскихъ говорахъ двухъ селеній: с. Балакова и с. Малой Быковки. Тамъ и здѣсь м. к не отмѣчено [1]).—Въ Новоузенскомъ у. въ с. Борисоглѣбовкѣ Козловской вол. б. ч. жителей—переселенцы изъ с. Пичаева Борисоглѣбскаго у. Тамбовской губ.; у нихъ м. к [2]); въ с. Дергачи и въ слободѣ Малый Узень м. к нѣтъ [3]).—Изъ Самарскаго у. у насъ 7 разныхъ сообщеній о мѣстныхъ говорахъ, и ни одно изъ нихъ м. к не знаетъ.—Изъ Ставропольскаго у. 5 сообщеній и также всѣ безъ м. к.

§ 139. Вопросъ о появленіи и древнѣйшей исторіи Донского казачества, несмотря на посвященную ему громаднѣйшую литературу, все еще остается невыясненнымъ во многихъ подробностяхъ. Но для нашей задачи подробности эти значенія не имѣютъ. Безспорно одно, что Донское казачество составилось изъ очень разнообразныхъ элементовъ, что на Дону были сходцы изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ нашего отечества. Сходцы шли на Донъ въ большомъ количествѣ и въ XVI-мъ и въ XVII-мъ вв. и даже позднѣе; сѣверъ Донской области заселенъ старовѣрами, бѣжавшими сюда изъ центра въ XVII в. [4]). При такихъ условіяхъ было бы прямо не вѣроятно, если бы въ великорусскихъ говорахъ Донского казачества не оказалось м. к. Связи со степною украиною, въ частности съ Воронежомъ и Тамбовомъ, у казаковъ были очень тѣсными. Мы уже знаемъ (§ 28), что Донскіе казаки имѣли близкое отношеніе къ монастырямъ Коротоякскаго у. Воронежской губ. Въ слободкѣ близъ Троицкаго монастыря Шацкаго у. были также „3 двора Донскихъ казаковъ“ [5]). Писцовая книга Моршанскаго у. временъ царя Ѳеодора Алексѣевича свидѣтельствуетъ, что изъ села Алкужей этого у. „бѣжало на Донъ 280 человѣкъ“ [6]). Обиліе старовѣровъ на сѣверѣ Донской обл. говоритъ о существованіи связей казачества также и съ центромъ прежняго старообрядчества—съ Москвою.

[1]) Кр. прогр. № 129, учит. Арк. Потаповъ.
[2]) Кр. прогр. № 130, свящ. П. Гальяновъ.
[3]) Кр. прогр. № 270.
[4]) АГО. XII, 2. А. Герасимовъ.
[5]) Дубасовъ. Очерки, Ш, 27.
[6]) Тамъ же, I, с. 153.

Здѣсь мы видимъ тѣ пути, по которымъ м. к почти необходимо должно было проникнуть и на Донъ, что мы въ дѣйствительности и находимъ.

Какъ извѣстно, Донскіе казаки дѣлятся по говору и быту на двѣ главныхъ группы: „верховцы“ и „низовцы“. Среди первыхъ преобладаютъ великорусскіе элементы, среди вторыхъ—малорусскіе. Говоръ съ м. к характеренъ почти для всѣхъ верховцевъ.

Наиболѣе полное и авторитетное описаніе говора Донскихъ казаковъ принадлежитъ М. Калмыкову [1]). Онъ различаетъ на Дону собственно три говора: низовой и два близкихъ между собою верховыхъ. Въ низовомъ малорусское произношеніе и вм. ы: ми, ви, вигнать; взаимная мѣна с и ш, з и ж, ц и ч; ційку вм. чайку. „Низовой, или старочеркасскій говоръ распространенъ въ казачьихъ поселеніяхъ, расположенныхъ, начиная отъ Старочеркасской станицы, бывшаго Черкасска, внизъ по Дону, и отчасти въ Новочеркасскѣ, у низовыхъ переселенцевъ“ (с. 259).—Собственно верховой говоръ характеризуется м. к: Ванькя, Танькю, уголькёвъ, за пенькёмъ, дай-кя, сядь-кя, но: бочка (с. 260, 268), яканьемъ: бяда, чяво; кычатóкъ. „Средне-донской говоръ занимаетъ середину между верховымъ и низовымъ: въ немъ замѣтно вліяніе малорусскаго нарѣчія (черта низоваго)“, но также м. к, яканье диссимилятивное: качитокъ.

А. Филоновъ въ говорѣ низовцевъ отмѣчаетъ оканье „какъ у костромичей и владиміpцевъ“, и вм. ы, у вм. в, цоканье съ м. ц, мѣну с и ш, мягкое л: люкавый, быль; 3 л. ед. ч. на -ть; такой говоръ на низу „отъ самаго Ново-Черкасска“ [2]). О м. к Филоновъ ничего не говоритъ, не отмѣчая его и у верховцевъ.

Одинъ только С. Ф. Номикосовъ, бывшій секретарь Статистическаго Комитета въ Новочеркасскѣ, отмѣчаетъ м. к также и у низовыхъ донцовъ. Онъ пишетъ: „Жители станицъ Старочеркасской, Елизаветовской и др. произносятъ: Ванькя, чайкю,.. просю, ми, ви, стозе, впали вм. упали,

---

[1]) Матер. V, 258 — 277 (= Изв. II Отдѣл. III, 1898, кн. 1, прилож., с. 110—129).

[2]) Библ. Ак. Н., № 49, рукопись 1856 г.

били у церкви вм. были въ церкви" [1]). Названныя станицы лежатъ южнѣе Новочеркасска, т. е. въ области уже низовыхъ казаковъ. М. Н. Харузинъ приводитъ устное сообщеніе того же Номикосова, гдѣ произношеніе „Ванькя, цайкю" приписано прямо низовцамъ [2]).—Для насъ вопросъ о м. к у низовыхъ донцовъ остается невыясненнымъ.

Интересенъ взглядъ того же Номикосова на мѣну *с* и *ш* въ низовомъ говорѣ: „Въ Новочеркасскѣ среди казачекъ сохранился еще нелѣпый обычай сюсюкать въ разговорѣ, и слова Маса вм. Маша, цай вм. чай, дусенька вм. душенька и пр. считаются среди простыхъ казачекъ *признакомъ хорошаго тона*. Это сюсюканье, на нашъ взглядъ, есть наслѣдіе татаръ" [3]); „такого рода выговоръ *считается благороднымъ* и подъ него *поддѣлываются* даже пришлые люди, иногородніе" [4]).—Тутъ, конечно, не все точно, но указаніе на этотъ чисто сознательный принципъ въ говорѣ вѣренъ. Дѣйствіе такого сознательнаго принципа особенно сильно въ говорѣ казаковъ, однодворцевъ и вообще—сословныхъ группъ.

Свидѣтельство Номикосова о существованіи м. к въ говорѣ низовыхъ казаковъ находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ сообщеніи проф. Халанскаго: „Въ настоящее время среди интеллигентовъ Аксайской станицы распространена слѣдующая поговорка, выражающая насмѣшку надъ говоромъ мѣстнаго простого населенія, гл. обр. бабъ: „Саса, Маса, Покутяса! бери рогозку, затворяй окоску, ходи к намъ с оселецциком кофейкю попить" [5]). Станица Аксайская лежитъ южнѣе Новочеркасска, т. е. въ области низовыхъ казаковъ, какъ то видно и изъ говора; кофейкю говорило бы о существованіи въ мѣстномъ говорѣ также и м. к, если, конечно, тутъ нѣтъ излишней утрировки.

Точныя данныя о наличности м. к въ казацкихъ говорахъ верховцевъ относятся къ слѣдующимъ станицамъ

1) С. Номикосовъ, Статистическое описаніе Области Войска Донскаго. Новочерк. 1884, с. 299.

2) М. Харузинъ, Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. М. 1885, с. XXVI.

3) Номикосовъ, тамъ же, с. 281.

4) М. Харузинъ, тамъ же, с. XXVI.

5) М. Г. Халанскій, Народные говоры Курской губерніи, 378.

(начиная съ юга): Кочетовская, мѣсто ближайшихъ наблюденій Калмыкова, сообщеніе коего приведено нами выше.— Станица Филипповская, 1-го Донского округа (близъ ст. Цымлянской): Васькя, но: курочка [1]). — Ст. Гундоровская и сосѣднія съ нею, около границъ Харьковской и Екатеринославской губерній: сять-кя, Ванькя, -кю [1]).—Ст. Луганская и Митякинская: Васькя, курачкя, но: матушка [1]). — Ст. Казанская, Усть-Медвѣдицкаго округа: кочкя, кочкю, точкю; яму вм. ему; 3 л.: любить, видить; ево [2]).

Смягченіе *к* послѣ *ч*, какъ видимъ, извѣстно только на сѣверѣ, до станицы Митякинской; южнѣе к послѣ ч не смягчается. Къ сожалѣнію, не извѣстно, какую мѣстность разумѣлъ авторъ отвѣта на прогр. № 132, И. М. Суслинъ, отмѣчая въ говорѣ верховыхъ казаковъ случаи: бочкя, палачкя.

§ 140. Въ говорѣ казаковъ-некрасовцевъ въ Коніи и на Майносѣ до сихъ поръ сохранилось м. к, какъ и всѣ другія особенности южновеликорусскихъ говоровъ. Въ Коніи отмѣчено: давай-кя, дарóжунькя [3]); на Майносѣ: обогрѣй-кя [4]). Какъ извѣстно, Некрасовскіе казаки — отросль Донскихъ, ушедшая съ Дону въ концѣ XVII и въ самомъ началѣ XVIII-го вѣка — сначала на Кубань, а потомъ заграницу. Отсюда безспорный выводъ, что на Дону въ началѣ XVIII в. м. к уже было широко распространено.

Донскихъ казаковъ не мало было также и въ древнѣйшемъ слоѣ Уральскаго казачества [5]), появленіе котораго на Яикѣ относится къ концу XVI в. Въ говорѣ Уральскихъ казаковъ, акающихъ подобно Донскимъ, м. к нѣтъ [6]). На этомъ основаніи можно полагать, что въ концѣ XVI в. м. к на Дону еще не было или же, по крайней мѣрѣ, оно было тогда здѣсь очень слабо распространено. Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Уральскій казачій говоръ

[1]) А. И. Соболевскій, Опытъ русск. діалектологіи, 102.

[2]) АГО. XII, 12, Г. Азаровъ.

[3]) Жив. Стар. 1896, с. 121—2, Я. И. Смирновъ.

[4]) Этногр. Обозр. 1902, № 2, с. 81.

[5]) В. Витевскій, Происхожденіе Уральскаго войска (Древн. и Нов. Россія, 1879, II, № 7, с. 212—213); Денъ, Населеніе Россіи по пятой ревизіи, II (Учен. Зап. Моск. Унив., Юрид. Фак., вып. 21, 1902, с. 243 и примѣч. 4).

[6]) А. И. Соболевскій, Опытъ русск. діалектологіи, 103.

довольно близокъ къ Донскому, во всякомъ случаѣ ближе, нежели къ говору прежнихъ Волжскихъ казаковъ, изъ коихъ составилась первая и основная группа уральцевъ [1]). (О говорѣ Волжскихъ казаковъ можно судить по говору казаковъ Самарскихъ, вошедшихъ теперь въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска: говоръ этотъ окающій, съ самыми слабыми признаками аканья) [2]). Но разумѣется, если м. к въ то время на Дону уже и существовало, но было очень слабымъ, то оно легко могло исчезнуть на Уралѣ, гдѣ весьма многимъ элементамъ казачества черта эта была совершенно чужда.

Можно думать, что изъ Донскихъ казаковъ на Уралъ перешли не столько верховцы, сколько низовцы. У Уральскихъ казачекъ, въ полное сходство съ Донскими низовыми, также встрѣчается *ж* вм. *з* и *ш* вм. *с* [3]), равно какъ и цоканье; но эти особенности можно относить также и на счетъ Волжскихъ казаковъ: онѣ извѣстны также и въ Самарѣ [4]). — Стóитъ отмѣтить, что мѣстный наблюдатель въ цоканьѣ Уральскихъ казачекъ усматриваетъ также нѣчто искусственное и сознательное. Онъ пишетъ: „Кромѣ странныхъ сарафановъ у уралокъ есть и еще одна особенность: онѣ всѣ говорятъ, жеманно пришепетывая. Не думайте, что это какой-нибудь врожденный порокъ. Это просто здѣшняя fashion, вошедшая въ обычай и переходящая отъ матери къ дочери вмѣстѣ съ бабушкинымъ сарафаномъ. Мужчины не пришепетываютъ: это принадлежность однѣхъ женщинъ. Очень можетъ быть, что говорить „целовѣкъ“ вм. человѣкъ, „доцка“ вм. дочка считалось даже нѣкогда особенною красотою въ женскихъ устахъ. Теперь словечко „цяво?“ производитъ не больше впечатлѣнія, нежели простое „чего?“— Въ семействахъ офицеровъ эта особенность женскаго говора мало по малу исчезаетъ“ [5]).

Наконецъ, съ древнею колоніею Донскихъ же казаковъ

---

[1]) В. Э. Денъ, тамъ же, III, 238—9.

[2]) Р. Ф. В. LVI, 1906, № 3—4, с. 234 и слѣд. (Д. Зеленинъ, О говорѣ оренбургскихъ казаковъ).

[3]) А. И. Соболевскій, Опытъ русск. діалектологіи, 103.

[4]) Прогр. № 40 (Матер. V. 196).

[5]) М. Михайловъ, Уральскіе очерки (Морск. Сборникъ, XLIII, с. 13—14).

мы сталкиваемся еще на Терекѣ—въ Гребенскомъ войскѣ. Всѣ прежніе историки (Татищевъ, Карамзинъ, Соловьевъ, Броневскій, Красновъ и др.) выводили гребенцовъ съ Дону. Не такъ давно И. Попко выступилъ съ новымъ мнѣніемъ, усмотрѣвъ въ гребенцахъ рязанцевъ [1]), и это мнѣніе находитъ много послѣдователей; однако, критическіе разборы его у Кравцова [2]) и Бентковскаго [3]) заставляютъ скорѣе возвратиться къ старому мнѣнію.—Говоръ Гребенскихъ казаковъ описанъ Карауловымъ [4]); онъ акающій; м. к въ немъ нѣтъ. Появленіе Гребенцовъ на Терекѣ относится къ концу XVI в. (1580—1604 гг.). Т. обр., и здѣсь можно было бы видѣть доказательство того, что на Дону въ концѣ XVI в. м. к было распространено слабо, если только вообще существовало. Но говоръ Гребенцовъ вообще мало схожъ съ Донскимъ; м. пр., у гребенцовъ г взрывное, 3 л. имѣетъ твердое окончаніе -тъ, изрѣдка оканье: твово́, к переходитъ въ т и наоборотъ: ке́ста вм. тѣсто, мани́ски, ти́тель. Можно думать, что это — говоръ Волжскихъ казаковъ, отрослью коихъ легко могло быть Гребенское войско; если же гребенцовъ выводить изъ Рязанскаго края, то—судя по говору—развѣ только изъ Касимова [5]).

Безусловно изъ Волжскихъ казаковъ составилась б. ч. станицъ сосѣдняго съ Гребенскимъ Моздокскаго войска [6]). Въ говорѣ этого послѣдняго, по кр. м. въ станицахъ Галюгаевской [7]) и Наурской [8]), м. к нѣтъ, что́ вполнѣ согласно съ извѣстными намъ иными данными о говорѣ прежнихъ Волжскихъ казаковъ.

Нѣтъ м. к и въ говорѣ многихъ другихъ станицъ Тер-

1) И. Попко, Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Спб. 1880, с. 18.

2) И. Кравцовъ, Очеркъ о началѣ Терскаго Казачьяго войска. Харьковъ. 1882.

3) І. В. Бентковскій, Гребенцы. Изд. 2-ое. М. 1889.

4) Сборн. II-го Отдѣл. А. Н., т. 71, с. 14 и др.

5) Характерно, что мѣстные авторы въ Гребенской поговоркѣ „изъ тумы до тумы" склонны видѣть имя села Рязанской губ. (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, XL, 1909, отд. 2, с. 9); а с. Тума—въ Касимовскомъ у.

6) Е. Максимовъ, Терское казачье войско (ср. Сборн. матер. для опис. м. и пл. Кавк., т. 29, отд. 3, с. 109).

7) Сборн. матер. для опис. м. и пл. Кавк., т. 29, отд. 3, с. 111.

8) Тамъ же, т. 37, с. 82, 84 и др. (Востриковъ).

скаго казачьяго войска, населенныхъ много позднѣе: напр. въ слоб. Нальчикъ, заселенной въ первой половинѣ XVIII в. выходцами изъ разныхъ мѣстностей Россіи [1]), въ станицахъ Терской и Червленой Сунженскаго отдѣла [2]).

У казаковъ-великоруссовъ Ставропольской губ., напротивъ, м. к извѣстно. Л. К. Розенбергъ отмѣчаетъ случаи: „маменькя, сиротинкя, Митькя, коротенькяй, Машкя“ въ акающемъ говорѣ „станицъ сѣвернаго Кавказа“ [3]); которыя авторъ, къ сожалѣнію, не назвалъ по имени. — Другой наблюдатель отмѣчаетъ м. к въ говорѣ великорусскаго села Александровки, Пятигорскаго отдѣла: Ванькя, Танькя; село это основано въ 1790-мъ году [4]).

§ 141. Еще изъ южныхъ губерній м. к встрѣчается въ Харьковской губерніи, конечно у великоруссовъ, а не у малоруссовъ. Въ этой губерніи встрѣчаются и великоруссы старожилы, гл. обр. однодворцы, переведенные на Украинскую линію изъ сосѣднихъ губерній въ началѣ XVIII в. [5]). Въ 1850 г. здѣсь числилось 17.391 д. однодворцевъ, жившихъ въ 56 селеніяхъ; изъ нихъ 6.644 д. владѣли землею на четвертномъ правѣ [6]), что̀ могло случиться только съ однодворцами старожилами. Среди Харьковскихъ однодворцевъ не-четвертниковъ много позднѣйшихъ переселенцевъ. Наши свѣдѣнія о мѣстныхъ говорахъ относятся гл. обр. къ этимъ послѣднимъ.

Слобода Бахмутовка, Старобѣльскаго у., основана, по народнымъ преданіямъ, переселенцами изъ гор. Бахмута, но послѣ сюда былъ большой наплывъ переселенцевъ изъ Курской и Воронежской губ. [7]). Говоръ акающій, м. к: у кулькю, новенькяя, съ крендилькями [8]). — Слоб. Ново-

[1]) Тамъ же, т. 34, отд. 3, с. 24.

[2]) Сборн. матер. для опис. м. и пл. Кавказа, т. XXXIX, 1908. отд. 2, с. 93 и др.

[3]) Тамъ же, т. XXXVIII, 1908, с. 37.

[4]) Гр. Нигріевъ, Село Александровка (Сборн. статистич. свѣд. о Ставропольск. губ. I, 1868, отд. 1. с. 139).

[5]) Этнографич. Сборникъ Географ. Общ. III, 1858, с. 1.

[6]) Матер. для статистики Россіи, собир. по вѣд. Мин. Госуд. Имущ. I, 115.

[7]) В. В. Ивановъ, Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Харьковъ, 1898, с. 559 (= Харьковск. Сборникъ, вып. 9).

[8]) А. Ветуховъ, Говоры слободъ Бахмутовки и Нов. Айдари, 3 (Р. Ф. В. 1893, № 3).

Айдарь того же у. (въ 37 в. отъ у. гор.) населена частью Донскими казаками, частью переселенцами изъ Суджанскаго у. Курской губ. [1]). Въ говорѣ: земелька, копейкю [2]).— Слобода Райгородка Старобѣльскаго же у. населена выходцами изъ губерній—Орловской, Калужской, Тульской и Воронежской; въ говорѣ: Дунькя, Ванькя, пунькя [3]).

Изъ Бахмутовскаго у. Екатеринославской губ. часть великоруссовъ переселилась въ Кавказскій уѣздъ Кубанской обл., гдѣ образовала станицу Темижбекскую. Въ говорѣ этой станицы отмѣчено: зайкя, горностайкя [4]).

Въ Черноярскомъ у. Астраханской губ. м. к отмѣчено И. И. Соло синымъ въ селеніяхъ по тракту изъ Царицына въ Чѐрный Яръ: с. Лучки (Свѣтлый Яръ тожъ), Поповицкое (Райгородокъ), Ушаковка, Солодники, Вязовка, Старица и дер. Барановка, гдѣ: толькя, чайкю, Петькя, Ванькя, Грунькя и пр., но, видимо, очень непослѣдовательно: рядомъ Ѳедька, балочка и т. п. Мѣстные жители — переселенцы изъ губ. Воронежской, Курской, Пензенской, Тамбовской и др. [5]).

О Московской губерніи, связывающей югъ съ сѣверомъ, рѣчь у насъ будетъ ниже, а теперь перейдемъ къ губерніямъ сѣверно-великорусскимъ, начавъ по прежнему съ периферіи интересующей насъ области.

---

[1]) В. Ивановъ, тамъ же, с. 575.

[2]) Ветуховъ, тамъ же, с. 11.

[3]) В. Ивановъ, тамъ же, с. 529.

[4]) Е. Передѣльскій, Станица Темижбекская (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. III. Тифлисъ, 1883, отд. 2, с. 1 и 34).

[5]) Р. Ф. В. 1913, № 3, с. 126 и 129.

XII. Колонизація сѣвера и Архангельская губернія.

142: Общій ходъ колонизаціи на сѣверѣ Россіи, въ связи съ системою земледѣлія; что упорядочивало эту колонизацію.—143: М. к въ Пустозерскѣ и откуда оно туда проникло. — 144: Вопросъ о м. к въ другихъ мѣстахъ Архангельской губ.; названіе юго-западнаго вѣтра „шелонникомъ" и Новгородская колонизація.

§ 142. Бо́льшей части области сѣверно-великорусскихъ говоровъ м. к чуждо. Сѣверо-западъ и сѣверъ Европейской Россіи, равно какъ и Сибирь съ Приуральемъ этой черты не знаютъ, исключая небольшихъ островковъ, куда м. к занесено переселенцами.—Если исключить эти островки, то вся область окающихъ говоровъ съ м. к представится намъ въ видѣ сплошной, непрерывной площади неправильной формы, тянущейся отъ Москвы на сѣверо-востокъ.

Въ географіи сѣверно-великорусскихъ говоровъ сословное дѣленіе крестьянскаго населенія, за крайне рѣдкими исключеніями (въ Владимірской и Пермской губ.), никакого значенія не имѣетъ. Колонизація здѣсь происходила совсѣмъ не такъ, какъ въ южно-великорусскихъ губерніяхъ. Здѣсь очень рѣдко приходится различать говоры отдѣльныхъ селеній, а б. ч. говоры цѣлыхъ областей или, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ уѣздовъ, которые, за рѣдкими исключеніями, представляютъ собою нѣчто единое. Діалектологическія границы здѣсь б. ч. совпадаютъ съ прежними административными границами — уѣздовъ и княжествъ, которыя, въ свою очередь, обусловлены были б. ч. ходомъ колонизаціонныхъ теченій.

Правительственной колонизаціи, которая такъ рѣзко выражена въ разсмотрѣнныхъ нами южно-великорусскихъ губерніяхъ, на сѣверѣ совсѣмъ не было. Нѣкоторое значеніе имѣла монастырская колонизація: основатели святыхъ обителей въ новыхъ и дикихъ мѣстахъ являлись маяками, къ которымъ тянулось населеніе; а послѣ, разбогатѣвъ, монастыри устраивали новыя крестьянскія поселенія на своихъ земляхъ. — Главныя же народныя передвиженія на сѣверѣ происходили внѣ всякаго вліянія правительства и церкви, въ простой связи съ господствовавшей до недавняго времени подсѣчной или лядинной системой земледѣлія.

Система эта состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: земледѣлецъ выжигаетъ тѣмъ или инымъ способомъ участокъ лѣса и на удобренной золою отъ сгорѣвшаго лѣса землѣ сѣетъ хлѣбъ. Черезъ 3—4 года посѣва, неудобряемая лѣсная почва „выпахивается“, истощается, послѣ чего ее бросаютъ совсѣмъ. Для подсѣки годится далеко не всякій участокъ лѣса; кромѣ того, на одномъ участкѣ работа по расчисткѣ и выжиганію лѣса крайне тяжела, на другомъ — сравнительно легка. При обиліи лѣса и рѣдкости населенія, земледѣльцу представлялся большой просторъ для выбора подсѣкъ. Сѣверно-русскій крестьянинъ не лѣнился и не стѣснялся дѣлать большіе переходы чуть не ежегодно, только бы добыть легкую для расчистки и плодородную подсѣку. Крестьянское хозяйство на сѣверѣ до сихъ поръ носитъ на себѣ слѣдъ крайней неустойчивости и частыхъ переходовъ съ одного мѣста на другое. При прежнемъ обиліи лѣса, годнаго для постройки жилища, почти никакихъ препятствій къ такимъ передвиженіямъ не было. Не даромъ же въ древнихъ актахъ мы почти на каждомъ шагу сталкиваемся съ чередованіемъ пустошей и починковъ.

Руководясь лишь указаннымъ мотивомъ поиска лучшихъ подсѣкъ, земледѣльческая колонизація, естественно, лишена была планомѣрности. Она могла происходить въ высшей степени безпорядочно и, при извѣстныхъ условіяхъ, возвращаться даже назадъ, идти въ обратномъ направленіи, если только сзади не надвигалась новая и тѣсная волна такихъ же земледѣльцевъ-колонистовъ. — Но были два естественныхъ условія, которыя придавали этимъ безпорядочнымъ волнамъ земледѣльческой колонизаціи болѣе или менѣе однообразное и правильное направленіе. Первымъ условіемъ было отсутствіе путей сообщенія, дѣлавшее крайне затруднительнымъ всякое сухопутное передвиженіе. Почти единственными дорогами служили рѣки, почему и колонизаціонные потоки направлялись гл. обр. по берегамъ большихъ рѣкъ. Рѣки были необходимы также и для жилья, потомучто рыть колодцы на 2—4 года было почти безразсуднымъ, да и не всякій умѣлъ рыть ихъ.

Къ этому стóитъ присоединить еще, что многія рѣки на сѣверо-востокѣ Европы были заняты въ древности

воинственными инородцами или даже своими же, единоплеменными, врагами, — такъ что и этихъ естественныхъ путей сообщенія было меньше. Рѣка Кама, наприм., была до паденія Казани и даже долго послѣ такою недоступною для русскихъ колонистовъ дорогою, — и мы видимъ, что все среднее Прикамье заселено не съ юга, а съ сѣвера.

Другимъ условіемъ, регулирующимъ ходъ земледѣльческой колонизаціи въ древности, была, такъ сказать, м о д а—то общее безотчетное движеніе, которое вызывается въ темной массѣ глухими, часто нелѣпыми с л у х а м и. Если теперь изъ далекой Сибири возвращается обратно почти треть всѣхъ переселенцевъ, первоначально ликвидировавшихъ на родинѣ все свое прежнее хозяйство; если еще такъ недавно толпы переселенцевъ настойчиво искали несуществующее „Бѣловодье“ или сказочную „Самарію“ съ кисельными рѣками и калашными горами,—то что̀ было въ XVI и XVII-мъ вѣкѣ, при первомъ знакомствѣ съ Сибирью и Приуральемъ! Только по сохранившимся поговоркамъ мы можемъ догадываться, что, напр., Вятка нѣкогда была также чѣмъ-то въ родѣ „Самаріи“ иди „Бѣловодья“, какъ послѣ Сибирь („Вятка—хлѣбу матка“, „Идти было на Вятку, да въ карманѣ гладко“, „Сибирь—золотое дно“ и т. п.).

Сто́итъ еще отмѣтить, что земледѣльческая колонизація совершалась очень м е д л е н н о и п о с т е п е н н о. Безъ капиталовъ, безъ помощи со стороны правительства, при невозможныхъ путяхъ сообщенія, пройти тысячу верстъ нельзя было и въ цѣлый годъ. Безспорно, что переселенцы не разъ втеченіе своего долгаго пути останавливались на годъ или даже болѣе, чтобы посѣять хлѣбъ, собрать урожай или даже два-три, и потомъ опять двинуться въ дальнѣйшій путь. Т. е., и эта, т. с., необычная колонизація въ значительной степени совпадала съ обычною, постоянною колонизаціею отъ подсѣки къ подсѣкѣ, тѣмъ болѣе что весьма многіе переселенцы, конечно, не достигали намѣченной ими первоначально цѣли переселенія, осѣдая на пути.

Указанными условіями великорусской колонизаціи на сѣверѣ объясняется о т с у т с т в і е здѣсь сколько-нибудь рѣзкихъ этнографическихъ и діалектологическихъ г р а н и ц ъ. При всемъ своемъ вѣчномъ передвиженіи всѣ элементы однако же часто сталкивались и объединялись.

Новымъ стимуломъ, нарушающимъ условія обычной колонизаціи, были крестьянскія передвиженія, совершаемыя по волѣ помѣщиковъ. Такія передвиженія относятся къ недавнему, сравнительно, времени; слѣды ихъ сильнѣе всего въ Приуральѣ.

§ 143. Говоры Архангельской губ. м. к вообще не знаютъ: эта черта не извѣстна во всѣхъ почти древнихъ колоніяхъ Великаго Новгорода. Здѣсь есть только одно исключеніе: Пустозерскъ и его волость, гдѣ м. к обычно. Матеріалы по мѣстному говору въ былинахъ и сказкахъ Н. Е. Ончукова [1]).

Записи былинъ Пустозерской вол. произведены Ончуковымъ въ 4-хъ селеніяхъ: с. Великая Виска, Куя, дер. Бѣдовая, Пылемецъ. Изъ 8-и пѣвцовъ, отъ коихъ здѣсь записаны былины, только у Дитятевой (№ 21, с. 329—330) не отмѣчено м. к: въ 25-и стихахъ этой пѣвицы не встрѣтилось совсѣмъ такихъ словъ, въ коихъ можно было бы ожидать м. к.—У прочихъ пѣвцовъ м. к встрѣчается во всѣхъ возможныхъ случаяхъ: есть одинъ случай послѣ ш: Потанюшкя (с. 354) и одинъ же-послѣ ж: дорожкю (с. 326); очень обычно послѣ ч: десяточкёмъ (с. 315), окошечкямъ (с. 322), дорожечкю (с. 318), вѣсточкя (с. 334) и т. д.; сравнительно рѣдко послѣ ц, которое здѣсь мягко: шлюпоцькю (с. 300), гумёнецькѣ (с. 369), нашестоцькёй (с 361); м. х: верхёвишша (с. 310), по верьхю (с. 310); м. г: Вольгя (с. 331). Но ни въ одномъ случаѣ и ни у кого изъ пѣвцовъ нѣтъ послѣдовательности; гораздо чаще встрѣчается твердое к тамъ, гдѣ можно было бы ожидать его смягченія: напр., у перваго пѣвца (№ 18) на 9 случаевъ съ м. к 27 случаевъ твердаго к въ тѣхъ же самыхъ сочетаніяхъ. Столь же непослѣдовательно м. к и въ Пустозерскихъ сказкахъ, записанныхъ въ с. Великой Вискѣ отъ того же Дитятева, отъ коего записана и часть былинъ.

Въ сказкахъ Дитятева нѣтъ ни одного случая м. к послѣ ц: при печкю (с. 132, 136), бочкю (с. 140) — пецьку (с. 133), пецька (с. 143); въ былинахъ же Дитятева одинъ разъ встрѣтилось м. к и послѣ ц: плёноцьку (с. 317). Въ былинахъ Хабарова к послѣ ц всегда остается твердымъ:

[1]) Н. Е. Ончуковъ, Печорскія былины. Спб. 1904. Сѣверныя сказки. Спб. 1909, с. 127—144.

трубоцьку (с. 377), кроватоцьку (с. 384), при стороночкѣ (с. 378) и т. п. Въ былинахъ Маркова изъ лер. Бѣдовой то же самое: пецьку (с. 334), примѣтоцьку (с. 343), камоцьку (с. 357), флюгароцьку (с. 358), кроватоцьку (с. 363) рядомъ съ вѣсточкя (334), копеечкю (с. 338), двоеколочкю (с. 339). Кончальничкёмъ (с. 345). Въ былинахъ Безумова: свекровоцька (с. 325), Никонова: по дорожецькамъ (с. 396).— Вслѣдствіе общей непослѣдовательности м. к въ Пустозерскѣ опасно дѣлать какіе-либо выводы, но очень правдоподобно предположеніе, что м. к заимствовано здѣсь изъ говора, незнакомаго съ цоканьемъ: иначе не понятно, почему пустозеры говорятъ: цька и цьку при чкя и чкю. (Возможно другое предположеніе — о заимствованіи изъ говора, въ которомъ цокающее ц твердо, — но такихъ говоровъ съ м. к почти нѣтъ).

Стóитъ еще отмѣтить, что обычный разговорный языкъ пустозеровъ намъ не извѣстенъ *): языкъ былинъ (и, частью, сказокъ) легко можетъ отличаться отъ разговорнаго, рѣзкое доказательство чему находимъ тутъ же: одинъ пѣвецъ въ былинахъ акаетъ, а въ обычномъ разговорномъ языкѣ окаетъ (с. 312).—Однако, и пришлые люди усваиваютъ въ Пустозерскѣ интересующую насъ черту говора, напр. уроженка Мезени Шевелева (№ 24, с. 389; но и у Шевелевой мы знаемъ опять таки только былинный языкъ).

Въ говорахъ Архангельской губ. м. к вообще нѣтъ. Губернія эта населена потомками древнихъ новгородцевъ: „Обонежье, а потомъ и земля Заволочская заселились изъ древнихъ областей Великаго Новгорода“ [1]); а въ колоніяхъ древняго Новгорода м. к вообще нѣтъ. Съ этой точки зрѣнія наличность м. к въ говорѣ Пустозерска представляетъ весьма большой интересъ. Расположенный въ пустынной мѣстности на негостепріимной рѣкѣ Печорѣ, отрѣзанный бóльшую часть года отъ отъ прочаго міра и имѣющій вообще съ этимъ прочимъ міромъ крайне слабыя сношенія,—Пустозерскъ могъ заимствовать интересующую

*) Фамилія „Бѣльской“, упоминаемая нѣсколько разъ въ разсказѣ одного изъ Пустозерскихъ пѣвцовъ, произносится всегда съ съ твердымъ к (с. 369—370).

1) А. А. Шахматовъ, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ, II.

насъ черту говора только въ старое время. И это тѣмъ несомнѣннѣе, что и ближайшіе сосѣди пустозеровъ по р. Печорѣ, устьцылемы, и тѣ купцы, съ коими пустозерамъ приходится ежегодно сталкиваться на почвѣ торговли—чердынцы и ижемцы—м. к совсѣмъ не знаютъ. — Только исторія Пустозерска можетъ намъ отвѣтить на вопросъ, отъ кого и какимъ путемъ могло проникнуть въ говоръ пустозеровъ м. к.

О времени основанія и объ основателяхъ Пустозерска мы встрѣчаемъ у разныхъ авторовъ весьма разнорѣчивыя свѣдѣнія. Безспорно одно, что прежде здѣсь былъ „острогъ", т. е. укрѣпленное мѣсто, созданное въ защиту отъ самоѣдовъ и вмѣстѣ для сбора самоѣдскаго ясака. Основаніе этого острога одни относятъ къ XIV-му вѣку [1]), другіе — къ началу XV-го [2]), и третьи, большинство, къ началу XVI-го [3]). Точныя цифры приводитъ лишь одинъ авторъ, В. Чернышевъ [4]), который, повидимому, пользовался данными мѣстныхъ архивовъ. По нему, Пустозерскъ построенъ въ 1499 г. кн. Курбскимъ, кн. Ушатовымъ и кн. Заболотскимъ-Бражникомъ, которые съ пятитысячной дружиной плыли до Печоры разными рѣками и заложили здѣсь укрѣпленіе. Эти данныя повторены и въ Географическомъ словарѣ П. Семенова (т. IV, с. 248—9).

Кто были основателями Пустозерска, на этотъ счетъ мы встрѣчаемся также съ разнорѣчивыми показаніями. Военному укрѣпленію естественнѣе всего было получить свое существованіе отъ Москвы. Такой выводъ и сдѣланъ Н. Е. Ончуковымъ [5]). Не даромъ же, какъ мы знаемъ, и въ сосѣдней Усть-Цыльмѣ, на Печорѣ же, мѣстная власть зависѣла отъ Московскихъ государей еще при Иванѣ Грозномъ [6]), несмотря на то, что основателями Усть-Цыльмы

[1]) Пушкаревъ, Архангельская губернія, 36.

[2]) Списки насел. мѣстъ Росс. Имперіи. I. Архангельская губернія. Спб. 1861, с. XIII.

[3]) К. Молчановъ, Описаніе Архангельской губ., 1813, с. 216; Шренкъ, Путеш., с. 540; Ив. Поромовъ въ „Архангельскомъ Сборникѣ" I, кн. 2, с. 78 (=Арханг. Г. В. 1858, № 20—24) и др.

[4]) Арханг. Сборн. I, кн. 2, с. 86 (=Арханг. Г. В. 1845, № 22).

[5]) Жив. Стар. 1902, № 3—4, с. 369 („Былинная поэзія на Печорѣ").

[6]) Краткое историч. опис. церквей и приходовъ Арханг. епархіи, II. 390.

были, безспорно, новгородцы [1]). — Но мѣстные авторы почему-то упорно приписываютъ основаніе Пустозерска новгородцамъ. „Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Арханг. епархіи" (вып. II. Архангельскъ, 1895, с. 396), правда, выражается на этотъ счетъ очень осторожно: „основателями Пустозерска были, *вѣроятно* (курсивъ нашъ), новгородскіе переселенцы, устроившіе здѣсь острогъ для защиты отъ частыхъ набѣговъ на нихъ самоѣдовъ". Другіе мѣстные авторы говорятъ прямѣе. Свящ. Г. Терентіевъ въ 1860 г. писалъ: „Пустозеры — потомки новгородцевъ съ малымъ смѣшеніемъ чудскаго племени" [2]). Еще прежде сообщаютъ о томъ же Озерецковскій [3]) и Латкинъ [4]). Послѣдній ссылается при этомъ на сохраняющееся у самихъ пустозеровъ преданіе о томъ, что они — потомки выходцевъ изъ Новгорода. Это же самое преданіе слышалъ въ Пустозерскѣ и Ончуковъ [5]), который однако же не вѣритъ ему. По Ончукову, „предки нынѣшнихъ пустозеровъ — Московскіе служилые люди, смѣшавшіеся съ мѣстными инородцами" (с. 370, прим.). По С. Максимову, Пустозерскъ основанъ новгородцами, въ доказательство чего этотъ этнографъ указываетъ на вывезенный изъ Новгорода, при Грозномъ, образъ, хранящійся въ мѣстной церкви [6]).

Спорный вопросъ о происхожденіи основателей Пустозерска должны разрѣшить намъ данныя мѣстнаго быта. Бытъ пустозеровъ естественнѣе всего сравнить съ бытомъ сосѣднихъ устьцылемовъ, Новгородское происхожденіе которыхъ несомнѣнно: измѣненія въ бытѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и суровой природы на Печорѣ должны быть въ Пустозерскѣ и Устьцыльмѣ болѣе или менѣе общими.

Пустозеры давно уже во враждѣ съ устьцылемами, но эта вражда имѣетъ чисто экономическую подкладку—изъ за

---

1) Тамъ же, с. 389.

2) Арханг. Г. В. 1860, № 48, с. 409, „Сельскій бытъ и промышленность пустозерцевъ".

3) Лепехинъ, Записки путеш. IV, 227,

4) Латкинъ, Дневникъ путеш. 59 и 60.

5) Жив. Стар. 1902, с. 370, прим.

6) С. Максимовъ, Годъ на сѣверѣ, изд. 2, с. 379. Надписи на этомъ образѣ Максимовъ, однако же, разобрать не могъ.

угодій [1]). О разницѣ въ бытѣ тѣхъ и другихъ говорятъ многіе наблюдатели [2]), но разница эта не существенная и, главное, отличительныя особенности въ бытѣ пустозеровъ ничего специфически Московскаго въ себѣ не заключаютъ. Исключеніе (если не считать м. к) одно: аканье одного изъ Пустозерскихъ пѣвцовъ, но аканье это наблюдалось лишь при пѣніи былинъ, а въ разговорной рѣчи отсутствовало, такъ что на основаніи его можно заключать лишь о заимствованіи отъ акальщиковъ данной былины, а не о Московскомъ происхожденіи всѣхъ пустозеровъ.

Въ Устьцылмѣ женщина равноправна мужчинѣ, въ Пустозерскѣ же положеніе женщины совсѣмъ иное: между прочимъ, въ гостяхъ женщины пустозерки держатся всегда въ сторонѣ отъ мужчинъ. Въ этомъ строгомъ разобщеніи половъ Ончуковъ усматриваетъ одно изъ доказательствъ Московскаго происхожденія пустозеровъ (с. 381). По нашему мнѣнію, въ этомъ проще видѣть слѣдъ городского (а не деревенскаго) происхожденія пустозеровъ, точно такъ же какъ и въ томъ, что пустозерки совсѣмъ не умѣютъ ткать холстъ и вязать вареги и чулки [3]). Латкинъ называетъ пустозерокъ „щеголеватыми“, что̀ мирилось бы съ ихъ городскимъ происхожденіемъ, а устьцылемокъ — „неопрятными“ [4]).

Считая вопросъ объ основателяхъ Пустозерска не вполнѣ яснымъ, мы однако же признаемъ безспорнымъ наличность среди пустозеровъ прямыхъ потомковъ древнихъ новгородцевъ. Типъ жилища въ Пустозерскѣ, судя по описанію его Ненароковымъ [5]), вполнѣ тожественъ съ Устьцылемскимъ, причемъ и въ Пустозерскѣ извѣстно норманское названіе избного чулана „шолнишей“, съ чѣмъ мы встрѣчаемся исключительно лишь въ колоніяхъ древняго Новгорода. Равнымъ образомъ Ненароковъ влагаетъ въ

---

1) Жив. Стар. 1902, с. 372.

2) В. Латкинъ, Дневникъ во время путеш. на Печору въ 1840 и 43 гг. (Зап. Географ. Общ. по общ. геогр. VII, 1853, с. 93, 100—101); Ончуковъ въ Жив. Стар. 1902, с. 381.

3) Арханг. Г. В. 1860, № 48, Г. Терентіевъ.

4) Латкинъ, Дневникъ, II, 100.

5) В. Ненароковъ, Поѣздка на сѣверъ Россіи (Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 83, 1863, с. 378). Авторъ этотъ обнаруживаетъ вообще большую точность описанія.

уста крестьянину-промышленнику Пустозерской деревни Оскиной терминъ „шелоникъ“ (с. 229), а это названіе вѣтра, безспорная родина коего — оз. Ильмень, извѣстно только въ тѣхъ же Новгородскихъ колоніяхъ.

Если Московское происхожденіе основателей Пустозерска остается подъ большимъ сомнѣніемъ, то Московское вліяніе въ дальнѣйшей исторіи этого города внѣ всякаго сомнѣнія, при чемъ вліяніе это весьма естественно могло отразиться на мѣстномъ говорѣ и не могло проникнуть въ сосѣднюю Устьцыльму. Мы знаемъ, что здѣсь жили воеводы и была военная команда. Главное же, Пустозерскъ оказался мѣстомъ ссылки цѣлаго ряда выдающихся Московскихъ людей, которые часто жили здѣсь подолгу и пріѣзжали съ многочисленной свитой. Сюда былъ сосланъ извѣстный старообрядческій учитель, протопопъ Аввакумъ (въ 1659 г.), сожженный здѣсь съ своими товарищами на кострѣ. Здѣсь болѣе 4-хъ лѣтъ (1676 — 1680) прожилъ въ ссылкѣ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, вмѣстѣ съ которымъ здѣсь жилъ его сынъ Андрей, учитель Поборскій, священникъ В. Червцовъ и 30 человѣкъ слугъ. Сюда же былъ сосланъ въ 1691-мъ году и кн. Вас. Вас. Голицынъ († 1714 г. въ Колмогорахъ), по однимъ извѣстіямъ жившій здѣсь около 20-ти лѣтъ [1]); объ этомъ Голицынѣ сообщаютъ, что онъ, живучи въ ссылкѣ въ Пинегѣ, училъ мѣстныхъ дѣвушекъ пѣть Московскія пѣсни [1]). Кн. С. Щербатовъ съ женою былъ здѣсь въ ссылкѣ въ 1727-мъ году и оставилъ послѣ себя въ мѣстной церкви евангеліе 1675 г. [2]). — Было здѣсь, вѣроятно и немало другихъ ссыльныхъ москвичей, не имѣвшихъ столь крупнаго историческаго значенія и потому забытыхъ.

Ончуковъ весьма удачно предполагаетъ, что нѣкоторыя былины занесены въ Пустозерскъ москвичами. — Мы считаемъ несомнѣннымъ, что м. к въ говорѣ пустозеровъ проникло сюда чрезъ посредство тѣхъ же москвичей, тѣмъ болѣе что въ одномъ случаѣ оно даже совпало съ аканьемъ.

---

1) С. Максимовъ, Поѣздка на Печору (Морск. Сборн. 1858, т. 33, январь; срв. Годъ на сѣверѣ, II, 23—24). Срв. Пушкаревъ, Арханг. губ. 39: Изв. II Отдѣл. Ак. Н., т. XVII, 1912, кн. 3, с. 122, ст. Витберга.

2) В. Ненароковъ, тамъ же, с. 376.

другого источника для м. к въ Пустозерскѣ, не говоря уже о мѣстномъ аканьѣ, мы совсѣмъ не знаемъ.

Правда, у пустозеровъ бывали торговыя столкновенія и съ нѣкоторыми другими группами иногороднаго населенія (кромѣ упомянутыхъ выше чердынцевъ, монополизировавшихъ торговлю со всѣмъ Печорскимъ краемъ въ XIX-мъ столѣтіи). Такъ, пріѣзжали сюда купцы изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги, Мезени, иногда изъ Вологды и опять изъ той же Москвы [1]); сами пустозеры торговали съ Березовымъ, что́ на р. Оби [2]); на рыбные промыслы иногда (въ 1574 г.) приходили сюда двиняне, устюжане и пинежане [3]).

Но, не говоря уже о томъ, что, изъ перечисленныхъ городовъ, только развѣ купцы изъ гор. Вологды могли занести сюда м. к (во всѣхъ другихъ мѣстахъ м. к нѣтъ),— тѣже самыя торговыя сношенія были и въ Устьцыльмѣ [4]), между тѣмъ въ говорѣ устьцылемовъ интересующей насъ діалектологической черты нѣтъ.

Что м. к въ Пустозерскѣ — явленіе наносное, о томъ свидѣтельствуетъ и крайняя непослѣдовательность этой черты и сравненіе мѣстнаго говора съ сосѣднимъ Устьцылемскимъ и Архангельскимъ вообще: всѣ другія особенности этихъ говоровъ общія. Рѣдкость м. к послѣ цокающаго ц, несмотря на его мягкость, прекрасно согласуется съ тѣмъ обстоятельствомъ, что послужившіе въ данномъ случаѣ образцомъ для пустозеровъ москвичи не цокали. Въ томъ же самомъ предположеніи находятъ себѣ объясненіе и случаи м. *ѫ* и *ѧ* въ такихъ словахъ, какъ: верхёвишша, по верхю, церкёвь; судя по записямъ Ончукова, *р* здѣсь уже отвердѣло, какъ это наблюдается и вообще въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ; напротивъ, въ Москвѣ мягкость *р* въ такихъ случаяхъ сохраняется доселѣ.

Установить Московское происхожденіе м. к въ Пустозерскѣ для насъ важно не только съ точки зрѣнія Пустозерска, но также и съ точки зрѣнія Москвы. Въ говорѣ этой послѣдней м. к теперь отсутствуетъ; нѣтъ о немъ

[1]) Лепехинъ, Записки путеш. IV, 277.
[2]) Латкинъ, Дневникъ путеш. на Печору, II, 58.
[3]) Латкинъ, тамъ же, II, 37.
[4]) Лепехинъ, тамъ же, IV, 231.

прямыхъ извѣстій и для прошлаго; имѣются лишь косвенныя доказательства того, что въ говорѣ москвичей XVI—XVII вв. м. к было обычнымъ. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ этого и служитъ говоръ Пустозерска.

§ 144. Другой островъ съ м. к въ предѣлахъ Архангельской губ. во всѣхъ отношеніяхъ сомнителенъ. Авторъ отвѣта на полную прогр. № 83, П. А. Плечевъ (1897 г.) изъ Благовѣщенской волости Шенкурскаго у. сообщаетъ: „Въ Воскресенскомъ обществѣ названія деревень произносятъ: Чуркоськă (*а* въ концѣ слышится, какъ нѣмецкое ä) вм. Чурковская, Мелехоськă вм. Мелеховская, Столбоськă вм. Столбовская, Бревноськă вм. Бревновская, Паноськă вм. Пановская, Ушакоськă вм. Ушаковская (срв. Матер. IX, 28). Кромѣ того, тотъ же наблюдатель пишетъ: „Ванькĕ, Андрейкĕ и т. п. слыхалъ въ дер. Рубежъ, Благовѣщенскаго прихода, но уже Вельскаго уѣзда".

На основаніи этихъ замѣчаній Плечева мы сильно затрудняемся сдѣлать выводъ, что здѣсь, на границѣ Архангельской и Вологодской губ., извѣстно м. к. Нѣмецкое ä звучитъ вообще довольно мягко, но весьма возможно, что Плечевъ хотѣлъ даннымъ сравненіемъ подчеркнуть не эту мягкость, а близость конечнаго *а* въ приведенныхъ названіяхъ деревень къ звуку *э*.

Что касается дер. Рубежъ, лежащей уже въ предѣлахъ Вологодской губ., то и здѣсь м. к является не безсомнительнымъ. Оно отмѣчено здѣсь только въ одной категоріи словъ, а именно въ зват. пад. ед. ч. Но въ этомъ падежѣ возможны формы на *е*, образованныя по аналогіи съ словомъ „Боже" (см. выше § 9, пунктъ 3), а также извѣстны формы типа Ванько́. На почвѣ сліянія этихъ двухъ разныхъ формы—Ванько́ и *Ва́ньке—легко и могла возникнуть третья форма Ванькĕ. — Впрочемъ, въ другихъ уѣздахъ Вологодской губ. м. к очень обычно, и проникнуть въ Вельскій уѣздъ оно могло легко.

Наконецъ, авторъ отвѣта на прогр. № 288, А. А. Каменевъ изъ с. Шуи Кемскаго у. (въ поморьѣ), приводитъ два случая м. к въ говорѣ этого села: на чайкю, руськей. Есть основанія думать, что здѣсь встрѣчаются именно только немногія эти выраженія съ м к, вообще же данной діалек-

тической черты нѣтъ. Но даже и въ противномъ случаѣ необходимо признать, что это очень недавнее (отвѣтъ Каменева относится къ 1909 г.) наносное вліяніе: всѣ прежнія описанія Кемскаго говора м. к не знаютъ (см. прогр. № 104: Матер. IX, 1—2; А. И. Соболевскій, Опытъ р. діалектологіи, 52).

Что касается колонизаціи Архангельской губ., то мы объ этомъ предметѣ считаемъ излишнимъ распространяться, считая общеизвѣстнымъ и давно доказаннымъ, что здѣсь господствовала Новгородская колонизація. Обратимъ лишь вниманіе на одного живого свидѣтеля этой колонизаціи—на названіе юго-западнаго вѣтра *„шелонникомъ“*, встрѣчающееся едва ли не во всѣхъ колоніяхъ древняго Новгорода и совершенно неизвѣстное тамъ, гдѣ не было новгородцевъ. Имя „шелóнникъ“ произведено, очевидно, отъ р. Шелони, и очень ясно указываетъ намъ на озеро Ильмень, какъ на свою колыбель: р. Шелонь впала въ оз. Ильмень именно съ юго-запада. Съ Ильменя терминъ этотъ проникъ, очевидно вмѣстѣ съ новгородцами, на Бѣлое озеро, въ нынѣшнія губерніи Олонецкую и Архангельскую, на Байкалъ и во многія другія мѣста Сибири, но остался совершенно неизвѣстнымъ всему Поволжью, Камѣ и Вяткѣ, равно какъ и всѣмъ рѣкамъ запада и юга Европейской Россіи.

Мѣстныя названія для вѣтровъ создаются весьма легко, б. ч. по одному типу—тому же самому, по которому создано и названіе „шелоника“,—и вообще очень различны на различныхъ рѣкахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: *Бѣлозеръ*—названіе сѣвернаго вѣтра въ Вологдѣ (Волог. Г. В. 1852, № 35) и Ярославлѣ (Списки насел. мѣстъ, с. XVIII), *Балахонскій*—СЗ. въ Нижнемъ Новгородѣ (Нижегор. Сборн. X, 35), *Москвичъ*—С. къ югу отъ Москвы (Отеч. Зап. 1860, т. 129, с. 265), *Мордовскій*—С. въ Инсарскомъ уѣздѣ, на югѣ отъ Мордовскихъ селъ (прогр. № 231), *Куявицы*—С. на югѣ и юго-востокѣ отъ Куявовъ (Kolberg, Kujawy, I, 93), *моряна* (по имени Каспійскаго моря)—Ю. на Волгѣ и др. Заимствованія отъ сосѣдей въ такихъ мѣстныхъ названіяхъ вѣтровъ мы у великоруссовъ не находимъ. И названіе шелóнникъ, извѣстное на столь широкомъ пространствѣ, распространилось, очевидно, не

черезъ заимствованіе отъ сосѣдей, а черезъ простое перенесеніе его колонистами съ мѣста родины въ далекія колоніи.

Вездѣ, гдѣ извѣстно слово шелóникъ, какъ названіе юго-западнаго вѣтра, необходимо предполагать присутствіе Новгородской колонизаціи.—Съ этой точки зрѣнія для насъ интересно прослѣдить подробнѣе географическое распространеніе этого термина.

Въ Архангельской губ. онъ распространенъ очень широко; отмѣченъ на Бѣломъ морѣ (Озерецковскій, Плаваніе по Б. морю, 7), въ Кемскомъ у. (Библ. А. Н., № 5; прогр. № 104 и 280; Арханг. Г. В. 1862, № 13), на р. Колвѣ (Н. Ермаковъ, Поѣздка на Печору, 1883, с. 11), на р. Мезени (Тр. Общ. Естествоиспыт. при Казанск. унив. XXIII, 1891, вып. 1, с. 12), въ Холмогорскомъ у. (прогр. № 50; Опытъ обл. словаря), въ Печорскомъ (Ненароковъ, 229); въ разныхъ мѣстахъ губерніи (А. Шренкъ, Путеш. къ сѣв.-вост. Евр. Россіи, 387; Арханг. Г. В. 1861, № 47; Пам. Кн. Арханг. губ. 1864, с. 41; Даль, Толков. слов.; С. Максимовъ, Годъ на сѣверѣ, 244, изд. 2; Подвысоцкій, Словарь Арханг. нар. 192). — Въ Онежскомъ у. отмѣчено еще названіе для западнаго вѣтра „шепотникъ“ (прогр. № 260), въ чемъ, вѣроятно, нужно видѣть осмысленіе того же названія, давно уже ставшаго непонятнымъ.

Мы склонны думать, что первыми русскими пришельцами въ нынѣшнюю Архангельскую губ. были выходцы съ запада Новгородскаго края, знакомые съ р. Западною Двиною. Именемъ этой послѣдней они и назвали большую рѣку новаго края. Этимъ легче всего объяснить присутствіе въ древнихъ Двинскихъ говорахъ билабіальнаго *в* и смѣшеніе предлоговъ у и въ [1]), а также окончанія прилагательныхъ на -ей (срв. выше § 13).

---

[1]) А. А. Шахматовъ, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в. Спб. 1903, с. 83.

XIII. Вятская губернія *).

145: Этнографическій составъ великорусскаго населенія Вятской губ.; пути проникновенія въ Вятскіе говоры м. к. — 146: Колонизація Вятскаго края.—147: Котельническій у. Чокающіе, безъ цоканья, великорусскіе говоры.— 148: Вятскій у.—149: Слободской у.—150: Глазовскій у.—151: Нолинскій у.—152: Орловскій у.—153: Яранскій у.—154: Уржумскій у.—155: Малмыжскій у.—156: Сарапульскій у.—157: Елабужскій у.—158: Заключеніе о м. к въ Вятскихъ говорахъ. Pro domo sua. Формы типа ляхче.

§ 145. Великорусское населеніе Вятской губ. дѣлится на цѣлый рядъ этнографическихъ группъ [1]).

Юговостокъ губерніи, уѣзды: Сарапульскій, Елабужскій и прилегающія части Малмыжскаго, вмѣстѣ съ сѣверовостокомъ—сѣверо-восточною частью Слободского у., составлявшею прежде особый Кайскій у. и извѣстною теперь подъ именемъ „Кая“, и восточною частью Глазовскаго у. (т. наз. Зюздино)—въ этнографическомъ и діалектологическомъ отношеніи стоятъ ближе къ Пермской губ., исключая лишь такъ называемыхъ починовцевъ, позднѣйшихъ переселенцевъ „съ Вятской стороны“.

Средина южной части Яранскаго у., группирующаяся около Царевосанчурска, представляетъ собою своеобразную этнографическую группу, своимъ говоромъ и бытомъ ближе всего напоминающую жителей Нижегородскаго края. И здѣсь въ старину былъ особый Царевосанчурскій уѣздъ, принадлежавшій къ Казанской губерніи.

Въ Уржумскомъ у., при массѣ позднѣйшихъ переселенцевъ изъ центра Вятской губ., хорошо сохранившихъ свой

*) Для описанія говоровъ Вятской губ. я пользовался также отвѣтами на свою программу, разосланную мною въ 1906 г.; отвѣтовъ получено было нѣсколько сотенъ; принадлежатъ они сельскимъ учителямъ, священникамъ и учащимся; получены мною черезъ посредство слѣдующихъ лицъ: протоіерея І. Н. Вознесенскаго, Г. А. Замятина, протоіерея В. Ѳ. Карышева, протоіерея А. Н. Кедрова, члена Госуд. Думы С. С. Липягова, протоіерея М. І. Ложкина, А. А. Рукина и Л. Ф. Худяковскаго.—Приношу всѣмъ названнымъ лицамъ свою глубокую благодарность.

1) Объ этомъ см. мою статью „Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губ.“ (Пам. Кн. Вятск. губ. на 1905 г.); ниже мы вносимъ нѣкоторыя поправки и много дополненій.

Вятскій говоръ, есть очень значительная группа, характеризующаяся совсѣмъ инымъ говоромъ: *с* вм. ц, отсутствіе цоканья и чоканья. Представители этой же этнографической группы встрѣчаются кое-гдѣ и въ Малмыжскомъ у., гдѣ они извѣстны подъ прозвищемъ „гага́ры".—Среди заводскихъ жителей Уржумскаго у. обычно аканье, что́ встрѣчается также и на заводахъ у. Глазовскаго (напр. Омутнинскій заводъ) и Малмыжскаго.

Все прочее пространство Вятской губ. можетъ быть причислено къ центральной части, и жители его, имѣющіе между собою весьма много общаго, могутъ быть названы собственно вятчанами, какъ они и слывутъ въ народѣ. Но и они не представляютъ собою вполнѣ единаго цѣлаго, распадаясь на двѣ группы: „котеляне" (по имени Котельническаго у.) и собственно вятчане (въ уѣздахъ Вятскомъ, Орловскомъ и частью Слободскомъ). Главныя отличительныя особенности говора котелянъ: м. к и чоканье безъ цоканья; въ говорѣ вятчанъ—собственно нѣтъ м. к и обычна взаимная мѣна ч и ц (точнѣе: мужчины [1]) чаще чокаютъ, а женщины—цокаютъ). Изъ собственно-вятчанъ можно еще выдѣлять особую подгруппу слобожанъ (жителей юго-западной части Слободского у.), которые, цокая по-вятски и зная м. к, сохранили неслоговое ў (черта Двинского говора) и усвоили склонность къ возвратнымъ формамъ глаголовъ: стираться, мыться вм. мыть бѣлье и т. п. (черта Пермскаго говора).

М. к въ Вятской губ. распространено гл. обр. въ говорахъ мѣстностей, населенныхъ позднѣе, гдѣ еще въ XVIII-мъ и даже въ XIX-мъ вѣкахъ былъ болѣе или менѣе сильный приливъ новаго населенія, и притомъ тамъ, гдѣ преобла-

[1]) Различіе въ говорѣ мужчинъ и женщинъ объясняется наслѣдственностью: дочери въ крестьянской семьѣ, находясь подъ ближайшимъ руководствомъ матери, подражаютъ ей и въ говорѣ; напротивъ, мальчики ближе во всемъ къ отцу. Нѣкогда же, вѣроятно, вятчане брали себѣ женъ отъ представителей иной этнографической группы.—На своей родинѣ, въ с. Люкѣ Сарапульскаго у., я часто встрѣчалъ дѣтей 10 — 14 лѣтъ, которые не могли произносить звука ц, замѣняя его черезъ ч; съ теченіемъ времени этотъ недостатокъ рѣчи исчезалъ. Я склоненъ объяснять его наслѣдственностью: хотя теперь говоръ въ Люкѣ не знаетъ цоканья, но прежде онъ былъ цокающимъ: сохранились пережитки въ родѣ *цело* вм. чело.

дала колонизація съ сѣверо-запада — изъ при-Сухонскаго края (гл. обр. Тотемскаго у.) непосредственно или посредственно. Напротивъ, тамъ, гдѣ преобладала колонизація съ сѣверо-востока или съ сѣвера: съ восточныхъ притоковъ Двины для центра губерніи и изъ Прикамья для юго-востока губерніи,—тамъ м. к нѣтъ.

Но кромѣ этой позднѣй колонизаціи съ сѣверо-запада, были еще и иныя пути проникновенія м. к на Вятку: 1) такъ называемые „кукáра", т. е. жители слободы Кукарки Яранскаго у. и сосѣднихъ съ нею мѣстъ, издавна занимавшіеся отхожимъ плотничествомъ, могли принести интересующую насъ черту съ средней Волги, изъ Костромского края; отъ кукаръ же, какъ служащихъ образцомъ образованности, м. к могло распространиться въ Яранскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ, а частью и на югѣ Котельническаго у. — 2) На нѣкоторые горные заводы Вятской губ. м. к было принесено южно-великоруссами (а въ одномъ случаѣ череповцами), которыхъ переводили сюда заводовладѣльцы или непосредственно съ ихъ родины *), или же черезъ посредство Пермскихъ заводовъ.—3) Въ нѣкоторыя мѣстности Нолинскаго и Малмыжскаго уу. м. к занесено, повидимому, старовѣрами.—4) Наконецъ и самое главное, въ уѣзды, расположенные при р. Вяткѣ, — Уржумскій, Нолинскій, Малмыжскій, Яранскій и Орловскій,—м. к должны были занести сгонщики плотовъ и бурлаки: отхожій бурлацкій промыселъ здѣсь давній, а на Волгѣ бурлаки легко сталкивались съ южновеликоруссами (срв. § 187).

§ 146. Вопросомъ о колонизаціи Вятскаго края занимались какъ историки (въ послѣднее время Верещагинъ [1]), такъ и діалектологи (Будде [2]), Соболевскій [3]).—

*) Въ началѣ XIX в. переведено 300 д. изъ Череповскаго у., гл. обр. Уломской вол. (Новгор. Г. В. 1896, № 57, ст. Герасимова); въ 1814 г. 380 д. съ юга Яранскаго у. переведены на Холуницкіе заводы (Столѣтіе Вятск. губ. II, с. 490—507), куда переводились также крестьяне изъ Вологодской, Нижегородской и Калужской губ. (Вят. Г. В. 1894, № 2, ст. В. Ведерникова).

1) Вопросъ о первоначальномъ заселеніи Вятки Русью (Пам. Кн. Вятск. губ. и Календ. на 1905 г., с. 179 и сл.).

2) Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. XIV, вып. 2.

3) Р. Ф. В., т. LV, 1906, № 1—2, с. 80 и сл. („Замѣтка о Вятскомъ говорѣ").

Прежніе историки, съ Карамзинымъ и Костомаровымъ во главѣ, повторяли легенду „Хлыновскаго лѣтописца“ о Новгородскихъ ушкуйникахъ, приплывшихъ на мѣсто нынѣшней Вятки снизу, а частью по рр. Камѣ и Чепцѣ, въ 1174 г. Полная анахронизмовъ, легенда эта отвергнута теперь въ подробностяхъ, хотя не исключена возможность, что ядро ея нужно признать вѣрнымъ: первою группой прибывшихъ на Вятку русскихъ легко могли быть новгородцы *).

Е. Ѳ. Будде роднитъ русскихъ вятчанъ съ Рязанскими вятичами, съ чѣмъ не согласится, конечно, ни одинъ историкъ, какъ не могутъ согласиться и діалектологи [1]).—А. И. Соболевскій, но основаніи діалектологическихъ данныхъ, относитъ начало заселенія Вятки русскими къ XII-му вѣку; метрополіею вятчанъ онъ считаетъ Бѣлозерскую область [1]).

Для нашей задачи вопросъ о первоначальномъ заселеніи Вятскаго края русскими представляетъ очень мало интереса: относить ли это событіе къ XII или къ XIV-му вѣку, выводить ли первыхъ русскихъ вятчанъ изъ Новгорода, съ Бѣлоозера или даже изъ Рязани, — безспорно одно, что *первые* вятчане не могли принести на Вятку интересующей насъ діалектической черты: въ великорусскихъ говорахъ XII—XIV вв. нигдѣ этой черты еще не было.

Колонизація Вятскаго края продолжалась вплоть до XIX-го вѣка включительно и колонизація эта шла сюда не съ юга, а съ сѣвера. Эти два положенія для нашей задачи несравненно важнѣе всѣхъ прочихъ; ихъ мы и постараемся установить въ дальнѣйшемъ.

Въ началѣ XV-го вѣка на Вяткѣ проживали Суздальско-Нижегородскіе князья, которые, безспорно, привели съ собой на Вятку немало русскихъ людей [2]). Это, пожалуй, единственный фактъ изъ *древней* колонизаціи Вятскаго

*) Имя древнѣйшаго на Вяткѣ города *Кокшарова* (теперь Котельничъ) естественнѣе всего связывать съ названіемъ „кокшаровъ“, т. е. жителей по р. Кокшеньгѣ Тотемскаго и Вельскаго уу. Вологодской губ.; а среди кокшаровъ есть безспорные выходцы Новгорода.

1) А. И. Соболевскій, Замѣтка о Вятскомъ говорѣ (въ Р. Ф. В. 1906, № 1—2).

2) Срв. Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1906, вып. 1—2, отд. 3, с. 30; Календ. Вятск. губ. на 1890 г., с. 125, статья А. А. Спицына.

края, который можетъ быть точно установленъ. Не исключена возможность, что эта партія русскихъ людей прошла на Вятку съ юга—по рр. Камѣ и нижней Вяткѣ, такъ какъ одинъ изъ Суздальско-Нижегородскихъ князей на Вяткѣ былъ большимъ пріятелемъ татарскихъ хановъ и болгарскихъ бековъ, съ которыми вмѣстѣ онъ не разъ ходилъ войною на русскіе города.

При всемъ томъ, русскихъ на Вяткѣ тогда было немного. Въ XV-мъ в. всѣ русскія поселенія были сосредоточены здѣсь въ области средняго теченія р. Вятки, около трехъ „городковъ": Котельнича, Орлова и Хлынова. — Въ 1489-мъ году эти три городка, вмѣстѣ съ тянувшими къ нимъ деревнями, были взяты Московскою ратью, послѣ чего Москва „всю [русскую] Вятку развела" по Московскимъ областямъ, переселивъ вятчанъ въ Боровскъ, Алексинъ и др. города [1]).—Къ сѣверу отъ р. Чепцы начинались тогда селенія „арскихъ князей" (каринскихъ татаръ) и „арскихъ людей" (вотяковъ); къ югу же, ниже устья Моломы и Котельнича, шли селенія черемисъ.

И даже въ началѣ XVII в., судя по писцовымъ книгамъ Толочанова 1629 и 1632 гг. (книги эти изданы въ „Трудахъ" Вятской Архивной комиссіи 1909 г., вып. 1—3), населеніе, наприм. Котельническаго у. (для насъ наиболѣе интереснаго, такъ какъ здѣсь шире всего распространены говоры съ м. к) было весьма малочисленнымъ. Писцы насчитали въ этомъ уѣздѣ тяглыхъ крестьянъ 152 двора, съ 380 чел. въ нихъ, и оброчныхъ крестьянъ 347 дворовъ, съ 362 чел. [2]). Всего, такимъ образомъ, было въ уѣздѣ 499 крестьянскихъ дворовъ съ 742 д.; не сосчитаны тутъ только крестьяне монастырскіе, которыхъ въ Котельническомъ у. было крайне мало.—Группировалось тогдашнее населеніе гл. обр. около гор. Котельнича, по близости къ рр. Вяткѣ и Моломѣ. Погостовъ въ 1629 г. было только пять: Гостево, Юрьево, Молотниково, Курино и, пятый, въ городѣ [3]).

Границы тогдашняго Котельническаго у., правда, не вполнѣ совпадали съ нынѣшними: южная оконечность при-

[1]) Тамъ же, с. 3, гдѣ и цитаты.

[2]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1909, вып. 2—3, с. 66, и вып. 1, с. 39.

[3]) Тамъ же, 1909, вып. 1.

надлежала тогда, вѣроятно, къ Яранскому уѣзду: такъ было, по кр. м., въ 1795 г., когда волости Сорвижская, Васильевская и сомнительная Арбажская принадлежали къ Яранскому у. [1]). Но на сѣверѣ уѣздныя границы совпадали, повидимому, съ нынѣшними: по кр. м., по переписи 1654 г. крайнимъ сѣвернымъ приходомъ Котельническаго у. помѣченъ Окатьевскій [2]), что̀ не такъ далеко отъ нынѣшней сѣверной границы уѣзда. Между тѣмъ, въ настоящее время въ предѣлахъ Котельническаго у. живетъ болѣе 330 тс. д., а считая и городъ—около 340 тс. [3]), т. е. въ 450 разъ болѣе.

Уже этотъ подсчетъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что сюда происходилъ сильный приливъ населенія со стороны. Изъ данныхъ ревизій XIX-го вѣка мы узнаемъ, что западная половина Котельническаго у. продолжаетъ колонизоваться еще во второй половинѣ XIX-го вѣка: въ двадцатилѣтній періодъ времени отъ 1858 г. по 1878 г. здѣсь прибыло 79% населенія [4]).

Что касается хода колонизаціи въ Котельническій у., то главная струя колонизаціи шла сюда, безспорно, съ сѣвера и сѣверо-запада, изъ Придвинья и Присухонья, по р. Моломѣ. Доказательства этому можно усматривать въ слѣдующемъ:

Въ писцовыхъ книгахъ Толочанова 1682 г. по Котельническому у. живущіе въ погостахъ на церковной землѣ тяглые бобыли весьма часто носятъ фамиліи (точнѣе прозвища) географическія, очевидно по мѣсту своей прежней родины. Такъ, въ Юрьевѣ на р. Моломѣ изъ 35-и бобылей было 2 съ фамиліями „Устюжанинъ“, 1 „Вычажанинъ“ (по имени р. Вычегды), 1 „Ярославецъ“ и 1 „Кукарко“ (с. 26); въ Гостевѣ 3 „Вычагженина, 1 „Двинянинъ“ (с. 15); въ Куринѣ 3 „Устюженина“, 1 „Двинянинъ“, 1 „Коргополецъ“; въ Слободкѣ на Репенныхъ Исадехъ: 1 „Устюженинъ“, 1 „Важенинъ“, 1 „Усолецъ“ (изъ Тотемскаго Леденгскаго Усолья?) и 1 „Ветлуженинъ“ (с. 39).—И у про-

---

1) Столѣтіе Вятской губерніи, II, 756.

2) Тамъ же, с. 742—3.

3) Пам. Кн. Вятск. губ. и календ. на 1912 г., с. 98 (данныя 1910 г.).

4) Столѣтіе Вятской губ. II, 817—818, срв. с. 816, статья Н. Романова.

чихъ бобылей фамиліи болѣе похожи на прозвища, только уже не географическія, а по ремеслу и другимъ признакамъ, напр.: „швецъ“, „ганчаръ“, „коновалъ“, „плотникъ“, „кузнецъ“ (с. 26). У тяглыхъ крестьянъ, напротивъ, подобныя фамиліи-прозвища очень рѣдки, и по формѣ онѣ болѣе походятъ на фамиліи въ современномъ смыслѣ; среди 380 душъ тяглыхъ встрѣтились только: Усолецъ (с. 18), 2 Южанина (с. 18; отъ р. Югъ), Вагинъ (с. 21), Двинянинъ (с. 31) и 2 Пермина (изъ пермяковъ?)

Есть основанія полагать, что многимъ бобылямъ фамиліи давались писцами во время самой переписи, ad hoc, при чемъ писцы и сообразовались б. ч. съ мѣстомъ родины или же съ ремесломъ бобылей. Вѣроятно, у нѣкоторыхъ бобылей прежде не было фамилій (или, быть можетъ, они скрывали свои фамиліи, будучи бѣглыми?). Тогда „устюжаниновыхъ“, „вычегжаниныхъ“ и др. подобныхъ выходцевъ съ Вологодскаго сѣвера нельзя будетъ признавать на Вяткѣ XVII-го вѣка исключеніемъ изъ правила, а придется признать самымъ правиломъ.—Во всякомъ случаѣ, существованіе въ XVII-мъ вѣкѣ на Вяткѣ выходцевъ изъ Придвинья внѣ всякаго сомнѣнія: колонизація съ сѣвера, значитъ, была; а такъ какъ другихъ путей для колонизаціи почти не было, то и приходится признать сѣверную колонизацію если не единственною, то преобладающею.

У оброчныхъ крестьянъ мы опять сталкиваемся съ обиліемъ географическихъ прозвищъ: изъ 362 чел. 77 носятъ фамиліи географическія. Объясняется это обстоятельство, думаемъ, тѣмъ, что оброчные крестьяне, въ противоположность тяглымъ, жили на Вяткѣ еще недавно (почему и не попали еще въ тягло?), фамилій не имѣли или скрывали ихъ, а мѣсто своего прежняго жительства въ другихъ краяхъ еще хорошо помнили. Подсчитывая эти географическія фамиліи оброчныхъ крестьянъ, находимъ 12 „устюжениновъ“, 10 „юженинovъ“, къ коимъ нужно присоединить и двухъ лицъ съ фамиліей „южакъ“ [1]) (на с. 19 ошибочно: отжакъ): обѣ фамиліи образованы отъ имени р. Юга, притока р. Сухоны; сюда же 2 фамиліи „южанинъ“ и 2 же „южинъ“ (с. 8 и 19), такъ что общее число выходцевъ съ

[1]) *Южакъ* собственно означаетъ: живущій на р. Югъ (Жив. Стар. 1899, № 2, с. 177, ст. Г. Потанина).

р. Юга, если судить по фамиліямъ, 16. Дальше слѣдуютъ 10 лицъ съ фамиліею „Вычагжанинъ“, 7 „Вилегженинъ“ (пишется разно: Вылеженинъ и т. п., отъ р. Виляди, протекающей по Сольвычегодскому у.); 5 лицъ съ фамиліею „Пенижанинъ“ (отъ р. Пинеги); 3—„Новгородецъ“; по 2—„Вологжанинъ“, „Переславецъ“, „Усолецъ“, „Важенинъ“. „Стародубцевъ“; по 1—„Вагинъ“ (отъ той же р. Ваги, отъ коей и фамилія Важенинъ), „Тотменинъ“, „Двиненинъ“, „Заонежанинъ“, „Казанецъ“ (вѣроятно отъ Казанскаго у.). Мы опустили 6 „Перминыхъ“, такъ какъ не знаемъ, отъ какой Перми произошла эта фамилія: б. м. отъ той же, отъ коей произошло и имя св. Стефана Велико-*Пермскаго*, б. м. и отъ финскаго народа Пермяковъ, остатки коего доселѣ обитаютъ въ Орловскомъ у. Вятской губ.

Лишнее подтвержденіе тому, что фамиліи эти дѣйствительно могутъ служить показателемъ *главнаго направленія* въ ходѣ колонизаціи на среднюю Вятку, можно видѣть въ томъ, что въ подобной же книгѣ по сосѣднему Яранскому уѣзду мы встрѣчаемъ уже совсѣмъ иныя фамиліи: 10 лицъ съ фамиліей „Вятченинъ“ и по 1 „Двиненинъ“ и „Перминъ“ говорятъ о томъ, что и сюда двигался народъ съ сѣвера; но здѣсь 4 лица носятъ фамилію „Ветлуженинъ“, 2 „Костромитинъ“, 3 „Балахонецъ“, 1 „Чебоксаренинъ“, 1 „Коломнетинъ“, 2 „Санчуренинъ“, 1 „Кокшаженинъ“ (отъ р. Кокшаги, на коей стоитъ гор. Царево-Кокшайскъ), 5 „Кукаренинъ“, 1 „Малмыженинъ“ [1]), а въ Царевосанчурскомъ у. еще 1 „Галиченинъ“ [2]), что̀ не оставляетъ сомнѣнія въ существованіи рядомъ слабой колонизаціи съ юга и запада.

Итакъ, существованіе въ началѣ XVII в. довольно сильной колонизаціи съ сѣвера въ предѣлы нынѣшняго Котельническаго у. внѣ сомнѣнія. Причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ ходъ колонизаціи могъ бы здѣсь совершенно перемѣниться въ дальнѣйшее время, исторіи никакихъ не извѣстно. И для вѣковъ XVII—XIX, вплоть до полнаго прекращенія новыхъ вселеній въ Котельническій уѣздъ, необходимо предполагать господство того же самаго направленія колонизаціи—съ сѣвера на югъ. Лишнее доказательство тому имѣется въ слѣдующихъ фактахъ; весьма

[1]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1906, вып. 5—6, с. 14 и 17—18.

[2]) Тамъ же, с. 20.

значительное количество населенія Яранскаго у. переселилось сюда въ XVIII и XIX вв. изъ Котельническаго у. (т. е. подвигалось съ сѣвера на югъ, а не наоборотъ), почему и слыветъ въ народѣ подъ именемъ „котелянъ". По точному подсчету статистиковъ, только втеченіе 20-ти лѣтъ послѣ 10-ой ревизіи изъ Котельническаго у. переселилось въ Яранскій 2244 д. [1]).

О томъ, что Вологодскіе выходцы прочно осѣдали въ Котельническомъ у., свидѣтельствуетъ большой рядъ названій мѣстныхъ селеній. Такъ, 9 селеній Котельнич. у. получили свои названія отъ р. Виляди; таковы, по Списку насел. мѣстъ, №№ 4208, 4221, 4222, 4270, 5579, 6109, 7106 и 7140 (данныя 1859—1873 гг.); девятое см. въ „Матер. по статистикѣ Вятск. губ." X, ч. 2 (данныя 1892 г.). Есть здѣсь и Тотменины (№ 4380; срв. Матер. по стат. X, ч. II, с. 90, № 3 и 482, № 83), Суханы (4888—89, 6676), имена деревень отъ р. Ваги (4286, 4415, 4895, 5636, 5643, 6236, 7017, 7372), отъ р. Двины (4255, 5584, 5698, 6419, 6526), Лузята (6357), Колмогоровшина (5993), Каргопольцовскій (5125, 7303, 5225). Имена селеній: Суздалы (5199) и Стародубцовы (4017, 4031, 4327, 5494, 5561, 6821, 7108, 7200, 7259, 7263), быть можетъ,— слѣдъ древнѣйшей Суздальской колонизаціи.

Мѣстныя народныя преданія, сохраняющіяся до сихъ поръ, свидѣтельствуютъ о томъ же самомъ ходѣ колонизаціи. Такъ, напр., б. ч. прихожанъ с. Окатьева выводятъ своихъ предковъ съ сѣвера — съ Двины и ея притоковъ; жители селеній „Совины, Первушины и Кутюргуны производятъ себя изъ Верхомоломскаго монастыря (Никольскаго у., № 6918); Гущины, Лечебнины — изъ Лодейны, селенія за 90 в. отъ Устюга" (тоже Никольскаго у., № 6914). „Да и самыя фамиліи прихожанъ, — продолжаетъ мѣстный авторъ [2])—подтверждаютъ тоже самое. Въ приходѣ немало фамилій — „Устюжаниныхъ", объявляющихъ себя пришедшими изъ Устюга. „Холмогоровыхъ" — изъ г. Холмогоръ, „Двинскихъ"—съ р. Двины, „Лузениныхъ"—съ Лузы, притока Двины. Оттуда же пришедшими объявляютъ себя Ковины, которыхъ немало въ приходѣ; въ приходѣ есть селеніе подъ названіемъ „Южата", жители коего объявляютъ

[1]) Романовъ, Переселенія крестьянъ Вятск. губ. 124.

[2]) Вят. Г. В. 1883, № 56; первая церковь въ селѣ съ 1635 г.

себя пришедшими съ Юга, притока Двины. Немало прихожанъ, пришедшихъ съ Пушмы, притока же Двины". — Основателями дер. Отешевской (близъ гор. Котельнича) были устюжане, принесшіе съ родины солодовенное производство, составляющее ихъ главное занятіе и теперь [1]). Въ починкѣ Корякинскомъ (Патруши тожъ, въ 25 в. отъ у. гор.) поминаютъ въ семикъ „Устюжскихъ родителей" [2]), какой обычай существуетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Вятской губ., исключая Кая, гдѣ поминаютъ не „Устюжскихъ родителей" а „чудскихъ" [3]).

Приведенныя данныя намъ, въ сущности, не объясняютъ появленія м. к въ говорахъ Котельническаго у.: ни на р. Виляди, ни на р. Вагѣ, Лузѣ, Пинегѣ, ни на Двинѣ, ни въ Устюгѣ м. к нѣтъ. Только съ Тотьмы и Сухоны, да еще изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Устюжскаго и Никольскаго уу. могло проникнуть въ Котельническій у. м. к. Видимое затрудненіе легко объясняется тѣмъ, что мы говорили б. ч. о древней (начала XVII в. и ранѣе) колонизаціи Котельническаго у.; между тѣмъ, м. к принесено сюда, судя по всему, позднѣе—въ концѣ XVII или, еще скорѣе, въ XVIII—XIX-мъ вв. Для этого, поздняго, времени ходъ колонизаціи приходится предполагать вообще прежній, съ сѣвера, но теперь было, очевидно, больше переселенцевъ уже съ Сухоны и изъ Тотьмы (вообще оттуда, гдѣ въ говорѣ было м. к), а не съ Двины.

§ 147. Говоры Котельническаго у. мнѣ извѣстны сравнительно очень хорошо. Мои личныя наблюденія относятся главнымъ образомъ къ центральнымъ мѣстностямъ этого у.; но чрезъ посредство о. І. Н. Вознесенскаго, бывшаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Котельническаго уѣзда, я получилъ отвѣты на свою діалектологическую программу почти отъ всѣхъ завѣдующихъ мѣстными церковными школами, гл. обр. отъ священниковъ, всего до 50-ти. Въ результатѣ у меня оказались свѣдѣнія

---

[1]) Вят. Г. В. 1871, № 30, Сѣнниковъ.

[2]) Рукопись учит. Корякина въ бумагахъ Вят. Губ. Стат. Ком.; Вятск. Епарх. Вѣдом. 1876, № 20, с. 570—1, Ст. Кашменскій.

[3]) Вят. Г. В. 1895, № 53, П. Сорокинъ.

о всѣхъ приходахъ этого уѣзда, исключая лишь одного — Окатьева [1]).

М. к извѣстно здѣсь почти всюду, исключая лишь сѣверныхъ окраинъ уѣзда, частью западныхъ окраинъ и нѣкоторыхъ селеній въ центрѣ. Но въ бо́льшей части мѣстностей м. к здѣсь очень не послѣдовательно, почему наблюдатели изъ одной и той-же мѣстности иногда какъ бы противорѣчатъ одинъ другому: одинъ говоритъ о присутствіи м. к, другой — объ отсутствіи его; противорѣчіе это объясняется просто-на-просто тѣмъ, что въ виду имѣется говоръ различныхъ лицъ, а иногда и говоръ разныхъ деревень.

Такое противорѣчіе, получилось, напр., по вопросу о говорѣ Гвоздевской волости: свящ. с. Красногорья этой вол., Аз. Ложкинъ, не встрѣтилъ здѣсь м. к (отвѣтъ на мою прогр.), между тѣмъ въ отвѣтѣ на прогр. Академіи № 35 (Матер. V, 161) м. к въ Красногорьѣ отмѣчено: сахаркю, рюмочкю, солнышкѣ и т. п.; я наблюдалъ м. к въ деревняхъ около с. Красногорья: Ярмины и Лебедевы (въ 1906 г.) и въ с. Юрьевѣ той же вол.: орло́ськёй и т. п. [2]). При всемъ томъ, въ Гвоздевской вол., гдѣ встрѣчается очень старое населеніе, должны быть говоры и безъ м. к. Въ томъ же селѣ Юрьевѣ я встрѣтилъ многихъ крестьянъ, въ говорѣ коихъ м. к не было, хотя другія особенности мѣстнаго произношенія были на лицо; живя въ этомъ селѣ болѣе недѣли и посѣтивъ многихъ крестьянъ въ ихъ домахъ, я вынесъ такое впечатлѣніе: у живущихъ на окраинахъ села м. к есть, у живущихъ въ центрѣ—нѣтъ. Имѣю основаніе думать, что на окраинахъ обитаютъ болѣе поздніе насельники.

---

1) О говорѣ с. Окатьева приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія въ Вят. Г. В. 1883, № 60: здѣсь отмѣчено чоканье: ругатьча, чарь; шшоголь вм. щеголь, шшотка; е изъ я: счесье вм. счастье, еичо; штё, пошшё. О м. к упоминанія нѣтъ; судя по составу мѣстнаго населенія (§ 146), м. к и не должно быть здѣсь.

2) Отъ крестьянина-слѣпца с. Юрьева мною записана сказка, напечатанная мною въ Жив. Стар. 1903, № 3, с. 406—7, къ сожалѣнію — со многими опечатками; м. пр., въ типографіи, очевидно, не было литеры ё, и она замѣнила эту литеру знакомъ *е* съ тяжелымъ ударе́ніемъ (корректура мнѣ въ Юрьевѣ прислана не была), такъ что м. к отразилось далеко не вездѣ. Въ хрестоматію Дурново-Ушакова (с. 88—90) сказка эта вошла со всѣми типографскими недоразумѣніями.

Свящ. П. Сырневъ отмѣтилъ отсутствіе м. к въ Круглыжской вол. (отвѣтъ на мою прогр.; волость эта почти въ самомъ центрѣ уѣзда); но въ Ново-Царскомъ приходѣ этой вол. (дер. Плотники и др.) я наблюдалъ м. к. — Въ с. Юмѣ одинъ авторъ отвѣта на мою прогр. отмѣчаетъ м. к, другой отрицаетъ его существованіе; я наблюдалъ м. к въ дер. Коробейники Юмскаго прихода: маленькяя и и т. п. — Подобныя же противорѣчія получились въ отвѣтахъ изъ волостей: Тороповской (с. Высоково), Батаевской (с. Высокогорье) и Красавской (с. Семеновское).

Есть однако же въ Котельническомъ у. мѣстности, отсутствіе въ говорѣ коихъ м. к безспорно. Таковъ прежде всего городъ Котельничъ, прекрасное описаніе [1]) коего мы имѣемъ еще отъ 1850-хъ годовъ, когда жизнь горожанъ не отличалась отъ деревенской и въ говорѣ сохранялось даже чоканье, но м. к не было.—Крайне рѣдка эта черта въ с. Молотниковѣ, Игумновской вол.—Проф. Колосовъ былъ въ дер. Жареныхъ (старинное селеніе Смертинской вол.) и въ дер. Осинкиной; тамъ и здѣсь м. к не встрѣтилъ: руськое, земьское.—Проф. Будде записалъ нѣсколько словъ отъ крестьянина „села Вознесенское, Георгія": говоръ безъ м. к и вообще Вятскаго типа, а не Котельническаго [2]); имя села способно вызвать недоумѣніе, но крестьянинъ *могъ* такъ назвать село Гостево, гдѣ церковь въ честь Вознесенія и Св. Георгія.— Сюда же можно присоединить с. Окатьево, о коемъ рѣчь была выше.

На основаніи сказаннаго можно сдѣлать такой выводъ: старѣйшія по времени селенія Котельническаго у. (таковы: гор. Котельничъ, Гостево, Молотниково, Юрьево, Круглыжъ, Окатьево) м. к совсѣмъ или почти не знаютъ; болѣе новыя селенія, напротивъ, всѣ знаютъ. — Этотъ выводъ вполнѣ согласуется съ данными сосѣдняго Вятскаго уѣзда: послѣдній весь заселенъ въ раннее сравнительно время и тамъ м. к почти нигдѣ нѣтъ (§ 148).

---

[1]) Глушковъ, Топографич. опис. гор. Котельнича (Этн. Сборн. V, 1861).

[2]) Учен. Записки И. Казанск. Унив. 1896, № 10, с. 32.

Если соглашаться съ тѣмъ, что въ Котельническій у. м. к занесено въ позднее сравнительно время (никакъ не раньше конца XVII в.) и если не забывать, что значительная часть населенія явилась сюда изъ мѣстностей, гдѣ м. к нѣтъ (Сольвычегодскій и сосѣдніе уу.), — то непонятнымъ становится очень широкое распространеніе здѣсь м. к и вообще сравнительное однообразіе Котельническихъ говоровъ.—Это недоумѣніе разрѣшается легко. Во 1-хъ, впродолженіе всего почти XIX-го вѣка и второй половины XVIII-го въ предѣлахъ Котельническаго у. происходила сильная перетасовка населенія: крестьяне массами передвигались съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, ища лучшихъ мѣстъ для поселенія и въ особенности ища лѣса; многіе при этихъ передвиженіяхъ вышли изъ предѣловъ своего уѣзда въ сосѣдніе—Яранскій (срв. § 158) и Никольскій [1]); большинство же осталось въ своемъ уѣздѣ: въ теченіе только 20-ти лѣтъ, послѣ 10-ой ревизіи, въ Котельническомъ у. переселились изъ одной волости въ другую 4549 чел., что составляло 5,18% всего населенія [2]). Конечно, при такого рода перетасовкѣ, населеніе объединялось, усваивало одни и тѣже новыя признаки и одинаково теряло одни и тѣ же старые. Между прочимъ, неслоговое ў, столь обычное въ метрополіи большинства котелянъ — на Двинѣ, сохранилось въ Котельническомъ у. въ весьма немногихъ пунктахъ, а именно: въ приходѣ с. Порѣлья, Шубенской вол., на крайнемъ сѣв.-вост. у., у границы съ Вологодскою губ. и Орловскимъ у.: наѣвся, напився; въ приходѣ с. Даровского, на сѣв.-зап. у.: бо̀ўшни „видъ саней“; въ приходѣ с. Верхокурина: ходив, довго, рядомъ съ болѣшой (сообщ. свящ. Сушковъ) и въ приходѣ с. Богословскаго, Батаевской вол., на юго-западѣ у, у самой границы съ Костромской губ.: быў, ходиў, по̀ўзать, ко̀ўды. М. к встрѣчается во всѣхъ этихъ четырехъ мѣстностяхъ, но б. ч. рѣдко и не послѣдовательно.

Чтобы покончить съ говорами Котельническаго у., стоитъ еще отмѣтить, что здѣсь мы имѣемъ едва ли не самое обширное сплошное пространство, гдѣ великоруссы совсѣмъ

[1]) Срв. Жив. Стр. 1899, с. 45, Гр. Потанинъ.

[2]) Романовъ, Переселенія крестьянъ Вятской губ. 124.

не знаютъ звука *ц*. Если исключить немногія окраины уѣзда, гдѣ говоръ еще не Котельническій, то на всемъ прочемъ пространствѣ звукъ ц слышится крайне рѣдко, и то—какъ слѣдствіе психологической борьбы съ чоканьемъ, часто неудачной. Чаще слышатся съ *ц* культурныя слова, особенно географическія имена: Котéльница (вм. Котельничъ), Котельницкой. Мѣстный уроженецъ, крестьянинъ поч. Коряковскаго, Молосниковской вол., Корякинъ, теперь учитель мѣстной школы, отмѣчая, какъ общее правило, чоканье, замѣчаетъ: „котеляне сознаютъ звукъ *ц*, но, за неимѣніемъ знаній,... употребляютъ его невпопадъ“ [1]). То же самое мнѣ пришлось выслушать отъ одного полуобразованнаго кукарянина, мать котораго, родомъ изъ Котельническаго у., въ разговорѣ со мною (на пароходной пристани), въ присутствіи своего сына произнесла „корцáга“; послѣ ея ухода, сынъ, какъ бы извиняясь, замѣтилъ: „знаетъ, что нужно говорить съ ц, только не знаетъ, гдѣ его ставить, вотъ и бухнетъ иной разъ: корцáга“.

Если съ этимъ сопоставить, что въ Вятскомъ у. и въ бóльшей части Орловскаго мужчины почти исключительно чокаютъ (безъ цоканья), и только въ говорѣ женщинъ преобладаетъ цоканье [2]),—то не будетъ неожиданнымъ предположеніе, что отсутствіе въ Котельническомъ говорѣ звука *ц*—черта старинная, а не явившаяся въ недавнее время на почвѣ борьбы съ цоканьемъ.

Котельническій говоръ въ этомъ отношеніи не стоитъ одиноко. Съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской губ., т. е. на прежней родинѣ котелянъ, а также и въ другихъ мѣстахъ. Авторъ отвѣта на прогр. № 193 изъ с. Черевкова Сольвычегодскаго у., учит. К. В. Поповъ приводитъ цѣлый рядъ чокающихъ случаевъ: черковь, чѣна, винчё и т. п., и замѣчаетъ: „обратнаго произношенія *ц* вм. *ч* здѣсь не слышно“ (Матер. IX, 57). Вполнѣ согласно съ этимъ, въ передачѣ Сольвычегодскаго подгороднаго говора Ординымъ (Жив. Стар. 1896, № 1, с. 53 и слѣд.) мы видимъ почти исключи-

[1]) Бумаги Вятск. Губ. Статист. Комитета.

[2]) Это приходилось много разъ наблюдать мнѣ самому; срв. Васнецовъ, Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. Вятка. 1908, с. 6.

тельно чоканье, очень частое, при крайне рѣдкихъ случаяхъ цоканья (въ устахъ женщины, какъ и на Вяткѣ).

Въ Ембской вол. Кадниковскаго у. отмѣчено только чоканье, безъ цоканья (Жив. Стар. 1895, с. 384). Въ Заднесельской вол. того же у. одни только „цивкаютъ“ (т. е. чокаютъ), другіе же только цокаютъ (прогр. № 25, А. Мерцаловъ: Матер. III, 50). — В. Ѳ. Миллеромъ напечатанъ (Изв. II Отдѣлен. Ак. Н. V, 1900, № 3, с. 747—768) Вологодскій интерлюдій XVIII в. „Шапошникъ и мужикъ“; въ немъ отражается говоръ „заозерскихъ пестерей“ (Заозерье—мѣстность за Кубенскимъ озеромъ)—говоръ, только чокающій, безъ цоканья (с. 750 и др.).—Въ Муромлѣ Петрозаводскаго у. одни (повидимоту, большинство) „во всѣхъ словахъ произносятъ ч“, другіе—м. ц (прогр. № 30, А. Георгіевскій: Матер. IV, 119).—Въ селеніяхъ по Вишерѣ Чердынскаго у. только чоканье, безъ цоканья (прогр. № 258, Ончуковъ: Матер. IX, 235); то же самое въ Полновскомъ приходѣ Демянскаго у. (устное сообщеніе А. Сергѣева), около гор. Устюжны (А. И. Соболевскій, Оп. діалектол. 104); Колосовъ нигдѣ не встрѣтилъ въ Новгородской губ. совпаденія въ одномъ говорѣ цоканья и чоканья (с. 18). По Далю, одно „чавканье“ (чоканье), безъ цоканья, около Порхова, около Оханска, въ Вязникахъ и въ Медыни (Предисловіе къ Толковому словарю, с. 35, 36, 39 и 43 по 1-му изд. [1]). О Медыни см. выше § 88.

На основаніи этихъ фактовъ думаю, что наши діалектологи напрасно видятъ въ цоканьѣ всегда взаимную мѣну звуковъ ц и ч (срв. мой отчетъ о поѣздкѣ въ Вятскую и Пермскую губ. въ „Отчетѣ“ II-го Отдѣл. Ак. Н. за 1908 г.).

Однообразію Котельническихъ говоровъ, равно какъ и широкому распространенію въ нихъ м. к способствовало еще одно обстоятельство, о которомъ мы выше не упоминали. Въ XIX-мъ в. здѣсь сильно развилось отхожее плотничество на Уралъ, гл. обр. въ Уральскіе заводы, гдѣ м. к встрѣчается не рѣдко. Работы плотниковъ всегда происходятъ артелями, что̀ много способствуетъ объединенію говора.

---

1) Мы не включили въ этотъ перечень данныхъ о говорахъ Вятской губ.: чоканье безъ цоканья встрѣчается здѣсь также въ Орловскомъ у. (см. ниже § 152), Нолинскомъ и др.

§ 148. Въ говорахъ Вятскаго у. м. к представляетъ собою крайне рѣдкое исключеніе. Самъ я слышалъ только въ устахъ молодого человѣка изъ с. Загарья: мамонькя, молоденькя, но собесѣдникъ мой работалъ на заводахъ въ Сибири, гдѣ его товарищами легко могли быть котеляне или кукары; во всякомъ случаѣ, въ данномъ случаѣ м. к не было туземною чертою.—Д. Краевъ сообщалъ мнѣ (въ письмѣ 1904 г.) о произношеніи копейкя въ приходѣ с. Кумёнъ, добавляя, что случаевъ съ -кю тамъ нѣтъ. — Г. Катаевъ (въ отвѣтъ на мою программу, полученномъ черезъ г. Рукина) сообщаетъ о м. к въ приходѣ с. Вознесенскаго (вѣр. Лутошкина, Нагорской вол., гдѣ въ пѣсняхъ, записанныхъ въ 1894 г. С. Скворцовою [1]), м. к еще не было); рядомъ съ Митькя, Ванькя отмѣчено здѣсь: сёдь-ко, Паранька, рѣцька.—Наконецъ, м. к отмѣчено еще (въ отвѣтѣ на мою программу, полученномъ черезъ С. С. Липягова) въ приходѣ с. Нижне-Ивкина, у границы Орловскаго у.

Т. обр., м. к встрѣчается въ предѣлахъ Вятскаго у. почти исключительно въ крайнемъ юго-западномъ углу его, на границахъ съ уѣздами Орловскимъ и Нолинскимъ. Что касается центра Вятскаго у., то тамъ м. к нѣтъ, хотя прочія особенности мѣстнаго говора сохраняются хорошо. Мнѣ извѣстенъ говоръ селеній: дер. Тиминцы, Кокуй, с. Макарье (всѣ около гор. Вятки), с. Чепца съ сосѣдними деревнями, с. Никулицыно, Полой, деревни около с. Просницы, Ардаши, Векшины, Рехино, Сименки (здѣсь одинъ солдатъ изрѣдка произносилъ и съ м. к, но вообще населеніе деревни м. к не знаетъ), деревни около с. Мѣдяны (неподалеку отъ с. Загарья) и др. Изъ другихъ лицъ отсутствіе м. к въ Вятскомъ у. отмѣчаютъ Колосовъ, Васнецовъ и др. (см. А. И. Соболевскій, Оп. діал. 58—60); а также отвѣты на мою программу изъ Якимовагинской вол., изъ селъ Каринки, Вяза и Никулицына.

Не было м. к въ говорахъ Вятскаго у. и прежде. Доказательство тому — говоры Глазовскаго у., русское населеніе коего пришло сюда почти исключительно изъ Вятскаго у.

Вятскій у.—единственный изъ западныхъ уѣздовъ Вятской губ., въ которомъ м. к нѣтъ. Съ двухъ сторонъ, съ

[1]) Календ. Вятск. губ. на 1894 г., с. 344—382.

юга и съ запада, онъ окруженъ говорами, знающими эту діалектическую черту, причемъ на югѣ она даже кое-гдѣ проникла и въ предѣлы Вятскаго у.

Сравнивая исторію Вятскаго у. съ исторіей сосѣднихъ уѣздовъ, мы находимъ одну разницу: составляя центральную часть всего края, Вятскій у. заселенъ раньше другихъ, сосѣднихъ съ нимъ, уѣздовъ. По писцовымъ книгамъ 1629 г. въ гор. Вяткѣ (тогда Хлыновѣ) было 390 тяглыхъ (не считая бобыльскихъ, нищихъ и пустыхъ) дворовъ; въ 1654 г. — 676 посадскихъ дворовъ и 7 приходовъ; въ уѣздѣ же 1654 г. было 22 прихода (изъ нихъ только 3 находятся теперь въ другихъ уѣздахъ: Подрѣльскій и Чудиновскій въ Орловскомъ и Лецкій въ Слободскомъ) съ 5526 дворами крестьянскими и 117-ю церковными; жителей было — крестьянъ (вѣр., только м. п.) 7152 и церковныхъ—127 [2]).—Населеніе, какъ видимъ, весьма значительное для того времени, особенно если принять во вниманіе небольшіе (немного болѣе нынѣшнихъ) размѣры уѣзда, въ которомъ и теперь числится менѣе 200 тс. д. об. пола (данныя 1910 г. въ Пам. Кн. Вятск. губ. на 1912 г., с. 98). Во всякомъ случаѣ, цифры эти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Вятскій уѣздъ заселился гораздо быстрѣе Котельническаго (см. § 146).

Всѣхъ позднѣе, въ предѣлахъ нынѣшняго Вятскаго у., заселена была русскими юговосточная часть, извѣстная прежде подъ названіемъ „Филипповой слободки“ [3]); нѣкогда земля эта принадлежала, повидимому, Каринскимъ татарамъ; теперь тутъ расположены волости: Филипповская, Селезневская, Сулаевская и Якшинская. И вотъ, въ концѣ XVIII в. и въ самомъ началѣ XIX-го мы видимъ здѣсь уже нормальный приростъ населенія: 8,26% и 14,32% [4]); т. е., мѣстное населеніе мы застаемъ въ 1782 году (время ревизіи, цифры которой намъ впервые извѣстны) уже вполнѣ установившимся, прочно осѣвшимъ на мѣстѣ: прилива населенія со стороны здѣсь тогда уже не было. Въ періодъ же времени съ 1811 по 1834 г. приростъ населенія въ данной

[1]) Списки насел. мѣстъ. Вятск. губ., с. XXIX (=Вят. Г. В. 1859, № 90).
[2]) Тамъ же, с. XXX.
[3]) Столѣтіе Вятской губ. II, 747.
[4]) Тамъ же, с. 748—752.

мѣстности только 6,75% — меньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ сосѣднихъ областяхъ [1]): очевидно, отсюда уже начались выселенія въ сосѣдній Глазовскій уѣздъ.

Другое отличіе въ исторіи населенія Вятскаго у. отъ исторіи сосѣдняго Котельническаго не можетъ быть точно доказано, но косвенно явствуетъ изъ многихъ соображеній. Можно думать, что въ Вятскомъ у. преобладала колонизація съ сѣвера—изъ Сольвычегодскаго и восточно-Устюжскаго, вообще—Двинского края, по рр. Летькѣ, Лекмѣ и Вяткѣ; въ Котельническомъ же у. преобладала колонизація изъ западно-Устюжскаго и вообще при-Сухонскаго края. Мы хорошо знаемъ, что по р. Моломѣ шелъ обычный въ старину путь изъ Устюга въ Котельничъ: когда въ 1542-мъ г. Казанская татарская рать въ количествѣ 40 тс. чел. ходила „черезъ Вятку" воевать Устюгъ, то на обратномъ пути „пошла та сила с Устюга Моломою рѣкою на плотѣхъ" (тутъ ее разбили вятчане, при чемъ только черемиса ушли *лѣсомъ* на Пижму рѣку" [2]). Рѣка Молома связывала Котельническій край съ при-Сухоньемъ, тогда какъ рр. Великая и Летька вели въ Орловскій, Вятскій и Слободской уѣзды изъ при-Двинья; волна колонизаціи по первой рѣкѣ принесла въ Котельничъ м. к, только не рано, такъ какъ и въ Вологодскомъ краѣ м. к появилось не особенно рано; въ при-Двиньѣ же м. к никогда не было, почему оно и не проникло въ Вятскій у., равно какъ и въ Слободской и на сѣверъ Орловскаго.

§ 149. Въ Слободскомъ у. м. к встрѣчается еще рѣже, нежели въ Вятскомъ. По сообщенію одного наблюдателя, м. к встрѣчается въ подгородныхъ деревняхъ Слободского, не далѣе 3—4-хъ верстъ отъ города: здѣсь „говорятъ тѣ и другія окончанія: Ванькя(а), чайкю(у), толькё(о), маменькя(а), сахаркю(у), рѣдькя(а), дочкя(а)" (прогр. № 222, отвѣтъ на § 34); рядомъ отмѣчены формы: деревеньской, правленьской, безъ м. к. Въ нѣсколькихъ деревнихъ около гор. Слободского я былъ въ 1902-мъ году, но м. к не слыхалъ; во всякомъ случаѣ, оно здѣсь очень рѣдко.

Авторъ отвѣта на мою программу отмѣчаетъ рѣдкіе случаи м. к (твердыя формы здѣсь чаще) въ с. Трехлю-

[1]) Тамъ же.

[2]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1905, № 2, с. 40.

чинскомъ Анкушинской вол.; но это село находится близъ самой границы съ Орловскимъ у., почему не характерно.

Изъ Кайгородской волости я имѣю три отвѣта на свою программу. Одинъ изъ нихъ, отвѣтъ волостного писаря г. Филимонова, отрицаетъ существованіе м. к для всей волости. Авторъ другого отвѣта, г. Князевъ, говоритъ о м. к въ дер. Южаки (№ 14.557?), гдѣ, по нему, говоръ акающій: бяда, чиво и т. п. (?) (вѣроятно, выходцы съ заводовъ или вообще недавніе переселенцы?). Авторъ третьяго отвѣта свидѣтельствуетъ о м. к въ самомъ с. Каѣ.

Какъ общее правило, м. к въ говорахъ Слободского у. нѣтъ. Мои продолжительныя наблюденія относятся къ приходу с. Лекмы и къ с. Шестакову, отчасти къ Совьѣ. Отвѣты на полную прогр. Ак. Н. относятся къ сёламъ: Нагорскому (№ 141), Полынкѣ (№ 55), Николаево-Берёзинскому (прогр. № 53), Мухину (48) и къ заводамъ: Холуницкому (прогр. № 32) и Кирсинскому (120); м. к нигдѣ не отмѣчено. Рядъ отвѣтовъ на мою программу изъ разныхъ мѣстностей уѣзда также не знаетъ м. к; одинъ отвѣтъ описываетъ говоръ мѣстности, расположенной отъ Слободского на сѣв.-вост. до с. Ильинскаго.

Говоря о колонизаціи уѣзда, необходимо исключить мѣстные заводы, населеніе коихъ имѣетъ совсѣмъ особую исторію.—Въ Кайскомъ краѣ господствовала колонизація съ Урала, которая достигла, по наблюденіямъ мѣстнаго изслѣдователя Книзе, даже до Синегорья или Синеглинья, что на р. Кобрѣ. [1]).—Въ прочихъ мѣстахъ уѣзда колонизація шла съ сѣвера, изъ Сольвычегодскаго у. и вообще изъ Придвинья, гл. обр. по р. Летькѣ. Прямыя свидѣтельства о томъ мы имѣемъ для Лекомскаго прихода, заселеніе коего относится къ началу XVI в. [2]); мѣстный авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что и „по настоящее время нѣкоторые починки Лекомскаго прихода удержали наименованіе Устюжскихъ“ [1]).—Чѣмъ дальше на сѣверъ уѣзда, тѣмъ это сѣверное теченіе колонизаціи съ Двины было сильнѣе; явный слѣдъ его въ широкомъ распространеніи здѣсь неслогового ў, этой отличительной особенности

[1]) Приложеніе къ Вят. Г. В. 1902, № 19.
[2]) Вят. Епарх. Вѣдом. 1878, № 19, с. 483.

Двинскаго говора [1]). Про жителей, обитающихъ къ сѣверу отъ с. Ильинскаго, здѣсь распространена такая шутка: тамъ де говорятъ: „дѣўга ходила въ лаўгу купить вереўгу—сплести мордоўгу—и нашла булаўгу“ (переходъ к въ г въ цѣломъ рядѣ словъ объясняется прогрессивною ассимиляціею рѣзко произносимому ў).

Самое имя одной изъ главныхъ водныхъ артерій разсматриваемаго края, р. Летьки, принесено сюда, вѣроятно, переселенцами-вологжанами, у коихъ есть р. Ледь.

§ 150. Въ предѣлахъ Глазовскаго у. м. к извѣстно почти исключительно въ говорѣ заводовъ. А именно: въ Залазнинскомъ заводѣ отмѣчено произношеніе: „мальшикъ, па'ка-си сюды потихоничкю“ [2]); въ Омутнинскомъ: чайкю, паленьгёвый (вм. пудлинговый) [3]). Наблюдатель изъ Залазнинскаго завода справедливо замѣчаетъ, что отмѣчаемый имъ говоръ не мѣстный вятскій, а говоръ „уральскій“, т. е. говоръ уральскихъ заводовъ.

Появленіе въ говорѣ заводовъ, какъ Глазовскихъ такъ и Пермскихъ, м. к вполнѣ естественно. Почти всѣ заводы Приуралья населены переведенцами изъ разныхъ, б. ч. отдаленныхъ, мѣстъ. Объясняется это гл. обр. тѣмъ, что на Уралѣ крѣпостныхъ крестьянъ не было. Мѣстное крестьянство на заводскую работу шло очень неохотно, да и заводовладѣльцамъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе было пользоваться крѣпостнымъ трудомъ; и заводчики переводятъ на Уралъ во множествѣ крѣпостныхъ крестьянъ изъ дальнихъ мѣстъ. Весьма значительное количество такихъ переведенцовъ дала Тульская губернія. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что въ Тулѣ была издавна широко развита обработка металловъ, такъ что здѣсь легко было найти мастеровъ этого дѣла, столь необходимыхъ на Уралѣ. Кромѣ того, древнѣйшими заводчиками на Уралѣ были Демидовы, уроженцы Тульскіе, за которыми охотнѣе шли ихъ земляки. Кромѣ Тульскихъ кузнецовъ славились издавна еще Уломскіе (Череповскаго у. Новгородской губ.), — и ихъ мы также встрѣчаемъ на горныхъ заводахъ, въ

[1]) А. И. Соболевскій, Откуда шла колонизація въ Ростово-Суздальскую область (Тр. Яросл. Обл. Археол. Съѣзда).

[2]) Вят. Г. В. 1892. № 8, статья Н. М.

[3]) Календ. Вятск. губ. на 1895 г., 204, М. К. Селивановскій.

частности на Вятскихъ.—Въ говорѣ Залазнинскаго завода я отмѣтилъ явные слѣды аканья и спорадическое окончаніе 3-го л. на -ть: пойдѣть.

Еще м. к изрѣдка встрѣчается на границѣ Глазовскаго у. съ Нолинскимъ и Малмыжскимъ: куроцькя (отвѣтъ на мою прогр. г. Рябова); здѣсь русскіе—недавніе поселенцы среди вотяковъ.

Вообще же, въ Глазовскомъ у. м. к не извѣстно; его нѣтъ, напр., въ приходахъ селъ: Верхосунья, Елгани, Святицы, Утей, Лемы, Зюздина, Дурыманъ, Кленового и др.—Отсутствіе здѣсь м. к объясняется очень просто: въ большей части уѣзда преобладала колонизація изъ Вятскаго у., въ Зюзднѣ же была Пермская колонизація.

§ 151. Въ предѣлахъ Нолинскаго у. м. к сильнѣе распространено на югѣ и западѣ, близъ границъ Уржумскаго у.; на сѣверѣ и востокѣ оно также встрѣчается, но рѣдко и б. ч. рядомъ съ твердымъ к въ тѣхъ же случаяхъ. На сѣверѣ и особенно на востокѣ этого уѣзда, около уѣздовъ Глазовскаго и Вятскаго, проходитъ граница этой черты.

Въ с. Курчумѣ Екатерининской вол., на сѣверѣ уѣзда, м. к нѣтъ (отвѣтъ на мою прогр., полученный чрезъ о. Карышева), говоръ цокающій и чокающій. Нѣтъ м. к и въ с. Нѣмѣ Мальканской вол., на юго-востокѣ у., гдѣ также цоканье и чоканье (сообщеніе Попова въ бумагахъ Вятск. Г. Стат. Комитета; г. Ефремовъ мнѣ сообщалъ, что здѣсь м. к встрѣчается, но очень рѣдко). Въ дер. Сверчеево (?) Талоключинской вол., на юго-востокѣ у., также отмѣчено отсутствіе м. к. Кстати замѣтимъ, что юго-востокъ Нолинскаго у. граничитъ съ тою за-Вятскою, лѣсною частью Уржумскаго у., гдѣ населенія почти совсѣмъ нѣтъ.

Въ с. Лудяно-Ясашномъ, Зыковской вол., также нѣтъ м. к; село это лежитъ на юго-западѣ уѣзда, въ мѣстности, гдѣ м. к вообще распространено; отсутствіе здѣсь этой черты нужно объяснять или общею нивелировкою мѣстнаго говора, или же, скорѣе, тѣмъ, что это—одно изъ древнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ въ уѣздѣ. Древнѣйшее же населеніе на Вяткѣ м. к вообще не знаетъ (срв. Вятскій у. и древнѣйшія села Котельническаго).

Проф. Колосовъ, который во время своей поѣздки

ниразу не слыхалъ м. к, былъ и въ Нолинскомъ у., гдѣ записалъ, м. пр., случаи; деревеньской (Ожоговское) и руськое (Вознесенское)—формы, которыя лишній разъ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи м. к. Но селеній съ первымъ именемъ въ Нолинскомъ у., по „Списку насел. мѣстъ", нѣсколько, а с. Вознесенскаго нѣтъ: едва-ли это не село на р. Сунѣ, гдѣ уже въ 1669 г. существовала церковь Вознесенія [1]): церковь построена Вятскимъ Трифоновымъ монастыремъ, который селилъ сюда крестьянъ изъ другихъ своихъ вотчинъ, а также и „изъ разныхъ волостей гуляющихъ людей и половниковъ"; возможно, что и здѣсь м. к нѣтъ вслѣдствіе древности населенія.

Нѣтъ у меня никакихъ данныхъ о Таранковской волости, лежащей на крайнемъ сѣв.-востокѣ у., близъ границъ Вятскаго и Глазовскаго, а также изъ сѣв.-восточной же волости Богородской. Судя по географическому положенію, м. к здѣсь можетъ и не быть.

Ниже дается перечень селеній Нолинскаго у., въ говорѣ которыхъ отмѣчено м. к. Въ центрѣ уѣзда расположены селенія: с. Соколово Архангельской вол., гдѣ: дочкя, сахаркю, барьскёй, овецькя, тысецкёй и даже травкя (прогр. № 68).—Дер. Рогалевская (8331), въ 7 в. отъ волостного с. Кырчана; мѣстный крестьянинъ, отъ котораго я записывалъ въ вагонѣ жел. дор. сказки, чокалъ безъ цоканья и послѣдовательно употреблялъ м. к.—Въ с. Нестинѣ, Семериковской вол., и вообще по низовью р. Суны: рицькя, бабушкя (отвѣтъ на мою прогр.).—Въ дер. Окуневшинѣ (8890, на трактѣ въ гор. Вятку) м. к рѣдко.

На юго-западѣ уѣзда: дер. Пѣтухи Большеситминской вол., неподалеку отъ р. Вятки и с. Отаръ Уржумскаго у.; здѣсь мною отмѣчено м. к: похлопай-кё, ф кочкяхъ косить, а также послѣдовательная твердость *н* въ такихъ словахъ, какъ поденъшина, ранъше, менъше.—С. Зыково, волостное, гдѣ кромѣ м. к отмѣчено еще (въ отвѣтѣ на мою прогр.) чоканье и *е* изъ *ц*.—Мѣстности по р. Лудянѣ и ея притокамъ въ Большеситьминской и Луксунской волостяхъ, гдѣ формы съ м. к и безъ него, чоканье и цюк (авторъ отвѣта на мою прогр., изъ с. Новоспасскаго).

---

[1]) Древніе акты Вятск. края, № 114, с. 163 и 130.

На югѣ уѣзда: село и пристань на р. Вяткѣ Медвѣдокъ съ сосѣдними деревнями: Уртинскіе, Лебяжье—Талоключинской волости.—Дер. Талой Ключъ той же вол.—Дер. Бабики (9116; въ 6 в. отъ гор. Нолинска и въ 19 отъ с. Лудяно-Экономическаго), гдѣ м. к отмѣтилъ Будде.

На юго-востокѣ: дер. Макарово (8470 ?) „Малькя́нской“ (пишется: Мальканской) вол., приходо́мъ въ с. „Ни́му“ (пишется: Нѣма).—С. Колобово, той же волости: дѣво́чкя, поли́цькя, куроцкя, руцькямъ, годоцкёвъ, соколоцкёмъ, барьскёй, подруженькямъ, Серьгя, но: голубушка (прогр. № 52: Матер. VIII, 417—419).

На крайнемъ востокѣ у. дер. Малый Березникъ Тумановской вол.: м. к здѣсь рѣдко, обычны и формы безъ м. к; говоръ чокающій и цокающій, но со слѣдами аканья: рядомъ съ бёру и ёво отмѣчено: яво́ и чяло (отвѣтъ М. Торехова на мою прогр.).—На сѣверо-востокѣ: волости Ильинская и Ворсинская; Н. Ергинъ изъ с. Ильинскаго (въ отвѣтѣ на мою прогр.) отмѣчаетъ здѣсь м. к рядомъ съ твердымъ и чоканье.

На сѣверо-западѣ: с. Ошеть Дворищенской вол.: птичкя и т. п., цоканье съ м. к.—На западѣ: с. Татаурово, Буйской вол., гдѣ м. к, цоканье и чоканье.—Никифоровскій починокъ Чертищевской вол.: руськёй; чоканье безъ цоканья.

Въ предѣлахъ Нолинскаго у. въ настоящее время инородческаго населенія совсѣмъ нѣтъ; не было его и въ концѣ XVIII в.; но въ концѣ XVII в. здѣсь было еще много черемисъ, жившихъ по р. Лудянѣ, Сунѣ съ притоками и въ другихъ мѣстахъ [1]). Черемисы эти впослѣдствіи были вытѣснены притокомъ русскаго населенія въ сосѣдній Уржумскій уѣздъ (обрусѣвшихъ черемисъ здѣсь не было и нѣтъ [2]).—Уже одно это обстоятельство свидѣтель-

---

[1]) Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края, № 131; Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1906, № 1—2, с. 116—118.

[2]) Въ предѣлахъ Нолинскаго у. проходитъ, по р. Воѣ, граница, которая отдѣляла прежде черносошныхъ крестьянъ отъ крестьянъ ясашныхъ. И теперь здѣсь есть селенія съ именами „Ясашныхъ“. Но связь этой границы съ этнографическимъ составомъ населенія очень слабая: р. Воя служила границею *губерній* Вятской и Казанской, въ Вятской губ. вообще ясашныхъ не было, а въ Казанской почти всѣ крестьяне писались „ясашнымъ“.

ствуетъ о поздней, сравнительно, колонизаціи Нолинскаго края. Имѣются на этотъ счетъ и иныя данныя.

Обстоятельства первоначальнаго появленія въ предѣлахъ нынѣшняго Нолинскаго у. русскихъ жителей намъ довольно хорошо извѣстны, благодаря возникшему здѣсь въ XVII-мъ столѣтіи продолжительному спору изъ-за земельныхъ границъ: документы, относящіеся до этого спора, до насъ сохранились. Въ документахъ этихъ приводятся показанія различныхъ группъ свидѣтелей, часто противорѣчивыя и всегда запутанныя. Но нѣкоторые факты можно установить изъ свидѣтельскихъ показаній съ большою вѣроятностью.

Въ 1629 г. правительственными писцами Толочановымъ и Іевлевымъ была отдана на оброкъ „вятченомъ“ Ѳедявину, Максимову и Буторину земля „на 12 четь пашни“ по рр. Кирмыжу, Сунѣ и Лудянѣ, вплоть до рч. Вои. Тутъ было тогда „дикое раменье“ и „боръ“, а „отъ людей“ (т. е. населенныхъ мѣстъ) „та земля отдалѣла верстъ со сто“. Другими словами, это была пустынная дѣвственная земля, куда еще „не ходилъ топоръ“ дровосѣка и соха земледѣльца. Вслѣдствіе этой-то де отдаленности Нолинскаго „дикаго раменья“ отъ жилой стороны, получившіе его на оброкъ „вятчане“ поступились имъ скоро [очевидно, по окончаніи 11-и льготныхъ годовъ] въ пользу архимандрита Вятскаго Успенскаго монастыря [1]).

Монастырь не преминулъ заняться культурою дикаго уголка и принималъ дѣятельныя мѣры къ его заселенію. По словамъ монастырскихъ властей, сюда селились тогда 1) крестьяне изъ старой вотчины того же монастыря, Вобловицкой (теперь с. Вобловицкое въ Слободскомъ у.), и 2) „изъ разныхъ волостей гулящіе люди и половники“ (тамъ же, № 132, с. 173—4). Къ 1699-му году, когда, по окончаніи тяжбы, земля эта была окончательно закрѣплена за монастыремъ, здѣсь были уже: село Вознесенское на рч. Сунѣ, „приселокъ“ на рч. Кирчанѣ съ церковью въ честь арх. Михаила, 6 деревень и 51 починокъ,—всего 188 дворовъ жилыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ (пустыхъ дворовъ 3), 7 церковныхъ и 2—поповыхъ половниковъ.

---

1) Древніе акты... Вятск. края, 130 и 163.

Нѣсколько южнѣе описываемой мѣстности, „по рѣчкѣ Лудану, подлѣ рѣчку Черную“ поселился „Агаѳонко Буйской съ товарыщи“. Эта вторая партія Нолинскихъ насельниковъ основалась также „на порозжей пустой землѣ вновь“ и построила церковь въ честь Зосимы и Савватія (теперь с. Лудяно-Ясашное, № 9057).—Съ этою то партіею поселенцевъ и возникла у Хлыновскаго монастыря продолжительная тяжба изъ-за земельныхъ границъ, окончившаяся въ пользу монастыря. На Агаѳонку жаловались также и черемисы, будто тотъ занялъ ихъ земли, но эта жалоба успѣха не имѣла (Древн. акты, 157—8).

Знаменательно, что эти новые поселенцы пришли сюда изъ с. Ледяжья, лежащаго теперь въ предѣлахъ Уржумскаго у., южнѣе Лудянъ и на противоположномъ берегу р. Вятки. Самое прозвище „Буйской“ ведетъ свое начало, конечно, отъ р. Буй, протекающей также въ Уржумскомъ у., много южнѣе с. Лебяжья. Т. обр., здѣсь мы видимъ уже колонизацію съ юга.

Есть, правда, извѣстіе, что Агаѳонко Буйскій былъ родомъ также вятчанинъ, именно изъ Чепецкаго стана, только потомъ бѣжавшій съ Вятки на Лебяжье (Древн. акты, с. 162—3). Но трудно сказать, насколько можно довѣрять этому показанію свидѣтелей, тянувшихъ сторону монастыря: для нихъ очень выгодно было выставить своего противника бѣглецомъ, какихъ тогда, конечно, было много. Во всякомъ случаѣ, безспорно, что Агаѳонко жилъ нѣкоторое время на р. Буѣ. Но въ числѣ его товарищей были безусловные вятчане-бѣглецы. Такимъ вятчаниномъ былъ, напр., Микифорко Рѣткинъ (Древн. акты, 170—1), имя коего мы обычно встрѣчаемъ, въ дошедшихъ до насъ актахъ, рядомъ съ именемъ Буйскаго. Повидимому, это были какъ бы два предводителя двухъ разныхъ шаекъ: одинъ—Уржумской, другой—бѣглой Вятской.—Въ 1669 г. у этой партіи была 1 деревня и 5 починковъ, всего 11 крестьянскихъ дворовъ, два пустыхъ и 3 церковныхъ (Древн. акты, 175).

Такимъ образомъ, можно предполагать, что здѣсь, на рр. Сунѣ и Лудянѣ, столкнулись два разныхъ теченія колонизаціи: сѣверное—Вятское и южное—Уржумское (Казанское?). Но всѣ преимущества, и преимущества очень большія, были на сторонѣ сѣверной колонизаціи: южныхъ

колонистовъ было гораздо меньше, да и среди нихъ едва ли не преобладали тѣ же Вятскіе бѣглецы. Не даромъ же еще гораздо раньше и южнѣе, въ 1595 г. въ Вятскихъ Полянахъ (теперь с. Малмыжскаго у.), мы видимъ пришлыхъ съ сѣвера вятчанъ (§ 155).

Монастырская колонизація мѣстностей, лежащихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Нолинскаго у. по берегамъ рѣкъ: Кырмыжа, Ошети, Ситмы, Лудяны, Кырчана, Курчума, Суны, Ноли, Вои и ихъ мелкихъ притоковъ продолжалась, и въ 1764-мъ г. Вятскому Успенскому монастырю принадлежало здѣсь 7 вотчинъ, въ коихъ было 8 погостовъ; вотчины эти звались по главнымъ селеніямъ: Ошетская (гдѣ было 2 села), Курчумская (1 село), Сунская (1 село), Кырчанская (3 села), Ситминская, Тимиревская и Комаровская (въ двухъ послѣднихъ вотчинахъ селъ не было [1]).

Съ достовѣрностью извѣстно, что изъ этой области по р. Сунѣ въ концѣ XVIII в. уже происходили выселенія. Направлялись отсюда выселенцы, вѣроятно, главнымъ образомъ на юго-востокъ нынѣшняго Нолинскаго у., который продолжалъ колонизоваться еще и въ началѣ XIX в. [2]); нынѣшняя Нѣмская волость еще въ самомъ концѣ XVIII в. носила названіе „Новопоселенной“ (тамъ же, с. 762). Въ этой волости, равно какъ и въ сосѣднихъ съ нею Юртикской и Лобанской, въ періодъ времени съ 1782 г. по 1795 г. населеніе увеличилось болѣе чѣмъ на 40% (тамъ же), что можно объяснить только обильнымъ приселеніемъ сюда новыхъ жителей со стороны. И еще въ слѣдующій періодъ, съ 1795 г. до 1811 г., въ тѣхъ же трехъ юговосточныхъ волостяхъ, вмѣстѣ съ четвертою Никольскою, прибыло также 40,59% (тамъ же, II, 763), т. е. сильный приливъ населенія продолжался.—Въ то же самое время, въ сѣверозападныхъ волостяхъ уѣзда населеніе почти не прибывало: съ 1782 по 1795 г. прибыло всего только 1,93% (тамъ же, с. 761—2), что авторъ цитуемаго здѣсь нами статистическаго изслѣдованія, г. Романовъ, справедливо объясняетъ сильнымъ *выселеніемъ* отсюда крестьянъ (тамъ же).

И изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что ходъ заселенія

---

[1]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1906, вып. 5—6, с. 409—415; срв. с. 523.
[2]) Столѣтіе Вятской губ. II, с. 765.

Нолинскаго у. происходилъ съ сѣвера на югъ, а не въ обратномъ направленіи.

Монастырская (Хлыновскаго монастыря) колонизація, вмѣстѣ съ слабою примѣсью вольной колонизаціи съ юга и съ запада, была главнымъ факторомъ въ исторіи заселенія Нолинскаго у. — Другимъ, слабѣйшимъ, факторомъ колонизаціи Нолинскаго у. нужно признать бѣгство сюда старовѣровъ, которыми кишитъ этотъ уѣздъ въ наше время.

Среди Нолинскихъ старовѣровъ мы встрѣчаемъ представителей очень различныхъ мѣстностей. М. пр., одинъ изъ главныхъ заправилъ мѣстнаго старообрядчества, основатель Ситминской часовни при дер. Красной горкѣ, ѳедосѣевецъ Безносиковъ былъ вольноотпущенникомъ какого-то Московскаго помѣщика и прибылъ въ Нолинскъ изъ Москвы ранѣе 1781 г. [1]). Въ юго-восточномъ углу уѣзда, въ верховьяхъ р. Лобани, жили въ началѣ XVIII в. „расколщики старцы и старицы разными скитами", „выѣхавшіе изъ Керженскихъ лѣсовъ" [2]), т. е. изъ Нижегородской губ.; такъ показывалъ на допросѣ въ 1721 г. Гуслицкій старецъ Антипа Евдокимовъ, — источникъ не особенно авторитетный, но его показанія вполнѣ согласны съ географіей, и не вѣрить имъ основаній нѣтъ. — Среди фамилій мѣстныхъ крестьянъ встрѣчаемъ, м. пр., Масальцевыхъ—въ поч. Медкоѣдовскомъ (Вят. Г. В. 1888, № 58); одна изъ деревень (№ 9541, при рч. Опанѣ) носитъ имя „Коширцы". Весьма возможно, что имена эти имѣютъ то или иное отношеніе къ Мосальску и Коширѣ.

Распространенію м. к въ Нолинскомъ у., конечно, много способствовали старовѣры. Та колонизація, которая принесла эту черту въ Котельническій у., была и здѣсь, только б. ч. уже черезъ посредство Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ. Наконецъ, нолинцы, вмѣстѣ съ орловцами, издавна занимаются бурлачествомъ: гонятъ плоты съ р. Вятки на Волгу; при этомъ они часто оказываются въ однѣхъ артеляхъ съ южновеликоруссами и иными, отъ которыхъ легко могли позаимствовать м. к, слышанное ими и на родной Вяткѣ.

[1]) Вятск. Епарх. Вѣдом. 1871, № 2, с. 35 и слѣд.

[2]) Полное собраніе постановленій и распоряж. по вѣд. правосл. исповѣд. Росс. Имп., т. I, изд. 2-ое, № 45, с. 58

§ 152. Южная половина Орловскаго у. вдалась узкимъ клиномъ между уѣздами Котельническимъ и Орловскимъ; въ говорахъ этихъ послѣднихъ м. к распространено широко,—и уже изъ одного этого обстоятельства можно заключать, что на югѣ Орловскаго у. должно быть м. к. Дѣйствительность оправдываетъ это предположеніе.

Для самой южной волости Орловскаго у., Кожинской, имѣется рядъ свидѣтельствъ: отвѣтъ на полную прогр. Ак. Н. Золотарева (№ 37: Матер. V, 172—185) и три отвѣта на мою программу. Всѣ согласно говорятъ о м. к во всей этой волости и о чоканьѣ безъ цоканья; здѣсь, м. пр., кочкя, курочкя, царськёй, рѣтькю, но: бабушка. — Лежащія къ сѣверу отъ Кожинской волости: Лѣсниковская, Верхошижемская, Ярковская, Смирновская и Илганская имѣютъ тотъ же самый говоръ; о томъ сообщаетъ Золотаревъ (прогр. № 37), самъ родомъ изъ Верхошижемья. Имя починка Суводскаго прихода Лѣсниковской вол. гласитъ, по „Списку насел. мѣстъ“ (Спб. 1876; № 10054): „Васкя Гомболь“.

Въ с. Пищальѣ (въ Посадской волости, граничащей съ Котельническимъ у.) м. к не часто, чоканье безъ цоканья (отвѣтъ на мою прогр.).—Въ с. Истобенскомъ, центрѣ Вятскихъ водоходовъ, м. к отмѣтилъ и Будде: верьшкёф [1]), и авторъ отвѣта на мою прогр.; послѣдній говоритъ объ одномъ чоканьѣ, безъ цоканья.—Къ востоку отъ Истобенской волости лежитъ Спасская, гдѣ м. к также встрѣчается; отвѣтъ на мою прогр. отмѣчаетъ эту черту въ Спасо-Талицѣ, гдѣ чоканье рядомъ съ цоканьемъ; я проѣзжалъ по этой волости въ направленіи отъ гор. Орлова до ст. Оричей и вынесъ впечатлѣніе, что м. к здѣсь очень рѣдкая черта; впрочемъ, говоръ здѣсь сильно нивелированный подъ вліяніемъ образованности, хотя мужчины часто чокаютъ (цоканье у нихъ крайне рѣдко).

Еще восточнѣе лежитъ Камешницкая волость; въ с. Камешницѣ м. к нѣтъ, но въ приходѣ, по словамъ мѣстной учительницы Столбовой, рядъ деревень знаетъ эту черту, а именно: Больше-Норинская (10373), Поповшина (10380), Кисели и Мальцы (10387), Бажины (10388), поч. Ушаки

1) Учен. Зап. Казанск. унив. 1896, № 10, с. 31—32.

(10370), Вареники и Отопки (10371): пецькя, печкя, тюлькю.— Еще нѣсколько сѣвернѣе, на одной параллели съ гор. Орловомъ расположена Рыбинская волость, гдѣ м. к: свѣцкя и т. п., цоканье и чоканье (отвѣтъ Д. Моралева на мою прогр.).

Проходящею черезъ гор. Орловъ параллелью легко подраздѣлить Орловскій у. на двѣ почти равныя части: южную и сѣверную. Въ разсмотрѣнной нами южной половинѣ говоры съ м. к занимаютъ только югъ и западъ; въ восточной же полосѣ, пограничной съ Вятскимъ у., м. к нѣтъ. По кр. м., нѣтъ его въ с. Средне-Ивкинѣ Поломской вол., въ волости Коршинской и въ с. Быстрицѣ Рыбинской вол.; въ Средне-Ивкинѣ и въ Коршинской вол. отмѣчено цоканье (отвѣты на мою прогр.).

Въ сѣверной половинѣ у. (сѣвернѣе гор. Орлова) м. к распространено гораздо слабѣе, нежели въ южной. Здѣсь мнѣ извѣстно только два селенія съ м. к въ говорѣ: 1) с. Великорѣцкое Навалихинской вол. и 2) с. Верхораменье Казаковской вол., на крайнемъ сѣв.-зап. у. (отвѣты на мою прогр., полученные черезъ С. С. Липягова).

Въ Подрѣльской вол., гл. обр. въ дер. Епиховшинѣ (10946), что́ близъ впаденія р. Быстрицы въ Вятку, я жилъ въ 1906 г. двѣ недѣли и ниразу не слыхалъ м. к (правда, слышалъ на пристани Гольцы, но считаю не мѣстнымъ); говоръ здѣсь нѣсколько нивелировался подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ. — Изъ с. Пышакъ Шараповской вол. отвѣты на прогр. Ак. Н. № 63 и на мою прогр. одинаково свидѣтельствуютъ объ отсутствіи м. к; здѣсь чоканье при очень рѣдкомъ цоканьѣ. — Въ с. Верходворскомъ также нѣтъ м. к (прогр. № 42: Матер. VI, 280), чоканье и цоканье. — Къ сѣверной половинѣ Орловск. у. нужно относить данныя Н. Добротворскаго въ его рукописи 1882 г. „Особенности русскаго нарѣчія въ Орловскомъ у.“ *), тѣмъ болѣе что Добротворскій жилъ именно на сѣверѣ у.; онъ м. к не знаетъ, отмѣчаетъ цоканье и чоканье, *и* изъ *т* даже въ дивки.

---

*) АГО. X, 42.

По переписи Отяева и Ищеина 1646 г. въ Орловскомъ у. значится только одинъ погостъ—Истобенскій [1]). Въ 1654 г. 3 погоста: кромѣ Истобенскаго или Троицкаго, еще Архангельскій и Благовѣщенскій [2]); кромѣ того, погосты Чудиновскій и Подрѣльскій числились тогда въ Вятскомъ у. Т. обр., прежде всего заселена была срединная часть уѣзда: сюда населеніе прибывало, вѣроятно, по р. Великой съ сѣвера. Но даже въ Истобенской вол. въ первой половинѣ XVII в. населеніе было немногочисленно и были свободныя мѣста для заселенія: въ 1626 г. Вятскій воевода Петръ Мансуровъ далъ въ этой волости Троицкой и Истобенской церквамъ „дикое раменье черной лѣсъ подъ пашню", и на эту землю въ какіе-нибудь 20 лѣтъ поселилось 30 дворовъ „крестьянъ вятчанъ же разныхъ городовъ и волостей"; и послѣ того еще селились тутъ же [3]).

На сѣверѣ уѣзда еще въ концѣ XVIII в. цѣлыя области слыли подъ именемъ „починковъ": „Пинюжанскіе починки", „Шульдюжскіе починки", „Комаровскіе починки", что свидѣтельствуетъ о только что начинающемся заселеніи края. Во время 4-ой ревизіи (1782 г.) въ Пинюгѣ (Пинюжанскіе починки тожъ) числилось 110 мужч. и 115 женщ., а къ 10-й ревизіи тамъ же было уже до 80 селеній съ 1.750 рев. душъ. Ясно, что главное заселеніе Пинюги падаетъ уже на XIX-ое столѣтіе.

Въ „Березовскихъ починкахъ" (теперь Березовская волость) въ началѣ XIX вѣка дѣйствуютъ расколоучители братья *Лузянины* [4]), что говоритъ о связяхъ Орловскаго сѣвера съ мѣстностями по р. Лузѣ, въ Вологодской губ. О томъ же говорятъ имена 6-ти Орловскихъ деревень (по „Списку" №№ 10329, 10698, 11521, 11556, 12039), произведенныя отъ имени р. Лузы, 4-хъ деревень (9770, 10748, 10754 и 10785)—Двины, 3 (11526, 11529, 11538)—Вычегды, 3 (11115, 11116 и 11498)—гор. Устюга и 1 (11342)—р. Виляди. Среди фамилій мѣстныхъ крестьянъ встрѣчаемъ Двининовыхъ, Мезенцевыхъ, Вылягжаниныхъ, Важеневыхъ (Вят.

---

1) Вятск. Г. В. 1888, № 67; за полноту этого списка поручиться не могу.

2) Списки насел. мѣстъ, с. 32.

3) Древн. акты Вятск. края, 181—2.

4) Вятск. Епарх. Вѣдом. 1876, с. 74—5.

Г. В. 1864, № 15; 1884, № 48; 1885, № 43 и 95; 1887, № 16 и 73), а также много Перминовыхъ, что́ впрочемъ объясняется присутствіемъ въ этомъ у. финновъ пермяковъ. Есть также фамилія Бѣлозеровыхъ — въ Шараповской вол. (Вят. Г. В. 1862, № 30) и въ Пинюжанской (1865, № 31). Въ Пинюжанской вол. есть также и с. Бѣлозерье (срв. съ нимъ дер. Бѣлозерье въ Вятскомъ у.: № 1566, и дер. Бѣлозерская на рч. Бѣлозеркѣ въ Глазовскомъ у.: № 2260); если это село получило свое имя не отъ Бѣлозерскихъ чудотворцевъ (что́ возможно), а отъ знаменитаго Бѣлаго озера, и если эти возможные колонисты съ Бѣлаго озера пришли сюда не въ то отдаленное время, о которомъ говоритъ А. И. Соболевскій [1]),—то и они могли принести съ собою м. к (срв. сосѣднее село Верхораменье, гдѣ эта черта отмѣчена), на Бѣлоозерѣ хорошо извѣстное.

Въ с. Шалѣговѣ, одномъ изъ древнихъ селъ въ уѣздѣ, имѣется списокъ (вѣр. XVIII в.) съ лѣтописи, гдѣ сообщается, что первыми поселенцами с. Покровскаго были новгородцы ушкуйники, жившіе прежде на р. Вяткѣ около с. Истобенска; не желая попасть въ тягло, они бѣжали изъ Истобенска сюда, въ пустую лѣсную и болотистую мѣстность, захвативъ съ собою образъ Покрова Богородицы, „иже ими несенъ бысть изъ Новаграда чрезъ градъ, яже глаголемый Устюхъ“ [2]). Если упоминаніе о „новгородцахъ ушкуйникахъ“ говоритъ только о начитанности Шалѣговскаго лѣтописца, то Устюгъ и Истобенское, какъ этапы колонизаціи, вполнѣ вѣроятны.

Что же касается южнаго конца Орловскаго у., то онъ заселялся не съ сѣвера, а съ запада. О томъ свидѣтельствуетъ имя с. Зашижемья. Р. Шижма, небольшой притокъ р. Вятки, течетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ; село Зашижемье стоитъ на лѣвой, восточной сторонѣ этой рѣки: очевидно, оно могло быть названо *за*-Шижемьемъ только съ точки зрѣнія мѣстности, лежащей отъ него на западъ; не даромъ же прежде, будучи деревней, оно тянуло къ с. Василькову (за р. Вяткой, теперь въ Котельническомъ у.), куда было и приходомъ. И с. Верхошижемье скорѣе могли

[1]) Р. Ф. В., LV, 1906, № 1—2, с. 85—86.

[2]) Календ. Вятск. губ. на 1898 г., с. 114—115.

такъ назвать пришельцы съ юга, хорошо знавшіе р. Шижму: верховья незнакомыхъ рѣчушекъ такъ легко перемѣшать. Здѣсь умѣстно припомнить Агаѳонка *Буйскаго* съ товарищи.

Итакъ, м. к въ Орловскій у. проникло съ западной и юго-западной колонизаціей, изъ Котельническаго у.; кромѣ того, его кое-куда могли принести старовѣры, которыхъ здѣсь очень много; наконецъ, орловцы давно занимаются отхожимъ бурлачествомъ и вообще службою на судахъ (особенно около с. Истобенска): они легко могли принести м. к со средней Волги.

§ 153. Въ Яранскомъ у. м. к встрѣчается почти всюду, но оно рѣдко гдѣ распространено сплошною полосою и рѣдко гдѣ проводится послѣдовательно; вездѣ почти мы встрѣчаемся съ б. или менѣе обширными островами говора, знающаго эту черту, и нерѣдко рядомъ съ м. к встрѣчается — въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ и въ говорѣ тѣхъ же самыхъ лицъ — и твердое произношеніе. — Такое впечатлѣніе я вынесъ во время своихъ поѣздокъ по Яранскому уѣзду [1]).

Есть въ Яранскомъ у. область, гдѣ м. к встрѣчается особенно рѣдко. Это—волости, группирующіяся около гор. Царевосанчурска: Сметанинская, Успенская, Николаевская, Притыкинская и Пибаевская. Мѣстный Царевосанчурскій говоръ вообще отличенъ отъ Яранскаго: въ немъ очень закрытое, переходящее въ *у* предъударное *о*: на двурѣ, поскуря́е, нѣтъ цоканья и нѣтъ *и* изъ древняго *ѣ*. Особенности этого говора, однако же, очень сильно сгладились, гл. обр. подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ. А такъ какъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, расположенныхъ въ области этого говора, м. к все же имѣется, то для меня и теперь остается не яснымъ: было ли м. к общею особенностью даннаго говора и только исчезло въ самое послѣднее время, или же м. к вообще не свойственно Царевосанчурскому говору и проникло лишь въ нѣкоторыя селенія отъ сосѣдей.

Вѣроятнѣе второе предположеніе, тѣмъ болѣе что въ уѣздахъ, расположенныхъ къ югу отъ Царевосанчурска, м. к также нѣтъ. Мною были разосланы (чрезъ посредство

[1]) О первой поѣздкѣ см. мой „Отчетъ“ въ „Учен. Запискахъ Юрьевск. Унив.“ 1902 г.

законоучителя о. Ложкина) краткія діалектологическія программы воспитанницамъ старшихъ классовъ Царевосанчурской гимназіи. Отвѣты были получены, м. пр., изъ Сметанинской вол. (2 отвѣта), изъ Притыкинской и изъ Нибаевской (дер. Коктушъ; по 1-му); во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, лежащихъ въ области Царевосанчурскаго говора, м. к не оказалось, какъ не оказалось и цоканья или чоканья.

Есть, однако же, и исключенія. Такъ, м. к „срѣдка встрѣчается во всемъ приходѣ“ с. Галицкаго Николаевской вол. (въ 10-и вер. отъ Царевосанчурска; сообщ. учительницы Столбовой). Правда, въ этомъ приходѣ есть рядъ такъ назыв. Дуплинскихъ починковъ: Добрый, Владимірскій, Петровскій, Старый, Куричій; въ этихъ починкахъ м. к общеупотребительно, у стариковъ встрѣчается и чоканье. Конечно, языкъ „сѣрыхъ починовцевъ“ не можетъ вызвать подражанія у образованныхъ и бывалыхъ „шанчурятъ“; но дѣти не считаются съ „сѣростью“, а ихъ говоръ моя корреспондентка, учительница, имѣла въ виду, конечно, прежде всего.—Возможно и иное объясненіе: въ с. Галицкомъ, судя по его имени, были колонисты изъ Галича Костромского, а въ говорѣ этого послѣдняго м. к извѣстно.

Въ Николаевской же волости м. к отмѣчено еще въ деревняхъ: Крутое и Антипино, гдѣ цоканья и чоканья нѣтъ (отвѣтъ на мою прогр.).—Въ Успенской вол. м. к въ дер. Баимовой (16775, влад., въ 5 в. отъ Царевос.), гдѣ цоканья и чоканья также нѣтъ.

Въ Ихтинской вол. м. к отмѣчено во всемъ приходѣ с. Лисы Черемисской (сообщ. Столбовой); но деревни этого прихода лежатъ рядомъ съ упомянутыми выше Дуплинскими починками; въ предѣлахъ этой волости проходитъ граница говоровъ Царевосанчурскаго и Яранскаго: въ Ихтѣ говоръ Царевосанчурскій, а въ Половинномъ уже Яранскій.—Въ приходѣ с. Томакова (Матвинуръ тожъ) той же волости, въ деревняхъ: Арбатскія, Сафипъ и Кричей старики говорятъ: свѣчкя, уточкя, чего у молодежи уже нѣтъ (сообщ. г-жи Столбовой).

Долженъ признаться, что вопросъ о м. к въ Царевосанчурскомъ говорѣ остается для меня не яснымъ. Въ области этого говора немало помѣщичьихъ крестьянъ; возможно, что есть и переведенцы изъ разныхъ мѣстностей.

Говоръ могъ быть различнымъ, но теперь онъ сохранился такъ плохо, что изученіе его представляетъ очень большія трудности.

Въ сѣверо-восточномъ углу Яранскаго у., у такъ называемыхъ „кукаръ"—отхожихъ плотниковъ, группирующихся около слоб. Кукарки—и у ихъ сосѣдей, м. к очень рѣдко, однако встрѣчается. Особенно рѣдка эта черта въ старинномъ с. Ломъ, гдѣ я жилъ въ 1901 г. двѣ недѣли. Одинъ мѣстный житель сообщалъ мнѣ объ отсутствіи м. к въ с. Ижъ Водозерской вол. Въ слоб. Кукаркѣ произношеніе съ м. к крайне рѣдко, такъ что легко можно подумать объ отсутствіи этой черты; однако я имѣлъ случай не одинъ разъ убѣдиться въ противномъ: м. пр., уроженецъ слоб. Кукарки, человѣкъ какъ всѣ кукара бывалый, не употребляя м. к (повидимому, сознательно), произносилъ однако же: съ четверьгя́ (въ 1906 г.). У кукаръ-плотниковъ, живущихъ на правой сторонѣ рр. Пижжы и Вятки, отмѣчаетъ м. к одинъ изъ отвѣтовъ на мою программу, полученныхъ черезъ г. Рукина.

У меня имѣются данныя о м. к въ говорѣ слѣдующихъ селеній, расположенныхъ въ мѣстности, тянущей къ Кукаркѣ и къ Яранску, и населенныхъ не позднѣйшими переселенцами (здѣсь назыв. „починовцами"), а б. или м. старыми жителями: Подъ Кукаркой дер. Грѣхово, приходъ с. Липова, дер. Кокуй Роевскаго, а прежде Липовскаго же прихода, дер. Елань Шешургской вол., с. Ломъ и дер. Арбажъ около него (въ послѣдней только у старухи я слышалъ: неволькя), с. Высоково, дер. Голомидово Ильинской вол., с. Кугушерга: изъ этого послѣдняго села авторъ отвѣта на полную прогр. Ак. Н. № 59, Гудимовичъ пишетъ: „говорятъ *мѣстами*: Ванькя, дочькя, сахаркю, травкя", рядомъ съ твердымъ *к* въ тѣхъ же случаяхъ; дер. Жаравлево Ильинской вол., гдѣ старожилы считаютъ себя „кукарами".

Чаще встрѣчается и послѣдовательнѣе м. к въ селеніяхъ недавняго, сравнительно, происхожденія, жители коихъ переселились недавно изъ другихъ уѣздовъ и слывутъ здѣсь „починовцами". Мнѣ извѣстно м. к въ слѣдующихъ селеніяхъ, обитаемыхъ такими „починовцами": Муша Колянурской вол., въ 8 вер. отъ слоб. Кукарки; дер. Отары и Пе-

гануръ Пектубаевскаго прихода Кадомской вол., основанныя около 100 лѣтъ тому назадъ выходцами изъ подъ слоб. Кукарки; здѣсь и: дочкя, одно чоканье, безъ цоканья (прогр. № 101); дер. Пиковожка той же вол.; въ Ернурской вол. В. Верещагинъ (въ отвѣтѣ на мою прогр.) устанавливаетъ такое правило: ближе къ границѣ Казанской губ. (с. Ернуръ, Великополье тожъ, лежитъ въ 20 вер. отъ гор. Царевококшайска) м. к нѣтъ, дальше отъ границы—м. к; цоканье и чоканье; с. Шулка, гдѣ м. к отмѣчено мною и послѣ *ш*: барашкя. — Въ Тожсолинской вол.: с. Микулята, Верхнеижское тожъ, и дер. Кашнуръ.—Въ Шарангской вол.: поч. Москвинскій, гдѣ Як. Полушинъ отмѣчаетъ м. к и чоканье безъ цоканья (отвѣтъ на мою прогр.).—Въ Юкшумской вол.: нѣкоторыя деревни Роженцовскаго прихода и поч. Косаревскій; въ послѣднемъ авторъ отвѣта на мою прогр. отмѣчаетъ одно чоканье, безъ цоканья.—Въ Цекеевской вол.: изъ дер. Высокое поле мною получено два отвѣта на мою прогр., оба отмѣчаютъ м. к, Олья вм. Ольга, отсутствіе цоканья и чоканья; то же самое отмѣчено и въ с. Улешъ: м. к, цоканья и чоканья нѣтъ (отвѣтъ на мою прогр.); „коренные жители Улешскаго прихода черемисы, русскіе переселились недавно изъ различныхъ мѣстъ Вятской губ.“ (АГО. X, 10, А. Галицкій). — Въ Корляковской (Кундышской) вол.: поч. Фоминскій, гдѣ: сймечкѣ, чоканье безъ цоканья (отвѣтъ на мою прогр.).

Есть однако же и починки, въ говорѣ коихъ м. к нѣтъ, напр. поч. Васенинскій Юкшумской вол. (въ „Спискѣ насел. мѣстъ“ его еще нѣтъ, что̀ говоритъ о новизнѣ населенія); здѣсь отмѣчено только чоканье, безъ цоканья.

Заселеніе Яранскаго у. русскими произошло вообще не рано. Еще не такъ давно вся область этого уѣзда была полна черемисами, которые искони жили въ лѣсахъ этого уѣзда и, кромѣ того, во множествѣ отступили сюда съ сѣвера,—изъ Котельническаго у. и частью Нолинскаго. Еще въ 1811 г. (по 6-й ревизіи) черемиса составляли $^2/_3$ всего населенія въ бо́льшей части уѣзда (за исключеніемъ лишь пяти сѣверовосточныхъ волостей: Рождественской, Пачинской, Колянурской, Срѣтенской и Малоижмаринской, въ которыхъ населеніе и тогда уже было исключительно рус-

ское) *). Слобода Кукарка и рядъ сосѣднихъ селеній сохранили черемисскія названія, хотя теперь черемисъ около Кукарки совсѣмъ нѣтъ, по кр. м., на 50 верстъ кругомъ.

По даннымъ ревизскихъ сказокъ явствуетъ, что въ въ 20-лѣтній періодъ времени отъ 1859 до 1879 г. въ Яранскій у. перечислено 4784 д. крестьянъ изъ другихъ уѣздовъ Вятской же губ.; въ томъ числѣ изъ Котельническаго у. было 2244 д., изъ Орловскаго 1266, изъ Уржумскаго 938, изъ Нолинскаго 245, изъ Вятскаго 68 и Слободского 23 [1]).— За предшествующій періодъ времени, отъ 8-й до 10-й ревизіи, только въ трехъ сѣверо-восточныхъ волостяхъ — Яснурской, Колянурской и Тожолинской—приростъ населенія былъ б. или м. близокъ къ нормальному: 14,8%, во всѣхъ же прочихъ волостяхъ приростъ колебался отъ 45,3% до 61,49% [2]), что̀ не оставляетъ сомнѣнія въ сильномъ приливѣ населенія со стороны. Приливъ этотъ продолжается еще и въ наши дни; Яранскій у. усѣянъ безчисленнымъ множествомъ новыхъ починковъ, жители коихъ еще не успѣли слиться съ старымъ мѣстнымъ населеніемъ и слывутъ подъ именемъ „починовцевъ“, а также „котелянъ“, потомучто среди нихъ преобладаютъ переселенцы изъ Котельническаго у.

Среди этихъ починовцевъ м. к распространено очень широко; принесено оно, конечно, котелянами, но здѣсь, повидимому, усилилось, что̀ я склоненъ объяснять такъ: замѣтивъ, что они, попавъ въ новую среду, уступаютъ этой средѣ во многомъ,—котеляне-починовцы стараются во что бы то ни стало сравняться со своими новыми сосѣдями: замѣтивъ, что м. к свойственно и кореннымъ яранцамъ, починовцы стали сознательно, такъ сказать, подчеркивать это свое произношеніе: мы, молъ, отнюдь не хуже яранцевъ говоримъ.

Приливъ новаго русскаго населенія въ началѣ XIX в. былъ сильнѣе на сѣверо-востокѣ Яранскаго у. (47,13% и 62,62% прибыли [3]); а во второй половинѣ того же вѣка

*) Столѣтіе Вятской губ. II, 778.

[1]) Н. Романовъ, Переселенія крестьянъ Вятской губ. Вятка, 1881, с. 124.

[2]) Тамъ же, приложеніе, с. 27—28.

[3]) Столѣтіе Вятской губ. II, 778—780, статья Н. Романова.

приливъ этотъ былъ уже сильнѣе на западѣ уѣзда: въ 1858 — 1878 гг. въ трехъ западныхъ волостяхъ населеніе прибыло на 145,42% (тамъ же, с. 778—780); въ это же самое время въ восточныхъ волостяхъ уѣзда населеніе уже убывало: 7% убыли (тамъ же): оно, конечно, выселялось съ востока на западъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что ходъ *новѣйшей* (о старой колонизаціи у насъ рѣчи еще не было) русской колонизаціи Яранскаго у. происходилъ вообще съ востока и сѣвера на западъ и югъ (точнѣе: съ сѣверо-востока на юго-западъ); не даромъ же и черемиса оттѣснены были на крайній югъ уѣзда, оставивъ въ прочихъ мѣстахъ лишь рядъ мелкихъ островковъ.

Переходимъ теперь къ болѣе старой колонизаціи Яранскаго у. Древнѣйшіе пункты русскаго населенія въ уѣздѣ: слоб. Кукарка, гор. Яранскъ и гор. Царевосанчурскъ. Въ Кукаркѣ въ 1620-хъ годахъ мы видимъ уже довольно многочисленное русское населеніе, по всѣмъ признакамъ составившееся изъ переселенцевъ съ разныхъ сторонъ. Тутъ мы видимъ „вятчанъ хлыновцевъ", „устюженинovъ", „двинянинovъ", „важенинovъ", „пермитинovъ" и „ветлуженинovъ" [1]). Лежащія къ западу отъ Кукарки сёла Колобово, Лѣсниково и Липово заселены, по одному извѣстію, не позднѣе 1640 г. „дворцовыми Кукарские слободы *новоприбылыми* крестьянами, которые съѣзжались въ государеву дворцовую Кукарскую слободу *изъ многихъ городовъ*", а въ сёла шли на льготныя земли [2]).

Свящ. Д. Трапицынъ въ 1849 г., на основаніи мѣстныхъ преданій и актовъ, изображаетъ [3]) заселеніе Кукарки и ея окрестностей такими чертами: Первое поселеніе русскихъ—с. Колобово (въ 20 в. отъ Кукарки, на р. Пижмѣ); оно основано устюжанами, пришедшими сюда, вѣроятно, черезъ Котельническій у.; крестьяне Водозерскаго удѣльнаго приказа Христолюбовы весною 1849 г. по пути къ Соловецкимъ около Устюга нашли своихъ однофамильцевъ;

---

1) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1905, № 4, с. 135—138: ср. Г. Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в., 113.

2) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1910, вып. 1, с. 39.

3) АГО. X, 26.

потомъ возникла дер. Городище (на устьѣ р. Пижмы), потомъ слоб. Кукарка и с. Жерновыя Горы; къ устюжанамъ присоединились пришельцы и бѣглецы изъ другихъ мѣстъ; были и монастырскіе крестьяне изъ-подъ гор. Вятки и изъ-подъ Орлова (это видно изъ акта 1765 г., хранящагося въ мѣстной Покровской церкви); были и плѣнники изъ черемисъ (напр. Чемодановы въ слоб. Кукаркѣ) и крещеные татары (Елкины въ дер. Жерновыя Горы).

Слѣды этого пестраго происхожденія „кукаръ" и ихъ ближайшихъ сосѣдей сказывались и впослѣдствіи, особенно въ мѣстномъ говорѣ. Въ концѣ 1840-хъ или началѣ 1850-хъ гг. мѣстный авторъ сообщалъ: „Нарѣчіе Кукарское не только рѣзко отличается отъ зарѣцкаго (Вятскаго или вятчанскаго), но проявляются оттѣнки онаго и по селеніямъ, напр. въ нарѣчіи слобожанъ (жителей слоб. Кукарки) съ нагорянами (жителями дер. Жерновыхъ Горъ); подобнымъ образомъ и въ прочихъ селеніяхъ нарѣчія такъ различны и примѣтны, что по разговору можно узнать, кто изъ разговаривающихъ изъ какого селенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ селеній однонарѣчныхъ. Лучше всѣхъ, чисто, хотя и не всегда съ соблюденіемъ правилъ грамматическихъ, говорятъ собственно кукаряне, повидимому отъ того, что съ лучшими иногородцами имѣютъ болѣе торговыхъ сношеній; а жители окольныхъ селеній — чѣмъ далѣе отъ Кукарки, тѣмъ болѣе сближаются съ Вятскимъ нарѣчіемъ, какъ въ нѣкоторыхъ словахъ, такъ и въ протяжномъ пониженіи конечныхъ словъ и слоговъ" [1]).

Теперь эти особенности въ говорѣ отдѣльныхъ селеній б. ч. уже сгладились, чему много способствовало, повидимому, преобладаніе въ Кукаркѣ Устюжской колонизаціи. О такомъ преобладаніи свидѣтельствуютъ, м. пр., тѣснѣйшія связи Кукарки съ Устюгомъ даже еще въ XIX-мъ вѣкѣ, а также поминовеніе „Устюжскихъ родителей" въ Талицкой часовнѣ, что неподалеку отъ Кукарки, у дер. Косогоръ.— Кромѣ устюжанъ здѣсь было много вятчанъ, которые вели свое происхожденіе часто также изъ Устюга; въ отказной книгѣ 1658 г. на Предтеченскій монастырь въ Котельничѣ, при перечнѣ монастырскихъ вотчинъ Котельническаго у., мы

[1]) Библ. Ак. Н., № 42.

видимъ немало тяглыхъ крестьянъ, о которыхъ сообщается: „сбѣжали въ Кукарку", „бѣжалъ въ Липовое" [1] (село подъ Кукаркой).—Наконецъ, отхожіе промыслы кукаръ должны были также способствовать объединенію, — а вмѣстѣ, конечно, и обезличенью,—мѣстныхъ говоровъ; въ качествѣ плотниковъ кукара давно ходятъ и на среднюю Волгу [2]).— Съ Волги они могли позаимствовать и м. к, но можно также предполагать, что въ старину устюжане,—съ коими у Кукарки были тѣснѣйшія связи,—также знали эту черту и легко могли передать ее кукарамъ.

Гор. Яранскъ основанъ Московскимъ правительствомъ въ 1854 г., для защиты отъ черемисъ; здѣсь поселены были стрѣльцы, но стрѣлецкое населеніе города, повидимому, скоро растаяло въ массѣ населенія пришлаго, гл. обр. Вятскаго. Вотъ характерная картинка заселенія прихода с. Кокшаги, основаннаго подгороднимъ Яранскимъ жителемъ и скоро залитаго пришлымъ, Орловскимъ населеніемъ: Здѣсь, среди черемисъ, въ половинѣ XVIII в. стали селиться русскіе крестьяне изъ поч. Халтуринскаго (въ 8 вер. отъ Яранска) и другихъ подгородныхъ деревень: но начатую яранцами колонизацію продолжали жители Орловскаго у.; въ 1866 г. на долю Орловскихъ переселенцевъ приходилось 87% приходскаго населенія, тогда какъ яранцевъ было только 7% и черемисъ 6% [3]).

Нѣчто аналогичное нужно предполагать и для окрестностей гор. Царевосанчурска, основаннаго тоже правительствомъ въ 1854 г. и также заселеннаго первоначально стрѣльцами. Но здѣсь пришлое населеніе оказалось съ другой стороны — съ юга, гл. обр. повидимому изъ Нижегородскаго поволжья. Этому должно было способствовать уже одно то обстоятельство, что здѣсь протекаетъ р. Кокшага, принадлежащая къ бассейну р. Волги непосредственно (безъ посредства рр. Вятки и Камы), и вообще—географическая близость. Здѣсь сохранилось глухое преданіе о

[1]) Тр. Вятск. Арх. Ком. 1908, вып. 2, с. 5—7.

[2]) Срв. Д. Зеленинъ, Народн. присловья и анекдоты о русск. жителяхъ Вятск. губ. 24 и 34—35.

[3]) Вят. Г. В. 1865, № 39.

какой-то „ратной тропѣ“ въ западныхъ лѣсахъ, которую мѣстная легенда приписываетъ Іоанну Грозному: очевидно, въ этотъ край были и сухопутныя пути съ запада и юга.

Новый факторъ здѣшней колонизаціи—присутствіе здѣсь помѣщиковъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ на Вяткѣ вообще нѣтъ. Въ 1678 г. здѣсь были „вотчина и помѣстье“ боярина Богдана Матв. Хитрово, въ которыхъ числилось 535 дворовъ, прежде того составлявшихъ дворцовую волость; кромѣ того, за помѣщиками дѣтьми боярскими здѣсь было тогда 25 дворовъ и за монастыремъ 5 дворовъ[1]). Помѣщики, вѣроятно, принимали свои мѣры для заселенія этой области, но переводить крестьянъ они могли, конечно, только не съ сѣвера, гдѣ крѣпостныхъ крестьянъ не было.

„Шанчурята“ (подъ этимъ именемъ извѣстны въ народѣ жители бывшаго Царевосанчурскаго у.) отличаются отъ яранцевъ и вообще вятчанъ не только своимъ говоромъ, но и бытомъ, особенно обычаями[2]). Вятчане ихъ рѣзко отличаютъ отъ себя, и въ своихъ преданіяхъ говорятъ даже объ особомъ народѣ „Шанчурѣ“ — не знаю, изъ простой-ли насмѣшки или же имѣя въ виду черемисскаго князька „Санчуру“, отъ имени коего выводятъ и названіе гор. Царевосанчурска.

§ 154. Въ Уржумскомъ у. м. к распространено очень широко. Мнѣ извѣстно только два пункта, въ говорѣ коихъ отмѣчено отсутствіе м. к: приходъ с. Лебяжья и Буйскій заводъ. Но около Лебяжья, въ дер. Окунёвѣ я самъ слышалъ случаи м. к въ 1906 г.: не тронь-кё, удочкю; а въ Буйскомъ заводѣ много южновеликоруссовъ акальщиковъ, въ говорѣ коихъ м. к такъ обычно, и отсутствіе здѣсь этой черты легче всего объяснять обезличеніемъ говора въ культурномъ центрѣ.

Но необходимо замѣтить, что географія Уржумскихъ говоровъ намъ извѣстна плохо. Хотя говору этого уѣзда посвящена сцеціальная статья покойнаго инспектора народ-

[1]) Древн. акты Вятск. края, 207.

[2]) Срв. мою статью „Яранская шапшиха“ въ „Приложеніи къ Вят. Г. В.“ 1904 г., № 43 и, по поводу ея, тамъ же, № 54.

ныхъ училищъ Магницкаго[1]), но тамъ нѣтъ точныхъ географическихъ указаній. Говоръ центральной части Уржумскаго у. въ ней, повидимому, не отразился и остается намъ не извѣстнымъ.—Кромѣ того, въ Отарахъ, напр., гдѣ я наблюдалъ говоръ сравнительно продолжительное время, м. к очень рѣдко.

Магницкій отмѣчаетъ м. к не только въ случаяхъ: войскѣ, губерьскѣй, крючкѣмъ, но также и: клюкя, метелѣкь, крючокь (с. 34). Послѣдніе случаи нѣсколько сомнительны (однако срв. выше § 5 и 9); не исключена возможность, что сотрудники инспектора Магницкаго приводили иногда примѣры въ имен. пад. вм. косвенныхъ (срв. у него же форму „мѣстя“, вм. мѣста, б. м. искусственно образованную отъ твор. пад. мѣстями?).

Магницкій почему-то не замѣтилъ существованія въ предѣлахъ Уржумскаго у. нѣсколькихъ различныхъ говоровъ, и данныя о говорѣ недавнихъ Вятскихъ переселенцевъ распространилъ на весь уѣздъ. — Въ противоположную крайность впали Васнецовъ (которому извѣстенъ былъ гл. обр. говоръ Шурминскаго завода и с. Лопьяла), а также Колосовъ, которые toto genere отличали Уржумскій говоръ отъ Вятскаго, такъ какъ имѣли въ виду только коренныхъ уржумцевъ. Васнецовъ отмѣчаетъ въ Уржумскомъ у. м. к[2]), а Колосовъ, какъ и всегда, этой черты совсѣмъ не знаетъ.

Вотъ перечень селеній (въ порядкѣ съ сѣвера на югъ), существованіе въ говорѣ коихъ м. к мнѣ подлинно извѣстно. Въ Рождественской волости м. к рѣдко, но встрѣчается повсюду: печáточькю мыла, котомочкю, маленечькё, стань-кё, со стойкямъ; я слышалъ эти и подобные имъ случаи въ сс. Отары, Красное и дер. Мокино, Коровки, Елькины.—Въ Сердежской вол.: дер. Слудка (прихода с. Вотское): въ Уржумьськёмъ; с. Ветошкино. — Въ Петровской вол.: с. „Петроськёё“ и около его; с. Рождественское: м. к и формы безъ него отмѣчены въ отвѣтѣ на мою прогр.—Въ Теребиловской вол.: с. Русскій Турекъ (здѣсь старовѣры).—Въ

1) Особенности русск. говора въ Уржумскомъ у. (Изв. Общ. Археол., Ист. и Этнограф. 1885 г.).

2) Н. М. Васнецовъ, Матеріалы для объяснит. обл. слов. Вятск. говора, 7.

Кузнецовской вол.: Бирьськёй и т. п.—Въ Кужнурской вол. с. Толмань: м. к и чоканье безъ цоканья (отвѣтъ Ив. Сидоркина на мою прогр.).—Въ Больше-Шурминской вол.: приходъ с. Рѣшетникова: м. к и формы безъ него, с вм. ц.—Въ Пилинской вол. (подгородней).—Въ с. Косолаповомъ и около его, по р. Бую. — Въ волостяхъ Токтай-Бѣлякской, Конганурской и Ирмучашской.—Въ с. Хлѣбниковѣ: м. к и чоканье безъ цоканья (отвѣтъ на мою прогр.).

Въ Уржумскомъ у. нужно различать 4 группы населенія: 1) стрѣльцы и другіе служилые люди, поселенные правительствомъ при основаніи Уржума въ 1589 г. Въ ревизскихъ сказкахъ пятой ревизіи (1795 г.) въ Биляморской вол. отмѣчены, м. пр., „пушкари", „воротники", „сторожа", а также „иноземцы" (каждаго разряда человѣкъ по 10-ти) и „пахатныхъ солдатъ" до 100 душъ [1]). Въ 1811 и 1834 гг. находимъ „однодворцевъ" (264 д. по 8-ой ревизіи), а число пахотныхъ солдатъ возросло до 282. — Крестьяне сельца Новопокровскаго считали себя потомками стрѣльцовъ и въ 1832 г. на этомъ основаніи стали „отыскивать свою вольность отъ" неправильно завладѣвшихъ ими помѣщиковъ [2]). Магницкій сообщаетъ, что часть крестьянъ, живущихъ около гор. Уржума, — „потомки бывшихъ Уржумскихъ стрѣльцовъ" [3]).

2) Вторая группа — жители заводовъ, въ частности — Шурминскаго и Буйскаго. Это акальщики, населенные сюда изъ Тулы, Ветлуги, Калуги, Коширы, Самары, откуда и фамиліи: Коширскій, Самарцовъ; аканье слабое: вмѣсто *е* произносится *и* [4]). Аканье въ Уржумскомъ у. отмѣчаетъ и Васнецовъ: харомы, карова, ана; рядомъ съ м. к: потихонькю, улочькю, окошкю, и *с* вм. *ц*: сарь, куриса [5]). Въ матеріалахъ Магницкаго изъ неизвѣстныхъ мѣстъ Уржумскаго у. встрѣчаются даже случаи яканья: пяченыхъ, цвясти [6]). Нѣкто Н. М. сообщаетъ о говорѣ Шурмы, что здѣсь „ч выго-

[1]) Столѣтіе Вятской губ. II, 782.

[2]) Тамъ же, с. 507.

[3]) Календ. Вятск. губ. на 1884 г., с. 87.

[4]) АГО. X, 15, С. Рязанцевъ.

[5]) Н. Васнецовъ, Матер. для объясн. обл. словаря, 7.

[6]) Магницкій, Повѣрья и обряды въ Уржумскомъ уѣздѣ, с. 26 и 41.

варивается шипящимъ звукомъ, почти переходитъ въ *ш* и *я* иногда какъ *и*“ [1]).

Хотя теперь въ Буйскомъ заводѣ м. к уже не отмѣчено, но прежде оно, конечно, было (въ Тулѣ, Коширѣ и Калугѣ эта черта обычна). Нужно думать, что заводскій говоръ не мало способствовалъ распространенію м. к въ Уржумскомъ уѣздѣ.

Къ этой же группѣ можно отнести старовѣровъ, переселившихся сюда изъ дальнихъ мѣстъ. Присутствіе такихъ предполагать здѣсь почти необходимо, но точныхъ данныхъ на этотъ счетъ у насъ никакихъ нѣтъ.

3) Третья группа,—это—древнѣйшіе, XVII-го и начала XVIII вв., переселенцы въ Уржумскій у. съ Вятки. Съ представителемъ ихъ, въ лицѣ Микифора Рѣткина, мы уже встрѣтились выше (см. § 151); онъ жилъ въ с. Лебяжьѣ, откуда переселился, „съ товарищи“, на Лудяну. С. Лебяжье упоминается въ чудесахъ Великорѣцкаго образа св. Николая подъ 1669 г., какъ село дворцовое [2]); т. е., оно создано было не монастырскою колонизаціею, а частною, вольною.

Изъ грамоты 1686 г. видно, что въ Уржумскомъ у., между рр. Чепочкою и Буемъ, поселилось много Вятскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ Вятскихъ вотчинъ Хлыновскаго Трифоноваго монастыря; крестьяне эти были оставлены тутъ на всегда [3]). Въ 1678 г. за Спасскимъ Чепоцкинымъ монастыремъ (теперь с. Цѣпочкино Уржумск. у.) числится 121 дворъ [4]); самый монастырь этотъ былъ колоніею Успенскаго Хлыновскаго монастыря.

Такою же колоніею Хлыновскаго монастыря и вотчиною Чепоцкаго было с. Петровское съ дер. Жеребцово поле. По переписнымъ книгамъ Голохвастова 1673 г., изъ 62 здѣшнихъ крестьянскихъ дворовъ, 46 дворовъ было вятчанъ „изъ разныхъ уѣздовъ и становъ“ и 12 человѣкъ бездворовыхъ вятчанъ же („съ Вятки“); 10 дворовъ принадлежали мѣстнымъ уже уроженцамъ, предки коихъ были также

[1]) Вят. Г. В. 1892, № 8: Къ замѣткѣ Васнецова о говорѣ Вятскаго края.

[2]) Календ. Вятской губ. на 1887 г., с. 175.

[3]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1906, № 3—4, с. 228.

[4]) Древн. акты Вятскаго края, 207.

вятчане; кромѣ того, 2 двора были изъ Кукарки, 2 изъ Орловскаго у. и 2 изъ Лебяжья. — Многочисленность старыхъ колонистовъ съ Вятки въ предѣлахъ нынѣшняго Уржумскаго у., такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія. М. пр., около 1677 г. въ с. Петровское сбѣжалъ ларешной цѣловальникъ Филка Бабайловъ изъ Сырьянской вол. Слободского у. [1]): здѣсь интересна отдаленность родины колонистовъ, особенно при тогдашнихъ путяхъ сообщенія.

Многолюдность старой русской колонизаціи Уржумскаго у. однако же не слѣдуетъ преувеличивать: ей долго мѣшали мѣстные черемисы. По переписной книгѣ Толочанова и Фаворова 1646 г. въ Уржумскомъ у. было 150 дворовъ съ 261 чел.; черемисъ же тогда было около 2-хъ тс. дворовъ [2]). — Въ 1622 г. на устьѣ Уржумки, среди сплошного черемисскаго населенія, подъ сѣнью „Уржумскаго Караула", начали строить Чепоцкій Спасскій монастырь; а въ 1648 г. строитель этого монастыря жаловался, что „на луговой сторонѣ" р. Вятки отъ монастыря „до Вятского уѣзду чернаго лѣсу верстъ на полтретьяста и больши, и въ тѣ лѣса не пущаетъ монастырскихъ людей черемиса, называетъ своимъ угодьемъ" [3]).

Группа старыхъ вятчанъ въ Уржумскомъ у. должна была смѣшаться съ поселенцами и бѣглецами изъ другихъ мѣстъ, между прочимъ изъ Казанской губ., а также съ мѣстными стрѣльцами. Такимъ путемъ, повидимому, и образовалась группа „коренныхъ уржумцевъ", обнаруживающая сходство съ группою Малмыжскихъ „гагаръ" (§ 155). М. к въ говорѣ этой группы приходится отнести на счетъ стрѣльцовъ или же на счетъ Вятской колонизаціи, такъ какъ приписывать эту черту казанцамъ и пахотнымъ солдатамъ достаточныхъ основаній нѣтъ: въ другихъ мѣстахъ говоръ этихъ группъ м. к не имѣетъ. Но можно также думать и о болѣе позднемъ заимствованіи уржумцами м. к—или отъ жителей здѣшнихъ заводовъ, или же на почвѣ отхожаго бурлачества.

4) Наконецъ, четвертая группа Уржумскаго населенія—вятчане же, но переселившіеся сюда гораздо позднѣе, не

---

[1]) Древн. акты, 193.

[2]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1906, № 3—4, с. 37; срв. Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1849, т. 3, с. 18—51.

[3]) Пам. Кн. и календ. Вятск. губ. на 1905 г., с. 227.

успѣвшіе еще смѣшаться со старымъ населеніемъ уѣзда и сохранившіе въ чистотѣ свой говоръ и типъ. Здѣсь много нолинцевъ и орловцевъ, принесшихъ съ собою м. к въ говорѣ. — Эту группу Уржумскаго населенія гл. обр. имѣлъ въ виду, при описаніи Уржумскаго говора, Магницкій, тогда какъ Васнецовъ и Колосовъ касались больше второй и третьей группы.

Изъ офиціальныхъ источниковъ извѣстно, что въ южную половину Уржумскаго у. въ концѣ XVIII и впродолженіе XIX вв. происходятъ сильныя вселенія, а до половины XIX-го в. такія же вселенія происходили, повидимому, и въ сѣверную половину уѣзда [1]).—За 20-лѣтній періодъ времени отъ 1859 г. по 1879 г. въ Уржумскій уѣздъ переселилось изъ Орловскаго у. 455 рев. душъ, изъ Нолинскаго 447, изъ Яранскаго 319, изъ Малмыжскаго 112, изъ Вятскаго 50 и изъ Котельническаго 11 [2]).

§ 155. Русское населеніе Малмыжскаго у., вообще не многочисленное (оно составляетъ только половину всего населенія у., другая половина—инородцы) и по времени своего появленія въ краѣ позднѣйшее, можетъ быть подраздѣлено на слѣдующія группы: 1) Древнѣйшіе русскіе поселенцы извѣстны здѣсь въ народѣ подъ прозвищемъ „гагаръ", вѣроятно за свое бурлачество [3]). Они живутъ въ приходахъ: Кизнерскомъ, Кулыжскомъ, Вятско-Полянскомъ, Сушинскомъ, Слудскомъ, Старо-Мултанскомъ, а также въ Волипельгинской вол. и въ Мамадышскомъ у.; живутъ разбросанно среди другихъ группъ населенія; изъ деревень, заселенныхъ одними „гагарами", мнѣ извѣстны только Синярка и Ягулъ, обѣ въ Кизнерскомъ приходѣ. По весьма правдоподобному замѣчанію Малмыжскаго автора, свящ. Бабушкина, гагары—„помѣсь вятчанъ съ казанцами и бѣглецами изъ разныхъ племенъ великой Россіи"; это „народъ видный, статный, высокій, красивый, б. ч. брюнеты; одѣ-

[1]) Столѣтіе Вятской губ. II, 782—784.

[2]) Н. Романовъ, Переселенія крестьянъ Вятск. губ. 124.

[3]) Въ этомъ смыслѣ, конечно, „гагарами" слывутъ истобенцы Орловскаго у., знаменитые водоходы (АГО. X, 34, Соловьевъ, у коего въ объясненіе дана нелѣпая легенда). Въ Нолинскомъ у. отмѣчены мѣстныя слова: *гогара* „насмѣшливый", *гогарить* „смѣяться". Наконецъ, это прозвище можетъ еще имѣть въ виду высокій ростъ, черноту, крикливость.

ваются чисто и со вкусомъ; пчеловоды; плохіе земледѣльцы, по сравненію съ вятчанами; рѣчь ихъ отрывистая и бойкая; среди нихъ весьма много старовѣровъ[1]). Главная особенность говора гагаръ — *с* вм. *ц*; м. к нѣкоторымъ извѣстно (напр. въ дер. Синяркѣ), но едва ли повсюду. Штинъ (въ отвѣтѣ на мою прогр.) отмѣчаетъ въ говорѣ гагаръ Волипельгинской вол. (здѣсь они населяютъ нѣсколько деревень) *с* изъ *ц* и иканье: Стипанъ, митла, чило, жына, биру, иво, иму вм. ему, изыкъ вм. языкъ, глидѣть. — Гагаръ же, конечно, описываетъ и Осокинъ[2]), который отмѣчаетъ въ говорѣ Малмыжскихъ крестьянъ с изъ ц.

2) Далѣе слѣдуютъ мелкія группы населенія: а) Въ предмѣстьѣ гор. Малмыжа въ концѣ XVIII в. жили пахотные солдаты[3]); б) бывшіе крѣпостные, какъ всегда различнаго происхожденія: въ 1795 г. помѣщичьихъ крестьянъ было 1.131 д. м. п.[4]); в) старовѣры; среди нихъ есть и акальщики, напр. въ трехъ деревняхъ: Керженцы, Ефимки и Кузлукъ; по сообщенію мѣстнаго автора, это потомки бѣглыхъ крѣпостныхъ „Московскихъ господъ", акаютъ „по-московски"[5]); г) т. наз. „уржумцы" или „малое вятчанье" — недавніе переселенцы изъ Уржумскаго у.; они довольно близки къ „гагарамъ"[6]).

3) Недавніе (XIX-го в.) переселенцы изъ центральныхъ уѣздовъ Вятской губ., приливъ коихъ продолжается еще и въ наши дни. Эти „вятчане" селятся „на лѣсъ" среди вотяковъ всюду, гдѣ только есть свободныя мѣста для жительства; указать границы ихъ поселеній не представляется никакой возможности. Въ періодъ времени съ 1859 по 1879 г. переселилось въ Малмыжскій уѣздъ изъ другихъ уѣздовъ Вятской же губ. свыше 3 тс. рев. душъ; среди нихъ больше было нолинцевъ: 1277 д., затѣмъ слѣдуютъ глазовцы: 711, орловцы: 679 д., вятчане: 478, уржумцы: 191,

---

[1]) Вят. Г. В. 1883, № 102.

[2]) С. Осокинъ, Народный бытъ въ сѣв.-вост. Россіи (Современникъ, 1856, № 10—11 = Вят. Г. В. 1857, № 12).

[3]) Столѣтіе Вятской губ. II, 786.

[4]) Тамъ же, с. 786, гдѣ и перечень селеній ихъ.

[5]) Вят. Г. В. 1858, № 18.

[6]) Вят. Г. В. 1883, № 103, Бабушкинъ.

слобожане: 128 и др. [1]). Мѣстный священникъ К. Курочкинъ писалъ въ 1853 г.: „Русскіе обитатели Малмыжскаго у. суть выселки изъ уѣздовъ: Вятскаго, Нолинскаго и Уржумскаго“ [2]). Въ приходъ с. Аджима селились, въ началѣ XIX в., „изъ разныхъ мѣстъ Вятской губ., и особенно изъ Нолинскаго и Уржумскаго уѣздовъ“ [3]). Русское населеніе прихода с. Зятцы — переселенцы изъ уѣздовъ: Вятскаго, Слободского, Нолинскаго, Орловскаго и Глазовскаго; первый поселенецъ прибылъ въ 1813 г. въ дер. Тло-Пудга [4]). Въ приходъ с. Кизнери русскіе пришли изъ Орловскаго, Котельническаго и Уржумскаго уѣздовъ [5]). Приходъ села Мултана, основаннаго въ 1752 г., состоялъ сначала изъ однихъ вотяковъ; теперь же здѣсь цѣлая треть населенія— русскіе [6]). Дер. Орловка Волипельгинской вол. основана въ 1840 г. орловцами [7]).

Возвратимся теперь къ древнѣйшему элементу Малмыжскаго русскаго населенія—къ гагарамъ. Старѣйшимъ русскимъ поселеніемъ въ предѣлахъ нынѣшняго Малмыжскаго у. было с. Вятскія Поляны — нѣкогда Рождественскій монастырь, — основанное въ концѣ XVI в.; оно было колоніею Хлыновскаго Трифонова монастыря, и населено было, конечно, гл. обр. вятчанами. Въ 1654 г. почти вся Вятско-Полянская вотчина вымерла отъ моровой язвы [8]), но скоро вновь заселилась: уже въ 1657 г. здѣсь было 56 жилыхъ дворовъ съ 99 челов., выморочныхъ дворовъ оставалось 35 (тамъ же). Въ 1675 г. сюда поселились, между прочими, „бѣглые пріѣзжіе разныхъ городовъ и селъ и волостей“ [9]). Отъ смѣшенія этихъ бѣглыхъ съ вятчанами, повидимому, и произошли „гагары“.

Въ сѣв.-восточной части у. (сѣвернѣе р. Валы), особенно въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по старому Си-

[1]) Романовъ, Переселенія крестьянъ Вятск. губ. 124.

[2]) Вят. Г. В. 1853, № 18, с. 142.

[3]) Вят. Г. В. 1870, № 91.

[4]) Вят. Епарх. Вѣдом. 1874, № 11; срв. № 9; село это открыто въ 1756 г.; сначала приходъ состоялъ изъ однихъ вотяковъ.

[5]) Прогр. № 79, Кл. Воробьева (Матер. IX, 93).

[6]) Вят. Г. В. 1897 г.

[7]) Вят. Г. В. 1897, № 75.

[8]) Древніе акты Вятск. края, 145.

[9]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1908, № 1, с. 2.

бирскому тракту, преобладалъ прежде говоръ не „вятскій", а близкій къ Сарапульскому (Пермскому), и не такъ давно еще р. Лобань считалась границею: „за Лобанью", къ западу отъ нея, жили „вятчанье". Авторъ „очерка Малмыжскаго у." замѣчаетъ, что „нѣкоторые русскіе обыватели уѣзда говорятъ нарѣчіемъ, свойственнымъ природному вятчанину, а другіе, по нарѣчію, приближаются къ русскимъ окольныхъ губерній" [1]) (разумѣются, конечно, губерніи: Пермская и Казанская). Пограничное значеніе р. Валы сохраняется отчасти и понынѣ: кругомъ с. Сюмсей, напр., говоръ Вятскій, а въ Вихаревѣ или въ Удугучинѣ (Мултанской вол.)—Пермскій.

М. к встрѣчается въ говорѣ, повидимому, всѣхъ группъ населенія Малмыжскаго у., но вездѣ почти островами, а не сплошною полосою. Сильнѣе другихъ мѣстъ м. к въ Малорожкинской вол., расположенной на р. Вяткѣ близъ границы съ Уржумскимъ уѣздомъ: въ дер. Малые Рожки: въ Уржумьскёмъ, въ Малмыжськёмъ, но рѣчька, съ неяснымъ *а* на концѣ; въ дер. Кисели (8 в. отъ с. Тушки). Въ с. Аджимѣ (той же вол.) также м. к, рядомъ съ твердымъ, *с* вм. *ц*.— Неподалеку отъ р. Вятки с. Кизнерь Старотрыкской вол., гдѣ м. к „иногда случается, что произносятъ" (прогр. № 79, Кл. Воробьева); у мѣстныхъ „гагаръ", повидимому, м. к нѣтъ.—Въ с. Константиновскомъ Большепорѣкской вол. отмѣчено: дощечкя, крылечкё и т. п. [2]), но здѣсь говоръ сильно смѣшанный, такъ какъ на мѣстной фабрикѣ много пришлаго люда.

Въ дер. Антошинской Узинской вол. м. к рѣдко: молоцкё, но: Ванька и т. п.; тутъ живутъ недавніе переселенцы (отвѣтъ на мою прогр.).— Въ Волипельгинской вол. отмѣчено м. к, конечно, тоже у переселенцевъ; въ говорѣ мѣстныхъ „гагаръ" м. к нѣтъ (отвѣтъ на мою прогр. Штина).— Вѣроятно, на счетъ переселенцевъ же нужно отнести м. к и въ дер. Большое Жирново Вихаревской вол., гдѣ: солнышкё, травкя, сверьхю, послушайкё; чоканье безъ цоканья (прогр. № 103: Матер. IX, 97).

М. к принесено въ Малмыжскій у. недавними пересе-

[1]) Вят. Г. В. 1853, № 18.

[2]) Прогр. № 105, Е. Садовская (Матер. IX, 99).

ленцами изъ Нолинскаго и Орловскаго уѣздовъ, а также бурлаками и, вѣроятно, старовѣрами. Не исключена возможность, что и болѣе древніе колонисты—съ сѣвера и съ юга—также иногда знали эту черту, но никакой необходимости предполагать это нѣтъ.

§ 156. Древнѣйшая и главная колонизація Сарапульскаго у. происходила съ сѣвера, изъ Приуралья или, точнѣе говоря, черезъ Приуралье. Дѣло происходило, вѣроятно, такъ: Благодаря оживленной дѣятельности Строгановыхъ, а отчасти и другихъ Уральскихъ заводовладѣльцевъ, на Уралѣ скопилось довольно большое населеніе. Этому скопленію должно было способствовать еще и то обстоятельство, что при массовомъ движеніи въ (легендарную тогда) Сибирь многіе должны были застревать на Уралѣ. Но Уралъ представлялъ для б. ч. великорусскихъ крестьянъ весьма много неудобствъ: заводская работа не всѣмъ по нутру, а каменистая и гористая почва съ дѣвственными лѣсами, въ которыхъ земля никогда не прогрѣвалась солнцемъ, была не пригодна для земледѣлія. Вотъ почему мѣстное населеніе, не говоря уже о бѣглыхъ, искало выхода. Когда берега средней Камы очистились отъ негостепріимныхъ инородцевъ, сильно затруднявшихъ прежде всякое движеніе по этой рѣкѣ, тогда сюда и устремилось Уральское населеніе, спускаясь по Камѣ даже до гор. Елабуги. Кромѣ юга, то же населеніе шло и на западъ — по верховьямъ Камы и, вѣроятно, по р. Чепцѣ — и доходило здѣсь до р. Кобры, до Синеглинья (см. выше § 149). Указаніе на то, что „въ то время Сибирь была мало еще населена и сама нуждалась въ переселенцахъ“ [1]), ничего не опровергаетъ: русскіе крестьяне переселяются не только и не столько изъ-за тѣсноты, сколько по другимъ побужденіямъ [2]), конечно ища лучшаго; для земледѣлія пригоднѣе было среднее Прикамье, нежели суровая Сибирь съ ея дѣвственной тайгой. Въ томъ же, что среднее Прикамье было заселено русскими позднѣе, чѣмъ сѣверное, Приуралье, сомнѣній быть не можетъ: Чердынь и Соликамскъ несравненно древнѣе Сарапула и Осы.

По дозорной книгѣ Зюзина 1621 г., въ Сарапулѣ и его

[1]) Вят. Г. В. 1883, № 92.

[2]) Срв. Романовъ, Переселенія крестьянъ Вятск. губ. 162—204.

окрестностяхъ жило не мало „Верхокамцевъ", „Цылвинцевъ" (съ р. Сылвы), „Пермитиныхъ", были и „Кудымкорцы" (с. Кудымкоръ въ Соликамскомъ у.), „Осинцы", „Зыряновы" и др.; были, правда, и „Вятченины", „Лузянины", 1 „Кокшаръ" и др., а также „Чухломецъ", „Казанцовъ" [1]).

Память о преобладаніи сѣверной колонизаціи сохранялась въ Сарапулѣ до недавняго времени; мѣстный житель и историкъ Вештомовъ въ 1827 г. писалъ, что жители Сарапула суть „населенцы, изъ сосѣдственныхъ *вверхъ* по Камѣ лежащихъ мѣстъ нашедшіе, съ которыми сарапульцы совершенно сходствуютъ въ образѣ жизни, одѣяніи, въ нарѣчіи, склонностяхъ (особенно къ расколу) и душевныхъ качествахъ, ласковости, учтивости, гостепріимствѣ къ незнакомымъ и странникамъ" [2]).

Но только первый по времени сливъ населенія въ Сарапульскій край былъ изъ Перми. Послѣ и здѣсь возобладала Вятская колонизація. Въ періодъ времени съ 1858 г. по 1878 г. прибыль русскаго населенія на сѣверѣ и въ серединѣ Сарапульскаго у. составила 58,27% и 72,% [3]): такъ силенъ былъ здѣсь приливъ населенія со стороны; за время съ 1811 до 1834 г. прибыль здѣсь была 46,49%, а съ 1834 до 1858 г.—37,38% (тамъ же). На югѣ уѣзда съ 1858 до 1878 г. прибыло 42, 12% (тамъ же). — Около 2 тс. рев. душъ переселенцевъ прибыло въ Сарапульскій у. въ 1859—1879 гг. изъ прочихъ уѣздовъ Вятской же губ., а именно: 890 д. изъ Глазовскаго у., 494 изъ Нолинскаго, 245 изъ Вятскаго, а изъ каждаго изъ всѣхъ другихъ уѣздовъ — менѣе 100 д. [4]); изъ Пермской губ. за то же время сюда переселилось 132 д. [5]).

Пестрота въ составѣ населенія, конечно, отразилась и на мѣстныхъ говорахъ. Учитель Аверкіевъ въ 1895 г. писалъ о Нылгижикьинской волости: „Русскіе — преимущественно переселенцы изъ другихъ уѣздовъ Вятской губ.,

1) Тр. Вятск. Арх. Ком. 1905, № 5—6, с. 219—223; срв. 1906, № 1—2, с. 49—53.

2) Вят. Г. В. 1883, № 92, со ссылкою на „Казанскій Вѣстникъ" 1827 г.; срв. Столѣтіе Вятской губ. II, 745; Вят. Г. В. 1888, № 73, ст. *В. Ф.*

3) Столѣтіе Вятской губ. II, 798.

4) Н. Романовъ, Переселенія крестьнъ Вятск. губ. 124.

5) Тамъ же, с. 87.

почему въ одной деревнѣ можно встрѣтить нѣсколько нарѣчій" [1]). Въ Воткинскомъ заводѣ отличавшіеся по своему говору переселенцы изъ Пензенской, Калужской, Рязанской и Нижегородской губ., извѣстны были подъ кличкою „шабры" [2]).

Пестротѣ Сарапульскаго населенія способствовали мѣстные помѣщики, переводившіе сюда крестьянъ изъ другихъ губерній. Такъ, значительная часть крестьянъ Арзамасцевской вол. переселена сюда помѣщикомъ въ началѣ XIX-го в. изъ Тамбовской губ. [3]).—Наконецъ, здѣсь были, конечно, и бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ. Такъ, въ с. Мостовомъ поселились „штатные служители Троицкой Сергіевой Лавры, бѣжавшіе сюда отъ строгаго настоятеля... Выговоръ жителей села Мостового отличается отъ говора всѣхъ прочихъ селеній, кромѣ двухъ деревень (Дуброва и Вонявка), въ которыхъ живутъ выходцы изъ того же села, и очень походитъ на выговоръ Московскій"; обычаи отличны отъ Вятскихъ [4]).

При отмѣченной пестротѣ населенія нисколько не удивительно, что въ Сарапульскомъ у. встрѣчаются также и говоры съ м. к. Такъ, въ населенной тамбовцами Арзамасцевской вол. (дер. Котова и др.) отмѣчены случаи съ м. к и безъ него (отвѣтъ на мою прогр., полученный черезъ Л. Ф. Худяковскаго). Встрѣчается м. к въ с. Коростинѣ (Новопоселенное тожъ) Чегандинской вол., въ приходѣ с. Колесникова, въ с. Докшѣ Гольянской вол.: тятькя, рѣцькя и т. п., въ дер. Софроновѣ, что́ близъ с. Шаркана.—Б. ч. этихъ селеній—новыя, и м. к принесено сюда Вятскими и иными переселенцами; но кое-куда оно могло проникнуть и съ заводовъ Пермской губ., б. м. даже уже съ древнѣйшею колонизаціею.

§ 157. Въ Елабужскомъ у. больше инородцевъ, чѣмъ русскихъ, и уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о позднемъ заселеніи этого у. русскими. Въ XIX в. сюда шли гл. обр. вятчане; въ 1859—1879 гг. сюда переселилось

1) Вят. Г. В. 1895. № 100.

2) Вят. Г. В. 1847. № 49, с. 326; Морской Сборникъ, 1858, т. 33, № 2, с. 298.

3) Н. Романовъ, Краткіе очерки уѣздовъ Вятск. губ. 187.

4) Вят. Г. В. 1865, № 19, с. 110.

2161 рев. душъ вятчанъ, въ томъ числѣ изъ Нолинскаго у. 692 д., изъ Малмыжскаго 510, изъ Уржумскаго 195, изъ Орловскаго 165 [1]); въ то же время изъ разныхъ другихъ губерній (гл. обр. Казанской и Пермской) сюда переселилось 145 рев. душъ [2]).

И въ старину здѣсь также были вятчане, проникавшіе сюда по рр. Вяткѣ и Камѣ; возможно, что даже и самый гор. Елабуга былъ нѣкогда колоніею вятчанъ: о томъ говорило бы преданіе о мѣстной древней святынѣ, иконѣ Спасителя, связанное съ именемъ живописца изъ с. Краснаго, что̀ подъ гор. Вяткой [3]). Но въ 1617 г. мы видимъ здѣсь 12 дворовъ „Верхокамцевъ", т. е. выселенцевъ изъ Пермскаго края [4]); очевидно, Пермскіе колонисты спускались и ниже Сарапула. Были здѣсь и представители разныхъ другихъ мѣстъ, даже „Нѣмчины", „Ярославцы" и „Астраханцы" (тамъ же), что̀ объясняется, конечно, торгово-промышленнымъ характеромъ Елабуги.

Судя по преобладающему говору (*с* вм. *ц*), здѣсь господствовала Пермская колонизація. Но приходили также, и въ старое сравнительно время, переселенцы и бѣглецы съ низовьевъ р. Камы и съ Поволжья. Такъ, относительно с. Икскаго Устья мѣстная церковно-приходская лѣтопись сообщаетъ, что село основано при Екатеринѣ II-ой *Костромскими* выходцами, которыхъ было первоначально 7 семей [5]). Сёла Свиныя Горы (здѣсь въ 1668 г. было уже 40 дворовъ) и Котловка основаны бѣглыми и пришельцами изъ разныхъ мѣстъ [6]).—Встрѣчаются здѣсь и акальщики, напр. дер. Армалы, въ 3 вер. отъ с. Лѣкарева (отвѣтъ на мою прогр. Бердникова).

М. к отмѣчено у недавнихъ Вятскихъ переселенцевъ въ Большекибьинской вол., у коихъ также и чоканье, дѣуга вм. дѣвка (отвѣтъ на мою прогр.). — Относительно с. Качки (удѣльное село въ 7 в. отъ гор. Елабуги) из-

---

1) Н. Романовъ, Переселенія крестьянъ Вятск. губ. 124.

2) Тамъ же, с. 93.

3) Д. Зеленинъ, Кама и Вятка, 47.

4) Тр. Вятск. Арх. Ком. 1905, вып. 3, отд. 3, с. 90—92; 1906, вып. 1—2, с. 52.

5) Вят. Г. В. 1860, № 38.

6) Вят. Епарх. Вѣдом. 1875, № 16; Вят. Г. В. 1883, № 64.

вѣстна на Вяткѣ старинная семинарская шутка: „Поѣду я въ *Качкю*, куплю вина бочкю, сяду на печкю, да и стану покачивать“ [1]). Мѣстный ли говоръ имѣлся тутъ въ виду, точно не знаю, но возможность этого не исключена; центръ тяжести, во всякомъ случаѣ, въ игрѣ словъ: *Качка* и по*кач*ивать.—Въ старыя сёла Елабужскаго у. м. к могло проникнуть съ Волги (срв. выше объ Икскомъ Устьѣ).

§ 158. Для Вятской губ. весьма характерно то обстоятельство, что *всѣ* старые авторы, описывавшіе мѣстные говоры, м. к совсѣмъ не знаютъ. А такихъ описаній не мало: болѣе 10-и въ архивѣ Географическаго Общ. [2]) и не менѣе того въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ [3]). Особенно характерна рукопись 1847 г. неизвѣстнаго священника изъ мѣстности, лежащей на границѣ Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ [4]). Авторъ этотъ обнаруживаетъ весьма большую точность въ передачѣ мѣстнаго говора, отмѣчая между прочимъ и исчезнувшіе теперь въ Вятскихъ говорахъ дифтонги; но м. к онъ не знаетъ. Не встрѣтилъ этой черты на Вяткѣ и проф. Колосовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о м. к на Вяткѣ принадлежитъ Магницкому изъ Уржумскаго у. и относится къ 1885 г.—Правда, старые авторы и въ другихъ губерніяхъ не часто отмѣчаютъ эту черту; повидимому, они стѣснялись писать на бумагѣ сочетанія кя, кю и т. п. При всемъ томъ, для другихъ губерній мы имѣемъ немало свидѣтельствъ объ интересующей насъ чертѣ отъ 1840—1850-хъ годовъ [5]). Полное же отсутствіе таковыхъ свидѣтельствъ на Вяткѣ можно толковать и какъ доказательство того, что въ старину эта черта на Вяткѣ была распространена очень слабо.

Съ такимъ предположеніемъ согласно и то обстоятельство, что въ мѣстностяхъ, заселенныхъ древнѣе прочихъ (напр. въ Вятскомъ у.), м. к вообще нѣтъ. — Однако же, предполагать, что м. к явилось здѣсь только во 2-й половинѣ XIX-го в., на почвѣ отхожихъ промысловъ, нельзя—

[1]) Устное сообщеніе свящ. Н. Н. Блинова.

[2]) О нихъ см. мою статью въ „Пам. Кн. Вятск. губ. и календ. на 1913 г.,“ с. 8—9 и др.

[3]) См. А. И. Соболевскій, Опытъ русск. діалектологіи, 58—61.

[4]) АГО. X, 51.

[5]) Въ программѣ Географич. Общ., на которую отвѣчали корреспонденты его въ 1840—50-хъ годахъ, вопросъ о м. к былъ.

хотя бы по тому одному, что одинаковые отхожіе промыслы существуютъ и въ тѣхъ мѣстахъ Вятской губ., гдѣ м. к нѣтъ.

Кромѣ отхожихъ промысловъ (отхожее плотничество кукаръ и котелянъ, бурлачество орловцевъ, нолинцевъ и уржумцевъ), путями проникновенія м. к въ говоры Вятской губ. были: 1) заводскіе жители и помѣщичьи крестьяне, переведенные заводчиками и помѣщиками изъ другихъ губерній, нерѣдко даже южновеликорусскихъ; 2) старовѣры и разные бѣглецы, переселявшіеся сюда также изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ; 3) б. м. и стрѣльцы, поселенные Московскимъ правительствомъ въ концѣ XVI в. во вновь основанныхъ городахъ—Яранскѣ и Уржумѣ; 4) главнымъ же факторомъ была колонизація по р. Моломѣ изъ западно-Устюжскаго и вообще при-Сухонскаго края. — Теперь въ гор. Устюгѣ м. к нѣтъ и въ Устюжскомъ у. оно распространено въ немногихъ мѣстахъ. Но въ старомъ Устюгѣ, оживленномъ торговомъ пунктѣ, имѣвшемъ тѣсныя связи съ Поволжьемъ и Москвою, м. к, конечно, было чаще.

М. к на Вяткѣ никогда не переходитъ въ *т*; это также могло бы говорить о сравнительной новизнѣ данной черты, но на Вяткѣ и вообще переходъ палатальнаго к въ *т* крайне рѣдокъ. — Какъ и въ другихъ сѣверо-великорусскихъ говорахъ, м. к на Вяткѣ обычно послѣ ч и ц (печькя, молоцькё), а нерѣдко встрѣчается и послѣ *ш* (б. ч. твердаго уже): барашкя; въ послѣднемъ явленіи мы видимъ доведеніе даннаго явленія до абсурда, что̀ вообще говоритъ о недавнемъ заимствованіи его со стороны.

Говоря о колонизаціи Вятскаго края въ настоящей главѣ, я имѣлъ въ виду исключительно *позднѣйшую* колонизацію, такъ какъ первоначальная колонизація Вятки,—относить ли ее къ XII-му или къ XIV-му в., безразлично — съ м. к никакой связи имѣть не можетъ: м. к не было еще въ великорусскихъ говорахъ ни въ XII ни въ XIV-мъ вѣкѣ.

Что касается древнѣйшей русской колонизаціи Вятскаго края, то вопросъ о ней я считаю еще не разрѣшеннымъ. Въ виду очень значительнаго прилива на Вятку населенія со стороны въ позднее время, остается не яснымъ, въ какой мѣрѣ сохранился здѣсь говоръ древнѣйшихъ вятчанъ: не исчезъ ли онъ совсѣмъ подъ натискомъ столь

сильной струи позднѣйшей колонизаціи?—При всемъ томъ, попытка разрѣшить этотъ вопросъ акад. А. И. Соболевскаго [1]) представляется мнѣ очень правдоподобною и удачною; она согласуется и со многими данными мѣстнаго быта.

Въ мѣстныхъ Вятскихъ изданіяхъ мнѣ не разъ приписывали созданіе „Псковской теоріи заселенія древней Вятки“ [2]), по поводу чего позволю себѣ здѣсь замѣтить, что это—выдумка покойнаго Вятскаго историка А. С. Верещагина, изобрѣтенная имъ въ пылу полемики. Въ одной своей газетной статьѣ я обратилъ вниманіе Верещагина на то значеніе, которое имѣютъ при разрѣшеніи вопросовъ о колонизаціи края мѣстныя географическія названія, при чемъ, въ качествѣ одного изъ примѣровъ, указалъ на имя дер. Орловскаго у. Плесковцы (Никиты Шишкина тожъ; № 11577): отсутствіе въ этой дер. рѣчки исключаетъ возможность того, что имя дер. происходитъ отъ сл. плёсъ; возможно, что названіе это имѣетъ связь съ именемъ гор. Пскова въ *старой* его формѣ „Плесковъ“. По поводу этого моего предположительнаго замѣчанія въ газетной статейкѣ, мнѣ и была приписана мнимая „Псковская теорія“, хотя въ своей брошюрѣ, посвященной спеціально этому вопросу [3]), я высказалъ иной взглядъ.

Еще одно замѣчаніе по поводу широко распространенныхъ на Вяткѣ формъ въ родѣ: крясло вм. кресло, дряво вм. древо, лягче вм. легче и т. п. [4]). Проф. Будде видитъ въ нихъ слѣдъ аканья: ляхкó дало лáхкая. По нашему мнѣнію, въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ ихъ проще объяснять привычкой къ чередованію гледѣть: глянулъ,

[1]) Р. Ф. В. 1906, № 1—2, с. 84 и слѣд.

[2]) Тр. Вятск. Арх. Комиссіи, 1906, вып. 1—2, с. 49; Пам. Кн. Вятск. губ. и Календ. на 1905 г., с. 232—3; Котельническій календарь-альманахъ на 1912 год, с. 19.

[3]) Къ вопросу о ходѣ древнѣйшей русской колонизаціи въ Вятскій край. Вятка, 1906. Срв. также мои Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятск. губ. 18.

[4]) Вѣстн. Географ. Общ., т. 24, 1858, отд. 2, с. 119: лягче (И в. Савиновъ); АГО. X, 28: дряво (М. Спасскій); Н. Васнецовъ, Матер. для объяснит. обл. слов. 63; мой „Отчетъ“ въ Сборн. II-го Отдѣл., т. 76, с. 5.

держáть: поддя́рживать (гдѣ *я* явилось по аналогіи съ зарабáтывать, устр*а*ивать и т. п., съ законныхъ переходомъ *о* въ *а*). Такія же формы встрѣчаются и въ другихъ сѣверновеликорусскихъ губерніяхъ, напр. въ Камышловскомъ уѣздѣ: приляжно вм. прилежно (АГО. XXIX, 56), въ Бѣлозерскомъ у.: крясло, колясный (прогр. № 162, Е. Ивановъ). въ Пошехонскомъ: дряво (Этнограф. Сборн. II, 71), пословясно (Шишонко, Отр. изъ нар. творч. 169); срв. еще налятятъ вм. налетятъ въ Боровичскомъ у. (АГО XXIV, 6, Пардалоцкій 1848 г.).

XIV. Вологодсная губернія.

159: М. к въ Вологодскихъ говорахъ: Вологодскій у., Грязовецкій у.—160: Кадниковскій у.—161: Тотемскій у.—162: Великоустюжскій у., Никольскій у.— 163: Колонизація Вологодскаго края; Двинскіе говоры съ неслоговымъ у.

§ 159. Въ Вятскую губернію, какъ мы видѣли, м. к проникло гл. обр. изъ Вологодской, въ недавнее сравнительно время. Уже отсюда ясно, что въ Вологодскихъ говорахъ мы должны встрѣтиться съ м. к. И дѣйствительно, почти половина Вологодской губ. знаетъ эту черту, именно—юго-западная половина, въ противоположность сѣверо-восточной, въ говорахъ коей м. к нѣтъ. Говоря точнѣе, говоры съ м. к занимаютъ меньшую половину губерніи, если даже и исключить на сѣверо-востокѣ всю зырянскую территорію: кромѣ юго-западнаго угла, м. к извѣстно лишь въ мѣстностяхъ по р. Сухонѣ, далеко не доходя, однако же, на востокѣ до Устюга; Вельскій уѣздъ и сѣверъ Кадниковскаго м. к не знаютъ.

Вотъ подробности:

Вологодскій уѣздъ весь знаетъ м. к. Древнѣйшее изъ имѣющихся у насъ свидѣтельствъ о томъ относится къ 1854 г.; въ дер. Глѣбовской (на пути изъ Вологды къ Кубенскому озеру, близъ Кологорья) отмѣчено: въ лоньскёмъ году, супротивъ лоньскёва [1]).—Въ 1859 г. въ говорѣ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ подгородныхъ деревень: копейкю, молочкя-то, бурачкя, въ кочкяхъ-то, лѣскёмъ, Дашкя [2]).

1) Волог. Г. В. 1854, № 15, с. 161—2, Ю. Волковъ.
2) Волог. Г. В. 1859, № 22, с. 180—1.

Въ дер. Яковлевской: коростелька, в скрыпочкю, матушкя, козлятка (им. пад.), дудошника, балалаешника, но и: собачка, курочка[1]).—Въ этихъ трехъ случаяхъ другія черты мѣстнаго говора не описаны, и мы не знаемъ, извѣстно ли въ этихъ говорахъ ў неслоговое и переходъ *л* въ *в* или *у* (въ Яковлевской, впрочемъ, встрѣтилось: гауки вм. галки: тамъ же). По этой послѣдней чертѣ Вологодскіе говоры рѣзко дѣлятся на двѣ неравныя части, и для насъ важно сопоставить границы двухъ этихъ подраздѣленій.

Прогр. № 82 (А. Костылевъ) отмѣчаетъ м. к въ Оларевской волости: Васькя, дочькя; здѣсь и неслоговое ў: дроўни, поўзать (Матер. IX, 44; волость эта въ 20 в. отъ гор. по Архангельскому тракту). — Прогр. № 278 (Н. М. Дьяконовъ) имѣетъ въ виду весь Вологодскій уѣздъ. Здѣсь м. к также и послѣ *ш*: солнышкё, Ванюшкя, Пётрушкя, бабушкя, травкя, банькя (вм. банка), свинькя; в вёрьхю, на ольхю, на пàсьхю (срв. Матер. IX, 47); неслоговое ў „мало распространено", „гораздо выдержаннѣе оно въ Кадниковскомъ уѣздѣ"; однако: быў, упаў, дѣўка и т. п.—Прогр. № 14 (Н. А. Иваницкій) отмѣчаетъ въ Вологодскомъ у. м. к: травкя, сахаркю, не упоминая о неслоговомъ ў (Матер. I, 12).

Грязовецкій уѣздъ также, повидимому, весь знаетъ м. к. Прогр. № 36 (В. Лебедевъ) отмѣчаетъ м. к въ Расловскомъ приходѣ, что на границѣ съ Любимскимъ уѣздомъ: Петкя, Коскя, травкя, дочкя, солнышкё, сверхю, но: земьской; „очень рѣдко" поўзать, но „постоянно": быў, браў, ходиў (срв. Матер. V, 170—1).

Въ Авнежской вол.: въ с. Святогорьѣ: подруженькямъ, сундучкя, колячкя, на лавочкю; савдату (прогр. № 220, П. А. Виноградовъ). Въ дер. Кроптевой той же волости: зеленешенкя, молодешенкю, подруженкя, празничкя и т. п. (Жив. Стар. 1904, № 1—2, с. 204—220: безграмотныя записи мѣстнаго крестьянина И. В. Волкова); *шовковые* (с. 209).— Въ Авнегѣ (подъ этимъ именемъ извѣстны двѣ волости въ сѣверо-восточной части Грязовецкаго у.: Авнежская и Шиленьгская) отмѣчены еще случаи: супостатоцкёй и миленкяя (прогр. № 212 и 214, матеріалы А. А. Каменева).

[1]) Живая Старина, 1898, с. 241, пѣсня № 12.

Въ дер. Починокъ (14 в. отъ гор. Вологды): черкяское, соколочкя; доўго, щёўкнули (записанные здѣсь С. Непеинымъ свадебные причеты переданы мною въ АГО. 24 янв. 1906 г.). — Въ дер. Орловѣ Раменской вол. м. к (Тр. М. Д. Ком. I, 116).

В. Мансикка, наблюдавшій говоры Грязовецкаго у. въ 1911 г., перечисляетъ м. к въ числѣ „главныхъ особенностей мѣстнаго говора“ и указываетъ, м. пр., случаи: дерьгяю, ольхя, зеръкяло, доцкя, въ очкях, Микольскѣ. Послѣ гласныхъ въ концѣ слога встрѣчается неслоговое ў вм. л: моўнея, маслодѣў [1]).

§ 160. Въ предѣлахъ Кадниковскаго у. проходитъ сѣверная граница интересующей насъ діалектической черты. А. А. Шустиковъ (уроженецъ Нижнеслободской вол.) и г. Шайтановъ (уроженецъ Кремлевской вол.) согласно свидѣтельствуютъ, что м. к извѣстно только въ *центральныхъ* волостяхъ Кадниковскаго у., а именно: въ Петряевской, Шапшенской, Васьяновской, Устьрѣцкой, Устьянской, Грибцовской и Закумской [2]). Волости эти занимаютъ южную часть уѣзда, и названы „центральными“, вѣроятно, только потому, что расположены около уѣзднаго центра. Напротивъ, въ волостяхъ Кремлевской и Нижнеслободской, а также и во всей „Троичинѣ“ (подъ этимъ именемъ извѣстенъ въ народѣ весь сѣверъ Кадниковскаго у., заключающій въ себѣ, кромѣ двухъ названныхъ, еще 10 волостей: Давыдовскую, Кумзерскую, Азлецкую, Зубовскую, Троицко-Енальскую, Ухтоискую, Вотчинскую, Ембскую, Митюковскую и Вальгскую [3]), м. к нѣтъ. На сѣверѣ (въ Троичинѣ) и сѣверо-западѣ уѣзда также цоканье, котораго нѣтъ на югѣ; за то на югѣ дифтонгъ уо вм. о, чего нѣтъ на сѣверѣ [4]). Неслоговое ў вм. л и вм. в извѣстно во всемъ уѣздѣ.

Въ перечисленныхъ выше „центральныхъ“ волостяхъ Кадниковскаго у. Шайтановъ и Шустиковъ отмѣчаютъ случаи: толькё, тоненькюю, руцькя, ноцькю и т. п. — Въ с. Корбанкѣ отмѣчено: горькюю, окошечкё, голубушкю, тетушкя (Жив. Стар. 1894, вып. 1 с. 98—99).—Въ с. Враловѣ:

---

[1]) Р. Ф. В. 1912, № 4, с. 273.

[2]) Прогр. № 26 (Матер. Ш, 61); Жив. Старина 1895, № 3—4, с. 384.

[3]) Жив. Старина, II, 1892, № 2, с. 71.

[4]) Жив. Старина, 1895, с. 383; срв. АГО. VII, 15 и 38, Е. Кичинъ.

тетерькю, кочкю, семейницькёфъ, хорошенькё; вовкъ вм. волкъ, но и: налифка, лафка, офца [1]). — Въ Заднесельской вол. (на юго-западѣ, по берегамъ Кубенскаго оз.): дочкя, сверхю и т. п.; неслоговое ў: дѣўка, доўго, быў [2]).

Проф. Колосовъ (с. 329) и Бѣлоруссовъ (Р. Ф. В. 1887, IV) отмѣчаютъ м. к въ Кадниковскомъ уѣздѣ, не обозначая точно мѣстности: ручкя, заморьскёй, молодецькёй.

Много писавшій о говорахъ Кадниковскаго у. учитель Е. Кичинъ почему-то никогда о м. к не упоминаетъ; одна изъ его статей относится къ гор. Кадникову [3]): *в* изъ *л* и др. особенности отмѣчены; другая къ волости Васьяновской [4]). — Въ краткой замѣткѣ 1864 г. о говорѣ Спасскаго прихода, что въ Сіямскомъ Раменьѣ, о м. к не упоминается, б. м. по не-полнотѣ описанія (Волог. Г. В. 1864, № 21).—Безусловно нѣтъ м. к въ волостяхъ: Нижнеслободской (на р. Кубенѣ), Кремлевской и вообще на всемъ сѣверѣ уѣзда, о чемъ уже была рѣчь выше.

§ 161. Въ Тотемскомъ у. часть говоровъ знаетъ м. к и часть — нѣтъ. Отмѣчено м. к въ слѣдующихъ мѣстахъ (начиная съ зап.): 1) Сяменжевское сельское общество Куракинской вол., на границѣ съ Кадниковскимъ и Вельскимъ уѣздами: рѣдькя, печькя, дочкя; вовкъ, мовва вм. молва, ходи́въ (прогр. № 196, Н. Голубевъ: Матер. IX, 70—71). — 2) Мольскій приходъ, на границѣ съ Кадниковскимъ у., съ Корбанскимъ приходомъ: здѣсь „у нѣкоторыхъ изъ жителей замѣчается произношеніе: чайкю, Ванькя, маменькя“; вм. *л—в* и неслоговое ў: довго и доўго, ходив и ходиў (прогр. № 192, И. Д. Поповъ: Матер. IX, 64). — 3) Стрѣлицкій приходъ Биряковской вол., смежный съ Мольскимъ; приходъ с. Царева; волость Вожбала; приходъ Единьга Пятовской вол.; мѣстность Куножа̀ по рѣкѣ того же имени, въ волостяхъ Юркинской и Фетининской (о м. к въ въ говорѣ всѣхъ этихъ мѣстностей сообщилъ мнѣ М. Б. Едемскій).

4) Миньковская волость: послушай-кё, дочкя, сверьхю; в

---

[1]) Библ. Ак. Н., №№ 30—32, рукописи свящ. Покровской Замошской церкви Н. Попова 1854 г.

[2]) Прогр. № 25, А. Е. Мерцаловъ (Матер. III, 49—50).

[3]) Волог. Г. В. 1853, № 36, с. 315—6.

[4]) АГО. VII, 88, рукопись 1876 г.

вм. л: авмазъ, довго, бывъ (прогр. № 198, А. Некрасовъ: Матер. IX, 60—61).—5) Вотча, подъ какимъ именемъ извѣстна мѣстность по р. Вотчѣ въ Миньковской и Харинской волостяхъ: во черкаськёмъ, шовкóвенькёй, дороженькю, цьвѣтичкяхъ (Р. Ф. В., т. XVIII, с. 218, Бѣлоруссовъ).—6) Бережнослободская волость, пограничная съ Великоустюжскимъ у.: сахарькю, дай-кё (прогр. № 203, Ив. Поповъ, уроженецъ дер. Пустыни этой вол.: Матер. IX, 68). М. Б. Едемскій здѣсь м. к не знаетъ.—7) Кептуръ Харинской вол. (№ 9744, въ 65 в. отъ у. гор., при р. Илезѣ): кривошейкёй и „обиліе окончаній: гя, кя, кё: Ѳедькё, Васькя, сулейкю, Сельменьгя“; у вм. л: увидау, доуго, поу; дифтонгъ уо вм о [1]).

Напомнимъ еще, что м. к встрѣтилось въ актѣ 1586, относящемся къ Тотемскому у., къ мѣстности около нынѣшняго села Пятницкаго на р. Сухонѣ (см. выше § 12, п. 7), гдѣ тогда былъ монастырь. Актъ (явка) долженъ отражать говоръ мѣстныхъ жителей, такъ какъ иногородніе писцы тутъ врядъ ли тогда были.

Нѣтъ м. к въ такъ называемой Кокшéньгѣ—въ мѣстности по р. Кокшеньгѣ и ея притокамъ, обнимающей удѣльныя волости Шевденицкую и Спасскую; вм. в здѣсь также неслоговое ў или в: доўго, довго, быў [2]). „Кокшары“, т. е. жители Кокшеньги, сами себя считаютъ потомками новгородцевъ, съ чѣмъ согласны всѣ мѣстные изслѣдователи; по быту и говору они отличны отъ прочихъ жителей Тотемскаго у., что́ даетъ основаніе не считать этихъ послѣднихъ новгородцами.

Нѣтъ также м. к въ с. Шуйскомъ на р. Сухонѣ, гдѣ неслоговое ў вм. л извѣстно (прогр. № 197, С. Поповъ: Матер. IX, 73), а также въ Чаловскомъ Николаевскомъ приходѣ Трофимовской вол., гдѣ *в* изъ *л* извѣстно [3]); приходъ этотъ съ юга и запада граничитъ съ Солигалическимъ уѣздомъ и тянетъ къ Солигаличу, отъ коего отстоитъ на 20 верстъ; съ сѣвера же къ приходу прилегаетъ болото, которое тянется верстъ на 30, до р. Сухоны, и т. о.

---

1) Записки Ак. Н., т. 71, с. 242—3, Андреевъ.

2) М. Б. Едемскій, Говоръ жителей Кокшеньги (Жив. Старина 1904, с. 97—98); прогр. № 201, Ф. Ряжкинъ (Матер. IX, 75).

3) Прогр. № 203, Ив. Поповъ (Матер. IX, 68).

отдѣляетъ Чалово отъ при-Сухонскаго края. Этою отдѣленностью Чалова отъ Сухоны объясняется, повидимому, и отсутствіе въ мѣстномъ говорѣ м. к: срв. въ этомъ отношеніи Кокшéньгу, которая также отдѣлена отъ при-Сухонья непроходимымъ прежде „Ляпинымъ волокомъ". Кокшары называютъ всѣхъ прочихъ жителей Тотемскаго у. „Сухонскимъ народомъ".—На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ можно полагать, что волна м. к двигалась здѣсь по р. Сухонѣ, конечно съ запада на востокъ.

§ 162. Въ Великоустюжскомъ у. м. к распространено гораздо слабѣе. Отмѣчено оно только въ одной мѣстности—въ с. Богоявленскомъ-Городищенскомъ и окружающихъ это село деревняхъ: Ванькѐ и Ванькя, толькѐ, послушайкѐ, совнышкѐ [1]); здѣсь *в* вм. *л* и чоканье безъ цоканья.—Говоръ этой же самой мѣстности описываетъ, подъ именемъ Городишны, и Бѣлоруссовъ [2]): холопьськёё, цярьскёё, руськёй, зетенькѐ.

Нѣтъ м. к въ дер. Нестеферовской, что́ въ 2 вер. отъ гор. Устюга (прогр. № 200); здѣсь отмѣчено в вм. л; говоръ вообще нивелированъ, а отвѣтъ на прогр. небреженъ.—Въ дер. Папуловой (Сосницы, на р. Лузѣ, въ 34 в. отъ гор. Лальска), гдѣ неслоговое ў и в изъ л (прогр. № 202).—Въ с. Устье-Алексѣевской вол. Орлово-Троица погостъ (въ 98 в.), гдѣ *в* изъ *л* извѣстно (прогр. № 195).—Въ дер. Марденьгѣ Благовѣщенскаго прихода, гдѣ у изъ *л* (АГО. VII, 71, записи А. Дмитріева).—А. Дмитріевъ описываетъ еще говоръ этого уѣзда вообще и м. к не знаетъ; отмѣчаетъ неслоговое ў изъ л: слышау (Жив. Стар. 1893, с. 392—3).—Въ пѣснѣ „устюжанина-работника", записанной Савваитовымъ, читаемъ: ноцьку, рицька (Москвитянинъ, 1842, ч. VI, с. 312—3).—Въ Великоустюжской записи 1757 г. читаемъ: булькаю, дивнѣнькой (Жив. Стар. 1898, с. 444), 1850 г.: дивненько (тамъ же, с. 451),—но въ двухъ послѣднихъ случаяхъ фонетическая точность записи очень сомнительна.

Судя по даннымъ изъ Вятской губ.,—гдѣ мы почти всюду встрѣчаемъ очень много устюжанъ и гдѣ м. к распространено широко,—можно было бы ожидать въ Устюжскомъ у.

[1]) Прогр. № 199. В. Кулаковъ (Матер. IX, 78).

[2]) Р. Ф. В., т. 18, с. 218.

болѣе частое м. к; но врядъ ли всѣ Вятскіе „Устюжанины" происходятъ изъ нынѣшняго Устюжскаго у.: Устюгъ прежде былъ большимъ центромъ, вліяніе коего простиралось далеко; почти весь нынѣшній Тотемскій уѣздъ и весь Никольскій (правда, тогда очень мало населенный) тянулъ къ Устюгу, и жители этихъ двухъ уѣздовъ одинаково могли зваться „устюжанами". Да и въ гор. Устюгѣ, какъ торгово-промышленномъ центрѣ, вліянія въ разныя эпохи были различными и всегда могли присутствовать пришлые люди, такъ что въ прошломъ м. к могло быть и въ говорѣ устюжанъ.

Никольскій у. въ діалектологическомъ отношеніи очень мало изученъ, что̀, впрочемъ, очень естественно: уѣздъ этотъ продолжаетъ еще заселяться и въ наши дни, вслѣдствіе чего діалектологическія границы мѣняются. Въ нашемъ распоряженіи только одно [1]) сообщеніе изъ этого у.—о говорѣ с. Яхреньги, лежащаго у границы съ Великоустюжскимъ уѣздомъ; м. к здѣсь, по словамъ наблюдателя, нѣтъ, „развѣ только войскё"; Олья вм. Ольга обычно; *в* изъ *л* извѣстно (прогр. № 266, И. А. Алешинцевъ: срв. Матер. IX, 51). Понимать это сообщеніе нужно такъ, что м. к здѣсь рѣдко. — Есть конечно, въ Никольскомъ у. и другія мѣста съ м. к въ говорѣ; почти необходимо это предполагать для многочисленныхъ починковъ, основанныхъ здѣсь во второй половинѣ XIX-го в. переселенцами изъ Котельническаго у. [2]).

Г. Паули въ 1852 г. дѣлилъ населеніе Никольскаго у., по лексическимъ и частью бытовымъ признакамъ, на три части: 1) юго-восточную, по р. Вохмѣ, 2) западную — по рр. Кемѣ, Юзѣ и Кипшенгѣ и 3) „среднюю" часть уѣзда, около Подосиновской пристани [3]). Село Яхреньга лежитъ въ этой послѣдней, „средней" части уѣзда.

Въ непрерывной полосѣ говоровъ съ м. к, тянущейся по Сухонѣ и потомъ по р. Вяткѣ, на мѣстѣ Никольскаго у.

---

1) Записи причетовъ изъ с. Черновскаго этого у. въ АГО (VII, 74; рукопись 1850-хъ гг.) отражаютъ мѣстный говоръ лишь отчасти; видно чоканье; м. к, повидимому, нѣтъ.

2) Жив. Стар. 1899, с. 45, Гр. Потанинъ; Волог. Г. В. 1892, № 36.

3) Библ. Ак. Н., № 33.

мы встрѣчаемъ пробѣлъ, предѣлы коего точно не извѣстны. Объясняется это обстоятельство гл. обр. тѣмъ, что Никольскій уѣздъ служилъ лишь проходнымъ этапомъ при переходѣ колонистовъ съ Сухоны на Вятку: по рр. Моломѣ и Югу населеніе двигалось къ югу, но здѣсь не останавливалось. Еще и теперь здѣсь, въ громадныхъ лѣсахъ, населеніе очень рѣдкое.—Въ предѣлахъ этого уѣзда проходитъ „сюзёмъ", возвышенный и лѣсной водораздѣлъ сѣверно-океанскаго и волжскаго бассейновъ. Сузёмъ этотъ служитъ и этнографической границей (Жив. Стар. 1899, с. 56, Гр. Потанинъ), отдѣляя Вохму отъ прочей части уѣзда. Для колонизаціи онъ до самаго недавняго времени считался не пригоднымъ, между прочимъ, вѣроятно, по полному отсутствію дорогъ черезъ него. По Потанину, еще въ половинѣ XIX в. „колонизація прорѣзала этотъ сузёмъ только въ одномъ мѣстѣ въ цѣломъ уѣздѣ, именно около Пермаса" (с. 56), что̀ около Андангскихъ починковъ. Водный путь шелъ по р. Моломѣ, верховья коей близко подходятъ къ р. Пушмѣ, притоку Юга.

Въ прочихъ уѣздахъ Вологодской губ. — Сольвычегодскомъ, Вельскомъ, Яренскомъ и Устьсысольскомъ (послѣдній, впрочемъ, населенъ гл. обр. зырянами) м. к не отмѣчено. Только въ дер. Рубежъ Вельскаго у., у самой границы съ Шенкурскимъ уѣздомъ, отмѣчена эта черта Плечевымъ (см. выше § 144). Вообще же въ Вельскомъ у. м. к нѣтъ: о мѣстныхъ говорахъ мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, м. пр. въ АГО. 4 рукописи (VII, 7, 9, 29 и 68); всѣ онѣ отмѣчаютъ неслоговое ў вм. л, но м. к не знаютъ.

§ 163. По вопросу о русской колонизаціи Вологодскаго края имѣется нѣсколько статей, не особенно выдающихся, но во всякомъ случаѣ весьма полезныхъ. Лучшею изъ нихъ нужно признать статью Вл. А. Попова, напечатанную въ Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ 1860 г. (XLIV, отд. 6, с. 13—29), потомъ въ Пам. Кн. Волог. губ. на 1861 г. (с. 112 и слѣд.) и потомъ въ Запискахъ Географ. Общ. по отд. статистики" (т. II, 1871, с. 61 — 81), въ статьѣ „Движеніе народонаселенія въ Вологодской губ.". Статья эта осталась неизвѣстною Рожкову, который упоминаетъ только о

работахъ Коноплева и Милюкова, К. Попова (въ Бесѣдѣ 1872 г., № 2, статья очень слабая) и еп. Макарія (въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Росс. 1878 г.[1]). Отъ незнакомства съ статьею Вл. Попова изслѣдованіе Рожкова безусловно проиграло. Вл. Поповъ былъ рѣдкимъ знатокомъ Вологодскаго края, особенно въ этнографическомъ отношеніи; нельзя также отказать ему и въ историческихъ познаніяхъ. Его мысль о томъ, что въ извѣстномъ раздѣльномъ актѣ 1470 г. (Акты Археограф. Эксп. I, № 94) Ростовскія владѣнія преувеличены за счетъ Новгородскихъ въ цѣляхъ политическихъ исканій Москвы, нужно назвать весьма удачною: она способна разрѣшить многія недоумѣнія историковъ (см. напр. Рождественскій, Служил. землевладѣніе, 151—2).

Вл. Поповымъ впервые пущенъ въ оборотъ разсказъ объ основаніи Андангскихъ починковъ Анфаломъ, — разсказъ, который потомъ много разъ повторяли Вологодскіе и Вятскіе историки (заимствуя его уже изъ „Списка насел. мѣстъ"), недоумѣвая, изъ какого источника ведетъ свое начало эта новая версія. Вл. Поповъ точно указываетъ этотъ источникъ: имъ послужило сообщеніе „столѣтняго старика", ссылавшагося на лѣтопись, которая хранилась въ сосѣдней (7 в. отъ „Анфаловой Ямы") Дуниловой пустыни (с. 112).

Въ исторіи колонизаціи Вологодскаго края русскими безспорны два различныхъ теченія: Новгородское и Суздальско-Ростовское. Первое преобладало на сѣверѣ, второе — на югѣ. Спорнымъ остается вопросъ о древнѣйшемъ населеніи гор. Устюга: Милюковъ считаетъ его Ростовскимъ (Очерки по ист. русск. культ. 52), Вл. Поповъ — Новгородскимъ, Коноплевъ и Рожковъ — смѣшаннымъ (Чт. Общ. Ист. и Др. 1895, кн. 4, с. 123; Сельск. хоз. 328). Вѣроятнѣе всего, конечно, послѣднее мнѣніе: населеніе большихъ торгово-промышленныхъ пунктовъ обычно смѣшанное. Но для насъ разрѣшеніе этого вопроса, равно какъ и вопроса о древнѣйшемъ населеніи гор. Вологды, значенія не имѣетъ: все это относится еще ко времени до появленія м. к. Что же касается дальнѣйшей исторіи Устюга,

[1]) Рожковъ, Сельск. хоз. Моск. Руси, 328 и 331.

то въ немъ безспорно преобладали суздальцы и ростовцы, хотя живали конечно и колоніи новгородцевъ.

Новгородцы проникли въ Вологодскій край прежде всего по р. Вагѣ, изъ Заволочья; двигаясь по р. Вагѣ и ея притокамъ съ сѣвера на югъ, они заселили нынѣшній Вельскій уѣздъ и бассейнъ р. Кокшеньги Тотемскаго уѣзда. О томъ, что „кокшары" —потомки новгородцевъ, сохранились многочисленныя народныя преданія [1]); съ этимъ согласны и всѣ изслѣдователи [2]).—Въ Поважьѣ сохранилась до сихъ поръ память о Новгородской фамиліи „Своеземцевыхъ", владѣвшихъ здѣсь издавна громадными землями; это были, вѣроятно, „своеземцы", т. е. владѣльцы не пожалованныхъ правительствомъ, а коренныхъ Новгородскихъ вотчинъ [3]); грамота 1315 г. говоритъ о покупкѣ такихъ земель новгородцами у туземныхъ Чудскихъ князьковъ [4]).

Другой путь новгородцевъ шелъ по Двинѣ, также съ сѣвера на югъ. Здѣсь главныя Новгородскія колоніи—гор. Сольвычегодскъ и Лальскъ, населенные,—по народнымъ преданіямъ и по мнѣнію мѣстныхъ изслѣдователей,—новгородцами, бѣжавшими сюда во время разгромовъ Новгорода Иваномъ III и IV-мъ [5]). „Тые земли по Пинезѣ... и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинежку, и Выю, и Суру Поганую поимали за себѣ наши братья Ноугородци", говорится въ

1) М. Едемскій, Кокшеньгская старина, 1 (Зап. Русск. Отдѣл. И. Р. Археол. Общ. VII, вып. 2, 1906 г.); срв. имя здѣшней дер. „Новгородовская"; срв. Матер. IX, 74; Волог. Г. В. 1857, № 20, 1847, № 35.

2) Н. Иваницкій, Матер. по этнографіи Волог. губ. 6; П. Вороновъ въ Этнографич. Сборн. V, 9; П. Проневскій въ Волог. Г. В. 1876, № 8 и др.

3) А. Артемьевъ (Зап. Геогр. Общ. по отд. стат. II, 75; срв. М. Богословскій, Земское самоуправленіе на русск. сѣверѣ въ XVII в., 100) склоненъ думать, что это была не фамилія „Своеземцевыхъ", а именно „своеземцы"; но у мѣстнаго историка М. Н. Мясникова было въ рукахъ родословіе Своеземцевыхъ (Сѣверн. Архивъ, 1827, № 9, с. 17); срв. также П. Вороновъ, тамъ же, с. 10, прим.; Акты Юридич. I, № 409; Записки Русск. Отдѣл. Археол. Общ. IX, 1913, с. 46 и слѣд., ст. М. В. Едемскаго.

4) Акты Юридическіе, I, № 257, с, 269—270; срв. П. Вороновъ, тамъ же, 9; Отеч. Записки, ч. 37, с. 415—416.

5) Лѣтопись Великоустюжская. М. 1889, с. 48—49, подъ 1570-мъ г.; Ал. Соскинъ, Исторія Соли Вычегодской, 5—6 и 24—25; этотъ историкъ конца XVIII в. перечисляетъ рядъ Сольвычегодскихъ фамилій, ведущихъ свое начало изъ Новгорода.

договорной грамотѣ съ Іоанномъ III-мъ 1470 г.[1]). Всѣ эти урочища находятся въ Сольвычегодскомъ у.; р. Пинега — притокъ Сѣверной Двины[2]). Въ 1623-мъ году, по писцовой книгѣ Осипа Прончищева съ товарищи, въ Выйской, теперь Гавриловской, волости было 36 деревень съ 201 двор. и 327 муж. душ., а въ Пинежской, теперь Горковской, вол.— 24 дер. съ 174 двор. и 300 м. д.[3]).

Что касается юго-западной части Вологодской губ., то сюда колонизація шла, безспорно, изъ Ростовско-Суздальской области. Самое имя „Заозерье", подъ какимъ и теперь слыветъ сѣверо-восточный берегъ Кубенскаго озера, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь колонизація направлялась съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Принадлежность края Ярославскимъ князьямъ, имѣвшимъ здѣсь свои мелкіе удѣлы: Бохтюжскій (въ теперешнемъ Кадниковскомъ у.), Авнежскій (теперь въ Грязовецкомъ) и Заозерскій,—лишній разъ подтверждаетъ, что метрополіею мѣстнаго края была Ростовско-Суздальская область.—По Рожкову, до XVI в. наиболѣе населенной частью Вологодскаго уѣзда были берега Кубенскаго озера и мѣстности около ихъ; притокъ населенія шелъ сюда изъ Бѣлозерскаго у., а также и — черезъ этотъ послѣдній уѣздъ — изъ центра[4]). — По замѣчанію Ключевскаго, „колонизація, шедшая на сѣверъ изъ Ростовской и Ярославской земли, была причиной того, что владѣнія Ростовскихъ и Ярославскихъ князей такъ глубоко врѣзались клиномъ въ Новгородское Заволочье"[5]).

Здѣсь разумѣется, конечно, „Ростовщина", упоминаемая въ перечнѣ Московскихъ земель по Двинѣ въ завѣщаніяхъ Ивана III-го[6]) и Іоанна Грознаго[7]). О мѣстоположеніи этой „Ростовщины" можно догадываться по положенію трехъ погостовъ, доселѣ носящихъ имя „Ростовскихъ„: Троицкаго,

---

[1]) Акты Археограф. Экспед. I, № 93 и 94.

[2]) Отъ этой, конечно, Пинеги ведутъ свое начало многочисленные на Вяткѣ Пинегины.

[3]) Пам. Кн. Волог. губ. на 1867—68 гг., с. 94, Попова.

[4]) Рожкова, Сельское хоз. Моск. Руси, 323—4, 327.

[5]) Ключевскій, Боярская Дума, 515.

[6]) Собр. госуд. грам. и договоровъ, I, № 144, с. 392.

[7]) Дополненіе къ Актамъ Историч. I, с. 382, № 222.

что на правомъ берегу Сѣверной Двины, вер. на 40 выше впаденія въ Двину Ваги, Рождества Богородицы—на р. Кокшеньгѣ и Вознесенскаго—на р. Вели [1]). „Ростовскія межи" и „Ярославскій рубежъ„ упоминаются уже въ грамотѣ 1315 г., о коей у насъ была рѣчь выше; а въ выписи 1471 г. перечисляются и самыя владѣнія Ростовскихъ князей, повидимому очень значительныя [2]). Но вотъ здѣсь-то, думаемъ мы, и правъ Вл. Поповъ, предполагающій въ актѣ 1471 г. нѣкоторую подтасовку фактовъ въ пользу Ростовскихъ князей, т. е. Москвы, которой они подчинились: „Имѣя нѣкоторое право на ничтожный клочекъ земли въ краѣ, Ростовская династія простирала свои требованія и на всю ближайшую страну, какъ на свое исконное владѣніе; только это былъ одинъ лишь предлогъ, чтобъ опираться на какое-нибудь право въ своихъ притязаніяхъ... Для Москвы такого права было достаточно; опираясь на него, она всегда могла имѣть въ рукахъ поводъ изъявлять притязанія къ новгородцамъ, при ея страстномъ желаніи владѣть, во что бы то ни стало, богатою Двинскою областью" [3]).

Однако, Вл. Поповъ допускаетъ существованіе частичной Ростовской колонизаціи и на Вагѣ: „съ Кубены, принадлежавшей отросли Суздальско-Ростовскихъ князей, колонисты перебрались на Вагу, но, встрѣтившись тамъ съ новгородцами, остановились въ своемъ движеніи и хотя положили въ верховьяхъ этой рѣки начало группѣ селеній, извѣстной нынѣ подъ именемъ „Ростовщины", однако не распространялись далѣе" (с. 76).

Есть данныя, на основаніи коихъ можно и эту скромную роль Ростовской колонизаціи на р. Вагѣ еще уменьшить. Имя Ростовскаго Вознесенскаго погоста на Вели объясняютъ не преобладаніемъ здѣсь Ростовской колонизаціи, а жительствомъ здѣсь Московскаго правительственнаго агента, кн. Ѳедора Ростовскаго, который присланъ былъ сюда Москвою въ 1397 г. для управленія Важескою областью

[1]) Записки Русск. Отдѣл. Археол. Общ. IX. 1913, с. 50, прим., ст. М. Едемскаго; срв. Списокъ насел. мѣстъ Вологодской губ. №№ 1901—1950 (въ 1-мъ станѣ Вельскаго у.).

[2]) Акты Археограф. Экспедиціи, I, № 94, с. 73.

[3]) Записки Геогр. Общ. по отд. стат. II, 1871, с. 77.

и для защиты ея отъ новгородцевъ: этотъ князь устроилъ здѣсь церковь [1]).

М. к въ одномъ селеніи Вельскаго у. (дер. Рубежъ; см. § 144) можно выводить отъ этихъ Московскихъ правительственныхъ агентовъ, пріѣзжавшихъ сюда, конечно съ многочисленной свитой (ср. въ этомъ отношеніи Пустозерскъ).

Шуйская волость Тотемскаго у. до сихъ поръ слыветъ въ народѣ „Митропольемъ", а жители ея „митрополами" (прогр. № 197), такъ какъ здѣсь прежде была вотчина Ростовскихъ митрополитовъ; въ книгѣ Большого Чертежа читается: „На Сухонѣ, отъ Вологды 90 верстъ, городокъ Шуйской,.... словетъ Ростовска митрополита, на Сухонѣ на правой сторонѣ" (цитую по Волог. Г. В. 1839, № 44) [2]). — Если отсутствіе м. к въ теперешнемъ говорѣ с. Шуйскаго не явилось слѣдствіемъ нивелировки (здѣсь уже въ 1854 г. жили б. ч. „питеряки", богачи: Волог. Г. В. 1854, № 33),— то нужно будетъ признать, что появленіе здѣсь ростовцевъ относится еще ко времени, когда м. к въ Ростовѣ не было; послѣ же жители с. Шуйскаго не усвоили отъ сосѣдей этой черты, какъ уже люди образованные.

Монастыри на юго-западѣ Вологодской губ., имѣвшіе безспорное значеніе въ исторіи колонизаціи края [3]), всѣ основаны выходцами съ юго-запада и юга. Древнѣйшій монастырь, Спассо-Каменный, основанъ, по общему мнѣнію, въ 1260 г. Бѣлозерскимъ княземъ Глѣбомъ Васильевичемъ. Среди жертвователей въ пользу этого монастыря видное мѣсто занимаютъ князья Ярославскіе. Изъ грамоты Ярославскаго князя Даніила Александровича 1497 г. (грамота эта писана въ Новгородѣ) узнаемъ, что дѣдъ и отецъ этого князя дали въ свое время Спасокаменному монастырю 58 „земель" и пустошей (но ни одного населен-

---

1) Вѣстн. Геогр. Общ., ч. 22, с. 17, ст. П. И. Саввантова (со ссылкою на Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III, с. 98—99, и на архивъ Волог. Дух. Конс.); срв. Волог. Г. В. 1888, № 27.

2) По В. Волоцкому, имя это отъ церкви Дмитрія Митрополита (Волог. Г. В. 1880, № 53); но срв. М. Богословскій, Земское самоуправленіе на русск. сѣв. въ XVII в., с. 37: „Митрополій станъ".

3) Значеніе это признаетъ и П. Милюковъ, который другихъ обвиняетъ въ преувеличенныхъ представленіяхъ относительно колонизаторской роли монастырей. (Очерки по ист. русск. культуры, I, с. 52, изд. 3).

наго мѣста, которыми они, очевидно, сами очень дорожили), а самъ Дан. Александр. пожертвовалъ 4 основанныхъ имъ же починка[1]). Рѣчь тутъ идетъ о мѣстностяхъ въ нынѣшнемъ Кадниковскомъ уѣздѣ—волости: Заднесельская, Устьянская, Грибцовская и Заболотско-Юковская. — Своего рода колоніею Спасокаменнаго монастыря явился, около 1400 г., Глушицкій монастырь, основанный Спасокаменскимъ постриженникомъ Діонисіемъ (онъ въ 30-и вер. на сѣв.-востокъ отъ перваго).

Основателями другихъ монастырей были выходцы изъ центра: Павелъ Обнорскій родился въ Москвѣ (его монастырь въ Грязовецкомъ у., на р. Обнорѣ, основанъ около 1425 г.); Дмитрій Прилуцкій изъ Переславля; Корнилій Комельскій родомъ изъ Ростова; Сергій Нуромскій долго жилъ въ монастырѣ Сергія Радонежскаго[2]).

С. Веселовскій на основаніи дозоровъ и переписей первой половины XVII в. заключаетъ, что въ это время происходилъ сильный приливъ населенія изъ сѣверныхъ уѣздовъ Замосковья въ уѣзды Устюжскій, Тотемскій и Сольвычегодскій; м. пр., „въ дѣлахъ Устюжской Чети есть много указаній на то, что помѣщичьи крестьяне *Галицкаго* у. часто выбѣгали въ первой половинѣ XVII в. въ Тотемскій и Устюжскій уѣзды“[3]).

И здѣсь, какъ и вездѣ на сѣверѣ, пришлое населеніе б. ч. не засиживалось долго на новомъ мѣстѣ, а шло дальше, частью въ своемъ естественномъ движеніи съ подсѣки на подсѣку, частью же — въ одномъ стремленіи къ лучшему. По Рожкову, „приливая (въ Вологодскій у.) съ запада, юга и юго-востока, населеніе не засиживалось долго въ Вологодскомъ у. и уходило на сѣверъ въ Важскую и Каргопольскую земли, а также на сѣверо-востокъ, по теченію Сухоны, къ Тотьмѣ, Устюгу, Сольвычегодску и далѣе по Двинѣ и Вычегдѣ“[4]). Относительно Важской земли мы уже знаемъ, что тамъ ростовцы встрѣтились съ прежде утвер-

---

[1]) Срв. А. Е. Мерцаловъ, Вологодская старина. Спб. 1889, с. 106.

[2]) Засѣцкій, 36; срв. Рожковъ, Сельск. хоз. Моск. Р. 324—7.

[3]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1908, № 2, с. 430 – 431, рецензія С Веселовскаго.

[4]) Рожковъ, Сельск. хоз. Моск. Р. 327—8.

дившимися тутъ новгородцами, и дальше не пошли; въ Каргопольскую область былъ прямой путь изъ Новгородскихъ пятинъ, и теперешнее населеніе тамъ безспорно Новгородскаго корня. Что же касается р. Сухоны, то по ней населеніе двигалось въ большомъ множествѣ, только дальше оно подвигалось не по Двинѣ и Вычегдѣ, не на сѣверъ, а на югъ—по рр. Моломѣ и Югу въ благословенную страну Вятскую, о богатствѣ которой ходили тогда преувеличенныя представленія. Теперешнее населеніе Вятки гораздо ближе къ ростовцамъ, чѣмъ къ новгородцамъ.

Бѣлое Озеро было волостью Суздальскихъ князей. Но мѣстное населеніе представляло пеструю смѣсь суздальцевъ и новгородцевъ. О присутствіи здѣсь новгородцевъ свидѣтельствуетъ уже существованіе здѣсь Ильменскаго названія юго-западнаго вѣтра „шелóникъ“ [1]). О томъ же говоритъ широкое распространіе въ мѣстныхъ говорахъ неслогового ў—черта, Ростовскимъ говорамъ чуждая. Въ Вологодскихъ говорахъ эта послѣдняя черта также очень широко распространена; сюда она принесена какъ съ юга—съ Бѣлоозера, такъ и особенно съ сѣвера, съ низовьевъ Двины и съ р. Ваги, а отчасти также и изъ сосѣдняго Каргопольскаго у. На югѣ Вологодской губ. рядомъ съ говорами, знающими неслоговое ў, извѣстны также и говоры, не знающіе этой черты; послѣдніе, очевидно, ведутъ свое начало непосредственно изъ Ростовско-Суздальской земли. Прежде такихъ говоровъ было здѣсь гораздо больше, о чемъ говоритъ обиліе ихъ на Вяткѣ, куда ростовцы и суздальцы могли проникнуть только черезъ Сухону.

Что же касается м. к, то оно проникло сюда какъ изъ Ростовско-Суздальской земли непосредственно, такъ и съ Бѣлоозера. Съ сѣвера, съ Двины, и изъ Каргополя эта черта не надвигалась, и она извѣстна въ Вологодскомъ краѣ гораздо меньше, чѣмъ неслоговое ў. И на Бѣлоозерѣ эта черта не особенно сильна: оттуда легко могли приходить колонисты и безъ этой особенности.

---

1) И. В. Кучинъ, Рыболовство на Бѣлоозерѣ и пр. Спб. 1902, с. 174; прогр. № 169 и 182.

Относительно говоровъ съ неслоговымъ ў въ Вологодской губ. необходимо замѣтить, что они не всѣ одинаковы: б. ч. ихъ знаетъ переходъ *л* въ ў, другая не знаетъ такого перехода; кромѣ того, по свидѣтельству нѣкоторыхъ наблюдателей (Бѣлоруссовъ и др.) *л* переходитъ иногда не въ ў, а въ *в*.

Съ этимъ стóитъ сопоставить говоръ обрусѣвшихъ пермяковъ, которые „вмѣсто русскаго *л* произносятъ *в*“: шва вм. шла, тежево вм. тяжело, высыпава, товква вм. толкла, бвиновъ, мваду, прокварава вм. прохворала, нединви вм. недѣли [1]). Другой, новѣйшій наблюдатель изъ Кудымкорской вол. того же Соликамскаго у. отмѣчаетъ у пермяковъ: повучивъ вм. получилъ, котевъ вм. хотѣлъ и т. п., замѣчая, что въ 3-мъ л. глаголовъ *в* вм. *л* пермяки „произносятъ твердо, почти какъ *у*“ [2]). Въ Оханскомъ у. Пермской же губ., гдѣ пермяки уже совершенно слились съ русскими, отмѣчено *в* изъ *л*: вошадь вм. лошадь, бававайка, кобыва, пошевевитъ вм. пошевелитъ, въ запваткахъ и т. п. [3]).

Возможное на первый взглядъ предположеніе, что пермяки научились говорить по-русски отъ русскихъ двинянъ, въ говорѣ которыхъ извѣстенъ переходъ *л* въ *в* (ў), исключается тѣмъ, что въ нѣсколькихъ нарѣчіяхъ зырянскаго языка — въ томъ числѣ и въ пермяцкомъ языкѣ, который считается у финнологовъ Камскимъ нарѣчіемъ зырянскаго яз.—также твердому *л* другихъ зырянскихъ нарѣчій соотвѣтствуетъ звукъ *в*. Въ чистотѣ коренной звукъ *л* сохраняется въ Сысольскомъ нарѣчіи (въ словахъ, въ которыхъ *л* сохраняется и въ близко родственномъ вотяцкомъ яз.). Въ нарѣчіяхъ Вычегодскомъ, Ижемскомъ и южно-Камскомъ сохраняется только начальное *л*, которое въ сѣверно-Камскомъ нарѣчіи также переходитъ въ *в*; такъ, Вотяцкому *лул* соотвѣтствуетъ Сысольское *лол* „душа“, сѣверно-Камское (Пермяцкое) *вов*, Вычегодское и южно-Камское *лов*, Ижемское *лоо*. Конечное *л* сохраняется только въ Сысольскомъ и южно-Камскомъ, въ Ижемскомъ оно переходитъ въ гласныя, а въ сѣверно-Камскомъ и Выче-

[1]) Роговъ, Матеріалы для опис. быта пермяковъ, 40 (Пермск. Сборникъ, II, 1860, отд. 2). Рѣчь о пермякахъ по р. Иньвѣ.

[2]) АГО. XXIX, 76, Вологдинъ.

[3]) АГО. XXIX, 6, Кабалеровскій.

годскомъ—въ *в*: вотяцкому, Сысольскому и южно-Камскому *ныл* „дочь“ соотвѣтствуетъ Вычегодское и сѣверно-Камское *ныв*, Ижемское *ныы* [1]). Эти факты, конечно, нельзя объяснять изъ русской діалектологіи.

Въ Вологодскомъ краѣ (такъ же, какъ и въ Пермскомъ) должны быть обрусѣвшіе зыряне; они легко могли произносить русское *л* какъ *в* (срв. данныя Бѣлоруссова). И не исключена, такимъ образомъ, возможность, что широкое распространеніе въ Вологодскихъ говорахъ перехода *л* въ *в* объясняется *отчасти* также и существованіемъ здѣсь обрусѣвшихъ зырянъ.

Вопросъ этотъ нуждается, впрочемъ, въ особомъ изслѣдованіи, и здѣсь я на немъ подробно не останавливаюсь. Замѣчу только, что едва ли нѣчто подобное не извѣстно и у обрусѣвшихъ чухарей (вепсовъ) Новгородской губ. По кр. м., у сосѣдей съ чухарями, на западѣ Бѣлозерскаго у., отмѣчены случаи: мивово вм. милаго, шва, пришва [2]).

XV. Ярославская губернія.

164: М. к въ Ярославскихъ говорахъ; Ростовскій у.—165: Ярославскій и Ром.-Борисоглѣбскій уу.—166: Рыбинскій у.—167: Пошехонскій у.—168: Даниловскій и Любимскій уу.—169: Мышкинскій и Угличскій уу.—170: Моложскій у.—171: Заключеніе о м. к въ Ярославской губ.

§ 164. Вятскіе говоры съ м. к привели насъ къ Вологодской губ., Вологодскіе—къ Ростовско-Суздальской области, т. е. прежде всего къ Ярославской губерніи.

Ярославская губ. почти вся занята говорами съ м. к; только на сѣверо-западной окраинѣ ея эта черта кое-гдѣ отсутствуетъ: граница проходитъ по сѣверо-западу уѣздовъ Моложскаго и Пошехонскаго. Нельзя не замѣтить, что близъ Волги и ея большихъ притоковъ м. к распространено здѣсь больше, чѣмъ вдали отъ Волжскихъ береговъ; это обстоятельство объясняется, конечно промышленнымъ движеніемъ (особенно коноводствомъ) по Волгѣ и ея притокамъ: коно-

---

1) Г. С. Лыткинъ, Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и зырянскій языкъ. Спб. 1889, отд. 2, с. I, гдѣ и литература.

2) Тр. Моск. Діал. Ком. II, 1910, с. 65—66: Б. и Ю. Соколовы (со словъ мѣстныхъ крестьянъ).

воды много способствовали распространенію этой, не такъ давно еще модной, черты (срв. § 187).

Исключеніе составляютъ лишь Ростовскій уѣздъ, который хотя и удаленъ отъ Волги, но характеризуется повсюднымъ распространеніемъ м. к и притомъ переходомъ его въ *т*, что́ говоритъ о древности этой черты. Ростовскій уѣздъ нужно считать центромъ, изъ котораго м. к распространилось по всей губерніи. — Если окажется нужнымъ признать, что въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ м. к зародилось особо, независимо отъ южно-великорусскихъ говоровъ, — то колыбелью такого сѣверно-великорусскаго м. к естественнѣе всего будетъ признать именно Ростовскій уѣздъ.

На западѣ Ярославской губ. была сильна позднѣйшая колонизація съ запада: выходцы изъ Тверской губ., извѣстные здѣсь подъ именемъ „кореловъ", идутъ сюда еще и въ наши дни, причемъ достигаютъ Рыбинскаго у. и далѣе на востокъ. Вслѣдствіе этого движенія м. к на крайній западъ Ярославской губ. и не проникло.

Въ Ростовскомъ у. м. к распространено широко. Изъ центра уѣзда имѣется старое свидѣтельство свящ. с. Шулецъ П. А. Соколова [1]). Авторъ описываетъ говоръ въ приходѣ с. Шулецъ (№ 7573, въ 10 в. отъ у. гор. на востокъ), у жителей коего, по его замѣчанію, весьма много общаго „съ цѣлою подростовною областью" (№ 16). Говоръ окающій Владимірскаго типа: лёгко ли, у ёво, всёво, протёкла; м. к отмѣчено только въ случаяхъ послѣ *нь*: холодненькѣ и т. п., и послѣ *ть*: титькя. Хотя говоръ сильно окающій: зобо́та, перемо́рался, *О*лександро, сто́канъ, но послѣударное *о* часто переходитъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Ростовскаго у., въ *а*: родим*а*й, перв*а*й, причемъ -ай въ концѣ звучитъ „протяжно". Употребительны формы „былъ пришедши" и т. п.

Югъ уѣзда изученъ лучше. На юго-востокѣ подробно описанъ говоръ дер. Ваулихи (въ 35 вер. отъ у. гор. и въ 7 отъ границы Владимірской губ.) [2]), Гарской волости, при р. Сахтѣ. Типъ оканья и здѣсь Владимірскій: харошо́ (с. 285);

[1]) Яросл. Г. В. 1868, № 38—40; срв. № 16; а также АГО. XLVII, 28.
[2]) Р. Ф. В., т. 65, 1911 г., № 2, П. В. Булычевъ.

м. к послѣ нь и ть перешли въ *т*: Ваньтя, Петьтя, милиньтяй, реття, а послѣ *й* и *ч* сохраняется: чайжю, кофейкю, малочкя (с. 287).

Къ югу отъ Ростова лежитъ волость Перовская; въ деревняхъ этой волости: Захарово, Ильинская, Лихинино и Новоселка, а также въ дер. Баскачь сосѣдней Карашской вол. отмѣчено м. к О. Апеллесовою (кр. прогр. № 213), учительницею церк.-прих. школы въ с. Годеново (въ 8 в. отъ Перова и въ 30 отъ у. г.). Говоря точнѣе, здѣсь имѣется только м. т, въ которое перешло м. к: указаны случаи: Ваньтя, Петьтя, Натьтя, Васьтя, Митьтя, Ольтя, Катьтя, Пантя, маминьтя, дядиньтя, тятиньтя и т. п., тольтё, стольтё; случаевъ съ сохранившимся м. к не отмѣчено, напротивъ: чайку. Нужно думать, что старое м. к перешло въ *т* уже давно, такъ что слухъ отвыкъ отъ сочетаній въ родѣ кя, кю. Говоръ окающій по-Владимірски: вёсна, сирёда, но послѣ ударенія *а*: лѣтась.

На юго-западѣ и западѣ Ростовскаго у. расположены волости Березниковская и Новоселко-Пѣньковская (въ 25—35 в. отъ гор.), говоръ коихъ описанъ свящ. погоста Георгіевскаго на песьихъ лукахъ Пав. Казанскимъ (кр. прогр. № 222). Здѣсь м. к не перешло въ т: маленькё, тоненькё. Въ сёлахъ Филимоновѣ и Новоселкѣ Пеньковской отмѣчено: стипѣлъ, тирпичь, на дудѣ (вм. дугѣ), но распространяется ли этотъ переходъ на интересующее насъ м. к, не сказано. Говоръ окающій и, повидимому, сильно нивелированный: село, весна „говорятъ правильно“.—Въ дер. Дергаловѣ и Нов.-Пѣньк. отмѣчены случаи: выши, нижи, дальши, ходютъ, носютъ. Это, вѣроятно, слѣды того же послѣударнаго аканья, съ которыми мы уже встрѣчались выше и которые отмѣчены также, другимъ наблюдателемъ, въ с. Краснораменьѣ той же Нов.-Пеньковской вол.: пёсъ-*а*тъ, молодой-*а*тъ (Яросл. Г. В. 1888, № 11, статья С. А. Агриколянской). Уроженецъ с. Покровскаго на Лигѣ (въ 25-и вер. отъ Ростова на западъ и въ 10 в. отъ Угличкой границы) отмѣчаетъ „въ нарѣчіи ростовцевъ“: хорошаи, новаи, патолокъ, чего нѣтъ въ с. Красномъ на Шексне Моложскаго у. (Яросл. Г. В. 1868, № 17; срв. 1869, № 24, Дм. Зеленецкій).

Сѣверная полоса уѣзда остается въ діалектологическомъ

отношеніи не описанною. Но есть основанія полагать, что и здѣсь м. к обычно; по кр. м., два общихъ описанія говора всего Ростовскаго у. согласно свидѣтельствуютъ о м. к въ мѣстномъ говорѣ: 1) А. Соколовъ въ своемъ „Опытѣ сборника словъ для орѳоэпическихъ упражненій въ школахъ гор. Ростова и его уѣзда“ (Яр. 1882) приводитъ случаи: рѣдькя, чайкю, фуфайкя, а также: Ваньтя, Груньтя (с. 7). — 2) У Волоцкаго (Сборн. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 72, с. 7) послѣ *-нь-* находимъ -тя (переходъ м. к въ т), но рядомъ -кю: маменьтя, вереньтя, зобеньтя, Ваньтя; чайкю, огонькю, рѣдькя, Митькя; глень-ко.

Съ переселенцами изъ Ростовскаго у. мы уже встрѣчались выше (§ 109) въ Богородицкомъ у. Тульской губ.; у нихъ тамъ тольтя вм. только, при: яичькя, мълачька. Здѣсь лишнее доказательство древности м. к въ Ростовскомъ у.: переселеніе ростовцевъ въ Тулу произошло не позднѣе конца XVIII в., а они переселились уже съ м. т изъ м. к, между тѣмъ и на переходъ м. к въ т потребно извѣстное время.

§ 165. Для Ярославскаго у. наши данныя скудны. А. Тихвинскій (Р. Ф. В., т. 24, с. 28 — 69, наблюденія 1879—89 гг.) описываетъ говоръ этого у. въ мѣстностяхъ, лежащихъ на правомъ берегу р. Волги и по теченію р. Которосли: с. Иванково (8 в. выше Ярославля), с. Козьмодемьянское, сёла Солонецъ, Желѣзный Борокъ, Семеновское, Курба, Пехра, Норскій посадъ, дер. Барышкино, Борисовское, Барское, Юново, Писцово, Очепки, Волкуша, Зиново и др. Здѣсь, по Тихвинскому, м. к нѣтъ, а есть только форма к вѣ́рьхю (с. 54), т. е. м. х въ томъ же положеніи (ср. § 7). Напротивъ, по лѣвую сторону р. Волги распространено м. к, напр. четвѣ́рькь (дер. Трофинково, на Волгѣ, рядомъ съ Толгскимъ монастыремъ).

Сообщеніе это вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Во 1-хъ, м. х встрѣчается обыкновенно въ тѣхъ только говорахъ, которые знаютъ и м. к. Во 2-хъ, здѣсь устанавливается новая граница для м. к — р. Волга, съ чѣмъ не согласуются очень многіе факты. Въ сосѣднихъ уѣздахъ: Романово-Борисоглѣбскомъ (с. Марѳино), Даниловскомъ (Петропавловское), Рыбинскомъ (Срѣтенское) и др., а также и въ Костромской губ., м. к отмѣчено и на правомъ бе-

регу Волги. Разсмотрѣнный нами Ростовскій у., гдѣ м. к распространено очень широко, лежитъ на правой же сторонѣ Волги, хотя и не такъ близко къ этой рѣкѣ. Наконецъ, уроженецъ гор. Ярославля, учитель Бронницкаго гор. училища сообщаетъ, что онъ „слышалъ“ м. к въ гор. Ярославлѣ (кр. прогр. № 81), вѣроятно у мѣщанъ или же у подгородныхъ крестьянъ; а городъ этотъ лежитъ опять таки на правомъ берегу Волги.

На основаніи сказаннаго заключаю, что м. х (к верьхю) въ с. Иваньковѣ и сосѣднихъ съ нимъ Ярославскихъ селеніяхъ на правомъ берегу р. Волги является остаткомъ прежде бывшаго здѣсь м. к. По сообщенію Тихвинскаго, мѣстное населеніе „живетъ здѣсь испоконъ вѣку и на заработки не ходитъ“. Б. м., вслѣдствіе этого домосѣдства и отсутствія прилива населенія со стороны, волна м. к задѣла эту мѣстность сравнительно слабо, почему это явленіе здѣсь скоро исчезло.

Другой наблюдатель отмѣчаетъ случай дѣньтѣв, т. е. м. к съ переходомъ его въ т, въ Ярославскомъ у., не указывая точно мѣстности [1]).

Для говоровъ Романово-Борисоглѣбскаго у. мы имѣемъ краткое описаніе 1849 г., принадлежащее перу штатнаго смотрителя мѣстныхъ училищъ. Отмѣчено м. к: к кумонькю, Дунькя, Васькя, подь-кѣ и даже: шибкѣ. Другія черты: цоканье (м. пр. цово рядомъ съ чово) и черьковь, фрикативное г [2]).

На крайнемъ сѣверѣ у., гдѣ Романовскій у. врѣзывается въ Пошехонскій, расположено с. Староалександровское Шаготской вол. Говоръ въ приходѣ этого села описанъ учителемъ Тайбузинской ц.-прих. школы Н. Доброхотовымъ (кр. прогр. № 305). М. к встрѣчается во всѣхъ деревняхъ прихода: Гузнево, Мулишино, Горки (въ 47 в. отъ у. г.), Березники, Бобынино, М. и Большіе Погары, Крапивны, Сартово, Подомарево, Тайбузино, Красново, Осиповка: нянькя,—кю, хотя въ нѣкоторыхъ иныхъ отноше-

---

1) Е. Якушкинъ, Матеріалы для словаря нар. яз. въ Яросл. губ. Яр. 1896, с. 8.

2) АГО. XLVII, 16, Уткинъ, Этнографич. свѣдѣнія о жителяхъ Ром.-Борисогл. у.

ніяхъ говоръ отдѣльныхъ деревень разнится. Вездѣ оканье, *и* изъ *ѣ* (повидимому, только передъ мягкой согласной, а случай „лисъ“ приведенъ по недоразумѣнію), *е* изъ *я* передъ мягкой.

Калово-Марѳинскій приходъ расположенъ на правомъ берегу р. Волги, близъ границы съ Ярославскимъ у. Здѣсь „слышится иногда... чайкю, помаленькю, Ванькя, Васькя“ [1]). Въ $1^1/_2$ в. отъ этого села Константиновскій заводъ, гдѣ населеніе сбродное и говоръ разнообразный, есть и акальщики; но въ деревняхъ оканье: сёло и т. п.

Населеніе б. части Ром.-Борисогл. у. сравнительно очень не давнее. Село Калово на Волгѣ значится уже въ писцовыхъ книгахъ 1627—29 гг. въ числѣ вотчинныхъ владѣній Ярославскаго Спасскаго монастыря; но тогда населеніе этого села и деревень его было крайне не многочисленнымъ: отъ 2-хъ до 6-и дворовъ въ селеніи [2]). О новизнѣ населенія въ Староалександровскомъ приходѣ свидѣтельствуютъ отличія въ говорахъ отдѣльныхъ деревень: населеніе, очевидно, еще не успѣло слиться.

А. Баловъ склоненъ отожествлять говоръ всего Ром.-Борисогл. у. съ говоромъ Пошехонскаго у. (Жив. Стар. 1893, № 4), т. е., значитъ, м. к считаетъ общею чертою во всемъ Ром.-Б. уѣздѣ. Допускаемъ, что это въ значительной степени вѣрно для современныхъ нивелированныхъ говоровъ (м. к здѣсь еще очень недавно считалось чѣмъ-то моднымъ и распространялось вмѣстѣ съ общею нивелировкою говора). Но прежде здѣсь, повидимому, встрѣчались говоры и безъ м. к; по кр. м. Д. Зеленецкій, говоря объ отличіи говора портныхъ-романовцевъ отъ Ростовскаго, замѣчаетъ: „буква *о* (у романовца) рѣжетъ ухо: миленько*я*, мамонька“ [3]).

§ 166. Рыбинскій у. р. Волга дѣлитъ на двѣ равныя половины.—Изъ говоровъ сѣверной половины намъ извѣстенъ только одинъ, по скуднымъ даннымъ, сообщаемымъ Никл. Оп-нъ. Этому автору принадлежитъ рядъ статей въ Яросл. Г. В. 1888, 1889 и др. лѣтъ. Въ статьѣ „Особенности народнаго говора населенія Рыбинскаго у.“

[1]) Кр. прогр. № 214, учит. ц.-пр. шк. М. Виноградовъ.

[2]) Яросл. Епарх. Вѣдом. 1878, № 37, с. 289.

[3]) Яросл. Г. В. 1868, № 17.

(1889, № 44) о м. к не сообщается (отмѣчено оканье и случаи: рошшытаю, тышши, увичье). Но въ статьѣ „Деревенскіе праздники, гулянья, пѣсни и духовные стихи въ Рыбинск. у." (1888, №№ 76—84), печатая мѣстныя пѣсни, „записанныя съ точнымъ соблюденіемъ выговора и ударенiй" (№ 76), авторъ приводитъ рядъ случаевъ съ м. к: бѣлешинькѣ, ноженькю (№ 78), миленькёй, толькѣ, шляпонькя (80), миленькёва, шляпонькю (81), горькѣ, душенькю (84). Послѣ *ч* и *ш* случаевъ съ м. к нѣтъ; встрѣчаются исключенія и послѣ -нь. Другія черты мѣстнаго говора: кумарочковъ, не сможотъ, лёжать, у тёсовыя кровати, Олексѣй-отъ, вѣтёръ, зерьгало, къ винцу, свичу, шш вм. щ, мезъ вм. межъ.—Въ одномъ мѣстѣ авторъ упоминаетъ вскользь дер. Милютино и Лапушку, а въ другой своей статьѣ (1889, № 75) называетъ „нашею мѣстностью" волости Троицкую и Николо-Тропскую. Судя по этимъ даннымъ, авторъ описываетъ волость Милютинскую, что́ на самомъ сѣверѣ Рыбинскаго у., близъ р. Шексны и уѣздовъ Моложскаго и Пошехонскаго.

О говорѣ южной части Рыбинскаго у. мы знаемъ больше. Говоръ Николокормской вол. (село Корма лежитъ на югозападѣ у., близъ границъ Мышкинск. у., въ 2½ в. отъ р. Волги) описанъ И. В. Костоловскимъ (прогр. № 276). Волость эта населена плотниками и считается, по сравненію съ сосѣдями, сѣрою. М. к распространено широко: чайкёмъ, стройкю, синькю, люлькя, добренькяя, войскѣ, церькёвный, москёскёй, верьхёскёй, губерьскёй, Волжскёй; на верхю; Ольгя, деньгя, дергяю, рѣдко: Ваньтя, рѣдьтя; всегда: Сашка.

Въ Срѣтенской вол., въ дер. Большое Заболотье (18 в. отъ у. г. къ югу) и др., м. к весьма обычно, какъ обыченъ и переходъ его въ м. *т*; мѣстные питеряки (многіе служатъ въ Питерѣ прикащиками) смѣются надъ деревенскими: „Тётиньтя Варвара, купи дрожжэй на копей*тю*!" (мои записи 1911 г.).—Приходъ сёла Срѣтенскаго, что на Черемхѣ (изъ 38 селеній), былъ въ XVII-мъ в. вотчиною Московскаго Симонова монастыря, которому пожертвованъ былъ князьями Мстиславскими [1]). Имя двухъ деревень Б.

1) Яросл. Г. В. 1872, № 38.

и М. Заболотье говоритъ о ходѣ мѣстной колонизаціи. Громадное болото тянется на югъ отъ Заболотья линіей, идущей съ юго-запада на сѣв.-востокъ, отъ дер. Мартиной къ дер. Кликуновой. Что же касается мѣстъ къ сѣверу отъ Заболотья, то тамъ болотъ нѣтъ. Т. обр., ясно, что населеніе шло сюда съ юга, точнѣе: съ юго-востока, отъ Ростова и Ярославля.

Нынѣшній приходъ с. Николо-Кормскаго, вмѣстѣ съ сосѣднимъ приходомъ Круглицкимъ, входилъ, судя по писцовымъ книгамъ 1627—29 г., въ Еремѣйцевскую вотчину Ярославскаго Спасскаго монастыря. Тогда эта мѣстность была очень лѣсистою и мало населенною. Въ 1628 г. въ этой вотчинѣ было 65 деревень, а черезъ 50 лѣтъ, къ 1678 г., число населенныхъ пунктовъ возросло уже до 92 [1]); очевидно, монастырь заботился о колонизаціи своей вотчины.

Авторъ отвѣта на кр. прогр. № 298, свящ. с. Юрьшина Нижнеикульской вол. Н. Урбановъ (село это на востокѣ у., недалеко отъ гор. Мологи) о м. к не упоминаетъ; но отвѣтъ очень кратокъ и плохъ, такъ что природа мѣстнаго говора остается не ясною.

§ 167. Сѣверо-западъ и частью западъ Пошехонскаго у. м. к не знаетъ; въ прочихъ же частяхъ уѣзда черта эта распространена широко. А. Баловъ, описавъ говоръ (съ м. к) центральной части уѣзда, заявляетъ, что тотъ же говоръ во всемъ Пошехонскомъ у., а также и въ рядѣ сосѣднихъ уѣздовъ (Жив. Стар. 1893, № 4, с. 508), но страсть авторовъ-любителей къ широкимъ обобщеніямъ всѣмъ извѣстна; характерно, что въ своей первой статьѣ о Пошехонскомъ говорѣ Баловъ о м, к совсѣмъ и не упоминаетъ (Яросл. Г. В. 1888, № 45).

На западъ отъ гор. Пошехонья м. к отмѣчено только въ двухъ мѣстахъ: 1) въ селѣ Столыпинѣ (10 в. отъ гор.): свящ. изъ с. Успенскаго на Югу, сообщая, что у нихъ м. к нѣтъ, добавляетъ: „говорятъ такъ близъ Пошехонья, напр. въ с. Столыпино“ [2]) и 2) въ Колодинскомъ приходѣ на Водомѣ (40 в. отъ у. г.): учитель изъ Воскресенско-

[1]) Яросл. Епарх. Вѣдом. 1878, № 44.

[2]) Кр. прогр. № 226, А. Дмитревскій.

Телепшинскаго прихода пишетъ, что у нихъ м. к нѣтъ, но оно „замѣчается въ сосѣднемъ Колодинскомъ приходѣ“ [1]).

Нѣтъ м. к въ с. Давшинѣ на р. Конгорѣ, притокѣ Шексны; о говорѣ этого села см. статью свящ. А. Архангельскаго въ Библ. А. Н., № 170 = Этнограф. Соорн. II, 1854, с. 2—8 = Яросл. Г. В. 1856, № 6.—Нѣтъ въ с. Ермаковѣ на верховьяхъ той же рѣки; говоръ этого села извѣстенъ намъ по анонимному словарю 1850 г. [2]); здѣсь находимъ: чопухýй, вчарáсь вм. вчера, болтáёшь, пáдёра, горéчёй; *и* изъ *ѣ* передъ мягкой: лизетъ, бúльма, бисéнокъ, билéнько и т. п.; езыкъ, свезался; одинъ случай цоканья: цело́ вм. чело; даси́ вм. дашь; удасся, заѣдаесся; въ горстѣ, к статѣ; щ очевидно произносится какъ сч: авторъ вездѣ пишетъ щ.

Нѣтъ также м. к въ Воскресенско-Телепшинскомъ приходѣ Мусорской вол. (въ 45 в. отъ у. г.) (кр. прогр. № 297, А. Тиховъ); повидимому въ с. Пельневѣ (? 55 в. отъ у. г., на р. Шекснѣ, у границы съ Моложскимъ у.): по кр. м., авторъ сообщенія о мѣстномъ говорѣ умалчиваетъ на счетъ м. к [3]). — Во всей Югской вол., что́ по р. Югу, на сѣв.-западѣ у., близъ границъ съ Вологодской и Новгородской губ.; изъ этой волости имѣются два сообщенія: Батранскаго-Разумова (кр. прогр. № 216) и свящ. А. Дмитревскаго изъ с. Успенскаго на Югу (кр. прогр. № 226); касается этой вол. и свящ. Архангельскій изъ Давшина.

Къ сѣв.-востоку отъ гор. Пошехонья м. к отмѣчено: въ Соколовской вол., въ мѣстности Соть (50 в. отъ у. г.) (кр. прогр. № 297, свящ. К. Ширяевъ);—въ Панфиловской вол., въ деревняхъ: Пустошкѣ, Демиховѣ и Дубовицѣ (кр. прогр. № 297, учит. Николо-Лапушинской шк. А. Надѣинская);—въ Меленковской вол., что близъ границъ Любимскаго у.: учитель Новленской школы Е. Мизеровъ пишетъ: „б. ч. крестьянъ въ нашей мѣстности говоритъ: тятинькя, Васькю и т. п.“; въ 23 послѣднихъ года „мѣстный говоръ народа много исправился, только никакъ не могутъ крестьяне

[1]) Кр. прогр. № 297, учит. А. Тиховъ.

[2]) Библ. Ак. Н., № 171.

[3]) Кр. прогр. № 224, учит. Ѳ. Знаменскій.

оставить говоръ на кя, кю, кѣ" (кр. прогр. № 215; мѣстность эта въ 40 в. отъ у. гор.).

Въ южной части у. м. к составляетъ, повидимому, общее явленіе. Въ дер. Ежово и др. селеніяхъ Пошехонской вол.: рындочкя, тройникёвъ (Жив. Стар. 1893, № 4, с. 512, срв. с. 508, А. Баловъ). — Во всей Давыдковской вол.: въ с. Лисинѣ (20 в. отъ у. г.) и др. мѣстахъ: Покроськёй и т. п. (кр. прогр. № 223, В. Полетаевъ), въ дер. Кладово: чуйкёй, батькя, но: кочку (Этн. Обозр. 1909, № 1, с. 67, 69 и 70).— Въ дер. Смильково (5184, при р. Согѣ, въ 15 в. отъ гор. на востокъ) записаны А. В. Баловымъ похоронные причеты, гдѣ: мѣстечкё, послушай-кё, времячкё, дороженькю и т. п., но часты и исключенія (Яросл. Г. В. 1889, № 53 и 54).—Въ с. Дмитревскомъ, дер. Грива и др. деревняхъ Дмитревскаго прихода (въ 10 в. отъ гор. по Ром.-Борисогл. тракту) Ериловской вол. записны А. Архангельскимъ пѣсни и причеты (Яросл. Г. В. 1888, № 46—49, 52, 56 и 66; 1889, № 9—57), гдѣ очень много случаевъ съ м. к, но случаи послѣ ч весьма рѣдки: крылечкё, словечкё, дѣвочкя (№ 18), а послѣ *ш* совсѣмъ нѣтъ; въ прочихъ случаяхъ полной послѣдовательности также нѣтъ: церкёвнова, тятенькю съ маменькёй, послушай-кё, у ретивенькёва, косынькю и т. п., но и: привыкай-ко, молодехоньку, тоненькой и т. д. — Въ с. Пыхань (40 в. отъ у. г., близъ границы Любимск. у.) Николо-Раменской вол. м. к обычно; здѣсь же отмѣчено „изрѣдка: свинния, суддя, бѣлле; рыю, мыю, слѣпый" (кр. прогр. № 297а, Ю. Лебедева).

Съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ можно сопоставить дзеканье, слышанное Баловымъ въ Пошехонскомъ же у. на границѣ съ Новгородской губ. (Жив. Стар. 1893, № 4, с. 507) и другимъ наблюдателемъ — въ с. Никольско-Раменскомъ (Славянство, 1911, № 4—6, с. 11, ст. А. А. Шахматова). Вѣроятно, здѣсь изрѣдка встрѣчаются позднѣйшіе переселенцы съ запада.

Пошехонскій у., колонизованный сравнительно поздно (прежде тутъ были непроходимые лѣса, куда бѣжали во множествѣ старовѣры и сектанты, спасаясь отъ гоненій), представляетъ собою въ этнографическомъ отношеніи не вполнѣ однородную картину. Народъ дѣлитъ этотъ уѣздъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ мѣстностей, „которыя довольно рѣзко отличаются одна отъ другой, какъ бы уѣздъ отъ

уѣзда": „каждая такая мѣстность имѣетъ свой отпечатокъ, свои характеристическія особенности" (Яросл. Г. В. 1869, № 45, П. Волковъ). Одна изъ такихъ мѣстностей носитъ имя старинной волости—„Красная Водога" и просто „Водога", обнимающая волости Соколовскую и Софроновскую съ с. Владычнимъ (50 в. отъ у. г.) въ центрѣ; нѣкогда это была „Водожская волость" Вологодскаго у. Другія мѣстности носятъ имена по рѣкамъ: Маткома, Ухтома, Мусора, Югъ, Сохоть. Изъ нихъ Ухтома и Маткома прежде также были волостями (Готье, Замосковн. край, 584 — 5); а еще прежде тутъ были мелкіе княжескіе удѣлы [1]). Наконецъ, иныя мѣстности получили свои названія отъ позднѣйшихъ владѣльцевъ: Монастырщина, Лихачевщина (вотчина Лихачевыхъ около Пошехонья, о ней см. Яросл. Г. В. 1870, № 39, Е. Овчинниковъ; о Монастырщинѣ кое-что въ Яросл. Г. В. 1870, № 5, с. Деруновъ, и 1890, № 3).

М. к принесено въ Пошехонскій у. отчасти позднѣйшей колонизаціей съ юга, а гл. обр. отхожими промыслами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи характерно, что м. к нѣтъ именно тамъ, гдѣ населеніе или сидитъ круглый годъ дома (какъ въ Давшинѣ: Этн. Сборн. II, 46) или уходитъ на промыслы на сѣв.-западъ (какъ на р. Югѣ: С. Деруновъ, Югскіе шерстобиты. Яр. 1878). Относительно Давшина мы знаемъ еще, что сюда не было прилива населенія со стороны съ самаго начала XVII в. (Яросл. Епарх. Вѣдом. 1872, с. 332 и слѣд.). — Въ другихъ же мѣстахъ отходъ гл. обр. къ югу или въ Москву; напр., изъ Водоги по зимамъ ѣздятъ съ извозомъ въ Рыбинскъ (Яросл. Г. В. 1869. № 45).

Всѣ старые источники [2]) о говорахъ Пошехонскаго у., м. пр. три рукописи 1849—50 гг. (въ Библ. Ак. Н., № 169—171), м. к не знаютъ, отмѣчая лишь *скольки*, тольки (срв. Этн. Сборн. II, 8). Правда, эти свѣдѣнія относятся гл. обр. къ сѣв.-западу у., гдѣ м. к почти нѣтъ и теперь; однако, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, м. к проникло уже далеко и на сѣв.-зап. (Колодинскій приходъ). Въ центрѣ у., судя по записямъ Архангельскаго и Балова, м. к обычно и у молодежи, что́ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой „модности"

[1]) Рождественскій, Служилое землевладѣніе, 155 и 157.

[2]) Ср. еще Яросл. Г. В. 1853, № 26, гдѣ много діалектологическихъ матеріаловъ изъ неизвѣстной мѣстности Пошех. у.

этой черты; а занесенная отходчиками черта естественно должна быть модною.

Не исключена возможность, что кое-куда м. к могли занести и бѣглые старовѣры; ихъ особенно много въ „Сохоти"—на сѣв.-вост. у. (Тр. Яросл. Стат. Ком. I, 243).

Объ отсутствіи сѣверной колонизаціи въ Пошехонскій у. можетъ свидѣтельствовать отсутствіе въ здѣшнихъ говорахъ неслогового ў; этой черты нѣтъ даже и на крайнемъ сѣв.-востокѣ у., напр. въ Меленковской вол., хотя рядомъ въ Вологодской губ. эта черта обычна (кр. прогр. № 215, Е. Мизеровъ 1904 г.).

§ 168. Для Даниловскаго у. мы располагаемъ данными о говорѣ только двухъ мѣстностей; тамъ и здѣсь м. к имѣется. — Въ крайнемъ юго-восточномъ углу у., близъ Волги и границъ Костромской губ., расположена Петропавловская волость (25 в. отъ Костромы и 40 отъ Ярославля), въ деревняхъ коей: Филенка, Мышкино (обѣ Богородице-Рождественскаго прих.) и Передѣлица (Петропавловскаго что на Келности прих.) отмѣчено м. к (кр. прогр. № 227, А. Разумовъ); близкое сосѣдство Костромы сказывается здѣсь въ присутствіи дифтонговъ, обычныхъ въ Костромскомъ у.: внуого вм. много, хорошуо.

На сѣв.-востокѣ у., близъ границъ Любимскаго у., расположена Положиновская волость (10—15 в. отъ у. г.), гдѣ также м. к (кр. прогр. № 212, учит. Л. Ярославскій).

Даниловскій у. со всѣхъ сторонъ окруженъ говорами съ м. к, и это обстоятельство, въ связи съ приведенными двумя фактами, даетъ основаніе полагать, что м. к здѣсь—черта повсюдная.

Изъ говоровъ Любимскаго у. описаны только два, оба съ м. к. На крайнемъ сѣверо-западѣ, у самыхъ границъ съ Пошехонскимъ у., лежитъ Николо-Клоковскій приходъ Козской вол. (56—60 в. отъ у. г.). Въ деревняхъ этого прихода: Хаустово, Лубѣево, Милково, Хмѣлевица, Черницыно, Хватово, Старое село, Окульцово, Прибыткино, Бѣляево распространено м. к (кр. прогр. № 221, свящ. К. Мизеровъ 1903 г.).

Въ противоположность углу уѣзда, на юго-востокѣ, у границы съ Костромской губ., расположена Ралинская во-

лость (въ 20—30 в. отъ у. г. по дорогѣ въ Кострому и въ 35 в. отъ Данилова). Въ деревняхъ этой волости, находящихся около селъ: Богородскаго въ Осѣку, Бедарева, Троицкаго на Болотѣ, Власунова и Закобякина, также отмѣчено м. к: зеркяло, сколькѣ (кр. прогр. № 220, свящ. с. Богородскаго въ Осѣку Л. Виноградовъ).

Для прочихъ мѣстностей Любимскаго у. также нужно предполагать присутствіе въ говорахъ м. к, потому что кругомъ этого у. расположены говоры съ м. к.

§ 169. Въ Мышкинскомъ у. намъ извѣстенъ говоръ двухъ пунктовъ: оба они лежатъ въ южной половинѣ уѣзда и оба знаютъ м. к. — Мало-Ивановскій приходъ Муравьевской вол. расположенъ на крайнемъ югѣ у., неподалеку отъ Волги, въ 15 в. отъ гор. Углича. Здѣсь „часто можно слышать произношеніе кя, кю: чайкю, Ванькя, помаленькю“ (кр. прогр. № 217, учит. А. Абисеевъ).

Село Васильково лежитъ на западѣ у., на рч. Корожишнѣ, близъ границы съ Кашинскимъ у. Тверской губ. Мѣстный авторъ сообщаетъ: „Выговоръ чайкю, толькѣ, глянькя, сколькѣ, церкѣвь, Ольгя и пр. *повсюду* распространенъ въ нашей мѣстности, такъ что школа не скоро можетъ отучить отъ подобнаго выговора“. Приведены еще случаи: церкѣвный, Митькя и т. п. (м. к послѣ *ч*, повидимому, нѣтъ), а также: льню вм. льну, льни вм. льны (прогр. № 78, Черемхинъ 1897 г.). Населеніе здѣшнее слыветъ сѣрымъ; отхожее плотничество (въ столицу) не значительно. Въ этомъ говорѣ широко распространенъ переходъ обычнаго палатальнаго *к* въ *т*: на рѣтѣ вм. на рѣкѣ, но на случаи съ интересующимъ насъ м. к этотъ переходъ, видимо, не распространился. Здѣсь мы видимъ доказательство новизны м. к въ данномъ говорѣ.—Кое-какія діалектологическія данныя имѣются въ „Мышкинскомъ мѣсяцесловѣ 1779 г.“ (изданъ П. Н. Тихановымъ въ Яросл. Г. В. 1888 г., № 14), но случаевъ съ м. к не встрѣтилось.

Относительно сѣвера Мышкинскаго у. данныхъ нѣтъ: но присутствіе м. к въ говорахъ пограничныхъ уѣздовъ—Рыбинскаго (с. Корма) и Моложскаго (Ситчина) заставляетъ предполагать, что и на сѣверѣ Мышкинскаго у. м. к также извѣстно. Вѣроятно, только въ сѣверо-западномъ углу проходитъ западная граница интересующей насъ черты.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Углицкаго у. очень скудны, но и изъ нихъ можно догадываться о большомъ распространеніи здѣсь м. к. — Въ рукописи 1848 г. встрѣтился случай „Ваньтя“ [1]); свящ. А. І. Волковъ описываетъ „крестьянъ Никольской волости, особенно Сигорскаго общества, и села Заозерья, Угличскаго у.“; въ не-фонетической записи „прибасенокъ“ къ дѣтскимъ играмъ онъ пишетъ въ одномъ случаѣ: „Пляши Ваньтя не виляй“. Остается не извѣстнымъ, относится ли этотъ случай къ с. Заозерью, или же къ Никольской вол., но то и другая лежатъ почти рядомъ, въ юго-западномъ углу уѣзда.

Въ Угличскомъ у. отмѣчено еще вверьхь, т. е. м. х, хотя и рядомъ съ шáйку (Р. Ф. В., т. 40. 1898, № 3—4, с. 150 и 153, Шляковъ).

Въ гор. Угличѣ слышано: на верьхю, церькéвный; говорилъ едва ли не крестьянинъ с. Пеньи; по кр. м., ниже приведены слова: „нáшо то село Пенья“ (Тр. Моск. Діал. Ком. II, 110, Н. Н. Соколовъ).

Н. Д. Соколовъ сообщалъ мнѣ (въ 1907 г.) о м. к въ говорѣ своего родного села Сергіевскаго, что на западѣ Углицкаго у., близъ Калязинской границы и праваго берега Волги.

Встрѣчаются, повидимому, въ Углицкомъ у. и говоры безъ м. к; мнѣ приходилось разговаривать съ дѣвочкой изъ дер. Бечмерёво Высоковской вол. (на юго-вост. у., прихода с. „ёгорій“); въ говорѣ ея м. к не было. Мѣстность здѣсь очень „сѣрая“, и м. к могло обойти эту мѣстность, гдѣ не слѣдятъ за модой? Впрочемъ, заключать о говорѣ мѣстности по произношенію одного лица, особенно несовершеннолѣтняго, считаю опаснымъ.

§ 170. Населеніе Моложскаго у. дѣлится на нѣсколько очень различныхъ группъ.—М. к распространено здѣсь въ мѣстностяхъ по р. Шекснѣ и по р. Сити; вѣроятно, распространено и по р. Мологѣ, но свѣдѣній о томъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ. На Шексну (и на Мологу?) м. к должны были занести коноводы, на Сить — переселенные изъ Москвы въ XVI-мъ в. „хамовники“.

По р. Шекснѣ, сѣвернѣе устья р. Согожи, расположенъ

[1]) АГО. XLVII, 13.

приходъ села Всѣхсвятскаго Городецкой вол. (20 в. отъ у. г. и 55 отъ Рыбинска). Мѣстное населеніе — „потомки прежнихъ коноводовъ". „Кя, кю, кё вм. ка, ку, ко говорятъ *вст*, напр. Ванькя, чайкю, сколькё, маленькё"; цоканья нѣтъ; типъ оканья Владимірскій: сёло, тёпло, вёсна, но и *и* изъ *ѣ*: ись, мисяцъ, писня, а также *е* изъ *я*: грезь, петь. Описывается говоръ деревень: Щукино, Ново-Всѣхсвятское, Савино, Слободино, Шишкино, Тикалово, Лодыгино, Рындино, Моклоково, Тутаниха, Селищи и Ворона [1]).

На сѣверѣ уѣзда, также недалеко отъ р. Шексны, расположено с. Захарьино, при рч. Санжѣ, Грязливецкой вол., съ приходскими деревнями: Селино, Хебоя, Боброво, Обухово, Круглица, Грязливецъ, Михалково, Язвицы и Терино. Для говора этого села мы имѣемъ два описанія: 1850-хъ годовъ и 1900-хъ. Разница въ говорѣ, судя по этимъ двумъ описаніямъ, оказывается такою, что невольно думается о какомъ-то недоразумѣніи. Старое описаніе принадлежитъ семинаристу Антону Преображенскому, уроженцу Ситчины, тому самому, которымъ подробно описанъ говоръ и бытъ прихода Станиславскаго на Сити [2]). Говоръ Захарьина онъ описываетъ чертами, весьма близкими къ говору Ситчины [3]). На м. к приведены, м. пр., примѣры: маковкя, кошкя, коркю, божаткё, баськёй, мостйнкя, пивкё, кислетка, ловкёй, мйлкёй вм. мелкой. Т. е., то же доведеніе этой черты до абсурда, что и на Сити (см. ниже). Другія черты: цоканье съ м. ц и чоканье; *и* изъ *ѣ*: бйнной вм. бѣдный, дило, лисъ, мира, свитъ; *е* изъ *я*: вёзанка, вѣлъ вм. вялъ, неньки; даси вм. дашь; поѣша вм. поѣли. О дзеканьѣ и *ц* изъ *т* не упоминается, но случай словйтькё вм. словечко едва-ли не говоритъ о смѣшеніи звуковъ ц и т?

Судя по новому описанію, говоръ въ с. Захарьинѣ совсѣмъ иной: м. к нѣтъ, цоканья и чоканья нѣтъ; только *и* изъ *ѣ* передъ мягкой: сини, писня и *е* изъ

---

1) Кр. прогр. № 225, учит. Н. Селецкій, 1904 г.

2) АГО. XLVII, 3; срв. Р. Ф. В. 1879, т. 1, № 1, с. 150, гдѣ Колосовъ напечаталъ 3 пѣсни изъ этой рукописи.

3) Потому, вѣроятно, онъ отнесенъ А. И. Соболевскимъ къ „говорамъ Поситья" (Оп. Діал. 56), хотя с. Захарьино лежитъ очень далеко отъ бассейна р. Сити.

я передъ мягкой же: грезь, мечь [1]). Очевидно, мѣстный говоръ или успѣлъ очень сильно измѣниться, или же новѣйшій наблюдатель имѣлъ въ виду лицъ съ нивелированнымъ говоромъ. Скорѣе послѣднее: въ сосѣднихъ говорахъ, м. пр. и въ Череповской Уломѣ, съ коей у жителей Захарьина тѣсныя связи (оттуда они позаимствовали свой кузнечный промыселъ [2]), м. к сохраняется до сихъ поръ.

О говорѣ с. Краснаго на Шекснѣ, населеннаго также коноводами, имѣются кое-какія свѣдѣнія у Д. Зеленецкаго [3]): Лѣксандро; въ лѝсѣ, чило, свича; йонъ имѣтъ, йона; о м. к не упоминается, но возможно, что только по неполнотѣ описанія.

Переходимъ теперь къ своеобразнымъ говорамъ въ мѣстностяхъ по р. Сити.— Въ приходѣ с. Станилова отмѣчено м. к: рѣдькя, сайкя, гладкёе, игрушецкя, колгушкя, мачкя (мать), вáлкёй, мéледкё (медленно), взгляни-кё, крóхоткя (крошка), травкя и т. п., но думушку; дзеканье и цеканье: дзеревня, подзи, идзи, дзѣти, цесць, цёска, зяць, берегицё и т. п.; чоканье и цоканье; ф вм. х, шш вм. щ [4]). — Другой авторъ, свящ. А. Преображенскій, въ томъ же 1850-мъ г. описываетъ говоръ Покровско-Сицкой вол. очень близкими чертами, но о м. к не упоминаетъ; отмѣчено цоканье и чоканье, ц изъ т; личныя формы глаголовъ съ окончаніемъ на *о*; на дзеканье намекаетъ одинъ лишь примѣръ: буцзёто вм. будетъ; написанія: Ванькя, лазейку какъ бы исключаютъ возможность м. к [5]).—Нѣсколько позднѣе говора сицкарей Байловскаго, Семеновскаго и Покровскаго приходовъ касается А. Крыловъ [6]); онъ сообщаетъ только о цоканьѣ и о ц изъ т: цереть вм. тереть, испорцылъ вм. испортилъ; о м. к также не упоминаетъ. Теперь въ Покровскомъ приходѣ м. к безспорно есть; распространилось ли оно здѣсь

[1]) Кр. прогр. № 229, учит. М. Торопова.

[2]) Древн. и Нов. Россія, 1878, т. 2, № 5, с. 44; Ф. Носыринъ, Улома и ея металлич. произв. Спб. 1858, с. 3.

[3]) Яросл. Г. В. 1868, № 17.

[4]) Библ. Ак. Н. № 167—168 (анонимная рукопись, принадлежащая, конечно, А. Преображенскому); Этн. Сборн. I, 1853, с. 131 и слѣд.

[5]) Этнографическій Сборникъ, I, 1853, с. 71.

[6]) Яросл. Г. В. 1856, № 31, с. 306—7, статья „Ситскари".

недавно? или же здѣсь мы имѣемъ примѣръ того, какъ опасно полагаться на полноту старыхъ діалектологическихъ описаній?

Существенною чертою дополняетъ приведенныя сообщенія новѣйшее описаніе говора сицкарей, принадлежащее учителю Покровско-Ситской церк.-прих. школы П. Теляковскому [1]). Онъ описываетъ середину Покровско-Ситской волости, гдѣ расположены сёла: Покровское на Сити, Семеновское на Сити, Байловское и деревни: Глинникъ, Игнатово, Городища, Михѣево, Ревятино, Красково, Гаврильцево, Б. Новинка, Мясниково, Строково, Минюшино, Копань, Рысье, Григорово и др. Здѣсь Теляковскій отмѣчаетъ удвоеніе согласныхъ: свиння, суддя; подтверждаетъ цоканье и чоканье, м. к: Митькя, цяйкю, помаленькю, *ф* изъ *х*: всѣфъ, этифъ. Отмѣченныя имъ (а прежде свящ. Преображенскимъ) формы: Ваньк, Кольк, Машк (съ твердымъ *к* на концѣ?) говорили бы о новизнѣ здѣсь м. к? Дзеканья и ц изъ т Теляковскій не знаетъ; эти черты, вѣроятно, уже вымерли. Говоръ окающій: топерь, вёсна, тёпло.

Отъ „сицкарей“ Теляковскій различаетъ „хамовниковъ“, которые живутъ въ деревняхъ Брейтовской волости: Высоково, Овинчища, Халево, Иваньково. Ихъ говоръ нѣсколько чище: чоканье и цоканье „не часто“; м. к: Ванькя, цайкю; разгулялсы, разбилсы. Хамовники — „выселенцы будто бы изъ Москвы еще отъ временъ до-Петровскихъ“.

С. А. Мусинъ-Пушкинъ [2]) въ 1902-мъ г. отмѣчаетъ у ситчанъ дзеканье и цоканье: дзивилась, ницаго, цортъ. „Верхневолжское“ м. к онъ относитъ къ Моложскому уѣзду вообще: чайкю, на верьхю. Въ сицкаряхъ онъ видитъ Литовскую колонію. Знаетъ и о переселеніи „хамовниковъ“.

На крайнемъ югѣ Моложскаго у., на востокъ отъ р. Сити, но недалеко отъ нея, расположена Некоузская волость: с. Некоузъ съ деревнями: Б. Флорово, Ѳедосово, Мокѣево, Иванищево, Ерохово, Порохово, Усово, Пустоселищи, Максимовка, Нестеровка, Коплино, Овсяниково, Рогозино, Вахонино и др. Здѣсь „произношеніе кя, кю, ке вм. ка, ку, ко составляетъ главную особенность крестьян-

[1]) Кр. прогр. № 228.

[2]) Мусинъ-Пушкинъ, Очерки Моложскаго у. Яр. 1902, с. 10 и слѣд. (= Вѣстн. Яросл. Земства).

скаго говора: маменькя, тятенькя, копейкя, помаленькю, тольке и т. п.". Оканье здѣсь Владимірскаго типа: сёло, тёпло [1]) и говоръ во многомъ напоминаетъ Ростовскій. — Нѣтъ необходимости думать, что сюда м. к проникло отъ сицкарей; скорѣе наоборотъ; на южную Сить эта черта легко могла попасть изъ Некоуза.

Моложскіе говоры безъ м. к расположены къ западу отъ Сити, по р. Себлѣ. Въ с. Косковѣ Сутковской вол. и въ его приходскихъ деревняхъ: Кудотрево, Вертлюгово, Гришино, Борисовка, Филимоново и др. „рѣдко говорятъ кя, кю; такой говоръ слышится только у женщинъ родомъ изъ Ситско-Покровскаго (18 в.): тамъ это обычный говоръ" [2]). Иными словами: м. к въ Косковѣ нѣтъ, хотя вслѣдствіе родственныхъ связей съ Ситью оно легко можетъ появиться здѣсь. Т. обр., Поситье лежитъ на западной границѣ интересующей насъ черты; но вообще въ діалектологическомъ отношеніи оно является островомъ (м. пр., это почти единственный говоръ, гдѣ мы встрѣчаемъ м. к рядомъ съ дзеканьемъ), такъ что не исключена возможность, что восточнѣе его окажутся говоры безъ м. к. Чоканье и цоканье въ Некоузѣ очень рѣдко и, повидимому де, тоже наносное изъ Ситчины и дер. Новищъ. Оканье типа Владимірскаго.

„Сицкари", жители Поситья, отличны отъ прочихъ жителей Ярославской губ. не только по языку, но и по быту. „Одежда, пріемы, обороты рѣчи — все это, вмѣстѣ взятое, такъ отличительно отъ прочихъ, что за 40 и 50 верстъ отъ мѣста жительства тотчасъ узнаютъ сицкаря" [3]). По этому поводу создалось много разныхъ гипотезъ объ инородческомъ происхожденіи сицкарей. Въ старину ихъ считали обычно обрусѣвшими корелами [4]), которыхъ такъ много въ сосѣдней Тверской губ. Одинъ мѣстный авторъ, К. Д. Головщиковъ, признавалъ ихъ обрусѣвшими татарами, осѣвшими здѣсь послѣ своей побѣды на р. Сити [5]). С. А. Мусинъ-Пушкинъ склоненъ считать сицкарей обрусѣвшими

[1]) Кр. прогр. № 218.
[2]) Кр. прогр. № 219, учит. И. И. Соколовъ.
[3]) Этнографич. Сборн. I, 66.
[4]) Списки насел. мѣстъ. Яросл. губ., с. LIV.
[5]) Яросл. Г. В. 1888, № 32.

литовцами [1]). — Рядъ другихъ авторовъ считаетъ сицкарей коренными русскими. По С. Максимову, это переселившіеся въ незапамятныя времена бѣлоруссы [2]). Съ этимъ соглашается Е. Ѳ. Карскій: „Вслѣдствіе разныхъ войнъ Москвы съ Литвой и Польшей бѣлоруссы нерѣдко попадали въ плѣнъ и бывали поселяемы на окраинахъ русскаго племени по сосѣдству съ инородцами; таковы, вѣроятно, ситкари на р. Сити“ [3]). — А. А. Шахматовъ признавалъ ихъ колонистами древнихъ вятичей, ассимилировавшимися съ кривичами [4]).

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ исторію Поситья. Послѣднее составляло нѣкогда часть особаго удѣла *Ярославскаго* княжества, которое, въ началѣ XIII в., выдѣлено было изъ области Ростовской. Въ 1321 г. младшій сынъ Ярославскаго князя Давида Ѳеодоровича, Михаилъ „сѣлъ на удѣлѣ въ Мологѣ“, и такимъ образомъ положилъ начало отдѣльному существованію особаго удѣльнаго княжества *Моложскаго*. Это послѣднее скоро распалось на мелкіе удѣлы: Шуморовскій, Прозоровскій, Судцкій и *Сицкій*. Родоначальникомъ особой вѣтви князей Сицкихъ былъ кн. Семенъ, старшій изъ сыновей кн. Ѳедора Михайл. Моложскаго. Князья Сицкіе всегда потомъ старѣйшинствовали надъ прочими отрослями Моложской линіи Ярославскаго княжескаго дома и были вѣрными слугами Великихъ князей Московскихъ. Они сохраняли свои вотчины на р. Сити даже еще въ XVII-мъ вѣкѣ; такъ, по писцовой выписи 7128 г., за кн. Ал. Юр. Сицкимъ въ Ярославскомъ у. числилась вотчина въ 4 села, 33 дер. и 114 пустошей; въ томъ числѣ была и „вотчина дяди его: жребій с. Покровскаго на р. Сити съ деревнями“ [5]). При царѣ Борисѣ Годуновѣ родъ князей Сицкихъ подвергся гоненіямъ, и больше не оправился.

Заканчивая историческій очеркъ Ситчины, Н. И. На-

---

[1]) Очерки Моложскаго у. Яр. 1902, с. 11.

[2]) Древн. и Новая Россія, 1876, т. 2, № 8, с. 300, статья „Обитель и житель“.

[3]) Е. Карскій, Бѣлоруссы, I, с. 17.

[4]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1899, № 4, с. 39.

[5]) Рождественскій, Служилое землевладѣніе, 164; ср. Готье, Замосковн. край, 410.

деждинъ замѣчаетъ: „Ситчина, въ старыя времена, имѣла свой періодъ *исторической* обособленности; а если это не было послѣдствіемъ, то непремѣнно должно было обусловить для ней и нѣкоторую *этнографическую* особность“ [1]). Но тутъ не принята во вниманіе катастрофа, постигшая край въ смутное время: край сильно запустѣлъ. Имѣются данныя для сосѣдняго Углицкаго у., который оказался очень сильно пострадавшимъ: Кесемская волость этого у. въ 1620-мъ г. была совершенно пустою [2]). На опустѣвшія земли сѣв.-запада правительство селило потомъ корелъ-выходцевъ изъ-за Свейскаго рубежа. Селились сюда, конечно, и переселенцы изъ другихъ мѣстъ. Еще въ XVI в., по словамъ Рожкова, р. Молога служила главною колонизаціонною дорогою и промежуточнымъ этапомъ движенія населенія на сѣверъ; многіе здѣсь и осѣдали [3]). Въ XVI—XVII-мъ вв. сюда (въ сёла Брейтово и Черкасово) были переселены изъ Москвы ткачи-хамовники, а въ слободу Мологу—рыбаки [4]).

Обиліе новаго населенія исключаетъ возможность того, чтобы здѣсь сохранялась историческая обособленность временъ удѣльной эпохи. Характерно, между прочимъ, слѣдующее: въ Поситьѣ, на мѣстѣ знаменитой битвы при Сити съ татарами, „ни въ одномъ преданіи о многочисленныхъ мѣстныхъ курганахъ не говорится ни слова о татарахъ, а всѣ могилы приписываются литовцамъ или иначе „панкамъ“, которыхъ также считаютъ причиною разоренія многихъ селъ и деревень“ [5]).

Данныя языка сицкарей не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что среди нихъ преобладали западные выходцы, бѣлоруссы (срв. дзеканье, удвоеніе согласныхъ въ случаяхъ: свиння); цоканье и чоканье также можно объяснять западнымъ происхожденіемъ. — Острова дзекающихъ (а иногда также и шепелявыхъ) говоровъ мы встрѣчаемъ (§ 182) также и въ другихъ великорусскихъ губерніяхъ—Нижегородской, Владимірской, Казанской, Московской, Новгородской и др. Всѣ они проще всего объясняются предположеніемъ, что тутъ

[1]) Этнографическій Сборникъ, I, с. 129.
[2]) Готье, Замосковный край, 298 и 226.
[3]) Рожковъ, Сельское хоз. Моск. Р. 317.
[4]) Мусинъ-Пушкинъ, Очерки Моложскаго у. 21.
[5]) Тр. Яросл. Губ. Статистич. Комитета, V, 87.

были поселены бѣлорусскіе и частью польскіе выходцы и плѣнные XVI—XVII вѣковъ. Историки приблизительно опредѣляютъ „количество людей, выведенныхъ изъ Литвы въ Москву во время войнъ царя Алексѣя“—болѣе 10 тыс. для одного только Замосковнаго края [1]). Прямыхъ историческихъ указаній о поселеніи бѣлоруссовъ (или поляковъ) на р. Сити мы не имѣемъ, но оно очень вѣроятно. Съ діалектологической точки зрѣнія никакихъ препятствій къ такому предположенію мы не видимъ. Бѣлоруссы застали на Сити старое населеніе, конечно окающее, и со всѣхъ сторонъ были окружены окальщиками, почему легко могли утратить аканье.

Нѣсколько труднѣе объяснить появленіе у сицкарей м. к, что́ въ дзекающихъ говорахъ такъ не обычно. Естественнѣе всего предполагать, что сицкари позаимствовали м. к отъ своихъ новыхъ сосѣдей—„хамовниковъ“ (ткачей), переселенныхъ сюда изъ Москвы въ XVI или XVII-мъ в. [2]). Говоръ москвичей, конечно, долженъ былъ казаться попавшимъ въ среду великоруссовъ бѣлоруссамъ заслуживающимъ всякаго подражанія.—Могли быть и другія пути занесенія на Сить м. к, напр. сосѣдство Некоуза, коноводское движеніе по р. Мологѣ.

Кромѣ Ситчины, въ предѣлахъ Ярославской губ. имѣются еще и другіе, только уже небольшіе, островки западнорусскихъ говоровъ; а именно: на юго-востокѣ Пошехонскаго у., въ Николо-Раменской вол., отмѣчены бѣлорусскія формы: свиння, суддя, бѣлле, рыю, мыю, слѣпый, а на границѣ съ Новгородскою губ. въ томъ же уѣздѣ—дзеканье (§ 167).

О сравнительной новизнѣ м. к у сицкарей можетъ говорить доведеніе здѣсь этой черты до абсурда: валкёй, колгушкя, что́ чаще бываетъ при недавнемъ заимствованіи этой черты.

Чтобы покончить съ Моложскимъ у., сто́итъ еще отмѣтить, что здѣсь, „въ сѣв.-западной части у., въ Сутковской вол. и въ Станиловской (въ такъ назыв. Бѣльщинѣ), есть *корелы*, выселенные съ сѣвера сравнительно недавно и болѣе или менѣе обрусѣвшіе“ [1]). Дмитріевъ-Байцуровъ

[1]) Готье, Замосковн. край, 297.

[2]) Мусинъ-Пушкинъ, Очерки Моложск. у. 21.

[3]) Мусинъ-Пушкинъ, тамъ же, с. 11.

насчитывалъ въ 1863-мъ году этихъ корелъ до 100 семей и называлъ ихъ вышедшими изъ Тверской и Новгородской губ.; тогда они еще сохраняли „свой языкъ, одежду и привычки“ [1]). — Наличность этихъ кореловъ свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь частичной колонизаціи съ сѣверо-запада, съ чѣмъ мы сталкиваемся и въ другихъ уѣздахъ Ярославской губ. (§ 171).

Есть здѣсь также недавніе переселенцы изъ Малороссіи и изъ Орловской губ. Помѣщикъ Костомаровъ переселилъ въ самомъ началѣ XIX в. крестьянъ изъ малороссійскихъ своихъ имѣній: они живутъ въ Леонтьевской вол. (такъ наз. Костомаровщина); помѣщикъ Соковнинъ переселилъ крестьянъ изъ Орловской губ. [2]).

§ 171. Центромъ, откуда разлилось по Ярославской губ. м. к, естественнѣе всего считать Ростовскій уѣздъ. Изъ его предѣловъ происходили въ послѣднія столѣтія выселенія, направлявшіяся въ прочіе уѣзды Ярославской губ., а черезъ нихъ и въ Вологодскую губ., гдѣ мы встрѣтились въ свое время съ сильною Ростовско-Суздальскою колонизаціею.—Кромѣ уѣздовъ Ростовскаго и Ярославскаго, всѣ прочіе уѣзды этой губ., б. ч. лѣсные, были населены слабо. Послѣ событій смутнаго времени количество населенія на сѣв.-западѣ еще уменьшилось. Тогда, повидимому, съ юга и хлынулъ довольно сильный притокъ населенія на сѣверъ. Главная струя его, сколько можно догадываться, направлялась по восточнымъ уѣздамъ Ярославской губ., по пути въ при-Сухонскій край.

Когда м. к было переброшено на Волгу, тогда оно быстро распространилось здѣсь по обоимъ берегамъ рѣки при посредствѣ промышленнаго, гл. обр. коноводскаго движенія. Коноводы же распространили его по рр. Шекснѣ и Мологѣ. Доказательство этому можно видѣть, между прочимъ, въ томъ, что по теченію всѣхъ этихъ рѣкъ м. к вышло за предѣлы губерніи—на западѣ въ мѣстности, гдѣ м. к вообще нѣтъ (Тверская губ.).—Коноводы, кромѣ того, легко могли еще заимствовать м. к отъ Волжскихъ бурлаковъ, среди коихъ всегда было немало южновеликоруссовъ акальщиковъ (срв. § 187).

[1]) Яросл. Г. В. 1863. с. 274.

[2]) Мусинъ-Пушкинъ, тамъ же, с. 11.

Еще факторами распространенія м. к въ Ярославской губ. были отхожіе промыслы на Волгу и въ Москву, что́ особенно замѣтно въ Пошехоньѣ; переселенцы изъ дальнихъ мѣстъ (напр. москвичи-хамовники на р. Сити); старовѣры и т. п.

Только на крайнемъ сѣверо-западѣ губерніи колонизація съ юга встрѣтилась съ новымъ колонизаціоннымъ потокомъ—съ сѣверо-запада. Этотъ новый потокъ начался тоже въ XVII-мъ вѣкѣ, послѣ смуты, выразившись гл. обр. въ массовыхъ переселеніяхъ кореловъ изъ-за Свейскаго рубежа. Но тогда это движеніе мало коснулось предѣловъ нынѣшней Ярославской губ.: корелы селились гл. обр. въ Тверской и частью въ Новгородской губерніяхъ [1]). Въ позднѣйшее время, гл. обр. въ XIX-мъ столѣтіи, началось движеніе уже изъ этихъ двухъ губерній въ Ярославскую. Всѣ эти переселенцы извѣстны здѣсь подъ именемъ „кореловъ", хотя между ними много и русскихъ, а переселенцы изъ настоящихъ кореловъ совершенно обрусѣли.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рыбинскаго и Борисоглѣбскаго уѣздовъ можно услышать „образцы Тверского говора; это объясняется тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ поселились въ недавнее время крестьяне Тверской губ., извѣстные среди мѣстнаго населенія подъ именемъ „кореляковъ" [2]). „Выѣхавшіе въ деревни Ярославской губ. изъ Тверской и Новгородской губ. носятъ здѣсь общее названіе „кореляковъ"; въ послѣднее время ими очень много накуплено земель въ уѣздахъ Рыбинскомъ, Романовскомъ и Даниловскомъ" [3]).

Съ этой новѣйшей сѣв.-западной колонизаціей мы сталкиваемся на крайнемъ западѣ Моложскаго у., гдѣ м. к нѣтъ. Но она, кромѣ того, отчасти объясняетъ и отсутствіе м. к въ говорѣ многихъ другихъ островковъ Ярославской губ. Въ ней же разгадка отсутствія м. к въ б. ч. говоровъ Тверской губ. (и даже вообще сѣверо-запада Европейской Россіи).

---

[1]) Готье (Замосковн. край, 304) говоритъ о многочисленныхъ корельскихъ поселеніяхъ въ Ярославскомъ у., но въ послѣдній входилъ у. Весьегонскій.

[2]) Жив. Старина, 1893, с. 507—513, А. Баловъ.

[3]) Письмо ко мнѣ отъ И. В. Костоловскаго изъ с. Кормы Рыбинск. у. въ 1912 г.; срв. Яросл. Г. В. 1889, № 3, с. 2, статья Н. Оп-на, и 1889, № 11.

Что же касается труднаго вопроса о *древнѣйшей* колонизаціи Ростовскаго края, то для нашей ближайшей задачи онъ представляетъ весьма мало интереса. Колонизація эта происходила, конечно, ранѣе появленія м. к, да и вопросъ о ней можетъ быть разрѣшенъ только очень предположительно, а строить на шаткихъ предположеніяхъ новыя предположенія очень опасно. Напомнимъ, что почти у каждаго автора имѣется свой собственный отвѣтъ на этотъ темный вопросъ. Костомаровъ выводилъ древнихъ ростовцевъ изъ Новгорода, что́ часто повторяется и теперь; Кавелинъ—изъ Бѣлоруссіи (Вѣстн. Евр. 1866, іюнь), Ешевскій—„изъ южныхъ княжествъ". Новѣйшая теорія акад. Соболевскаго, въ сущности, объединяетъ всѣ эти три гипотезы („Откуда шла колонизація въ Рост.-Суздальскую обл.").

Больше значенія имѣютъ для нашей темы эти скудныя данныя о болѣе поздней связи Ростовскаго края съ Москвою и Владиміромъ.—„Положительно извѣстно, что разныя деревни въ Ярославской губ. принадлежали, а иныя, конечно, обязаны и началомъ—Московскимъ монастырямъ: Троице-Сергіеву, Саввину-Сторожевскому, Чудову и др." [1]).—Въ Новоселко-Пеньковской вол. Ростовскаго у. расположена Нагая Слободка (въ 35 в. отъ у. гор.), которая образовалась въ концѣ XVI в., какъ выселокъ изъ древней родовой вотчины Нагихъ, находящейся въ Александровскомъ у. [2]); т. е., здѣсь мы сталкиваемся съ юго-западнымъ ходомъ колонизаціи.

Въ сѣв.-западномъ углу Ростовскаго у. лежитъ с. Закедье, на лѣвомъ берегу р. Кеды (притока Мокзы); р. Кеда течетъ съ запада на востокъ, т. е. колонисты шли „за Кеду" съ юга на сѣверъ.

Если не предполагать, что въ предѣлахъ Ростовскаго у. м. к возникло самостоятельно, независимо отъ южно-великорусскихъ говоровъ (а необходимости въ такомъ предположеніи мы не видимъ), — то нужно будетъ думать, что въ Ростовскій у. м. к занесено изъ Москвы, а частью также и изъ Владимірской губ.: Суздальская колонизація двигалась на сѣверъ черезъ Ярославскую губернію.

[1]) Списки насел. мѣстъ. Яросл. губ., с. XXXV.

[2]) Орловъ, Описаніе церквей и приходовъ Александровскаго у.

XVI. Владимірская губернія.

172: Александровскій и Покровскій уу.—173: Переяславскій у.—174: Юрьевскій у.—175: Владимірскій и Суздальскій уу.—176: Вязниковскій у.—177: Ковровскій у.—178: Гороховецкій у.—179: Муромскій у.—180: Судогодскій у.—181: Меленковскій у.—182: Заключеніе о м. к во Владимірскихъ говорахъ. Дзекающіе великорусскіе говоры; Лукояновскіе „паны".—183: Пути проникновенія въ Владим. губ. м. к; южное вліяніе въ бытѣ Владим. губ.; давнія связи съ Москвою.—184: Взаимное отношеніе Владимірскаго и Новгородскаго говоровъ.

§ 172. Разсматривая Вологодскіе говоры, мы принуждены были признать источникомъ м. к въ Вологдѣ—Ростовско-Суздальскую область. О Ростовѣ у насъ уже была рѣчь. Теперь нужно сказать о Суздальской области, т. е. о нынѣшней Владимірской губ.

Во Владимірской губ. м. к извѣстно почти всюду, исключая лишь восточныхъ окраинъ: восточная граница идетъ по Гороховецкому у. и по Муромскому (б. ч. по р. Окѣ и около ея). Но вездѣ м. к встрѣчается лишь спорадически, рядомъ съ говорами безъ этой черты. Особенно много такихъ острововъ безъ м. к на югѣ губерніи, гдѣ, повидимому, немало позднихъ переселенцевъ, осѣвшихъ уже послѣ волны м. к.—И только на юго-западѣ, близъ границъ съ Московской губ., эта черта распространена въ видѣ болѣе или менѣе сплошныхъ полосъ.

Переходимъ къ отдѣльнымъ уѣздамъ, начавъ съ запада:

Въ Александровскомъ у. замѣчается вымираніе м. к: Въ с. Іудинѣ (въ 15 в. отъ Троицкой Лавры, на большой Углицкой дорогѣ), въ періодъ времени отъ 1863 г. по 1877 г., „почти исчезло постоянное сочетаніе *к* съ *я* вм. *а* въ концѣ словъ (Ванькя, дай-кя)", а еще раньше исчезло цоканье, смѣнившись первоначально чоканьемъ [1]).

Въ с. Никольскомъ Константиновской вол. (въ 60 в. отъ у. г., также на зап. уѣзда) м. к перешло въ *т*: Ваньтя, -тю, скольтё, эскольтё, и въ чистомъ видѣ никогда не встрѣчается [2]). Другія черты мѣстнаго говора: сёло, вёсна и т. п., цоканья и чоканья нѣтъ, однако: челизнà вм. цѣлизна.

---

[1]) Р. Ф. В., т. I, с. 188, проф. Смирновъ.

[2]) Кр. прогр. № 230, В. М. Архангельскій (срв. Тр. М. Д. Ком. I, с. 20).

Отсутствіе м. к отмѣчено въ дер. Лобково Успенскаго прихода Тилиберовской вол. (на верховьяхъ р. Дубны, въ сѣв. части у.): толькъ и толька, нѣскълькъ [1]). Говоръ очень сильно нивелированный; можно предполагать, что м. к здѣсь было, но вымерло.

Въ Покровскомъ у.: Воронцовская волость (дер. Арханино: № 4450, Архангелово и др.) знаетъ м. к: горькё, диготкю, сверьхю, кверхю [2]); изрѣдка цоканье и чоканье; бёру, слёза и т. п., а послѣ ударенія: ò*зи*ро, са́бляй.

На сѣверѣ же у. Коробовщинская волость, гдѣ также м. к; цово вм. чего [3]).—На сѣв.-зап., около гор. Киржача (дер. Палимово и др.) м. к обычно [4]).—Отмѣчено оно и въ дер. Мячково (447ѣ, почти въ центрѣ у.): толькя [5]).

Для юго-востока Покровскаго у. данныхъ нѣтъ; но надо предполагать, что м. к извѣстно во всемъ у., исключая развѣ только крайняго юга, гдѣ сплошные лѣса и болота.

§ 173. По Далю, говоръ Переяславскаго у. характеризуется присутствіемъ м. к: Ванькя, Ваньтя [6]). Сообщеніе это взято, вѣроятно, изъ рукописей старшаго учителя Владимірской гимназіи Н. Бодрова [7]), который въ своей статьѣ 1848 г. „Нарѣчіе и областной словарь Переяславскаго уѣзда“ приводитъ случаи: „Ваньтя или Ванькя, Весьтёво или Веськёво“, а во второй рукописи, озаглавленной „Владимірское или Суздальское нарѣчіе“ (1853 г.), повторяетъ: „Окончаніе *ка* въ собственныхъ уничижительныхъ именахъ нерѣдко передѣлывается на кя, напр. Ванькя, Васькя. Также вм. Веськóво говорятъ Веськёво и Весьтёво“. Особенность эта, по Бодрову, свойственна только деревенскому говору, а въ городахъ отсутствуетъ. — Случай Веськёно свидѣтельствуетъ о томъ, что Бодровъ имѣлъ въ виду прежде всего говоръ окрестностей гор. Переяславля, гдѣ именно расположено с. Веськово (въ 2 в. отъ гор.).

---

[1]) Тр. Моск. Діал. Ком. II, 135—6. Н. Н. Дурново.

[2]) Прогр. № 10 и 244, С. П. Мухановъ.

[3]) Тр. Моск. Діал. Ком. I, 68 (=Р. Ф. В. 1907, № 3, с. 195).

[4]) Устное сообщеніе В. И. Чернышева.

[5]) Прогр. № 265, И. В. Орловъ изъ Моск. губ., со словъ плотника, работавшаго въ Москвѣ.

[6]) В. И. Даль, Толковый словарь, I, с. XXXVIII, изд. 1.

[7]) Библ. Ак. Н., № 16 и 17.

О говорѣ этого села Веськово, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими подгородными селеніями: с. Ямъ (2 в. отъ у. г.), дер. Грачково (1 в.), Луговая (1 в.), Щелканка (7 в.), с. Глѣбовское (12 в.), Никитская и Борисоглѣбская Слободки (1—2 в.), мы имѣемъ также новѣйшія, правда очень скудныя, свѣдѣнія, доставленныя С. В. Фарфоровскимъ [1]). По нему, „крайне рѣдко конечные ка, ку переходятъ въ кя, кю: цчайкю„. Одновременно тутъ имѣются въ виду еще и отдаленныя отъ города селенія: с. Доротники (3860, въ 54 в.), с. Воскресенское (3874, въ 56 в.), дер. Сараево (3868, влад., въ 52 в.), дер. Кишкино (3872, влад., въ 57 в.). — Эти послѣднія селенія расположены въ крайнемъ сѣв.-западномъ углу у., на границахъ съ Ростовскимъ у. и съ Московскою губерніею.—На крайнемъ западѣ же у. лежитъ с. Заболотье (3972, влад., въ 55 в.), близъ границы съ Александровскимъ у., гдѣ также м. к: свѣтленькя, -кю [2]); здѣсь отмѣченъ переходъ палатальнаго *к* въ *т*: тисточка, тислый, тишти вм. кишки, но онъ на интересующіе насъ случаи, повидимому, не простирается.

Еще м. к отмѣчено на крайнемъ востокѣ Переяславскаго у., въ с. Славитинѣ (3719, каз.) Елизаровской вол., что́ близъ границы съ Юрьевскимъ у.: Черкясово (имя села, лежащаго уже въ Юрьевскомъ у.), вверхю, на верхю, на верхь, верхёмъ [3]).— Но въ нѣкоторыхъ другихъ селеніяхъ восточной половины у. м. к не отмѣчено. Такъ, въ с. Петрищевѣ (3738, влад., при рч. Шахѣ), Смоленской вол., отстоящемъ отъ Елизарова всего на 4 в., м. к уже нѣтъ [4]).— Въ с. Романовѣ (3747, влад., при рч. Рокшѣ, въ 25 в.), Погостовской вол., на крайнемъ сѣв.-востокѣ у., близъ границъ Ростовскаго у., м. к также нѣтъ [5]). — Нѣтъ, видимо, этой черты и въ с. Петровскомъ (3802, влад., въ 15 в. отъ у. г.), что́ на юго-востокѣ у., близъ оз. Берендѣева и Александровскаго у. [6]).—Наконецъ, въ с. Бремболѣ (3757: Большая

[1]) Кр. прогр. № 5; срв. Тр. М. Діал. Ком. I, 20.

[2]) Кр. прогр. № 3, учит. Н. Лебедевъ (срв. Р. Ф. В., т. 54, с. 267).

[3]) Кр. прогр. № 232, свящ. В. Я. Покровскій.

[4]) Тамъ же.

[5]) Кр. прогр. № 232, свящ. П. Успенскій.

[6]) А. И. Соболевскій, Опытъ р. діалектологіи, 104, сообщеніе А. В. Маркова.

Бр., каз. и влад., и 3700: Малая Бр., влад.) въ пѣснѣ, записанной въ 1852 г. со словъ крестьянина „не измѣняя ни одной буквы", встрѣтилось: разсизинькой, жалобнехонко [1]), т. е. м. к нѣтъ.

Т. обр., есть нѣкоторыя основанія полагать, что въ помѣщичьихъ селеніяхъ Переяславскаго у. м. к встрѣчается рѣже, чѣмъ въ казенныхъ; особенно это ясно въ селахъ Петрищевѣ (влад., безъ м. к) и Славитинѣ (каз., съ м. к), отстоящихъ одно отъ другого всего на 4 версты. О различіи въ говорѣ владѣльческихъ и казенныхъ крестьянъ Переяславскаго у. мы имѣемъ свѣдѣнія старыя, отъ 1848 г.: „Рѣчь сельская какъ-то двоится въ устахъ крестьянъ (помѣщичьихъ и вольныхъ); помѣщичьи вообще образованнѣе вольныхъ и *говорятъ чище* и живутъ опрятнѣе; указанное различіе очень часто встрѣтишь въ самыхъ близкихъ, сосѣднихъ между собою деревняхъ". Такъ писалъ въ 1848 г. Н. Бодровъ [2]), очень тонкій наблюдатель мѣстнаго говора, подтвердившій этотъ свой выводъ цѣлымъ рядомъ лексическихъ „разнослововъ". — Вообще же, уже во время Бодрова говоръ Переяславскаго у. сильно нивеллировался: „отъ города рѣчь болѣе или менѣе соблюдаетъ чистоту по Архангельскому тракту и столбовымъ дорогамъ"; м. пр., „выводились мало-по-малу" „цваканье или цчваканье" (произношеніе цово и цчово вм. чего): молодежь говорила уже чисто тамъ, гдѣ старики еще продолжали цокать. Исчезновеніе м. к легко могло быть однимъ изъ проявленій этой общей нивелировки говора (срв. въ этомъ отношеніи сообщеніе проф. Смирнова о говорѣ с. Іудина Александровскаго у.: § 172). Помѣщичьи крестьяне, какъ болѣе образованные, и могли утратить эту черту скорѣе своихъ казенныхъ сосѣдей.

Мы склонны думать, что прежде м. к было общею чертою Переяславскихъ говоровъ, за исключеніемъ развѣ только немногихъ островковъ въ родѣ переселенныхъ Петромъ В. на Переяславское озеро, обрусѣвшихъ лишь послѣ, кореловъ-рыбаковъ [3]).

---

[1]) К. Тихонравовъ, Владимірскій сборникъ. М. 1857, с. 42; срв. 36—38, гдѣ записи изъ Большой Бремб., безъ м. к, но не фонетическія.

[2]) Библ. Ак. Н., № 17.

[3]) Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. м-рь, I, 58.

Съ 1302 г. Переяславль-Залѣсскій уѣздъ (эпитетъ этотъ данъ еще съ точки зрѣнія Кіевской Руси, отъ коей онъ отдѣленъ былъ при-Окскими лѣсами) перешелъ во владѣніе Москвы, по завѣщанію. Границы стараго Переяславскаго у. обнаружили большую устойчивость и во многомъ сохранились до-нынѣ. „Переяславско-Московская граница совпадаетъ на всемъ своемъ протяженіи съ нынѣшней границей Владимірской и Московской губ. На востокѣ граница древняго Переяславскаго у. въ нѣкоторой части совпадаетъ съ нынѣшней границей Переяславскаго и Юрьевскаго уѣздовъ"; на сѣверѣ Переяславскій у. граничилъ съ Ростовскою областью, и только на югѣ доходилъ до р. Клязьмы, включая въ себя почти весь нынѣшній Александровскій уѣздъ [1]). — Для насъ важно знать, что тѣсная связь этого уѣзда съ Москвою началась съ XIV в.: она легко могла повести и къ діалектологическому вліянію.

§ 174. Въ Юрьевскомъ у. м. к отмѣчено на юго-западѣ, въ Есиплевской вол., въ Губани́хѣ на Пекшѣ: ма̀ненька, ма́нинькява, толькя, на верьхю [2]), рядомъ съ по́дь-ка (с. 5), по́й-ка (с. 4); нарѣчіе здѣсь измѣнилось вслѣдствіе близости фабрики въ с. Васильевскомъ.— На западѣ у. лежитъ с. Черкасово, имя котораго въ сосѣднемъ Переяславскомъ у. (с. Славитино) звучитъ съ м. к: Черкясово (§ 173), откуда можно полагать, что и здѣсь м. к тоже извѣстно.

На сѣверѣ у. лежитъ Оньковская волость, гдѣ въ дер. Санчарово (6365): толькя, горькяя и горьтяя, тяжелѐньтя, на верьхю, но: таперечка, бичёвачку [3]).

Въ прочихъ мѣстностяхъ Юрьевскаго у., о говорахъ коихъ у насъ есть свѣдѣнія, м. к не отмѣчено. Нѣтъ м. к въ с. Шельбово (6413, влад.) и въ с. Бережокъ (6329, каз.) съ сосѣдними деревнями: Наталиха, Ярдениха, Бурачиха и Холодиха. Оба села лежатъ на востокѣ уѣзда; въ томъ и другомъ говоръ дзекающій и цекающій (дзѣци вм. дѣти, цяця вм. тятя), цокающій и чокающій [4]). — Не исключена

---

[1]) Готье, Замосковный край, 581.

[2]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 71, с. 9, В. Чернышевъ.

[3]) Тамъ же, с. 9.

[4]) Данныя о Шельбовѣ въ рукописи Дм. Бережкова 1850-хъ годовъ (АГО. VI, 22), о с. Бережокъ — въ статьѣ И. Ѳ. Розанова (Владим. Г. В. 1854, № 24, с. 183—185).

возможность, что здѣсь поселены были въ XVII в. бѣлоруссы, которые, конечно, не могли скоро усвоить совершенно чуждую ихъ говору черту. Во всякомъ случаѣ, западное происхожденіе этихъ дзекающихъ говоровъ внѣ сомнѣнія, а западнымъ говорамъ м. к вообще не свойственно.

По наблюденіямъ (довольно случайнымъ и не исчерпывающимъ) В. И. Чернышева, нѣтъ м. к въ селеніяхъ по тракту отъ Юрьева до границы Суздальскаго у.: около с. Паршина (6411), въ Ильинскомъ Стромиловѣ (6154), Большомъ Братцевѣ (6151), Золотухѣ (6149) и др. [1]). Здѣсь отсутствіе м. к можно объяснять также и общею нивеллировкою говора. Впрочемъ, и къ востоку отъ этихъ мѣстъ мы встрѣчаемъ немало говоровъ безъ м. к: возможно, что волна м. к была здѣсь слаба.

Рукопись С. Микуцкаго [2]), описывающая говоръ Юрьевскаго у., отмѣчаетъ дзеканье, цеканье (у цебѣ), цоканье и чоканье, мѣну ж и з, ш и с: цузово не ворусай, розесцво, должно быть, разпрозыдовой сынъ, мозно, слусать, спѣсысъ, неузто, зыть, и т. п., м. к не знаетъ. Если тутъ нѣтъ утрировки, то придется думать также о западномъ происхожденіи этого говора.

Историки видятъ въ Юрьевскомъ у-ѣ, вмѣстѣ съ частями сосѣднихъ уѣздовъ: Владимірскаго и Суздальскаго, „древнѣйшее мѣсто русской колонизаціи“ [3]). Это обстоятельство весьма плохо согласуется съ возможностью существованія здѣсь позднихъ (хотя бы и XVII в.) поселеній. Западные элементы (дзеканье) въ мѣстномъ говорѣ обычно объясняютъ участіемъ въ здѣшней древнѣйшей колонизаціи кривичей, хотя и не понятно то, почему кривическіе элементы говора не успѣли до сихъ поръ раствориться въ преобладающей массѣ населенія.—И въ смутное время этотъ уѣздъ пострадалъ менѣе другихъ [4]). Но не нужно забывать, что что сѣверъ Юрьевскаго уѣзда прорѣзанъ громадною болотною полосою, которая, конечно, не могла заселиться одновременно съ благодатною „опольщиною“. Мы имѣемъ свѣ-

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 71, с. 5, 8—9, 12.
[2]) Библ. Ак. Н., № 15.
[3]) Готье, Замосковн. край, 558.
[4]) Тамъ же, с. 228 и 233.

дѣнія, что „приболотное населеніе“ этого у.—и самое темное, „чернѣе даже самыхъ глухихъ захолустьевъ въ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ Судогодскаго, Покровскаго и Меленковскаго уѣздовъ“; здѣсь, въ верховьяхъ рѣкъ: Трубежа, Сѣрой, Шахи, Киржача, Пекши, Колокши и Ирмиза, „сохранился старинный оборотъ рѣчи и выговоръ, съ уваканьемъ“ [1]). Что именно разумѣетъ авторъ подъ „уваканьемъ“, остается не яснымъ, но проще всего думать, что тутъ имѣется въ виду произношеніе въ родѣ *увесь* вм. весь, вообще ув вм. в, т. е. опять таки черта западно- (или южно-?) русская.—Кстати замѣтить, что с. Шельбово, гдѣ отмѣчено дзеканье, лежитъ именно въ этой приболотной полосѣ.

§ 175. Для Владимірскаго у. наши свѣдѣнія очень скудны.—Н. Н. Соколовъ перечисляетъ м. к (чайкю, столькѣ, зерьгяло) въ числѣ характерныхъ чертъ „основного Владимірскаго говора“, который онъ наблюдалъ, между прочимъ, и во Владимірскомъ уѣздѣ [2]).—Къ этому же уѣзду нужно, вѣроятно, отнести и случай „миленькяй“, отмѣченный Слѣпцовымъ [3]).

Судя по замѣчаніямъ Ѳ. Яковлева [4]), въ с. Ундолѣ (№ 258, влад., въ 30 в., на юго-зап. у.) извѣстно цеканье: пиць вм. пить, бацюшко, сказаць, цоканье, но м. к нѣтъ.—У В. И. Чернышева [5]) находимъ, м. пр., случаи изъ мѣстности около Ославскаго (№ 57): Совостòпольской (с. 27), теплинькава, пой-ко (с. 28), и въ дер. Хрѣново: дожджичка (с. 31), т. е. безъ м. к; но говоры здѣсь уже нивеллированные.

Въ Суздальскомъ у. м. к отмѣчено въ дер. Пестиха (№ 5090, влад., въ 6 в.): стóлькя, уголькя, въ нянькяхъ, уголькёфъ; а прежде де, до 1861 г., говорили: Васьтя и

[1]) Современная Лѣтопись (прибавл. къ Моск. Вѣдом.), 1871, № 3 и 4, статья Н. Дубенскаго „Крестьянское и господское хозяйство въ опольщинѣ“.

[2]) Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. XI, кн. 1, с. 251.

[3]) Сочиненія, изд. 3-е, 1903 г., с. 448, статья „Владимірка и Клязьма“, гл. 3; здѣсь описывается, правда, вообще населеніе „приклязьминской полосы“.

[4]) Библ. Ак. Н., № 21.

[5]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 71, с. 27—31.

чокали [1]). Мнѣ извѣстно, что Пестиха слыветъ въ Суздалѣ очень сѣрымъ угломъ.—Въ с. Иваньковѣ (№ 5177)) „какъ будто прорывалось *кя*, но слабо: хорошенькява (говоръ солдата полицейскаго, жившаго на сторонѣ“ [2]). — Оба эти пункта расположены недалеко отъ уѣзднаго города, къ сѣверу.

В. И. Чернышевъ при своихъ, довольно случайныхъ и не исчерпывающихъ наблюденіяхъ въ данной мѣстности, не встрѣтилъ м. к въ гор. Суздалѣ и по дорогѣ отъ него до границы Владимірскаго у., по теченію р. Нерли, въ с. Красномъ (5074, каз., въ 3 в.) и др.: маненькой, нѣсколько, черниньkава; а также въ селеніяхъ по тракту отъ границы Юрьевскаго у. до Суздаля, въ Подольцѣ (5173) Бородинской вол. и др.: теплинькава [3]).

§ 176. Для Вязниковскаго у. учитель А. Колоколовъ изъ погоста Николпенскаго (1514, въ 82 в. отъ у. г. и 40 в. отъ Шуи) Варѣевской вол., на крайнемъ сѣверѣ уѣзда, говоря о „нашей мѣстности и сосѣднихъ селахъ и деревняхъ“, отмѣчаетъ м. к: Ванькя, -кю; другія черты: сёло, вёсна, тёпло [4]). — Н. Н. Соколовъ „продолжалъ слышать кое-гдѣ въ Вязниковскомъ уѣздѣ“ тотъ „основной Владимірскій говоръ“, который характеризуется, между прочимъ, и м. к [5]).

Но въ части Вязниковскаго у., м. пр. въ гор. Вязникахъ, с. Ставровѣ (1325, влад., въ 13 в. отъ у. г.) и слоб. Мстерѣ, слышится, по Н. Соколову, говоръ „Гороховецкій попреимуществу“ (с. 253), который характеризуется отсутствіемъ м. к (с. 254). Другимъ наблюдателемъ отмѣченъ въ слоб. Мстерѣ случай близёшенька [6]).—О говорѣ с. Южа (Никольское тожъ, 1465, влад.) съ сосѣдними деревнями не мало данныхъ въ статьяхъ Н. Добрынкина [7]); случаевъ м. к

---

[1]) Тамъ же, с. 24.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, с. 23 и 16.

[4]) Кр. прогр. № 299.

[5]) Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. XI, кн. 1, с. 249—251.

[6]) Голышевъ; цитую по Опыту діалектологіи А. Соболевскаго, с. 37.

[7]) АГО. VI, 53; срв. Тр. Владим. Губ. Стат. Ком. VII, 1868, с. 42 и слѣд.

нѣтъ: маненько и т. п.; случай зе́рькило вм. зеркало врядъ-ли можетъ свидѣтельствовать о м. к.

Въ этнографическомъ отношеніи Вязниковскій уѣздъ дѣлится на нѣсколько различныхъ частей. Западъ уѣзда занятъ офенями, бродячими торговцами; ихъ двѣ трети всѣхъ жителей уѣзда; они живутъ, м. пр., и въ слоб. Мстерѣ, и въ с. Южѣ, судя по коимъ въ говорѣ Вязниковскихъ офеней м. к нѣтъ. Бродячій промыселъ, конечно, сохраненію говора не содѣйствуетъ: офени легко могли потерять послѣ м. к (срв. зе́ркило). — На сѣверѣ уѣзда двѣ большихъ вотчины: Смышляевщина и Салтыковщина; жители также заняты отхожими промыслами, гл. обр. овчиннымъ: „сѣверо-восточный край уѣзда зимою почти пустъ". Здѣсь, въ Варѣевской вол., отмѣчено м. к, которое, конечно, можетъ быть и заноснымъ.

Къ востоку отъ города живутъ такъ назыв. „ераполы" (съ именемъ ихъ срв. Ерапольскую волость и слободу), удѣльные, у которыхъ нѣтъ отхода, а домашніе, гл. обр. лѣсные промыслы. Возможно, что у нихъ отмѣчено Н. Н. Соколовымъ м. к. — Наконецъ, на юго-западѣ и частью югѣ уѣзда расположена т. наз. „Адовщина" (по фамиліи владѣльцевъ, кн. Одоевскихъ) или „Тройщина", жители коей, домосѣды, слывутъ особенно сѣрыми; въ говорѣ ихъ отмѣчена мѣна *ц* и *ч*, дзеканье и цеканье (родзимый, тцихо: Славянство, 1911, № 4—6, с. 11, ст. А. А. Шахматова), а о другихъ признакахъ говора мы ничего не знаемъ [1]).

Въ крайнемъ юго-западномъ углу Вязниковскаго у., тамъ, гдѣ этотъ уѣздъ врѣзывается узкою полосою въ пространство между Гороховецкимъ и Суздальскимъ уѣздами, лежитъ погостъ Замотри или Старозамотринскій (№ 1252). на правомъ берегу р. Мотры, текущей съ сѣвера на югъ. Имя погоста дано было, видимо, съ точки зрѣнія Стародубья или вообще мѣстностей, лежащихъ къ востоку, и могло бы говорить о движеніи здѣсь колонизаціи съ востока на западъ, если только онъ не получилъ своего имени отъ Замотройскаго стана стараго Муромскаго у.: станъ этотъ лежалъ гл. обр. на другой сторонѣ р. Мотры, а на запад-

1) Объ этнографическомъ составѣ населенія Вязниковскаго у. см. статьи свящ. В. Богородскаго въ АГО. VI, 70, 1854 г.; и въ Вѣстн. Географ. Общ., т. 2, 1851, кн. 4, отд. 10, с. 82 и 83.

номъ берегу этой рѣки обнималъ лишь узкую полосу съ погостомъ Замотри; названіе стана легко могло возникнуть въ административныхъ центрахъ, а не въ народныхъ устахъ.

Сѣверная часть уѣзда слыветъ „залѣсской“ [1]), но это названіе, повидимому, новое.

§ 177. Въ Ковровскомъ у. м. к отмѣчено на крайнемъ сѣверѣ, близъ границъ Шуйскаго у., въ с. Михалево (2861) и въ окружающихъ деревняхъ (2831, 2840, 2849 — 2865): подь-кё, помаленькю, толькё, но: хозяйка [2]). Это все бывшіе помѣщичьи крестьяне; занимаются они тканьемъ миткаля и сапожничествомъ. Говоръ ихъ отличенъ отъ сосѣднихъ Ивановцевъ (Шуйскаго у.): нѣтъ протяженія въ концѣ словъ. — Н. Н. Соколовъ „основной Владимірскій говоръ“ съ м. к слышалъ „отчасти (и) въ Ковровскомъ уѣздѣ“ [3]).

Другія сообщенія о говорахъ Ковровскаго у. м. к не знаютъ. Видимо, его нѣтъ въ волостяхъ Вознесенской, Воскресенской-Прозоровскихъ и Быковской, гдѣ вокализмъ говора чистый Владимірскій [4]). Нѣтъ м. к и въ пѣсняхъ, записанныхъ здѣсь въ 1840-хъ гг. Смирновымъ [5]).

Можно думать, что отсутствіе м. к наблюдается въ говорѣ офеней, которыхъ такъ много въ Ковровскомъ у. и которые не знаютъ м. к также и въ сосѣднемъ Вязниковскомъ у. Въ Михалевѣ, гдѣ есть м. к, живутъ, какъ мы видѣли, не офени. Отсутствіе м. к у б. ч. офеней можно объяснять нивелировкою ихъ говора, естественною при бродячей жизни; но можно также думать, что вслѣдствіе той же бродячей жизни волна м. к задѣла Владимірскихъ офеней лишь полосами. Впрочемъ, здѣсь близка уже восточная граница интересующей насъ черты, что́ и вообще говоритъ о ея сравнительной слабости.

---

[1]) Вѣстн. Геогр. Общ. 1851, кн. 4, отд. 10, с. 83.

[2]) АГО. VI, 18, рукопись 1850-хъ годовъ.

[3]) Изв. 2-го Отдѣл., т. XI, кн. 1, с. 249—251.

[4]) А. И. Соболевскій, Опытъ р. діалектологіи, 104, по сообщенію П. Дербенева.

[5]) Пѣсни крестьянъ Владим. и Костром. губ. М. 1847. Срв. А. Соболевскій, тамъ же, с. 36.

„Въ окрестныхъ съ гор. Шуей деревняхъ замѣчается произношеніе кя, кю въ словахъ, какъ Ванькя, чайкю и т. п.“ [1]).—Это единственное свидѣтельство о м. к въ говорахъ Шуйскаго у. Всѣ другія сообщенія о говорахъ этого у. м. к не знаютъ; сообщенія эти, впрочемъ, касаются б. ч. с. Иванова и, рѣже, Вознесенскаго посада [2]), гдѣ м. к безусловно нѣтъ.—Вокализмъ говоровъ Шуйскаго у. Владимірскій: бёру, слёза, даже: сёбѣ (Библ. А. Н., № 21), но извѣстны и формы типа избá топить, мукà сѣять, чтó чаще сохраняется въ Новгородскихъ говорахъ.

§ 178. Н. Н. Соколовъ „говоромъ Гороховецкимъ попреимуществу“ называетъ тотъ говоръ, который характеризуется отсутствіемъ м. к, въ отличіе отъ „основного Владимірскаго говора“ съ м. к [3]). Онъ предполагаетъ, что этотъ Гороховецкій говоръ распространялся по бассейну р. Оки. Слышится этотъ говоръ, м. пр., въ с. Винокуръ. Я села съ этимъ именемъ нигдѣ разыскать не могъ.

Повидимому, данныя Н. Соколова относятся гл. обр. къ южной, „нагорной“ части Гороховецкаго у. Во всякомъ случаѣ, въ сѣверной, „залѣсной“ половинѣ этого у. м. к встрѣчается, хотя, быть можетъ, и не какъ общее правило, а какъ исключеніе. М. к отмѣчено въ с. Слобода, Хрычево тожъ (1947, влад., 45 в. отъ у. г. и 15 отъ Пестяковъ): Васкя [4]). Село это расположено почти у самой сѣверной границы того дремучаго лѣса, который дѣлитъ Гороховецкій у. на двѣ части: залѣсную (сѣверную) и нагорную (южную). Лѣсъ этотъ служитъ, повидимому, и діалектологической границей: по кр. м., сообщающая о м. к въ говорѣ Слободы А. И. Добродѣева изъ Микляева противополагаетъ въ этомъ отношеніи говоръ Слободы Микляевскому говору, а Микляево лежитъ уже въ южной, нагорной, половинѣ Гороховецкаго у.

Въ Нижне-Ландеховской волости, лежащей на юго-за-

---

[1]) Прогр. № 19, Ѳ. Прощинъ (Матер. II, 22).

[2]) Библ. Ак. Н., № 21; Владим. Г. В. 1869, № 7, статья Я. Гарелина, срв. книгу его же „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, I, 32; АГО. VI, 20, В. Борисовъ (о всемъ уѣздѣ); Влад. Г. В. 1854, № 49, с. 385, кое-что о говорѣ с. Тейкова.

[3]) Изв. 2-го Отдѣл. XI, 253—4.

[4]) Кр. прогр. № 6, А. И. Добродѣева изъ дер. Микляева.

падѣ „залѣсной стороны“, м. к отмѣчено лишь „въ нѣкоторыхъ деревняхъ“, въ частности—въ дер. Яряты (№ 1880, влад.); здѣсь учителю Е. Кабанову (изъ дер. Макарово) „приходилось часто слышать: Ванькя, помаленькю и т. п.“ [1]).

Судя по статьямъ К. А. Веселовскаго [2]), можно думать, что въ Мордвиновской вол. и вообще въ „Якушахъ“ (старая Якушовская волость, близъ границы Балахнинскаго у. и с. Пурехъ, гдѣ сёла: Якушево, Никулино и Егорье) м. к нѣтъ.—Нѣтъ, повидимому, м. к и въ с. Пестяки, скудныя данныя о говорѣ коего въ статьѣ Н. Рыбкина [3]); здѣсь сообщается, что жители с. Пестяковъ отличны по говору и быту отъ своихъ сосѣдей и носятъ въ народѣ особую кличку „ляхи“; а также говорится о „преданіи“, будто въ Пестякахъ поселены плѣнные поляки; подтвержденіе этого преданія Рыбкинъ видитъ въ говорѣ с. Пестяковъ: „ляхъ (т. е. пестяковецъ) говоритъ больше растяжно и плодовито (т. е. пространно, многословно), и всегда съ необычайнымъ удареніемъ на буквы *ж* и *ч*; если нужно, напр., сказать „уже“, то пестяковецъ говоритъ: „у-жь-жь-жё“ (с. 96).

Насколько вѣрно приводимое Рыбкинымъ „преданіе“ о заселеніи с. Пестяковъ плѣнными поляками, остается не выясненнымъ по недостатку діалектологическихъ данныхъ о говорѣ этого села; но вообще въ Гороховецкомъ у. говоры западнаго типа извѣстны. Въ рукописи 1850-хъ годовъ, подписанной именемъ „исправника Стеченко“ и заключающей въ себѣ „образцы нарѣчія Гороховецкаго у.“, находимъ дзеканье: надзену вм. надѣну, цеканье: эци вм. эти, на эцихъ, виць вм. вить, цоканье и чоканье, вокализмъ Владимірскаго типа: въ лёсу, цово вм. чего; м. к. конечно, нѣтъ [4]).

Что касается южной, „нагорной“, половины Гороховецкаго у., то всѣ діалектологическія данныя изъ нея согласно говорятъ объ отсутствіи м. к.—Село Старково (1690, каз., въ 15 в.) расположено сѣвернѣе гор. Гороховца, близъ са-

[1]) Кр. прогр. № 10, Евф. Кабановъ.

[2]) Тр. Владим. Губ. Статист. Комитета, III, с. 19—34; срв. тамъ же, VIII, с. 28 и слѣд.; Владим. Г. В. 1863, № 4.

[3]) Н. Рыбкинъ, Закляземскій боръ и залѣсная половина Гороховецкаго у. (Тр. Вольн. Экон. Общ. 1868, т. 3, с. 96—97).

[4]) АГО. VI, 16.

мой юго-восточной границы „Ущаго бора"; учит. А. Воскресенскій (кр. прогр. № 3), описывая говоръ этого села, отмѣчаетъ лишь оканье, сёло, тёпло и т. п., замѣчая, что „другихъ особенностей нѣтъ".—Дер. Микляева (1802, влад., на юго-зап. у., близъ границъ Вязниковскаго у.): цоканье и чоканье, сёло и т. п., м. к нѣтъ (кр. прогр. № 6, А. П. Добродѣева).—Волость Боровицкая (1824, влад., но въ сосѣдствѣ есть и удѣльные), что на крайнемъ югѣ уѣзда, близъ р. Оки, составляющей границу съ Муромскимъ уѣздомъ: чоканье, добр*а*го (т. е. кагоканье?), сёло только у сельскихъ жителей (кр. прогр. № 2, А. Авророва); т. е. здѣсь, повидимому, говоръ уже Муромско-Меленковскій.

Какъ уже было замѣчено выше, Гороховецкій у. дѣлится на двѣ почти равныя половины громадною лѣсною пустыней, которая тянется на 50 верстъ въ ширину, отъ р. Клязьмы на югѣ до Мордвиновской, Невѣровской и Нижне-Ландеховской волостей на сѣверѣ, и которая извѣстна подъ именемъ „Закляземскаго бора", „Флорищевыхъ лѣсовъ" (по имени Флорищевой пустыни, что недалеко отъ р. Луха, въ 25 в. отъ Гороховца, основанной около 1651 г.), а въ старину „Ущаго лѣса". Это та же самая пустыня, которая перерѣзываетъ и сосѣдній Вязниковскій у., доходя на западѣ почти до самаго гор. Шуи.

Уже a priori нужно полагать, что эта громадная безлюдная полоса, рѣзко бросающаяся въ глаза на подробной картѣ въ видѣ бѣлой полосы,—служитъ и этнографической границей. И дѣйствительно, жители „нагорной" (южной) половины представляютъ собою почти полную противоположность крестьянамъ „залѣснымъ" (сѣвернымъ). За подробностями отсылаю къ цитованной уже выше статьѣ Н. Рыбкина въ „Трудахъ В. Экономич. Общ." 1868 г. (т. 3, с. 95).

Разница между „нагорною" и „залѣсною" частями Гороховецкаго у. сказалась еще и въ слѣдующемъ: въ залѣсной половинѣ только 4 маленькихъ деревеньки (№№ 2119—2122) казенныя, всѣ же прочія селенія—владѣльческія; въ нагорной половинѣ наоборотъ: очень много казенныхъ и удѣльныхъ (удѣльные, м. пр., на р. Клязьмѣ: №№ 1679—1685, 1695); здѣсь въ XVII-мъ в. были дворцовыя земли (Готье Замосковн. край, см. карту).

§ 179. Въ Муромскомъ у. м. к встрѣчается только на крайнемъ юго-западѣ. А именно, оно отмѣчено въ гор. Муромѣ: Ванькя, чайкю, сверхю и т. п.[1]). Это сообщеніе получаетъ особенный интересъ въ виду акта 1574 г., гдѣ Муромскій писецъ подписался: Ивашкя (см. § 12, п. 6).— Проф. В. Ѳ. Пѣвницкій отмѣчаетъ м. к въ Васильевскомъ погостѣ (3367, въ 18 в. отъ у. г.): чайкю, дочкя, сверхю; другія черты мѣстнаго говора: оканье, пёсокъ и т. п.; послѣ ударенія: синяй, лебидь; цоканье и, изрѣдка, чоканье[2]).—Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Муромскаго у. м. к нѣтъ.

Въ рукописи Муромскаго смотрителя Яковлева 1848 г.[3]) имѣется богатый діалектологическій матеріалъ изъ разныхъ мѣстностей Муромскаго у.; но м. к нигдѣ не отмѣчено.— Е. П. Добрынкина въ письмѣ ко мнѣ 1906 г. сообщала объ отсутствіи м. к въ говорѣ зарѣчной стороны Муромскаго у. (на правой сторонѣ р. Оки).

Въ частности, м. к нѣтъ (начинаю съ сѣвера у.) въ с. Варежъ (3630, влад., на р. Окѣ), населенномъ такъ наз. „стародубами“ [4]); это село расположено близъ границы съ Нижегородскою губ., въ 7 в. отъ с. Павлова.—Немного южнѣе с. Красное (3580, влад.) Загаринской вол., гдѣ также нѣтъ м. к, какъ нѣтъ и цоканья; вокализмъ Владимірскій: тёпло, сильна [5]).—Еще южнѣе Яковцевская вол., гдѣ, въ с. Жайскомъ (3562, влад., на р. Окѣ), говоръ тотъ же, что и въ с. Красномъ (тамъ же, с. 214).—Село Вача (3525, влад.), населенное опять-таки „стародубами“: здѣсь тоже нѣтъ ни м. к, ни цоканья и чоканья; вокализмъ обычный Владимірскій: сёло, вёсна, но въ консонантизмѣ оригинальная черта— сохраненіе звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова, безъ перехода ихъ въ соотвѣтствующія глухія [6]).

Кстати замѣтить, что эту послѣднюю черту зналъ и Муромскій смотритель 1848 г., который говоритъ о сравнительно широкомъ распространеніи ея въ Муромскомъ у.

---

[1]) Прогр. № 93, В. Ѳ. Пѣвницкій.
[2]) Р. Ф. В., т. 58, 1907, № 3, с. 212.
[3]) Библ. Ак. Н., № 21.
[4]) АГО. VI, 37, К. Нарбекокъ, 1854 г.
[5]) Р. Ф. В., 1907, № 3, с. 213, статья А. И. Соболевскаго.
[6]) Кр. прогр. № 9, П. Ремезовъ.

По нему, въ селахъ: Карачаровѣ, Памфиловѣ и Окуловѣ (близъ города) и во всѣхъ селеніяхъ Муромскаго у. по правую сторону Оки, слова на -гъ (Богъ, лугъ и т. п.) „выговариваются дебело, и буква г употребляется какъ будто усугубленно: Боггъ“; а на лѣвой сторонѣ р. Оки говорятъ: Бохъ, лукъ. Тоже и съ словомъ: аззъ вм. асъ [1]).—Б. м., это спеціальная черта говора „стародубовъ“; но она отмѣчена и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сѣвера, напр. въ Яренскѣ Вологодской губ. [2]).

Село Глѣбово (3481, влад.) Новосельской вол.: м. к также нѣтъ, хотя вм. зеркало и произносится зе́ргило; цоканья нѣтъ, вокализмъ Владимірскій: бе́ру, ки́слай [3]). — Тотъ же говоръ и въ приходѣ погоста Кубова (8478), въ селеніяхъ Монаковской вол.: Нехайка, Турлово, Черновское, Юсупово, и въ Новосельской вол.: Филинское, Кожинка, Шишкино (тамъ же, с. 213). — Въ дер. Корниловкѣ (3461, влад., въ 24 в. отъ у. г.): мамынька, цоканье [4]). — Въ с. Новые Котлицы (3406, влад., въ 15 в. отъ у. г.) м. к также нѣтъ [5]).— Въ с. Чаадаевѣ (3376, каз., въ 12 в.) м. к нѣтъ; цоканье и чоканье, несмотря на отхожіе промыслы [6]).

Говору „стародубовъ“, какъ видимъ, цоканье вообще не свойственно; о томъ говорятъ и старые наблюдатели. Ѳ. Яковлевъ въ 1848 г. писалъ „Въ ... Карачаровѣ, Памфиловѣ, дер. Озоловѣ и вообще на правой сторонѣ Оки буквы ц и ч и д выговариваются вообще правильно„ [7]). — Этотъ же авторъ отмѣтилъ кое-гдѣ въ Муромскомъ у. и дзеканье, а именно: близъ границъ Вязниковскаго у. вицъ вм. вѣдь, ця вм. тебя, дзело и т. п., и недалеко отъ Мурома на лѣвой сторонѣ р. Оки: у ця, лошаць, молиць; тамъ и здѣсь цоканье и чоканье, а около границъ Вязников-

[1]) Библ. Ак. Н., № 21, Яковлевъ.

[2]) Вологодскій Сборникъ, IV, с. 85—92, срв. А. Соболевскій, Опытъ р. діалектологіи, 53; новыя данныя изъ Яренска этой черты не знаютъ: прогр. № 194 (Матер. IX, 86—87).

[3]) Р. Ф. В., 1907, № 3, с. 213.

[4]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. XVII, с. 313: сказка, записанная К. Добрынкиной для проф. Колосова.

[5]) Письмо ко мнѣ свящ. А. Сиротинскаго 1906 г.

[6]) АГО. VI, 65, Я. Обтемперанскій.

[7]) Библ. А. Н., № 21.

скаго у. еще и тш вм. ч.—Тотъ же авторъ приводитъ случай уззѐ вм. ужо́ (въ гор. Муромѣ).—Случай цеканья: анцихристъ изъ неизвѣстной мѣстности Муромскаго у. встрѣтился еще и у другого наблюдателя.

М. к въ гор. Муромѣ и его окрестностяхъ проще всего объяснять наслѣдіемъ отъ жившихъ здѣсь нѣкогда служилыхъ людей, предковъ нынѣшнихъ однодворцевъ: гор. Муромъ стоялъ нѣкогда на сторожевой укрѣпленной линіи, шедшей по р. Окѣ черезъ Коломну и Каширу [1]).

§ 180 Въ предѣлахъ Судогодскаго у. м. к отмѣчено въ двухъ мѣстахъ: на сѣв.-западѣ и на юго-востокѣ. — Высокорѣцкая волость расположена въ 17 вер. отъ у. гор. и въ 26 в. отъ г. Владиміра; здѣсь м. к: яркя, Ванькя; чоканье: черква; ёво [2]).—Селенія Тучковской вол.: Тучково (№ 4920), Копнино, Кузнецы, Матвѣевка (4913), Ершово, Хвощова, Елизаветино, Бѣльково, Знаменка, Павликово, Скалово, на юго-востокѣ у., по р. Колпи; м. к вездѣ; вокализмъ Владимірскій: сёло, вёсна; кое-гдѣ цоканье и чоканье. По близости дер. Вежники (4914, влад.), гдѣ аканье, смѣшеніе *у* и *в*: удова, унукъ; 3 л. на -ть: несеть и т. п. [3]).

Два другихъ собщенія о говорахъ Судогодскаго у. м. к не знаютъ. А. И. Сиротинскій описываетъ говоръ приходскихъ деревень с. Городищи Большегригоровской вол. (въ 75 в. отъ у. г. на востокъ): Аѳанасово, Рамень, Ежево, Мокѣево и др. (№№ 4949—4966); это все удѣльныя селенія, расположенныя по рч. Тетрухѣ. Часть здѣшняго населенія занимается офенствомъ и имѣетъ говоръ правильный, другая половина занимается трепаньемъ льна или нищенствомъ (т. е., судя по промысламъ, принадлежитъ къ Адовщинѣ?). Въ говорѣ этой второй половины вокализмъ Владимірскій: сёло, вёсна; у однихъ — чоканье съ неяснымъ твердымъ ч: чъарь, вчъера, у другихъ—чоканье съ яснымъ ч: черьковь, чарь, и цоканье: цей, цайку [4]).

Е. П. Бережковъ въ 1851 г. описалъ говоръ лѣсныхъ жителей Судогодскаго у., „отдаленныхъ отъ городовъ:

[1]) Бѣляевъ, О сторожев. и стан. службѣ (см. карту).
[2]) АГО. VI, 19, свящ. Соколовъ.
[3]) Кр. прогр. № 231, учит. Ив. Козловъ.
[4]) Кр. прогр, № 1, А. И. Сиротинскій.

отъ Владиміра въ 95 в., отъ Судогды въ 50, отъ Мурома въ 60 и отъ Вязниковъ въ 50 в." (б. м. Ильинская вол. на р. Кестомѣ?). Здѣсь отмѣчено цоканье и чоканье, иногда съ *чш* вм. *ч*: чшасъ; дзеканье: уходзиць, видзѣць, и цеканье: пойци сходиць; *г* смычное [1]).—Въ Ягодинской вол. (на юго-западѣ у.) отмѣчено только цоканье и чоканье [2]).

Судогодскій уѣздъ заселенъ позднѣе другихъ, что объясняется гл. обр. неплодородіемъ здѣшней лѣсной почвы. Еще и теперь здѣсь немало пустынныхъ мѣстъ. Этнографическая пестрота мѣстнаго населенія можетъ служить лишнимъ доказательствомъ поздняго заселенія Судогодскаго у. „И въ жизни сосѣдей видно рѣзкое разнообразіе, несмотря на то, что есть околотки, имѣющіе одно названіе или состоящіе подъ однимъ управленіемъ; но въ одномъ пятисоткѣ найдется до пяти и болѣе различій: въ разговорѣ, въ покроѣ платья, въ цвѣтѣ, въ обыкновеніяхъ; даже самые звуки голоса въ произношеніи словъ даютъ понимать, что этотъ народъ—сведенцы" [3]). По предположенію Е. Бережкова,—которому принадлежитъ приведенная выше цитата, въ Судогодскій у. „селился сбродъ: искавшіе въ непроходимыхъ лѣсахъ защиты отъ меча враговъ и бѣглецы отъ властей, податей и т. п". Въ Славцевѣ (сѣв.-вост. уголъ у., теперь Березниковская вол.)" по преданію, поселился народъ набѣглой" [4]).

Широкое распространеніе въ Судогодскомъ у. южно-великорусской женской одежды—поневы, на сѣверѣ совсѣмъ не извѣстной, свидѣтельствуетъ о южно-великорусскомъ вліяніи. Поневы сохраняются еще и теперь, напр. въ Ягодинской вол. [5]); а въ концѣ XVIII в. онѣ были обычнымъ явленіемъ во всемъ уѣздѣ [6]). Южно-великорусскій типъ жилища, низкія хаты безъ подполья, а иногда даже безъ полу, отмѣчены даже и на сѣверѣ Владимірской

---

[1]) Библ. Ак. Н., № 25, Е. Бережковъ 1851 г.

[2]) Владимірскій Земскій Сборникъ, 1885, № 9—10, прилож., статья А. В. Смирнова, с. 11.

[3]) Библ. А. Н., № 25, Е. П. Бережковъ.

[4]) Ежегодникъ Владим. Губ. Стат. Комитета, т. I, вып. 2, 1877, с. 36, статья И. Успенскаго.

[5]) Владимірскій Земскій Сборн. 1885, № 9—10, прилож., с. 10.

[6]) Топографическое опис. Владим. губ. 1784 г., с. 10.

губ. [1]). Очевидно, сюда нѣкогда нахлынуло населеніе съ юга, изъ-за Оки, спасаясь отъ татаръ. Послѣ многіе изъ этихъ южно-великорусскихъ невольныхъ переселенцевъ возвратились, конечно, назадъ, въ родную степь, но слѣды ихъ остались. И м. к могло проникнуть сюда, м. пр., черезъ тѣхъ же южно-великоруссовъ, хотя были, конечно, и иные его источники.—Сравнительно малое распространеніе м. к въ говорахъ Судогодскаго у. можетъ свидѣтельствовать даже о томъ, что эта черта не исконная и у южно-великоруссовъ. Впрочемъ, въ лѣсахъ Судогодскаго у. не мало, конечно, и сѣверныхъ выходцевъ, а также, вѣроятно, и западныхъ (срв. дзеканье).

§ 181. Въ Меленковскомъ у. м. к отмѣчено въ двухъ мѣстностяхъ. Обѣ онѣ на западѣ у. Въ с. Вешки (5250, каз.) и окружающихъ его деревняхъ (кромѣ дер. Ѳедорова: 3291, каз.) извѣстно только м. *т*: скольтѣ, эскольтѣ, сэстольтѣ [2]); здѣсь Владимірскій вокализмъ: сёло, цоканье и чоканье.—Въ дер. Дмитріевѣ (3311, каз., при рч. Чермусѣ) Заколпской вол.: смирьянькяй, бойкяй, руськяй, но: малинькая, цайку, Ваньку, палигоньку; говоръ акающій и цокающій [3]).

Всѣ прочія сообщенія о говорахъ Меленковскаго у. м. к не знаютъ. Подробнѣе всего описанъ говоръ удѣльныхъ крестьянъ с. Илькина (3339, удѣл., при р. Унжѣ, въ 14 в. отъ у. г.) съ приходскими деревнями: Мильново, Двойново и др. Здѣсь м. к нѣтъ; формы: ру́сскей, зе́мскей объясняются морфологически, вполнѣ соотвѣтствуя мѣстнымъ же формамъ: длиннэй, долгэй, пѣгей и т. п.—Кстати замѣтить, что эти формы прилагательныхъ на -эй, извѣстныя и на сѣверѣ (въ Олонецкой губ., на Двинѣ XV в.). въ Владимірскомъ краѣ принадлежатъ, повидимому, гл. обр. т. наз. „стародубамъ“: у Муромскихъ стародубовъ отмѣчено также „правосла́внэ“ [4]).—Цоканье безъ чоканья; вокализмъ Владимірскій: слёза, сёло [5]).

---

[1]) Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 56, 1855, № 7, с. 198, Н. Дубенскій.

[2]) Кр. прогр. № 7, В. Кедринъ (срв. Тр. М. Д. К. I, 21).

[3]) Кр. прогр. № 4 (срв. Р. Ф. В., т. 54, с. 269).

[4]) АГО. VI, 37, Нарбековъ.

[5]) Прогр. № 247, студ. Ив. Побѣдоносцевъ (срв. Матер. IX, с. 33—38).

Въ с. Шиморскомъ (3222, влад., къ востоку отъ Илькина, уже за р. Окой) говоръ тотъ же самый: м. к нѣтъ, цоканье безъ чоканья, взрывное г, Владимірскій вокализмъ: бёда, слёды. Мѣстный старый авторъ называетъ Шиморскихъ жителей „потомками древнихъ ляховъ“ [1]); но, повидимому, это одна этнографическая группа съ Муромскими стародубами.— Неподалеку отъ Шиморскаго с. Ляхи (3200, влад., при р. Окѣ и Саблѣ), вѣроятно, давшее Полисадову поводъ назвать шиморянъ „потомками ляховъ“. О говорѣ с. Ляхи данныхъ нѣтъ; но въ Ардатовскомъ у. Нижегородской губ. есть дер. Осиповка, крестьяне коей— выселенцы изъ этого села Ляховъ. Въ Осиповкѣ м. к нѣтъ, цоканье безъ чоканья, оканье съ слабыми слѣдами аканья, „пѣвучесть, растяженіе гласныхъ подъ удареніемъ“ [2]), т. е. ничего „ляшскаго“ или западно-русскаго нѣтъ.

Старый Муромскій авторъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя о говорѣ помѣщичьихъ крестьянъ Меленковскаго у., живущихъ близъ границы Елатомскаго: м. к нѣтъ, цоканье безъ чоканья, аканье: гаварять, вялитъ, ня будятъ (= не будетъ), вядуть, бигу́; случаи *и* изъ ѣ: хлибъ, ли́та; одинъ случай цеканья: глядиць вм. глядѣть, но сомнительный [3]). Относятся эти свѣдѣнія, вѣроятно, къ с. Санчуръ (3213, на р. Окѣ), къ с. Окшеву (3163, при Окѣ) или къ дер. Муратову (3215, на Окѣ же). — Проф. Будде отмѣчаетъ сильное аканье и цоканье въ дер. Кочетково (3260, влад.), близъ границъ съ Касимовскимъ у. [4]).

Говору удѣльныхъ крестьянъ Меленковскаго у. посвящена статья Афонина, написанная въ 1850-хъ годахъ. По этому описанію, м. к нѣтъ: Ралька вм. Ларіонъ и т. п., хотя и зергило вм. зеркало; цоканье и чоканье; оканье; Владимірскій вокализмъ: біода вм. бѣда, ніомой, Ліоксанъ вм. Александръ. Случай церіозный вм. трезвый врядъ-ли говоритъ о цеканьѣ. У помѣщичьихъ крестьянъ аканье [5]). Удѣльныхъ крестьянъ въ Меленковскомъ у. 20 селеній [6]);

[1]) АГО. VI, 67. С. Н. Полисадовъ.

[2]) Кр. прогр. № 248, учит. М. Ильинъ.

[3]) Библ. Ак. Н., № 21, Яковлевъ.

[4]) Будде, Къ исторіи великор. говоровъ, 248, примѣч.

[5]) Библ. Ак. Н., № 22, Афонинъ.

[6]) Перечень ихъ см. въ Владим. Г. В. 1857, № 7; срв. Списки насел. мѣстъ №№ 3075—76, 3089—91, 3158—3169, 3334—41.

б. ч. ихъ расположены по р. Унжѣ, гдѣ с. Илькино, о говорѣ коего мы имѣемъ и новое сообщеніе [1]), вполнѣ согласное со старымъ.

Меленковскій у. мало населенъ и теперь, что говоритъ о позднемъ его заселеніи. Въ XVII-мъ вѣкѣ бо́льшая половина нынѣшняго Меленковскаго у. составляла одинъ „Унженскій станъ“ стараго Муромскаго у., станъ очень громадный, одна величина коего свидѣтельствуетъ уже о его малой населенности: въ густо населенныхъ мѣстахъ станы были вообще небольшими. Юго-восточный уголъ у. занимала Унженская дворцовая волость [2]). И станъ, и волость получили свое имя отъ р. Унжи, на которой мы встрѣчаемъ теперь главную массу удѣльныхъ (т. е. прежнихъ дворцовыхъ крестьянъ). Очевидно, удѣльное населеніе здѣсь древнѣе прочихъ. Говоръ удѣльныхъ во всемъ сходенъ съ Муромскими „стародубами“, которые разселились въ этихъ мѣстахъ вообще по р. Окѣ. М. к въ говорѣ стародубовъ совсѣмъ нѣтъ.

Только крайній сѣверо-западъ нынѣшняго Меленковскаго у. входилъ въ XVII-мъ в. не въ Муромскій у., а во Владимірскій: здѣсь былъ „Колпскій станъ“ (по верхнему теченію р. Колпи) Владимірскаго у. и часть Гуской вол. (по р. Гусю) того же у. [3]). Судя по имени с. Заколпья (3271, каз.), упоминаемаго уже въ духовной В. В. Темнаго 1460 г. [4]),— и здѣсь преобладала колонизація со стороны Стародубья: село это стоитъ на правомъ берегу р. Колпи, текущей съ сѣвера на югъ. Но населеніе здѣсь тянуло, конечно, къ своему административному центру, къ Владиміру, откуда, вѣроятно, и проникло сюда м. к. Вообще же, говоръ Заколпской вол. нельзя назвать Владимірскимъ: здѣсь иканье: типло, висна, биру и т. п.; случаи: нотъ вм. ноць и затнетъ вм. зачнетъ едва-ли не свидѣтельствуютъ о нѣкогда бывшемъ здѣсь цеканьѣ, а ссотъ вм. счетъ и ссасье вм. счастье говорятъ о *с* изъ цокающаго ц (цоканье и чоканье извѣстно здѣсь и теперь [5]). Говоръ, повидимому, смѣшанный. Не исключена

[1]) Прогр. № 247, Побѣдоносцевъ; см. выше.
[2]) Готье, Замосковн. край, 581.
[3]) Тамъ же, с. 557.
[4]) Срв. Владим. Г. В. 1841, № 14.
[5]) Кр. прогр. № 4, А. Бояринова.

возможность, что на него повліяли и выходцы съ юга, которые бѣжали сюда, какъ и въ Судогодскій у., отъ набѣговъ крымцевъ.

§ 182. Географическія границы Владимірскихъ говоровъ съ м. к весьма неопредѣленны. Вообще, м. к здѣсь сильнѣе на юго-западѣ и слабѣе на востокѣ. На востокѣ, особенно на сѣв.-востокѣ преобладаютъ говоры безъ м. к, но среди сплошной почти ихъ массы встрѣчаются и островки съ м. к, напр. въ Нижне-Ландеховской вол. Гороховецкаго у. и въ Варѣевской вол. Вязниковскаго. Совершенно не знаютъ м. к лишь „стародубы", живущіе по р. Окѣ, гл. обр. въ Муромскомъ у.—Въ прочихъ сѣверныхъ уѣздахъ, включая въ томъ числѣ и Ковровскій, при преобладаніи говоровъ съ м. к, встрѣчаются часто большіе острова безъ этой черты; принадлежатъ они б. ч. офенямъ и другимъ группамъ населенія съ нивелированнымъ говоромъ. Знали-ли офени прежде м. к и потеряли его только потомъ, или же не знали этой черты никогда, остается не яснымъ; скорѣе первое. — На югѣ Владимірской губ. также встрѣчаются говоры безъ м. к, но тамъ это—стародубы и ихъ колоніи, позднѣйшіе переселенцы и, наконецъ, дзекальщики.

Дзекальщики встрѣчаются и на сѣверѣ губ. (особ. въ Юрьевскомъ у.); сравнительное обиліе ихъ составляетъ вообще отличительную особенность Владимірской губ. На нихъ стоитъ остановиться подробнѣе, тѣмъ болѣе, что къ дзекальщикамъ Владимірской губ. (и въ этомъ отличіе ихъ отъ дзекальщиковъ на р. Сити Ярославской губ.) м. к вообще не проникло.

Сообщенія о дзекающихъ говорахъ Владимірской губ. не одинаковы: однѣ сообщаютъ о собственно дзеканьѣ (*дз* изъ *д*), обыкновенно рядомъ съ цеканьемъ (*ц* изъ *т*), другія же—только о цеканьѣ. Мы перечислимъ тѣ и другія въ порядкѣ различныхъ авторовъ: нерѣдко случается, что свидѣтельство какого-н. стараго автора много разъ повторяется потомъ по простой традиціи, безъ повѣрки.

Рукопись Муромскаго смотрителя Ѳ. Яковлева 1848 г. описываетъ цѣлый рядъ говоровъ различныхъ мѣстъ Владимірской губ., б. ч. говоровъ очень своеобразныхъ. Въ б. ч. этихъ говоровъ Яковлевъ отмѣчаетъ дзеканье и цеканье. Такъ, въ селеніяхъ Муромскаго у., „сопредѣльныхъ съ

Вязниковскимъ у.", онъ отмѣчаетъ случаи: дзеньги вм. деньги, дзело вм. дѣло и рядомъ: вицъ вм. вѣдь, ця вм. тебя, помниць, лошаць, купиць, ржи-це, знаць. „Въ селеніяхъ близъ Мурома, находящихся на лѣвой сторонѣ Оки": у цебя и у ця вм. у тебя, лошаць, молиць; дзеканья здѣсь, повидимому, нѣтъ. „Въ селеніяхъ Карачаровѣ и Памфиловѣ и дер. Озоловѣ (?)—и вообще на правой сторонѣ Оки (въ Муромскомъ у.), буквы ц и ч и д выговариваются, по словамъ Яковлева, вообще правильно", т. е. здѣсь нѣтъ ни дзеканья, ни цеканья, ни чоканья или цоканья. — Тотъ же Яковлевъ отмѣчаетъ еще цеканье (безъ дзеканья) въ с. Ундолѣ (№ 258, влад.) Владимірскаго у.: сказаць, бацюшку, пиць вм. пить, цебя, виць вм. вѣдь.—Наконецъ, для Меленковскаго у., для мѣстности, находящейся близъ границы у. Елатомскаго, онъ приводитъ единичный случай глядиць вм. глядѣть, рядомъ съ живуть, вядуть, будуть и т. п.[1]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно думать о простомъ недоразумѣніи. Да и вообще, остается подъ сомнѣніемъ, не преувеличивалъ-ли Яковлевъ Владимірской области дзекающихъ говоровъ.

Старшему учителю Владимірской губ. Н. Бодрову принадлежатъ двѣ цѣнныхъ рукописныхъ статьи о Владимірскихъ говорахъ: одна, 1848 г., посвящена спеціально говору Переяславскаго у.; вторая, 1858 г., носитъ заглавіе „Владимірское или Суздальское нарѣчіе"[2]). Эта послѣдняя, впрочемъ, даетъ мало новаго по сравненію съ первой: повидимому, Переяславскій говоръ авторъ считаетъ очень типичнымъ для всего Владиміро-Суздальскаго края. Дзеканья и цеканья Бодровъ вообще не знаетъ; но въ „Суздало-Владимірскомъ нарѣчіи" отмѣчаетъ одну особенность, которая, повидимому, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ цеканью: дотъ вм. дочь и петъ вм. печь. Проще всего думать, что эти случаи образовались въ цокающемъ говорѣ на почвѣ смѣшенія звуковъ *ц* и *т*: дочь дало доць, потомъ дотъ и, наконецъ, дотъ. Но не исключена возможность, что данныя формы возникли на почвѣ особаго произношенія звука ч, какъ *тш* (Бодровъ, правда, такого произношенія

1) Библ. Ак. Н., № 21.
2) Библ. Ак. Н., № 16 и 17.

не знаетъ; отмѣчаетъ его, м. пр., Яковлевъ въ Муромскомъ у.): дотшь = доть = дотъ.

Произношеніе нотъ вм. ночь и затнетъ вм. зачнетъ отмѣчено также въ Меленковскомъ у. [1]); но, какъ видимъ, заключать на основаніи его о существованіи въ данномъ говорѣ цеканья еще нельзя.

Е. П. Бережковъ описалъ въ 1851 г. говоръ неназваннной имъ лѣсной мѣстности Судогодскаго у. въ 50-и вер. отъ Судогды и отъ Вязниковъ и въ. 60-и отъ Мурома [2]); здѣсь, по его словамъ, „буква *д* замѣняется звукомъ польскаго происхожденія дзе (надъ *з* двѣ точки): уходзишь, видзѣть"; рядомъ цеканье: пойци сходиць; „связность буквъ *дз* выговариваютъ сквозь зубовъ, почти не открывая рта".— Свящ. Бѣлинъ неопредѣленно замѣчаетъ, б. м. съ чужихъ словъ, что въ Судогодскомъ у., а частью въ Меленковскомъ и Муромскомъ, слышится: опяцъ вм. опять, пойци, сходиць вм. сходить [3]); о дзеканьѣ не знаетъ.

Цитованный уже нами выше (§ 178) исправникъ Стеченко приводитъ въ своихъ записяхъ изъ неизвѣстной мѣстности Гороховецкаго у. случаи: надзену вм. надѣну, виць вм. вить, эци вм. эти, на эцихъ [4]). По новѣйшимъ даннымъ, дзеканье и цеканье здѣсь лишь близъ границы Муромскаго и Вязниковскаго у., въ „Адовщинѣ" (§ 176) [5]).— Никакихъ другихъ данныхъ о дзеканьѣ или цеканьѣ въ Гороховецкомъ у. нѣтъ, исключая развѣ прозвища жителямъ с. Пестяковъ — „ляхи" и сообщаемаго Н. Рыбкинымъ неяснаго „преданія" относительно поселенія въ этомъ селѣ плѣнныхъ поляковъ (см. выше § 178).

И. Ѳ. Розановъ описалъ въ 1854 г. говоръ „Бережечской отчины", т. е. с. Бережокъ (6329, каз., при рч. Садовкѣ, въ 25 в. отъ у. г.) съ приходомъ, Юрьевскаго у. [6]), гдѣ дзеканье: дзѣло, цеканье: цѣло вм. тѣло, целѣга, цюрьма, строиць, цоканье, взрывное г, іово вм. его.—С. Микуцкій

---

1) Ежегодникъ Владим. Губ. Стат. Комитета, I, 1875, с. 117, Добрынкинъ; Кр. прогр. № 4, Бояринова.

2) Библ. Ак. Н., № 25, Бережковъ.

3) Сборн. 2-го Отдѣл. Ак. Н., т. 8, с. 47, Бѣлинъ.

4) АГО. VI, 16.

5) Славянство, 1911, № 4—6, с. 11, ст. А. А. Шахматова.

6) Владим. Г. В. 1854, № 24, с. 183.

въ неизвѣстной мѣстности Юрьевскаго же у. отмѣчаетъ не только дзеканье: Богородзицы, дзень, будзитъ, и цеканье: у цебѣ, ацаманъ, безцолковый дуракъ (два послѣднихъ случая, гдѣ въ *ц* переходитъ твердое *т*, сомнительны, и подрываютъ довѣріе ко всѣмъ утвержденіямъ Микуцкаго), но также и мѣну шипящихъ съ свистящими: больсой, долзно, мозэсъ вм. можешь и т. п. [1]). — Въ с. Шельбовѣ дзеканье и цеканье безспорно: дзѣци вм. дѣти, сходзиць и т. п. [2]).

По В. Далю, дзеканье встрѣчается въ предѣлахъ Владимірской губ. „на весьма ограниченной мѣстности", въ уѣздахъ Судогодскомъ и Вязниковскомъ [3]). Нужно думать, что эти свѣдѣнія заимствованы изъ рукописей Е. П. Бережкова (относительно Судогодскаго у.) и Ѳ. Яковлева (относительно Муромскаго у.); послѣдній отмѣтилъ дзеканье только въ „сопредѣльныхъ съ Вязниковскимъ уѣздомъ" селеніяхъ Муромскаго у., откуда, повиднмому, Даль и заключилъ, что эта черта характерна для Вязниковскаго у. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ послѣднемъ у. никто, кромѣ Даля, дзеканья не отмѣтилъ. Впрочемъ, на границѣ Вязниковскаго у. съ Гороховецкимъ и Муромскимъ, въ т. наз. Адовщинѣ (§ 176) или Гройщинѣ, отмѣчено не такъ давно: родзимый, тцихо, тцани (тяни) (Славянство, 1911, № 4—6, с. 11, ст. А. А. Шахматова).

Въ с. Илькинѣ, Меленковскаго у., „букву *т* въ словахъ: тихо, теперь и т. д., произносятъ съ оттѣнкомъ звука *ц*, но не какъ *ц*; и букву *д* выговариваютъ не чисто, только трудно опредѣлить, какой другой звукъ слышится при этомъ: *з*, *ч* или *ц*?" [4]).

М. к ни одинъ изъ этихъ дзекающихъ или цекающихъ говоровъ не знаетъ. (Рядомъ съ нотъ вм. ночь м. к отмѣчено въ Заколпской вол. Меленковскаго у.).

Весьма характерно, что цѣлый рядъ наблюдателей изъ

---

1) Библ. Ак. Н., № 15.

2) АГО. VI, 22, Дм. Бережковъ.

3) Даль, О нарѣчіяхъ, 33 и 36.

4) Прогр. № 247, Побѣдоносцевъ (Матер. IX, 36). Не отъ „стародубовъ" ли здѣсь эти особенности произношенія? — группа стародубовъ, б. м., юго-западнаго происхожденія? говоръ ея изученъ очень недостаточно.

Владимірской губ. дзеканья и цеканья въ ней не знаютъ; въ томъ числѣ: проф. Колосовъ и его сотрудники по Муромскому у. Добрынкины [1]), Бодровъ, Афонинъ и Полисадовъ изъ Меленковскаго у., Пѣвницкій изъ Муромскаго и др. [2]).

Откуда, когда и какъ проникли въ Владимірскую губ. говоры дзекающіе, т. е. западно-русскаго типа? [3])—Конечно, можно думать объ участіи въ древнѣйшей колонизаціи края кривичей. Но тогда—почему говоръ этихъ кривичей, оставшихся, видимо, въ меньшинствѣ, не слился вполнѣ съ говоромъ сосѣдняго большинства? почему также потомки Владимірскихъ кривичей живутъ исключительно въ болотистыхъ и лѣсныхъ мѣстахъ съ неплодородною почвою (даже въ Юрьевскомъ у. Бережокъ стоитъ на краю громадной болотной полосы, и только Шельбово, повидимому, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ) и притомъ б. ч. въ мѣстахъ, заселенныхъ сравнительно недавно?

Не отрицая возможности существованія древней кривической колонизаціи (что болѣе вѣроятно для Юрьевской опольщины), мы однако же убѣждены, что главная масса дзекальщиковъ поселилась здѣсь,—какъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ великорусскихъ губерніяхъ,—много позднѣе, а именно въ XVII в.: это были добровольные выходцы изъ-за западнаго рубежа, а также и плѣнные бѣлоруссы и поляки. Число тѣхъ и другихъ на Руси въ XVII-мъ вѣкѣ было весьма значительно.

„Взятіе на Литовской территоріи плѣнниковъ и вывозъ ихъ внутрь Московскаго государства, видимо, принялъ въ эпоху войнъ Алексѣя Михайловича настолько большіе размѣры, что скоро понадобились нѣкоторыя мѣры для упорядоченія этого вывоза, съ одной стороны, и для нѣкотораго обезпеченія судьбы плѣнныхъ, съ другой“ [4]) (указы 1654 и 1665 гг.). „Выходъ добровольный, отодвинутый на задній планъ военнымъ временемъ, продолжался и послѣ

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл. XVII, 297, прим.; срв. 284.

[2]) Срв. А. И. Соболевскій, Опытъ діалект. 36—7, 57, 104.

[3]) Съ запада, отъ ляховъ, выводитъ великорусское дзеканье и цеканье и А. А. Шахматовъ, но относитъ появленіе ихъ къ очень старому времени, къ VII—VIII-му вѣку (Славянство, 1911, № 4—6, с. 10—29, гдѣ и полный сводъ матеріаловъ о дзеканьѣ великоруссовъ).

[4]) Готье, Замосковн. край, 295.

войны". Около 1657 г. бояринъ Б. И. Морозовъ „призвалъ" въ свои Звенигородскія вотчины „бѣлорусцевъ крестьянъ и ссуду имъ далъ": поселилось у него въ 29 селеніяхъ свыше 1150 бѣлоруссовъ мужчинъ, не считая женщинъ [1]); такъ многочисленны были въ то время въ Москвѣ эти западные выходцы!

Ю. Готье подсчитываетъ этихъ выходцевъ по переписнымъ книгамъ 1678 г. Перепись происходила десять лѣтъ спустя послѣ окончанія войны съ Польшей и заключенія Андрусовскаго перемирія. За это время много полонныхъ людей успѣло умереть, часть убыла отъ продажи на востокъ, часть, м.-б., успѣла возвратиться на родину. Во всякомъ случаѣ, въ Московскомъ государствѣ оставались только тѣ изъ нихъ, которые успѣли основательно осѣсть и начинали уже сливаться съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Изъ переписныхъ книгъ 1678 и 1685 годовъ о литовскихъ полоняникахъ среди холоповъ упоминаютъ, м. пр., *Гороховецкая* писцовая 1685 г., книги по *Переяславлю* 1678 и 1685 гг., по Балахнинскому уѣзду (сосѣднему съ Муромскимъ), по Кинешмѣ, Костромѣ, Ростову, Вологдѣ и др. „Есть и такія мѣстности, по которымъ источники вовсе умалчиваютъ о полонныхъ людяхъ; сюда относятся, напр., уѣзды: Суздальскій, Владимірскій, Ярославскій и др.; но это отнюдь не значитъ, чтобы тамъ вовсе не было такого рода людей; разъ полоняники были въ Костромскомъ, Вологодскомъ и Московскомъ уѣздахъ, они, навѣрно, были и въ Ярославскомъ, Суздальскомъ и Владимірскомъ, сосѣднихъ съ первыми. Можно безъ натяжки высказать мнѣніе, что въ 70—80-хъ годахъ полоняники и выходцы изъ-за Литовскаго рубежа за время 1653—1667 годовъ были довольно замѣтнымъ элементомъ среди холопскаго населенія... всего, вѣроятно, государства. Если мы лишены возможности опредѣлить хотя бы приблизительно количество людей, выведенныхъ изъ Литвы въ Москву во время войнъ царя Алексѣя, то все же не будетъ, думаю я (т. е. Готье), рискованнымъ предположить, что *число ихъ въ одномъ только Замосковномъ краѣ было болѣе одного десятка тысячъ*" [2]).—Въ плѣнныхъ и въ добровольныхъ выходцахъ, осѣдавшихъ въ двор-

1) Тамъ же, с. 292 и 294.

2) Тамъ же, с. 297.

цовыхъ селахъ, надо видѣть преимущественно *бѣлоруссовъ*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они такъ и называются (с. 298).

Приведенныя цитаты изъ книги спеціалиста историка не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и въ исторіи многихъ великорусскихъ говоровъ этотъ обильный приливъ западныхъ элементовъ не могъ пройти безслѣдно. Бѣлорусскихъ островковъ, сохранившихъ свое западное нарѣчіе, почти нигдѣ теперь на великорусской территоріи мы не встрѣчаемъ: очевидно, эти десятки тысячъ западно-руссовъ слились съ господствующимъ населеніемъ, но слились, конечно, не безслѣдно.

О дальнѣйшей судьбѣ этихъ западныхъ выходцевъ XVII в. можетъ дать представленіе исторія одной ихъ партіи, намъ сравнительно лучше извѣстная.—Выше уже упомянуто было, что боярин Морозовъ призвалъ, около 1657 г., въ свои Звенигородскія вотчины — Павловское, Ислявское и Котельниково—съ деревнями — значительную группу „бѣлорусцевъ крестьянъ". По переписи 1657 г., ихъ числилось свыше 1150 чел. мужск. пола, но, какъ предполагаютъ историки, тутъ могли войти и нѣкоторые мѣстные люди, поженившіеся на бѣлорусскахъ [1]). Въ названныхъ Звенигородскихъ селахъ эти, получившіе ссуду Морозова, бѣлоруссы пожили не долго. Скоро они были переведены въ Нижегородскія вотчины Морозова на поташные заводы или майданы. Майдановъ у Морозова было не менѣе 12-и, но къ 1668 г. осталось только 5 майдановъ при с. Сергачѣ, и всѣ рабочіе на нихъ, 84 человѣка, были „польскіе" люди [2]). Тутъ встрѣчались, повидимому, и настоящіе поляки; по кр. м., одинъ въ своей челобитной 1652 г. подписался „полякъ". Католиковъ было много; для исправленія ихъ въ православной вѣрѣ, ихъ отдавали къ старцамъ въ монастырь [2]).—Обиліе „поляковъ" на майданахъ объясняется тѣмъ, что русскіе были не привычны къ этому дѣлу, и всячески избѣгали его; на выварку поташа, напр. въ Серчачскій у., ссылали даже преступниковъ [3]).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ были майданы, т. е. въ Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ уу. Нижегородской губ.,

[1]) Тамъ же, с. 294.

[2]) Вѣстн. Европы, 1871, № 2, с. 482—485, статья И. Забѣлина.

[3]) Нижегор. Епарх. Вѣдом. 1890, с. 513.

въ Темниковскомъ и Елатомскомъ Тамбовской, мы сталкиваемся теперь съ этнографической пестротою населенія, при чемъ въ Нижегородскихъ уѣздахъ, при общей массѣ окающаго населенія, много и акальщиковъ. Есть здѣсь и дзекальщики, напр. въ с. Кужендѣевѣ Ардатовскаго у.: лошадзи, отведзи, Мордзвинъ, бацюшка, несци [1]).

Въ Лукояновскомъ у. жители 18-и селеній слывутъ до сихъ поръ подъ прозвищами: „поляки, литва, паны, будаки, ягуны“ [2]). „Буд(т)аками“ они слывутъ, конечно, по своему прежнему занятію, какимъ служили работы на будныхъ майданахъ, а „ягунами“—по кагокающему говору. Говоръ ихъ описанъ въ статьѣ проф. Б. М. Ляпунова „Діалектологическая карта Лукояновскаго у.“ (Жив. Стар. 1894, №2) и въ отвѣтѣ на кр. прогр. № 250, написанномъ учительницею церк.-прих. школы въ с. Кондрыкинѣ, М. Успенскою. Дзеканья у этихъ „пановъ“ никто изъ наблюдателей не отмѣтилъ. М. Успенская указываетъ удвоеніе согласныхъ: суддя, звиння, вм. свинья, бяллё, Анисся, формы: рыю, мыйся, кагоканье: добрага, горячига, сляпого, *у* вм. *в*, 3 л. ед.: идеть, бяреть, аканье, частицу ти вм ли. По всему, это бѣлоруссы, какими признанъ ихъ и проф. Ляпуновъ. И одежда Лукояновскихъ „пановъ“, недавно еще сохранявшаяся, говоритъ также о ихъ бѣлорусскомъ происхожденіи: они носили бѣлый костюмъ (за что сосѣди звали ихъ „березникомъ“), у женщинъ были поньки [3]).

Не исключена возможность того, что среди этихъ Лукояновскихъ „будаковъ“ есть и потомки тѣхъ „бѣлорусцевъ“, которые жили въ XVII-мъ в. сначала въ Звенигородскихъ, а потомъ въ Нижегородскихъ вотчинахъ боярина Морозова. Но безспорно, что среди нихъ есть и другіе элементы. Въ XVIII-мъ в. сюда были переселены крѣпостные гр. А. К. Разумовскаго изъ Черниговской губ.—„изъ Батурина и Опотечъ“ (?Обмачевъ?) Конотоп-

[1]) Этнографич. Сборникъ V, 1862, смѣсь, с. 28—31; срв. данныя А. А. Шахматова въ журн. „Славянство“ 1911, № 4—6, с. 11.

[2]) Даль, Толков. слов. I, 40 (изд. 1-ое); Живая Старина, 1894, №2, с. 157, статья проф. Ляпунова; Кр. прогр. №250, М. Успенская.

[3]) Нижегор. Г. В. 1892, № 21, статья Г. Г.-ва „Село Василевъ Майданъ“.

скаго у.[1]). И конечно, только это появленіе новаго западно-русскаго элемента способствовало сохраненію у Лукояновскихъ „пановъ“ ихъ этнографическихъ особенностей, чему содѣйствовала, впрочемъ, и сравнительная многолюдность „пановъ“, жившихъ въ одномъ мѣстѣ.

Вообще же, западные выходцы, поселившіеся въ XVII-мъ в. въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ, утратили почти всѣ осебенности своего прежняго быта и сохранили лишь немногія діалектологическія отличія, м. пр. дзеканье. Въ томъ же Лукояновскомъ у., въ с. Кочкуровѣ, жители коего „панами“ или „поляками“ уже не слывутъ, „мягкія *д* и *т* звучатъ съ свистящимъ оттѣнкомъ, близко къ *дз* и *ц*“ [2]).

Выше мы видѣли, что вольные и невольные выходцы съ запада въ XVII-мъ в, были поселены въ очень различныхъ уѣздахъ тогдашняго Московскаго центра—отъ Твери до Балахны. Изъ исторіи съ вотчинами Морозова видно, что поселенные сначала въ Звенигородскомъ у. бѣлоруссы были переведены потомъ въ Нижегородскій край, гдѣ они оказались почти единственными рабочими на будныхъ майданахъ. Востокъ Владимірской губ., уу.: Гороховецкій, Муромскій, Меленковскій и Судогодскій были въ XVII в. въ условіяхъ, близкихъ къ Нижегородскому: здѣсь также было много лѣсовъ и мало населенія. Въ Муромскомъ у. послѣ смуты, въ началѣ XVII в., оказалось 38,8% пустыхъ крестьянскихъ дворовъ [3]). Весьма возможно, что и сюда западные выходцы селились также въ большомъ количествѣ. Народныя прозвища пестяковцамъ — „ляхи“, преданье о томъ, что на берегу р. Оки около с. Липни въ Муромскомъ у. нѣкогда жила „Литва некрещена [4]),— можно считать отголоскомъ дѣйствительныхъ событій.

У дзекальщиковъ Владимірской губ. м. к совсѣмъ нѣтъ, хотя въ говорѣ ихъ ближайшихъ сосѣдей эта черта обычна. И это обстоятельство лучше согласуется съ предположеніемъ, что дзекальщики живутъ здѣсь не такъ

[1]) Тамъ же, № 1; другой мѣстный авторъ говоритъ о переселеніи бѣлоруссовъ въ Нижегородскую губ. помѣщикомъ Лубяновскимъ (Нижегор. Сборн. VII, 492).

[2]) А. И. Соболевскій, Опытъ р. діалектологіи, 103, сообщеніе г. Сереброва.

[3]) Готье, Замосковн. край, 228.

[4]) Владим. Г. В. 1901, № 17, ст. Н. Добрынкина.

давно: иначе бы они усвоили эту особенность, какъ усвоили многія другія черты Владимірскаго говора. Между прочимъ, Моложскіе сицкари, поселившіеся на Сити, вѣроятно, ранѣе XVII в., м. к знаютъ [1]).

§ 183. Занимающая насъ діалектическая черта, м. к, моложе, по времени своего появленія, русскаго населенія современной Владимірской губ. или, по кр. м., бо́льшей ея части. Вотъ почему объяснять появленіе м. к въ говорахъ Владимірской губ. теченіями великорусской колонизаціи нельзя. Главныхъ путей проникновенія сюда м. к было два: 1) приливъ сюда въ XV—XVI вв., съ юга изъ-за Оки, южновеликоруссовъ, бѣжавшихъ отъ Крымскихъ набѣговъ, и 2) вліяніе Москвы съ запада.

Южновеликорусское вліяніе во Владимірской губ. сказалось, м. пр., въ мѣстной крестьянской одеждѣ. Сѣверныя границы этого вліянія скажутъ намъ о тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ „вятичи" проникали на сѣверъ. — Южновеликоруссы принесли съ собою въ Владимірскую губ. женскую поневу, которая совершенно не извѣстна на сѣверѣ. Въ концѣ XVIII в. „понька" было общераспространеннымъ костюмомъ „въ Володимірской и Судогодской округахъ за рѣкою Клязьмой къ Мурому"; поньки эти были, конечно, съ прошвою: онѣ „весьма сходствуютъ съ юбками, но только половина оныхъ должна быть или синяя, или красная, а другая бѣлая". Въ прочихъ уѣздахъ носили, какъ и вообще на сѣверѣ, сарафаны. Рогатые головные уборы женщинъ встрѣчались всюду, но для Судогодскаго у. авторъ называетъ ихъ „сороками", а для прочихъ — „кокошниками" [2]). Въ концѣ XIX в. поневы еще существовали на юго-западѣ Судогодскаго у. (§ 180).

Что касается южно-великорусскаго типа построекъ, то онъ отмѣченъ для середины XIX в. почти во всей „опольщинѣ", т. е. въ Юрьевскомъ, Суздальскомъ и частью Вла-

[1]) Н. Кашинъ обратилъ вниманіе на „малорусское вліяніе" въ лексикѣ Владимірскихъ говоровъ: въ дер. Макарово Гороховец. у. голландскую печь называютъ „групкой, грубой" (Тр. Моск. Діал. Ком. I, 18). Мы склонны и это относить на счетъ тѣхъ же западныхъ выходцевъ XVII в. „Груба" столь-же хорошо извѣстна и бѣлоруссамъ.

[2]) Топографическое описаніе Владимірской губ., составленное въ 1784 году. Владиміръ, 1906, с. 10.

димірскомъ у. Здѣсь не высокія избы сѣвера, а низкія хаты юга, безъ подполья и подклѣта: вышина стѣнъ не болѣе 3—4 арш., входъ въ двери прямо съ земли, безъ всякой лѣстницы; деревянный полъ въ избѣ иногда совсѣмъ отсутствуетъ, „замѣняется хорошо утоптанной глиной“ [1]) Словомъ, это — сохранившійся въ полной чистотѣ степной типъ великорусскаго жилища, весьма характерный для всего юга великороссіи и совершенно чуждый сѣверу: во всей прочей области Владимірской губ., равно какъ и въ Московской губ., типъ жилища иной: высокія избы на подклѣтахъ.—Дубенскій объясняетъ типъ жилища въ опольщинѣ безлѣсицей и бѣдностью населенія — объясненіе, конечно неудовлетворительное: Саратовская губернія пользуется лѣсомъ, сплавленнымъ съ р. Вятки, и однакоже мѣстные великоруссы живутъ въ высокихъ избахъ на подклѣтѣ.

Сказать положительно, что этотъ степной типъ жилища занесенъ во Владимірскую опольщину вятичами въ XVI—XVII вв., мы не рѣшаемся; весьма возможно, что здѣсь просто-на-просто сохранился древнѣйшій типъ великорусскаго жилища, сохраненію коего способствовали степныя условія мѣстности. Но не исключена и возможность вліянія со стороны южно-великоруссовъ XV—XVII вв.

Наконецъ, въ южныхъ уѣздахъ Владимірской губ. немало акающихъ говоровъ, которые легче всего объясняются тѣмъ же приливомъ населенія изъ-за Оки.

Связи владимірцевъ съ Москвою давнія и весьма тѣсныя. Особенно тѣсны онѣ на западѣ губерніи. Гор. Александровъ, какъ извѣстно, былъ резиденціею Іоанна Грознаго. По всей Владимірской губ. разсѣяны старыя вотчины Троице-Сергіева монастыря; въ 1453-мъ г. перешла къ этому монастырю такъ назыв. Кинела, расположенная на западъ отъ гор. Александрова, гдѣ теперь приходы селъ: Слотина (№ 504), Гагина, Исакова и Никольскаго [2]). Вотчины князей Стародубскихъ на западѣ нынѣшняго Вязниковскаго у. перешли въ 1569 — 71 гг. частью тому же Сергіеву монастырю: сёла Татарово, Мамырово, Никольское—всѣ съ деревнями, Хомяково, Шустово, Озерки (1302—3, 1389, 1394).

[1]) Журн. Минист. Государств. Имущ., ч. 56-ая, 1855 г., т. 3, с. 197, статья Н. Дубенскаго „Сельскія постройки во Владимірской губ.“.

[2]) Ежегодникъ Владим. Губ. Статист. Комитета, II, 1878, с. 22.

частью Московскому Симонову монастырю: Кувезино и Пантелѣево съ деревнями (1820, 1815) [1]. Село Константиновское Александровскаго у. пожаловано Сергіевой Лаврѣ въ въ 1650-мъ г. царемъ Алексѣемъ Мих. изъ дворцовыхъ земель [2]. Село Хо́луй Вязниковскаго у. было, какъ извѣстно, вотчиною того же монастыря.

Изъ монастырей Владимірской губ. Махрищскій (на устьѣ рч. Махрище) основанъ св. Стефаномъ, пришедшимъ сюда изъ Москвы [3]. Успенскій Дубенскій монастырь (на сѣв.-зап. Александровск. у., около пог. Спасъ за-Кубежью) основанъ въ концѣ XIV в. Сергіемъ Радонежскимъ [4].

По сѣверу Покровскаго у., серединѣ Юрьевскаго и Суздальскаго проходитъ „Стромынка"—старинный бойкій путь изъ Москвы въ Суздальскую область [5]. — Наконецъ, отхожіе промыслы владимірцевъ (исключая офеней) направлялись гл. обр. въ Москву [6].

§ 184. Разсмотрѣнные выше говоры Владимірской и Ярославской губ. обычно противополагаются Новгородскому говору. Противоположеніе это простирается, въ извѣстной степени, и на изучаемую нами черту говора: чистые Новгородскіе говоры м. к не знаютъ. Вотъ почему для насъ важно выяснить взаимное отношеніе говоровъ Владимірскаго и Новгородскаго, тѣмъ болѣе что выше я много разъ употреблялъ выраженіе „Владимірскій вокализмъ".

Вопросъ о взаимномъ отношеніи говоровъ Владимірскаго и Новгородскаго — сложный и запутанный. Чтобы не повторять ошибокъ прежнихъ изслѣдователей и чтобы воспользоваться ихъ выводами, коротко изложимъ исторію вопроса.

Н. Бодровъ, который впервые изложилъ главныя особенности Владимірскаго нарѣчія [7], не сравнивалъ этого послѣдняго съ Новгородскимъ, а сравнивалъ только съ Московскимъ и, частью, съ Костромскимъ. — В. И. Даль

[1] Рождественскій, Служилое землевладѣніе, 173—175.

[2] В. Орловъ, Описаніе церквей и приходовъ Александровск. у. 76.

[3] Владим. Г. В. 1844, № 12. Св. Стефанъ умеръ въ 1406 г.

[4] Никон. Лѣтоп. IV, 235; В. Орловъ, тамъ же, с. 57—58.

[5] Стромынка или Остромынь получила свое имя отъ с. Стромыни въ Богородскомъ уѣздѣ.

[6] Тр. Вольн. Эконом. Общ. 1868, т. 3, с. 96, Н. Рыбкинъ.

[7] Библ. Ак. Н., № 16—17.

первый поставилъ занимающій теперь насъ вопросъ и далъ ему свое разрѣшеніе; но при этомъ онъ не воспользовался имѣющеюся у Н. Бодрова характеристикою Владимірскаго оканья, сосредоточившись гл. обр. на консонантизмѣ; говоря о вокализмѣ, Даль не проводилъ границы между слогами ударяемыми и предъударными, вслѣдствіе чего его обобщенія оказываются не пріемлемыми.

Проф. Колосовъ употребилъ немало усилій, чтобы разрушить обобщенія Даля, и пришелъ къ результату чисто отрицательному: „не только восточнаго нарѣчія, но даже и поднарѣчія нѣтъ: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками“ [1]). Правда, Колосовъ не отрицалъ возможности того, что это — плодъ позднѣйшаго смѣшенія населенія; онъ, между прочимъ, пишетъ: „Встрѣчая въ Ярославской, Владимірской и Костромской губ. населеніе съ чертами сѣвернаго говора, думаешь на трое: или населеніе, такъ говорящее, есть остатокъ древнихъ Новгородскихъ колонистовъ; или это позднѣйшіе выселенцы съ сѣвера; или это остатокъ племени, по рѣчи тожественнаго съ Новгородскимъ“ (с. 307). Здѣсь Колосовъ, повидимому, называетъ „сѣвернымъ говоромъ“ тотъ, который знаетъ смѣну *ѣ* на *и* и *ч* на *ц*.— Изъ мелкихъ признаковъ, отличающихъ, согласно Далю, Владимірское нарѣчіе отъ Новгородскаго, Колосовъ соглашался съ Далемъ относительно 4-хъ отрицательныхъ признаковъ: отсутствіе во Владимірскомъ говорѣ мѣны *в* и *у*, дзеканья, формъ 3 л. безъ окончанія -тъ и имен. пад. ед. ч. женск. р. вмѣсто винительнаго; наконецъ, восточное „што“ въ отличіе отъ сѣвернаго „що“ и „штё“ (с. 294 — 297 и 308). Къ этимъ отличіямъ, которыя Колосовъ считалъ не характерными и не общими для сѣвернаго говора, самъ онъ присоединялъ еще два новыхъ: 1) отсутствіе во Владимірскомъ говорѣ формъ второго полногласія (с. 295) и 2) меньшее число „перегласованій“ въ томъ же говорѣ (с. 296; подъ „перегласованіями“ Колосовъ разумѣлъ прежде всего переходъ *я* въ *е*).

Акад. А. И. Соболевскій противополагаетъ Новгородскій и другіе сѣв.-великор. говоры „той части великорусскаго

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. XVII, с. 308 („Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣв.-великор. нарѣчія“).

нарѣчія, которая не знаетъ мѣны *ц* и *ч*"; эту послѣднюю часть онъ считаетъ прямымъ потомкомъ „средне-русскаго говора или говора древнихъ вятичей и радимичей и ихъ колонистовъ на обоихъ берегахъ верхней Волги". На основаніи древнѣйшихъ, XIII и XIV-го вв., памятниковъ этого говора, памятниковъ Ростовскихъ, Переяславскихъ, Галицко-Костромскихъ и Рязанскихъ, онъ заключаетъ, что указанный говоръ характеризовался только отрицательными чертами— отсутствіемъ особенностей, которыми отличались всѣ другіе говоры [1]).

Мнѣніе В. И. Чернышева изложено имъ въ статьѣ „Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимірскаго уу." [2]). Авторъ вообще согласенъ съ Далемъ и оспариваетъ мнѣніе проф. Колосова объ общности Владимірскаго и Новгородскаго говоровъ (с. 33 — 34). Но у В. Чернышева мы находимъ и довольно подробное развитіе особой теоріи по вопросу о заселеніи Суздальскаго края. Въ исторіи заселенія онъ различаетъ три періода: 1) „Первое (по времени) славянское населеніе, разбросавшее свои поселки по всему краю, вѣроятно, шло изъ Новгородской обл. Слѣды его—повсемѣстно раскиданное цоканье"; это была „вѣтвь Новгородскаго населенія, которая не знала мѣны *ѣ* и *е* на *и*, мѣны *е* и *у*, обращенія *л* въ *ў*" (с. 35). 2) „Послѣ въ край двигались массы не цокающихъ поселенцевъ, которые превышали по своей численности первыхъ насельниковъ и такимъ образомъ разрѣдили первое сплошное населеніе цоковцевъ"; по прочимъ даннымъ своего говора эти новые поселенцы во всемъ сходились съ первыми насельниками. 3) „Какъ незначительную примѣсь къ основнымъ массамъ первыхъ и вторыхъ насельниковъ края, нужно допустить нѣкоторое количество поселеній съ Новгородскими насельниками, мѣнявшими *ѣ* и *е* на *и*. Они не сѣли нигдѣ сплошной массой, но имѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свои поселки, и были такъ малочисленны и разрозненны, что въ концѣ концовъ слились по своему говору съ общей массой населенія, но оставили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. около гор. Киржача Покровск. у.) такія особенности

[1]) Лекціи по исторіи русск. яз. 39 (изд. 2).
[2]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 71, 1901 г.

въ языкѣ, которыя являются совершенно несогласными съ его главными чертами" (с. 36).

Н. Н. Соколовъ высказался по интересующему насъ вопросу въ 1905 г. такъ: „Намъ неизвѣстенъ типъ Владимірскаго говора въ отличіе отъ Новгородскаго, а между тѣмъ необходимо предполагать, что такой типъ существовалъ, какъ нѣчто самостоятельное: исторія колонизаціи и распространенія другихъ этнографическихъ фактовъ безусловно доказала его существованіе"; теперь „самое ядро Владимірскаго говора окажется, можетъ быть, вовсе за предѣлами Владимірской губерніи" [1]).—Въ послѣднихъ словахъ высказана очень счастливая мысль; дѣйствительно, чистые Владимірскіе говоры теперь легче найти въ Нижегородской губ., равно какъ чистое Новгородское нарѣчіе — въ Архангельской.

Изъ своей позднѣйшей поѣздки по Владимірской губ. Н. Н. Соколовъ вывелъ заключеніе, что здѣсь два главныхъ говора: собственно Владимірскій и Гороховецкій; главную фонетическую особенность перваго онъ видитъ въ томъ, что „во Владимирскомъ говорѣ послѣдовательнѣе, чѣмъ въ Новгородскомъ, сохраняется лабіализующее свойство согласныхъ (особенно согласнаго j); здѣсь рѣзко сохраняется *о, е* (въ видѣ *ё*) въ слогѣ передъ удареніемъ, въ первомъ слогѣ за удареніемъ (непослѣднемъ) и во второмъ за удареніемъ слогѣ; зато въ слогѣ допредударномъ (второмъ отъ удренія) развиваются рано ирраціональные звуки, а конечныя *о, е*, особенно непосредственно за удареніемъ, уже теперь звучатъ, какъ *а:* вода, сёло, чиловѣкъ, многа, худоё, худое и худоя" [2]). Въ Гороховецкомъ же говорѣ „неударяемое *о* сохраняется почти исключительно въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, и звучитъ не рѣзко, въ виду того, что сосѣдніе слоги (въ томъ числѣ и допредударный) сохраняютъ гласные полнаго образованія;... въ другихъ положеніяхъ неударяемыя *о* и *е* звучатъ очень открыто, а у многихъ — прямо, какъ *а*" (с. 9).

[1]) Тр. Моск. Діал. Ком. I, 13—14.

[2]) Изв. 2-го Отдѣл. XI, 1906, кн. 1, с. 245—258 (с. 6 отдѣльнаго оттиска).

Изъ другихъ особенностей „основного Владимірскаго“ говора, указываемыхъ Соколовымъ, отмѣтимъ: сохраненіе я изъ малаго юса (примѣры взяты только на ударенное и послѣударное *я*); отсутствіе дат. мѣстн. падежа на *ы*: на горы, по воды (с. 7—8).

Описанный Н. Н. Соколовымъ вокализмъ „основного Владимірскаго говора„ согласуется съ старинными описаніями этого говора у Н. Бодрова и другихъ, а также съ данными многихъ Нижегородскихъ говоровъ (прямыхъ потомковъ стараго Владимірскаго) и съ извѣстнымъ мнѣ говоромъ одной старой Нижегородской (Городецкой) колоніи, расположенной въ Белебеевскомъ у. Уфимской губ., — Усень-Ивановскаго и особенно сосѣдняго Верхнетроицкаго (Кидаша тожъ) заводовъ, жители коихъ переселились изъ Городца въ самомъ началѣ XVIII в. и хорошо сохранили Нижегородскій (respond. Владимірскій) говоръ.

По словамъ Бодрова, предъударныя *о* и *ё* „выговаривается открыто, вполнѣ ясно; за удареніемъ же слышны какъ *а*: хорошо́ или харошо́, сіоло, недáвна, дóбрава, вéсела“; сёло, серёда, пётухъ чередуются съ оберни́сь, весели́сь. Что касается до-предъударнаго о, то въ „городной рѣчи“ оно звучитъ иначе: *ха*рошо́, *та*локно́, *кала*коло́, серёда; въ деревенской же рѣчи, особенно у вольныхъ крестьянъ, „всѣ вообще буквы *о*, сколько бы ихъ ни было передъ удареніемъ, выговариваются открыто: толокно́, колоколо́“ Въ деревняхъ предъударное *ѣ* звучитъ также ё: нёмой, слёпой.

Въ своемъ прекрасномъ описаніи Переславскаго говора Н. Бодровъ не упоминаетъ о переходѣ *я* въ *е* и *ѣ* въ *и*: очевидно, предъударныя *я*, *ѣ* и *е* здѣсь сохраняются. Сохраненіе предъударнаго *я*, — что́ мы считаемъ особенно характернымъ, — отмѣчено въ Владимірскомъ говорѣ В. Чернышевымъ: взяла́ [1]) и въ Уфимскихъ колоніяхъ изъ Нижегородскаго Городца мною: гляжу́, глядѣть, навязала, повремяни́те [2]).

Эти два признака: переходъ въ предударныхъ слогахъ

---

[1]) Сборн. 2-го Отдѣл., т. 71, с. 34.

[2]) Изв. 2-го Отдѣл., X, 1905, кн. 2 („Усень-Ивановскій говоръ“, с. 6 оттиска).

е въ *ё* и сохраненіе въ тѣхъ же словахъ звука *я* мы и склонны считать наиболѣе характерными отличіями Владимірскаго говора.—Что касается Владимірскаго чередованія сёло: въ селѣ, въ коемъ сомнѣвается Н. Н. Соколовъ, то оно встрѣчается во всякомъ случаѣ чаще, нежели отсутствіе такого чередованія. Въ бывшемъ селѣ Ивановѣ, Шуйскаго у., отмѣчено, правда, произношеніе: сёбѣ, сёрдита [1]); но о наличности такого чередованія свидѣтельствуютъ, кромѣ В. И. Чернышева, Бодровъ изъ Переяславскаго у., Ив. Побѣдоносцевъ изъ Меленковскаго у. [2]) Усень-Ивановскій говоръ и др.

Что касается степени закрытости предъударнаго *ё* во Владимірскомъ говорѣ, то она, вѣроятно, была различною. По кр. м., въ наше время встрѣчаются 1) говоры, въ коихъ это *ё* склоняется къ *я* (Усень-Иваново) и 2) говоры, въ коихъ это *ё* склоняется къ *ю* (дер. Кугалята, Яранскаго у. Вятской губ., гдѣ Е. Попова отмѣтила прóизношеніе: вюдрó, Югóръ, рядомъ съ тупóръ и т. п.). Бодровъ сообщаетъ о деревенскихъ говорахъ, гдѣ звучитъ: бурàнина вм. баранина, Прускóвья вм. Парасковья и т. п.

Итакъ, Владимірскій говоръ характеризуется произношеніемъ: вёснá, веснѣ (рѣже: вёснѣ), нёмóй; свя́той, пя́ти (это мы и называли выше „Владимірскимъ вокализмомъ"). Для Новгородскихъ говоровъ, напротивъ, характерно произношеніе: весна или висна, виснѣ (рѣже: веснѣ), нимóй, светóй, петй.—Но въ Новгородской губ. чистыхъ Новгородскихъ говоровъ теперь почти совсѣмъ не сохранилось: въ Новгородскомъ у. были поселены въ XV—XVI вв. москвичи и иные, а черезъ Бѣлоозеро и около его шла усиленная колонизація изъ Ростовско-Суздальской области на сѣверъ, конечно оставившая здѣсь значительные осадки.

Судя по Усень-Ивановскому говору, который восходитъ, черезъ Нижегородскій Городецъ, къ Владиміру, для Владимірскаго говора (или части его?) характерно произношеніе *щ* какъ *сч*.

---

[1]) Библ. Ак. Н., № 21.

[2]) Прогр. № 247 (Матер. IX, 34).

XVII. Новгородская губернія.

185: Череповскій уѣздъ.—186:—Кирилловскій у., Бѣлозерскій, Боровичскій, Тихвинскій и прочіе.—187: Колонизація; Волжскіе бурлаки, ягутки.

§ 185. Въ Новгородской губ. м. к встрѣчается лишь рѣдкими островками среди преобладающей массы говоровъ безъ м. к. Такіе островки чаще встрѣчаются на крайнемъ востокѣ губерніи, почти совсѣмъ отсутствуя на западѣ и въ серединѣ ея. Б. ч. островки эти расположены около судоходныхъ рѣкъ или каналовъ.

Географическую, т. с., правильность м. к обнаруживаетъ только въ Череповскомъ у., гдѣ въ южной половинѣ у. м. к нѣтъ (несмотря на близость къ Ярославской губ.), въ сѣверной же половинѣ оно обычно. Шевыревъ отмѣтилъ м. к въ говорѣ гор. Череповца и близкихъ къ нему мѣстъ: Ва́нькѣ [1]).—Учитель Вахонькинскаго училища описываетъ говоръ 4-хъ волостей, расположенныхъ на сѣверо-западѣ у.: Андогской (гдѣ и дер. Вахонькино, въ 52 в. отъ у. г.), Прягаевской, Федотораменской и Пустoрадицкой, здѣсь: копейкя, копейкю, Ванькя, зергяло [2]). Учитель Нелазскаго, что въ с. Борисоглѣбскомъ, училища подтверждаетъ существованіе м. к въ говорѣ тѣхъ же самыхъ волостей: Андогской, Прягаевской и Федотораменской, отмѣчая отсутствіе этой черты въ волости Нелазинской [3]).

На крайнемъ сѣверо-востокѣ уѣзда, во всемъ Ковжскомъ приходѣ говорятъ: сайкя, чуйкя, бо̀лькѣ, маменькю, свѣтленькѣ [4]).—Въ Починковской вол., къ югу отъ Ковжи, м. к очень обычно: подруженькя, биленькёй, платочкя, сердечькѣ [5]).—Въ рукописи 1848 г. встрѣтился случай „Москóвской“ (правда, рядомъ съ Тьмонька вм. Тимонька), относящійся къ неназванной мѣстности Череповскаго у. [6]).—М. К.

---

[1]) Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон. II, 111—114.

[2]) Кр. прогр. № 82, А. Тарасовъ.

[3]) Кр. прогр. № 83, Вас. Ефимовъ.

[4]) Прогр. № 186 (Матер. IX, 184), Горушкинъ.

[5]) Частушки въ бумагахъ Воскресенскаго, записанныя П. А. Воробьевымъ; срв. Этн. Обозр. 1905, № 2—3.

[6]) АГО. XXIV, 5, Н. Чернышевъ, Бытъ крестьянъ въ Череповскомъ уѣздѣ.

Герасимовъ, не одинъ разъ описывавшій Череповскіе говоры, имѣетъ въ виду гл. обр. южную часть уѣзда, лучше ему извѣстныя волости: Уломскую, Дмитріевскую, Колоденскую, Горскую, Мороцкую и Хотовецкую; въ этихъ волостяхъ м. к онъ совсѣмъ не знаетъ. Но въ послѣдней своей работѣ онъ касается также и говора менѣе ему извѣстныхъ волостей на сѣв.-зап. у.: Андогской и Шухтовской и на сѣв.-вост.: Чаромской и Ковжской; въ этихъ четырехъ послѣднихъ волостяхъ м. к ему извѣстно: пецькя, собацькя, Сашенькю, утоцькю, маменькю [1]).

Въ Череповскомъ у. былъ также проф. Колосовъ, который не знаетъ м. к во всей Новгородской губ. вообще. Но Колосову и вообще какъ-то не удавалось наблюдать эту черту: онъ знаетъ ее только по сообщенію Бѣлорусова (изъ Тотемск. у. Вологодск. губ.). Впрочемъ, изъ 6-и посѣщенныхъ имъ въ Череповск. у. селеній Большая Дора лежитъ въ южной половинѣ уѣзда, гдѣ м. к вообще нѣтъ (4 другихъ селеній я не нашелъ на картѣ).—А. Д. Коровкинъ, довольно подробно описывающій „Череповецкій говоръ", м. к также не знаетъ [2]).—В. Соснинъ описываетъ говоръ, безъ м. к, родной своей дер. Воротишина Самосорской вол. [3]), но деревня эта лежитъ въ южной половинѣ уѣзда, гдѣ м. к вообще нѣтъ.

Р. Шексна дѣлитъ Череповскій уѣздъ на двѣ половины, изъ коихъ сѣверная вообще много культурнѣе южной. Какъ видимъ, м. к распространено въ говорѣ только этой, болѣе культурной, половины: одно это обстоятельство уже можетъ свидѣтельствовать о томъ, что м. к здѣсь не сохраненіе старины, а нѣчто новое, модное. Проще всего объяснить распространеніе м. к на востокѣ уѣзда (Ковжа, Чаромское, Починковская вол.); здѣсь близка граница Вологодской губ., гдѣ м. к такъ обычно, и протекаетъ р. Шексна съ ея оживленнымъ промышленнымъ движеніемъ. На сѣв.-зап. у. м. к легко могло попасть съ береговъ Шексны, какъ нѣчто модное.

---

[1]) Герасимовъ, Словарь уѣзднаго Череповецк. говора (Сборн. 2-го Отдѣл., т. 87, № 3, с. 2); срв. Живая Стар. 1893, с. 374—5.

[2]) Коровкинъ, Описаніе Череповецкаго у., 1898, с. 12—13.

[3]) Прогр. № 268 (Матер. IX, 195—196).

§ 186. Въ Кирилловскомъ у. м. к встрѣчается на крайнемъ юго-востокѣ уѣзда и кое-гдѣ на восточной границѣ съ Вологодской губ. Отмѣчена эта черта въ дер. Шатрецъ, расположенной неподалеку отъ Череповскаго села Ковжи; во всемъ приходѣ Уломы, что въ 10-и вер. отъ Шатреца, м. к уже нѣтъ [1]).—Шевыревъ слышалъ въ гор. Кирилловѣ и вблизи его: Парàнькя, прéницькя [2]).—Въ дер. Конешной Пунемской вол. (между Чарондскимъ оз. и границей Вологодской губ.): руськяя, руськево, цярьськей, скольке, тольке, рядомъ съ цайку; въ прочихъ деревняхъ Пунемской вол. м. к нѣтъ; во всей Пунемѣ, говоръ носитъ на себѣ „много постороннихъ вліяній“ [3]). Для насъ остается подъ сомнѣніемъ существованіе м. к даже и въ д. Конешной: тольке и скольке могли возникнуть изъ формъ съ конечнымъ *-ки*, что мы считаемъ особымъ образованіемъ; цярьськей и предполагаемое *руськей — обычныя въ Олонецкой губ. и въ Бѣлоруссіи формы прилагательныхъ на -эй, а отъ нихъ уже легко могъ быть образованъ и женскій родъ руськяя. Впрочемъ, даже много сѣвернѣе Пунемы, въ Чуженгскомъ приходѣ Воскресенской вол., также на границѣ съ Вологодскою губ., отмѣченъ случай Опроськя, правда — случай, видимо исключительный: рядомъ Митька и т. п. [4]).—Наконецъ, на сѣв.-зап. берегу Бѣлоозера, въ Кьяндскомъ приходѣ встрѣтился очень сомнительный случай: Олья вм. Ольга [5]).

Въ 9-ти разныхъ другихъ мѣстностяхъ Кирилловскаго у. безспорно отсутствіе м. к: о томъ прямо говорятъ отвѣты на полныя программы Академіи [6]).

Въ Бѣлозерскомъ у. м. к отмѣчено на юго-западѣ, близъ границъ Устюженскаго у., и кромѣ того около Бѣлоозера, у границъ Кирилловскаго у. Въ этой послѣдней мѣстности расположены, около Шолы, деревни: Лихачево, Семкино, Лобаново, Понизовье и др., гдѣ от-

---

[1]) Прогр. № 186, Е. Горушкинъ, рукоп. 1898 г.
[2]) Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон. II. 106—111.
[3]) Тр. Моск. Діал. Ком. II, 163—172.
[4]) Прогр. № 152, Ѳ. Ивановъ 1898 г.
[5]) Прогр. № 172, А. Нумеровъ.
[6]) Матер. IX, 181—192.

мѣчено не только цяйкю, Ванькѣ, сердечкѣ, но также и солнышкѣ [1]).

На юго-зап. у., въ дер. Терехова-Малахова Шужболенскаго прих. Мишутинской вол. отмѣчено: Наталькя, синенькёй, зе́мьскёй, руськёй, маленькёй, хорошенькёй, рядомъ съ Ванька, Петька и т. п. [2]).—Въ деревняхъ Боровской вол.: Шоборово, Верхній Дворъ и Заирапъ обычны окончанія прилагательныхъ на -кёй: барьскёй, царьскёй, деревеньскёй, женьскёй, руськёй, московскёй, а также м. х въ словѣ сверьхю [3]); на основаніи послѣдняго случая можно думать, что м. к здѣшнему говору не чуждо, хотя въ обычныхъ случаяхъ: Ванька и т. п. его здѣсь нѣтъ.—Въ дер. Давыдовкѣ или Хламовѣ Волково-Хилетской вол. отмѣченъ только одинъ случай: Москòськёй [4]); здѣсь, повидимому, м. к нѣтъ, какъ безусловно нѣтъ этой черты въ дер. Волковой той же волости [5]).

Изъ 16 сообщеній о говорахъ разныхъ мѣстностей Бѣлозерскаго у. только 4 указанныхъ свидѣтельствуютъ о м. к, прочія же 12 этой черты не знаютъ.—Говоры съ м. к на юго-зап. Бѣлозерск. у. можно считать продолженіемъ говоровъ сѣверной части Череповскаго у.: тѣ и другіе расположены по сосѣдству; впрочемъ, не такъ далеко проходитъ и р. Чадогоща, промышленное движеніе по которой также должно было нести съ собою интересующую насъ черту.

Въ Боровичскомъ у. м. к отмѣчено въ двухъ мѣстахъ: 1) Въ 6-и деревняхъ Шепкинскаго прихода: въ Сергинѣ, Борихинѣ и Хорошовѣ Устрѣкской вол., Филинѣ и Поздѣховѣ Николо-Мошенской и Гусинѣ Долговской вол. „вмѣсто *ка* въ окончаніяхъ нерѣдко употребляютъ *кя*: Ванькя, Сенькя“ [6]). 2) Въ дер. Жаворонковѣ и въ окрестностяхъ ея, Хоромской вол., отмѣчено: чайкю, сахарькю, Дунькя [7]).—Пять сообщеній изъ разныхъ другихъ мѣстностей Боровичскаго у. м. к совсѣмъ не знаютъ.

---

[1]) Прогр. № 166, К. С. Шигичевъ 1898 г.
[2]) Тр. Моск. Діал. Ком. II, с. 58.
[3]) Прогр. № 191, К. Л. Егоровъ.
[4]) Прогр. № 184, А. В. Орнатскій.
[5]) Прогр. № 151, Е. П. Богдановъ.
[6]) Отвѣтъ на прогр. свящ. Л. Миролюбова, 1904 г.
[7]) Сообщ. мѣстнаго уроженца П. Тупицына.

Въ Тихвинскомъ у. м. к отмѣчено только въ одной Васильевской вол., рядомъ съ глухимъ (?) произношеніемъ предъударныхъ гласныхъ: выдá, ныгá, скызáть [1]). Повидимому. къ этой же волости причислена и дер. Б. Будогоща, которая прежде была въ Кукуйской вол.: говоръ этой деревни описанъ В. Н. Перетцемъ [2]), который м. к здѣсь не наблюдалъ: отмѣченное имъ пойгёмкё [3]) = пойдёмте [4]), т. е. свидѣтельствуетъ только объ обычномъ здѣсь переходѣ *т* въ *к*.—4 другихъ сообщенія о говорахъ разныхъ мѣстностей Тихвинскаго у. м. к не знаютъ.

Изъ 4-хъ мѣстностей Крестецкаго у., говоръ коихъ намъ извѣстенъ, только въ дер. Шаровой, что около пог. Язвищи и р. Мсты, „почти всегда вм. ка, ку, ко употребляютъ: кя, кю, кё“ [5]); сюда м. к. легко могло проникнуть съ промышленнымъ движеніемъ по р. Мстѣ; въ вол. Карпигорской, Пожарской и въ с. Зайцевѣ м. к нѣтъ [6]).

Наконецъ, въ Новгородскомъ у. только около ст. Грузино, на р. Волховѣ, отмѣчено произношеніе чайкю [7]), повидимому позднее и культурное.

Въ уу. Старорусскомъ, Демянскомъ, Валдайскомъ и Устюженскомъ м. к никѣмъ не отмѣчено.

§ 187. Востокъ Новгородской губ., въ говорахъ котораго встрѣчается болѣе или менѣе часто м. к, заселенъ сравнительно позднѣе: въ старину здѣсь было очень рѣдкое населеніе. Бѣлозерскій край продолжалъ еще колонизоваться въ XVI в., причемъ, по выводамъ историковъ, „колонисты проникали сюда по преимуществу изъ центральной Руси“; другое теченіе, гл. обр. во второй половинѣ XVI в., направлялось сюда изъ Новгородскихъ пятинъ — Бѣжецкой и Обонежской [8]). Послѣднее движеніе, повидимому, возобладало; по кр. мѣрѣ. на Бѣлоозерѣ вѣтры носятъ Ильменскія имена, въ частности—юго-зап. вѣтеръ

[1]) Кр. прогр. № 73, В. И. Ивановъ изъ Сугоровской вол.

[2]) Жив. Стар. 1894, № 1, с. 4—5.

[3]) Соболевскій, Оп. діалектол. 44.

[4]) Жив. Стар. 1894, с. 5, гдѣ: пойгёмке.

[5]) Прогр. № 160, С. Я. Осницкій.

[6]) Кр. прогр. № 76 и 77, А. И. Михайлова и П. Гурнева, и матеріалы В. Яковлева въ бумагахъ Воскресенскаго.

[7]) Тр. Моск. Діал. Ком. II, 123.

[8]) Рожковъ, Сельск. хоз. Моск. Руси, 323.

зовется неизмѣнно *шелонникъ* [1]), въ память р. Шелони, впадающей въ Ильмень съ юго-запада. Первое же движеніе, изъ центра, легко могло занести сюда и м. к.

Къ этому движенію колонистовъ изъ центра въ Бѣлозерскій край можно присоединить еще тѣхъ Москвичей, которые поселены сюда Иваномъ III-мъ при завоеваніи Новгорода. Можно думать, что старый Новгородскій говоръ сохранился такъ плохо въ Новгородскомъ у. не безъ вліянія этихъ переведенцовъ. Мало основаній думать, что переведенцы эти принесли въ Новгородъ также и м. к: въ говорѣ Москвы того времени этой черты тогда еще, вѣроятно, не было, а если и была, то очень слабая, почему и могла легко исчезнуть на новомъ мѣстѣ. При всемъ томъ, не исключена возможность, что островки съ м. к въ нѣкоторыхъ говорахъ Крестецкаго у. ведутъ свое начало отъ Московскихъ переведенцовъ Ивана III (если только это не слѣдъ коноводовъ по р. Мстѣ).

Вообще, и въ центрѣ Новгородской губ. населеніе далеко не такъ старо, какъ это обычно думаютъ. Прекрасный знатокъ Новгорода, Богословскій, въ свое время писалъ: „Чистаго славянскаго [2]), первобытнаго племени искать въ Новгородской губ. было бы, кажется, напрасно. Опустошительныя моровыя повѣтрія и войны, особенно во времена Московскаго періода, начиная съ Василія Темнаго и оканчивая царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича, истребили почти цѣлыя поколѣнія Новгородскихъ славянъ. Въ самомъ Новгородѣ, кромѣ фамиліи Дербушевыхъ, никого не осталось изъ коренныхъ жителей, кто бы могъ вести свой родъ хотя бы отъ времени паденія Новгорода. Наплывъ Суздальцевъ, Рязанцевъ, Муромы, шведовъ, литвы и даже ливонцевъ въ Новгородскую область былъ очень великъ“ [3]). — Но на западѣ нынѣшней Новгородской губ. преобладала, конечно, колонизація съ запада, какъ то и въ сосѣдней Тверской губ. Слѣды ея ясны и теперь. Въ Демянскомъ у. немало акающихъ и дзекающихъ говоровъ: такъ въ приходѣ пог. Молвотицъ (дер. Лехово и др.) уже

---

1) Прогр. № 169 и 182.

2) Разумѣются, конечно, Ильменскіе славяне Нестора (*Д. З.*).

3) Новгородскій Сборникъ I, прилож., с. 1.

въ 1860-хъ гг. отмѣчено аканье: *а*собый, чела*в*ѣкъ, т*а*во [1]). Въ приходѣ с. Костькова, Велильской вол., сильное аканье: сяло, вясна, тяпло; 3 л. ед. ч. на -ть; бѣлорусское удвоеніе согласныхъ: свинння, суддя, бѣллё [2]). Въ Филиппогорской вол. дзеканье: цто, бацынька, эка цэѣло! [3]). Въ Боровичскомъ у. прежде было широко распространено дзеканье, а отсутствіе звука ё сохраняется и теперь [4]). Въ Валдаѣ также было дзеканье [5]), но тамъ безспорно поселены были военно-плѣнные поляки [6]), присутствіе коихъ можно предполагать и въ Леховѣ, и въ Костьковѣ.

Однако, главнымъ факторомъ м. к въ говорахъ Новгородской губ. нужно признать промышленное движеніе по судоходнымъ рѣкамъ и каналамъ. Выше, когда была рѣчь о Ярославской и Вятской губ., мы уже упоминали о промышленномъ рѣчномъ движеніи, какъ о факторѣ м. к; теперь остановимся на этомъ вопросѣ подробнѣе, тѣмъ болѣе что ниже, въ Костромской губ., мы вновь столкнемся съ этимъ же факторомъ.

Среди бурлаковъ на Волгѣ и ея притокахъ почти совсѣмъ нѣтъ бѣлоруссовъ, но много южновеликоруссовъ: рязанцевъ, тамбовцевъ, пензенцевъ и частью орловцевъ [7]). Здѣсь, т. о., мы встрѣчаемъ обстановку, въ которой, напр., вятчане непосредственно сталкиваются съ орловцами, вообще — сѣверно-великоруссы съ южно-великоруссами. Тутъ возможны разнаго рода культурныя вліянія и заимствованія, между прочимъ, и на такой почвѣ: возвратившись домой, бурлакъ, чтобы похвастаться своею „образованностью", начинаетъ произносить слова не по-мѣстному, а въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ слышалъ въ бурлацкой артели на Волгѣ; если бурлаковъ въ данной мѣстности

---

1) Новгородск. Сборникъ, III, 61.

2) Кр. прогр. № 84, К. В. Виноградовъ.

3) Сообщеніе А. Сергѣева 1904 г.

4) Библ. Ак. Н., № 112, Пардалоцкій; срв. АГО. XXIV, 6; Жив. Стар. 1895, с. 380.

5) И. Д., Путеводитель отъ М. до Спб., изд. 2. М. 1847, с. 493; прогр. № 161, Додовъ.

6) И. Д., тамъ же, с. 230; Новгор. Сборн. II, 8; АГО. XXIV, 22.

7) Ив. Вернадскій, Изслѣдованія о бурлакахъ (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. 23, 1857, с. 81 и др.); Ив. Корниловъ, Волжскіе бурлаки, 5 (Морск. Сборн. 1862, № 7).

много и они задаютъ тонъ, то новая мода легко можетъ распространиться, какъ вообще нерѣдко распространяются самыя нелѣпыя моды; разумѣется, при этомъ необходимо, чтобы новая черта легко поддавалась подражанію (какое условіе, кстати замѣтить, вполнѣ примѣнимо къ м. к).— Возможны, конечно, и другія условія; напр., бурлакъ за время „путины" легко можетъ привыкнуть къ произношенію своихъ товарищей по артели такъ, что потомъ не въ силахъ отъ него отдѣлаться. Въ томъ и другомъ случаѣ, если окажутся на лицо благопріятныя условія, случайное заимствованіе можетъ превратиться въ общую моду.

Что касается прибрежныхъ жителей судоходныхъ рѣкъ, то у нихъ входятъ въ непосредственныя соприкосновенія съ бурлаками не только работающія на судахъ мужчины, но также и ихъ семьи, на береговыхъ стоянкахъ, такъ что возможность заимствованій еще болѣе облегчена.

Южно-великорусскіе бурлаки на Волгѣ получили отъ своихъ сѣверныхъ товарищей кличку *„ягутки"* или „я(е)гуны"—кличку чисто діалектологическаго характера, подчеркивающую кагоканье южныхъ бурлаковъ, т. е. произношеніе ими *яго* вм. *ево*. Интересно выяснить географическое распространеніе этой клички на сѣверѣ: оно покажетъ намъ, кому именно изъ сѣверно-великоруссовъ приходится часто сталкиваться съ кагокающими акальщиками на Волгѣ.

Въ Череповскомъ у. Новгородской губ. проф. Эрдманъ отмѣтилъ въ 1850-хъ годахъ сл. *ягутки*, какъ названіе для „нанимающихся тянуть веревками судно на рѣкѣ" [1]), т. е. для бурлаковъ. Въ Моложскомъ у. тоже слово отмѣчено въ значеніи „бурлаки", въ 1860-хъ годахъ [2]). Наконецъ, изъ гор. Рыбинска имѣется такое сообщеніе: „Кромѣ тѣхъ рабочихъ, которые ежегодно прибывали въ Рыбинскъ ко времени прибытія каравана, стали являться цѣлыми сотнями татары и т. наз. *„ягутки"* (преимущественно уроженцы Рязанской губ.), работающіе обыкновенно на тачкахъ и берущіе болѣе дешевую пѣну" [3]); въ этомъ послѣднемъ случаѣ „ягутки" являются уже крючниками, т. е. судовыми носильщиками.

[1]) Зап. Казанск. У-та, 1857, № 2, с. 167; срв. Толков. слов. Даля.

[2]) Яросл. Г. В. 1868, № 18.

[3]) Яросл. Г. В. 1889, № 21, статья „Рыбинскіе зимогоры".

Итакъ, въ Рыбинскѣ „ягутками“ слывутъ гл. обр. рязанцы; съ этимъ вполнѣ согласуется цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что и у своихъ ближайшихъ сосѣдей рязанцы также слывутъ подъ прозвищами: егуны, ягутки [1]). Мнѣ матросы на Волжскихъ пароходахъ (матросы эти хранятъ традиціи прежнихъ бурлаковъ) говорили, что они называютъ рязанцевъ „старыми ягутками“, а тамбовцевъ — „новыми ягутками“. По Корнилову, „ягутками“ зовутся у бурлаковъ тамбовцы и рязанцы, а также Пензенскіе и Орловскіе бурлаки [2]).

Характерно, что во всѣхъ мѣстахъ сѣвернаго поволжья, гдѣ извѣстна бурлацкая кличка „ягутки“, извѣстно и м. к въ говорѣ. Очевидно, Рязанскіе и вообще южно-великорусскіе бурлаки, въ говорѣ коихъ м. к является въ нѣкоторомъ смыслѣ исконною чертою, были однимъ изъ факторовъ распространенія этой черты въ верхнемъ поволжьѣ; такое предположеніе особенно вѣроятно для Череповскаго у. и вообще для Новгородской губ. (прорѣзанной судоходными каналами), гдѣ другихъ факторовъ распространенія этой черты почти не было. Но и въ другихъ мѣстахъ Поволжья особенно широкое распространеніе м. к по берегамъ судоходныхъ рѣкъ говоритъ въ пользу того же предположенія.

Мы подробно остановились на Волжскихъ бурлакахъ-ягуткахъ не только потому, что они объясняютъ появленіе м. к въ Новгородской и Тверской губ. Возможно, что и нѣкоторые другіе мелкіе факты сѣверно-великорусской діалектологіи объясняются на той же самой почвѣ непосреднаго общенія сѣверныхъ и южныхъ бурлаковъ. Такъ, напр., не исключена возможность, что изрѣдка встрѣчающееся въ Бѣлозерскомъ и Кирилловскомъ уу. кагоканье (сохраненіе звука г въ род. пад. ед. ч. прилаг. и мѣстоименій) является недавнимъ культурнымъ заимствованіемъ отъ тѣхъ же Рязанскихъ „ягутокъ“.

---

1) Макаровъ, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. III, 76; Дополн. къ Опыту обл. слов. 46; Будде въ Русск. Филол. Вѣстн., т. 27, с. 219; Гациссскій, Нижегородка, изд. 3, с. 124; прогр. № 247.

2) Волжскіе бурлаки, 5.

XVIII. Костромская и другія губерніи.

188: Костромской уѣздъ; Кинешемскій. — 189: Буйскій у. и Галичскій.—190: Солигаличскій у.; м. к и неслоговое у.—191: Прочіе уѣзды: факторы распространенія м. к.—192: Пермская губ. и путь въ нее м к. Сибирь.—193: Олонецкая губ.—194: Тверская губернія.

§ 188. По Костромской губ. проходитъ восточная граница области распространенія м. к въ окающихъ говорахъ. Область эта захватываетъ здѣсь лишь западныя окраины губерніи и только по берегамъ р. Волги проходитъ нѣсколько дальше на востокъ.—На крайнемъ востокѣ Костромской губ. опять встрѣчается м. к, уже не сплошною полосою, а рѣдкими островами, — но тамъ эта особенность совсѣмъ иного происхожденія: на востокъ Костромской губ. м. к принесено не западнымъ теченіемъ, а восточнымъ — переселенцами съ Вятки, которые направлялись въ восточно-Костромскіе лѣса втеченіе всего почти XIX в., сначала по приглашенію Удѣльнаго вѣдомства [1]).

Въ Костромскомъ у. м. к распространено больше, чѣмъ въ прочихъ уѣздахъ губерніи, но и здѣсь эта черта не всеобщая: въ с. Жаркахъ и около его м. к нѣтъ, исключая дер. Ямково (въ 15 в. отъ Жарковъ), гдѣ живутъ пришлые [2]). Нѣтъ м. к и въ Красносельской вол. (с. Красное р. Волгѣ, неподалеку отъ гор. Плеса) [*]). Населеніе въ Жаркахъ и въ Красномъ селѣ старое, живущее нѣсколько изолированно отъ сосѣдей вслѣдствіе своихъ особенныхъ промысловъ — хмѣлеводства въ Жаркахъ и выдѣлки мелкихъ металлическихъ украшеній въ Красномъ. Уже одно это обстоятельство можетъ свидѣтельствовать о томъ, что м. к въ Костромѣ—явленіе новое и наносное.

Отмѣчено м. к въ Шунгенской вол., с. Шуньгя (такъ его называютъ сосѣди; пишется: Шуньга) расположено на р. Костромѣ, вблизи р. Волги и гор. Костромы. Въ этой волости отмѣчены, м. пр., случаи м. к: черькя́тца (46), бу́лькять (89), в церькёви (46), Боярьскяя, Ворькёе (96); м. г: дерьгять, четверьгём, кочерьгёй, деньгю́, серьгю́, и съ пе-

[1]) П. Зарубинъ, Замѣтки о Варнавинск. у., 10.
[2]) Устное сообщеніе В. Я. Нифонтова.
[*]) Прогр. № 44 (Матер. VI, 283), Н. Покровскій.

реходомъ въ j: Шунья, Олья (22); м. х: верьхя, вверхю (с. 46) [1]). Послѣ ч м. к нѣтъ: по крючкам, въ башмачках (74). Тотъ же Виноградовъ отмѣчаетъ м. к и въ говорѣ мѣщанъ гор. Костромы [2]). — Къ востоку отъ Костромы лежатъ приходы селъ Пушкинской вол.: Минскаго и Николы-Трестина (10—15 в. отъ гор., на р. Волгѣ), гдѣ также м. к: церькёвнова и т. п., на верхю, на четверенкяхъ, Олья, но рядомъ и чайкомъ [3]).

Для большей части другихъ селеній Костромского у. м. к необходимо предполагать, хотя свѣдѣній о томъ и нѣтъ: и на сѣверъ, и на востокъ отъ Костромск. у. лежатъ мѣстности съ м. к въ говорѣ. Главная струя волны м. к въ предѣлахъ уѣзда двигалась, очевидно, по р. Волгѣ: здѣсь она выцла за предѣлы уѣзда и проникла въ сосѣдній Нерехотскій у.; въ послѣднемъ, около гор. Плеса, отмѣчено: толькё, сколькё [4]).

Дальше на востокъ м. к по Волгѣ, видимо, не пошло; въ Кинешемскомъ у. м. к отмѣчено въ дер. Борокъ на р. Корбѣ: Наськя, сверьхю, зерькяло, церькёфь [5]); но эта деревня стоитъ на границѣ съ Галицкимъ у., съ галичанами у нея больше сношеній, нежели съ кинешемцами, и м. к сюда проникло скорѣе всего съ сѣвера, изъ Галича: у сосѣднихъ галичанъ (дер. Сосновецъ и др.) говоръ тотъ же самый, съ м. к.

§ 189. Широко распространено м. к. также въ Буйскомъ у., но опять таки не во всемъ. Въ с. Шушкодомѣ и его волости (25 в. отъ Буя, на сѣв.-зап. у., близъ границъ Вологодск. губ.) м. к нѣтъ [6]).—Въ средней части Буйскаго у., по р. Письмѣ (с. Покровское и др.), м. к очень обычно: дочкя, дочкю, дочкёй, сахарькю, миленькёму, церькёвъ, зерькяло, руськей, царьскей; м. *х* и *г*: сверьхю, дерьгять, дергяешь, деньгю, деньгёй [7]).

Въ отвѣтѣ на прогр. № 248 [8]) Ѳ. И. Покровскій опи-

[1]) Сборн. 2 Отдѣл., т. 68, Виноградовъ.
[2]) Изв. 2-го Отдѣл. X, кн. 2, 1905, с. 303: брюшинькё.
[3]) Прогр. № 264, I. Преображенскій.
[4]) Жив. Стар. 1895, с. 400.
[5]) Прогр. № 66 (Матер. VIII, 511), Румянцевъ.
[6]) Кр. прогр. № 32, Ив. Воропоновъ.
[7]) Жив. Стар. 1895, с. 403, 406; прогр. № 18; прогр. № 248, с. 47 и др.
[8]) Срв. Жив. Стар. 1897, № 3—4, с. 446—469.

сываетъ говоры Буйскаго у. (исключая сѣверной части, вол. Ѳерапонтовской и Покровской) вмѣстѣ съ говорами западной части Галичскаго у. (волости: Костомская, Новографская, Нагатинская, Яхнобольская, Дурцовская и Холмовская), а также и съ сѣвѣромъ Костромскаго у. (по рр. Мезѣ и Андобѣ). Изъ этого описанія намъ осталось не яснымъ, составляетъ ли м. к общую черту говоровъ всѣхъ трехъ уѣздовъ, или же только „средней части Буйскаго у.“.

Относительно гор. Галича имѣются противорѣчивыя свидѣтельства; семинаристъ Ласточкинъ сообщаетъ, что м. к въ говорѣ мѣщанъ гор. Галича нѣтъ, а его товарищъ Комаровъ замѣчаетъ, что „маленькіе мальчики говорятъ иногда: экёй Ванька, Саньтя“ [1]). — По моимъ наблюденіямъ 1910 г. въ дер. Рудино Бохчинской вол. и въ дер. Гридино Свининской вол. (обѣ деревни около ст. Лопарево) м. к нѣтъ. — Но на крайнемъ югѣ у., въ дер. Сосновецъ на р. Корзѣ, у границы съ Кинешемскимъ у., м. к есть [2]).

Другихъ свѣдѣній о говорахъ Галичскаго у. въ нашемъ распоряженіи нѣтъ; по этому уѣзду должна проходить восточная граница интересующей насъ черты: въ сосѣднемъ Чухломскомъ у. м. к нѣтъ [3]).

§ 190. Въ Солигаличскомъ у. м. к почти совсѣмъ нѣтъ, несмотря на близость этого у. къ Грязовецкому. Ѳ. Покровскій приводитъ случай изъ Чудцовской вол. (изъ мѣстности на р. Туткѣ; дер. не названа): праськёй (= правскій), праськую [4]). Напротивъ, авторъ отвѣта на кр. прогр. № 33, учитель Демьяновскаго училища А. Лаврентьевъ (1904 г.), описывая говоръ той же Чудцовской вол., с. Демьянова и дер. Богданова, Муникова, Меленки и Горчакова, замѣчаетъ (§ 12): „у насъ м. к нѣтъ, а въ сосѣдней дер. Орлово, Раменской вол. Грязовецкаго у. (3 в. отъ насъ), говорятъ: Ванькя, Васькя, помаленькю и т. п.“—Т. о., здѣсь проходитъ восточная граница м. к; на р. Тутку оно легко могло проникнуть съ сѣвера. Чудцовская волость лежитъ въ западномъ углу Солигаличскаго у., который здѣсь нѣ-

1) Прогр. № 55.
2) Прогр. № 66, Румянцевъ.
3) Жив. Стар. 1899, с. 339.
4) Жив. Стар. 1897, № 3, с. 467.

сколько врѣзывается въ Вологодскую губ.; говоры этой волости очень разнообразны; м. пр., на правомъ берегу нижняго теченія р. Тутки говоръ шепелявый: кошили, ожимь, желеный и т. п., чего на лѣвомъ берегу совсѣмъ нѣтъ. На правомъ берегу Тутки живутъ помѣщичьи крестьяне, и Покровскій объясняетъ отличіе ихъ говора недавнимъ появленіемъ ихъ въ краѣ.

Еще мы имѣемъ описаніе Нероновской вол. (на югѣ средней части у., вблизи гор. Чухломы); о м. к не упоминается [1]): очевидно этой черты нѣтъ.

Говоръ Солигаличскаго у. обнаруживаетъ сходство съ сосѣдними говорами Кадниковскаго у., особенно по наличности неслогового ў; Ѳ. И. Покровскій сообщаетъ, что черта эта распространена по всему Солигаличскому у.[2]), и видитъ въ ней „результатъ вліянія сосѣдняго говора".

Область распространенія неслогового ў на сѣверѣ занимаетъ широкую полосу, которая простирается отъ границъ Чухломскаго у. до границъ Холмогорскаго. Уѣзды Вельскій, Кадниковскій и Солигаличскій входятъ почти цѣликомъ въ эту полосу. По серединѣ полосу эту пересѣкаетъ узкая, сравнительно, лента съ м. к, которая не достигаетъ ни сѣверной, ни южной границы широкой полосы неслогового ў. Въ этой картинѣ мы видимъ лишнее доказательство поздняго распространенія м. к; неслоговое ў — черта, безспорно древняя; оно шло здѣсь съ сѣвера на югъ: въ XIV—XV вв. обычно было на низовьяхъ Сѣверной Двины [3]), гдѣ теперь его нѣтъ. Если бы при движеніи неслогового ў картина говоровъ была сходна съ настоящею, если бы м. к пересѣкало путь, то оно, конечно, было бы захвачено волною неслогового ў и унесено далѣе на югъ. Но этого не случилось: м. к далеко не достигло на югѣ той границы, до которой дошло неслоговое ў. Очевидно, во время движенія неслогового ў съ сѣвера на югъ, м. к здѣсь еще не было.

---

[1]) Кр. прогр. № 29, Н. Рыскинъ.

[2]) Жив. Стар. 1897, № 3, с. 451; срв. кр. прогр. № 33, Лаврентьевъ.

[3]) А. А. Шахматовъ, Изслѣдован. о Двинскихъ грамотахъ, с. 83.

§ 191. Во всѣхъ прочихъ, восточныхъ, уѣздахъ Костромской губ. м. к вообще нѣтъ, о чемъ имѣется рядъ свидѣтельствъ. Исключеній намъ извѣстно лишь два. Въ Тимошинской вол. Макарьевскаго у. (на сѣв.-вост. у., у границъ Кологривскаго и Варнавинскаго) отмѣченъ случай *пешкя* вм. печка [1]). Мы относимъ его на счетъ недавнихъ переселенцевъ съ востока, изъ Вятской губ., тѣмъ болѣе что произношеніе *ш* вм. *ч*, обычное на югѣ Вятской губ., въ Костромскихъ говорахъ вообще не встрѣчается. — Въ Ветлужскомъ у. м. к вообще также нѣтъ [2]). Но акад. Соболевскій приводитъ, изъ бумагъ покойнаго Нефедова, случаи для неизвѣстной мѣстности этого уѣзда: горькяя, солнышкё и т. п. [3]). Мы относимъ и эти случаи на счетъ недавнихъ переселенцевъ-вятчанъ, которыхъ здѣсь вообще очень много.

Факторы распространенія въ Костромскихъ говорахъ м. к очень ясны. Это: 1) промышленное движеніе по р. Волгѣ; 2) близкое сосѣдство съ Ярославской и Вологодской губ., гдѣ м. к столь обычно; 3) колонизаціонное движеніе изъ Ростовско-Суздальской области на сѣверъ должно было задѣвать на пути западъ Костромской губ. и, конечно, оставлять здѣсь свои слѣды; 4) помѣщики переводили въ Костромскую губ. крестьянъ изъ центральныхъ губ.; м. пр., В. И. Даль знаетъ переселенцевъ-рязанцевъ въ Кологривскомъ у. [4]); 5) сильно развитые отхожіе промыслы также не могли не содѣйствовать распространенію здѣсь м. к; 6) наконецъ, на востокъ Костромской губ., вообще поздно заселенный, м. к должны были принести позднѣе переселенцы-вятчане.

§ 192. Изъ прочихъ великорусскихъ губерній, — если исключить Московскую, о которой рѣчь будетъ ниже, — сравнительно чаще встрѣчается м. к въ Пермской губ., хотя здѣсь эта черта распространена не сплошными полосами, а исключительно лишь рѣдкими островками.

---

[1]) Р. Ф. В., т. 65, с. 44, статья А. И. Соболевскаго.

[2]) Отвѣтъ на мою прогр. М. Румянцева изъ Ново-Успенской вол.

[3]) Р. Ф. В., т. 65, с. 43.

[4]) Толков. Словарь, I, изд. 1-ое, с. XXII; срв. прогр. № 58 (Саратовскіе переведенцы въ Кологривскомъ же у.).

Въ Верхотурскомъ у. отмѣчено три пункта съ м. к въ говорѣ. Въ дер. Махнёвой, Махнёвской вол.: копейкя и копейтя, зерькело, но чейка вм. чайка, ричка, ненька [1]), т. е., м. к очень рѣдко, б. м. въ одномъ толькѣ словѣ копе́йка, произношеніе коего легко заимствуется отъ торговцевъ.— Обычно м. к въ говорѣ коренныхъ жителей Нижне-Тагильскаго завода, по моимъ наблюденіямъ; въ Екатеринбургѣ смѣются надъ Тагильскими, передразнивая ихъ словами: „я былъ мужичькёмъ, ходилъ босичькёмъ".—Въ 16-и вер. отъ Н.-Тагила село Николае-Павловское, великорусское населеніе коего—переселенцы 1826 г. изъ с. Ерахтура, Касимовскаго у. Рязанской губ.; ихъ говоръ сохранилъ еще аканье; встрѣчается и м. к: Ванькя, маменькя, сверьхю, но: дочка́ [2]).

Въ Екатеринбургскомъ у., солдатъ изъ дер. Першино Глинской вол. (около завода Рѣжевского), отъ котораго я записывалъ сказки, произносилъ: старичькёф, сынóчькёф, съ корзиночькёй и т. п., причемъ ч произносилъ всегда съ шипящимъ оттѣнкомъ.

Въ Ирбитскомъ у. м. к отмѣчено въ трехъ пунктахъ. Въ с. Покровскомъ уже рукопись 1849 г. отмѣчаетъ: бочкя, кочкя [3]). Въ с. Чубаровѣ и Чубаровской вол. м. к очень часто: рѣдькя, толькё, чайкю, сверьхю, но: дочка [4]). — Въ свадебномъ причетѣ с. Шмаковскаго встрѣтилось: мелкёхонькё [5]).

Въ неизвѣстной мѣстности Камышловскаго у. (повидимому, въ сосѣдствѣ селъ: Поваренскаго и Сергуловки) отмѣчено: Варькя, дочкя, чайкю, солнышкё, сверхю, колечкё, послушай-кё [6]).

Изъ Красноуфимскаго у. мы имѣемъ 7 сообщеній о говорахъ съ м. к. Въ Шайтанскомъ заводѣ: чашичкю, чайкю, дочкя, рѣтькя, Митькя, зерькяло [7]).—Въ Михайловскомъ зав. м. к при аканьѣ [8]). — Въ с. Сухановскомъ м. к

[1]) Прогр. № 154 (Матер. IX, 210), А. Мартыновъ.
[2]) Прогр. № 51, А. Н. Соловьевъ.
[3]) АГО. XXIX, 18.
[4]) Прогр. № 204, А. Т. Коростеневъ.
[5]) Изв. 2 Отдѣл., т. 17, 1912, № 3, ст. Богаевскаго, с. 12 оттиска.
[6]) Прогр. № 89 (Матер. IX, 216).
[7]) Прогр. № 154 (Матер. IX, 220), А. Богданова.
[8]) Прогр. № 209, Соколова.

отмѣчено только въ личныхъ уменьшительныхъ именахъ: Сенькя, Петькя, Васькю, Ванькю, рядомъ съ только, чайку, кочка [1]).—Въ с. Богородскомъ: Ванькя, чейкю, послушайке [2]), но, повидимому, не часто. — Въ с. Златоустовскомъ или Большіе ключи: Васькя, Олешкя, сахаркю, чайкю [3]).—Въ Сылвинскомъ зав. я лѣтомъ 1912 г. отмѣтилъ: водичкя и т. п.—Въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Сарапинскомъ и Нижне-Сергинскомъ заводахъ Красноуфимскаго уѣзда, встрѣтилось: душецкю [4]). Отъ уроженца Нижне-Сергинскаго завода я записывалъ сказки и отмѣтилъ въ его говорѣ м. к.

Въ Кунгурскомъ у., въ былинахъ, записанныхъ въ дер. Беркутово, Филипповской вол., м. к довольно послѣдовательно послѣ *ц*, но ни разу не встрѣтилось въ обычныхъ случаяхъ послѣ *-нъ*: вилоцькя, скатѣроцькю, проулоцькямъ, по заулоцькямъ, но: мамынька, ранешенько, билѣхонько, ранехонько [5]). — Въ Серебрянскомъ заводѣ, по моимъ наблюденіямъ, *к* въ извѣстныхъ случаяхъ звучитъ *почти* мягко: копейкя, маленькѣ, цѣпочькя(а), но нѣсколько тверже обычнаго м. к.—Въ Осинскомъ у., въ Бымовской и сосѣднихъ вол., отмѣченъ единственный случай м. к: молоськѣ вм. молочко, хотя вообще здѣсь м. к нѣтъ [6]).—Въ Пермскомъ у. м. к отмѣчено мною въ Чусовскомъ заводѣ.—Въ Соликамскомъ у., въ с. Козьмодемьянскомъ на р. Язвѣ: маменькя, рѣдькя и т. п. [7])—Въ Шадринскомъ у., въ с. Бродокалмакское: толькѣ, дочкя, молочкя, сахаркю [8]).

Присутствіе въ Пермской губ. говоровъ съ м. к очень естественно. Здѣсь очень много переселенцевъ изъ Вятской и Вологодской губ., а также изъ губерній южно-великорусскихъ—Тульской и др.

---

1) Прогр. № 138, Лыбинъ.

2) Прогр. № 137, Побѣдоносцевъ.

3) Прогр. № 139, И. П. Ларцевъ.

4) Изв. Оренбургск. Отдѣла И. Р. Географ. Общ. XIV, 1900, с. 163 (Я. Г. Петрова, Пѣсни.).

5) Этнограф. Обозр. 1899, № 4, с. 92.

6) Изв. Оренбургск. Отдѣла Геогр. Общ. VIII, 1896, с. 27, ст. П. Богоявленскаго.

7) Прогр. № 207.

8) Прогр. № 211, Гр. Буткинъ.

Основателемъ Тагильскихъ и многихъ другихъ заводовъ на Пермскомъ Уралѣ былъ Никита Демидовичъ Антуфьевъ-Демидовъ (1656 — 1725), уроженецъ дер. Павшиной Тульской губ., кузнецъ Тульскаго оружейнаго завода. Онъ до самой своей смерти сохранялъ тѣсныя связи съ своей родиной, и умеръ въ Тулѣ. Уже a priori необходимо предполагать, что на основанные имъ Уральскіе заводы селились прежде всего его земляки, тѣмъ болѣе что на новыхъ заводахъ Урала нужны были прежде всего кузнецы. Другіе заводчики Урала также, вѣроятно, пользовались услугами туляковъ; во всякомъ случаѣ, они много пользовались крѣпостнымъ трудомъ, и переселяли на Уралъ крестьянъ изъ центральныхъ губерній, въ томъ числѣ и южно-великорусскихъ. По свидѣтельству Муллова, „въ Пермской губ. заводскіе люди и крѣпостные переселены изъ подмосковныхъ деревень; они извѣстны здѣсь подъ именемъ *гамаюны*“ [1]). Слѣды южно-великорусскаго происхожденія сказываются доселѣ въ аканьѣ многихъ заводовъ и селъ Пермской губерніи. Въ Нижне-Сергинскомъ заводѣ сохраняется аканье и окончаніе 3-го л. ед. ч. на -ть [2]). Населеніе заводовъ Верхне-Сергинскаго, Васильевскаго, Михайловскаго и отчасти Кыштымскаго, а также с. Метлина Екатеринбургскаго у., по моимъ наблюденіямъ, слабо акаетъ. Въ сказкахъ Екатеринбургскаго у., записанныхъ Ив. Потаповымъ, находимъ случаи сильнаго аканья: довязу, лясину, мядвидь, полятѣла [3]). Жители дер. Ивановки Ирбитскаго у., переселенные помѣщикомъ Ивановымъ изъ центральныхъ губерній, говорятъ „свысока“ [4]). Списокъ акальщиковъ Пермской губ. можно было бы и еще продолжить. Нисколько не увидительно, что многіе изъ нихъ (напр. нижне-сергинцы) принесли съ собою на Уралъ и м. к.

Преобладающее населеніе Пермской губ. составляютъ однако же не южно-великоруссы акальщики, а сѣверно-великоруссы окальщики. Пермскій Уралъ стоялъ на дорогѣ

[1]) Библ. Ак. Н., № 193.

[2]) Перм. Г. В 1866, № 29.

[3]) Перм. Г. В. 1863, № 45.—Срв. правописаніе Кирши Данилова, которое проще всего объясняется его аканьемъ.

[4]) Прогр. № 204.

въ Сибирь; нѣкоторые изъ проходившихъ въ Сибирь, вѣроятно, останавливались и оставались здѣсь навсегда; также поступали, конечно, и многіе возвращавшіеся изъ Сибири обратно. Большое сходство въ бытѣ великоруссовъ Пермской губ. и сибиряковъ-старожиловъ внѣ всякаго сомнѣнія. Между тѣмъ извѣстно, что главную массу первыхъ мирныхъ переселенцевъ въ Сибирь дали нынѣшнія губерніи — Вологодская [1]) и Вятская; а разъ начавшееся народное движеніе прекращается обыкновенно не сразу. Вятскіе и Вологодскіе переселенцы въ Сибирь болѣе поздняго слива легко могли принести м. к какъ въ Сибирь, такъ и на Уралъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ Сибири должны быть говоры съ м. к. Таковые и дѣйствительно есть. Мы не говоримъ о позднѣйшихъ Сибирскихъ переселенцахъ, среди коихъ не трудно найти говоры всѣхъ мѣстъ Европейской Россіи. Но м. к отмѣчено въ глуши Енисейскаго у., въ Кежемской вол., заселенной русскими, вѣроятно, въ половинѣ XVII в. (Кежма упоминается въ Книгѣ Большаго Чертежа); въ записанныхъ здѣсь А. А. Макаренкой пѣсняхъ читаемъ: дорожка, дороженка, сыночка, кокушечка, рядомъ съ мамонька [2]). „Въ Туринскомъ у. Тобольской губ. говорятъ Ванькя, дочкя, чайкю“ [3]).—Но вообще въ Сибири преобладаютъ окающіе говоры безъ м. к. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что въ говорѣ первыхъ русскихъ пришельцевъ въ Сибирь (спутниковъ Ермака и др.) м. к не было, какъ не было его и у многихъ вологодцевъ и вятчанъ (изъ восточныхъ частей этихъ губерній), равно какъ у всѣхъ архангельцевъ, которые массами шли въ Сибирь въ XVII в. Кромѣ того, вѣроятно и у западныхъ вологодцевъ и вятчанъ м. к было тогда еще не особенно сильнымъ и

[1]) Срв. Пушкаревъ, Вологодская губернія, 23; Фр. Миллеръ, Исторія Сибири, гл. 5, с. 359—360.

[2]) Жив. Стар. 1907, № 3, отд. 2, с. 55—56; срв. № 2, с. 115.

[3]) Прогр. № 21, Л. Буланже (Матер. II, 31).—Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно сомнѣваться, не имѣется ли тутъ въ виду говоръ позднѣйшихъ переселенцевъ. Въ говорѣ такихъ м. к обычно, напр. въ с. Ординскомъ Барнаульскаго у., гдѣ одна улица слыветъ „Вологодской край“ (прогр. № 127), въ гор. Колывани Томской губ. (прогр. № 107), въ дер. Михайловкѣ Каинскаго у., гдѣ переселенцы 1860-хъ годовъ (прогр. № 98, К. Соболевскій).

б. ч. изчезало при столкновеніи съ другими говорами. Во всякомъ случаѣ, настоящій Сибирскій говоръ, который задаетъ тонъ, считается моднымъ въ Сибири, и которому стараются подражать всѣ поздніе переселенцы, м. к не знаетъ.

§ 193. Въ говорахъ Нижегородской и Казанской губ. м. к совсѣмъ нѣтъ, и здѣсь мы имѣемъ прекрасное доказательство того, что въ *старой* Суздальской области, изъ которой колонизовалось Нижегородское поволжье, м. к не было.—Нѣтъ также м. к въ Уфимской и Оренбургской губ. (если не считать позднѣйшихъ переселенцевъ): сюда этой чертѣ не откуда было проникнуть, такъ какъ кругомъ господствуютъ говоры безъ м. к.

Если теперь вернуться на западъ великорусской области, то мы не найдемъ совсѣмъ м. к въ говорахъ Псковской губ. и почти совсѣмъ — въ говорахъ губ. С.-Петербургской [1]); послѣднія также окружены со всѣхъ сторонъ говорами безъ м. к.—Но въ Олонецкой губ. м. к изрѣдка встрѣчается, однако—какъ большая рѣдкость. Въ говорѣ сказителя Рябинина, изъ Олонецкаго у., встрѣтилось однажды произношеніе тетевоц*кю*, хотя вообще онъ произносилъ *к* въ такихъ случаяхъ безъ смягченія [2]). — Въ с. Муромлѣ, Петрозаводскаго у., отмѣченъ случай сахарькю, повидимому единственный [3]); но мѣстное населеніе почти сплошь занято отхожимъ промысломъ на судахъ, идущихъ по Маріинской системѣ, гдѣ имъ не трудно было заимствовать м. к, особенно въ такомъ культурномъ терминѣ, какъ „сахарь". — Наконецъ, уроженецъ и житель гор. Устюжны И. Петровыхъ замѣчаетъ, что ему произношеніе „Ваньтя" „приходилось слышать отъ олончанъ, т. е. жителей Олонецкой губ." [4]).

Въ единичномъ случаѣ „тетевоцкю" Рябинина нужно предполагать случайное и притомъ чисто физіологическое явленіе, которое можетъ проскользнуть у всякаго на почвѣ

---

[1]) Изъ С.-Петербургской губ. мы имѣемъ, въ бумагахъ Воскресенскаго, матеріалы по говору Михайловской вол. Новоладожскаго у.—записи Н. Кудряшова 1895 г.: въ нихъ встрѣтилось одинъ разъ: хорошенькёй (им. пад. ед. ч.).

[2]) Жив. Стар. 1893, № 1, с. 131.

[3]) Прогр. № 30 (Матер. IV, 118), А. Георгіевскій.

[4]) Прогр. № 28 (Матер. III, 84).

недостаточной подвижности органовъ рѣчи при артикуляціи звуковъ. Въ двухъ же прочихъ случаяхъ м. к нужно относить на счетъ поздняго культурнаго заимствованія,— поздняго, такъ какъ иначе оно распространилось бы въ Олонецкихъ говорахъ (сравнительно хорошо изученныхъ) много шире [1]).

Вообще, въ наши дни единичные случаи м. к можно встрѣтить едва ли не повсюду на святой Руси, такъ какъ культурная жизнь путаетъ и стираетъ всякія діалектологическія границы. Но это будутъ именно единичные случаи, которые общей картины географическаго распространенія говоровъ съ м. к, изложенной нами, не мѣняютъ.

§ 194. Нѣсколько чаще встрѣчается м. к въ говорахъ Тверской губ. Отмѣчено оно здѣсь только въ двухъ уѣздахъ, сосѣднихъ съ Ярославскою губерніею — Калязинскомъ и Весьегонскомъ, около рр. Волги и Мологи. Въ подгородныхъ деревняхъ Калязина „обыкновенно говорятъ: чайкю, хозяйкя, чайкёмъ, валькёмъ, пенькя, постройкя“ и т. п. [2]).—Въ дер. Костолыгино того же у.: церъкёвный, въ церъкёвя (при имен. цёрква), хотя сочетанія -чка и -чку сохраняются; въ Порѣчской вол. (с. Порѣчье, дер. Марково, Теремецъ и др.): пенькя, хозяйкя, валькёмъ и пр. [3]).

Въ сѣв.-восточной части Весьегонскаго у. м. к встрѣчается довольно рѣдко, и ни въ одной деревнѣ не проводится послѣдовательно; въ с. Воскресенье: косы́нькя, косы́нькю, но деньгамъ; въ дер. Страшино: маленькё; въ дер. Б. Поповка Пятницкаго прихода: Руськей [4]). — Преобладаютъ же въ этихъ уѣздахъ, какъ и во всей Тверской губ., говоры безъ м. к.

[1]) Въ старой записи около гор. Каргополя встрѣтились случаи: на Волосовскёмъ, на Романовьскёмъ (АГО. XXV, 25, Н. Смирновъ, Загадки); рядомъ: крендельковъ, только. Нужно думать, что здѣсь неудачное обозначеніе мягкости предшествующаго согласнаго *с*, или же отмѣченныя формы возникли изъ законныхъ формъ на -кемъ (при именит. Волосовскей) вслѣдствіе переноса на конецъ слова ударенія. Отсутствіе м. к въ говорахъ Каргопольскаго у. отмѣчено, кромѣ ряда прежнихъ авторовъ (Матер. IX, 200, и др.), М. Б. Едемскимъ въ 1913 г.

[2]) Прогр. № 270 (анонимъ 1906 г.).

[3]) Прогр. № 176. Н. Зазыкинъ.

[4]) Тр. Моск. Діал. Ком. II, 151 и 157—158, ст. В. и Ю. Соколовыхъ.

Причины проникновенія въ Тверскую губ. м. к ясны; это: промышленное движеніе по Волгѣ, отхожіе промыслы и сосѣдство Ярославской губерніи. Общее же отсутствіе въ Тверской губ. м. к объясняется тѣмъ, что здѣсь колонизація шла съ сѣв.-запада на юго-востокъ, а не въ обратномъ направленіи; особенно рѣзко выражено было здѣсь колонизаціонное движеніе съ сѣв.-запада послѣ разоренія Тверского края Литвою въ смутное время; тогда сюда двинулись обильною массою корелы изъ-за Свѣйскаго рубежа; они увлекали, конечно, и оставшихся здѣсь русскихъ. Съ этимъ сѣв.-западнымъ, преимущественно корельскимъ, движеніемъ колонизаціи мы встрѣчались уже и выше (§ 171), въ Ярославской губерніи.

XIX. Московская губернія.

§ 195: Коломенскій уѣздъ.—196: Бронницкій уѣздъ.—197: Верейскій, Богородскій и др. уѣзды; Гуслица.—198: М. к въ старой Москвѣ и на западъ отъ нея; исчезновеніе его тамъ; Москва, какъ исходный пунктъ м. к; переходъ м. к изъ южновеликорусскихъ говоровъ въ сѣверновеликорусскіе.

§ 195. Въ Московской губ. м. к извѣстно теперь только на югѣ, гл. обр. въ Коломенскомъ и Верейскомъ уу., а частью также въ Серпуховскомъ, Бронницкомъ, Богородскомъ и Московскомъ. На сѣверѣ эта черта нигдѣ не достигаетъ гор. Москвы и въ самой Москвѣ неизвѣстна. Но въ старину, какъ то необходимо предполагать по многимъ основаніямъ, область распространенія м. к въ предѣлахъ нынѣшней Московской губ. на сѣверѣ и на западѣ простиралась гораздо дальше.

Въ Коломенскомъ у. м. к отмѣчено уже редакціей „Опыта областнаго великорусскаго словаря“ (Спб. 1852), вѣроятно, по сообщенію учителя Коломенскаго Уѣзднаго училища Черкесова; въ предисловіи къ „Опыту“ читаемъ: „Въ Коломенскомъ нарѣчіи сохранилось оправданіе старинному говору, какой встрѣчаемъ въ письменныхъ памятникахъ, именно послѣ согласной *к* въ окончаніи именъ гласныя *я* и *ю* вм. *а* и *у*: тятенька*я*, маменька*я*, чайк*ю*, тарелочк*ю*“ (с. II). То же повторилъ и Даль [1]). Теперь м. к

1) Толковый словарь, I, с. XXVI, изд. 1-е.

встрѣчается даже въ гор. Коломнѣ, хотя и „очень рѣдко“: Ванькя, помаленькю и т. п. [1]). Въ уѣздѣ же оно очень обычно.

На крайнемъ юго-востокѣ у., неподалеку отъ р. Оки, с. Бѣлые Колодези Акатіевской вол., гдѣ отмѣчено: цайкю [2]). Сѣвернѣе и западнѣе с. Бояркино, гдѣ: Варькя, Ванькя [3]). Много сѣвернѣе дер. Павлѣево, гдѣ: чайкю, Ванькя [4]). Неподалеку отъ гор. Коломны Городищи, гдѣ „изрѣдка говорятъ: чайкю, Ванькя“; здѣсь отмѣчено произношеніе йота, какъ ɛ, дающее въ результатѣ сочетаніе -гя: свингя, судгя, платгя, ничего общаго съ м. к не имѣющее [5]). — На востокъ отъ Коломны, около Оки, с. Троицкіе-Озерки Парфентьевской вол., гдѣ: Дункю, копейкю и т. п. [6]). Той же вол. дер. Бобренева, въ 1 в. отъ у. города, гдѣ: чайкю и т. п. [7]). Той же вол. дер. Чанки, въ 5 в. отъ у. гор., гдѣ: Дункя, толькя, легонькя, помаленькю [8]). — На сѣв.-вост. отъ Коломны (въ 15 в.) с. Лыково Ѳедосьинской вол., гдѣ: Петькя, чайкю [9]).—На сѣв. отъ Коломны (13 в.), на р. Москвѣ, с. Черкизово, Мячковской вол., гдѣ: Митькя, цай-кя, Мячькива, Книськёф, Ольгя [10]). Еще сѣвернѣе Колыберовская вол., во многихъ деревняхъ которой, напр. Суворовѣ, Беркинѣ, Берняковѣ, Новоселкахъ, Колыберевѣ, Вострянской, м. к [11]).

На сѣв.-зап. Коломенскаго у. Мещеринская волость, гдѣ — въ дер. Щербинино, Орѣхово, Ивантѣево и сц. Алфимово м. к, повидимому, обычно: Дункя, Аниськя, цайкю [12]), а въ с. Аксиньино рѣдко: банькю, Ванькя [13]).

Но въ рядѣ селеній Коломенскаго у., гл. обр. въ сѣв.-западномъ углу его, м. к нѣтъ. Изъ Глѣбовской вол. (на

---

1) Кр. прогр. № 54, О. Иванова.
2) Кр. прогр. № 55, М. Левитская изъ Болотова.
3) Кр. прогр. № 51, Н. Любимовъ изъ Тарбушева.
4) Кр. прогр. № 245, С. Успенскій.
5) Кр. прогр. № 49. А. Покровская и В. Смирнова
6) Кр. прогр. № 240. С. Бажановъ.
7) Кр. прогр. № 56, К. Кадышева.
8) Кр. прогр. № 53, С. В. Зерновъ.
9) Кр. прогр. № 48, А. О. Воробьевъ.
10) Р. Ф. В., т. 49, с. 35.
11) Кр. прогр. № 50, С. Бардинскій.
12) Кр. прогр. № 243, А. Рыбаковъ.
13) Кр. прогр. № 242, Е. В. Русинова.

сѣв.-зап. у.) мы имѣемъ 3 свидѣтельства, и ниодно изъ нихъ м. к не знаетъ [1]). Въ сосѣдней Малинской вол. (дер. Борзецово, Дубнево, Бѣлыхино) м. к также не отмѣчено [2]). Въ дер. Скрябинѣ Мещеринской вол. [3]), въ с. Воскресенскомъ, что на крайнемъ сѣверѣ у. [4]), въ дер. Тарбушевой Суковской вол. (на крайнемъ югѣ, у Оки) [5]) и въ с. Подберезниковѣ Ѳедосьинской вол. (почти въ центрѣ у.) [6]) м. к также не отмѣчено.

§ 196. Въ сосѣднемъ Бронницкомъ у. м. к сохраняется гл. обр. на югѣ, у границъ съ Коломенскимъ; здѣсь расположена т. н. „польщина“ [7]), ограниченная на востокѣ р. Москвой, а на югѣ — Коломенскимъ у., и заключающая въ себѣ волости: Жирошкинскую, Салтыковскую, Лобановскую, Троице-Лобановскую и Ульянинскую. Здѣсь Н. М. Каринскій отмѣтилъ м. к въ говорѣ дѣтей сел. Юсупова (№ 1248), Татарщикова (1242) и Лысова (1251): Ванькя и т. п.; въ говорѣ старухъ дер. Безпятова (№ 1369), Семеновскаго (1235), Митькова (1236), Макаровки (1362), Троицкаго (1361), Денисьева (1237) и Булгакова (1250 [8]); въ дер. Лаптевой Троицко-Лобановской вол. (№ 1373): цайкю, Ванькя, помаленькю. Въ „Польщинѣ“ м. к не составляетъ общей особенности всѣхъ говоровъ; здѣсь (напр. въ Косяковѣ) отмѣчены Каринскимъ дзекающіе говоры безъ м. к (случаи: скольки, тольки мы, какъ и вездѣ, признаками м. к не считаемъ).

Крайній востокъ Бронницкаго у. составляетъ окраину извѣстной „Гуслицы“, главная часть коей лежитъ въ Бого-

[1]) Кр. прогр. № 52, М. Голубева изъ Голочелова; кр. прогр. № 57, М. Богословскій изъ с. Четрякова, гдѣ очень силенъ отходъ въ Москву; кр. прогр. № 241, А. Ильинская изъ Б. Алексѣевскаго.

[2]) Кр. прогр. № 244, А. Успенскій.

[3]) Кр. прогр. № 52, Голубева; здѣсь отмѣчено: слѣпый, худый.

[4]) Жив. Стар. 1901, с. 309.

[5]) Кр. прогр. № 51. Н. Любимовъ.

[6]) Кр. прогр. № 59, Л. И. Чварова; отвѣтъ на прогр. не полный.

[7]) Едва-ли не равняющаяся „Сельнѣ“ или „Селинской волости“ XVII в.; о „пальщинѣ“ упоминаетъ, кромѣ Н. М. Каринскаго, еще В. Важаевъ (Очерки сельск. хоз. въ Моск. губ., с. 90), который отмѣчаетъ здѣсь давнее употребленіе катковъ, неизвѣстныхъ въ сосѣдствѣ.

[8]) Н. М. Каринскій, О говорахъ восточн. полов. Бронницкаго у. 17 и карта (Изв. 2 Отдѣл. VIII, 1903, № 1 и 2).

родскомъ у. Здѣсь преобладаютъ шепелявые говоры безъ м. к; но въ дер. Берендиной (№ 1118) у старухъ сохраняется м. к: толькя, Ванькя [1]). — Въ Гвозднѣ (старинная волость), равно какъ и во всей прочей части Бронницкаго у. м. к нѣтъ [2]).

§ 197. Въ Верейскомъ у. м. к особенно сильно въ Вышегородской вол. (Устье, Верховье, Ахматовка и др. селенія) у т. наз. „шуваликовъ“: халóдниньkяя, ф пéчкях, угалькю́, пéчькю, скóлькя [3]). — Въ Рудневской вол., въ Быкасовѣ (№ 1618): малéнькя и тольтя, въ Пахоркѣ (1621): Ванькя [4]). — По А. И. Соболевскому, говоръ Верейскаго у. вообще характеризуется м. к, иногда съ переходомъ его въ *т*: Ванькя, чiйкю, Ваньтя [5]).—Отсутствіе м. к отмѣчено В. И. Чернышевымъ на пути изъ Боровска до Москвы въ селеніяхъ: Петровское (1624), Звѣрево (1622) и Бурцево (1625) Петровской вол. и Нара Фоминская (1616) на р. Нарѣ [6]). Весьма возможно, что здѣсь м. к исчезло недавно подъ вліяніемъ школьной и городской образованности. „Шувалики“, т. е. бывшіе крѣпостные гр. Шувалова, лучше другихъ сохранили старину, какъ въ бытѣ, такъ и въ говорѣ; по быту они несомнѣнно относятся къ южно-великоруссамъ: ихъ женщины до недавняго времени носили поневы.

Относительно Серпуховскаго у. мы имѣемъ только общее замѣчаніе А. И. Соболевскаго, что говоръ этого у. характеризуется м. к: Ванькя, капейкя, чiйкю, иногда съ переходомъ въ *т*: Ваньтя [7]).

Въ Московскомъ у. м. к отмѣчено только въ с. Сýковѣ № 443, въ 15 в. отъ М.), и то какъ рѣдкость, только въ пѣсняхъ и у старухъ [8]).

---

[1]) Кр. прогр. № 52, М. Голубева.

[2]) Каринскій, тамъ же, с. 18. Гуслицкія селенія Бронницкаго у. Каринскій обозначаетъ словами „у Пятницкаго погоста“.

[3]) Изв. 2 Отдѣл. X, 1905, кн. 2, с. 369, ст. В. И. Чернышева.

[4]) В. Чернышевъ, Отъ Боровска до Москвы, 23 и 27.

[5]) Опытъ русск. діалектологіи. Спб. 1897, с. 13.

[6]) В. Чернышевъ, тамъ же, с. 16, 29, 34 и 37.

[7]) Опытъ русск. діалектологіи, 13.

[8]) В. И. Чернышевъ, Отъ Боровска до Москвы, 57.

Въ Богородскомъ у. господствуютъ говоры безъ м. к; черта эта отмѣчена только въ дер. Беззубовой (№ 563): Ванькя, чайкю [1]). Деревня эта лежитъ въ Гуслицѣ, но говоръ ея, повидимому, не характеренъ для Гуслицкаго; по кр. м., въ той части Гуслицы, которая расположена въ сосѣднемъ Бронницкомъ у. (Пятницкій погостъ и селенія около его), говоръ, по наблюденію Н. М. Каринскаго, характеризуется шепелявымъ произношеніемъ звуковъ: с, з, т и д [2]), чего нѣтъ въ Беззубовой; м. к въ этихъ шепелявыхъ говорахъ нѣтъ.

Гуслица—это старая дворцовая волость, расположенная по р. Гуслицѣ; имя ея упоминается впервые въ духовной Ивана Калиты, въ составѣ владѣній вел. княг. Ульяны [3]). Извѣстная теперь обиліемъ старовѣровъ, хмѣлеводствомъ и ткачествомъ, Гуслица отличается неплодородною болотистою почвою. Въ такихъ мѣстахъ не любили селиться великоруссы, и населеніе Гуслицы было прежде немноголюднымъ; мѣсто это считалось глухимъ, и сюда, по преданію, бѣжали стрѣльцы послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ.

Шепелявые говоры какъ Гуслицы, такъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Московской губ. мы склонны объяснять. какъ слѣдъ бывшихъ здѣсь въ XVII в. польскихъ полоняниковъ, о существованіи коихъ имѣются и прямыя историческія извѣстія. Въ описаніи, 70-хъ годовъ XVII в., дворцоваго села Клушина, Можайскаго у., встрѣчаются, среди бобылей, „выходцы Оршанскаго и Витебскаго уѣздовъ“ [4]). По переписнымъ книгамъ XVII в., въ Верейскомъ у. „изъ 600, приблизительно, дворовыхъ людей на долю литовскихъ полонянниковъ приходится около 100 человѣкъ“ [4]). Въ Повельскомъ стану Дмитровскаго у. въ 1684—86 гг. на 155 дворовыхъ людей было 54 полонянинка [4]). Извѣстія о полоняникахъ попадаются также въ книгахъ по Клину 1678 и 1685 гг., Можайску 1678 г., Москвѣ 1678 г. [5]). Намъ уже извѣстны „бѣлорусцы крестьяне“, въ

---

[1]) Карта Н. М. Каринскаго; В. И. Чернышевъ въ Матер. VII. с. 308.

[2]) Каринскій, тамъ же, с. 13.

[3]) Собраніе госуд. грам. и догов. I, № 21 и 22.

[4]) Готье, Замосковн. край въ XVII в. 295.

[5]) Тамъ же, с. 296.

количествѣ 1150 человѣкъ поселенные Морозовымъ въ 29 селеніяхъ Звенигородскаго у.; послѣ эти „бѣлорусцы" были переселены въ Нижегородскій край, но и отъ нихъ могли остаться нѣкоторые слѣды.—Стоитъ еще отмѣтить, что въ Московской губ. 5 селеній носятъ имена „Ляхово" и 4—„Литвиново"; не исключена возможность, что нѣкоторыя изъ нихъ получили свои названія по поводу тѣхъ же полоняниковъ.

§ 198. Въ настоящее время въ говорѣ мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу и къ западу отъ гор. Москвы, равно какъ и въ самой Москвѣ, м. к нѣтъ. Но въ старину, повидимому, черта эта была распространена здѣсь гораздо шире. Можайская грамота 1500 г. (см. выше § 12, п. 1) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что на рубежѣ XVI в. въ старомъ Можайскомъ, нынѣ Рузскомъ у. м. к было извѣстно, — хотя теперь этой черты тамъ нѣтъ.—О существованіи м. к въ говорѣ гор. Москвы XVI-го вѣка могутъ свидѣтельствовать приведенные нами выше (§ 12, п. 3 и 4) акты 1517 и 1521 г., писанные, повидимому, Московскими писцами. Въ пользу того же предположенія свидѣтельствуетъ современный говоръ Пустозерска на Печорѣ, куда м. к и аканье могло быть занесено только изъ Москвы XVII в. (см. выше § 143). Точно также на Сить Моложскаго у. м. к принесли, вѣроятнѣе всего, Московскіе „хамовники", переселенные туда въ XVI или въ XVII в. (§ 170). Наконецъ, обиліе въ Москвѣ дѣтей боярскихъ, говоръ коихъ, — судя по современному однодворческому говору южновеликорусскихъ губерній, — характеризовался присутствіемъ м. к, также свидѣтельствуетъ въ пользу предположенія, что въ старой Москвѣ эта черта была обычною и даже модною.

Исчезновеніе м. к въ говорѣ Можайскаго у. и другихъ мѣстностей къ западу отъ Москвы легко объясняется тѣмъ, что эти мѣста наиболѣе пострадали въ смутное время, когда Можайскій уѣздъ запустѣлъ почти совсѣмъ [1]). Вслѣдствіе сильнаго разоренія и даже запустѣнія всей сѣверо-западной окраины тогдашняго Московскаго государства, здѣсь усилилось сѣв.-западное теченіе колонизаціи, особенно выпукло выразившееся въ массовомъ выходѣ ко-

[1]) Готье, Замосковн. край, 226.

реловъ изъ-за Свѣйскаго рубежа. Это сѣв.-западное теченіе колонизаціи шло какъ разъ навстрѣчу волнѣ м. к, которая направлялась изъ Москвы, какъ изъ центра, во всѣ стороны. Вотъ почему на сѣверо-западѣ этотъ центръ м. к оказался такъ близко къ периферіи.

Что же касается говора гор. Москвы, то исчезновеніе въ немъ интересующей черты еще болѣе естественно; въ культурномъ центрѣ, конечно, господствовали въ разное время различныя модныя теченія; мода на м. к отжила, смѣнившись другою; въ крайнемъ же случаѣ черту эту должна была уничтожить общая нивелировка городского говора.

Москву приходится признать исходнымъ пунктомъ распространенія м. к по всѣмъ почти великорусскимъ говорамъ. Зародившись гдѣ-то около Коломны или Рязани, черта эта была скоро усвоена любившею модничать Москвою, въ частности—Московскими дѣтьми боярскими. Эти послѣдніе, ставъ во главѣ военно-служилаго сословія степной украины, привили эту черту почти всѣмъ служилымъ людямъ (предкамъ нынѣшнихъ однодворцевъ), при посредствѣ коихъ она распространилась во всѣхъ почти южно-великорусскихъ губерніяхъ; м. к, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чертами говора, считалось отличительнымъ признакомъ военно-служилаго сословія, вслѣдствіе чего распространялось особенно быстро, черезъ сознательное подражаніе.—На сѣверо-востокъ же Европы м. к было унесено колонизаціонными волнами.

Переходъ м. к изъ предполагаемой его колыбели (Коломны или Рязани) въ Москву не удивителенъ: политическій и культурный центръ всегда, конечно, имѣлъ связи съ другими краями, тѣмъ болѣе — съ такъ къ нему близкими. Но этотъ переходъ, особенно же столь большой успѣхъ перенесеннаго на новое мѣсто явленія, будетъ для насъ понятнѣе, если связать его съ тѣми процессами, на почвѣ коихъ произошелъ также и переходъ м. к изъ южно-великорусскихъ акающихъ говоровъ въ сѣверно-великорусскіе окающіе. Подъ напоромъ татарскихъ набѣговъ, южно-великоруссы прихлынули изъ степей къ берегамъ Оки, сильно сгрудились на ея берегахъ, осо-

бенно же на сѣверномъ, Московскомъ, берегѣ, какъ болѣе безопасномъ, и, оставаясь здѣсь довольно продолжительное время, разбрелись и разселились въ междурѣчьѣ между Окой и Клязьмой (или, б. м., даже между Окой и Волгой), занявъ всѣ мѣста, гдѣ только было можно. Москву и ея окрестности южно-великоруссы должны были въ это время прямо заполнить. На этой почвѣ произошла страшная перетасовка двухъ различныхъ группъ населенія, слѣдствіемъ коей были значительныя взаимныя культурныя вліянія въ языкѣ и бытѣ. Во Владимірской губерніи остались южновеликорусскія поневы и низкія наземныя хаты, а въ Рязанскую и Орловскую губ. занесены сѣверно-великорусскія высокія избы на подклѣтахъ и т. п. При этомъ-то смѣшеніи двухъ разныхъ группъ населенія м. к, какъ мы предполагаемъ, проникло изъ южновеликорусскихъ говоровъ въ сѣверно-великорусскіе, а также и упрочилось, на продолжительное время, въ гор. Москвѣ.

Главныя положенія.

1. Неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ никогда не было племенною чертою, т. е. не было свойственно всѣмъ великоруссамъ или всѣмъ вятичамъ и т. п., какъ таковымъ. — Появившись не ранѣе XV-го столѣтія, названное діалектическое явленіе распространилось въ разныхъ говорахъ, какъ черта культурная и модная.

2. Неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ появилось впервые въ южно-великорусскомъ, акающемъ говорѣ, вѣроятно, гдѣ-нибудь около Коломны или Рязани. Проникновенію этой діалектической черты въ сѣверно-великорусскіе, окающіе говоры много способствовалъ приливъ (въ XV — XVII вв.) тѣснимаго крымцами и ногаями населенія изъ южно-великорусскихъ степей къ р. Окѣ и въ мѣстности на сѣверъ отъ Оки, когда въ междурѣчьѣ между Окой и Волгой произошло смѣшеніе южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ элементовъ. Отчасти вслѣдствіе того же самаго прилива населенія съ юга на сѣверъ, а отчасти и вслѣдствіе общаго смѣшаннаго характера своего населенія, Москва довольно рано усвоила указанную діалектическую черту и, въ качествѣ политическаго и культурнаго центра, немало способствовала перенесенію этой черты съ юга на сѣверъ.

3. Въ южно-великорусскихъ говорахъ неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ распространили главнымъ образомъ военно-служилые люди (предки однодворцевъ), заимствовавшіе эту діалектическую черту отъ дѣтей боярскихъ. Здѣсь это была черта сословнаго говора, и распространенію ея много содѣйствовало сознательное подражаніе низшихъ разрядовъ сословія (прибор-

ныхъ военно-служилыхъ людей) высшему разряду (дѣтямъ боярскимъ). Одновременно съ говоромъ дѣтей боярскихъ низшими разрядами военнослужилаго сословія усвоивался и Московскій дворянскій костюмъ (см. § 21).

4. Другія пути распространенія неорганическаго и непереходнаго смягченія задненебныхъ были общими для юга и сѣвера: а) Промышленное (особенно коноводческое и бурлаческое) движеніе по большимъ рѣкамъ; въ бурлацкихъ артеляхъ на Волгѣ происходило непосредственное столкновеніе южно-великоруссовъ съ сѣверно-великоруссами (см. § 187).—б) Бѣжавшіе изъ Москвы и подмосковныхъ мѣстъ въ глухія лѣсныя мѣстности юга и сѣвера старовѣры, всегда и вездѣ почти поддерживавшіе связи съ Москвою и свято хранившіе Московскія традиціи во всемъ, между прочимъ и въ говорѣ (срв. §§ 98, 151 и др.). — в) Отхожіе промыслы (срв. §§ 167, 158 и др.).—г) Разнаго рода позднѣйшія переселенія крестьянъ (см. §§ 136—141), въ частности — переводъ помѣщиками Тульскихъ и иныхъ крѣпостныхъ крестьянъ на Уральскіе заводы (§ 192).

5. На сѣверѣ, кромѣ перечисленныхъ факторовъ, очень много сдѣлало колонизаціонное теченіе, двигавшееся изъ Ростовско-Суздальской области на Сухону, а оттуда на Вятку.

6. На сѣверо-западѣ Европейской Россіи, въ Тверской губерніи и около ея, возобладалъ въ XVI—XVII-мъ вѣкахъ ходъ колонизаціи съ сѣверо-запада, явившійся слѣдствіемъ сильнаго опустошенія этого края въ смутное время. Вслѣдствіе этого здѣсь область распространенія говоровъ съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ сократилась противъ прежняго (§ 198).

7. Старыя Новгородскія колоніи (Архангельская и Олонецкая губерніи, востокъ Вологодской губ.) и старыя Суздальскія колоніи (Нижегородская и, частью, Казанская губ.) совсѣмъ не знаютъ говоровъ съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ: на ихъ прежней родинѣ этой діалектической черты совсѣмъ не было.

8. Въ распредѣленіи южно-великорусскихъ говоровъ географическій принципъ имѣетъ весьма мало значенія: рядъ общихъ явленій говоры эти переживали еще въ то время, когда географическое расположеніе ихъ было со-

всѣмъ инымъ. Принципъ сословный имѣетъ здѣсь нѣсколько бо́льшее значеніе: многіе мелкіе говоры (напр. однодворцевъ, частью—монастырскихъ крестьянъ, помѣщичьихъ крестьянъ, мѣщанъ, казенныхъ кузнецовъ, майданниковъ) обособились на сословной почвѣ.—Въ образованіи сословнаго однодворческаго говора (и костюма) участвовали три главныхъ фактора: а) Москва (черезъ посредство дѣтей боярскихъ), б) полѣсья—западное, Орловско-Калужское, и особенно восточное, Рязанское,—хранившія старую степную культуру, и в) Литва (черезъ посредство выходцевъ изъ-за западнаго рубежа). — Въ губерніяхъ подмосковныхъ однодворческій говоръ — съ его диссимилятивнымъ аканьемъ, кагоканьемъ (сохраненіемъ звука *г* въ род. пад. прилагательныхъ именъ) и преобладаніемъ формъ 3 л. ед. ч. глаголовъ безъ окончанія -ть — успѣлъ уже исчезнуть подъ позднѣйшимъ Московскимъ культурнымъ вліяніемъ.

9. Происходившее въ исторіи Россіи не одинъ разъ (послѣдній разъ въ XV—XVI вв.) запустѣніе южно-великорусскихъ степей оказало весьма большое вліяніе на картину распространенія и взаимоотношеніе отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, и діалектологамъ необходимо съ этимъ обстоятельствомъ считаться.

10. Западные полоняники XVI—XVII вв. и добровольные выходцы изъ-за западнаго рубежа того же времени, сохраняющіе кое-гдѣ особенности своего стараго говора (дзеканье; § 182), также оказали нѣкоторое вліяніе на картину великорусскихъ говоровъ.

11. Произношеніе *с* вмѣсто *ц* въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ (§ 81) — черта не племенная, а позднѣйшая, распространившаяся культурнымъ путемъ у прежнихъ цокальщиковъ.

Сокращенія.

АГО.	Рукописи, хранящіяся въ ученомъ архивѣ И. Р. Географическаго Общества.
б. ч.	большею частью или: большая часть.
Библ. Ак. Н.	Рукописи, хранящіяся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки И. Академіи Наукъ (т. наз. бумаги И. И. Срезневскаго).
влад.	владѣльческое, помѣщичье.
вм.	вмѣсто.
Г. В.	(предшествуетъ названіе губерніи). Губернскія Вѣдомости.
каз.	казенное, государственное.
Кр. прогр.	Сообщенія разныхъ лицъ (гл. обр. учителей и священниковъ), полученныя въ отвѣтъ на краткую программу И. Акад. Наукъ; частью напечатаны въ Тр. М. Діал. Комиссіи.
м. к	мягкое к, т. е. неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ.
м. т, м. ц	мягкое (палатальное) т, ц.
Матер.	Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ, вып. I—IX. См. Сборн. II-го Отдѣл. И. А. Н., т. 87, гдѣ 9-й выпускъ, а на стр. 248 (прим.) библіографія первыхъ 8-и выпусковъ. Тутъ напечатаны отвѣты на полн. прогр. И. А. Н.
Прогр.	Сообщенія разныхъ лицъ, полученныя въ отвѣтъ на полныя программы И. Ак. Наукъ. Частью напечатаны въ Матер.
Р. Ф. В.	Русскій Филологическій Вѣстникъ.
т. к.	такъ какъ.
ТрМДК.	Труды Московской Діалектологической Комиссіи.
у.	уѣздъ.

Прочія сокращенія понятны безъ объясненій.

Діалектическія формы и свѣдѣнія, при которыхъ источникъ не указанъ, записаны авторомъ въ разное время.

Цифра (съ № или безъ №) послѣ собственнаго географическаго имени означаетъ нумеръ, подъ коимъ отмѣчено данное селеніе въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ“, изданныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ; въ этихъ Спискахъ имѣются свѣдѣнія о мѣстоположеніи селенія, а также о составѣ и численности мѣстнаго населенія.

Указатели главныхъ предметовъ *):

1. Лингвистическій указатель.

Аканье въ Воронежскомъ актѣ 1631 г. 12 (с. 27);—въ говорахъ Вятской губ. 154 (с. 414), 155 (с. 418), 156 (с. 423) и 157 (с. 424); — *типъ аканья* у Обоянскихъ однодворцевъ 49; — *аканье* въ Пермской губ. 192 (с. 524),—въ Пустозерскѣ Архангельской губ. 143 (с. 364),—въ Судогдѣ 180 (с. 483).

Ассимиляція прогрессивная 4 (с. 8—9)

в изъ *л* 163 (с. 443).

Вокализмъ Владимірскій и Новгородскій 184 (с. 499 и слѣд.).

Вѣтровъ названія 144 (с. 371).

г взрывное и фрикативное въ Медынскомъ уѣздѣ 87 (с. 240);—*г* палатальное изъ йота 6; — *г* сохраненіе въ род. пад. прилагательныхъ и мѣстоименій—см. кагоканье.

Говоръ бурлаковъ 187 (с. 511),—Владимірскій и Новгородскій 184,—Двинской съ неслоговымъ у 163,—дворовыхъ въ Владимірской губ. 32 (с. 102),—заводовъ на Уралѣ 150,—*казаковъ* Волжскихъ 140 (с. 356), Гребенскихъ 140 (с. 357), Донскихъ 139,—казаковъ некрасовцевъ 140,—казаковъ Новосильскихъ 104, — казенныхъ крестьянъ Переяславскаго уѣзда 173,—казенныхъ крестьянъ Рязанской губ. 121,—„кореловъ“ Калужской губ. 86, — *мѣщанъ* Воронежской губ. 32 и 37 (с. 99 и 107), — мѣщанъ Курской губ. 47 и 49 (с. 128 и 130),—мѣщанъ Калужской губ. 89 и 91 (с. 246, 249—250),—мѣщанъ Тульской губ. 104 (с. 276);—Новгородскій и Владимірскій 184; — *однодворцевъ* 20 (с. 52 — 54), 29, 50—51; — офеней 177 (с. 477); — *полѣховъ* Калужскихъ 85, полѣховъ Курскихъ (горюновъ) 44, полѣховъ Новосильскихъ 105, полѣховъ Орловскихъ 80;— *помѣщичьихъ крестьянъ* въ Веневѣ 112, помѣщичьихъ Воронежской губ. 28, 30, 32, помѣщичьихъ Калужской губ. 88, помѣщичьихъ Курской губ. 48, 53, помѣщичьихъ Новосильскаго у. 106, помѣщичьихъ Переяслав-

*) Въ указатели вошли только тѣ категоріи, по которымъ сдѣланы замѣчанія обобщающаго характера или же дана группировка фактовъ.— Цифры, передъ которыми нѣтъ буквы *с.* (= страница), означаютъ параграфъ.

скаго у. 173 (с. 471), помѣщичьихъ Рязанской губ. 121, 125;—саяновъ 56,—сицкарей 170,—*сословій* 25,—старовѣровъ 98, 151 (с. 399);—стародубовъ 179 (с. 481), 181 (с. 485), 182;—удѣльныхъ крестьянъ Меленковскаго у. 181 (с. 486);—цукановъ 24, 28, 29.

Двина Сѣверная (имя рѣки) 144 (с. 372).

Дзеканье сѣверно-великоруссовъ 170, 182; срв. 167 (с. 453);—въ Курской губ. 44 (с. 122).

Дотъ вм. дочь 182 (с. 489).

Дѣепричастій формы на я 9 (с. 16).

е не смягчаетъ согласной у великоруссовъ 59 (с. 151), 85 (с. 232), 107 (с. 285), 114 (с. 300);—*е* предъударное переходитъ въ jo во Владимірскомъ говорѣ 184 (503—504);—é подъ удареніемъ дало я (ляхче) 158 (с. 427 — 428).

Звательнаго падежа формы на -е 9 (с. 17), 12 (с. 25), 144 (с. 370).

Звонкихъ сохраненіе въ исходѣ слова 97 (с. 262), 179.

и несмягчающее—см. *е* не смягчаетъ.

к мягкое (неорганическое смягченіе к) вымираетъ 89 (с. 247), 172 (с. 468), 198 (с. 530); — перешло въ *т* 8, 40 (с. 110), 55, 74 (с. 195), 77, 89 (с. 247), 109 (с. 290), 125, 164—166, 172—173 и др.;—доведено до абсурда 54 (с. 139), 123 (с. 321); — не смягчается послѣ ч 5 (с. 10), 91 (с. 251), 93, 139 (с. 355), 166 (с. 450); — законъ его 5; перешло съ юга на сѣверъ 198 (с. 531—2); — по аналогіи 9; у малоруссовъ и бѣлоруссовъ 10. См. еще оглавленіе.

Кагеканье въ Воронежской губ. 39 (с. 108), — въ Курской губ. 47 и 49, — въ Новгородской губ. 187 (с. 513), — въ Орловской губ. 78 и 80 (с. 211 и 217), — въ Рязанской губ. 121 (с. 316) и др. Срв. „ягуны“ и „ягутки“ въ этнографическомъ указателѣ.

л дало *в* и у неслоговое 159—163 (с. 443 и др.); — *л мягкое* (европейское) 72 (с. 191).

Малорусскіе говоры въ Путивльскомъ у. 45.

Наслѣдственность говора 145 (с. 374, примѣч.).

Оканье въ южно-великорусскихъ губерніяхъ 24 (с. 70), 37, 64, 75, 76, 78 (Орловская губ.), 109, 112, 115 (Тульск. губ.), и др.

Окончаніе прилагательныхъ на -эй 9 (с. 15), 13 (с. 30), 186 (с. 507), 193 (с. 524, прим. 1). — *Окончаніе 3 л. ед. ч. глаголовъ* въ Курской губ. 47.

Палатализація задненебныхъ первая и вторая 4 (с. 9—10), 11 (с. 20 и слѣд.).

Палатальность звука *г* 6,—*х* 7, *р* 54 (с. 138, 140, 141).

Петъ вм. печь 182 (с. 389).

Подраженіе сознательное, какъ факторъ измѣненія говора 17 (с. 43—44), 139 (с. 354), 140 (с. 356), 147 (с. 386).

р мягкое 54 (с. 138, 140, 141).

Секанье (*с* изъ *ц*) 57, 75 (с. 202), 81, 85 (с. 232), 105.

Степени превосходной и сравнительной формы 9 (с. 16—17).

Стольне(и), тольне(и) 9 (с. 18), 13 (с. 31—32), 186 (с. 507) и др.

т мягкое дало *ч* 10 (с. 19).

у неслоговое въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ 190 (с. 517—518);

въ Вологодской губ. 159, 163; въ Вятской губ. 147 (с. 385), 149 (с. 392), 157 (с. 424).

„Уваканье" 174 (с. 474).

Угра—*граница говоровъ* 93.

х мягкое 7.

ц дало *с*—см. соканье.

Цеканье (ц изъ т) 44 (с. 121), 182.

Цеканье (ц изъ ч) въ Воронежской губ. 32 (с. 101), 40;—въ Калужской губ. 88; — Мещеры 136 (с. 345); — Новосильскихъ казаковъ 104 (с. 279);—цукановъ 28.

Чеканье (ч изъ ц) безъ цоканья 147.

Что (произношеніе этого мѣстоименія) 27 (с. 80); срв. щекуны въ этнографическомъ указателѣ.

Шелóвникъ (названіе юго-западн. вѣтра; срв. вѣтры) 143 (с. 368), 144 (с. 371), 187 (с. 510).

ы звука лабіализованное произношеніе 11 (с. 21—22).

я дало *е* въ Тарусскомъ говорѣ 92;—*я* ударенное изъ *ѣ* 158 (с. 427—428); — *я* предъударное сохраняется во Владимірскомъ говорѣ 184 (с. 503—4).

2. Этнографическій указатель.

Военно-служилое *сословіе* 16—19.

Гагары (кличка) 155 (с. 416).

Гáлманы (кличка однодворцевъ) 27 (с. 78—79); 100 (с. 269).

Головные уборы 21 (с. 54), 24 (с. 71—72); — рогатые 21 (с. 56 и 57) и др.

Горюны 44.

Дѣти бояровіе 16, 18.

Жёки (кличка) 52 (с. 136).

Жилище бѣлорусское 68 (с. 181), — степное во Владимірской губ. 180 (с. 484), 183 (с. 497),—Воронежской губ. 43 (с. 117),—Калужской губ. 84 (граница двухъ типовъ: с. 230—231), 86 (с. 237),—Курской губ. 60,—Новосильскихъ казаковъ 103,—однодворцевъ 22,—полѣховъ Орловской губ. 68 (с. 180—182),—Рязанской губ. 122.—Ср. шолниша.

Западные выходцы и полонянники 18 (с. 46—48), въ Веневѣ 112 (с. 298), въ сѣверно-великорусскихъ губерніяхъ 182 (с. 492—3), въ Гуслицѣ 197 (с. 529).—Срв. паны.

Запустѣніе южно-великорусскихъ степей 14.

Зекуны (кличка) 52 (с. 136).

Землевладѣніе четвертное у однодворцевъ 17 (с. 41—42).

Имена географическія, какъ источникъ для изслѣдованія колонизаціи 2 (с. 5—6).

Индюки (кличка однодворцевъ) 100 (с. 269).

Іонки (группа однодворокъ Воронежской губ.) 29 и 31 (с. 94 и 96).

Казаки 17 (с. 43);—*казаки городовые* 17 (с. 42), 120 (с. 312), — Гребенскіе 140 (с. 357), — Донскіе 28 (с. 81), 139 (с. 352), — Некрасовцы 140, — Новосильскіе 101—104,—Уральскіе 140.

Казюки (оружейники казенные въ Тулѣ) 111 (с. 295).

Карамыши Калужской губ. 87.

Кички—см. головные уборы.

Колонизація: общій ходъ ея въ связи съ подсѣчною системою земледѣлія 142;—*колонизація монастырская* 28, 129 (с. 334), 151 (с. 396), 163 (с. 440), Новгородская 144, правительственная (въ степи) 16.—*Колонизація* Архангельской губ. 144 (с. 372), Вологодской губ. 163, Воронежской 28, 29, Вятской губ. 146, 153—154 (с. 407 и 416), 156, 158 (с. 426), Епифанскаго у. 115 (с. 303), Новгородской губ. 187, Пермской губ. 192 (с. 521), Пустозерска 143 (с. 365), Тверской губ. 194, Ростовскаго края 171 (с. 467), Рязанской губ. 119—120, Сибири 192 (с. 522—3), Судогодскаго у. 180 (с. 484), сѣвера 142, Тамбовскаго края 129, Терека 140 (с. 357), Ярославской губ. 171 (с. 466).

Коннозаводскіе крестьяне Рязанской губ. 120—122.

Корелы Калужской губ. 86, выходцы изъ-за Шведскаго рубежа 171 (с. 466).

Линіи сторожевыхъ городовъ въ степи 16 (с. 37 и слѣд.).

Ляхи (кличка) 178 (с. 479).

Маканки 107.

Монастырскіе крестьяне 15 (с. 36),—въ Бѣлевскомъ у. 107.—въ Воронежской губ. 28,—въ Калужской губ. 88 (с. 245), въ Коротоякскомъ у. 28 (с. 81 и слѣд.), въ Орловской губ. 65, въ Рязанской губ. 120 (с. 314).

Одежда бѣлорусская 21 (с. 60), великорусская 21 (с. 54 и слѣд.), южновеликорусская. на сѣверѣ 183 (с. 497).—*Одежда* Богородицкаго у. 109 (с. 291),—Гамаюнщины (Калужскаго у.) 88 (с. 244),—горюновъ (Курскихъ) 44,—казаковъ Новосильскихъ 102,—казенныхъ крестьянъ Рязанской губ. 122,—кореловъ Калужской губ. 86 (с. 237),—въ Коширскомъ у. 110 (с. 293),—монастырскихъ крестьянъ Тамбовской губ. 130 (с. 337).—*Одежда однодворцевъ* 21,—однодворцевъ Воронежской губ. 31 и 43,—Курской губ. 60,—Орловской губ. 62,—Рязанской губ. 21,—Тамбовской губ. 130 (с. 337),—Тульской губ. 100.—*Одежда полѣховъ* Калужскихъ 84,—полѣховъ Орловскихъ 67.—*Одежда помѣщичьихъ* крестьянъ 24,—помѣщичьихъ Воронежской губ. 43,—Рязанской губ. 122,—Тамбовской губ. 130 (с. 337).—*Одежда саяновъ* 56, 60 (с. 151),—цукановъ 24, 28,—Чернскаго у. 117 (с. 306).

Цвѣтъ **одежды**: бѣлый 67 (с. 169), 84 (с. 227—8); красный 67 (с. 174), 75 (с. 203); сѣрый 67 (с. 174), черный 109 (с. 291) и др.—Срв. понева, сарафанъ, юбка, головные уборы.

Однодворцы 17—20; имя ихъ 17 (с. 41);—Воронежской губ. 26, 27, 29, 31, 43;—Курской губ. 46;—Орловской губ. 61—63;—Пензенской губ. 136;—Рязанской губ. 120—122;—Саратовской губ. 137 (с. 347);—Тамбовской губ. 129—130;—Тульской губ. 99—100.

„Паны" Лукояновскаго у. 182.

Переселенія народныя 142 (с. 362).

Полѣхи 15;—Калужскіе 83—85;—Курскіе 44;—Орловскіе 66—69.

„Поляне" Калужской губ. 83—84 (с. 224—226).

Помѣщичьи крестьяне Калужской губ. 88,—Курской губ. 58,—Орлов-

ской губ. 61, 64, 75,—Рязанской губ. 120—122,—Тульской губ. 100.—Срв. цуканы.

Понева (понька) 21 (с. 55);—во Владимірской губ. 180 и 183 (с. 480 и 497);—въ Воронежской губ. 43;—въ Коширскомъ у. 110 (с. 293);—въ Московской губ. 21 (с. 55), 197 (с. 528);—въ Орловской губ. (гдѣ особый типъ) 67.

Присловья-прозвища 2 (с. 4—5).

Сарафанъ 21 (с. 55).

Саяны Курской губ. 56—57.

Севрюги въ Курской губ. 44 (с. 121).

Сицнари Моложскаго у. 170 (с. 459).

Сословія, какъ носители говоровъ 25. Срв. военно-служилое сословіе, однодворцы и др.

Старовѣры 23 (ихъ нѣтъ среди однодворцевъ); 98 (с. 264—5); 151 (с. 399).

Стародубы Владимірской губ. 179, 181—182 (с. 485, 487, 488, 491, прим.).

Степняки Орловской губ. 66 и 69.

Талагаи (кличка однодворцевъ) 27 (с. 77).

Телѣга Орловскихъ полѣховъ 68.

Уборы головные—см. Головные уборы.

Цвѣтъ одежды—см. Одежда.

Цуканы (поздніе переселенцы въ степь) 24;—въ Воронежской губ. 28—29 (с. 80—87);—въ Курской губ. 57—58;—въ Орловской губ. 64 (с. 160), 72 (с. 192).

Шолниша 143 (с. 367).

Шувалики Верейскаго у. 197 (с. 528); срв. 88 (с. 243).

Щенуны (кличка однодворцевъ) 20 (с. 53), 27 (с. 79—80), 31 (с. 95).

Юбка (происхожденіе ея) 21 (с. 59—60).

Ягуны 27, 31, 80 (с. 217). Срв. кагоканье.

Ягутки (кличка южновеликорусскихъ бурлаковъ) 187 (с. 512—513).

ОПЕЧАТКИ.

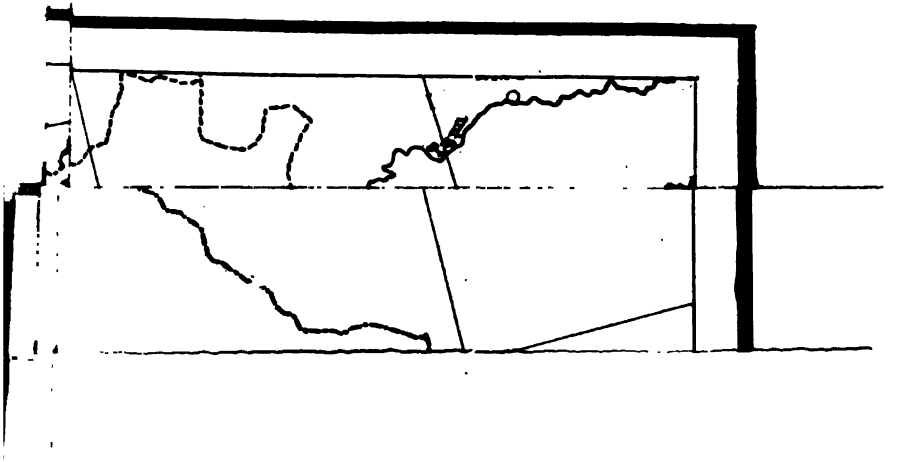
Стран.	*строка*	*напечатано:*	*должно быть:*
15, примѣч.	3 снизу	и т. д.-,	и т. д.),
67	4 послѣднихъ	сноски 4) 5) 6) 7)	перепутаны 3) 4) 5) 6)
68	13 сверху	баре“	баре
128	2 снизу	Е. Рязанова	Е. Рѣзанова
165	5 сверху	Десну	Десны
432	19 снизу	вм. в здѣсь	вм. ѧ здѣсь

Замѣчанія къ картѣ.

На прилагаемую карту не вошли слѣдующія мѣстности, въ говорѣ которыхъ извѣстно м. к: 1) Пустозерскъ Архангельской губ. (§ 143); 2) Кежма Енисейской губ. и другія селенія Сибири, а также востока Пермской губ. (Ирбитскаго и Шадринскаго уѣздовъ) (§ 192), 3) сѣверный Кавказъ (§ 140).

Краской закрашены на картѣ не только тѣ мѣстности, гдѣ м. к отмѣчено наблюдателями, но также и тѣ, гдѣ присутствіе м. к въ говорѣ необходимо предполагать.

Селенія, въ говорѣ коихъ отмѣчено м. к, означены на картѣ точками; тѣ селенія, въ говорѣ коихъ отмѣчено отсутствіе м. к, означены крестиками; города означены кружками независимо отъ того, извѣстно или неизвѣстно въ говорѣ даннаго города м. к.



FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

12Oct'55PW
IN STACKS
SEP 28 1955
JAN 8 0 1956 LU
3May56PL
IN STACKS
APR 19 1956
MAY 8 1956 LU
17Oct59GM
REC'D LD
OCT 7 1959

LD 21-100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley

YC 16751

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C043187732

907369

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY